

А. К. Поливанова — лингвист. По окончании ОСиПЛ МГУ (1967) оставлена при кафедре, где сразу же начала преподавать. Первые шаги в науке проходила под непосредственным руководством А. А. Зализняка и И. А. Мельчука. В разное время сотрудничала со многими отечественными математиками. Пройдя в университетские годы обучение под руководством Ю. А. Шихановича, А. Д. Вентцеля и В. А. Успенского, продолжила математическое образование в области алгебры и логики (А. Л. Семенов, В. Б. Шехтман). Основные исследовательские интересы — теория грамматики (от фонологии и морфонологии до синтаксиса и семантики). В немногих лаконичных, но емких публикациях она предлагает и развивает оригинальный исследовательский аппарат (см. работы о выборе русского вида и числа, формальной семантике отдельных лексем, принципах лексикографического описания слов); в 2013 вышла в свет фундаментальная монография *Старославянский язык. Грамматика. Словари*.

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ

Сборник статей в честь 75-летия
А. К. Поливановой

2020

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ

FRIENDS, WORDS, TABLES

Festschrift for the 75th birthday of
Anna Polivanova

Edited by A. Keidan

INTERBOK

Stockholm

2020

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ

Сборник статей в честь 75-летия
А. К. Поливановой

Под редакцией А. В. Кейдана

КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ

Москва – Екатеринбург

2020

УДК 81+82

ББК Ш1

Д 76

Д 76 Друзья, слова, таблицы: сборник статей в честь 75-летия А. К. Поливановой / под ред. А. В. Кейдана. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. — XVIII+502 с. : ил.

ISBN 978-5-6044025-3-5

Сборник включает статьи по широкому кругу вопросов, связанных с языкознанием, — от экспериментальной фонетики до теоретической фонологии, от общей и исторической лингвистики до филологии и литературоведения, от логики до семантики и лексикографии. Статьи приурочены к 75-летнему юбилею А. К. Поливановой. Заключает сборник подборка мемуарных материалов.

Адресовано лингвистам и всем, кто интересуется проблемами языка и семантики.

УДК 81+82

ББК Ш1

© Авторы, 2020

© Interbok, 2020

Книга издана при финансовой поддержке
Университета Сapiенца, Рим, Италия

This book has been published with financial assistance
of Sapienza University of Rome, Italy

ОГЛАВЛЕНИЕ

A. B. Кейдан

От составителя — XI

Список авторов — XIII

ЧАСТЬ I СТАТЬИ

П. М. Аркадьев

Опыт парадигматического описания готского языка — 1

Л. А. Блюменфельд / L. Blumenfeld

**Взаимодействия сегментных преобразований в абстрактной
грамматике — 50**

Е. В. Бречалова

О линеаризации актантов в корейском предложении — 62

А. Д. Вентцель / A. Wentzell

Нечто о математической лингвистике и о лингвистике. II — 80

В. И. Гавrilova

**Переходность, залог и энергетика процессов изменения
неодушевленных субстанций — 114**

А. Ди Манно / A. Di Manno

Закон Вакернагеля в старославянском языке — 132

И. С. Добровольский

**Орфография редуцированных в славяно-русских рукописях:
принципы описания — 143**

Л. Л. Иомдин

**Ни при чем: об одной микросинтаксической конструкции
с отрицанием — 160**

И. Б. Иткин

Взыскую истины: опыт о глаголе *взыскать* — 169

А. В. Кейдан / A. Keidan

**Грамматическая типология и эффективность сравнительных
конструкций — 179**

Л. Е. Коган / L. Kogan

Этюды по эблайтской грамматике — 209

О. Ф. Криевнова, К. А. Патрикеева

**Методы делексикализации речевого сообщения, их тестирование
и оценка результатов — 222**

Л. И. Куликов / L. Kulikov

**Ориентированность, асимметрия и неизоморфизм в грамматике:
к постановке проблемы — 240**

И. А. Мельчук / I. Mel'čuk

**Статья как статья: писать так писать! О синтаксических
идиомах — 259**

Е. В. Муравенко

**Русские производные предлоги: препозиция, постпозиция,
циркумпозиция — 279**

И. С. Пекунова

О двухвариантности склонения в славянских языках — 295

М. Р. Пентус

**О преподавании математической логики будущим
лингвистам — 317**

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина

А что? — 323

- Б. А. Равдин
К. Симонов, «К. Симонов» и К.С. в поднемецкой печати 1943–1944 гг. — 329
- Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус / *F. Rozhanskiy, E. Markus*
О норме в бесписьменных языках (на примере водского и ижорского) — 338
- З. Салони / *Z. Saloni*
Грамматическая система и ее словарное описание — 353
- С. Г. Татевосов
Заметки о русском виде: четыре конспекта — 365
- Р. Д. Тименчик / *R. Timenchik*
Об одном меме Ахматовой — 391
- О. В. Федорова
Чем занимается «настоящая» психолингвистика — 403
- К. А. Чанкальини / *C. A. Ciancaglini*
Косвенные свидетельства озвончения древнеиранского *-k- в среднеперсидском — 417
- Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев
Глагол жить и его производные: материалы к «Толково-словообразовательному словарю русского языка» — 437
- Н. М. Якубова
Грузинский глагол глазами начинающего — 457

ЧАСТЬ II МЕМУАРЫ

- М. М. Бурас, М. А. Кронгауз
Попытка оправдания — 487
- Г. Е. Крейдлин
Анне Константиновне к ее юбилею. Небольшое эссе — 491
- А. П. Лычагина
Об Аньюточке — 492

А. В. Кейдан

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Этот сборник подготовлен друзьями, коллегами и учениками Анны Константиновны Поливановой к ее 75-летию.

После долгих раздумий о том, как расположить собранные статьи, стало ясно, что друзей у АКП так много и занимаются они настолько разными темами, что единственное возможное решение — поставить статьи в алфавитном порядке. Так мы и поступили, обособив в сборнике два раздела: собственно статьи, а также мемуарные заметки в том жанре, который сама АКП однажды метко окrestила жанром «негрустных воспоминаний». Алфавитный порядок соблюдается внутри каждого из разделов. Фамилии авторов, работающих за границей, продублированы латиницей. Отдельным списком даны аффилиации авторов раздела *Статьи*.

Название книге мы постарались дать максимально емкое и звучное, дабы не наводить скуку на потенциального читателя юбилейным пафосом, но, с другой стороны, и не спугнуть его чрезмерным научообразием. Хочется надеяться, что непредикативная цепочка слов, вынесенных в заголовок, удачно описывает именно то, что дорого Анне Константиновне.

Во-первых, это люди: коллеги, учителя, ученики, читатели, одним словом — друзья. Одно из главных личных качеств АКП и как ученого, и как педагога — это умение внедрять научную точность и трезвость мысли не только в преподавательскую деятельность, но и в повседневное общение, в беседы «по душам». Часто получается, что тот порог, за которым уроки лингвистики переходят в уроки жизни, фактически стирается.

Во-вторых, — слова. Все, кто знаком с АКП, знают, с каким воодушевлением она любит и умеет спорить о словах: их узусе, этимологии, семантике, стилистике, орфоэпии, парадигматике. Не будь в мире слов, не суще-

ствовало бы ни лингвистики, ни филологии, ни логики, — т. е. именно тех научных дисциплин, которым посвящено большинство статей сборника.

И в-третьих, — *таблицы*, понимаемые как символ формального подхода к решению любой научной, да и не только научной, задачи. Процитируем высказывание самой АКП, взятое из предисловия ее *Старославянской грамматики*, — лучше, чем она сама, эту мысль не выразить:

Особо хочется подчеркнуть, что в предлагаемой книге — масса таблиц. Может быть, даже слишком много: чуть ли не в каждом параграфе по таблице, а в некоторых — по несколько. Конечно, табличные данные можно расположить в строчку; и я знаю, что некоторых читателей таблицы раздражают. Не секрет, что составлять таблицы тоже не всегда легко. Занимаясь составлением своих таблиц, я каждый раз вспоминала ироничное замечание своего учителя А. Д. Вентцеля: «Кажется, я все понял: лингвистика — это искусство строить таблицы». Для меня это замечание наполнено глубоким научным содержанием, раскрывающим ответ на назойливый вопрос о том, каковы же взаимоотношения между лингвистикой и математикой.

Заметим, что поздравительные формулировки не были регламентированы составителем: каждый автор решал сам, как именно, в какой форме и какими словами, выразить свое почтение Анне Константиновне. Думаю, что, как составитель, я могу подытожить общее настроение всех авторов простым ставленным пожеланием: Многая лета!

СПИСОК АВТОРОВ

Аркадьев, Петр Михайлович

Институт славяноведения РАН, Москва

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

alpgurev@gmail.com

Блюменфельд, Лев Александрович (Lev Blumenfeld)

Carleton University, Ottawa, Canada

lev.blumenfeld@carleton.ca

Бречалова, Евгения Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Российская академия народного хозяйства и государственной

службы, Москва

evbrechalova@gmail.com

Вентцель, Александр Дмитриевич (Alexander Wentzell)

Professor Emeritus, Tulane University, New Orleans, Louisiana, USA

alexander.wentzell@gmail.com

Гавrilova, Валентина Ивановна

Всероссийский институт научной и технической информации РАН,
Москва

vigavrilova123364@yandex.ru

Ди Манно, Андреа (Andrea Di Manno)
Sapienza Università di Roma, Italia
andrea.dimanno@uniroma1.it

Добровольский, Иван Сергеевич
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
imperfect@yandex.ru

Иомдин, Леонид Лейбович
Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН,
Москва
iomdin@iitp.ru

Иткин, Илья Борисович
Институт востоковедения РАН, Москва
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
iitkin@hse.ru

Кейдан, Артемий Владимирович (Artemij Keidan)
Sapienza Università di Roma, Italia
artemij.keidan@uniroma1.it

Коган, Леонид Ефимович (Leonid Kogan)
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
lkogan@hse.ru

Кривнова, Ольга Федоровна
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
okrivnova@mail.ru

Куликов, Леонид Игоревич (Leonid Kulikov)
Ghent University, Belgium
Leonid.Kulikov@UGent.be

Маркус, Елена Борисовна (Elena Markus)
University of Tartu, Estonia
Институт языкоznания РАН, Москва
helenmarkus@yahoo.com

Мельчук, Игорь Александрович (Igor Mel'čuk)

Professeur émérite, Département de linguistique et de traduction,
Université de Montréal, Québec, Canada

igor.melcuk@umontreal.ca

Муравенко, Елена Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
emuravenko@yandex.ru

Патрикеева, Ксения Александровна

ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
xenia.patrikeeva@gmail.com

Пекунова, Ирина Семеновна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
irapek@gmail.com

Пентус, Мати Рейнович

Механико-математический факультет МГУ, Москва
mpentus@yandex.ru

Плунгян, Владимир Александрович

Институт языкоznания РАН, Москва
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
plungian@iling-ran.ru

Равдин, Борис Анатольевич

Латвийское общество русской культуры, Рига, Латвия
ravdin@mailbox.online.lv

Рахилина, Екатерина Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
erakhilina@hse.ru

Рожанский, Федор Иванович (Fedor Rozhanskiy)

University of Tartu, Estonia
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
handarey@yandex.ru

Салони, Зигмунт (Zygmunt Saloni)
Uniwersytet Warszawski, Polska
zasaloni@uw.edu.pl

Татевосов, Сергей Георгиевич
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
tatevos@philol.msu.ru

Тименчик, Роман Давыдович (Roman Timenchik)
Professor Emeritus, The Hebrew University of Jerusalem, Israel
suzirom@gmail.com

Федорова, Ольга Викторовна
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
olga.fedorova@msu.ru

Чанкальини, Клаудия А. (Claudia A. Ciancaglini)
Sapienza Università di Roma, Italia
claudia.ciancaglini@uniroma1.it

Шмелев, Алексей Дмитриевич
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
shmelev.alexei@gmail.com

Шмелева, Елена Яковлевна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
eshkind@mail.ru

Якубова, Нина Манашировна
sdygr@mail.ru

ЧАСТЬ I
СТАТЬИ

П. М. Аркадьев

ОПЫТ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ГОТСКОГО ЯЗЫКА*

Анне Константиновне Поливановой, научившей меня парадигматическому взгляду на язык, с благодарностью

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Постановка задачи

Задача настоящей работы — предложить по возможности эксплицическое и полное описание словоизменения готского языка, выполненное в рамках полностью синхронного подхода к морфологии и морфонологии, разработанного в трудах А. А. Зализняка [Зализняк 1967; 1977] и дополненного идеями о формальной организации парадигматики и грамматических классов, высказанными в работах А. К. Поливановой [1990; 2001/2008; 2013], с учетом также новейших подходов к морфологической парадигматике в европейской и американской лингвистике (в частно-

---

* Первый вариант данной работы был написан в 2001 г., когда ее автор, только что самостоятельно изучивший готский язык, находился под непосредственным впечатлением от курсов «Старославянский язык» и «Повторительная грамматика русского языка», которые АКП вела у первокурсников факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ, и решил применить привитые АКП навыки морфологического анализа к новому материалу. Идея публикации этого развернутого студенческого упражнения пришла существенно позже. Несмотря на то, что основные идеи и предлагаемые решения остались неизменными, текст был полностью переработан с учетом новой литературы как по теоретической морфологии, так и в первую очередь по готскому языку.

сти, [Corbett 2009; 2012; Stump 2016]). Насколько мне известно, подобного описания до сих пор не существует, более того, такая задача никогда и не ставилась. В написанных в рамках младограмматического подхода описаниях [Wright 1910; Streitberg 1920; Mossé 1956; Гухман 1958], ориентированных в первую очередь на нужды германской и индоевропейской сравнительной грамматики, информация о словоизменениидается в традиционном виде примеров парадигм склонения и спряжения, а морфологическая классификация лексем опирается на классификацию индоевропейских основ, очевидно, не отражающую синхронного состояния именно готского языка; ср. также критику такого подхода в статье [Ratkus 2009]. Во многом те же соображения применимы и к новейшей грамматике готского языка [Miller 2019], изложение информации о словоизменении в которой отчасти даже менее систематическое, чем у предшественников.

Что касается немногочисленных доступных мне теоретических работ по готской морфологии, в частности, диссертаций [Buckalew 1964] и [Beade 1971], описывающих морфонологию и морфологию в духе ранних генеративистских подходов (ср. аналогичную попытку описания старославянской морфонологии в [Lunt 1974]), то они в первую очередь ставят и определенным образом решают задачу вывести все наблюдаемые формы из единственного глубинного представления с помощью набора морфологических, морфонологических и фонологических правил (впрочем, представление собственно словоизменительной информации в работе [Beade 1971] кажется близким к традиционному). Такая «элементно-процессная» модель морфологии, исходящая из того, что единственными объектами морфологического описания являются морфологические единицы (морфемы), их синтагматические сочетания и происходящие с ними процессы перехода от глубинного представления к поверхностному, применительно к языкам с развитой нефонологической алломорфией и парадигматическими классами оказывается скорее неадекватной и чрезвычайно громоздкой (неслучайно поэтому морфонологическое описание старославянского было исключено Г. Лантом из позднейших изданий грамматики, ср. [Lunt 2001]). В частности, в работе [Buckalew 1964] описание собственно словоизменительных морфем готского языка занимает лишь четыре страницы (69–71) и еще две страницы (81–82) занимает перечисление их алломорфов, в то время как значительная часть диссертации посвящена многочисленным правилам, описывающим происходящие с ними и другими морфемами (включая многочисленные нулевые морфемы) процессы (так, морфологические правила выбора алломорфов словоизменительных морфем описываются на с. 111–127 независимо для каждой морфемы). Еще одним важнейшим недостатком такой идеологии является неразличение ре-

гулярных и нерегулярных явлений и попытка описать их все в одних и тех же терминах (о необходимости противопоставления регулярных и нерегулярных словоформ и лексем см., в частности, [Поливанова 2013: 146–148, 480–483]). Так, например, [Buckalew 1964: 70, 73, 118] постулирует в качестве показателя 1Sg готских глаголов морфему {m}, которая затем стирается во всех формах, кроме заведомо уникального 1SgPrs глагола ‘быть’ *im*, которая имеет глубинно-морфологическое представление вида {uis₁} {i₂} {a₁} {m₂} [Buckalew 1964: 118], для обработки которого необходимо постулировать ряд уникальных морфологических и морфонологических правил.

В данной работе я стремлюсь к полному (в той мере, в какой это возможно применительно к заведомо ограниченному корпусу, ср. соображения на этот счет в работе [Snædal 2009]) и эксплицитному описанию, которое отражало бы внутреннюю логику самой готской словоизменительной системы и было бы по возможности приближено к наблюдаемым фактам. Это означает, в частности, отказ от постулирования чрезвычайно абстрактных глубинных представлений, из которых реальные формы получаются путем многочисленных преобразований, и, что принципиально, рассмотрение парадигматических различий, в первую очередь, алломорфии, как самостоятельного явления, требующего описания в пригодных для него терминах (см. об этом, в частности, [Carstairs 1987; Carstairs-McCarthy 1994; 2010; Stump 2016]). Ближе всего к принятой здесь идеологии находятся недавние работы А. Раткуса о морфологии готских прилагательных [Ratkus 2009; 2011; 2017].

Осмысленность постановки сформулированной здесь задачи определяется двумя соображениями. Во-первых, готский язык, как и любой другой, является вполне законным объектом синхронного лингвистического анализа и заслуживает рассмотрения как система, определяющаяся своими внутренними закономерностями. Плодотворность подобного рассмотрения «древнего» языка демонстрируют такие работы, как [Вайан 1952; Lunt 2001] и в первую очередь [Поливанова 2013] о старославянском, или [Зализняк 1978/2019] о санскрите, равно как и уже упомянутые немногочисленные работы о самом готском. Во-вторых, готский язык, в силу компактности, относительной простоты и одновременно разнообразия морфологической системы, представляет собою практически идеальный «полигон» для проверки морфологических моделей. Тем самым настоящая работа, фактически, решает две задачи — с одной стороны, построить описание готской морфологии в рамках определенного подхода и, с другой, наглядно проверить применимость избранной модели к конкретноязыковому материалу.

Для решения поставленной задачи я, во-первых, предлагаю уточненную грамматическую классификацию готских лексем, во-вторых, строю

полную классификацию лексем по словоизменительным типам и, в-третьих, формулирую правила синтеза словоформ по модели «основа + флексия» (что является одной из разновидностей получившего в последние десятилетия популярность класса «словесно-парадигматических» морфологических моделей, [Крылов 1997: 260–263; Плунгян 2000: 72, 75–78; Stump 2001; 2016]). При этом я не ставлю себе цели дать совершенно новое описание и в значительной степени следую традиционным грамматикам, формализуя и уточняя их там, где этого достаточно, и внося изменения там, где это необходимо.

1.2. Принципы грамматической классификации лексем

Основные объекты моего исследования — **словоформы, лексемы и парадигмы**. При этом и множество словоформ, и разбиение его на лексемы я считаю изначально заданным и принципы организации обеих этих сущностей здесь не рассматриваю. Приведу в связи с этим следующие установки, в значительной степени опирающиеся на работы [Поливанова 2001/2008 и 2013]:

1. Словоформами признаются лишь объекты, не представимые через другие словоформы; в частности, это означает запрет на аналитические словоформы.
2. Основной критерий объединения словоформ в лексемы — формальный, а не семантический; словоформы полисемичных лексем, имеющие одинаковые означающие, отождествляются, так же, как и сами лексемы; так, множество русских словоформ {дорогой, дорогая, ... дорог ...} соотносится с такими значениями, как 1. ‘имеющий высокую цену’ и 2. ‘милый’, но с одной лексемой ДОРОГОЙ.
3. Тем самым словоформа трактуется как пара <сегмент, грамматическая характеристика>, где сегмент — единица плана выражения (цепочка фонем или букв), а грамматическая характеристика — ярлык или множество ярлыков граммем или категориальных значений (в англоязычной терминологии — morphosyntactic values, т. е. значений абстрактных признаков, а не конкретных смыслов, ср. [Carstairs-McCarthy 2000; Corbett 2012]); лексическое значение, равно как и конкретное значение словоформы в конкретном употреблении в тексте в рамках данной модели игнорируются.

4. Лексема рассматривается в качестве пары, состоящей из множества словоформ и **конкретной парадигмы** (данной лексемы); конкретная парадигма лексемы получается размещением ее словоформ по клеткам **свободной парадигмы**,¹ с которой соотносится данная лексема. Свободная парадигма лексемы формируется категориальными значениями (= граммемами) грамматических (= словоизменительных) категорий, определенных для данной лексемы; помимо этого, свободная парадигма может включать в себя также клетки, соответствующие не граммемам, а так называемым «квазиграммемам» ([Мельчук 1997: 286–288; Перцов 2001: 84–90]), т. е. словоизменительным значениям, не входящим ни в какую грамматическую категорию (о таких значениях см. также [Аркадьев 2016]).
5. Попадая в некоторую клетку свободной парадигмы, словоформа приобретает **суженную грамматическую характеристику**, совпадающую с именем данной клетки, т. е. сочетанием категориальных значений нескольких грамматических категорий либо квазиграммемой; совокупность суженных грамматических характеристик, соотносящихся с данной словоформой, называется **(полной) грамматической характеристикой** данной словоформы. Тем самым, если данная словоформа может соотноситься с несколькими клетками парадигмы, ее грамматическая характеристика является объединением всех соответствующих суженных грамматических характеристик (например, словоформа *слонов* может иметь суженные грамматические характеристики API и GPI, следовательно, ее полная грамматическая характеристика — AGPI).
6. При заполнении свободной парадигмы словоформами конкретной лексемы могут иметь место следующие случаи: (i) некоторые клетки свободной парадигмы могут оказаться незаполненными (в таких случаях говорят, что данная лексема имеет **дефектную парадигму**; (ii) одна и та же словоформа может попасть сразу в несколько клеток (в таких случаях говорят о **синкремизме**, см. [Baerman, Brown, Corbett 2005]); (iii) одна и та же клетка может содержать сразу несколько словоформ (в этих случаях такие словоформы называются **дублетными** тогда и только тогда, когда данные словоформы имеют тождественные грамматические характеристики; таким образом, словоформы *рукой* и *рукою* дублетны, а словоформы *белой*

---

¹ Термин «свободная парадигма» заимствован мною из работы [Поливанова 2001/2008: 160], ср. аналогичный термин «парадигматическая схема» в [Зализняк 1967: 33] или «content-paradigm» в [Stump 2016: 104].

и белою нет, поскольку их грамматические характеристики различны: белой GLDISgFPlen, белою ISgFPlen).

В основе предлагаемой мною классификации лексем готского языка по грамматическим классам лежат два положения:

- (I) Принцип выделения грамматических классов: две лексемы относятся к одному грамматическому классу тогда и только тогда, когда они имеют одинаковые свободные парадигмы.
- (II) Принцип несовпадения лексем: если L_1 и L_2 — разные лексемы, то ни одна из них не входит целиком в другую.

Первый из указанных принципов совпадает с определением в [Зализняк 1967: 33] и положением-постулатом в [Поливанова 2001/2008: 160]. Второй из них заимствован в несколько смягченной форме из [Поливанова 2001/2008: 165]. Очевидно, что принцип II приобретает огромную важность при принятой здесь формальной трактовке словоформы и лексемы.

В связи с принципом выделения грамматических классов необходимо сделать следующее замечание: все лексемы, не имеющие словоизменения, и, тем самым, словоизменительных категорий, и обладающие свободной парадигмой из одной клетки (которую вовсе не обязательно должна заполнять одна словоформа, ср. *o* = {*o, об, обо*}), автоматически попадают в один грамматический класс неизменяемых (In).

1.3. Принципы парадигматической классификации лексем

Под парадигматической классификацией лексем некоторого грамматического класса понимается разбиение их на непересекающиеся множества по отношению эквивалентности «изменяться так же, как» [Зализняк 1967: 15, 115–128; Крылов 1997: 260–261]. Получающиеся в результате классы называются **словоизменительными** (далее СИ) типами (или, применительно к разным грамматическим классам, типами склонения или спряжения).

Каждому СИ-типу можно поставить в соответствие определенный набор **словоизменительных средств**, понимаемых как любые формальные средства, противопоставляющие разные словоформы одной лексемы (суффиксация, префиксация, инфиксация, чередования, как значащие, так и незначащие и т.п.). Для дальнейшего обсуждения мне необходимы два ключевых неопределяемых понятия: **основа** и **флексия**. Их статус и вза-

имные отношения описывает следующий Принцип флексивности [Поливанова 2001/2008: 166]:

- (III) Принцип флексивности: любая словоформа изменяемой лексемы может быть представлена в виде «основа $\oplus$ флексия», причем единственным образом.

Необходимо сразу оговориться, что ни основа, ни флексия не рассматриваются как морфемы или цепочки морфем, т. е. в качестве двусторонних объектов. Данные понятия нужны только для того, чтобы построить адекватное и по возможности простое описание словоизменения. Вопрос о том, какое грамматическое значение имеет та или иная флексия, не ставится и не рассматривается (напомню, что грамматическое значение приписывается словоформе целиком в силу ее соотношения с данной клеткой парадигмы). Что же касается внутренней стороны конкретной основы, то она может содержать в себе как лексическую, так и грамматическую составляющие, но вопрос о членении данной основы на корень, суффиксы, префиксы и т. д. и проблема значений последних интересуют меня лишь в той степени, в какой ответы на эти вопросы непосредственно связаны с поставленной задачей. (В частности, для описания глагольного словоизменения необходимо знать, содержит ли глагол префикс; поэтому в § 4.4 префиксы будут отделяться от корня точкой).

Логически возможны следующие типы соотношения между основами и флексиями словоформ одной и той же лексемы: (i) одинаковые основы и одинаковые флексии, (ii) одинаковые основы и разные флексии (напр., *друг-a* и *друг-y*), (iii) разные основы и одинаковые флексии (напр., *друг-a* и *друзъj-a*), (iv) разные основы и разные флексии (напр., *друг-ом* и *друзъj-ам*).

В информацию о словоизменительном типе лексемы необходимо включать сведения следующих типов: (i) какие флексии присоединяются к основам словоформ с теми или иными грамматическими характеристиками; (ii) к каким основам присоединяются эти флексии и как эти основы образуются; (iii) какие изменения происходят при соединении основы и флексии (т. е. сведения о самой операции $\oplus$). Сведения о наборе флексий представляются в виде таблицы, в которой свободная парадигма лексемы данного СИ-типа заполнена флексиями соответствующих словоформ. Сведения об основах более разнородны.

Во-первых, механически разделяя словоформу на основу и флексию (т. е. так, что операция $\oplus$ сводится к конкатенации) можно получить основы, различия между которыми естественно свести к комбинаторным изменениям фонемного или буквенного состава. Во-вторых, в некоторых

случаях разумно считать, что основы B_1 и B_2 разных словоформ одной и той же лексемы могут быть представлены в виде $B_1 = B_0 \oplus c_1$, $B_2 = B_0 \oplus c_2$, где B_0 — общая часть указанных основ (с точностью до комбинаторных чередований), а c_1 и c_2 — нетождественные цепочки символов (одна из которых, само собой, может быть пустой), которые я буду называть **формативами**. В соответствии со сказанным выше, формативы рассматриваются исключительно как цепочки символов, в отвлечении от того, несет ли тот или иной форматив какую-либо грамматическую информацию, и если да, то какую, ср. [Поливанова 2013: 6]. Наконец, в-третьих, две основы B_1 и B_2 могут быть представлены в виде $B_1 = B_0 \oplus o_1$ и $B_2 = B_0 \oplus o_2$, где o_1 и o_2 — операции, меняющие фонемный или буквенный состав B_0 (при этом, как и в предыдущем случае, одна из данных операций может быть нулевой, т. е. ничего не меняющей), но не сводимые к уже рассмотренным комбинаторным изменениям. Как и в случае с формативами, вопрос о значении операций не рассматривается и не ставится.

Если некоторая основа B_2 может быть представлена в виде $B_1 \oplus s_2$, где B_1 — другая основа, а s_2 — форматив или операция, то я буду говорить, что основа B_2 **образована** от основы B_1 с помощью форматива (операции) s_2 . Формативы и операции вместе я буду называть **средствами образования основ**.

Исходной основой данной лексемы я буду называть ту ее основу, от которой образуются с помощью тех или иных средств образования основ все остальные основы. Далее я буду считать, что у всех изменяемых лексем есть исходная основа (этот постулат не выполняется для лексем с супплетивизмом основ, но предполагается верным для всех лексем с регулярным словоизменением). Набор средств образования основ данной лексемы представляется в виде свободной парадигмы данной лексемы, клетки которой пусты в том случае, если соответствующие им флексии из набора флексий присоединяются непосредственно к исходной основе, и заполнены некоторым средством или средствами образования основ в противном случае.

Наблюдающиеся у данной лексемы набор флексий и набор средств образования основ в совокупности я буду называть ее **словоизменительной характеристикой**. Опираясь на вышесказанное можно дать следующее определение отношению эквивалентности «изменяться так же как»:

Лексема L_1 грамматического класса К изменяется так же, как лексема L_2 того же грамматического класса, если L_1 и L_2 имеют одинаковые словоизменительные характеристики, т. е. (i) одинаковые наборы флексий и (ii) одинаковые наборы средств образования основ.

Разумеется, буквальное понимание данного определения требует того, чтобы любая лексема с нерегулярным (т. е. уникальным) словоизменением была выделена в отдельный СИ-тип. Тем не менее, в большинстве подобных случаев удается найти такой СИ-тип, к структуре которого нерегулярная лексема наиболее близка; тогда «неправильность» словоизменения может трактоваться как отклонение словоизменительной характеристики лексемы от словоизменительной характеристики соответствующего СИ-типа. Более того, некоторые СИ-типы различаются между собой в меньшей степени, чем другие; их можно рассматривать как подтипы в составе более широкого СИ-типа (ср. понятие «макрокласса» в работе [Carstairs-McCarthy 1994]).

Каждая лексема относится к некоторому СИ-типу, и только к одному (т. е. имеет место разбиение множества лексем на СИ-типы). Все лексемы с нерегулярным или уникальным словоизменением рассматриваются как отклоняющиеся от своего СИ-типа. Рассмотрим произвольную лексему L, принадлежащую СИ-типу A и содержащую словоформы (хотя бы одну), форма которых не совпадает с предусмотренной данным СИ-типом. Это и означает, что словоизменение лексемы L нерегулярно. Пусть s — словоформа из L, отклоняющаяся от СИ-типа A. Отклонение может проявляться трояко: (i) s может иметь нестандартную флексию, не совпадающую с флексией, занимающей в наборе флексий из A клетку, соответствующую данной словоформе; (ii) у s может быть нестандартная основа, средство образования которой не совпадает с требуемым СИ-типом A; наконец, (iii) s может иметь нестандартную основу, оформленную нестандартной же флексией.

При описании нерегулярных лексем готского языка, принадлежащих некоторому грамматическому классу, я буду указывать: лексему, ее СИ-тип, и после специального знака «▽» все отклонения от стандарта; способы представления последних будут конкретизированы ниже отдельно для каждого грамматического класса.

Помимо различия в выборе флексий, словоформы разных лексем одного и того же СИ-типа могут различаться в поверхностном оформлении стыка между основой и флексией. В таких случаях достаточно указать морфонологические (здесь вернее было бы сказать «морфографические», т. е. оперирующие с графической стороной языка) правила, позволяющие предсказывать внешний вид той или иной словоформы, не прибегая при этом к дальнейшему дроблению СИ-типа на подтипы. В готском языке подобные явления встречаются нередко и затрагивают разные аспекты именного и глагольного словоизменения, однако парадигматический подход к алломорфии позволяет существенно сократить число и

сложность таких правил по сравнению, например, с работой [Buckalew 1964], см. §3.

1.4. О языковом материале и его представлении

Материал настоящей работы — множество словоформ готского языка, записанных в нормализованной латинской транслитерации, как оно представлено в упоминавшихся выше грамматических описаниях. Сплошной росписи всего материала, представленного в опубликованных к настоящему моменту памятниках готского языка, я не проводил, и в этом смысле моя работа не претендует на полноту. Кроме того, я исключаю из рассмотрения заимствованные лексемы, в частности, все топонимы и личные имена; причина этого — с одной стороны, недостаточность и фрагментарность данных, с другой — тот факт, что в период, к которому относятся письменные тексты на готском языке, заимствованные лексемы еще не были полностью включены в систему словоизменения, что привело к возникновению большого числа нерегулярных и дублетных образований. О словоизменении заимствованных слов и личных имен см. [Wright 1910: 359–366; Streitberg 1920: 115–117; Гухман 1958: 91–92]. Еще одна проблема связана с трактовкой глагольных форм с энклитиками и эндоклитиками, такими как *qipiduh* ‘говорит же он’ (СА, Мк 16:7) или *gauhvasehvi* ‘увидел ли он что-либо’ (СА, Мк 8:23); здесь они рассматриваются как сочетания словоформ: *qipid+uh*, где первая словоформа (*qipid*) признается тождественной словоформе 3SgPrsInd *qipīþ*; *ga+u+hva+sehvi*, где выделяются три словоформы: 3SgPstOpt *ga.sehvi*, *u*, *hva*. Напротив, такие словоформы, как *saei* ‘который’, *hazuh* ‘каждый’ трактуются как принадлежащие лексемам SAEI, HAZUH, а не SA, HAs. Это объясняется хотя бы тем, что если цепочка *qipiduh* может быть без проблем разделена на две словоформы, то в последнем случае мы имеем дело с более прочно сросшимися в единое целое формами, например, DSgmnId *hāmtteh* ‘каждому’ или NASgnId *þatei* ‘что’, где провести отчетливую границу между флексией и энклитикой невозможно (по крайней мере, если не постулировать целый ряд дополнительных морфонологических правил). Кроме того, подобные формы некомпозиционны и семантически.

Остановлюсь на вопросе об именах лексем. Традиционно в качестве таких используются так называемые **исходные словоформы**, причем во все не всегда такая словоформа несет максимум информации, необходимой для правильного синтеза всех остальных словоформ или хотя бы их большей части (о так называемых «базовых формах» или *principal parts*,

позволяющих восстановить все остальные словоформы лексемы, с современной теоретической точки зрения см. работы [Stump, Finkel 2007; 2013]). В настоящей работе понятие «исходная словоформа» используется лишь в качестве вспомогательного, хотя, несомненно, правила синтеза словоформ учитывают его в полной мере. В тех случаях, когда исходная словоформа упомиаемой лексемы не засвидетельствована в памятниках и реконструируется, она будет предваряться знаком «*»; имена лексем даются капиталью, словоформы — *строчным курсивом*. Для иллюстрации приводятся лишь отмеченные в памятниках словоформы с указанием адреса вида «памятник, место»; для словоформ, встретившихся многократно, приводится один случайно выбранный адрес. Для поиска словоформ использовался электронный корпус Wulfila [<http://www.wulfila.be/gothic/>].

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЛЕКСЕМ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Как было указано в §1.2, грамматическим классом называется множество лексем, имеющих одинаковую свободную парадигму. Тем самым все неизменяемые лексемы попадают в один грамматический класс In и далее рассматриваться не будут. Что же касается изменяемых лексем, то в готском языке они распадаются на четыре грамматических класса: S-лексемы (существительные), A-лексемы (прилагательные), P-лексемы (личные местоимения), V-лексемы (глаголы). Каждый из этих классов будет подробно рассмотрен ниже.

2.1. S-лексемы

Класс готских S-лексем включает в себя, помимо тех лексем, которые традиционно относятся к существительным, также некоторые числительные (а именно, те, которые не изменяются по родам). Свободная парадигма готской S-лексемы формируется двумя грамматическими категориями: число (единственное Sg, множественное Pl) и падеж (номинатив N, аккузатив A, датив D, генитив G). Выбор подобного порядка падежей (вместо традиционного NGDA) объясняется часто встречающимся синкремизмом номинатива-аккузатива и аккузатива-датива (см. аналогичное решение в [Miller 2019: 58–59]). В качестве исходной словоформы, служащей именем S-лексемы, я по традиции использую NSg, несмотря на то, что более информативными с точки зрения словоизменения являются другие словоформы, например, DPl.

Отдельно стоит вопрос о выделении в готском особого падежа — вокатива (V). С одной стороны, известно, что ни одна готская S-лексема не имеет словоформы вокатива, отличной от словоформы какого-либо другого падежа: у некоторых лексем, например, SKALKS ‘раб’, вокатив совпадает с аккузативом: *skalk* CA, Лк 19:17, у других, например, FRAUJA ‘Господь’ — с номинативом: *frauja* CA, Мф 7:21, у третьих, например, SUNUS ‘сын’ — с дативом: *sunau* CA, Мф 9:27; также вокатив совпадает с номинативом во множественном числе,ср. *broþrjus* A, Рим 7:4. Тем самым, вокатив в готском — морфологически несамостоятельная граммема [Зализняк 1973: 69–74]). Эту проблему я решаю, выделяя для вокатива единственного числа отдельную клетку в свободной парадигме S-лексем, а способ его образования (т. е. информацию о синкретизме вокатива с номинативом либо с аккузативом) указывая в характеристике соответствующих СИ-типов. При этом я не включаю вокатив в число категориальных значений категории падежа, но считаю его квазиграммемой, порождающей отдельную обособленную клетку свободной парадигмы. Словоизменительное значение V не сочетается с граммемами категорий числа и падежа, хотя из-за синкретизма любая словоформа, охарактеризованная V, имеет в своей расширенной грамматической характеристике также и сочетания граммем этих категорий.

Что касается реликтовой инструментальной формы, отмеченной у нескольких местоименных A-лексем (в первую очередь *hve* ‘чем’ от *huas* ‘кто, что’, см., например, [Miller 2019: 85]), то я трактую ее как отдельную In-лексему; включение в категорию падежа в готском граммемы «инструменталис», отсутствующей у подавляющего большинства лексем, представляется неоправданным усложнением описания.

Свободная парадигма готских S-лексем представлена в Табл. 1.

	Sg	Pl	
N			V
A			
D			
G			

Табл. 1. Свободная парадигма S-лексем

2.2. А-лексемы

Класс А-лексем включает в себя, помимо традиционных прилагательных, также причастия, некоторые местоимения и числительные. Свободная парадигма формируется следующими грамматическими категори-

ями: число, падеж (как у S-лексем), род (мужской m, средний n, женский f), репрезентация (сильная, или неопределенная Id, слабая, или определенная Df). Что касается вокатива, то эта форма у прилагательных неизменно совпадает с номинативом, в том числе в тех случаях, когда у вершинного существительного вокатив синкетичен с аккузативом (ср. *laisari þiuſeiga* ‘о добрый учитель’ СА, Лк 18:18), и поэтому я отдельно ее не выделяю. Тем самым свободная парадигма А-лексем содержит 48 клеток, см. Табл. 2. Аналогичное решение существенно подробнее аргументируется в работах [Ratkus 2011; 2017].

		Id			Df		
		m	n	f	m	n	f
Sg	N						
	A						
	D						
	G						
Pl	N						
	A						
	D						
	G						

Табл. 2. Свободная парадигма А-лексем

Исходная словоформа А-лексемы — NSgm (либо NPlm у нескольких pluralia tantum) первой по порядку репрезентации (некоторые А-лексемы имеют только одну репрезентацию, см. ниже).

Как представляется, выделять в качестве отдельной грамматической категории «степень сравнения» с категориальными значениями «положительная», «сравнительная», «превосходная» нецелесообразно. Во-первых, большинство А-лексем (все причастия, местоимения, многие прилагательные) засвидетельствованы не во всех степенях сравнения. Во-вторых, словоизменение сравнительной и превосходной степеней ничем не отличается от склонения обычных А-лексем, что позволяет интерпретировать их как отдельные лексемы. В-третьих, несмотря на то, что образованию степеней сравнения в готском свойственно большое единообразие, введение его в словоизменение увеличит число СИ-типов А-лексем и нерегулярных, в частности супплетивных, образований, что нежелательно. В связи с высказанными соображениями я не включаю степени сравнения в словоизменение готского языка и словоформы с данным значением отношу к отдельным лексемам в адъективном классе, образование которых здесь рассматриваться не будет.

Такие словоформы, как *galeiko* ‘подобно’, *srauto* ‘быстро’, *maist* ‘больше всего’, *frumist* ‘сначала’, традиционно рассматриваемые как наречия, производные от А-лексем GALEIKS ‘похожий’, *SPRAUTS ‘быстрый’, MAISTS ‘наибольший’, *FRUMISTS ‘самый первый’ и т.п., совпадают с формами NASgnId или NASgnDf соответствующих А-лексем. Признание указанных наречий отдельными лексемами класса In привело бы к довольно значительному числу случаев нарушения принципа несовпадения лексем (ср. обсуждение аналогичных русских фактов в [Поливанова 2001/2008: 168–171]). Поэтому я отождествляю наречия такого рода с совпадающими с ними по форме словоформами соответствующих А-лексем. То же самое касается и отадъективных S-лексем типа DAUPA ‘мертвец’, словоформы которой тождественны словоформам mDf А-лексемы DAUPS ‘мертвый’ и включаются в парадигму соответствующей А-лексемы.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о так называемых «слабых» и «сильных» прилагательных, т. е. таких А-лексемах, у которых во всех контекстах засвидетельствованы словоформы либо только сильной, либо только слабой репрезентации (см. обзор этой проблематики в работе [Ratkus 2018]). Для таких А-лексем я принимаю, как кажется, наиболее простое из возможных решений, а именно, трактую их как дефектные по репрезентации, с той оговоркой, что статус этой дефектности для большинства из них весьма слабый: отсутствие форм одной из репрезентаций для А-лексем, не отмеченных в памятниках существенным числом вхождений, вероятнее всего является случайностью и должно трактоваться так же, как, например, отсутствие фиксации форм одного из чисел для семантически счетных существительных (ср. обсуждение в [Ratkus 2018: 33–35]).

2.3. Р-лексемы

Данный класс — самый малочисленный из грамматических классов готских лексем. Он содержит лишь семь лексем: IK ‘я’, DU ‘ты’, SIK ‘себя’, WIT ‘мы двое’, *JUT ‘вы двое’, WEIS ‘мы’, JUS ‘вы’, отличающихся нерегулярным словоизменением. Свободная парадигма Р-лексемы состоит всего из четырех клеток, формируемых грамматической категорией падежа (как у S-лексем), см. Табл. 3. У всех Р-лексем исходная словоформа — N, кроме лексемы SIK, у которой исходной является словоформа A.

N	A	D	G

Табл. 3. Свободная парадигма Р-лексем

Выделение столь небольшой группы лексем в отдельный грамматический класс может показаться спорным, однако представляется, что это решение — не только самое простое, но и единственно возможное. Главная проблема здесь связана с категорией числа. Действительно, категория числа у Р-лексем включает на одно категориальное значение больше, чем аналогичная категория у S и A-лексем: единственное Sg, множественное Pl и двойственное Du. Если бы мы отнесли эти семь лексем к классу S, нам пришлось бы постулировать для всех остальных готских S-лексем либо дефектность по Du, либо синкетизм Du и Pl. Важнее, однако, то, что у готских S- (и A-)лексем гипотетическое категориальное значение Du никак не проявляется в синтаксисе: так, числительное *twai* ‘два’ изменяется в целом по модели множественного числа и требует множественного числа существительного, а именные группы, состоящие из этого числительного и существительного, требуют форм множественного числа глаголов (например, *gamotidedun imta twai daimonarjos* ‘встретили его два бесноватые’ CA, Мф 8:28), т. е. обладают синтаксическим признаком «множественное число». Готский глагол (см. §2.4) противопоставляет формы двойственного и множественного числа лишь в 1-м и 2-м лицах, не различая их в 3-м лице. Все это свидетельствует о том, что граммема Du в готском ограничена контекстом 1-го и 2-го лица и что, следовательно, у S- и A-лексем ее нет. Что же касается Р-лексем, то у них категория числа, как и лица, является словоклассифицирующей, а не словоизменительной.

2.4. V-лексемы

Готский глагол обладает следующими грамматическими категориями: финитность (инфinitив Inf, личные формы Fin), лицо (первое 1, второе 2, третье 3), число (единственное Sg, двойственное Du, множественное Pl), время (настоящее или презенс Prs, прошедшее или претерит Pst), наклонение (индикатив Ind, оптатив Opt, императив Imp), залог (актив Ac, медиопассив Mp). В отличие от S- и A-лексем, свободная парадигма которых получалась простым перемножением значений свободно сочетающихся между собою категорий, в системе глагола допустимы далеко не все логически возможные комбинации указанных категорий. Информация о реально встречающихся в готском языке сочетаниях глагольных категорий приведена в Табл. 4 на стр. 16 (число и лицо не учитываются; рассматриваются только личные формы; в скобки взяты логически избыточные признаки).

Время	Наклонение	Залог
Prs	Ind	Ac
Prs	Ind	Mp
Prs	Opt	Ac
Prs	Opt	Mp
Pst	Ind	(Ac)
Pst	Opt	(Ac)
(Prs)	Imp	(Ac)

Табл. 4. Допустимые сочетания значений категорий времени, наклонения и залога

		Prs(Ac)		Pst(Ac)		Imp(Ac)
		Ind	Opt	Ind	Opt	
Sg	1					—
	2					
	3					
Du	1					—
	2					
Pl	1					
	2					
	3					

		Mp(Prs)		Inf	
		Ind	Opt	{PI}	{PII}
Sg	1				
	2				
	3				
Pl					

Табл. 5. Свободная парадигма V-лексем

Как видно из Табл. 4, граммема времени Pst автоматически влечет граммему залога Ac (напомню, что аналитические формы, в частности, пассив прошедшего времени, здесь не рассматриваются), а граммема залога Mp — граммему времени Prs; для характеристики императива вообще достаточно указать на граммему категории наклонения. Представляется рациональным в целях экономии и удобства описания сформировать свободную парадигму готской V-лексемы из следующих пяти подпарадигм (репрезентаций): инфинитив, презенс (актива), претерит (актива), медиопассив (презенса) и императив. В пределах презенса, претерита и медиопассива различаются наклонения (индикатив и оптатив). Что касается

лица и числа, то три числа различаются только в презенсе, претерите и императиве, т. к. дуалис медиопассива не засвидетельствован в текстах; в двойственном числе различаются лишь первое и второе лицо; во множественном числе медиопассива лицо вообще не различается. Свободная парадигма готского глагола представлена в Табл. 5 (прочерком помечены клетки, которые никогда не заполняются). Причастия (активное РІ и пассивное РІІ) трактуются как производные А-лексемы и не входят в парадигму V-лексемы. Тем не менее информацию об их образовании (точнее, об образовании их основ) целесообразно включать в характеристику СИ-типа глагола, поэтому они указаны в Табл. 5 (стр. 16).

Исходная словоформа готской V-лексемы — инфинитив.

3. ОСНОВНЫЕ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА

В данном разделе приводятся релевантные для словоизменения морфонологические (возможно, точнее сказать «морфографические», т. е. применимые к буквенному представлению словоформ) правила, действующие вне зависимости от грамматического класса и/или СИ-типа лексемы.² Правила более ограниченного применения, проявляющиеся лишь в отдельных СИ-типах, приводятся в соответствующих разделах, так же как и иллюстрации действия тех или иных правил в словоизменении конкретных грамматических классов.

Вокализация /j/ в позиции после согласного перед паузой или согласным:

(1) $j \rightarrow i / C_C, \#$

Вокализация /w/ после одиночного краткого гласного /a, i/ перед паузой или согласным:

(2) $w \rightarrow u / (C)a, i_C, \#$

Оглушение звонких /b, d, z/ перед паузой или глухим согласным, кроме случаев, когда перед ними находится сонорный или /z/:

(3) $b, d, z \rightarrow f, \emptyset, s / \sim(m, n, l, r, z)_C[-\text{voice}], \#$

² Готская фонологическая система здесь не рассматривается, поскольку формулируемые в данном разделе правила не апеллируют ни к каким нетривиальным признакам фонем. См., например, [Гухман 1958: 49–68; Miller 2019: Ch. 2].

Правило (3) действует в именном и глагольном словоизменении, однако в памятниках его проявление непоследовательно.

Чередование при сочетании основ на /j/ с /i/, связанное с фонологическим весом основы:

- (4) $j+i \rightarrow ji / X_$, где X состоит из одного краткого слога;
 $\rightarrow ei$ иначе

Краткий слог имеет вид $(C_1)VC_2$, где $V = /a, u, i/$, C_1 — любая цепочка согласных, C_2 — один согласный. Понятие краткого слога релевантно и для ряда иных морфонологических явлений готского языка. Правило (4) действует в именном и глагольном словоизменении.

Централизация («преломление») узких гласных *i, u* перед *r, h, hv* (записи *aí, aú* фонологически соответствуют /e, o/):

- (5) $i, u \rightarrow aí, aú / (C)_- r, h, hv$

Это правило действует в глагольных корнях при образовании базовых основ сильных глаголов.

Спирантизация дентальных перед /t/:

- (6) $d, t, þ \rightarrow s / _t$

Выпадение гласных после долгих гласных:

- (7) $V \rightarrow \emptyset / o, ei_-$

Это правило действует в первую очередь во втором склонении S-лексем и во втором классе слабых глаголов.

4. ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГОТСКИХ ЛЕКСЕМ

В данном разделе приводится информация о регулярных СИ-типах готских S-, A-, P- и V-лексем, а также обо всех (известных автору) отклонениях от них. В соответствии с данным в §1.3 определением, две лексемы одного грамматического класса относятся к одному СИ-типу, если они обладают одинаковыми наборами словоизменительных средств. Поэтому очевидно, что парадигматическая классификация лексем не может рассматриваться отдельно от правил синтеза словоформ. В соответствии

с этим, обсуждая и описывая каждый СИ-тип, я буду указывать, какие изменения буквенного состава основы и/или флексии, равно как исходной основы и форматива, образующего от нее новую основу, имеют место при их соединении.

4.1. СИ-типы S-лексем

В готском языке различаются пять основных СИ-типов S-лексем, или склонений, которые выделяются на основании представленных в них наборов флексий. Случаев регулярных некомбинаторно обусловленных чередований основ в готском субстантивном склонении нет (возможное исключение — склонение лексем консонантного склонения типа *BROPAR* ‘брать’, которые, однако, я описываю как имеющие одну и ту же основу во всей парадигме). Представленная ниже классификация в ряде отношений следует традиционной, отраженной, в частности, в [Miller 2019: 58–59], а в ряде отношений существенно пересматривает ее.

Первое склонение (I) включает в себя лексемы, традиционно описываемые как *a*-основы и *o*-основы [Гухман 1958: 76–81; Wright 1910: 85–91; Streitberg 1920: 101–106; Mossé 1956: 90–94; Miller 2019: 59], поэтому я буду обозначать его также как *a/o*-склонение. Основной особенностью данного СИ-типа является четкое разделение его на два подтипа или варианта: **безйотового** (чистые *a/o*-основы, оканчивающиеся на любой согласный, кроме *j*) и **йотового** (*ja/jo*-основы, оканчивающиеся на *j*), поэтому данное склонение можно назвать **двухвариантным**.³ Наборы флексий этих подтипов различаются только в NSg, однако деление основ на йотовые и безйотовые проводится последовательно по всей парадигме. Наряду с делением первого склонения на указанные два подкласса, в нем имеется четкое противопоставление трех типов флексий, которые я буду по традиции называть **родами**: мужской (m), средний (n) и женский (f). Наборы флексий мужского и среднего родов различаются лишь в NSg и NAPl; напротив, набор флексий мужского рода отличается от набора

---

³ Нельзя не отметить, что выделение двухвариантных СИ-типов на основе противопоставления йотовых и безйотовых основ релевантно и для других индоевропейских языков, в частности, литовского и старославянского [Поливанова 2013: 63–65, 164 и др.]. В связи с этим противопоставление двухвариантных СИ-типов моновариантным и объединение их в один макрокласс представляется оправданным и значимым не только с точки зрения синхронного описания, но и для задач реконструкции.

флексий женского рода во всех клетках парадигмы, кроме NPl, а наборы флексий среднего и женского родов совпадают исключительно в NSg йотового варианта. Форма вокатива у мужского рода совпадает с ASg, у женского и среднего — с NSg.

Все наборы флексий I склонения представлены в Табл. 6. Йотовый и безйотовый варианты даны в клетках NSgm и NSgf через черту: слева от черты безйотовый, справа — йотовый вариант. Необходимо особо отметить, что принятное здесь распределение лексем женского рода по двум вариантам не совпадает с традиционным, основанным на этимологическом принципе (см. [Гухман 1958: 81; Wright 1910: 90–91; Streitberg 1920: 105–106; Mossé 1956: 92–94]): лексемы типа *vanja* ‘рана’, несмотря на наличие *-j-* перед флексией, я отношу к безйотовому варианту, поскольку их склонение ничем формально не отличается от склонения лексем типа *giba* ‘дар’; к йотовому варианту, тем самым, я отношу лишь такие лексемы женского рода, как *bandi* ‘оковы’. Также не представляется целесообразным выделять особый тип *wa/wo*-основ (см. там же) из-за тождества их словоизменения склонению безйотовых лексем.

		m	n	f
Sg	N	<i>s/is</i>		<i>a/∅</i>
	A		<i>∅</i>	<i>a</i>
	D		<i>a</i>	<i>ai</i>
	G		<i>is</i>	
Pl	N	<i>os</i>		<i>os</i>
	A	<i>ans</i>	<i>a</i>	
	D		<i>am</i>	<i>om</i>
	G		<i>e</i>	<i>o</i>

Табл. 6. Наборы флексий I склонения S-лексем

В I склонении S-лексем наблюдается действие ряда морфонологических правил. Во-первых, это правила вокализации сонантов (1) и (2), сп. NASg *kuni* CA, Лк 3:7 ~ GSg *kunjis* CA, Лк 7:31 ‘род’; DSg *weinatriwa* CA, Ин 15:4 ~ NASg *weinatriu* CA, Ин 15:1, но NSg *snaiws* CA, Мк 9:3 ‘снег’. Во-вторых, это правило оглушения (3): NSg *hlaifs* CA, Ин 6:33, ASg *hlaif* CA, Мф 6:11 ~ NPl *hlaibos* CA, Ин 6:7 ‘хлеб’, NASg *haubip* CA, Лк 9:9 ~ GSg *haubidis* CA, Мк 6:24 ‘голова’, NASg *riqis* CA, Мк 15:33 ~ GSg *riqizis* A, Рим 13:12 ‘тьма’, но NASg *waurd* CA, Мф 5:37 ‘слово’, NASg *lamb* CA, Лк 15:6 ‘овца’, NASg *huzd* CA, Мф 6:21 ‘сокровище’. Поскольку исходной словоформой готской S-лексемы мы приняли NSg, где действие правила (3) приводит к нейтрализации противопоставления звонких и глухих согласных, для того, чтобы правильно построить пара-

дигму лексемы с основой подобного рода, необходимо знать, какой согласный находится перед флексией, например, в словоформе DSg. Для этого в готских словарях (например, [Streitberg 1910] или [Гухман 1958: 254–279]) используются обозначения (b), (d) и (z).

Замечание о лексеме *gup* ‘бог’ In(d). В памятниках словоформы этой лексемы как правило пишутся сокращенно с конечным *b* основы: ASg *gb*, DSg *gþa*, GSg *gþs* [Wright 1910: 294], — однако всякий раз, когда словоформы этой лексемы записываются полностью, они демонстрируют звонкий согласный в косвенных падежах: DSg *guda* CA, Мф 6:24, GSg *gudis* CA, Мф 8:29, NAPl *guda* CA, Ин 10:34.

В-третьих, в NGsgmn ютского варианта наблюдается чередование *ji* ~ *ei* по правилу (4): NGsg *harjis* CA, Лк 2:13 ‘войско’, но NGsg *lekeis* CA, Мк 2:17 ‘врач’, NGsg *haírdeis* CA, Мф 9:36 ‘пастух’, NGsg *bokareis* CA, Мк 12:32 ‘книжник’. У лексем мужского рода необходимая информация о наличии данного чередования уже содержится в исходной словоформе. Сложнее обстоит дело с лексемами среднего рода. У них исходная словоформа имеет нулевую флексию и, следовательно, для того, чтобы правильно построить словоформу GSg, необходимо обратиться к структуре корня; кроме того, что важнее, многие из лексем среднего рода уже не подчиняются указанному морфонологическому правилу или имеют дублетные формы, например, FAÍRGUNI ‘тора’: GSg *faírgunjis* CA, Лк 4:29, 19:37 вместо ожидаемого *faírguneis; WALDUFNI ‘власть’: GSg *waldufnjis* A, 1Кор 15:24, А/В, Эф 2:2 ~ *waldufneis* E, Sk 7:1. В таких случаях необходимо явно отмечать обязательность или факультативность чередования *ji~ei*, для чего можно использовать знак «*ei*», если чередование обязательно, и «(ei)», если оно факультативно.

В-четвертых, конечный *s* флексии отпадает всегда после конечного *s* основы или в отдельных случаях после конечного *r*:

- (8) *s* → ∅ / *s_*; a, i, u, aí, aú+r_

Ср. NSg *drus* CA, Мф 7:27 ‘падение’ вместо *druss, NSg *waír* CA, Лк 8:27 ‘муж’ вместо *waírs, но NSg *akrs* CA, Мф 27:8 ‘поле’.

Второе склонение (II) — тот СИ-тип, который традиционно описывается как *n*-основы или «слабое склонение» [Гухман 1958: 84–88; Wright 1910: 95–100; Streitberg 1920: 109–112; Mossé 1956: 97–98; Miller 2019: 60]. Следуя традиции, я буду называть его также *n*-склонением. В данном СИ-типе можно выделить те же три подтипа-рода, что и в первом склонении: мужской, средний и женский. Флексии *n*-склонения представлены в Табл. 7 (стр. 22). Форма вокатива *n*-склонения совпадает с NSg.

	f	m	n	
Sg	N	<i>a</i>	<i>o</i>	
	A	<i>an</i>		
	D	<i>in</i>		
	G	<i>ins</i>		
Pl	N	<i>ans</i>		
	A	<i>ona</i>		
	D	<i>am</i>		
	G	<i>ano</i>	<i>ane</i>	

Табл. 7. Наборы флексий
II склонения S-лексем

	m	f
Sg	N	<i>s</i>
	A	$\emptyset$
	D	<i>a</i>
	G	<i>ai</i>
Pl	N	<i>eis</i>
	A	<i>ins</i>
	D	<i>im</i>
	G	<i>e</i>

Табл. 8. Наборы флексий
III склонения S-лексем

Как видно из Табл. 7, мужской и средний роды различаются флексивно лишь в NASgPl, а женский отличается от них лишь в GPI. Отличительная особенность S-лексем женского рода заключается в том, что перед флексией во всех словоформах находятся всегда одни и те же сегменты, а именно *o* или *ei*, после которых начальный гласный флексии всегда устраняется по правилу (7). Это приводит к тому, что на поверхностном уровне флексии II^f выглядят так: NSg - $\emptyset$, ADSg -*n*, GSgNAPl -*ns*, DPl -*m*, GPI -*no*. Никаких иных чередований на стыке основы и окончания в словоформах лексем *n*-склонения нет, в том числе чередования по правилу (4) у лексем II склонения, основа которых содержит *j*: GSg *nehvundjins* A, Рим 13:10 ‘ближнего’, а не *nehvundeins.

Третье склонение (III) включает в себя S-лексемы, в традиционных грамматиках называющиеся *i*-основами [Гухман 1958: 81–83; Wright 1910: 91–93; Streitberg 1920: 106–108; Mossé 1956: 94–96; Miller 2019: 60]. Я также буду называть этот СИ-тип *i*-склонением. В нем выделяются два подтипа-рода: мужской и женский. Набор флексий представлен в Табл. 8. Форма вокатива (зафиксирована только у мужского рода) совпадает с ASg.

Как видно, два рода различаются здесь лишь в DGSg, совпадая флексивно во всех остальных словоформах. Также необходимо указать на то, что флексии Sgm III склонения тождественны соответствующим флексиям I склонения безйотового варианта, ср. Табл. 6 (стр. 20); тем самым нередко возникает проблема, к какому из двух СИ-типов отнести лексему мужского рода, формы множественного числа от которой не были зафиксированы в текстах.

В III склонении, как и в I, формы NASg имеют либо нулевую, либо консонантную флексию, что влечет за собой чередования по правилам (2) и (3): NSg *arbaips* A/B, 1Кор 15:58 ~ DPl *arbaidim* A/B, 2Кор 6:5 ‘работа’, NSg *naus* CA, Лк 7:12 ~ NPl *naweis* CA, Лк 7:22 ‘труп’. Как и в случае с I склонением, в сло-

варе информация о словоизменении лексемы III склонения должна включать в себя пункт о наличии чередования глухих и звонких согласных.

В женском роде III склонения выделяется подгруппа лексем, образованных суффиксом *-ein-*. Они отличаются от всех прочих лексем данного СИ-типа тем, что в NPl и GPl имеют флексии женского рода безйотового варианта I-склонения [Streitberg 1920: 108], ср. NPl *naiteinos* CA, Mk 3:28 ~ APl *naiteinins* CA, Лк 5:21 ‘богохульство’, GPl *laiseino* A, Итим 4:1 ~ DPl *laiseinim* A, Кол 2:22 ‘учение’.

К четвертому склонению (IV) принадлежат лексемы, традиционно относящиеся к *u*-основам [Гухман 1958: 83–84; Wright 1910: 93–95; Streitberg 1920: 108–109; Mossé 1956: 96–97; Miller 2019: 60]. Я также буду называть данный СИ-тип *u*-склонением. Как и в III склонении, в IV различаются два подтипа: общий (c) и средний (n) роды (традиционно выделяются три рода, однако мужской и женский не различаются флексивно). Набор флексий представлен в Табл. 9. Форма вокатива чаще совпадает с DSg, реже с ASg, что связано с вариативностью *u~ai* во флексиях, см. [Miller 2019: 61]. Формы множественного числа среднего рода данного типа склонения не зафиксированы, но из системных соображений ясно, что DPl и GPl совпадали с мужским родом, а флексия NAPlн скорее всего оканчивалась на *a*.

	m, f	n
Sg	N <i>us</i>	<i>u</i>
A	<i>u</i>	
D	<i>au</i>	
G	<i>aus</i>	
Pl	N <i>jus</i>	?
	A <i>uns</i>	
	D <i>um</i>	
	G <i>iwe</i>	

Табл. 9. Наборы флексий
IV склонения S-лексем

	<i>a</i>	<i>nd</i>	<i>r</i>
Sg	N <i>s</i>		<i>-a-</i>
A	<i>∅</i>		
D			<i>∅</i>
G		<i>is</i>	
Pl		<i>s</i>	
	N <i>jus</i>		<i>jus</i>
	A <i>uns</i>		<i>uns</i>
D	<i>im</i>	<i>am</i>	<i>um</i>
G		<i>e</i>	

Табл. 10. Наборы флексий
V склонения S-лексем

Пятое склонение (V), которое я буду называть также согласным или С-склонением, включает в себя S-лексемы, в традиционной грамматике описываемые как консонантные основы (исключая *n*-основы, т. е. наше II склонение; см. [Гухман 1958: 88–91; Wright 1910: 100–103; Streitberg 1920: 112–113; Mossé 1956: 98–100; Miller 2019: 60]). Типы словоизменения этих лексем обнаруживают известное сходство, и потому их можно включить в одно склонение. В С-склонении различаются три подтипа, которые я буду обозначать буквами: *a*, *nd*, *r* (соответствуют корневым основам, основам на

-nd и основам на *-r* в [Гухман 1958]; впрочем, по типу *nd* склоняется и *reiks* ‘властитель’). Набор флексий представлен в Табл. 10 (стр. 23). Форма вокатива (только у *a* и *r*) совпадает с ASg.

Флексия NASg в типе Vr — инфикс, вставляемый перед последней буквой основы;⁴ иначе говоря, словоформа DSg = словоформа NASg без инфиксса = основа. Также стоит обратить внимание на совпадение флексий DPl Va с III склонением, Vnd — с I склонением мужского рода, а Vr — с IV склонением (лексемы этого типа следуют IV склонению во всех формах множественного числа, кроме GPl).

В подтипе Va происходит чередование по правилу (3),ср. ADSg *mitaþ* CA, Mk 4:24 ~ GPl *mitade* ‘мера’ CA, Lk 16:7, впрочем, NSg *mitads* CA, Lk 6:38 без отражения оглушения в графике.

Наконец, рассмотрим S-лексемы с нерегулярным словоизменением. При описании нерегулярных S-лексем готского языка я буду указывать лексему, ее СИ-тип и после специального знака ∇ — все отклоняющиеся от стандарта словоформы. Если словоформа дана в скобках, это означает, что она встречается параллельно с регулярной формой. Приводимый ниже список основан на данных [Гухман 1958: 73–92; Streitberg 1920: 113–115; Miller 2019: 61–63]. Лексемы приводятся в порядке описания склонений.

TAUI	‘дело’ In ∇ DSgNAPl <i>toja</i> A, 2Kop 7:11 (DSg), CA, Ин 8:41 (APl), DPl <i>tojam</i> B, Кол 3:9 ~ NASg <i>tauī</i> Car, Рим 12:4. ⁵
ABA	‘муж’ IIm ∇ DPl <i>abnam</i> A, Эф 5:22, GPl <i>abne</i> A, 1Kop 11:3.
*AÚHSA	‘бык’ IIm ∇ GPl <i>aúhsne</i> CA, Lk 14:19.
MANNA	‘человек’ IIm ∇ DSg <i>mann</i> CA, Мф 7:26, GSg <i>mans</i> CA Мф 8:20, (NAPl <i>mans</i> CA, Мф 8:27 ~ <i>mannans</i> CA, Mk 7:8), GPl <i>manne</i> CA, Mk 7:21.
NAMO	‘имя’ IIn ∇ NAPl <i>namna</i> CA, Lk 10:20, DPl <i>namnam</i> E, Sk 5:5, GPl <i>namne</i> E, Sk 5:6.
*WATO	‘вода’ IIn ∇ DPl <i>watnam</i> CA, Мф 8:32.
FON	‘огонь’ IIn ∇ NASg <i>fon</i> C, Мф 25:41, DSg <i>funin</i> CA, Lk 3:16, GSg <i>funins</i> CA, Mk 9:47.
BANDWO	‘знак’ IIf ∇ DSg <i>bandwai</i> A, 1Kop 14:22.
SUNNO	‘солнце’ IIf ∇ DSg <i>sunnin</i> CA, Mk 4:6.

⁴ Такой анализ соотношения форм типа NASg *broþar* ~ DSg *broþr*, разумеется, не единственно возможный; например, можно рассматривать форму NASg как содержащую нулевую флексию в сочетании с расширенной основой.

⁵ Данную лексему скорее следует анализировать как демонстрирующую аномальную основу в исходной форме.

WEGS	‘волнение на море’ IIIm ∇ NPl ⁶ <i>wegos</i> CA, Мк 4:37.
*AIWS	‘время’ IIIm ∇ DPl <i>aiwam</i> B, 2Кор 11:31.
HAIMS	‘селение’ IIIf ∇ Pl If: NAPl <i>haimos</i> CA, Мф 9:35, DPl <i>haimom</i> CA, Мк 1:38, GPI <i>haimo</i> CA, Лк 17:12.
WAJAMEREINS	‘богохульство’ IIIf ∇ GSg <i>wajamereins</i> CA, Ин 10:33.
MENOPS	‘месяц’ Va ∇ GSg <i>menōpis</i> D, Неем 6:15, DPl <i>menōpum</i> A, Гал 4:10.
NAHTS	‘ночь’ Va ∇ DPl <i>nahtam</i> CA, Лк 2:37.
WAÍHTS	‘вещь’ Va/IIIIf ∇ DSg <i>waíhtai</i> CA, Ин 6:12, GSg <i>waíhtais</i> CA, Лк 20:40 (API <i>waíhtins</i> CA, Лк 1:1 ~ <i>waíhts</i> E, Sk 2:8).
FIDWOR	‘четыре’ Va ∇ NAPl <i>fidwor</i> ; только Pl; так же <i>nīun</i> ‘девять’, * <i>ainlif</i> (b) ‘одиннадцать’, <i>twalif</i> (b) ‘двенадцать’, <i>fimftaíhun</i> ‘пятнадцать’.

4.2. СИ-типы А-лексем

Словоизменение готских А-лексем более единообразно, чем склонение S-лексем. Строго говоря, у них есть только один СИ-тип, который я буду называть адъективным (Ad). Он имеет разного рода подтипы, а многие лексемы отклоняются от регулярной модели более или менее сильно. Ниже следующее изложение отчасти опирается на анализ готского адъективного склонения в работах [Ratkus 2009; 2011].

Основное парадигматическое противопоставление у А-лексем связано с категорией репрезентации. Склонение прилагательных в определенной (слабой) репрезентации тождественно II склонению S-лексем и ниже само по себе обсуждаться не будет. Напротив, неопределенная (сильная) репрезентация сочетает флексии, характерные для I, III и IV склонений S-лексем, с флексиями, у S-лексем не встречающимися. В Ad-склонении, как и в I склонении S-лексем, выделяются йотовый и безйотовый варианты. В пределах йотового варианта различаются три подтипа: основной, *i*-подтип и *u*-подтип, см. [Гухман 1958: 92–95; Wright 1910: 104–109; Streitberg 1920: 123–130; Mossé 1956: 107–111; Ratkus 2009; Miller 2019: 66–68].

В Табл. 11 (стр. 26) приведены флексии безйотового и основного йотового вариантов неопределенного (сильного) Ad-склонения.

⁶ В [Гухман 1958: 83] данная форма, встречающаяся единственный раз, ошибочно трактуется как API.

		m	n	f		
Sg	N	s/is	$\emptyset // ata$	a/a~ $\emptyset$		
	A	ana		a		
	D	amma		ai		
	G	is		aizos		
Pl	N	ai	a	os		
	A	ans				
	D	aim				
	G	aize				

Табл. 11. Наборы флексий основного варианта сильного Ad-склонения

Распределение флексий NSgm и NSgf повариантное; в NASgn наблюдается явление парадигматического варьирования, регулируемого во многих случаях непростыми правилами, см., в частности [Ratkus 2015; Miller 2019: 68–70]; распределение флексий NSgf у лексем ютowego варианта регулируется морфонологическим правилом, аналогичным правилу (4):

- (9) -a / X_, где X состоит из одного краткого слога; $\emptyset$ иначе

В ютовом варианте Ad-склонения действуют морфонологические правила (1) и (4), ср. NSgfId *wɔþi* A/B, 2Кор 2:15 ~ DSgfId *wɔþjai* A/B, Эф 5:2 ‘приятный’; NGsgmId *alþeis* E, Sk 2:4 ~ NAPlnDf *alþjona* A/B, 2Кор 5:17 ‘старый’ vs. NGsgmId *niujis*, NASgfId *niuja* CA, Лк 5:36 ‘новый’. При этом правило (4) выполняется лишь в неопределенной репрезентации, в то время как в определенной во всех случаях⁷ выступает *-ji-* [Wright 1910: 73], как и у S-лексем II склонения, ср. DSgmnDf *faírnjín* CA, Лк 5:36 ‘старый’.

В пределах ютового варианта помимо основного выделяются еще два подтипа (Adi и Adu), отличающиеся от него лишь в нескольких формах единственного числа сильной репрезентации, ср. Табл. 12 (стр. 27). В таблице слева от косой черты находится флексия подтипа Adi, справа — флексия подтипа Adu. Звездочкой помечены те клетки парадигмы, в которых основа не имеет конечного *-j-*. Как легко видеть, это именно те клетки, в которых выступают особые по сравнению с основным подтипом флексии, причем в большинстве случаев различие между основным Ad-склонением и *i*-подтипом состоит именно в том, что последний требует особой основы. Определенное склонение соответствующих A-лексем стандартно.

⁷ Справедливости ради следует отметить, что эти случаи исчерпываются несколькими формами DSgmnDf; релевантные формы GSgmnDf в памятниках не встретились.

		m	n	f		
Sg	N	* <i>s/us</i>	* <i>Ø/u//ata</i>	* <i>s/us</i>		
	A	<i>ana</i>		<i>a</i>		
	D	<i>amma</i>		<i>ai</i>		
	G	* <i>is/aus</i>		<i>aizos</i>		
Pl	N	<i>ai</i>	<i>a</i>	<i>os</i>		
	A	<i>ans</i>				
	D	<i>aim</i>				
	G	<i>aize</i>				

Табл. 12. Наборы флексий *i*- и *u*-подтипов Ad-склонения

«Длинные» формы NASgnId с флексией *-ata* у лексем подтипа Adu имеют *-j-*, а у лексем подтипа Adi в NASgn встречаются только «краткие» формы.

При образовании словоформ женского рода определенной репрезентации А-лексемы присоединяют к основе суффикс *-o-*, за исключением ряда А-лексем (в частности, причастий I), у которых вместо *-o-* в этих формах выступает *-ei-*, см. [Гухман 1958: 96; Wright 1910: 111; Mossé 1956: 111].

Так же, как у S-лексем, у А-лексем происходит чередование глухих и звонких согласных по правилу (3),ср. NSgmId *gōps* A/B, ITim 4:6 ~ ASgmId *godana* A, 1Kor 15:33 ‘добрый’.

А-лексемы с нерегулярным словоизменением весьма многочисленны, в частности, в это множество входит значительная часть лексем, традиционно относящихся к местоимениям. Все нерегулярные А-лексемы не имеют определенных (слабых) форм, поэтому указание на репрезентацию в грамматической характеристики я опускаю. Порядок описания нерегулярных А-лексем тот же, что и для S-лексем, однако во многих случаях я буду приводить не только отклоняющиеся от стандартного СИ-типа словоформы, но всю парадигму целиком (в таком случае ссылки на адреса форм в памятниках не приводятся). При этом нестандартные словоформы (если есть стандартные!) выделены полужирным шрифтом.

TWAI ‘два’ ∇GPlmn *twaddje* CA, Ин 8:17; только Pl.

*PREIS ‘три’ нет Sg:

		m	n	f	
Pl	N	* <i>þreis</i>	<i>þrīja</i>	?	
	A	<i>þrīns</i>		<i>þrīns</i>	
	D	<i>þrīm</i>		?	
	G	<i>þrīje</i>		?	

Табл. 13. Склонение лексемы PREIS ‘три’

IS местоимение 3-го лица:

		m	n	f	
Sg	N	<i>is</i>	<i>ita</i>	<i>si</i>	
	A	<i>ina</i>		<i>ija</i>	
	D	<i>imma</i>		<i>izai</i>	
	G	<i>is</i>		<i>izos</i>	
Pl	N	<i>eis</i>	<i>ija</i>	<i>ijos</i>	
	A	<i>ins</i>			
	D	<i>im</i>			
	G	<i>ize(i)</i>		<i>izo</i>	

Табл. 14. Склонение лексемы IS ‘он’

SA указательное местоимение; определенный артикль:

		m	n	f	
Sg	N	<i>sa</i>	<i>þata</i>	<i>so</i>	
	A	<i>þana</i>		<i>þo</i>	
	D	<i>þamma</i>		<i>þizai</i>	
	G	<i>þis</i>		<i>þizos</i>	
Pl	N	<i>þai</i>	<i>þo</i>	<i>þos</i>	
	A	<i>þans</i>			
	D	<i>þaim</i>			
	G	<i>þize(i)</i>		<i>þizo</i>	

Табл. 15. Склонение лексемы SA ‘этот, тот’

SAH указательное местоимение = SA + энклитическая частица *-uh*:

		m	n	f	
Sg	N	<i>sah</i>	<i>þatuh</i>	<i>soh</i>	
	A	<i>þanuh</i>		?	
	D	<i>þammuh</i>		?	
	G	<i>þizuh</i>		?	
Pl	N	<i>þaih</i>	<i>þoh</i>	?	
	A	<i>þanzuh</i>			
	D	<i>þaimuh</i>			
	G	?		?	

Табл. 16. Склонение лексемы SAH ‘этот’

SAEI относительное местоимение ‘который’ = SA + энклитическая частица *-ei*:

		m	n	f
Sg	N	<i>saei</i>	<i>þatei</i>	<i>soei</i>
	A	<i>þanei</i>		<i>þoei</i>
	D	<i>þammei</i>	<i>þizaiei</i>	
	G	<i>þizei</i>	<i>þizozei</i>	
Pl	N	<i>þaiei</i>	<i>þoei</i>	<i>þozei</i>
	A	<i>þanzei</i>		
	D		<i>þaimei</i>	
	G	<i>þizeei</i>		?

Табл. 17. Склонение лексемы SAEI ‘который’

*HIS указательное местоимение ‘этот’: ASgm *hina* CA, Мф 11:23, NASgn *hita* CA, Ин 16:24, DSgm *himma* CA, Лк 1:48.

HOAS нет Pl; вопросительное местоимение:

		m	n	f
Sg	N	<i>hväs</i>	<i>hva</i>	<i>hvo</i>
	A	<i>hvana</i>		
	D	<i>hvamma</i>		<i>hizai</i>
	G	<i>hvis</i>		<i>hizos</i>

Табл. 18. Склонение лексемы HOAS ‘кто, что’

HOAZUH ‘любой, всякий’ = HOAS + энклитическая частица *-uh*: в дополнение к формам в Табл. 19 есть также APlm *hvanzuh* CA, Лк 10:1.

		m	n	f
Sg	N	<i>hvazuh</i>	<i>*hvah</i>	<i>hoh</i>
	A	<i>hvanoh</i>		
	D	<i>hvammeh</i>		?
	G	<i>hizuh</i>		?

Табл. 19. Склонение лексемы HOAZUH ‘любой’

PISHOAZUH ‘кто/что угодно’: так же, как HOAZUH, включая NASgn *pishvah* CA, Мк 6:23.

(AINS)HOARJIZUH ‘каждый’ = HOARJIS Ad + энклитическая частица *-uh*: NSgm *hvarjizuh* CA, Ин 6:7, ASgm *hvarjanoh* CA, Лк 9:14, DSgm *hvarjammeh*

СА, Лк 19:26, GSgn *ainhvarjizuh* В, 1Фес 5:11, NASgn *hvarjatoh* СА, Mk 9:49, ASgf *ainhvarjoh* А, Эф 4:16.

AINSHUN отрицательное местоимение ‘никто, ничто’ = *ains* Ad ‘один’ + энклитическая частица *hun*; нет Pl, см. Табл. 20.

		m	n	f
Sg	N	<i>ainshun</i>	<i>ainhun</i>	<i>ainohun</i>
	A	<i>ain(n)ohun</i>		
	D	<i>ainummehun/ainomehun</i>		<i>ainaihun</i>
	G	<i>ainishun</i>		?

Табл. 20. Склонение лексемы AINSHUN ‘никто, ничто’

		1 лицо	2 лицо	Refl
Sg	N	<i>ik</i>	<i>þu</i>	—
	A	<i>mik</i>	<i>þuk</i>	<i>sik</i>
	D	<i>mis</i>	<i>þus</i>	<i>sis</i>
	G	<i>meina</i>	<i>þeina</i>	<i>seina</i>
Du	N	<i>wit</i>	? ⁸	
	A	<i>ugkis</i>	<i>igqis</i>	
	D			
	G	<i>*ugkara</i>	<i>igqara</i>	
Pl	N	<i>weis</i>	<i>jūs</i>	
	A	<i>uns(is)</i>	<i>izwis</i>	
	D			
	G	<i>unsara</i>	<i>izwara</i>	

Табл. 21. Словоизменение Р-лексем

4.3. Словоизменение Р-лексем

Склонение семи готских Р-лексем характеризуется большой нерегулярностью и обилием супплетивных образований, см. [Гухман 1958: 102–105; Wright 1910: 120–122; Streitberg 1920: 117–118; Mossé 1956: 101; Miller 2019: 82]. Полные парадигмы приведены в Табл. 21. Несмотря на то, что ряд авторов (например, [Streitberg 1920: 117–118; Mossé 1956: 101]) трактуют возвратное местоимение *sik* как имеющее омонимичные формы всех трех чисел в силу его способности иметь антецедент в любом числе (ср. *jah ataugidedun sik*

⁸ В [Гухман 1958: 103] и [Miller 2019: 82] приводится реконструированная форма N2Du **jut*.

managait ‘и явились многим’ СА, Мф 27:53), с морфологической точки зрения такое описание не представляется убедительным, поэтому я выделяю у этой лексемы лишь формы Sg.

Некоторые общие черты словоизменения данных лексем, несомненно, можно отметить, однако их слишком мало, чтобы какую-то одну можно было взять за образец — в таком случае все остальные будут нерегулярными.

4.4. СИ-типы V-лексем

Основное отличие готского глагольного словоизменения от именного заключается в том, что разные словоформы противопоставляются не только при помощи флексий, но и при помощи основ, к которым эти флексии присоединяются. Более того, СИ-типы готских V-лексем дифференцируются также в основном по способам образования основ (о значимости основ для противопоставления СИ-типов см., например, [Рожанский, Маркус 2020]). В свете сказанного, дальнейшее изложение будет строиться следующим образом: сначала в § 4.4.1 будет введено противопоставление типов основ и описана общая структура глагольной парадигмы, затем в § 4.4.2 будут описаны все основные наборы флексий для глагольных репрезентаций, а в § 4.4.3 будет дан подробный обзор СИ-типов глаголов, где основное внимание будет уделено основообразованию. В § 4.4.4 будет описано образование рабочих основ от базовых и распределение наборов флексий, а в § 4.4.5 — словоизменение нерегулярных и уникальных V-лексем.

4.4.1. Рабочие и базовые основы

Готская V-лексем имеет восемь **рабочих** основ, соотносящихся с выделенными в § 2.4 подпарадигмами: Inf и PrsInd, PrsOpt, PstIndSg, PstIndDuPl, PstOpt, Imp, MpInd, MpOpt. К ним также надо добавить основы причастий: PI, PII (как уже было сказано выше, информацию об образовании причастий — производных А-лексем — разумно включать в СИ-тип глагола). Однако традиционно систему готского глагола описывают в терминах четырех главных основ, которые я буду называть **базами** и обозначать BI, BII, BIII, BIV (ср. [Поливанова 2013: 414] о базовых vs. рабочих основах старославянского глагола). В Табл. 22 приводится информация о том, какие фрагменты парадигмы V-лексем образуются от каждой базы (см. [Гухман 1958: 140; Wright 1910: 135]).

Inf	Prs	Imp	Mp	PI	PstIndSg	PstIndDuPl	PstOpt	PII
		BI			BII		BIII	BIV

Табл. 22. Соотношение базовых и рабочих основ готского глагола

Базами удобно оперировать потому, что противопоставление разных СИ-типов V-лексем осуществляется в основном за счет способов образования именно баз, в то время как рабочие основы образуются от баз по правилам, более или менее общим для всех глаголов.

4.4.2. Флексии V-лексем

Можно выделить пять основных типов флексий готской V-лексемы: флексии PrsInd, флексии PstInd, флексии Imp, флексии Opt и флексии Mp. Наборы флексий PrsInd, Opt, PstIndDuPl, Imp и Mp практически одинаковы для всех СИ-типов глаголов, см. [Гухман 1958: 135–139; Mossé 1956: 131–139].

Существует один набор стандартных флексий PrsInd, представленный в Табл. 23.

Напротив, существует два набора флексий PstInd — **сильный** и **слабый**, различающиеся только в единственном числе. Они представлены в Табл. 24.

	1	<i>a</i>
Sg	2	<i>is</i>
	3	<i>iþ</i>
Du	1	<i>os</i>
	2	<i>ats</i>
Pl	1	<i>am</i>
	2	<i>iþ</i>
	3	<i>and</i>

Табл. 23. Набор флексий PrsInd

		сильн.	слаб.
Sg	1,3	$\emptyset$	<i>a</i>
Du	2	<i>t</i>	<i>es</i>
Pl	1	$\emptyset$	
	2	<i>ts</i>	
	3	<i>m</i>	

Табл. 24. Наборы флексий PstInd

Набор флексий императива практически полностью унифицирован, за исключением лишь клетки 2Sg, о распределении флексий в которой пойдет речь в § 4.4.4, см. Табл. 25 (стр. 33).

Набор флексий оптатива един для всех глаголов и для Prs и Pst, см. Табл. 26 (стр. 33); как и в Imp, в одной-единственной парадигматической клетке (1SgOpt) встречаются две разные флексии, распределенные в презенсе по СИ-типам, см. § 4.4.4.

Наконец, флексии Mp совершенно одинаковы для всех типов глаголов, см. Табл. 27 (стр. 33). Напомню, что в медиопассиве множественного числа не различаются формы лиц.

Теоретически в составе флексий MpOpt можно было бы выделить *-i* в качестве маркера оптатива, однако такое описательное решение, во-первых, противоречило бы Принципу флексивности и, во-вторых, никак не

упростило бы описание, поскольку такое «агглютинативное» соотношение индикатива и оптатива более в готском не встречается.

	1	—
Sg	2	$\emptyset/i$
	3	<i>dau</i>
Du	1	—
	2	<i>ts</i>
Pl	1	<i>m</i>
	2	<i>iþ</i>
	3	<i>ndau</i>

Табл. 25. Наборы
флексий Imp

	1	<i>au/Ø</i>
Sg	2	<i>s</i>
	3	$\emptyset$
Du	1	<i>wa</i>
	2	<i>ts</i>
Pl	1	<i>ma</i>
	2	<i>þ</i>
	3	<i>na</i>

Табл. 26. Наборы
флексий Opt

		Ind	Opt
Sg	1,3	<i>da</i>	<i>dau</i>
	2	<i>za</i>	<i>zau</i>
Pl		<i>nda</i>	<i>ndau</i>

Табл. 27. Наборы флексий Mp

4.4.3. Классификация V-лексем

Готские V-лексемы можно разбить на три основных СИ-типа, различающиеся способами образования базовых основ: **сильные** глаголы (сильн.), **слабые** глаголы (слаб.) и **претерито-презентные** глаголы (ПП), которые можно было бы также назвать сильно-слабыми, ср. [Гухман 1958: 139]. К последнему СИ-типу относятся лишь несколько нерегулярных и уникальных глаголов, словоизменение которых объединяет черты сильных и слабых глаголов, поэтому они будут рассмотрены вместе с нерегулярными V-лексемами в § 4.4.5. Что же касается сильных и слабых V-лексем, то они представляют собой два четко различающихся между собой регулярных СИ-типа, каждый из которых распадается на несколько подтипов. Выделение двух основных классов глаголов и подразделение их на подклассы довольно единообразно проводится во всех описаниях готского языка, см. [Wright 1910: 133–134; Streitberg 1920: 140; Mossé 1956: 120–121; Miller 2019: Ch. 5]. В данном разделе будет описано только образование баз разных СИ-типов V-лексем. Правила построения рабочих основ, к которым присоединяются флексии, будут приведены в § 4.4.4.

А. Сильные глаголы отличаются от слабых в первую очередь тем, что их базы образуются не суффиксацией, а в основном с помощью чередований гласных (аблаута). В пределах макрокласса сильных V-лексем можно выделить семь классов (я буду обозначать их римскими цифрами), различия между которыми заключаются, во-первых, в виде чередований и, во-вторых, в структуре корня, ср. [Miller 2019: 176–177].

Базы сильных глаголов I–VI классов образуются только при помощи аblaута. Мы будем считать BI, получающуюся из словоформы инфинитива отделением цепочки *-an* (или из любой словоформы системы PrsInd отделением флексии), исходной. Она имеет следующую общую структуру: C₁V₁(R)C₂, где C — согласный или группа согласных, V — гласный, R — сонант /i, u/. Базы BII, BIII, BIV получаются из BI заменой типа V₁ → V₂, V₁R → V₂. Типы огласовок баз I–VI классов сильных глаголов представлены в Табл. 28. Каждая из баз получается подстановкой данной в таблице цепочки в интервал C₁–C₂.

	BI	BII	BIII	BIV
I	<i>ei</i>	<i>ai</i>	<i>i</i>	
II	<i>iu</i>	<i>au</i>		<i>u</i>
III				
IV	<i>i</i>	<i>a</i>	<i>e</i>	
V				<i>i</i>
VI	<i>a</i>	<i>o</i>		<i>a</i>

Табл. 28. Образование баз сильных глаголов классов I–VI

В VI классе есть небольшая группа глаголов, BI которых имеет суффикс *-j-*: HAFJAN ‘поднимать’, SKAŘJAN ‘вредить’ и некоторые другие. Остальные базы таких глаголов получаются из BI усечением конечного *-j-* и применением стандартных чередований, ср. 3SgPrsInd *and.hafjip* C, Мф 25:45 ~ 3SgPstInd *and.hofCA*, Мф 27:12 ‘отвечать’.

В базах, содержащих одиночные *i* или *u*, происходит их «преломление» по правилу (5) перед *r*, *h*, *hv*. В Табл. 29 (стр. 35) приводятся образцы баз I–VI классов сильных глаголов с «преломлением» и без него.

Принадлежность V-лексемы к одному из шести классов можно (за редкими исключениями) определить по BI: все глаголы I класса содержат *-ei-*, II класса — *-iu-*, III класса — *-i-* (*-ai-*) + сонорный (*r*, *l*, *m*, *n*) + согласный (напомню, что буквосочетания *gk*, *gg*, *gq* фонологически означают /nk/, /ng/, /nkʷ/), IV класса — *-i-* (*-ai-*) + сонорный, V класса — *-i-* (*-ai-*) + шумный согласный, VI класса — *-a-*.

		BI	BII	BIII	BIV
I	STEIGAN ‘подниматься’ TEINAN ‘показывать’	<i>steig-</i> <i>teih-</i>	<i>staig-</i> <i>taih-</i>		<i>stig-</i> <i>taíh-</i>
II	BIUGAN ‘гнуть’ TIUHAN ‘уводить’	<i>biug-</i> <i>tiuh-</i>	<i>baug-</i> <i>tauh-</i>		<i>bug-</i> <i>taúh-</i>
III	BINDAN ‘связывать’ WAÍRPAN ‘бросать’	<i>bind-</i> <i>waírp-</i>	<i>band-</i> <i>warp-</i>		<i>bund-</i> <i>waúrp-</i>
IV	QIMAN ‘приходит’ BAÍRAN ‘нести’	<i>qim-</i> <i>baír-</i>	<i>qam-</i> <i>bar-</i>	<i>qem-</i> <i>ber-</i>	<i>qum-</i> <i>baír-</i>
V	GIBAN ‘давать’ SAÍHUAN ‘видеть’	<i>gib-</i> <i>saíhv-</i>	<i>gab-</i> <i>sahv-</i>	<i>geb-</i> <i>sehv-</i>	<i>gib-</i> <i>saíhv-</i>
VI	GRABAN ‘копать’ HAJFJAN ‘поднимать’	<i>grab-</i> <i>hafj-</i>		<i>grob-</i> <i>hof-</i>	<i>grab-</i> <i>haf-</i>

Табл. 29. Образцы баз сильных глаголов классов I–VI

V-лексемы VII класса образуют базы совершенно другим способом, а именно редупликацией, при этом BIV совпадает с BI, а BII — с BIII. Редупликация, при помощи которой строится база BII от непроизводных глаголов, описывается так:

- (10) Пусть BI = C₁B', где C₁ — согласный, сочетание *sk*, *st* или $\emptyset$, а B' — непустая цепочка букв не длиннее одного слога. Тогда BII = C₁aíBI.
Если B' содержит *-e-* или оканчивается на *-ai-*, они заменяются на *-o-*.

В связи с V-лексемами VII класса уместно сформулировать общее правило, касающееся словоизменения префиксальных глаголов (ср. обсуждение явления «head marking» в [Stump 2001: Ch. 4]):

- (11) Пусть P — префикс, V — глагол без префикса, G — грамматическая характеристика. Тогда для любого G словоформа w = G(P+V) = P+G(V).

Иными словами, словоизменение префиксальных глаголов тождественно словоизменению простых, в том числе в отношении действия морфонологических правил (в частности, правило (4), чувствительное к количеству слогов в основе, «не считает» глагольный префикс, см. ниже). Применительно к глаголам VII класса это означает, что редупликация применяется к основе без префикса, применительно к сильным глаголам

в целом — что правила аблautа нечувствительны к наличию префиксов и не учитывают их. Образцы баз глаголов VII класса приведены в Табл. 30.

		BI	BII	BIII	BIV
VII	SKAIDAN ‘разлучать’	<i>skaid-</i>	<i>skaískaid-</i>	<i>skaid-</i>	
	HAITAN ‘звать’	<i>hait-</i>	<i>haíhait-</i>	<i>hait-</i>	
	AUKAN ‘растить’	<i>auk-</i>	<i>aíauk-</i>	<i>auk-</i>	
	SAIAN ‘сеять’	<i>sai-</i>	<i>saíso-</i>	<i>sai-</i>	
	FRA.LETAN ‘разрешать’	<i>fra.let-</i>	<i>fra.laílot-</i>	<i>fra.let-</i>	
	AF.AIKAN ‘отрекаться’	<i>af.aik-</i>	<i>af.aíai-</i>	<i>af.aik-</i>	

Табл. 30. Образцы баз сильных глаголов VII класса

В. Слабые V-лексемы образуют базы при помощи суффиксации без регулярных чередований гласных. Существует четыре класса слабых глаголов, которые я буду обозначать арабскими цифрами. Слабые глаголы всех четырех классов обладают следующим общим свойством образования баз:

$$(12) \text{ BIII} = \text{BII} + \text{ed}, \text{ BIV} = \text{BII}$$

Таким образом, глаголы классов 1–4 различаются в основном структурой BI и правилами образования BII, см. [Гухман 1958: 150–165; Wright 1910: 149–161; Streitberg 1920: 149–154; Mossé 1956: 128–130; Miller 2019: 191–193].

Все глаголы класса 1 в инфинитиве оканчиваются на *-jan*. Для того, чтобы получить BI, необходимо отделить от словоформы Inf последние две буквы. Аналогичным образом получаются BI глаголов классов 3 (Inf на *-an*) и 4 (Inf на *-nan*). В отличие от них, все глаголы класса 2 (и только они) имеют инфинитив на *-on*; чтобы получить BI, нужно отделить только последнюю букву (очевидно, что здесь та же флексия *-an*, гласный которой исчез по правилу (7)). Правила образования BII приведены в Табл. 31. В столбце BI указана последняя буква BI (кроме класса 3, где она совпадает с последней буквой корня и потому может варьироваться). В BII класса 1 происходит вокализация *-j* по правилу (1).

	BI	BII
1	<i>j</i>	
2	<i>o</i>	<i>BI+d</i>
3	C	<i>BI+aid</i>
4	<i>n</i>	<i>BI+od</i>

Табл. 31. Соотношение BI и BII у слабых глаголов

В Табл. 32 приводятся примеры образования всех баз для классов I–IV. BIV от глагола класса 4 взята в скобки потому, что от этих глаголов РП не образуется.

	BI	BII	BIII	BIV
WASJAN ‘одевать’	<i>wasj-</i>	<i>wasid-</i>	<i>wasided-</i>	<i>wasid-</i>
SALBON ‘мазать’	<i>salbo-</i>	<i>salbod-</i>	<i>salboded-</i>	<i>salbod-</i>
HABAN ‘иметь’	<i>hab-</i>	<i>habaid-</i>	<i>habaided-</i>	<i>habaid-</i>
FULLNAN ‘наполняться’	<i>fulln-</i>	<i>fullnod-</i>	<i>fullnoded-</i>	(<i>fullnod-</i>)

Табл. 32. Образцы баз слабых глаголов

В классе I выделяется небольшая группа лексем, образующих BII (и, соответственно, BIII и BIV) не по правилам из Табл. 31, а присоединяя суффикс *-t* непосредственно к корню с усечением *-j*:

$$(13) \text{ BII} = \text{BI} \setminus j + t$$

При этом происходят следующие дополнительные чередования (важно, что правила (14c, d) действуют после правила (14a), создающего контекст для них):

- (14) a. $k, g \rightarrow h / \_t$
- b. $t \rightarrow s / \_t$ (= правило 6)
- c. $u \rightarrow a\acute{u} / \_h$ (= правило 5)
- d. $ag, ug \rightarrow \bar{a}, \bar{u} / \_h$ (г здесь фонологически означает /n/)

Данную группу глаголов я выделяю в подкласс 1t. Примеры образования баз V-лексем этого класса приведены в Табл. 33.

	BI	BII	BIII	BIV
WAÚRKJAN ‘действовать’	<i>waúrkj-</i>	<i>waúrht-</i>	<i>waúrhed-</i>	<i>waúrht-</i>
PAGKJAN ‘думать’	<i>pagkj-</i>	<i>pāht-</i>	<i>pāhted-</i>	<i>pāht-</i>
BUGJAN ‘покупать’	<i>bugj-</i>	<i>baúht-</i>	<i>baúhted-</i>	<i>baúht-</i>
KAUPATJAN ‘давать пощечину’	<i>kaupatj-</i>	<i>kaupast-</i>	<i>kaupasted-</i>	<i>kaupast-</i>

Табл. 33. Образцы баз глаголов класса 1t

4.4.4. Правила образования рабочих основ и выбора флексий V-лексем

Образование рабочих основ V-лексем от четырех баз более или менее одинаково у всех классов глаголов. Также в большинстве случаев к одинаковым рабочим основам в разных классах присоединяются одни и те

же флексии. Нужно, однако, отметить следующие особенности: во-первых, имеются различия в построении рабочих основ и выборе флексий между сильными и слабыми V-лексемами; во-вторых, в то время как лексемы всех семи сильных классов образуют рабочие основы и словоформы одинаково, между классами слабых глаголов имеются в этом смысле некоторые различия. Правила построения рабочих основ для всех классов глаголов приведены в Табл. 34. Второй класс слабых глаголов приводится в таблице последним, поскольку отличается от всех остальных.

	I–VII	1	3	4	2*
PrsInd			BI		
Imp**		BI+a			
MpInd			—		
PrsOpt***		BI+ai			BI
MpOpt			—		
Inf		BI+an			
Pl		BI+and			
PstIndSg		BI			
PstIndDuPl		BII			
PstOpt		BIII+u			
PII	BIV+an		BIV		

Табл. 34. Правила образования рабочих основ V-лексем

Примечания к Табл. 34:

- * В классе 2 во всех релевантных случаях гласный форматива выпадает по правилу (7).
- ** Кроме 2Sg2PlImp, образование которых будет описано ниже отдельно.
- *** Кроме 1SgOptPrs, основа которой совпадает с BI.
- **** J — особый форматив, поверхностные варианты которого распределяются следующим образом:

$$(15) \begin{aligned} J &\rightarrow i/_\#, \\ &\rightarrow j/_V \\ &\rightarrow ei/_C \end{aligned}$$

В Табл. 35 (стр. 39) указаны правила выбора наборов флексий для всех финитных подпарадигм и отдельно для трех форм, указанных в примечаниях к Табл. 34. Напомню, что сами наборы флексий приведены в §4.4.2 в Табл. 23–27, ссылки на которые даны в Табл. 35.

	I–VII	1, 4	3*	2**
PrsInd (T. 23)	Prs			
PstInd (T. 24)	сильные	слабые		
Imp (T. 25)	Imp			
Imp2Sg***	∅	-i	∅	
Imp2Pl	= 2PlPrsInd			
PrsPstOpt (T. 26)	Opt			
PrsOpt1Sg	-au		∅	
Mp (T. 27)	Mp			

Табл. 35. Правила выбора флексий финитных форм V-лексем

Примечания к Табл. 35:

- * В классе 3 перед флексиями, начинающимися с *i* (2,3Sg2PlPrsInd, 2SgPlImp), BI расширяется формативом *-a-*.
- ** В классе 2 флексии PrsInd теряют гласный по правилу (7) (в частности, 1Sg *-a* → ∅).
- *** 2SgImp у сильных глаголов и слабых глаголов классов 2 и 4 совпадает с BI, у глаголов класса 1 получается из BI заменой *-j-* на *-ei-*, у глаголов класса 3 = BI + *ai*.

Помимо этого, в готском глагольном словоизменении наблюдаются следующие морфонологические явления. Во-первых, у всех сильных глаголов в словоформах с нулевой флексией, присоединяющейся непосредственно к соответствующей базе (2SgImp, 1,3SgPstInd), и в словоформе с консонантной флексией (2SgPstInd) происходит чередование звонких и глухих согласных по правилу (3): GIBAN V ‘давать’: 2SgImp *gif* CA, Ин 6:34, 1,3SgPstInd *gaf* CA, Ин 6:37, 2SgPstInd *gaft* CA, Ин 17:22; BIDAN V ‘просить’: 1,3SgPstInd *baþ* CA, Лк 7:36. Во-вторых, когда флексия 2SgPstInd сильных глаголов *-t* присоединяется к основе на дентальный шумный /d, t, þ/, этот согласный переходит в /s/ по правилу (6), например, AND.HAITAN ‘исповедовать’: *and.haíhaist* A/B, 1Тим 6:12; ANA.BIUDAN ‘приказать’: *ana.baust* CA, Лк 14:22; QIRAN V ‘говорить’: *qast* CA, Лк 20:39. Тем не менее, правило (14a) в этой форме не действует, ср. ниже спряжение претерито-презентного глагола MAGAN ‘мочь’.

В-третьих, при образовании форм PrsInd и 2PlImp глаголы классов 1 и VIj подвергаются действию правила (4): WASJAN 1 ‘одевать’: 3SgPrsInd *wasjip* CA, Мф 6:30; GA.NASJAN 1 ‘спасти’: 2SgPrsInd *ga.nasjis* B, 1Тим 4:16 vs. GA.WANDJAN 1 ‘возвратить’: 3SgPrsInd *ga.wandeip* CA, Лк 1:16; SOKJAN 1 ‘искать’: 2PlPrsInd *sokeip* CA, Ин 6:26; RODJAN 1 ‘говорить’: 2SgPrsInd *rodeis* CA, Ин 16:29; WAHSJAN VIj ‘растить’: 3SgPrsInd *wahseip* B, Эф 2:21.

4.4.5. V-лексемы с нерегулярным и уникальным словоизменением

Ввиду того, что, с одной стороны, полная парадигма готской V-лексемы довольно обширна, а, с другой стороны, в большинстве случаев нерегулярность спряжения заключается в нестандартном образовании основ, при описании словоизменения глаголов, отклоняющихся от стандартных СИ-типов, я буду использовать так называемые «анкеты» V-лексем (ср. [Поливанова 2013: 143]). В анкету включаются словоформы, образованные от каждой из рабочих основ данной V-лексемы (если такая основа имеется), а также словоформы, демонстрирующие основные парадигматические противопоставления в пределах репрезентации. Свободная анкета V-лексемы представлена в Табл. 36.

Inf		NSgmIdPI		NSgmIdPII	
1SgPrsInd		2SgPrsInd		1PlPrsInd	
1SgPrsOpt	2SgPrsOpt	PlMpInd	PlMpOpt		
2SgImp		3SgImp		2PlImp	
1,3SgPstInd		1PlPstInd		1SgPstOpt	

Табл. 36. Анкета готской V-лексемы

Желая построить словоформу s_0 лексемы L с грамматической характеристикой G_0 , необходимо: а) выяснить, от какой основы образуется s_0 , что однозначно определяется G_0 ; б) найти в анкете L словоформу s_1 с грамматической характеристикой G_1 , образованную от той же основы; в) по таблице флексий для данной подпарадигмы узнать, какая флексия отвечает s_1 ; д) отделить эту флексию; получится требуемая основа; е) по той же таблице флексий определить, какая флексия отвечает s_0 ; ф) присоединить к полученной основе эту флексию, при этом провести все необходимые чередования. Приведу для иллюстрации анкету глагола QIPAN V ‘говорить’, для которого значительная часть анкетных форм зафиксирована в памятниках (см. [Snædal 2009: 162–163]), см. Табл. 37.

Inf: qipan		NSgmIdPI: qipands		NSgmIdPII: *qipans	
1SgPrsInd: qipa		2SgPrsInd: qipis		1PlPrsInd: qipam	
1SgPrsOpt: qipau	2SgPrsOpt: qipais	PlMpInd: *qipanda	PlMpOpt: qipaindau		
2SgImp: qip		3SgImp: qipadau		2PlImp: qipip	
1,3SgPstInd: qap		1PlPstInd: qepum		1SgPstOpt: qejau	

Табл. 37. Анкета глагола QIPAN V ‘говорить’

Анкеты будут использоваться при описании спряжения претерито-презентных глаголов, которые нельзя включить ни в какой из рассмотренных

выше регулярных классов V-лексем. При описании словоизменения глаголов, отклоняющихся от того или иного СИ-типа, я буду указывать лишь нестандартно образованные базы, основы или словоформы. В тех случаях, когда «анкетная» словоформа в памятниках не зафиксирована, но известна минимально отличающаяся от нее, я буду приводить последнюю, а не реконструированную форму.

А. Претерито-презентные глаголы. К данному СИ-типу (ПП) относится небольшое количество V-лексем, словоизменительная модель которых сочетает в себе признаки как сильных, так и слабых глаголов: все ПП-глаголы образуют словоформы Prs по типу Pst сильных глаголов, а Pst и PII — по типу слабых глаголов. Практически каждый из ПП-глаголов можно условно соотнести с одним из классов I–VI; при этом PrsIndSg образуется от BII, PrsIndDuPl и PrsOpt — от BIII, а Pst, Mp, PI, PII, Inf — от BIV. При такой трактовке BI в системе ПП-глаголов вообще нет (например, база с огласовкой *-i-* у глагола KUNNAN ‘знать’ — BIII либо BIV, но не BI, даже если от нее образуется Prs). Кроме того, образование баз ПП-глаголов в любом случае нередко отклоняется от регулярного для соответствующих классов сильных глаголов. Ниже приводятся анкеты всех засвидетельствованных неединичными формами ПП-глаголов; пропуски в анкетах означают, что данная словоформа не засвидетельствована и не может быть восстановлена. Это в первую очередь касается форм Imp и Mp, которые у ПП-глаголов в силу их стативной семантики, по всей видимости, вообще отсутствовали.

Inf: * <i>witan</i>	NSgmIdPI: <i>witands</i>		NSgmIdPII: —
1SgPrsInd: <i>wait</i>		2SgPrsInd: <i>waist</i>	1PlPrsInd: <i>witum</i>
1SgPrsOpt: <i>witjau</i>	2SgPrsOpt: <i>witeis</i>	PlMpInd: —	PlMpOpt: —
2SgImp: —		3SgImp: —	2PlImp: —
1,3SgPstInd: <i>wissa</i>		3PlPstInd: <i>wissedun</i>	1SgPstOpt: <i>wissedjau</i>

Табл. 38. Анкета глагола *WITAN ‘знать’

Inf: <i>kunnan</i>	NSgmIdPI: <i>kunnands</i>		NSgmIdPII: <i>kunps</i>
1SgPrsInd: <i>kann</i>		2SgPrsInd: <i>kan(n)t</i>	1PlPrsInd: <i>kunnum</i>
1SgPrsOpt: <i>kunnjau</i>	2SgPrsOpt: <i>kunneis</i>	PlMpInd: —	PlMpOpt: —
2SgImp: —		3SgImp: —	2PlImp: —
1,3SgPstInd: <i>kunfa</i>		3PlPstInd: <i>kunpedum</i>	2PlPstOpt: <i>kunpedeip</i>

Табл. 39. Анкета глагола KUNNAN ‘знать, быть знакомым’

Inf: * <i>þaúrban</i>		DSgmndfPI: <i>þaúrbandin</i>	NSgmldPII: <i>þaúrfts</i>
1SgPrsInd: <i>þarf</i>		2SgPrsInd: <i>þarft</i>	1PlPrsInd: <i>þaúrbum</i>
1SgPrsOpt: —	2PlPrsOpt: <i>þaúrbeip</i>	PlMpInd: —	PlMpOpt: —
2SgImp: —		3SgImp: —	2PlImp: —
1,3SgPstInd: <i>þaúrfta</i>		1PlPstInd: —	1SgPstOpt: —

Табл. 40. Анкета глагола *РÁУРБАН ‘нуждаться’

Inf: <i>ga.daúrsan</i>		NSgmIdPI: —	NSgmIdPII: —
1SgPrsInd: <i>ga.dars</i>		2SgPrsInd: —	1PlPrsInd: <i>ga.daúrsum</i>
1SgPrsOpt: <i>ga.daúrsjau</i>	2SgPrsOpt: —	PlMpInd: —	PlMpOpt: —
2SgImp: —		3SgImp: —	2PlImp: —
1,3SgPstInd: <i>ga.daúrsta</i>		3PlPstInd: <i>ga.daúrstedun</i>	1SgPstOpt: —

Табл. 41. Анкета глагола GA.DAÚRSAN ‘осмеливаться’

Inf: * <i>skulan</i>		NSgmIdPI: —	NSgmIdPII: <i>skulds</i>
1SgPrsInd: <i>skal</i>		2SgPrsInd: <i>skalt</i>	1PlPrsInd: <i>skulum</i>
1SgPrsOpt: <i>skuljau</i>	3SgPrsOpt: <i>skuli</i>	PlMpInd: —	PlMpOpt: —
2SgImp: —		3SgImp: —	2PlImp: —
1,3SgPstInd: <i>skulda</i>		1PlPstInd: <i>skuldedum</i>	3SgPstOpt: <i>skuldedi</i>

Табл. 42. Анкета глагола *SKULAN ‘долженствовать’

Inf: * <i>munan</i> ⁹		APlmIdPI: <i>munandans</i>	NSgmIdPII: <i>munds</i>
1SgPrsInd: <i>man</i>		2SgPrsInd: —	2PlPrsInd: * <i>munup</i> ¹⁰
1SgPrsOpt: —	3SgPrsOpt: <i>muni</i>	PlMpInd: —	PlMpOpt: —
2SgImp: —		3SgImp: —	2PlImp: —
1,3SgPstInd: <i>munda</i>		3PlPstInd: <i>mundedun</i>	1SgPstOpt: —

Табл. 43. Анкета глагола *MUNAN ‘думать’

Inf: * <i>magan</i>		NSgmIdPI: <i>magands</i>	NSgmIdPII: <i>mahts</i>
1SgPrsInd: <i>mag</i>		2SgPrsInd: <i>magt</i>	1PlPrsInd: <i>magum</i>
1SgPrsOpt: <i>magjau</i>	2SgPrsOpt: <i>mageis</i>	PlMpInd: —	PlMpOpt: —
2SgImp: —		3SgImp: —	2PlImp: —
1,3SgPstInd: <i>mahta</i>		1PlPstInd: <i>mahtedum</i>	3SgPstOpt: <i>mahtedi</i>

Табл. 44. Анкета глагола *MAGAN ‘мочь’

⁹ Cp. *ga.munan* ‘помнить’ А, 1Кор 15:2.¹⁰ Cp. *ga.tinup* ‘помните’ СА, Мк 8:18.

Inf: * <i>aihan</i> ¹¹		NSgmIdPI: <i>aigands</i>	NSgmIdPII: —	
1SgPrsInd: <i>aih</i>		2SgPrsInd: <i>aiht</i>	1PlPrsInd: <i>aigum</i> // <i>aihum</i>	
1SgPrsOpt: —	3SgPrsOpt: <i>aigi</i>	PlMpInd: —	PlMpOpt: —	
2SgImp: —		3SgImp: —	2PlImp: —	
1,3SgPstInd: <i>aihta</i>		3PlPstInd: <i>aihtedun</i>	2SgPstOpt: <i>aihtedeis</i>	

Табл. 45. Анкета глагола *АИХАН ‘иметь’

Inf: —		NSgmIdPI: <i>ogands</i>	NSgmIdPII: —	
1SgPrsInd: <i>og</i>		2SgPrsInd: —	1PlPrsInd: —	
1SgPrsOpt: —	2SgPrsOpt: <i>ogeis</i>	PlMpInd: —	PlMpOpt: —	
2SgImp: <i>ogs</i>		3SgImp: —	2PlImp: —	
1,3SgPstInd: <i>ohta</i>		3PlPstInd: <i>ohtedun</i>	1SgPstOpt: —	

Табл. 46. Анкета глагола *OGAN ‘бояться’

- *-NAÚHAN: GA.NAÚHAN ‘быть достаточным’, VI.NAÚHAN ‘быть должным’: 3SgPrsInd *bi.nah*, NSgmIdPII *bi.naúht* А, 1Кор 10:23, 3SgPrsInd *ga.nah* А/В, 2Кор 2:6.
- *GA-MOTAN ‘вмещаться’: 3SgPrsInd *ga.mot* CA, Ин 8:37, 1PlPrsOpt *ga.moteima* А/В 2Кор 7:2, 3PlPstInd *ga.mostedun* CA, Мк 2:2.
- lais* 1,3SgPrsInd ‘знаю’ В, Фил 4:12; засвидетельствована только данная словоформа.
- daug* 1,3SgPrsInd ‘годится’ А, 1Кор 10:23; засвидетельствована только данная словоформа.

В. Другие нерегулярные V-лексемы. Здесь вместо анкет указывается СИ-тип, к которому ближе всего оказывается словоизменение лексемы, и отклоняющиеся базы и/или конкретные формы.

- LŪKAN ‘закрывать’ II ∇BI *lūk-*: NSgmIdPI *ga.lūkands* CA, Мф 6:6 ~ 3SgPstInd *ga.lauk* CA, Лк 3:20.
- TRUDAN ‘наступать’ IV¹² ∇BI *trud-*: Inf *trudan* CA, Лк 10:19, NSgmIdPII *ga.trudan* CA, Лк 8:5; ВII и ВIII не зафиксированы.

¹¹ Ср. *faír.aihan* ‘иметь долю’, А, 1Кор 10:21.

¹² Данный глагол традиционно относят к IV классу (ср. [Streitberg 1910: 142; Miller 2019: 488]) на основании внешнего сравнения; аномальны для IV здесь не только ступень аблauta *-u-*, но и конечный шумный корня.

WULAN	'распространяться' IV ∇BI <i>wul-</i> : 3SgPrsInd <i>wulip</i> B, 2Tim 2:17; BII–BIV не зафиксированы.
FRA.ITAN	'жрать' V ∇BII <i>fret-</i> : 3SgPstInd <i>fret</i> CA, Лк 15:30. ¹³
FRAÍHNAN	'спрашивать' V ∇BI <i>fraíh.n-</i> : 2PlImp <i>fraíhnip</i> CA, Ин 9:21, 3SgPrsOpt <i>fraíhnai</i> CA, Ин 16:30 ~ 3SgPstInd <i>frah</i> CA, Мф 27:11, 3PlPstInd <i>frehun</i> CA, Ин 9:2, NSgmIdPII <i>fraíhans</i> CA, Лк 17:20.
STANDAN	'стоять' VI ∇BI <i>sta.n.d-</i> : ¹⁴ 3SgPrsInd <i>us.standip</i> CA, Ин 11:23 ~ 3SgPstInd <i>stop</i> CA, Мф 27:11, 3PlPstInd <i>stopun</i> CA, Ин 18:18.
SLEPAN	'спать' VII ∇BII, BIII <i>saíslep-//saízlep-</i> : 3SgPstInd <i>saíslep</i> CA, Мф 8:24, 3PlPstInd <i>ga.saízlepun</i> A, 1Kop 15:6.
GAGGAN	'идти' VII ¹⁵ ∇BII <i>iddj-//gaggid-</i> , BIII <i>iddjed-</i> : 3SgPstInd <i>iddja</i> CA, Мф 9:9, <i>gaggida</i> CA, Лк 19:12, ¹⁶ 3PlPstInd <i>iddjedun</i> CA, Ин 6:21 ~ 2SgImp <i>gagg</i> CA, Мф 8:9, ASgfIdPII <i>us.gaggana</i> CA, Мк 7:30.
BRIGGAN	'нести' III ∇BII <i>bráht-</i> , BIII <i>bráhted-</i> : 3SgPstInd <i>bráhta</i> CA, Лк 15:13, 3PlPstInd <i>bráhtedun</i> CA, Лк 2:22 ~ 2SgPrsOpt <i>briggais</i> CA, Мф 6:13.
WILJAN	'хотеть' ∇нет PrsInd; PrsOpt <i>wil+J</i> , BII <i>wild-</i> , BIII <i>wilded-</i> : 1SgPrsOpt <i>wiljau</i> CA, Мт 8:3, 2SgPrsOpt <i>wileis</i> CA, Лк 5:12, 3SgPstInd <i>wilda</i> CA, Лк 15:28, 3PlPstInd <i>wildedun</i> CA, Лк 19:27.
WISAN	'быть' V ∇Prs, см. Табл. 47 (стр. 45) [Snædal 2009: 161]; PrsOpt образуется регулярно от основы <i>si(j)-</i> ~ Inf <i>wisan</i> CA, Ин 7:4, NSgmIdPI <i>wisands</i> CA, Ин 7:9; Imp нет; 3SgPstInd <i>was</i> CA, Мф 7:25, 1SgPstOpt <i>wesjau</i> CA, Ин 18:36.
*HIRJAN	'идти к говорящему' ∇только Imp: 2SgImp <i>hiri</i> CA, Ин 11:34, 2DuImp <i>hirjats</i> CA, Мк 1:17, 2PlImp <i>hirjip</i> CA, Мк 12:7. NB нет преобразования i→ái по правилу (5).

¹³ По аналогии с данной лексемой обычно постулируется нерегулярная BII и у непроизводной лексемы ITAN 'есть', ср. [Miller 2019: 659]; для этого нет оснований, т.к. соответствующие формы не зафиксированы, а /ē/ в BII от FRAITAN может быть результатом слияния, ср. трактовку этих глаголов в [Streitberg 1910: 69] и данные других германских языков.

¹⁴ В BI аномальны инфикс и звонкость конечного согласного.

¹⁵ Отнесение данной лексемы к VII классу условно.

¹⁶ В [Miller 2019: 191] данная форма соотносится с не зафиксированным иначе глаголом *gaggjan 1.

		Ind	Opt
Sg	1	<i>im</i>	<i>si(j)au</i>
	2	<i>is</i>	<i>si(j)ais</i>
	3	<i>ist</i>	<i>si(j)ai</i>
Du	1	<i>siju</i>	—
	2	<i>*sijuts</i>	—
Pl	1	<i>si(j)um</i>	<i>si(j)aima</i>
	2	<i>si(j)uþ</i>	<i>si(j)aip</i>
	3	<i>sind</i>	<i>si(j)aina</i>

Табл. 47. Спряжение V-лексемы *wisan* ‘быть’ в презенсе

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предшествующих разделах была построена по возможности полная синхронная парадигматическая модель словоизменения готского языка, основывающаяся на ряде относительно простых и интуитивно приемлемых принципов, сформулированных в работах А. А. Зализняка и А. К. Поливановой и — отчасти¹⁷ независимо от них — в работах ряда зарубежных морфологов, придерживающихся тех или иных вариантов модели «слово-парадигма». Предложенное здесь описание, смею надеяться, является, с одной стороны, более эксплицитным и обобщенным, чем представленное в классических грамматиках готского языка, включая и новейшую грамматику [Miller 2019], с другой стороны, более наглядным и адекватным языковому материалу, чем раннегенеративистский опыт [Buckalew 1964]. Несмотря на то, что в целом ряде деталей мое описание отличается от традиционных, я в основном сохраняю те же номенклатуру словоизменительных типов и логику построения форм (особенно в системе глагола), лишь эксплицируя и формализуя морфологические и морфонологические закономерности. Предложенное здесь описание готского словоизменения может быть дополнено парадигматическими сопоставлениями разных СИ-типов и анализом в терминах взаимной предсказуемости клеток парадигмы в духе недавних работ [Ackerman, Malouf 2016; Sims, Parker 2016], но это уже тема отдельного исследования. Мне лишь остается надеяться, что изложенное выше окажется небесполезным специалистам как по готскому языку, так и по теоретической морфологии.

¹⁷ Г. Г. Корбетт в своих работах, в частности, в книге [Corbett 2012], признает значительное влияние А. А. Зализняка.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность А. В. Кейдану за любезное приглашение принять участие в сборнике и одобрение идеи опубликовать мои готские штудии и А. Раткусу за предоставление труднодоступной литературы, а также Д. М. Зеленскому, Д. С. Николаеву, И. С. Пекуновой, О. А. Смирницкой и О. Хиллу за ценные замечания. Все ошибки остаются всецело на моей совести.

ГОТСКИЕ ПАМЯТНИКИ

CA	Codex Argenteus	C	Codex Ambrosianus C
Car	Codex Carolinus	D	Codex Ambrosianus D
A	Codex Ambrosianus A	E	Codex Ambrosianus E
B	Codex Ambrosianus B	Sk	Skeireins

ЛИТЕРАТУРА

- Аркадьев П. М. Возможны ли однопадежные системы? // *Znaki czy nie znaki? Zbiór prac lingwistycznych. Tom 2 / red. J. Piątkowska, G. Zeldowicz.* — Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. — S. 9–37.
- Вайан А. Руководство по старославянскому языку / Пер. с франц. В. В. Бородич / Под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова. — М. : Изд. иностранной литературы, 1952.
- Гухман М. М. Готский язык. — М. : Иногиз, 1958.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М. : Наука, 1967.
- Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях I // Проблемы грамматического моделирования / Отв. ред. А. А. Зализняк. — М. : Наука, 1973. — С. 53–87.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1977.
- Зализняк 1978/2019 — Зализняк А. А. Грамматический очерк санскрита // Санскритско-русский словарь / В. А. Кочергина. — М. : Русский язык, 1978. — С. 785–895. — 5-е изд., испр. и доп.: Грамматический очерк санскрита. — СПб. : Нестор-История, 2019.
- Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктураллистской морфологии // *Studia linguarum.* — М. : РГГУ, 1997. — С. 252–315.

- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Том I. Введение. Часть первая: Слово / Пер. с франц. Н. Н. Перцовой, Е. Н. Саввиной, общ. ред. Н. В. Перцова, вст. ст. А. Е. Кибрика. — М. : Языки русской культуры ; Прогресс, 1997. — Wiener Slawistischer Almanach. — SBd 38/1.
- Перцов Н. В.* Инварианты в русском словоизменении. — М. : Языки русской культуры, 2001.
- Плунгян В. А.* Общая морфология: введение в проблематику. — М. : УРСС, 2000.
- Поливанова А. К.* Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Язык логики и логика языка. Сборник статей к 60-летию В. А. Успенского / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. — Вопросы кибернетики, 166. — М., 1990. — С. 41–69.
- Поливанова 2001/2008. — *Поливанова А. К.* Формальная парадигматика и классы слов в русском языке // Nie bez znaczenia... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmunowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15 000 dni pracy naukowej / Red. W. Gruszczynski. — Białystok : Wydawnictwa Uniwersytetu w Białymostku, 2001. — S. 211–228. — 2-е изд. в А. К. Поливанова / Общее и русское языкознание. Избранные работы. — М. : РГГУ, 2008. — С. 154–175.
- Поливанова А. К.* Старославянский язык. Грамматика. Словари. — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2013.
- Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б.* Система парадигматических классов глагола в сойкинском диалекте ижорского языка // Вопросы языкознания. — 2020. — № 3. — С. 101–134.
- Ackerman F., Malouf R.* Implicative relations in word-based morphological systems // Cambridge Handbook of Morphology / Ed. by A. Hippisley, G. Stump. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — P. 272–296.
- Baerman M., Brown D., Corbett G. G.* The Syntax-Morphology Interface. A Study of Syncretism. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
- Beade P.* Gothic Phonology: A Generative Approach. — PhD Dissertation, Cornell University, 1971.
- Buckalew R. E.* A Generative Grammar of Gothic Morphology. — PhD Dissertation, University of Illinois at Urbana, 1964.
- Carstairs A.* Allomorphy in Inflection. — London : Croom Helm, 1987.
- Carstairs-McCarthy A.* Inflection classes, gender, and the Principle of contrast // Language. — 1994. — Vol. 70, № 4. — P. 737–788.
- Carstairs-McCarthy A.* Category and feature // Morphology. An International Handbook on Inflection and Word-Formation / Ed. by G. Booij et al. — Berlin : Walter de Gruyter, 2000. — P. 264–272.

- Carstairs-McCarthy A.* The Evolution of Morphology. — Oxford : Oxford University Press, 2010.
- Corbett G. G.* Canonical inflectional classes // Selected Proceedings of the 6th Décembrettes / Ed. by F. Montermini, G. Boyé, J. Tseng. — Sommerville, MA: Cascadilla Press, 2009. — P. 1–11.
- Corbett G. G.* Features. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Lunt H. G.* Old Church Slavonic Grammar. — 6th ed. — The Hague : Mouton, 1974.
- Lunt H. G.* Old Church Slavonic Grammar. — 7th ed. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2001.
- Miller D. G.* The Oxford Gothic Grammar. — Oxford : Oxford University Press, 2019.
- Mossé F.* Manuel de la langue gothique. Grammaire. Textes. Glossaire. — 2-e éd. — Paris : Éditions Montaigne, 1956.
- Ratkus A.* On some morphological properties of the adjective in Gothic // Kalbotyra. — 2009. — Vol. 61, № 3. — P. 85–101.
- Ratkus A.* The Adjective Inflection in Gothic and Early Germanic: Structure and Development. — PhD Dissertation, University of Cambridge, 2011.
- Ratkus A.* Gothic possessives, adjectives, and other modifiers in *-ata* // Journal of Germanic Linguistics. — 2015. — Vol. 27, № 3. — P. 238–307.
- Ratkus A.* Features of the Gothic adjective, with special reference to determination // Lingua Gotica: Новые исследования. Вып. 3. / Под ред. Е. Б. Яковенко. — М. : БукиВеди, 2017. — С. 103–115.
- Ratkus A.* Weak adjectives need not be definite: The evidence of variation in Gothic // Indogermanische Forschungen. — 2018. — Bd. 123, № 1. — S. 27–64.
- Sims A., Parker J.* How inflection class systems work: On the informativity of implicative structure // Word Structure. — 2016. — Vol. 9, № 2. — P. 215–239.
- Snædal M.* Ostgermanische Morphologie // Chatrešsar. Morphology and Digitisation. Proceedings of the International Conference, Berlin, July 7–8 2006. — Praha : Univerzita Karlova v Praze, 2009. — S. 147–167.
- Streitberg W.* Die gotische Bibel. Zweiter Teil: Gotisch-griechisch-deutsches Wörterbuch. — Heidelberg : Carl Winter, 1910.
- Streitberg W.* Gotisches Elementarbuch. — 5. & 6. Aufl. — Heidelberg : Carl Winter, 1920.
- Stump G. T.* Inflectional Morphology. A Theory of Paradigm Structure. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
- Stump G. T.* Inflectional Paradigms. Content and Form at the Syntax-Morphology Interface. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016.
- Stump G. T., Finkel R.* Principal parts and morphological typology // Morphology. — 2007. — Vol. 17, № 1. — P. 39–75.

- Stump G. T., Finkel R.* Morphological Typology. From Word to Paradigm. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
- Wright J.* Grammar of the Gothic Language. — Oxford : Clarendon Press, 1910.

Л. А. Блюменфельд / L. Blumenfeld

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕГМЕНТНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В АБСТРАКТНОЙ ГРАММАТИКЕ

1. ВВЕДЕНИЕ

Фонологический модуль сегментной грамматики обычно описывается как некий переводчик между системами морфологии и фонетики. На входе он получает цепочки, сконструированные морфологическим (или парадигматическим) модулем грамматики, а на выходе дает поверхностные выражения, предназначенные для произношения. Фонологический модуль конкретных языков описывается как набор сегментных преобразований, или *правил*, последовательное действие которых превращает исходную цепочку в поверхностную. Эта цепь преобразований называется фонологическим *выводом*, или *деривацией*:

Переводу конкретной транскрипции в соответствующую ей фонетическую запись отвечает *вывод* вида: $A \rightarrow K_1 \rightarrow K_2 \rightarrow \dots \rightarrow K_n \rightarrow B$, где A — входное выражение, B — выходное, а K_i — промежуточные результаты. Переход между двумя непосредственно соседними выражениями осуществляется по одному из правил [Поливанова 2013: 46].

В данной работе рассматриваются формальные свойства фонологических правил, связанные с понятием *прозрачности* фонологических выводов. Это понятие будет ниже определено строго. Для начала ограничимся неформальным описанием.

Пусть мы знаем все правила нашей грамматики. Пусть дана некая цепочка на выходе деривации. Деривация считается *прозрачной*, если все правила, чьи условия выполнены в этой цепочке, были задействованы, и наоборот, не действовало ни одного правила, чьи условия выполнены не были. В противном случае деривация *темная*.

Обратный ход деривации — восстановление исходных цепочек по выходу — обычно в грамматиках напрямую не описывается. Заметим только, без доказательства, что задача индукции грамматики из набора поверхностных выражений тем легче, чем меньше в грамматике темных дериваций.

Например, грамматика, состоящая из одного единственного правила, содержит только прозрачные выводы. Ниже станет ясно, что темные деривации возникают только в том случае, если в грамматике есть *нетривиально взаимодействующие правила* — такие пары правил, для которых результат может зависеть от порядка действия. Основная часть этой работы посвящена изучению таких нетривиальных взаимодействий.

В §2–3 пересказаны классические результаты, полученные в генеративной традиции, в несколько более абстрактном и формальном виде, чем обычно принято. Далее в §4–7 излагаются новые идеи, разработанные автором этой статьи совместно с Э. Баковичем.¹

Абстрактная грамматика в данной работе выступает не как способ описания конкретных грамматик естественных языков и не как характеристика класса таких грамматик. Она сама является предметом изучения как алгебраический объект.

2. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Переходим к более строгому изложению.

1. Пусть A — алфавит сегментов. Через A^* обозначается множество конечных цепочек над A .
2. Сегментным правилом, или просто правилом, называется функция на множестве A^* .
3. Сегментная грамматика есть композиция правил $G = P_1 \circ P_2 \circ \dots \circ P_n$.
4. Композиция правил P и Q *нетривиальна* если существует цепочка x , для которой $P \circ Q(x) \neq Q \circ P(x)$.

В конкретных изложениях могут приниматься соглашения о том, какие бывают правила. Обычно такие соглашения явно не оговариваются, но следуют из принятой системы записи правил. В [Поливанова 2013], напри-

---

¹ См. [Baković, Blumenfeld 2019; 2020].

мер, принятая система, описанная на стр. 49–50, § 68. В данном изложении используется слегка модифицированная ее версия.²

- (1) a. Запись вида $\{x\}(y)\{z\} \Rightarrow r$ означает «действуя слева направо, заменить все подцепочки xuz на xrz »; $\{x\}$ и $\{z\}$ могут быть пропущены.
- b. Запись $\{x\}(a, b)\{z\} \Rightarrow r$ следует понимать как два независимых правила: $\{x\}(a)\{z\} \Rightarrow r$ и $\{x\}(b)\{z\} \Rightarrow r$.
- c. Запись вида $\{x\}(a/b)\{z\} \Rightarrow q/r$ следует понимать как два таких правила: $\{x\}(a)\{z\} \Rightarrow q$ и $\{x\}(b)\{z\} \Rightarrow r$.

Введем еще два вспомогательных символа. Символ $\#$ обозначает границу слова. Этот символ можно ввести простым соглашением, что правила действуют не непосредственно на цепочки из A^* , а на цепочки, к которым слева и справа добавляется $\#$.

Символ $\emptyset$ позволяет записывать правила, удаляющие и вводящие символы. Этот символ можно использовать либо между обычными скобками с левой стороны правила, где он означает внедрение, либо с правой стороны правила, где он означает удаление. Таким образом, правило $\{x\}(\emptyset)\{z\} \Rightarrow r$ обозначает внедрение r между x и z , а $\{x\}(y)\{\emptyset\} \Rightarrow \emptyset$ — удаление y между x и z .

В данной статье рассматриваются только формальные свойства взаимодействий правил, а не их содержательный аспект.

3. КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА

Нас будут интересовать случаи нетривиальной композиции правил. Для простоты изложения мы будем пользоваться не конкретными правилами из настоящих языков, а искусственными примерами, похожими на широко распространенные фонологические правила. Начнем со следующих трех.

- (2) a. $(e/o)\{\#\} \Rightarrow i/u$ (подъем гласного)
- b. $(i)\{w\} \Rightarrow u$ (огубление)
- c. $(k/g)\{i\} \Rightarrow \check{c}/\check{y}$ (палатализация)

---

² Эта система содержательно сходна с принятой в генеративной традиции системой записи правил в формате $a \rightarrow b / c \_ d$.

Рассмотрим пару правил (2а), (2с). Их композиция нетривиальна, поскольку существуют цепочки, для которых результат зависит от порядка действия правил. Например, такова цепочка *ke*.

- (3) a. $ke \xrightarrow{(2a)} ki \xrightarrow{(2c)} \check{ci}$
      b. $ke \xrightarrow{(2c)} ke \xrightarrow{(2a)} ki$

То же можно сказать о паре правил (2б), (2с): существуют цепочки, где исход зависит от порядка, например *kiw*.

- (4) a. $kiw \xrightarrow{(2b)} kuw \xrightarrow{(2c)} kuw$
      b. $kiw \xrightarrow{(2c)} \check{ci}w \xrightarrow{(2b)} \check{ci}w$

Сравним взаимодействия правил в (3) и (4). Правило подъема гласного $e \rightarrow i$ (2а) создает условия для действия палатализации (2с): оно создает новые цепочки вида *ki*, к которым палатализация применима. Если (2а) действует первым, так и происходит, и эти новые *ki* превращаются в *či*. В противном случае палатализация не успевает затронуть эти новые *ki*. Таким образом, в одном из порядков в (3) на выходе есть цепочки, которые должны были быть устраниены одним из правил грамматики, но устраниены не были: возникает эффект «мнимого исключения».

Случай (4) иной. Тут правило $i \rightarrow u$ (2б) не создает, а устраняет условия для действия палатализации. Если $i \rightarrow u$ действует первым, так и происходит: исходные *ki* превращаются в *ku* и палатализации более не подлежат. А если палатализация действует в начале вывода, то, напротив, ее результат виден даже тогда, когда другое правило устранило условия палатализации. Таким образом, в одном из порядков в (4) на выходе есть цепочки с эффектом «необоснованного действия».

В классической литературе³ такие типы отношений между правилами именуются *feeding* (питание) и *bleeding* (блокировка). Эти два типа отношений — свойства нетривиально взаимодействующих пар правил.

Обозначим порядок действия правил в грамматике через $>$. Таким образом, имеются четыре случая: отношения питания и блокировки и порядки $P > Q$ и $Q > P$. Именно эти четыре возможных случая и проиллюстрированы в (3) и (4). В англоязычной литературе приняты термины *feeding* и *bleeding* для случаев, где $P > Q$, и *counterfeeding* и *counterbleeding*

³ Например, [Kiparsky 1968; 1971; 1973; Chafe 1968; Koutsoudas et al. 1974; Baković 2007; 2011].

для обратных случаев, где $Q > P$ (*противопитание* и *противоблокировка*).⁴

(5)	$P > Q$	$Q > P$
P питает Q	(3a) питание	(3b) противопитание
P блокирует Q	(4a) блокировка	(4b) противоблокировка

ПРОЗРАЧНЫЕ   ТЕМНЫЕ

Питающий и блокирующий порядки *прозрачны*, поскольку условия действия всех правил выполняются на выходе. Обратные порядки являются *темными*: существуют цепочки на выходе, которые выглядят как исключение из одного из правил в случае противопитания — [ki] в (3b), или цепочки, преобразованные одним из правил, несмотря на отсутствие условий — [čuw] в (4b), — в случае противоблокировки.

Эти два свойства — «мнимое исключение» и «необоснованное действие» — диагностируют, соответственно, противопитающий и противоблокирующий порядки.

4. НЕПОЛНОТА КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКИ

Рассмотрим правила (Б3а) и (Б4) из [Поливанова 2013: § 72]. Правило Б3а вокализует ь после *j*, а правило Б4 удаляет этот *j* перед *i*. Последовательное действие видно на примере (6).

$$\begin{array}{ll} (\text{Б3а}) & \{j, \dot{i}\}(b) \Rightarrow i \\ (\text{Б4}) & (j, \dot{i})\{i\} \Rightarrow \emptyset \end{array}$$

$$(6) \text{ } боу\dot{i}.ы\dot{i}.ь \xrightarrow{\text{(Б3а)}} \text{боу}\dot{i}и\dot{i}и \xrightarrow{\text{(Б4)}} \text{боуии}$$

Порядок действия этих двух правил нетривиален, ведь первое создает условия для действия второго. В старославянском эти правила применя-

⁴ Таким образом, возникает досадная двусмысленность терминов *питание* и *блокировка* — они обозначают как абстрактные отношения правил, так и частный случай порядка, где питающее или блокирующее правила действуют первыми. Аналогично двузначны английские термины *feeding* и *bleeding*.

ются в питающем порядке, как видно из (6). Обратный, противопитающий порядок, показанный в (7b), дает характерный эффект «мнимого исключения»: цепочка [jj] является входом к Б4, но это правило не задействовано.

- (7) a. $j\acute{y} \xrightarrow{\text{(Б3а)}} jij \xrightarrow{\text{(Б4)}} ij$
 b. $j\acute{y}j \xrightarrow{\text{(Б4)}} j\acute{y}j \xrightarrow{\text{(Б3а)}} jj$

Однако и питающий порядок здесь не прозрачный, а темный. Цепочка [jj] показывает «необоснованное действие» правила Б3а, по которому [ъ] должен был превратиться в [i] после [j], но этот [j] — необходимое условие Б3а — на выходе не наблюдается. Таким образом, взаимодействие Б3а > Б4 неклассическое: это некое загадочное темное питание, неучтенное в инвентаре отношений (5). Отношение между Б3а и Б4 «обоюдотемное»: в каком порядке правила ни применяй, прозрачного вывода не получится.

Э. Бакович, впервые заметивший этот тип отношений между правилами [Baković 2007], назвал его *саморазрушающим питанием*: первое правило создает условия для второго, но второе разрушает условия первого. В результате тут смешаны свойства питания и блокировки. Ниже мы попытаемся разобраться, каким образом эти свойства тут смешаны.

Назовем этот тип отношений *подпиткой*.⁵ Приведем еще два примера.

В турецком действуют следующие два правила: эпентеза *i* между двумя конечными согласными и выпадение *k* между гласными.

- (8) a. $\{C\}(\emptyset)\{C\} \# \Rightarrow i$
 b. $\{V\}(k)\{V\} \Rightarrow \emptyset$

Действуют они именно в этом порядке, как видно из (9a). Это порядок подпитки: первое правило создает условия для действия второго (*k* между гласными), и второе правило действует, но выход темный, т. к. условия действия первого правила устранины вторым. В (9b) показан обратный порядок, с ожидаемым эффектом мнимого исключения.

- (9) a. $bebekn \xrightarrow{\text{(8a)}} bebekin \xrightarrow{\text{(8b)}} bebein$
 b. $bebekn \xrightarrow{\text{(8b)}} bebekn \xrightarrow{\text{(8a)}} bebekin$

И в заключение этого параграфа приведем совсем простой пример подпитки, сконструированный из вполне обыденных правил.

---

⁵ В работах с соавторством с Э. Баковичем мы называли этот тип отношений *seeding*.

- (10) a. $(k/g)\{i\} \Rightarrow \check{c}/\check{y}$
 b. $\{\text{шипящие}\}(i) \Rightarrow a$

Взаимодействие опять обоюдотемное: или получаем эффект необоснованного действия (11a), или мнимого исключения (11b).

- (11) a. $ki \xrightarrow{(10a)} \check{c}i \xrightarrow{(10b)} \check{c}a$
 b. $ki \xrightarrow{(10b)} ki \xrightarrow{(10a)} \check{c}i$

5. ОДНОВРЕМЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ

Существует ли общая характеристика темных выводов, описывающая все приведенные выше случаи? П. Кипарский предложил общее определение темных и прозрачных выводов, покрывающее как противопитающие, так и противоблокирующие случаи.⁶ Введем понятие *одновременного действия* правил P, Q на цепочку $x: P, Q(x)$ — это цепочка, получающаяся одновременным применением правил P и Q . В случае, если действия P и Q несовместимы, $P, Q(x)$ не определена.

Например, одновременное действие правил (2a) и (2c) на цепочку ke дает ki . Одновременное действие правил (2b) и (2c) на цепочку kiw дает $\check{c}iw$.

Пусть порядок действия P и Q нетривиален. По определению Кипарского, темными можно считать такие выводы, где результат совпадает с результатом одновременного действия.

- (12) Порядок $P > Q$ темный, если существуют цепочки x , где
 $P(Q(x)) \neq P, Q(x) = Q(P(x))$.

Как показывают вышеприведенные примеры, по этому определению противопитающий и противоблокирующий порядки являются темными. Однако с подпиткой это определение не может работать в принципе: оно асимметрично относительно порядка P и Q , и следовательно обоюдотемные отношения ему не под силу. Действительно, рассмотрим цепочку ki и правила $P=(10a)$ и $Q=(10b)$. На цепочке ki одновременное действие дает $\check{c}i$, как и применение $i \rightarrow a$ перед палатализацией. Обратный порядок дает $\check{c}a$.

---

⁶ См. [Joshi, Kiparsky 2005], где данные вопросы обсуждаются в контексте грамматики Панини.

$$(13) \begin{array}{lll} P(Q(ki)) & = P, Q(ki) \neq Q(P(ki)) \\ \check{c}i & = \check{c}i & \neq \check{c}a \end{array}$$

Следовательно, по определению одновременного действия темным является только порядок $P > Q$, но не обратный порядок. Очевидно, что одновременное действие не учитывает информацию, появившуюся в результате действия одного из правил. Именно поэтому результат одновременного действия совпадает с темными порядками в случае противопитания и противоблокировки: там первое правило не успевает учесть результат действия второго. Однако критерий одновременного действия имеет смысл только в тех случаях, когда это второе правило само по себе применимо к исходной цепочке, а в случае подпитки это не так, ведь первое правило еще и создает условия действия второго.

6. ФОРМАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ПИТАНИЯ И БЛОКИРОВКИ

6.1. Что правило P делает с элементами $I(Q)$?

Чтобы разобраться в отношениях правил и типологии этих отношений, придется привести интуитивное понимание питания и блокировки в более четкий вид.

Пусть имеются два правила, P и Q . Для простоты предположим, что в каждой цепочке эти правила применимы только один раз.⁷ Обозначим через $I(P)$ область нетривиального действия правила, т. е. множество цепочек, им преобразуемых ($I(P) = \{x : P(x) \neq x\}$). Соответственно обозначим через $O(P)$ область нетривиального выхода правил, т. е. образ $I(P)$; (тут $I = \text{input}$, $O = \text{output}$).

Формализуем описание питания и блокировки, данное выше: определим питание как тот случай, когда P создает новые элементы $I(Q)$, а блокировку как случай, когда P удаляет элементы $I(Q)$.

- (14) a. P и Q находятся в отношении питания, если
 $\exists x : x \in I(P), x \notin I(Q), P(x) \in I(Q)$.
- b. P и Q находятся в отношении блокировки, если
 $\exists x : x \in I(P), x \in I(Q), P(x) \notin I(Q)$.

---

⁷ Это упрощение позволяет избежнуть технических трудностей, но содержательно не меняет основных результатов.

Вернемся к первым примерам.

- (15) a. $(e/o)\{\#\} \Rightarrow i/u$
- b. $(i)\{w\} \Rightarrow u$
- c. $(k/g)\{i\} \Rightarrow \check{c}/\check{j}$

Правила (15a) и (15c) находятся в отношении питания: существует цепочка ke , удовлетворяющая условиям (14a). Для блокировки (правила (15b) и (15c)) условиям определения (14b) удовлетворяет цепочка kiw .

Наконец, случай подпитки с точки зрения определений (14) эквивалентен питанию. Рассмотрим пример (11). Пусть правило P — палатализация, правило Q — $i \rightarrow a$. Существует цепочка $ki \in I(P)$, $ki \notin I(Q)$, $P(ki) = \check{c}i \in I(Q)$.

Таким образом, наша первая попытка различить три типа отношений — питание, блокировка, подпитка — пока что недостаточна.

6.2. Что правило P делает с элементами $O(Q)$?

В определениях (14) питание и блокировка определяются через вход второго правила: правило P или создает, или устраниет элементы множества $I(Q)$. Однако правило P может создавать или устранять элементы не только области действия, но и области значения правила Q . Попробуем разобраться, что правило P делает с элементами множества $O(Q)$ в случаях питания и блокировки. Именно это свойство отношений правил позволяет нам вычленить подпитку из питания и понять, каким именно образом в подпитке смешаны свойства питания и блокировки.

Возьмем все тот же пример питания, правила (15a) и (15c). Заметим, что существуют цепочки x со следующим свойством.

$$(16) \exists x : x \in I(P), x \notin O(Q), P(x) \in O(Q)$$

Такова, например, цепочка $\check{c}e$. К ней применимо правило $P(\check{c}e \rightarrow \check{c}i)$. Это действие правила P создает новый элемент множества $O(Q)$: ведь $\check{c}i$ может быть результатом палатализации по правилу (15c), а $\check{c}e$ — нет. Таким образом, в случае питания правило P создает не только элементы множества $I(Q)$, но и множества $O(Q)$.

Теперь рассмотрим наш пример блокировки, правила (15b) и (15c). Заметим, что существуют цепочки x со следующим свойством.

$$(17) \exists x : x \in I(P), x \in O(Q), P(x) \notin O(Q)$$

Такова, например, цепочка $\check{c}i\check{w}$. К ней применимо правило $P(\check{c}i\check{w} \rightarrow \check{c}iw)$. Это действие правила P удаляет элемент множества $O(Q)$: ведь $\check{c}i\check{w}$ может быть результатом палатализации по правилу (15с), а $\check{c}iw$ — нет. Таким образом, в случае блокировки правила P устраниет не только элементы множества $I(Q)$, но и множества $O(Q)$.

Всего имеется четыре возможных атомарных свойства отношений P и Q .

$$(18) P \left\{ \begin{array}{l} \text{создает} \\ \text{удаляет} \end{array} \right\} \text{элементы } \left\{ \begin{array}{l} I(Q) \\ O(Q) \end{array} \right\}$$

Обозначим эти четыре атома сокращенно: $+i$, $+o$, $-i$, $-o$ (тут $i = \text{input}$, $o = \text{output}$). В конкретных наблюдаемых примерах питания и блокировки задействованы пары таких атомов. Питание состоит из $\{P+iQ, P+oQ\}$, а блокировка из $\{P-iQ, P-oQ\}$.

Теперь изучим подпитку, все на том же искусственном примере.

$$(19) \begin{array}{l} \text{a. } (k/g)\{i\} \Rightarrow \check{c}/\check{j} \\ \text{b. } \{\text{шипящие}\}(i) \Rightarrow a \end{array}$$

Атом $P+iQ$ мы уже обнаружили. Имеется ли тут атом $P+oQ$, как в случае питания? Может ли P (палатализация) создать новые члены множества $O(Q)$? Очевидно, нет. Это множество состоит из цепочек вида шипящий+ a . На выходе правила P таких цепочек нет.

Но все же $P+iQ$ — не единственный атом в этой паре правил. Рассмотрим цепочку $\check{c}i$. К ней применимо правило $Q(\check{c}i \rightarrow \check{c}a)$. Это действие правила Q удаляет элемент множества $O(P)$: ведь $\check{c}i$ может быть результатом палатализации по правилу (19а), а $\check{c}a$ — нет. Таким образом, в случае подпитки правило P создает элементы множества $I(Q)$, а правило Q удаляет элементы множества $O(P)$. Подпитка состоит из $\{P+iQ, Q-oP\}$.

(20)	Атомы Отношения	$+i$	$+o$	$-i$	$-o$
P питает Q	$P+iQ$	$P+oQ$			
P блокирует Q			$P-iQ$	$P-oQ$	
P подпитывает Q	$P+iQ$			$Q-oP$	

Из этой таблицы легко видеть, что в подпитке по одному из атомов от питания и блокировки. Именно поэтому подпитка похожа и на питание, и на блокировку.

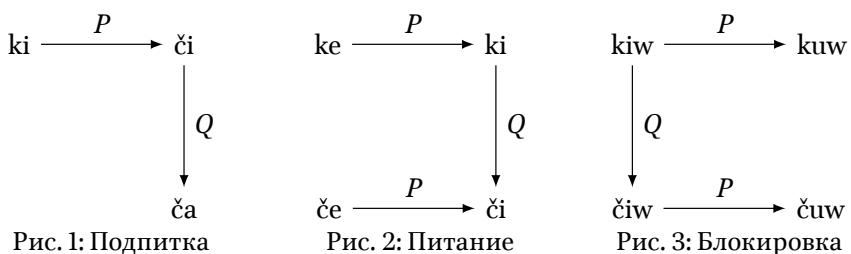
Напомним диагностирующие свойства нетривиальных порядков: мнимое исключение (питание, подпитка) и необоснованное действие (блоки-

ровка, подпитка). Эти свойства — проявление индивидуальных атомов. Пусть $P+iQ$. Тогда, если в конкретной грамматике Q действует первым, P создает элементы $I(Q)$, которые Q не успеет преобразовать, — и получаются мнимые исключения. А если $P-oQ$, и Q действует первым, то некоторые цепочки, которые выглядят как результат действия Q , больше так не выглядят после действия P — и получается эффект необоснованного действия.

Эти свойства и являются формальными характеристиками темных фонологических выводов.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Три типа взаимодействий можно представить графически. Обозначим действие P горизонтальными стрелками, а действие Q вертикальными. Тогда минимальные конфигурации наших взаимодействий можно представить так, как показано на Рис. 1–3.

Существуют и другие типы взаимодействий, кроме этих трех. Их изучение выходит за рамки данной работы. Без доказательства приведем общую теорему о взаимодействиях.⁸

(21) Теорема о взаимодействиях правил

Разобьем атомарные взаимодействия правил P, Q на два класса:

Левосторонние атомы: $\langle P+iQ \rangle, \langle Q+oP \rangle, \langle P-oQ \rangle, \langle Q-iP \rangle$

Правосторонние атомы: $\langle Q-oP \rangle, \langle P+oQ \rangle, \langle Q+iP \rangle, \langle P-iQ \rangle$

Для любых правил P, Q , действующих на любом конечном подмножестве A^* , число правосторонних и левосторонних атомов равно.

Заметим, что питание $\langle P+iQ|P+oQ \rangle$, блокировка $\langle P-iQ|P-oQ \rangle$ и подпитка $\langle P+iQ|Q-oP \rangle$ удовлетворяют условиям теоремы. Существуют также

⁸ Подробности и доказательство в [Baković, Blumenfeld, in prep.].

и другие случаи, представляющие интерес при описании конкретных явлений в естественных языках. Оставим их в качестве упражнения для читателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Поливанова А. К. Старославянский язык. Грамматика. Словари.* — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2013.
- Baković E.* A revised typology of opaque generalizations // Phonology. — 2007. — Vol. 24. — P. 217–259.
- Baković E.* Opacity and ordering // The handbook of phonological theory / Ed. by J. A. Goldsmith, J. Riggle, A. C. L. Yu. — 2nd. ed. — Malden, Mass. : Wiley Blackwell, 2011. — P. 40–67.
- Baković E., Blumenfeld L.* Rule interaction conversion operations // Loquens. — 2019. — Vol. 6, № 2. — P. 1–13.
- Baković E., Blumenfeld L.* A typology of map interactions. — Ms., in prep.
- Chafe W.* The ordering of phonological rules // International Journal of American Linguistics. — 1968. — Vol. 34. — P. 115–136.
- Joshi S., Kiparsky P.* The extended *siddha* principle // Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute. — 2005. — P. 1–26.
- Kiparsky P.* Linguistic universals and linguistic change // Universals in linguistic theory / Ed. by E. Bach, R. Harms. — New York : Holt ; Rinehart ; Winston, 1968. — P. 170–202.
- Kiparsky P.* Historical linguistics // A Survey of Linguistic Science / Ed. by W. O. Dingwall. — College Park : University of Maryland Linguistics Program, 1971. — P. 576–642. — Reprinted in: Explanation in Phonology. — Dordrecht : Foris, 1982. — P. 57–80.
- Kiparsky P.* Abstractness, opacity, and global rules // Three dimensions of linguistic theory / Ed. by O. Fujimura. — Tokyo : TEC, 1973. — P. 57–86.
- Koutsoudas A., Sanders G., Noll C.* The application of phonological rules // Language. — 1974. — Vol. 50, № 1. — P. 1–28.

Е. В. Бречалова

О ЛИНЕАРИЗАЦИИ АКТАНТОВ В КОРЕЙСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В настоящей работе разбирается один частный вопрос, касающийся порядка слов в корейском предложении, а именно, вопрос о том, в каких случаях имя с показателем номинатива или аккузатива не является актантом ближайшей к нему справа предикативной словоформы.

1. РАЗМЕТКА КОРЕЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Корейские предложения даны в особой разметке. Суть разметки состоит в том, что она представляет предложение как последовательность линейных отрезков двух типов: *фрагментов* и *платформ*. Предложение делится без остатка на платформы, а каждая платформа, в свою очередь, делится без остатка на фрагменты. Как фрагменты, так и платформы бывают двух типов: именные (N) и предикативные (P). Границы P-платформ проходят после каждого P-фрагмента; исключение составляют P-фрагменты с меткой PRT (об обозначениях см. ниже). Границы N-платформ проходят после N-фрагментов с меткой TOP.

Ниже даны два образца разметки (Пример 1 и Пример 2).

Пример 1

1[(*ku ttay*) $\emptyset$ (*ciphangi=lul*)^{ACC} (*ciph=un*)^{V:PRT} (*noin=i*)^{NOM} (*cesungsaca=tul=i*)^{NOM}
tot время палка опираться старик посланники
загробного мира
(*swuch=ul*)^{ACC} (*ssis=ko iss=nun*)^{V:PRT} (*kos=ulo*)^{INS} (*w=ass=sup=ni=ta*)]^{V:FIN}
древесный уголь мыть находиться место прийти

‘В это время (какой-то) старик, опирающийся на палку, пришел к тому месту, где посланники загробного мира мыли древесный уголь’.

Пример 2

$1[(i=ey)^{\text{DAT}}$	$(uyha=e)]^{\text{V:INF}}$	$2[(sayngki=nun)^{\text{V:PRT}}$	$(hwasan=tul=ul)^{\text{ACC}}$
этот	в соответствии	возникать	вулкан
$(yelcem$	$i=la=ko)]^{\text{CPL:QUOT-FIN}}$	$3[(pwulu=mye)]^{\text{V:&}}$	
горячая точка	быть	называть	

‘Образованные таким образом вулканы называют «горячими точками».

В разметке используются следующие обозначения. Платформы отмечены квадратными скобками. При открывающей скобке ставится порядковый номер платформы. В Примере 1 всего одна платформа, в Примере 2 — три платформы. Фрагменты отмечены круглыми скобками. На закрывающей скобке и фрагментов, и платформ ставится метка. Метка Р-фрагментов и Р-платформ состоит из двух компонент: первая компонента указывает на грамматический класс (v — глагол, ADJ — прилагательное, CPL — связка), а вторая, после двоеточия, на обобщенную синтаксическую характеристику. Грамматический класс и обобщенная синтаксическая характеристика Р-фрагмента приписываются либо по последней словоформе Р-фрагмента, либо по особым правилам, которые обрабатывают две группы случаев: (1) сочетания предикативных словоформ со служебными именами, синтаксически функционирующие как деепричастия, получают метку GER вне зависимости от того, в какой форме употребляется сама предикативная словоформа; (2) так называемые глагольные сцепления, в которых грамматический класс наследуется от первой предикативной словоформы, а синтаксическая характеристика — от последней предикативной словоформы Р-фрагмента.

В Примере 1 метка единственной Р-платформы — это V:FIN (глагол с финитным окончанием). В Примере 2 три Р-платформы со следующими метками: V:INF (глагол с окончанием инфинитива), CPL:QUOT-FIN (связка с окончанием цитации), V:& (глагол с окончанием соединительного деепричастия).

Платформа наследует метку завершающего ее Р-фрагмента; для сокращения нотации она не повторяется при этом Р-фрагменте, поэтому Р-фрагменты ($w=ass=sup=ni=ta$) (Пример 1), ($uyha=e$), ($yelcem i=la=ko$), ($pwulu=mye$) (Пример 2) не имеют никакой метки.

С другой стороны, только после Р-фрагмента с меткой, содержащей символ PRT (причастие), не проходит граница Р-платформы, поэтому при нем указана метка: ($ssis=ko iss=nun$)^{V:PRT} (Пример 1), ($sayngki=nun$)^{V:PRT} (Пример 2).

Метка N-фрагмента состоит из одной компоненты, а именно — обобщенной синтаксической характеристики, например: TOP, NOM, ACC, INS, DAT, GEN, PCL, Ø. Разметка содержит только один тип N-платформ, его метка — это символ TOP, и он также ставится только при закрывающей скобке N-платформы и не ставится при завершающем эту платформу N-фрагменте. Обобщенная синтаксическая характеристика N-фрагмента приписывается по последней словоформе N-фрагмента.

2. ОТНОШЕНИЕ ПАРТНЕРСТВА МЕЖДУ ФРАГМЕНТАМИ

Определим отношение партнерства между фрагментами. N-фрагмент, имеющий метку NOM или ACC, — партнер P-фрагмента, если N-фрагмент и P-фрагмент располагаются в одной платформе и при этом между ними нет других P-фрагментов.

По этому определению в Примере 1 партнерами окажутся четыре пары фрагментов:

	N-фрагмент	P-фрагмент
Пара 1	$(ciphangi=lul)^{ACC}$	$(ciph=un)^{V:PRT}$
Пара 2	$(noin=i)^{NOM}$	$(ssis=ko iss=nun)^{V:PRT}$
Пара 3	$(cesungsaca=tul=i)^{NOM}$	$(ssis=ko iss=nun)^{V:PRT}$
Пара 4	$(swuch=ul)^{ACC}$	$(ssis=ko iss=nun)^{V:PRT}$

По этому определению в Примере 2 партнерами окажется одна пара фрагментов:

	N-фрагмент	P-фрагмент
Пара 1	$(hwasan=tul=ul)^{ACC}$	$(yelcem i=la=ko)^{CPL:QUOT-FIN}$

3. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Примеры 1 и 2 показывают, что отношение «быть партнером» и отношение «образовывать актантно-предикатную пару» не соответствуют друг другу однозначно.

С одной стороны, во фрагменты-партнеры могут войти словоформы, лексемы которых образуют в данном предложении семантически правильные пары «актант-предикат», ср. в Примере 1: *ciph=* ‘опираться’ — *ciphangi* ‘палка’ (пара 1), *ssis=* ‘мыть’ — *cesungsaca* ‘посланники’

(пара 3), *ssis*= ‘мыть’ — *swuch* ‘уголь’ (пара 4), в Примере 2: *i*= ‘быть’ — *hwasan* ‘вулкан’.

С другой стороны, фрагменты-партнеры могут не содержать словоформ, лексемы которых связаны актантно-предикатным отношением в данном предложении, ср. в Примере 1: *ssis*= ‘мыть’ — *noin* ‘старик’ (пара 2).

В нормальном случае есть корреляция между отношениями «быть партнером» и «образовывать актантно-предикатную пару».¹ Однако существуют и нарушения этой корреляции.

В связи с этим в настоящей работе ставятся две задачи:

1. показать, при каких последовательностях фрагментов эта корреляция может отсутствовать;
2. показать, как порождаются² такие последовательности фрагментов.

Далее в §4 представлено решение первой задачи, а в §§5–8 — решение второй задачи.

4. СИМПТОМЫ НАРУШЕНИЯ КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ ПАРТНЕРАМИ И АКТАНТАМИ

Определенные последовательности фрагментов выступают в качестве симптомов нарушения корреляции между партнерами и актантами.

Первый симптом — это соседство фрагментов с одинаковыми метками, а именно:

- два n-фрагмента с одинаковыми метками ACC являются непосредственными соседями в данной платформе, т. е. платформа содержит конфигурацию [... (N₁)^{ACC} (N₂)^{ACC} ... P ...];
- два n-фрагмента с одинаковыми метками NOM являются непосредственными соседями в данной платформе, и при этом их P-партнер

---

¹ В настоящей работе не рассматриваются фрагменты с меткой ACC, соответствующие обстоятельствам времени и цели.

² Под порождением подразумевается переход от редуцированного семантического представления, описывающего только актантно-предикатные отношения в предложении, к линейному представлению этого предложения с распределением предикативных и именных слов по платформам и фрагментам.

не содержит биноминативного³ предикатива, т. е. платформа содержит конфигурацию [... (N_1)^{NOM} (N_2)^{NOM} ... Р ...].

При наличии этих конфигураций оба N-фрагмента оказываются партнерами одного и того же P-фрагмента. В этих случаях актантно-предикатным отношением связаны лексемы, словоформы которых входят в тех партнеров, которые расположены ближе друг ко другу, т. е. соответственно (N_2)^{ACC} и Р, (N_2)^{NOM} и Р.

Цитата из Примера 1 иллюстрирует ситуацию двух N-фрагментов с метками NOM.

[... ($noin=i$) ^{NOM}	($cesungsaca=tul=i$) ^{NOM}	($swuch=ul$) ^{ACC}	
старик	посланники загробного мира	древесный уголь	
($ssis=ko$	$iss=nun$) ^{V:PRT}	($kos=ulo$) ^{INS}	($w=ass=sup=ni=ta$) ^{V:FIN}
мыть	находиться	место	прийти

‘... старик ... пришел к тому месту, где посланники загробного мира мыли древесный уголь’.

Ситуацию двух N-фрагментов с метками ACC иллюстрирует Пример 3.

Пример 3

¹[((600 <i>man wen</i>) $\emptyset$	$i=n$) ^{CPL:PRT}	(<i>sepisu=lul</i>) ^{ACC}	(<i>swuning</i>	
6 млн	вон	быть	услуга	вступительный экзамен
<i>swuhemphyo=lul</i>) ^{ACC}	(<i>kacyeo=n</i>) ^{V:PRT}	(<i>haksayng=tul=ey=key</i>) ^{DAT}	((<i>celpan</i>	
ID-карта	приносить	студент	половина	
<i>kakyek</i>) $\emptyset$	$i=n$) ^{CPL:PRT}	(300 <i>man wen=ey</i>) ^{DAT}		
стоимость	быть	3 млн	вон	
(<i>ceykongha=ki=to</i>	<i>ha=p=ni=ta.</i>) ^{V:FIN}			
предоставить	делать			

‘(В одной стоматологической клинике в Сеуле) даже те услуги, которые обычно стоят 6 млн вон, предоставляют за половинную стоимость в 3 млн вон студентам, предъявившим идентификационную карточку со вступительного экзамена’.

³ Здесь биноминативным предикативом называется двухвалентный предикатив, каждый актант которого оформляется номинативом. Самые частотные представители: *ani*=‘не быть’ (отрицание), *toy*=‘становиться’, *nem*=‘превышать’.

Партнеры		Правильные актантно-предикатные пары		
N-фрагмент	P-фрагмент	N-лексема	P-лексема	
Пара 1	(<i>sepisu=lul</i>) ^{ACC}	(<i>kacyeo=n</i>) ^{PRT}	<i>sepisu</i> 'услуга'	<i>seykongha=</i> 'предоставить'
Пара 2	(<i>swunung</i> <i>swuhemphyo=lul</i>) ^{ACC}	(<i>kacyeo=n</i>) ^{PRT}	<i>swuhemphyo</i> 'ID-карта'	<i>kacyeo=</i> 'принести'

В Примере 3 ближе друг ко другу расположены партнеры пары 2, и, соответственно, правильную актантно-предикатную пару образуют *kacyeo=* 'принести' и *swuhemphyo* 'ID-карта'.

Второй симптом — это такая конфигурация платформы, при которой партнерами стали N-фрагмент с меткой NOM и P-фрагмент с меткой ADJ:PRT:

[... (N)^{NOM} ... (P)^{ADJ:PRT} ...].

По-видимому, это главный «неудобный» случай отсутствия корреляции между партнерами и актантами. Однако оказалось, что такие конфигурации — редкость для корейского текста. Вопрос о том, как размещаются в платформах фрагменты с меткой ADJ:PRT, требует дополнительного исследования, но можно уже сейчас сказать, что есть различные ситуации:

За корреляцию «NOM-партнер ~ актант»	Против корреляции «NOM-партнер ~ актант»
Расположение в ТОР-платформе Пример 4	Детерминативы ⁴ непосредственно перед (P) ^{ADJ:PRT} Пример 5
	Завершающий Р-платформу предикативный фрагмент имеет грамматический класс CPL Примеры 6, 7
Прочие случаи	
«NOM-партнер ~ актант» Пример 8	«NOM-партнер ~ актант» Эта ситуация требует исследования

⁴ В качестве детерминативов выступают: (1) имена *i* 'этот', *ki* ' тот', *ce* ' тот'; (2) формы местоимений, например *nay* 'мой' или *casin* 'свой'; (3) прилагательные *ileh=* 'такой', *kuleh=* 'такой' с показателями причастий. По-видимому, как местоимения работают и формы GEN от одушевленных имен.

Пример 4

¹[(*nai=ka*)^{NOM} (*koungcanghi manh=ass=te=n*)^{ADJ:PRT} (*pinsu kyoswu=nun*)]^{TOP}
взраст очень многий Бинс профессор

²[((*kyotwusil nanlo*)^Ø *aph=ey*)^{DAT} (*ku=tay=lo*)^{INS} (*swumcy=ess=nun=tey*)]^{V:GER}
учительская камин перед прямо так умереть

‘Профессор Бинс, которому было очень много лет, умер прямо (в кресле) перед камином в учительской’.

Пример 5

¹[(*anay=ka*)^{NOM} (*casin=uy*)^{GEN} (*ki=n*)^{ADJ:PRT} (*melichay=lul*)^{ACC}
жена свой длинный волосы

(*call=a=se*)^{V:INF} ²[(*saman.i=ey=key*)^{DAT} (*cwu=ess=sup=ni=ta*)]^{V:FIN}
отрезать Саман дать

‘Жена отрезала свои длинные волосы и отдала их Саману’.

Пример 6

¹[(*hawai=ka*)^{NOM} (*tayphyocek.i=n*)^{ADJ:PRT} (*yey i=ta*)]^{CPL:FIN}
Гавайи типовой пример быть

‘Гавайи — типичный пример (подобного вулканизма)’.

Пример 7

¹[((*nolisu pwuin=ul'*)^{ACC} (*pal=lo*)^{INS} (*sey=key* (*ket.echa=a po=nun*))^{V:PRT}
Норис дама нога сильно ударить пытаться

(*key*)^{NOM} (*manh=un*)^{ADJ:PRT} (*haksayng=tul=uy*)^{GEN} (*kacang*
факт многий студент самый

kancelha=n)^{ADJ:PRT} (*somang i=ess=ta*)]^{CPL:FIN}
горячий желание быть

‘Сильно ударить мисс Норис (кошку) ногой было самым горячим желанием многих студентов’.

Пример 8

¹[(*cemseng=i*)^{NOM} (*nac=un*)^{ADJ:PRT} (*makuma=ka*)^{NOM} (*pwunchwultoy=nun=tey*)]^{V:GER}
вязкость низкий магма извергаться

‘... извергается магма, у которой низкая вязкость ...’

5. «ВКЛИНИВАНИЕ» КАК ПРИЧИНА НАРУШЕНИЯ КОРРЕЛЯЦИИ

В трех рассмотренных конфигурациях платформ, а именно:

- [... $(N_1)^{ACC}$ $(N_2)^{ACC}$ ... P ...]
- [... $(N_1)^{NOM}$ $(N_2)^{NOM}$ ... P ...]
- [... $(N)^{NOM}$ ... $(P)^{ADJ:PRT}$ ...]

N -партнеры $(N_1)^{ACC}$, $(N_1)^{NOM}$, $(N)^{NOM}$ нарушали корреляцию между отношениями «быть партнерами» и «составлять актантно-предикатную пару».

Причина этих нарушений связана с одним из способов построения корейского полипредикативного предложения. Назовем этот способ *вклиниванием*. Суть его состоит в следующем. Подчиненный предикатив со своими актантами как бы вклинивается между главным предикативом и его первым актантом, так что при линеаризации первый актант главного предикатива оказывается левее подчиненного предикатива, например:

x	a	Q	y	R
---	---	---	---	---

В этой схеме двухвалентный предикатив R с актантами x и y назначен главным. Одновалентный предикатив Q с актантом a назначен подчиненным. Актант x оказался расположенным левее, чем Q и его актант a .

Легко видеть, что если фрагмент, содержащий x , получит оформление показателем NOM или показателем ACC, то, по определению партнеров, этот фрагмент станет партнером для фрагмента, содержащего предикатив Q , что нарушит корреляцию партнеров и актантов.

Вклинивание — широко распространенный прием построения корейского предложения. Так, все изъяснительные конструкции (см. ниже §8) построены по модели вклинивания.

На первый взгляд, должно быть очень много ситуаций, когда партнеры не являются *наследниками* актантно-предикатных отношений и возникает путаница семантических слуг и хозяев, соответственно, возможны неверные гипотезы об актантно-предикатных связях в тексте.

Однако оказывается, что в большинстве случаев вклинивания в тексте использован какой-нибудь из способов предотвратить неверную интерпретацию. Первый, самый распространенный способ, — это маркировать топиком тот актант главного предикатива, который оказался левее вклинившегося предикатива (в схеме выше — актант x). Топик служит главным пограничным сигналом вклинившегося оборота, однако не любой топик означает, что за ним следует вклинивание.

Если же топик по каким-то причинам не может быть использован, то на границе вклинившегося оборота возникают те самые симптомы, которые были показаны в § 4.

Второй способ сделать так, чтобы актанты главного и вклинившегося предикативов не становились одновременно партнерами вклинившегося, состоит в том, чтобы отодвинуть актант главного предикатива в предыдущую Р-платформу, по принципу «ничего — это лучше, чем путаница». В этом случае в обеих соседних платформах корреляция между актантами и партнерами не нарушена, поэтому предложения, реализующие эту стратегию, не подлежат разбору в рамках поставленной задачи. В настоящей работе демонстрируется только один пример такого сорта (см. Пример 12 ниже).

Далее в § 6 даны примеры вклинивания причастного оборота (ADJ-вклинивание), в § 7 — примеры вклинивания деепричастного оборота (GER-вклинивание), в § 8 — примеры построенных по моделям вклинивания изъяснительных конструкций. В каждом пункте сначала даны примеры типового деления на платформы — в этих примерах топик работает пограничным маркером и нет нарушений корреляции между актантами и партнерами, а потом обсуждаются примеры нарушений, связанные с тем, что в предложении не был использован топик.

6. ADJ-ВКЛИНИВАНИЕ

Пусть предикатив R — главный, а предикатив Q — подчиненный, вклинивающийся и получающий показатель причастия. Для того, чтобы в предложении возникла конфигурация фрагментов и платформ, соответствующая ADJ-вклиниванию, предикатив R должен иметь в своей *свите* не менее двух N-слуг, причем второй из них не обязан быть актантом — он может быть именем с обстоятельственной ролью. Покажем это на примере двухвалентного $R(x,y)$ и одновалентного $Q(a)$.

Рассмотрим два случая.

6.1. Актанты совпадают

Пусть $a=y$ (актант a предикатива Q совпадает с актантом y предикатива R). В этом случае линеаризация следующая:

x	Q	y	R
-----	-----	-----	-----

Нормальные случаи без нарушений: топик — пограничный маркер

Если топик оформляет актант x , то корреляция между партнерами и актантами не нарушается, поскольку на топик не распространяется отношение партнерства. Деление на платформы выглядит так:

${}^1[(x)]^{\text{TOP}}$	${}^2[(Q)^{\text{P:PRT}}$	$(y)^*$	$(R)]^{\text{P:}}$
--------------------------	---------------------------	---------	--------------------

Символ $*$ вместо метки фрагмента означает, что обобщенная синтаксическая характеристика этого фрагмента вариативна. Однако, какова бы она ни была, она не может привести к нарушениям корреляции между партнерами и актантами.

Пример 9

Здесь в роли вклинившегося предикатива Q — одновалентный глагол *cinaka*=‘проходить мимо’:

${}^1[(cesungsaca=tul=un)]^{\text{TOP}}$	${}^2[(cinaka=nun)^{\text{V:PRT}}$	$(salam=tul=ul)^{\text{ACC}}$
посланники загробного мира	проходить мимо	люди
$(yusimhi$	$salphi=mye)]^{\text{V:}}$	
внимательно	осматривать	

‘Посланники загробного мира внимательно осматривали проходящих мимо людей’.

Пример 10

Здесь в роли вклинившегося предикатива Q — прилагательное *talu*=‘другой’:

${}^1[((i$	$moca)\emptyset$	$cangsa=nun)]^{\text{TOP}}$	${}^2[(talu=n)^{\text{ADJ:PRT}}$
этот	шляпа	торговец	другой
$(sayngkak=i)$	NOM	$(na=ass=sup=ni=ta)]^{\text{V:FIN}}$	
мысль		появиться	

‘(Тут) другая мысль пришла (в голову) торговцу шляпами’.

Нарушения

Если актант x по какой-либо причине получил номинатив вместо топика, то его фрагмент располагается в одной платформе с причастием

и происходит нарушение корреляции партнеров и актантов. Вот типовая схема этой ситуации:

$^1[(x)^{\text{NOM}}$	$(Q)^{\text{P:PRT}}$	$(y)^*$	$(R)]^{\text{P:}^*}$
-----------------------	----------------------	---------	----------------------

Здесь фрагмент $(Q)^{\text{P:PRT}}$ получил партнера $(x)^{\text{NOM}}$, который не является актантом для Q .

Таким образом, конфигурация фрагментов [... $(\text{N})^{\text{NOM}} \dots (\text{P})^{\text{ADJ:PRT}} \dots$], второй симптом нарушения искомой корреляции, — это результат ADJ-вклинивания такого типа. Его иллюстрируют Примеры 5, 6 и 7 в §4.

6.2. Актанты не совпадают

Пусть $a \neq y$ (актант a предикатива Q не совпадает с актантом y предикатива R). В этом случае линеаризация следующая:

x	a	Q	y	R
-----	-----	-----	-----	-----

Нормальные случаи без нарушений: топик — пограничный маркер

В качестве главного предикатива при ADJ-вклинивании часто выступает CPL, и в этом случае оформление актантов таково:

$^1[(x)]^{\text{TOP}}$	$^2[(a)^{\text{NOM}}$	$(Q)^{\text{P:PRT}}$	$((y)^\emptyset$	$CLP)]^{\text{CLP:}^*}$
------------------------	-----------------------	----------------------	------------------	-------------------------

Фрагмент $(Q)^{\text{P:PRT}}$ получил одного партнера $(a)^{\text{NOM}}$, и он совпадает с актантом.

Пример 11

Здесь в роли вклинившегося предикатива Q — одновалентный глагол *itongha*=‘продвигаться’, а в роли главного — CPL.

$^1[kolay=nun]^{\text{TOP}}$	$^2[(yel=kwa \quad yenki=ka)^{\text{NOM}}$	$(itongha=nun)^{\text{V:PRT}}$
корэ	тепло	дым
$((thongno)^\emptyset \quad i=ta)]^{\text{CPL:FIN}}$		продвигаться
проход	быть	

‘Корэ’ — это проход, по которому двигаются тепло и дым’.

Выражение первого актанта в соседней слева Р-платформе

В Примере 12 ниже главный предикатив — это *kaluchi*= ‘учить’, его актанты — это *kwisin* ‘призрак’ и *pangrep* ‘способ’. Вклинившийся предикатив — *cwuk*= ‘умирать’ (в конструкции с отрицанием), его актант — *saman.i* ‘Саман’. В этом предложении *kwisin* ‘призрак’, первый актант главного предикатива (в схеме актант *x*), не выражен непосредственно перед вклинившимся предикативом и его актантом в платформе 2, а выражен в предыдущей платформе 1. Тем не менее, поскольку причастный оборот располагается перед вторым актантом главного предикатива, эта ситуация считается за ADJ-вклинивание:

Пример 12

¹ [(<i>ku ttay=mata</i>) ^{PCL}	(<i>yeca</i>	<i>kwisin=i</i>) ^{NOM}	(<i>nathana</i>)] ^{V:INF}
tot время	женщина	призрак	появляться
² [(<i>saman.i=ka</i>) ^{NOM}	(<i>cwuk=ci</i>	<i>anh=nun</i>) ^{V:PRT}	(<i>pangrep=ul</i>) ^{ACC}
Саман умирать не делать способ			
<i>(kaluchy=e cwu=ess=ketun=yo)]^{V:FIN}</i>			
учить давать			

‘И каждый раз появлялась женщина-призрак и учила Самана, как (ему) не умереть’.

Нарушения

Вот типовая схема деления на платформы и частичное оформление при таком ADJ-вклинивании, когда актант *a* не совпадает с актантом *y*:

¹ [(<i>x</i>) ^{NOM}	(<i>a</i>) ^{NOM}	(<i>Q</i>) ^{P:PRT}	(<i>y</i>) [*]	(<i>R</i>)] ^{P:*}
---	-----------------------------	-------------------------------	---------------------------	------------------------------

В этой схеме фрагмент (*Q*)^{P:PRT} получил в качестве партнеров два фрагмента с меткой NOM: (*x*)^{NOM} и (*a*)^{NOM}. Легко видеть, что эта последовательность фрагментов представляет собой разновидность первого симптома нарушения искомой корреляции.

Пример 1 (см. §1) иллюстрирует нарушение этого типа, но отличается от типовой схемы тем, что в нем вклинившийся предикатив *Q* — двухвалентный, а в роли второго N-слуги главного предикатива *o*= ‘прийти’ использован не актант, а обстоятельственный член его свиты — именной фрагмент (*kos=ulo*)^{INS}.

Пример 3 иллюстрирует более редкую ситуацию ADJ-вклинивания, в результате которого левее вклинившегося двухвалентного предикатива $Q(a,b)$ оказывается не первый (x), а второй актант (y) главного предикатива R . В схеме ниже представлена последовательность фрагментов Примера 3; для наглядности реальные словоформы в ней заменены на наименования актантов в схемах ADJ-вклинивания:

$[(CPL)^{CPL:PRT}]$	$(y)^{ACC}$	$(b)^{ACC}$	$(Q)^{V:PRT}$	$(z)^{DAT}$	$(CPL)^{CPL:PRT}$	$(w)^{DAT}$	$(R)^{V:FIN}$
---------------------	-------------	-------------	---------------	-------------	-------------------	-------------	---------------

Здесь первый актант x предикатива R не выражен. N-фрагменты $(z)^{DAT}$, $(w)^{DAT}$ входят в свиту главного предикатива R , хотя z и w не являются его актантами. Актант a предикатива Q совпадает с z .

7. GER-ВКЛИНИВАНИЕ

Пусть двухвалентный предикатив $R(x,y)$ — главный, а одновалентный предикатив $Q(a)$ — подчиненный, и при этом $x \neq a$.

Линеаризация актантов и их хозяев при GER-вклинивании такая:

x	a	Q	y	R
-----	-----	-----	-----	-----

Нормальные случаи без нарушений: топик — пограничный маркер

В этом случае корреляция между партнерами и актантами не нарушается, а оформление и деление на платформы таково:

$1[(x)]^{TOP}$	$2[(a)^{NOM}$	$(Q)]^{P:GER}$	$3[(y)^{ACC}$	$(R)]^{P:*$
----------------	---------------	----------------	---------------	-------------

Заметим, что подчиненный Q может получать различные метки, например, GER, INF, &, но важно, что Q не может получить метку PRT.

Пример 13

$1[(samani=nun)]^{TOP}$	$2[(senyek ttay=ka)^{NOM}$	$(cina=a=se=ya)]^{V:INF}$
Саман	вечер	время
		проходить
$3[(cip=ulo)^{INS}$	$(tol.a=w=ass=sup=ni=ta)]^{V:FIN}$	
дом	вернуться	

‘Саман вернулся домой только ближе к ночи’.

Нарушения

Обнаруженные случаи нарушений при GER-вклинивании представлены изъяснительными конструкциями, которые обсуждаются ниже в §8, собственно нарушения представляют Примеры 17, 18.

8. ИЗЪЯСНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

В изъяснительной конструкции главный предикатив — это глагол мыслительной деятельности. В качестве его второго актанта используются как имена, так и предикативы.

Пусть $R(x,y)$ — это глагол мыслительной деятельности, а $Q(a)$ — тот предикатив, который со своим актантом подставляется вместо y , второго актанта R . Пусть $x \neq a$.

Нормальные случаи без нарушений: топик — пограничный маркер

С одной стороны, подстановку предикатива Q можно произвести по модели GER-вклинивания, и тогда линеаризация имеет следующий вид:

x	a	Q	R
-----	-----	-----	-----

Деление на платформы окажется таким:

$^1[(x)]^{\text{TOP}}$	$^2[(a)^{\text{NOM}}$	$(Q)]^{\text{P:}*}$	$^3[(R)]^{\text{V:}*}$
------------------------	-----------------------	---------------------	------------------------

В зависимости от модели управления глагола R , предикатив Q может получить разные метки обобщенной синтаксической характеристики, например, NMZ или QUOT-FIN (эта метка соответствует различным финитным окончаниям цитации).

Пример 14

$^1[(hain=un)]^{\text{TOP}}$	$^2[(yocen=ey)]^{\text{DAT}}$	$(tul.eo=n)]^{\text{V:PRT}}$	$(twiwiwu=ka)]^{\text{NOM}}$
слуга	недавно	поступать	редька
$(iss=ta=ko)]^{\text{P:QUOT-FIN}}$		$^3[(hay=ss=ta)]^{\text{V:FIN}}$	
иметься		говорить	

‘Слуга сказал, что есть недавно поступившая редька’.

Пример 15

В качестве вклинившегося Q выступает двухвалентный глагол $cswi=$ ‘дать’.

$^1[(wennim=un)]^{\text{TOP}}$	$^2[(ku \quad \quad \quad kes=ul)^{\text{ACC}}$	$(nongrwi=ey=key)^{\text{DAT}}$
правитель	этот	вещь
		крестьянин
$(cswi=la=ko)]^{\text{V:QUOT-FIN}}$	$^3[(hay=ss=ta)]^{\text{V:FIN}}$	
дать	говорить	

‘Правитель велел дать это (=редьку) крестьянину’.

С другой стороны, подстановку предикатива Q можно произвести по модели ADJ-вклинивания. В этом случае в качестве u , второго актанта глагола мыслительной деятельности R , используется одно из служебных имен с обобщенным значением типа ‘факт’, например, имя kes , а сам предикатив Q получает какое-либо из окончаний причастий и, соответственно, метку PRT. Некоторые причастия, характерные именно для изъяснительных конструкций, синтаксически ведут себя как финитные формы. В используемой разметке это отражается в их особой метке QUOT-PRT и в том, что после таких причастий ставится граница платформы.

В результате при одинаковой линеаризации получаются два разных способа деления на платформы:

1. Две платформы				
$^1[(x)]^{\text{TOP}}$	$^2[(a)^{\text{NOM}}$	$(Q)^{\text{P:PRT}}$	$(kes)^{\text{ACC}}$	$(R)]^{\text{V:}*}$
2. Три платформы				
$^1[(x)]^{\text{TOP}}$	$^2[(a)^{\text{NOM}}$	$(Q)]^{\text{P:QUOT-PRT}}$	$^3[(kes)^{\text{ACC}}$	$(R)]^{\text{V:}*}$

Пример 16 оформлен по способу 2:

$^1[(cesungsaca=tul=un)]^{\text{TOP}}$	$^2[(ku=ka)^{\text{NOM}}$	$(saman.i$
посланники загробного мира	он	Саман
$i=la=nun)]^{\text{CPL:QUOT-PRT}}$	$^3[(ke=l)^{\text{ACC}}$	$(nwunchichay=ko)]^{\text{V:&}}$
быть	факт	догадаться

‘Посланники загробного мира догадались, что он-то и есть Саман’.

Пример 2 в §1 также иллюстрирует ситуацию, когда подставленный вместо второго актанта u предикатив Q — это CPL. Особенность этого примера состоит в том, что имя $hwasan$ ‘вулкан’, первый актант CPL, оформлен

не NOM, а ACC. Такое отклонение от типового оформления возможно при CPL в изъяснительных конструкциях. В Примере 2 первый актант глагола *pwulu*= ‘называть’ не выражен.

Нарушения

Нарушения связаны с тем, что в изъяснительной конструкции только актант *x* глагола мыслительной деятельности *R* оформляется топиком. Если *Q(a)* в свою очередь осложнен вклиниванием (любого вида) некоего предикатива *T(c)*, то в платформе, следующей после TOP-платформы, «накапляются» первые актанты разных предикативов, и никакой из них не будет оформлен топиком. Вот частичная линеаризация для этой ситуации:

$[(x)]^{\text{TOP}}$	$[(a)^{\text{NOM}}$	$(c)^{\text{NOM}}$	$(T)\dots$
----------------------	---------------------	--------------------	------------

Актанты *a* и *c* окажутся партнерами предикатива *T*, что нарушит корреляцию между партнерами и актантами.

Пример 17

$^1[(emta=nun)]^{\text{TOP}}$	$^2[(mwues=itun)]^{\text{PCL}}$	$(kekkuw=lo=man)^{\text{INS}}$	$(ha=nun)^{\text{V:PRT}}$
мама	что угодно	наперекор	делать
$(chengkaykwuli=ka)^{\text{NOM}}$	$(pi=ka)^{\text{NOM}}$	$(w=a=to)]^{\text{V:INF}}$	$^3[(ttenaylyeka=ci]$
лягушонок	дождь	идти	уплывать
$anh=nun)^{\text{V:PRT}}$	$(san=ey)^{\text{DAT}}$	$(mwut=e$	$^4[(pala=mye)]^{\text{V:&}}$
не делать	гора	хоронить	давать

‘Мама-лягушка желала, чтобы (ее) лягушонок, делавший все только наперекор, похоронил бы (ее) на горке, которую и дождем не смоет’.

В примере 17 в роли предикатива *R* оказался глагол *pala*= ‘желать’, в роли его первого актанта *x* — имя *emta* ‘мама’. В роли предикатива *Q* — глагол *mwut*= ‘хоронить’ (в предложении употреблен в составе бенефактивной конструкции), его первый актант *a* — это *chengkaykwuli* ‘лягушонок’, а второй — *emta* ‘мама’ (не выражен в платформе своего глагола). В роли вклинившегося по GER-вклиниванию предикатива *T* выступает *o*= ‘идти’, его первый актант *c* — это *pi* ‘дождь’. Во второй платформе подряд следуют два фрагмента с меткой NOM.

В Примере 18 предикативом *Q* служит CPL, а предикативом *T*, вклинившимся по ADJ-вклиниванию, — глагол *hulli*= ‘лить’. Имя *hwasan* ‘улкан’,

первый актант CPL, оформлено показателем ACC, а не NOM, в связи с особенностями оформления актантов CPL в изъяснительных конструкциях. Симптомом несоответствия партнеров и актантов можно считать нестандартный порядок N-партнеров: N-фрагмент с меткой ACC расположен ближе к началу платформы, чем N-фрагмент с меткой NOM.

Пример 18

¹ [(((tok.il немецкий	септвунхакса) $\emptyset$	yohaneyesu) $\emptyset$	kheyphulle=nun)] ^{TOP}
вулкан	(cikwi=ka) ^{NOM}	(hulli=nun) ^{V:PRT}	((nwunptwul=uy
источник	Земля	литъ	слезы
saym) $\emptyset$	i=la=ko)] ^{CPL:QUOT-FIN}	³ [(mit=ess=ta)] ^{V:FIN}	
	быть	верить	

‘Немецкий астроном Иоганн Кеплер верил, что вулканы — это источники, из которых вытекают слезы Земли’.

9. ВЫВОДЫ

Оказалось, что зона, в которой нельзя однозначно сказать, есть ли корреляция между отношением «быть партнерами» и отношением «находиться в актантно-предикатных отношениях», очень узка. Фактически она сводится к двум разобранным ситуациям: во-первых, это конфигурация [... (N)^{NOM} ... (P)^{ADJ:PRT} ...], т. е. «номинатив перед причастием от основы прилагательного», вне специальных условий, и во-вторых, это ситуация определения семантического хозяина для левого N-фрагмента из двух N-фрагментов с одинаковыми актантными метками. Такое соответствие между партнерами и актантами позволяет сильно сократить перебор гипотез об актантно-предикатных связях в предложении и сделать их более надежными. Получить надежные, «фиксированные» точки отсчета в семантической гипотезе важно хотя бы потому, что в корейском предложении семантические роли топика и синтаксического хозяина причастия определяются в зависимости от уже назначенных ролей других именных фрагментов.

СПИСОК ГРАММАТИЧЕСКИХ МЕТОК

$\emptyset$	нулевой показатель	INF	инфinitив
&	соединительное	INS	инструменталь
	деепричастие	N	имя
:	разделитель внутри Р-метки	NMZ	номинализация
ACC	аккузатив	NOM	номинатив
ADJ	прилагательное	P	предикатив
CPL	глагол-связка	PCL	частица
DAT	датив	PRT	причастие
FIN	финитная форма (окончание последнего предикатива предложения)	QUOT	окончание цитации (при подчиненном предикативе в изъяснительной конструкции)
GEN	генитив	TOP	топик
GER	деепричастие	V	глагол

А. Д. Вентцель / A. Wentzell

НЕЧТО О МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И О ЛИНГВИСТИКЕ. II*

Во второй половине шестидесятых годов ОСиПловские лингвисты — и я вместе с ними — были увлечены лингвистическими олимпиадами для школьников (*Традиционными* — начиная с первой! — *Олимпиадами по языковедению и математике*). Лингвисты, о которых я сказал, были в основном студентами, с течением лет становились аспирантами и т. д. Среди них можно упомянуть Борю Городецкого, патриарха лингвистических олимпиад Алика Журинского, Вику Раскина, Анюту Поливанову... (и еще где-то выше, на разных высотах заоблачности или подоблачности парили — или реяли — такие старшие участники олимпиадного дела, как Владимир Андреевич Успенский, Андрей Анатольевич Зализняк, Александр Евгеньевич Кибрик, Сандро Васильевич Кодзасов). Пожалуй, особенно ладно мне было работать с ними в их студенческих ипостасях: наши знания по лингвистике были более или менее на одном уровне — уже через несколько лет они остались меня где-то позади; и мы были в какой-то мере единомышленниками. Нам нравилось работать со школьниками — но олимпиады дело сезонное, и мы решили вести для школьников лингвистический кружок. Обсудили предполагаемую программу и принципы; один из наших принципов был довольно радикальный: если какая-то лингвистическая тема не может дать материала для (серии) лингвистических задач (не может быть «озадачена») — то это не относится к настоя-

---

* Данная статья является отчасти продолжением статьи: *Вентцель А. Д. Нечто о математической лингвистике и о лингвистике // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / Под ред. А. В. Архипова и др. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 131–161.*

щей, хорошей лингвистике — и таких тем у нас в кружке не будет. Среди школьников-участников кружка могу вспомнить Лену Саввину, Лену Урысон, Олю Сундукову, Игоря Богуславского и, конечно, маленького Сережу Старостина. Мы хотели давать нашим школьникам не только безвредное и, возможно, для чего-то полезное занятие на лингвистическом материале — просто чтобы они не подпали под злоторное влияние улицы или «филологии» в преобладающем духе филологического факультета, в основном мутно-литературоведческом; а объяснить на этом материале важные понятия лингвистики (например, понятие ИКСемы/аллоИКСа), а также некоторые основные принципы любой научной деятельности (например, что на стадии готовности научного продукта его создатель должен четко понимать, о чем он, собственно, говорит, — а когда он представляет этот продукт другим, он должен представить его в такой форме, чтобы и другие могли это понять; или что подтверждением теории, имеющей отношение к реальности, не могут служить только «факты», выведенные из самой этой теории. Говорят, что есть профессора-лингвисты, доктора филологических наук, не понимающие этих принципов или, во всяком случае, не придерживающиеся их в своей работе — хотя их работа может быть в своей глубине ценна и содержательна). Если бы нас спросили, чему, собственно, мы хотели обучить школьников, мы бы, вероятно, сказали: *зализничеству*. Наши ребята хватали это на лету; разве что Сережа Старостин не мог проникнуться последним из упомянутых принципов — ну да у Сережи все было впереди (но его оппозиция нам, проталкивающим этот принцип, была совсем не такая, как у гипотетических упомянутых выше профессоров: без обвинений в верхоглядстве и пены у рта).

Разумеется, на занятиях кружка мы давали лингвистические задачи — но не только задачи, и задачи не только в олимпиадном духе. Олимпиадная задача должна быть самодостаточна, не связана ни с чем другим; в то время как на занятии кружка можно сначала что-то объяснить, вводить какие-то понятия — потом давать задачи на материале того, что было объяснено — давать *серии* задач, проникающих в материал постепенно глубже, и т. д. Кружок скорее сходен не с олимпиадой, а с популярной брошюрой (но на кружке это живее — с обратной связью и импровизированным разбором предлагаемых решений) или лекцией (только на лекции вряд ли можно давать задачи для решения слушателями).

У нас были планы и замыслы — конечно, не все из них осуществились. Мой неосуществленный замысел был: серия занятий кружка — или тоненькая книжка — или серия лекций — под хорошим, мне кажется, названием «Беседы о математической лингвистике и о лингвистике». Что касается *математической лингвистики*, то это должно было быть как

бы законным для меня, математика, пропуском в область лингвистики (действительно, с чего бы математик говорил не о вопросах лингвистики, как-то связанных с математикой, а, скажем, о глагольных основах в языке маори?).

План каждой «беседы» мыслился так. Сначала вводится определенный класс математических объектов (если речь идет не о чем-то, что все и так знают); потом показывается, как это может быть, в принципе, применено к лингвистическому материалу. Это и есть некий фрагмент математической лингвистики; это не так уж интересно — *лингвистика* гораздо интереснее. Затем могут даваться лингвистические задачи, формулируемые и решаемые в рамках введенной техники; а потом рассказывается о чем-то серьезном лингвистическом, что может быть естественно с этим связано.

Более или менее продуманы у меня были две беседы; остальные виделись в тумане. Первая — об описании звуковых изменений в истории языка при помощи алгоритмов (математико-лингвистическая часть) и, в качестве собственно лингвистической части, рассказ о сравнительно-историческом языкоznании и о законе Вернера (по его знаменитой статье *Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung*, напечатанной в журнале *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. — 1877. — Bd. 23, N. 2. — S. 97–130). Вторая (под названием *Механизмы языка*) — о применении тех же самых алгоритмов к грамматикам, а в качестве лингвистической части возвращение к сравнительно-историческому языкоznанию — про метод внутренней реконструкции. Если б это было в форме кружка, я предполагал использовать, в частности, задачи А. А. Зализняка, которые можно найти на страницах 516–545 сборника: *Задачи лингвистических олимпиад. 1965–1975 / Ред.-сост. В. И. Беликов, Е. В. Муравенко, М. Е. Алексеев. — М. : МЦНМО, 2006* (далее: [Задачи 2006]), подводящие решателя к воспроизведению соссюровского открытия ларингалов (см.: F. de Saussure. *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*. — Leipsick : Teubner, 1879).

Это было тем более заманчиво, что обе работы — и Вернера, и Соссюра — были опубликованы в одном и том же 1878 году, и куда как хорошо было бы это написать к столетнему юбилею их открытий (я знал в шестидесятые годы, что *скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; сказку-то я рассказал тогда, в общих чертах, кое-кому, в частности, Петру Саввичу Кузнецovу — на студенческой вечеринке выпуска 1967 года, и получил, в принципе, одобрение этого замысла, — а дело в течение десятилетий не делалось*). Первую беседу я написал в 2008 году; она была опубликована в сборнике к 70-летию Сандро Васильевича Кодзасова (но также к 130-летнему юбилею статьи Вернера).

Что касается беседы второй, то мое представление о ней за прошедшие десятилетия претерпело изменения. Во-первых, от лингвистических кружков я как-то отошел. Во-вторых, за все эти десятилетия у меня руки не дошли прогрызть соссюровский *Mémoire*; да и вряд ли мне удалось бы переложить этот *Mémoire* в более популярный текст не слишком намного хуже Зализняка. Так что я решил составить свою собственную серию задач — на другом материале.

Часть того, что я пишу здесь, обращена как бы к участникам воображаемого лингвистического кружка — что-то вроде научно-популярного текста; часть — к куда более квалифицированным читателям — прежде всего, к Анне Константиновне Поливановой, в честь которой это пишется. Какой-то кусок взят из моей статьи 2008 года (см. выше) — в частности, потому, что математическое введение должно быть одно и то же (а если этот кусок не включать сюда, то можно было бы только читать две статьи сразу — но нужно же пожалеть читателя).

Вернемся к нашему кружку.

Какие темы были у нас на кружке? Одна из тем была о принципе дополнительного распределения. Я дал этой теме торжественное название «Трагический принцип комплементарной дистрибуции» и сочинил для нее 4 акта пятиактной трагедии про короля-тирана — с заданием выяснить, какие два из действующих лиц на самом деле одно и то же лицо, и в соответствии с этим дописать пятый акт. Одно из решений (Володи Орла) оканчивалось песней: «Ни тираны, ни злые вороги | Не уйдут живьем со двора... | Если б знали вы, как мне дороги | Подмосковные вечера».

Другая тема была о сравнительно-историческом языкознании: мы сообщили ребятам схему расщепления одного языка на два (или несколько); и задались амбициозной целью сконструировать (реконструировать) русско-польский *праязык*. Наша (участников) задача была построить, на основе того, что мы знаем о русском языке, и того немногого, что мы можем за короткое время узнать о польском, некое приближение к общему языку, из которого они оба произошли.

Конечно, русский и польский — оба славянские языки, и у них есть общий предок; но с точки зрения высокой науки говорить о *русско-польском праказыке* — нонсенс: ведь он же должен быть общим предком и ряда других славянских языков, и искать этот праказык только по данным русского и польского — просто авантюризм. Это имело смысл делать только в качестве педагогического приема — чтобы показать на этом искусственно урезанном материале суть методов, которые нужно применять к материализу во всей его полноте.

Зализняк, которому я сказал об этой нашей теме, сказал что-то вроде: «Это удивительно, насколько русский и польский языки, при всем их материальном различии, в то же время сходны» (за слова, кроме *материальный*, не ручаюсь). Я интерпретировал сказанное Андреем Анатольевичем, в рамках нашей темы, так: русский и польский можно *удивительно* сравнительно точно описать как результат преобразований по *удивительно* сравнительно простым правилам из общего состояния, соответствующего некоему гипотетическому — фиктивному — *праязыку*; тогда как другие пары славянских языков, при большем, может быть, внешнем сходстве и взаимной понятности, описываются подобным образом с большим трудом и натяжками); я воспринял эти слова как сдержанное одобрение нашего выбора.

Сейчас, спустя много лет, я удивляюсь нашему авантюризму (нахальству). Мы должны были лавировать, чтобы обойти тот существенный факт, что русский язык — это смесь собственно русского языка с заимствованиями из церковнославянского.

В IX веке различия между разными славянскими языками были еще не так значительны; и братья-греки Кирилл и Мефодий, взяввшись за христианизацию славян, использовали для этого не те славянские языки, на которых говорили в краях, где они работали, а один, известный им, славянский язык. Этот язык сейчас называется *старославянским*. Из современных языков он ближе всего к южнославянским. Братья создали азбуку для этого языка, начали переводить с греческого священные книги — и это самые древние тексты на каком-либо из славянских языков (но это отнюдь не значит, что старославянский язык это общий славянский *праязык*, от которого произошли все языки этой группы), и они учили славян совершать богослужение на этом языке. Передаваясь от священника к священнику, старославянский язык несколько изменялся, приобретая некоторые черты их родного языка, — так возник *церковнославянский язык*; точнее, *церковнославянские языки* — в каждой православной стране свой. На Руси грамотность вне среды духовенства была не очень-то распространена: священники обучали мирян грамоте и церковнославянскому языку — чтобы те могли правильно молиться, понимать, что говорилось в церкви, и немножко читать и писать. У человека, прошедшего школу, было два языка: устный — русский и письменный — церковнославянский. Естественно, не только русский язык мог оказывать влияние на церковнославянский, но и церковнославянский на русский, особенно на язык литературы (литературы на *русском языке*, в отличие от литературы на *церковнославянском*). Так что в современ-

ном литературном русском языке есть исконно русские элементы, а есть церковнославянские.

В школе мы проходили *полногласные и неполногласные сочетания*: *-оро-* ~ *-ра-*, *-ере-* ~ *-ре-*, *-оло-* ~ *-ла-*, *-оло-* ~ *-ле-*. Разница в употреблении того или иного варианта слов-дублетов была для нас стилистической: одно слово — более архаическое и торжественное, другое более повседневное: *город* ~ *град*, *плен* ~ *полон*. В течение веков наши писатели вставляли в свои произведения слова церковнославянского происхождения; более того, изобретали свои слова в церковнославянском духе: «*Сизые враны, орлы быстропарны, | Крылья спустивши, под хвастом сидят*». О других церковнославянских элементах в русском нам ничего в школе не говорили; например, о противопоставлении церковнославянского *щ* русскому *ч*: *лепетать* — *лепечет*, *трепетать* — *трепещет*; *горячий* — *горящий*. Видно, что церковнославянские элементы проникли в самую грамматику русского языка: стандартные суффиксы причастий *-ущ-*, *-ющ-*, *-ящ-*, *-ащ-* — церковнославянские. И мы, не хуже Державина, соединяя подчас в нашей речи — в одном слове — исконно русские и церковнославянские элементы: *лепечущий*. Можно было бы еще много об этом сказать (*ж* ~ *жд*; *-ъё* (или *-ъе*) ~ *-ие*, и т. д.), но воздержусь.

Церковнославянский оказал влияние на *орфографию* чисто русских слов. Наш первый мемуарист Андрей Тимофеевич Болотов (вторая половина XVIII — начало XIX века) в своих воспоминаниях писал окончания прилагательных мужского рода в именительном падеже, как *-ой*, *-ей*: *красной*, *синей*. Очевидно, или эти окончания так в это время произносились, или он опирался на традицию писания на русском языке, основанную на их произношении на каком-то предшествующем этапе. В церковнославянском языке окончания были *-ый*, *-ий*; и так мы и пишем сейчас. Разницы в произношении для нас нет, и церковнославянская орфография возобладала. Но под ударением, где разница в произношении есть, пишется *-ой*: *злой*. Лермонтов писал: «*Белеет парус одинокий...*», но произноситься это должно было, как если бы было написано «*одинокой*» — это ясно из рифмы. В современном языке церковнославянская орфография изменила произношение, и мы говорим «*одинокий*»...

Вроде, как-то обошли мы на кружке все это. Что же у нас в конце получилось в качестве русско-польского пражзыка (можно было предвидеть, что это будет лишь пародия на то, что было на самом деле)? Согласные: твердые и соответствующие им мягкие (они представлены в обоих современных языках); несколько гласных, включая «*ять*» (не пишу здесь соответствующей русской буквы, чтоб не быть несправедливым к польскому языку); звука «*e*» в нашем пражзыке не было, а современный звук «*e*» получался

у нас в определенных случаях из «о» после мягких согласных — по разным правилам в русском и в польском языке (а также из некоторых других гласных тоже по разным правилам). На самом деле было, как известно, совсем наоборот: согласные *смягчались* перед звуками типа «и» и «е» (звук «е» на самом деле *был!*), а при некоторых условиях (своих в каждом языке) этот звук превращался в звук «о» (изображаемый в современном русском языке буквой «ё»): *жена* — *жёны* (в польском *żona* — *żony*).

Какие еще темы были на нашем кружке? Помню название одной из них: «Род, число, падеж»; хорошее название — не помню, дошли ли у нас руки до этой темы. Может, Анна Константиновна Поливанова вспомнит еще что-нибудь...

О МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Что такое *лингвистика*, понятно не всем. Иногда можно услышать: он замечательный лингвист, говорит на пяти языках. Но лингвистика — это *не* то же самое, что знание большого числа языков: это *наука о языке и языках*.

Теперь нужно сказать о слове *математическая* в сочетании с названием науки. Математика занимается не только числами, уравнениями, фигурами, но и другими объектами; общее в объектах математики — то, что эти объекты и отношения между ними совершенно четко определены; и они абстрактны — то есть рассматриваются в отвлечении от их конкретной природы и свойств. Благодаря этой абстрактности имеется принципиальная возможность применения одной и той же математической структуры к совершенно разнородным явлениям реального мира (может быть, лучше сказать не реального, а вне-математического: возможны разные точки зрения на то, что реальнее — математические объекты или их несовершенные соответствия вне математики). Разумеется, при каждом таком применении неизбежна замена всегда несколько нечетко определенных и нечетко ограниченных друг от друга объектов на идеальные математические; то есть то, да не то — не совсем то. Тем не менее, математику может быть дано видеть сходство в самых неожиданно разных объектах вне-математического мира, вытекающее из частичной общности применимых к ним фрагментов математического мира: это может быть, с одной стороны, форма рельефа, отражающая образовавшийся на какой-то глубине провал, с другой — кривая, описываемая кончиками листьев дерева, построенными «по ранжиру» (и еще что-то с третьей стороны, с четвертой, и т. д.).

Но я отвлекся; хотел-то я сказать, что математика может применяться к другим наукам (занимающимся вне-математическими вещами): в ма-

териале той или иной науки удается (после определенной идеализации и абстракции) узнать *математические структуры* — либо уже известные в математике, либо специально для этого применения изобретаемые (но чаще — уже известные: в математике много чего напридумано, и вне-математическому миру не так уж легко предъявить что-то, чему в математике совершенно нет соответствий). Говорят о *математической физике* (ну, тут Ньютона пришлось создавать математическую физику и соответствующий раздел математики — дифференциальное и интегральное исчисление — параллельно); даже о *математической биологии*.

Слово *математическая* в сочетании с названием науки может пониматься (и понимается) в двух разных смыслах.

Понимание первое. Рассматриваются математические структуры, которые распознаются в материале данной науки, и развивается теория, которая имеет дело с этими структурами. При таком понимании *математическая ИКСология* — это раздел чистой математики, который в принципе может быть применен к обычной ИКСологии. Так, книга С. Л. Соболева, по которой мы учились уравнениям в частных производных, называлась *Уравнения математической физики* (потому что такие уравнения очень важны для физических применений; наряду с чисто математической теорией, книга содержала также небольшие кусочки, где показывалось, как эти уравнения выводятся из физических соображений); то же понимание представлено в книге А. В. Гладкого и И. А. Мельчука *Элементы математической лингвистики*. — М.: Наука, 1969.

Второе понимание *математической ИКСологии* — это дисциплина, говорящая о том, как именно определенные математические структуры применяются для описания ИКСологического материала. При таком понимании математическая физика должна была бы состоять в большой степени из объяснений того, что такое *сила* (и как силы описываются с помощью *векторов*), что такое *электрическое сопротивление*, каким физическим реальностям могут соответствовать *тензорные поля* (что бы это ни было), и т. п. При таком понимании, скажем, математическая физика — это те вещи, о которых специалист-физик даже не задумывается, настолько они вошли в его плоть и кровь (и это как раз те вещи, которых не понимает средний школьник — из-за чего, может быть, он и перебивается по этой физике с тройки на тройку); вещи, гораздо менее интересные, чем собственно физика — к которой, впрочем, нет никакого шанса подобраться, не пройдя этого «предисловия».

Я буду понимать *математическую лингвистику* именно в этом втором смысле.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Математические понятия, которые я буду использовать, — это не нечто, изобретенное специально для такого типа применений, — но и не совсем то, что принадлежало бы к общему знанию каждого выпускника средней школы. Так что начнем с математических объектов.

Конечно, читатель слышал слово *алгоритм*. Согласно энциклопедическому словарю, это «способ (программа) решения вычислит. и др. задач, точно предписывающий, как и в какой последовательности получить результат, однозначно определяемый исходными данными».

Понятие, как видим, не только математическое. Можно говорить об алгоритме раскройки кож для обуви и т. п. В *математической* теории алгоритмов рассматриваются математически четкие соответствия этого понятия; рассматриваются различные *стандартные формы* алгоритмов. Мы рассмотрим одну такую стандартную форму, хорошо приспособленную к тем применениям, которые мы имеем в виду. (Некоторые стандартные формы алгоритмов претендуют на универсальность, что означает, что действие любого алгоритма, в какой бы форме он ни был представлен, может быть воспроизведено при помощи какого-то алгоритма в данной стандартной форме; нас этот вопрос не будет занимать.)

Мы будем рассматривать алгоритмы, действующие на последовательности символов, берущихся из некоторого алфавита; такие последовательности можно называть словами — например:

(1) *фывапролджэ2008фыва*

Слово мы будем предполагать ограниченным с обеих сторон пробелами. (В связи с чем вспоминается определение, концентрированно выражющее формальный подход к языку: «слово — последовательность букв между двумя пробелами». Можно себе представить, сколько скрежета зубовного должны были вызывать такие определения у филологов другой ориентации — тогда как для говорящих такие вещи они могли быть совершенно эмоционально не нагружены. — Напоминаю, что пока мы находимся в области чистой математики.)

Алгоритмы, которые мы будем рассматривать, составляются из элементарных предписаний, или правил. Каждое правило предваряется стрелочкой $\Rightarrow$ или $\Leftarrow$, а потом идет набор символов (иначе говоря, *слово*), стрелка $\triangleright$ и другое слово; например:

(2) $\Rightarrow$ *ыва* $\triangleright$ *a*

Применение правила к данному слову состоит в отыскании первого в указанном направлении (слева направо, если это правило со стрелочкой $\Rightarrow$, и справа налево, если $\Leftarrow$) вхождения последовательности символов перед стрелочкой $\triangleright$ и замене этой последовательности последовательностью после этой стрелочки. Так, результат применения правила (2) к слову (1) есть слово

(3) *фапролджэ2008фыва*

(что можно записать так: *фывапролджэ2008фыва* $\triangleright$ *фапролджэ2008фыва*; только одно *ыва* оказалось заменено потому, что мы применили наше правило *только один раз*).

Слово до стрелочки и слово после стрелочки может состоять из любого числа символов: 1, 2, 3, ... Мы предусматриваем также возможность замены последовательности перед стрелочкой $\triangleright$ на *пустое слово* — то есть просто выбрасывания этой последовательности. Для пустого слова мы введем обозначение: Λ . Так, правило

(4) $\Leftarrow a \triangleright \Lambda$

в применении к слову (1) дает:

фывапролджэ2008фыва $\triangleright$ *фывапролджэ2008фыв.*

Также мы предусматриваем правила, которые действуют только в конце или только в начале слова. Для этого мы вводим символ $\#$, означающий пробел, и можем рассматривать такие правила:

(5) $a\# \triangleright \text{ыва},$

(6) $\#a \triangleright o$

(7) $\#\text{фыва}\# \triangleright \text{самдурак}$

(нет нужды писать символ $\#$ справа от стрелочки $\triangleright$, потому что после замены слова до стрелочки на слово после стрелочки эта последовательность так или иначе сама по себе окажется на конце слова или в его начале. Также для таких правил безразлично, какая стрелочка, $\Rightarrow$ или $\Leftarrow$, стоит перед правилом).

Результат применения правила (5) к последовательности (1) есть

фывапроджэ2008фыва ➤ фывапроджэ2003фывыва.

Правила (6), (7) к этой последовательности *неприменимы*: такое тоже бывает.

Разумеется, мы должны предположить, что символы $\Rightarrow$, $\Leftarrow$, $\rightarrow$, Λ , $\#$ не принадлежат к рассматриваемому алфавиту. Если принадлежат, мы можем выбрать вместо них какие-либо другие обозначения.

Теперь о том, как *алгоритм* составляется из отдельных правил, и как он действует.

Правила группируются в *этапы* (в этапе может быть и ровно одно правило). Все правила в пределах одного этапа имеют одно и то же направление: все $\Rightarrow$ или все $\Leftarrow$ (иначе было бы непонятно, скажем, какое из правил $\Rightarrow$ *фы* $\rightarrow$ *щ*, $\Leftarrow$ *ва* $\rightarrow$ *б* должно действовать в применении к последовательности (1)). Но это еще не все: правила, принадлежащие одному этапу, не должны иметь одну и ту же левую часть (т. е., скажем, запрещаются в одном и том же этапе *пп* $\rightarrow$ *ф* и *пп* $\rightarrow$ *том*); более того, одна левая часть не должна быть *частью* другой (левая часть *ыв* не может встретиться в одном этапе с левыми частями *фыва*, или *фыв*, или *ыва*, или *#фыв*: нельзя сказать, какая из этих последовательностей встретилась раньше идя слева направо в слове (1)).

Пример (записи) алгоритма в нашей стандартной форме:

(8) I этап, $\Rightarrow$

ыва $\rightarrow$ *a*,

ива $\rightarrow$ *a*,

ова $\rightarrow$ *a*,

ева $\rightarrow$ *a*;

II этап, $\Leftarrow$

a# $\rightarrow$ *ыва*,

фа $\rightarrow$ *a*,

са $\rightarrow$ *фа*.

Как применяется алгоритм: находится первое в указанном направлении вхождение левой части какого-либо из правил первого этапа, и это вхождение заменяется на указанную правую часть; то же самое повторяется до тех пор, пока никакое из правил первого этапа уже невозможно

применить. После этого то же самое делается с правилами второго этапа; и так далее.

Применим алгоритм (8) к слову *самдурак*. Никакое из правил первого этапа не может быть применено — так что работа первого этапа закончена, переходим ко второму. В слове нет «подслов» *a#* или *фa*, но встречается *са*; выполняем третье правило второго этапа, получаем:

самдурак $\rightarrow$ *фамдурак* $\rightarrow$ *амдурак*.

Работа алгоритма закончена.

Применяя тот же алгоритм к слову (1), получаем:

фывапролджэ2008фыва $\rightarrow$ *фапролджэ2008фыва* $\rightarrow$
фапролджэ2008фа (конец первого этапа) $\rightarrow$ *фапролджэ2008фыва* $\rightarrow$
фапролджэ2008фывыва $\rightarrow$ *фапролджэ2008фывыывыва* $\rightarrow \dots$.

Мы видим, что работа алгоритма никогда не кончится: первое правило второго этапа все так же будет и будет наращивать наше слово. Ну что ж, это тоже возможно.

Сокращенная запись правил алгоритма

Вместо того, чтобы писать, скажем, *са* $\rightarrow$ *фа* (т. е. что *са* нужно заменить на *фа*), можно писать *c(a)* $\rightarrow$ *ф* (что *с* заменяется на *ф* перед *а*). Вместо второго правила второго этапа алгоритма (8) можно написать: *ф(a)* $\rightarrow$ Λ (*ф* перед *а* выбрасывается). Понятно также, что значит *(фы)в(a#)* $\rightarrow$ *дд*: что в между *фы* и *а* на конце слова заменяется на двойное *д*: сокращенная запись для правила *фыва#* $\rightarrow$ *фыдда*.

Несколько сходных правил можно записать сокращенно, как одно «обобщенное» правило: так, вместо правил этапа I алгоритма (8) можно написать: *Ava* $\rightarrow$ *a*, где *A* — это *ы*, *и*, *о* или *е*; или: *Av(a)* $\rightarrow$ Λ .

Можно развивать математическую *теорию* алгоритмов в нашей стандартной форме — хотя зачем?

Прежде чем перейти к *математической лингвистике* и к *лингвистике*, заметим, что есть еще одно важное математическое понятие, родственное введенному понятию алгоритма (в стандартной форме); а именно, понятие *исчисления*. Тогда как алгоритм — это *предписание* делать то-то и то-то (составленное из элементарных предписаний-правил), исчисление — это

разрешение производить такие-то операции над исходными данными и тем, что из них получено. Исчисление (в стандартной форме) составляется из отдельных *правил*, выглядящих в точности, как правила алгоритма, за исключением того, что не указывается направление действия $\Rightarrow$ или $\Leftarrow$. Правила не разбиваются на этапы, и не вводится никаких ограничений на левые части этих правил: в одном и том же исчислении могут быть даже правила $a \triangleright bb$ и $a \triangleright vgd$. Тогда как относительно алгоритма нас интересует то слово, которое получается в самом конце под действием применения этого алгоритма к исходному слову, относительно исчисления нас может интересовать *множество* всех слов, которые можно получить под действием этого исчисления в применении к определенному слову. Не будем тратить времени на приведение примеров или задач для упражнения.

Несмотря на своего рода противоположность понятий алгоритма и исчисления, оказывается возможным «моделировать» работу алгоритма при помощи соответствующим образом построенного исчисления; и можно построить алгоритм для перечисления множества всех слов, возникающих под действием данного исчисления (ну ладно, может быть, алгоритм не в нашей стандартной форме).

Итак, теперь к математической лингвистике — и к лингвистике.

МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКА

Мы живем, погруженные в язык; и обычно даже не замечаем этого. Между тем, мы обладаем замечательными способностями в этой области: мы умеем делать очень много различных вещей, связанных с языком, — делать без усилия и чрезвычайно быстро. Мы можем выразить словами, что мы хотим; обратное уменье: мы можем понять, что говорят нам. Другое уменье: сказать не то, что нам хочется, а просто *что угодно* (например, в ответ на: «Скажи что-нибудь!»); обратное: показанному (услышанному) понять, означает ли оно хоть что-нибудь или вообще не является фразой языка (как, скажем: «Отвяжемся ты!»). Еще одно: выразить по-другому тот же смысл, что в данной фразе, перефразировать; обратное: по двум (правильным) фразам установить, означают они одно и то же или нет. Читатель, дошедший до этого места, вероятно, умеет *читать*, а скорее всего, и писать по-русски.

Те, которые знают *два языка*, иногда могут переводить с одного на другой (не всегда: китайские студенты в Советском Союзе часто не могли перевести с русского на китайский вещи, касающиеся того, чему их учили, и на русский те бытовые вещи, о которых они говорили по-китайски) и мо-

гут по двум фразам этих двух языков понять, являются ли эти фразы переводами друг друга.

Почему же, если речь идет о лингвистических умениях людей, взято заглавие «Механизмы языка»? — Потому, что все эти умения, особенно в их выражении, слишком к высшему, практически не зависят от конкретной личности, а присущи самому языку.

Отдельные умения могут моделироваться различными грамматиками, связанными с языком. Так, моделями умения сказать *что-нибудь* служат порождающие грамматики; грамматику, призванную распознавать, имеет ли фраза хоть какой-нибудь смысл, можно назвать *распознающей* грамматикой. Можно говорить о *трансформационных* грамматиках, осуществляющих перефразирование и т. п. Все эти грамматики являются частями описания данного языка; для них характерно, что они действуют независимо от личности, а автоматически по определенным правилам, как некоторый *механизм*. Математическое выражение этого может даваться при помощи *исчислений* и *алгоритмов*, о которых говорилось в математическом введении.

Не очень трудно понять, какие умения моделируются при помощи алгоритмов, а какие исчислениями: если результат в принципе должен быть однозначным, — это алгоритм, в противном случае — исчисление. Так, порождающие грамматики, превращающие желание хоть что-то сказать в правильные фразы языка, должны моделироваться *исчислениями*; распознающие (см. выше) — алгоритмами.

Способность переводить с одного языка на другой — способность, несомненно связанная с творческими силами человека и *духом языка*, диктующим ему, — тоже может, несмотря на это, моделироваться в автоматном духе. Все слышали о *машинном переводе* — или во всяком случае о *проблеме машинного перевода*: в некотором обозримом будущем мы сможем поручить эту нашу деятельность вычислительным машинам. (Конечно, этот перевод, вероятно, будет похуже, чем поэтические переводы Жуковского; но ведь я сказал выше, что практически не зависят от конкретной личности, а присущи самому языку языковые умения в их выражении, слишком к высшему, а не в самом высшем.) На самом деле проблема машинного перевода, которую, может быть, лучше было бы называть проблемой *автоматического перевода*, возникла раньше пришествия вычислительных машин. Еще в средневековой Японии были выработаны формальные правила перевода с китайского на японский: в китайском тексте около каждого иероглифа ставились в различных позициях точки, показывающие, какие японские грамматические элементы следует присоединить к японскому слову, записанному этим китайским иероглифом (эти точки

назывались *о-кото-тэн*: *тэн* значит ‘точка’, а *о и кото* — примеры грамматических частиц, в частности, *о* — показатель винительного падежа; между прочим, возник особый японский литературный стиль: стиль *дословного перевода с китайского*.

Мы знаем, что один и тот же текст можно перевести на другой язык по-разному; то есть перевод естественно моделировать с помощью *исчислений* (а обратное умение — умение распознавать перевод от не-перевода — должно моделироваться алгоритмами). Несмотря на это, в первом приближении о неоднозначности перевода можно забыть, и говорят об *алгоритмах* машинного (автоматического) перевода; и такие алгоритмы, превращаясь в программы для вычислительных машин, уже находят практическое применение (обычно после работы алгоритма по переводу проходится редактор-человек). Некоторые алгоритмы устроены так, что в нужных случаях выдают *несколько* вариантов перевода (разумеется, эти алгоритмы совершенно не должны быть алгоритмами в нашей стандартной форме).

Далее, мы говорили об умениях *читать и писать*. Эти умения можно рассматривать как частный случай умения переводить с языка на язык: в данном случае с *письменного* языка на соответствующий *устный* и обратно (конечно, применение читающих и пишущих компьютерных программ связано с такими проблемами, которые не возникают при переводе с одного письменного языка на другой: нужен микрофон для превращения звукового сигнала в электрический, специальная программа, превращающая непрерывно колеблющийся электрический ток этого сигнала в последовательность дискретных символов, и — через посредство фонетической или фонематической записи речи или минутя такую запись — переход к орфографической записи;¹ проблемы при автоматическом чтении вслух

---

¹ В Америке программа, переводящая устные сигналы в письменную (компьютерную) форму, доступна по разумной цене. Какое облегчение видеть медицинские документы, надиктованные доктором и переведенные компьютером в печатную форму, вместо написанных ужасающим докторским почерком! Но *видел я такую* программу в действии только один раз — в руках (хотя при чем тут руки, он не держал микрофон в руке) у абсолютно пьяного адвоката в бедном квартале Нового Орлеана (я зашел к нему как к нотариусу: мне нужно было заверить тот факт, что моя фамилия в моем российском и в моем американском паспорте — различные написания одной и той же фамилии). Программа работала из рук вон плохо, но не только по указанной выше причине: мистер Гоза объяснил мне, что это потому, что она научается с течением времени, но когда электричество вдруг выключается, то вся эта наученность пропадает — а как раз в этом квартале внезапные отказы электричества случаются очень часто. Как именно программа эта устроена и содержит ли она на-

не проще). Умение перефразировать — также, в сущности, другой частный случай умения переводить: речь идет о переводе с некоторого языка на *тот же язык*. Наконец, и умение понимать, что тебе говорят, и ему обратное (умение выразить в речи то, что хочешь) тоже можно, пожалуй, рассматривать как умение переводить: переводить с естественного языка нашей речи на некий *язык смысла* (не связанный с конкретным языковым выражением) и обратно (возможно, примерно это имеет в виду И. А. Мельчук, говоря о лингвистических моделях «Смысл $\leftrightarrow$ текст»). Как должен быть устроен этот язык смысла (в частности, непременно ли он должен иметь своим внешним выражением линейную последовательность символов), вряд ли кто-либо может знать прежде, чем подвергнет этот вопрос многолетнему обдумыванию и исследованию, включая чтение того, что написано про *семантику* (хорошо было ученым прежних времен: они могли верить, что в качестве языка смысла должна выступать латынь).

Существенной частью всех упомянутых видов действий с языком является *анализ* текста, в частности, морфологический анализ, выделяющий в слове *корень* и *аффиксы* — приставки, суффиксы, окончания; и *синтез* — в частности, построение по данному корню и аффиксам (соответствующим разным грамматическим значениям) нужной языковой формы. Грамматики, осуществляющие морфологический синтез, можно назвать *словоизменительными грамматиками*.

Слово *аффикс*, согласно энциклопедическому словарю, «означает часть слова, противопоставляемую корню и выражающую грамматич. или словообразоват. значение. По положению относительно корня А. подразделяются на *префиксы* (приставки), *суффиксы*, *инфиксы* и некоторые другие» (а корень, согласно тому же словарю, — это «непроизводная (простая) основа» слова, не содержащая никаких аффиксов). В русском языке, правда, приставки не участвуют в словоизменении — только в *словообразовании* (если мы считаем, что, скажем, *делать* и *сделать* — отдельные слова, а не разные формы одного и того же слова); но в других языках это не так, скажем, в африканском языке суахили — см., например, Задачи 92 и 93 из сборника [Задачи 2006].

Однако мы предались общим рассуждениям и совершенно забросили конкретное — в частности, задачи. Не то, чтобы наши общие рассуждения были бесполезны (например, они могут служить мотивировкой переноса

меченные мной выше блоки — коммерческая тайна производящей ее компании. — Предок мистера Гоза прибыл в Англию с потопленного корабля Великой Армады, да так и остался там; а какой-то его потомок эмигрировал в Америку.

методов, применяемых в связи с проблемой автоматического перевода, на другие области); но они не идут никуда без более конкретных вещей. Обратимся к упомянутым словоизменительным грамматикам.

ПОСТРОЕНИЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИК: ЗАДАЧИ

Прежде всего: должны ли такие грамматики описываться посредством исчислений или алгоритмов? На первый взгляд, если дано слово и указаны нужные словоизменительные грамматические характеристики, результат однозначен — то есть это должен быть алгоритм: скажем, *родительный падеж множественного числа от слова кусок* — это *кусков*, и никак иначе, а *винительный единственного в применении к одушевленному существительному от прилагательного пологий* — это *полого* (грамматическая категория одушевленности/неодушевленности является словоизменительной категорией для прилагательных, но не для существительных — у них одушевленность/неодушевленность присуща самому слову, является его словарной характеристикой). На второй взгляд — все же не так: *творительный единственного от расстяпа* — это *растяпой* или *растяпою*.

Мы должны принять какое-то решение — либо взять в качестве нашего аппарата исчисления, либо как-то подправить эту неприятность с алгоритмами. Так как неоднозначность склонения не слишком значительна в русском языке (а в других? — не знаем), мы принимаем второе; а творительный падеж, скажем, расщепим на два варианта: *творительный₁* и *творительный₂* (нас может немного смущать, что в значении этих форм нет никакого различия; ну ничего, мы можем сказать, что это два стилистических варианта: какая-то неясная стилистическая разница здесь определенно есть). В других случаях неоднозначности словоизменения мы можем принять, скажем, решение о расщеплении самого слова на два варианта, у которых какие-то формы совпадают, а другие — нет. Во всяком случае, в первом приближении пренебрежем этой неоднозначностью.

В школе нас учили: есть *основа* и есть *окончание*; и словоизменение, казалось бы, — очень простая вещь: присоедини к основе окончание, соответствующее данной грамматической информации, и дело с концом. Однако здесь есть о чем подумать и над чем поработать.

Задача 1 [Задачи 2006, № 28]

Даны слова: *буря, яма, шея*.

Задание. Придумайте такую искусственную форму записи русских слов (используя в ней, в случае необходимости, помимо русских букв, и дополнительные условные знаки), чтобы:

- одноименные падежные формы указанных слов получались прибавлением к основе одинаковых окончаний;
- для каждого из этих слов основа была неизменна во всех 12 падежных формах (по 6 падежей единственного и множественного числа);
- существовали достаточно простые правила перехода от этой формы к обычной орфографической форме.

Решение. Искомая форма записи может быть такой (для наглядности основа отделена от окончания дефисом):

	Ед. ч.			Мн. ч.		
И.	я́м-а	бúр'-а	шéй-а	я́м-ы	бúр'-ы	шéй-ы
Р.	я́м-ы	бúр'-ы	шéй-ы	я́м-	бúр'-	шéй-
Д.	я́м-е	бúр'-е	шéй-е	я́м-ам	бúр'-ам	шéй-ам
В.	я́м-у	бúр'-у	шéй-у	я́м-ы	бúр'-ы	шéй-ы
Т.	я́м-ой	бúр'-ой	шéй-ой	я́м-ами	бúр'-ами	шéй-ами
П.	я́м-е	бúр'-е	шéй-е	я́м-ах	бúр'-ах	шéй-ах

Для того чтобы перейти к орфографической записи, нужно произвести следующие замены: сочетания букв 'а' и 'я'а' заменить на я; 'у' и 'й'у' — на ю; 'ы' и 'й'ы' — на и; 'е' и 'й'е' — на е; 'о' и 'й'о' — на е; букву ' в конце слова заменить на ъ.

Как показывает решение, в большинстве случаев, чтобы выполнить сформулированные в условии задачи требования, достаточно перейти к фонетической записи форм. Для форм *буре* и *шее* мягкость приходится отмечать дважды; в такой записи есть своя логика, так как основы этих слов имеют мягкий исход, а кроме того, прибавление окончания также вызывает в этих падежах смягчение конечного согласного. Окончания творительного падежа -ой и -ей встречаются в разных позициях (первое — после твердого, второе — после мягкого); это позволяет заменить две буквы: о и е — одной. Обратим внимание на то, что в правилах перехода к обычной орфографии одинаковую роль играют буквы ' и ъ; поскольку они встречаются в разных позициях, их также можно было бы заменить одной буквой, см. об этом Задачу № 9 из [Задачи 2006].

Мой комментарий: указанные замены можно записать как алгоритм в нашей стандартной форме с одним этапом (и неважно, применять ли его правила в направлении $\Rightarrow$ или $\Leftarrow$):

- (9) Ja $\rightarrow$ я,
Je $\rightarrow$ е,
Jы $\rightarrow$ и,
Jo $\rightarrow$ е,
Ju $\rightarrow$ ю,
'# $\rightarrow$ Ъ,

где J — это ' или ё.

Еще комментарий: мы видим, что автора решения (А. К. Поливанову) не заботил вопрос о существовании вариантических форм *бурею*, *ямою*, *шеею*. Не будем же и мы заботиться о подобных мелочах.

Какую более широкую мысль можем мы извлечь из этой задачи?

Что мы можем и в других случаях стремиться к тому, чтобы описывать словоизменение в каком-либо языке как сочетание неизменных основ с неизменными окончаниями,² с применением затем к полученным «словам» алгоритма, приводящего их к засвидетельствованным в языке формам (нет, вообще-то, необходимости приводить их к принятой форме орфографической записи, как в приведенной задаче: все-таки основной для языка является его звуковая форма). И пока не видно, почему бы этому алгоритму не быть алгоритмом в нашей стандартной форме. Соединение основы с аффиксами должно происходить по каким-то четко определенным

---

² По тому, как нас учили в школе, я и тогда бы, пожалуй, согласился, что слова *бурая*, *яма* и *шея* склоняются одинаково (хотя и вряд ли выразил бы это на формальном языке, предлагаемом в Задаче 1). Но вот среди списков слов, которые нас заставляли по русскому языку заучивать, был такой (в видеrudimentarnого стишка): *Мой, твой, свой | Плюс наш да ваш*. Я это понимал как список притяжательных местоимений, которые склоняются одинаково (не помню, было ли это явно сказано учителем; но во всяком случае, стишок заучивался в связи с вопросом о склонении местоимений). Какая чушь, — думал я, — как же придумавшему этот стишок не ясно, что они склоняются по-разному: *мой, твой, свой* — с окончанием *-ой* в именительном падеже ед. ч., а *наш да ваш* — без окончания. Только через много лет я понял, что *-ой* в *мой, твой, свой* — вовсе не окончание, как в слове *злой*, а часть (неизменной) основы. Автор учебника, по которому нас учили, был академик Щерба (а может, это были *Бархударов и Щерба*), так что, может, автор стишка заимствовал неглупую идею у академика...

правилам (с присоединением, скажем, префиксов все просто — никаких особых правил не нужно; но, например, с *инфиксами* возникает вопрос: а куда именно внутрь основы его вставлять?).

Далее, в некоторых случаях неразумно стараться представить словоизменение как соединение *неизменных* основ с *неизменными* аффиксами: например, можно, конечно, подогнать спряжение глаголов *нести* и *звонить*: *несу, несешь, несет, несем, несете, несут; звоню, звонишь, звонит, звоним, звоните, звонят* — под единый образец; но естественнее все же считать, что у первого глагола основа *нес-*, а окончания (они же аффиксы) — *-у, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут*, а у второго основа *звон-*, а окончания *-ю, -ишь, -ит, -им, -ите, -ят* (конечно, мы должны решить, использовать ли орфографическую форму слов или их фонетическую запись). То есть для части основ выбираются окончания из одной серии, а для части из них — из другой. Можно себе представить также противоположное: часть окончаний присоединяется к одному варианту основы, а другая часть — к другому (в русском языке: у одного и того же глагола *идти* окончания настоящего времени присоединяются к основе *ид-*, а прошедшего — к совсем другой основе).

Задача 2 [Задачи 2006, № 5 из задач Зализняка]

Исходные данные. Дано 9 латышских глаголов, каждый в семи грамматических формах (инфinitив и все лица единственного числа настоящего и прошедшего времени), итого 63 словоформы.

Инфинитив	Ед. ч. наст. врем.			Ед. ч. прош. врем.		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
<i>sākt</i>	<i>sāku</i>	<i>sāc</i>	<i>sāk</i>	<i>sāku</i>	<i>sāki</i>	<i>sāka</i>
<i>nākt</i>	<i>nāku</i>	<i>nāc</i>	<i>nāk</i>	<i>nācu</i>	<i>nāci</i>	<i>nāca</i>
<i>jaukt</i>	<i>jaucu</i>	<i>jauc</i>	<i>jauc</i>	<i>jaucu</i>	<i>jauci</i>	<i>jauca</i>
<i>nest</i>	<i>nesu</i>	<i>nes</i>	<i>nes</i>	<i>nesu</i>	<i>nesi</i>	<i>nesa</i>
<i>vērst</i>	<i>vēršu</i>	<i>vērs</i>	<i>vērš</i>	<i>vērsu</i>	<i>vērsi</i>	<i>vērsa</i>
<i>mest</i>	<i>metu</i>	<i>met</i>	<i>met</i>	<i>metu</i>	<i>meti</i>	<i>meta</i>
<i>jaust</i>	<i>jaušu</i>	<i>jaut</i>	<i>jauš</i>	<i>jautu</i>	<i>jauti</i>	<i>jauta</i>
<i>cept</i>	<i>ceru</i>	<i>cer</i>	<i>cep</i>	<i>ceru</i>	<i>cepi</i>	<i>sera</i>
<i>kāpt</i>	<i>kāpju</i>	<i>kāp</i>	<i>kāpj</i>	<i>kāpu</i>	<i>kāpi</i>	<i>kāpa</i>

Задание. Построить для данной системы словоформ «первообразную» систему, обладающую следующими свойствами:

1. Каждая словоформа состоит из основы и окончания (окончание может быть нулевым). Основа состоит либо только из корня, либо из корня и суффикса; при этом суффикс во всех случаях один и тот же.
2. Каждая из семи грамматических форм имеет единое для девяти глаголов окончание.
3. У каждого глагола:
  - а) корень имеет единый вид;
  - б) основа инфинитива равна корню;
  - в) основа всех форм настоящего времени едина, основа всех форм прошедшего времени — тоже, но основы разных времен могут и не совпадать.

Примечание. Таким образом, в системе используется всего 17 элементов: 9 корней, 1 суффикс, 7 окончаний. Заметим, что некоторые из этих элементов могут быть омонимичны, т. е. совпадать по буквенному составу.

4. «Первообразная» система преобразуется в заданную некоторой цепью формул перехода (см. общие указания выше); глубина взаимодействия в каждой формуле перехода не должна превышать 2.

Поясню читателю, что то, что глубина взаимодействия не должна превышать 2, означает, что, скажем, можно употреблять в нашем алгоритме правила вида $(cd)ab \rightarrow f$, но нельзя вида $(cde)ab \rightarrow f$.

Скажу еще, что я в свое время не смог решить этой задачи — из-за того, что не понял как следует ее условия (над фразой «при этом суффикс во всех случаях один и тот же» под пунктом 1 нужно думать и думать, что же она значит; окончательно она объясняется в пункте 3). Попробую пояснить, что имел в виду автор, еще и со своей стороны: в инфинитиве окончание присоединяется непосредственно к корню; дальше либо во всех формах настоящего времени окончания присоединяются непосредственно к корню, либо во всех формах к корню плюс суффикс — и то же для прошедшего времени; суффикс этот может, вообще, присоединяться к формам *и* настоящего, *и* прошедшего времени (или только к одним из них, или ни к тем, ни к другим); и он состоит из одних и тех же букв (звуков? символов?) и в настоящем, и в прошедшем времени. Да почитайте еще раз или два условие задачи.

После того, как читатель потратил какие-то усилия, чтобы решить Задачу 2, приведу авторское

Решение (цитирую со знаком $\rightarrow$ вместо стрелочки, употребляемой Андреем Анатольевичем, но сохраняя употребляемое им «нуль» вместо моего Λ).

«Первообразная» система словоформ

В исходный алфавит, помимо букв, встречающихся в данной системе словоформ, включаем букву i_2 .

Корни: $sāk-$, $nāk-$, $jauk-$, $nes-$, $vērs-$, $met-$, $jaut-$, $ser-$, $kāp-$.

Окончания: инфинитив $-t$; наст. время $-u$, $-i_2$, нуль; прош. время $-u$, $-i$, $-a$.

Суффикс: $-j$. Он используется в наст. времени глаголов $jaukt$, $vērst$, $jaust$, $kāpt$ и в прош. времени глаголов $nākt$, $jaukt$.

Цепь формул перехода

1. $j(+i_2) \rightarrow$ нуль
2. $k(+i_2) \rightarrow c$
3. $kj \rightarrow c$
 $sj \rightarrow \check{s}$
 $tj \rightarrow \check{s}$
4. $tt \rightarrow st$
5. $i_2 \rightarrow$ нуль

Да... лаконичное решение. Цифры 1–5 означают, в нашей терминологии, номера этапов алгоритма (и порядок этих этапов в некоторых случаях существен: например, если бы этап 5 шел первым, окончание i_2 исчезло бы, не оказав никакого влияния). Читатель, пожалуйста, выпишите все 63 «первообразных» словоформы (начиная с $sāk-t$, $sāk-u$, ..., $jauk-t$, $jauk-j-u$, $jauk-j-i_2$, $jauk-j$, $jauk-j-i$, $jauk-j-i$, ..., и кончая $kāpa$) и «прогоните» их через алгоритм с приведенными выше правилами.

(Почему в настоящем и в прошедшем должен был употребляться один и тот же суффикс $-j$?? После того, как задача решена, это не становится яснее. Два разных ответа на этот вопрос: во-первых, потому, что так сказано в условии задачи, наше дело не рассуждать, а решать задачу. Второй ответ: потому что это соответствует фактам латышского языка; а уж почему так в латышском языке — все равно не ясно.)

ЕЩЕ СЕРИЯ ЗАДАЧ

Довольно цитировать задачи из книг; сейчас я буду давать читателю серию задач собственного сочинения. Эти задачи — про арабский язык: классический арабский язык, как он представлен в Коране. При составлении этих задач я пользовался книгой Carl Brockelmann, *Arabische Grammatik*. — Leipzig, 1960, подаренной мне в свое время Анютой Поливановой (и, конечно, толстым словарем).

К сожалению, я не могу здесь дать эти задачи с решениями и всем, что можно сказать по их поводу: объем такого дополнения был бы лишь немного меньше всего предшествующего текста. Хочу надеяться, что читатели сами найдут замечательные решения, заинтересуются и займутся поиском примыкающей информации.

Задача 3

Ниже приведены формы арабских глаголов с переводами:

darastu ‘я изучал (изучала)’

darasta ‘ты изучал’

darasa ‘он изучал’

darasnā ‘мы изучали’

darastum ‘вы (м. р.) изучали’

darasū ‘они (м. р.) изучали’

darasti ‘ты изучала’

darasat ‘она изучала’

darastunna ‘вы (ж. р.) изучали’

darasna ‘они (ж. р.) изучали’

θabattu ‘я был крепок (была крепка)’

θabatta ‘ты был крепок’

θabata ‘он был крепок’

θabatnā ‘мы были крепки’

θabattum ‘вы (м. р.) были крепки’

θabatū ‘они (м. р.) были крепки’

θabatti ‘ты была крепка’

θabatat ‘она была крепка’

θabattunna ‘вы (ж. р.) были крепки’

θabatna ‘они (ж. р.) были крепки’

Разделите глагольные формы на корень, выражающий «материальное» значение глагола, и аффикс (аффиксы), выражающие грамматические значения.

Замечание: *θ* обозначает глухой согласный звук, который в английском языке передается сочетанием *th*; черта над гласной означает, что этот звук долгий. Второй из арабских глаголов переведен здесь прилагательным; можно было бы перевести по-другому: ‘твердо стоять (на чем-либо)’.

Задача 4

Прибавьте к материалу Задачи 3 следующие формы:

barattu ‘я был холoden (была холодна)’, ‘я охлаждался (-лась)’

baratta ‘ты был холoden’

baratti ‘ты была холодна’

<i>barada</i> ‘он был холоден’	<i>baradat</i> ‘она была холодна’
<i>baradnā</i> ‘мы были холодны’	
<i>barattum</i> ‘вы (м. р.) были холодны’	<i>barattunna</i> ‘вы (ж. р.) были холодны’
<i>baradū</i> ‘они (м. р.) были холодны’	<i>baradna</i> ‘они (ж. р.) были холодны’

Прибавьте новый глагольный корень к вашему списку корней и сформулируйте правило (правила) перехода от комбинации «корень + грамматический аффикс (аффиксы)» к правильной форме, представленной в арабском языке.

Задача 5

Прибавьте к материалу Задач 3–4 следующее:

rafata ‘он раздробил’ (второе значение ‘он уволил’)
rafada ‘он одаривал, он награждал, он помогал’

Дайте все русские переводы глагольной формы *rafattunna*.

Задача 6

Прибавьте к материалу Задач 3–5 следующее:

<i>'adrusu</i> ‘я изучаю’	
<i>tadrusu</i> ‘ты (м. р.) изучаешь’, ‘она изучает’	
<i>tadrusīna</i> ‘ты (ж. р.) изучаешь’	
<i>yadrusu</i> ‘он изучает’	
<i>nadrusu</i> ‘мы изучаем’	
<i>tadrusūna</i> ‘вы (м. р.) изучаете’	<i>tadrusna</i> ‘вы (ж. р.) изучаете’
<i>yadrusūna</i> ‘они (м. р.) изучают’	<i>yadrusna</i> ‘они (ж. р.) изучают’
<i>dārisun</i> ‘изучающий’, им. пад.	
<i>dārisin</i> ‘изучающего’, род. пад.	
<i>dārisan</i> ‘изучающего’, вин. пад.	
<i>ra'astu</i> ‘я возглавлял’	
<i>ra'asa</i> ‘он возглавлял’	
<i>ra'asna</i> ‘они (ж. р.) возглавляли’	
<i>rā'isun</i> ‘возглавляющий’, им. пад.	

dalakat ‘она терла’
yadluku ‘он трет’
dālikan ‘трущего’, вин. пад.

qataltunna ‘вы (ж. р.) убивали’
‘aqtulu ‘я убиваю’
qātilin ‘убивающего’, род. пад.

dalakū ‘оны (м. р.) терли’
tadlukna ‘вы (ж. р.) трете’
taqtulīna ‘ты (ж. р.) убиваешь’

Задание — то же, что в Задачах 3–4; только мы больше не можем брать за корень, выражающий «материальное» значение глагола, тот корень, который мы нашли в этих задачах; и аффиксы, выражающие грамматические значения, не обязательно должны быть теми суффиксами и префиксами, с которыми мы уже, вроде, познакомились: имеется много возможностей чего-то другого. Ваш список корней на этом этапе будет содержать восемь корней.

Замечание. Звук *q* похож на *k*, но произносится с языком, отодвинутым больше назад; ‘ — знак для арабского согласного, которого нет в русском языке. Он произносится с полным закрытием *голосовой щели* в гортани. По-русски этот звук называется *твёрдый приступ*. Перед гласной он производит на нас впечатление усиленного произношения начала этой гласной; когда нас учат немецкому языку, нас тренируют на как раз такое произношение начальной гласной слова. По-арабски этот звук (и их знак для него) называется *hamzatun* ‘укол’. Арабские имена — существительные, прилагательные и отлагольные имена (причастия) — имеют род, число и падеж (есть три падежа — именительный, родительный и винительный). Конечный звук *n* — показатель неопределенности (как в языках, в которых есть неопределенный артикль); определенность выражается отсутствием этого *-n* и префиксом — определенным артиклем. Род выражается также в формах глагола (но не в первом лице). Нет отдельно причастий настоящего и прошедшего времени, так что я буду переводить то так, то так.

Решая Задачу 6, вы находите, что идти дальше тем же путем, что в Задачах 3–5, не выходит. Чтобы вам не пойти каким-нибудь уж совсем несуразным путем, приведу сокращенное решение этой задачи.

Решение. Восемь корней, каждый из трех согласных: *d-r-s*, *θ-b-t*, *b-r-d*, *r-f-t*, *r-f-d*, *r²-s*, *d-l-k*, *q-t-l*; аффиксы прошедшего времени: *1a2a3tu*, *1a2a3ta*, *1a2a3ti*, *1a2a3a*, *1a2a3at*, *1a2a3nā*, *1a2a3tum*, *1a2a3tunna*, *1a2a3ū*, *1a2a3na* (разберитесь, какой соответствует какому лицу и роду); аффиксы настоящего времени: *‘a12u3i*, *ta12u3i* — второе лицо ед. числа м. р. или третье лицо ед. ч. ж. р., *ta12u3īta*, *ya12u3i*, *na12u3i*, *ta12u3īna*, *ta12u3na*,

yal2i3īpa, yal2i3na,³ аффиксы действительного причастия в разных падежах: *lā2i3in, lā2i3in, lā2i3an*;³ корни соединяются с аффиксами очень просто: цифры 1, 2 и 3 в аффиксах заменяются на согласные корни, например, *b-r-d + tal2i3īpa* заменяется на *tabrudīna*; и — пока — одно правило алгоритма, превращающего сочетание «корень + аффиксы» в нужную глагольную форму: *dt ▶ tt* (в Задачах 15, 16 появится еще много новых правил).

Я не буду больше давать вам *все* формы слова. Я мог бы давать много мини-задач построения не представленной в условии задачи арабской формы, если дано ее значение (русский перевод); но такие задачи были бы не очень интересны — после «теоретической» работы нахождения корней, грамматических элементов (аффиксов) и правил перехода от комбинации «корень + грамматические аффиксы» к слову арабского языка.

Задача 7

Прибавьте к материалу Задач 3–6 еще вот что:

<i>qutiltu</i> ‘я был убит (убиваем)’ или ‘я была убита’, или ‘меня убивали’	
<i>qutilta</i> ‘ты был убит’	<i>qutilti</i> ‘ты была убита’
<i>qutila</i> ‘он был убит’	<i>qutilat</i> ‘она была убита’
<i>qutilnā</i> ‘мы были убиты’	
<i>qutiltum</i> ‘вы (м. р.) были убиты’	<i>qutiltunna</i> ‘вы (ж. р.) были убиты’
<i>qutilū</i> ‘они (м. р.) были убиты’	<i>qutilna</i> ‘они (ж. р.) были убиты’
<i>‘uqtalu</i> ‘я убиваю(а)’ или, лучше, ‘меня убивают’	
<i>tuqtalu</i> ‘тебя (м. р.) убивают’, ‘ее убивают’	
<i>tuqtalīna</i> ‘тебя (ж. р.) убивают’	
<i>yuqtalu</i> ‘его убивают’	
<i>nuqtalu</i> ‘нас убивают’	
<i>tuqtalūna</i> ‘вас (м. р.) убивают’	<i>tuqtalna</i> ‘вас (ж. р.) убивают’
<i>yuqtalūna</i> ‘их (м. р.) убивают’	<i>yuqtalna</i> ‘их (ж. р.) убивают’
<i>maqtūlun</i> ‘убиваемый’, им. пад.	
<i>maqtūlin</i> ‘убиваемого’, род. пад.	

³ Пожалуй, разумнее здесь говорить о двух аффиксах: *-al2i3-* (настоящее время действительного залога) и втором, состоящем из префикса *у-* и суффикса (окончания) *-i* (третье лицо м. р. ед. ч.); то же насчет основы прошедшего времени и основы причастия и падежных окончаний.

maqtūlan ‘убиваемого’, вин. пад.

dulikū ‘их (м. р.) терли’

tudlakīna ‘тебя (ж. р.) трут’

yndlaku ‘его трут’

madlūkun ‘тот, кого трут’, им. пад.

ru'isnā ‘мы были возглавлены (кем-то)’

То же задание, что в предыдущей задаче. Список корней остается тот же, но список грамматических аффиксов и их значений расширяется.

Задача 8

И вот еще что:

darrastu ‘я преподавал(а)’

darrasta ‘ты преподавал’

darrasa ‘он преподавал’

darrasnā ‘мы преподавали’

darrastum ‘вы (м. р.) преподавали’

darrasū ‘они (м. р.) преподавали’

'udarrisu ‘я преподаю’

tudarrisu ‘ты (м. р.) преподаешь’, ‘она преподает’

tudarrisīna ‘ты (ж. р.) преподаешь’

yudarrisu ‘он преподает’

nudarrisu ‘мы преподаем’

tudarrisūna ‘вы (м. р.) преподаете’

yudarrisūna ‘они (м. р.) преподают’

mudarrisun ‘преподающий’, ‘учитель’, им. пад.

mudarrisin ‘учителя’, род. пад.

durrīstu ‘меня учили’

durrīsta ‘тебя (м. р.) учили’

durrīsa ‘его учили’

durrīsnā ‘нас учили’

durrīstum ‘вас (м. р.) учили’

durrīsū ‘их (м. р.) учили’

'udarrīsu ‘меня учат’

tudarrīsu ‘тебя (м. р.) учат’, ‘ее учат’

darrasti ‘ты преподавала’

darrasat ‘она преподавала’

darrastunna ‘вы (ж. р.) преподавали’

darrasna ‘они (ж. р.) преподавали’

tudarrisna ‘вы (ж. р.) преподаете’

yudarrisna ‘они (ж. р.) преподают’

mudarrisan ‘учителя’, вин. пад.

durrīsti ‘тебя (ж. р.) учили’

durrīsat ‘ее учили’

durrīstunna ‘вас (ж. р.) учили’

durrīsna ‘их (ж. р.) учили’

tudarrasīna ‘тебя (ж. р.) учат’

yudarrasu ‘его учат’

nudarrasu ‘нас учат’

tudarrasīna ‘вас (м. р.) учат’

tudarrasna ‘вас (ж. р.) учат’

yudarrasīna ‘их (м. р.) учат’

yudarrasna ‘их (ж. р.) учат’

mudarrasun ‘которого учат’, ‘учащийся’, им. пад.

mudarrasin ‘учащегося’, род. пад.

mudarrasan ‘учащегося’, вин. пад.

ra”astu ‘я поставил (кого-то) во главе’

ra”asa ‘он поставил во главе’   *ra”asū* ‘они (м. р.) поставили во главе’

mura”isun ‘ставящий во главе’, им. пад.

ru”ista ‘ты (м. р.) был поставлен во главе’

ru”isat ‘она была поставлена во главе’

mura”asan ‘поставленного во главе’, вин. пад.

barrattu ‘я охлаждал(а)’

barradū ‘они (м. р.) охлаждали’

barradnā ‘мы охлаждали’

tubarridūna ‘вы (м. р.) охлаждаете’

mubarridin ‘охлаждающего’, род. пад.

burritti ‘тебя (ж. р.) охлаждали’

tubarradu ‘тебя (м. р.) охлаждают’, ‘ее охлаждают’

mubarradun ‘охлаждаемый’, им. пад.

θabbata ‘он укреплял’

’uθabbiitu ‘я укрепляю’

miθabbitan ‘укрепляющего’, вин. пад.

θubbitat ‘ее укрепляли’

yuθabbatna ‘их (ж. р.) укрепляют’

miθabbatun ‘укрепляемый’, им. пад.

baraka ‘он (верблюд) стал на колени’

’ubarriku ‘я ставлю (верблюда) на колени’

То же задание, что в предыдущих задачах. Прибавляется один новый корень и новые грамматические элементы.

Задача 9

Решая предыдущую задачу, вы открыли и сформулировали, в чем разница в значении между глаголами с удвоенной второй согласной корня

и глаголами с не удвоенной второй согласной. По-русски мы тоже можем хотеть выразить ту же разницу в значении. Иногда мы выражаем это, добавляя какие-то слова (он *сделал*; она была *поставлена* во главе); в других случаях пары русских слов с этой разницей в значении — слова с совершенно разными корнями (учиться — преподавать, есть — кормить).

Найдите пары русских слов с этой разницей в значении, такие что оба глагола произведены от одного корня (вы, может быть, знаете не очень-то много про *корни* русских слов; но у нас об этом может быть какое-то *чувство*).

Задача 10

Попробуйте прочесть вслух следующие слова:

'akala, ra'asa, bi'rūn, ra''asa, maw'ūdatun.

Потратьте на это минут пять-десять. (Звук *w* — неслоговое *u*, как в английском.) Отличается ли в вашем произношении *ra''asa* от *ra'asa*?

Задача 11

Ниже приводятся несколько стихов из первой суры Корана:

'alḥamdu li-lلāhi rabbi l'ālamīna ‘Хвала Аллаху, Господу миров’
'arrāḥmāni rraḥīmi ‘Милостивому, милосердному’
mālikī yawmi ddīni ‘Владетелю Дня Суда’

Замечание. Существительные *rabbi*, *mālikī*, *yawmi* (все в родительном падеже) здесь не в неопределенной форме (нет конечного *-n*) и не в определенной (нет префикса-артиклия), а в специальной форме для соединения с последующими существительными (остальные имена — в определенной форме). Согласные звуки *h* (глухой) и *‘* (соответствующий звонкий; не путать с *’*) должны произноситься с помощью *надгортанника*: это хрящеватый орган, находящийся над нашей гортанью; арабские грамматисты описывали звук *‘* как напоминающий крик верблюда.

Зная, что *yawmīn* означает ‘день’, а *dīnīn* ‘суд’, постарайтесь перевести глагольную форму *malaka* и слово *mamlūkīn*.

Задача 12

Прибавьте к материалу предыдущих задач следующее:

qattala ‘он убивал многих’   *’iqattilu* ‘я убиваю многих’

tiqattilan ‘убивающего многих’, вин. пад.

dallakta ‘ты массировал’

yudalliku ‘он массирует’

mudallikun ‘массирующий’, им. пад.

dullikna ‘их (ж. р.) массировали’

yudallakūna ‘их (м. р.) массируют’

mudallakin ‘массируемого’, род. пад.

Означает ли удвоение согласной в корне здесь то же самое, что в Задаче 8? Постарайтесь сформулировать это значение.

Задача 13

Прибавьте к материалу Задач 3–12 еще вот что:

ḥāmidan ‘хвалящего’, вин. пад.

ḥammada ‘он много хвалил’

Задание. Каково первоначальное значение имен

maḥmūdūn,

tiḥammatadūn?

Задача 14

Еще новый материал:

‘alama ‘он знал’

Задание: Образуйте от корня этого глагола арабские слова, означающие ‘они (м. р.) знали’, ‘я знаю’, ‘знающий’, ‘ее знали’, ‘тебя (м. р.) знают’, ‘он давал знания, он преподавал (не в начальной школе)’, ‘она преподает’, ‘нам преподавали’, ‘нам преподают’, ‘тот, кому преподают, учащийся’.

Как вы должны называть меня по-арабски?

Задача 15

Прибавьте к материалу предыдущих задач следующее:

<i>šāfa</i> 'он видел'	<i>yašūfu</i> 'он видит'
<i>yašufna</i> 'они (ж. р.) видят'	<i>tašūfīna</i> 'вы (м. р.) видите'
<i>šīfa</i> 'его видели'	<i>šīfnā</i> 'нас видели'
<i>šiftum</i> 'вас (м. р.) видели'	<i>uyšāfu</i> 'его видят'
<i>yušāfīna</i> 'их (м. р.) видят'	<i>yušafna</i> 'их (ж. р.) видят'
<i>mašūfun</i> 'видимый'	
<i>šawwafat</i> 'она показывала'	<i>uyšawwifū</i> 'он показывает'
<i>tušawwafna</i> 'вас (ж. р.) показывают'	

Прибавьте к вашему списку корней новый корень и сформулируйте, если это понадобится, дополнительные правила перехода от сочетания «корень + грамматические элементы» к глагольной форме.

Замечание. То, что я обозначаю здесь буквой *š*, звучит, как *ш* (буква *š* была изобретена чехами для их алфавита).

Задача 16

Новое прибавление к материалу предыдущих задач:

<i>danawtu</i> 'я приближался'	<i>danā</i> 'он приближался'
<i>danat</i> 'она приближалась'	<i>danawna</i> 'они (ж. р.) приближались'
<i>tadnī</i> 'ты (м. р.) приближаешься', 'она приближается'	
<i>tadnīna</i> 'ты (ж. р.) приближаешься'	
<i>tadnīta</i> 'вы (м. р. или ж. р.) приближаетесь'	
<i>dānin</i> 'приближающийся' / 'приближающегося', им. пад. / род. пад.	
<i>dāniyan</i> 'приближающеся', вин. пад.	
<i>duniya</i> 'к нему приближались'	<i>duniyat</i> 'к ней приближались'
<i>dunītā</i> 'к нам приближались'	<i>dunītum</i> 'к вам (м. р.) приближались'
<i>dunīta</i> 'к ним (ж. р.) приближались'	
<i>dunī</i> 'к ним (м. р.) приближались'	
<i>nudnā</i> 'к нам приближаются'	
<i>dannā</i> 'он приближал'	<i>dannat</i> 'она приближала'
<i>yudannī</i> 'он приближает'	
<i>mudannīn</i> 'приближающий' / 'приближающего', им. пад. / род. пад.	
<i>mudannīyan</i> 'приближающеего', вин. пад.	

Задание. Прибавьте, что нужно, к списку корней и сформулируйте новые правила для перехода от сочетания «корень + грамматические аффиксы» к правильной арабской глагольной форме.

Задача 17

Переведите на арабский: ‘приближаемый’, им. пад.; ‘приближаемого’, вин. пад.

Задача 18

Арабское слово *taw'īdatun*, одно из слов, которые нужно было произнести в Задаче 10, означает ‘зарываемая в землю заживо’: у чрезвычайно древних арабов был обычай в определенных случаях зарывать заживо новорожденную девочку. Ко времени Мухаммада это было уже экзотическим воспоминанием о древних временах, и Пророку не нужно было убеждать людей, которым он проповедовал, что они не должны этого делать: он упоминает этот обычай в Коране только с ужасом и гневом. В 81-ой суре Корана, описывающей конец света и Страшный Суд, он пишет:

*Когда солнце будет скручено;
И когда звезды осипнутся;
И когда горы свинутся с места;
И когда верблюдицы
на десятом месяце беременности
будут оставлены без присмотра;
И когда дикие звери будут собраны вместе;
И когда моря перекипят;
И когда души соединятся,
подобная с подобной;
И когда зарытая живьем [будет] спрошена,
За какой грех она была убита;
И когда свитки развернутся;
И когда небо будет сдернуто;
И когда Ад будет разожжен;
И когда будет Рай приближен —
Тогда познает каждая душа,
что она принесла.*

В арабском оригинале два стиха, переведенные здесь, как ‘И когда закрыта живьем [будет] спрошена, | За какой грех она была убита’, звучат: *wa iða lmaw’ūdatu su’lat | bi ’ayyi ðanbin qutilat* (буква *ð* передает такой же звук, как английское звонкое *th* в слове *there*; в арабском тексте вы можете узнать два слова).

Задания. Переведите на арабский: ‘ты зарыл заживо’, ‘ее (новорожденную) зарывают заживо’.

Переведите на русский арабское слово *sa’ala*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, читатель решил Задачи 3–18. Что он получил?

Какой-то фрагмент грамматики арабского языка. Очень ограниченный фрагмент: грамматика только глаголов, а из именного словоизменения — только отглагольных имен (причастий), да и то только в единственном числе.

Что важнее — что читатель увидел пример применения нашей общей стратегии: описания словоизменения как соединения корней — в случае арабского языка это трехсогласные корни (например, *q-t-l* или *š-w-f*) — с аффиксами, выражающими грамматические значения (см. решение Задачи 6 и то, что прибавляется к нему в последующих задачах); простые правила соединения трехсогласного корня с аффиксами и довольно многочисленные правила перехода от сочетания «корень + аффиксы» к глагольной форме, представленной в языке⁴ (например, *iyu*(согласный) ► *i*; *awa(#)* ► *ā*, и т. д.).

Я сказал «нашей общей стратегии»; на самом деле эта стратегия — заслуга средневековых арабских грамматистов, создавших стройную грамматическую систему, охватывающую не только глаголы, но также имена и т. п. (только они не употребляли слова *алгоритм*). Чтобы моя серия задач не стала несуразно большой, я ограничился *одним* аффиксом для каждого грамматического значения (так же, как я не мог понять зализняковской задачи, где суффикс *-j-* то был, то его не было); *на самом деле*, например, аффикс прошедшего времени актива для некоторых глаголов *1a2a3-*, как у корней, которые я привожу, а у некоторых *1a2i3-* (например, у *š-r-b* ‘пить’); есть *четырехсогласные* корни (немного); и т. д. Можно только восхищаться подвигом средневековых грамматистов, наведших порядок в своем языке.

⁴ Эти правила составляют *алгоритм*, который может записываться в нашей стандартной форме.

Такой способ описания грамматики находит применения и за пределами арабского языка. Например, в одном учебнике русского языка для американцев их заставляют заучивать основы глаголов; само собой, грамматические суффиксы, например, *-ть* или *-ти* для неопределенной формы, *-у*, *-ешь*, *-ем*, *-ете*, *-ут* (или другая серия: *-ю*, *-ишь*, ..., *-ят*) для настоящего/будущего времени, *-л-* для прошедшего, плюс окончания *-Л*, *-а*, *-о*, *-и* для родов и чисел; плюс правила перехода от «основы + суффиксы» к правильной форме, например, *гласная₁* + *гласная₂* ► *гласная₂*, *й(согл.)* ► *Л* (или: *йтъ* ► *ть*, *йл* ► *л*, *дт*, *тт* ► *ст*, *йе* ► *е*, *йу* ► *ю*, *дл* ► *л*, *тл* ► *л*, (*согл.*)*л(#)* ► *Л* (довольно примеров; да у меня и нет под рукой этого учебника); причем, например, правило (*согл.*)*л(#)* ► *Л* должно быть в этапе алгоритма, более позднем, чем *й(согл.)* ► *Л*, *дл* ► *л*, *тл* ► *л*. Примеры: основы *знай-*, *спа-*, *нес-*, *вед-*, *мет-*: *знай-+ -ть* ► *знать*, *знай-+ -у* ► *знаю*, *спа-+ -шишь* ► *спишишь*, *вед-+ -ти* ► *вести*, *вед-+ -л-+ -Л* ► *вел*, *вед-+ -л-+ -а* ► *вела*, *мет-+ -ти* ► *мести*, *мет-+ -у* ► *мету*; нужно ввести еще одно правило, чтобы получать правильную форму *сплю* (и еще сколько-то правил, чтобы охватить многие другие слова и правильную расстановку «ё»). Вероятно, эта система, помимо ее «теоретической» ценности, помогает изучающим язык — иначе бы книгу не издавали.

См. также книгу А. К. Поливановой *Старославянский язык. Грамматика. Словари*. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013.

В. И. Гаврилова

ПЕРЕХОДНОСТЬ, ЗАЛОГ И ЭНЕРГЕТИКА ПРОЦЕССОВ ИЗМЕНЕНИЯ НЕОДУШЕВЛЕННЫХ СУБСТАНЦИЙ

В работе обосновывается существование в русском языке оппозиции: «переходность производящего типа ↔ переходность инициирующего типа», а также существование корреляции между производящим типом переходности и пассивным характером возвратного глагола, с одной стороны, и инициирующим типом переходности и квазипассивным характером возвратного глагола, с другой. В работе показано, что обусловленная развитием передовых технологий полная автоматизация некоторых процессов вызывает переход возвратных глаголов из пассивного типа в квазипассивный.

В работе предпринята попытка описания понятийной категории, скрывающейся за трансформационно-синтаксическим феноменом расщепления русских переходных конструкций на конструкции производящего и инициирующего типов и возвратных конструкций на пассивные и квазипассивные конструкции. Для решения этой задачи описана та сторона внеязыкового опыта, которая обуславливает существование в русском языке бинарной оппозиции «преображающая переходность ↔ инициирующая переходность» в форме скрытой категории, а именно:

1. Определены понятия «онтологическая ситуация *контроля-управления* таким процессом изменений неодушевленного предмета, который личность осуществляет по своему произволу (ОНТС I)» и «онтологическая ситуация *контроля-мониторинга* такого процесса изменений неодушевленного предмета, который самопроизвольно осуществляется в этом предмете после инициализации, предпринятой личностью (ОНТС II)».

2. Исследованы грамматические различия английских глагольных форм, используемых для языкового оформления ОНТС типов I и II, и продемонстрировано, что:

- специфика субъектно-объектных отношений в ОНТС типа I обуславливает оппозицию активных и пассивных английских конструкций;
- специфика субъектно-объектных отношений в ОНТС типа II обуславливает оппозицию конструкций с переходной и непереходной ипостасями лабильных английских глаголов.

Ситуации, во время развертывания которых осуществляются процессы изменения неодушевленных предметов и субстанций по воле человека, могут быть подразделены на два следующих онтологических типа:

- **Онтологическая ситуация типа I (ОНТС I).** Процессы, которые на всех этапах своего осуществления обусловлены волей человека и нуждаются в его непосредственном участии. Во время осуществления этих процессов между одушевленным лицом и неодушевленной видоизменяемой субстанцией существует пространственная смежность, контакт. Изменения некоторой неодушевленной субстанции всецело определяются непосредственным антропогенным воздействием. Денотативные ситуации такого рода складываются, например, во время осуществления процессов механической обработки пищевых продуктов, в частности, во время чистки картофеля. Так, процесс чистки картофеля может происходить только при непосредственном воздействии человека на картофель, поэтому во время осуществления этого процесса картофель и чистящий его человек находятся в контакте. Если изменение производится с помощью некоторого инструмента, то этот контакт осуществляется через посредство этого инструмента. В этой связи напомним, что А. Вежбицкая считает, что универсальную модель «инструментальности» («орудийности») демонстрируют «предложения, обозначающие сознательное действие, которое осуществляется с помощью “механического приспособления”, входящего в контакт и с агентом, и с пациентом» [Вежбицка 1985: 317].
- **Онтологическая ситуация типа II (ОНТС II).** Процессы, обусловленные волей человека лишь в том смысле, что благодаря его волеизъявлению они имеют место в жизни. Но специфика этих процессов такова, что человек именно вызывает их к жизни, а не производит, так как во время осуществления этих процессов не требуется непо-

средственного участия человека. Участие человека в этих процессах является опосредованным и сводится к предварительному продумыванию и последующему осуществлению технологических процессов, призванных создать условия для спонтанного самоосуществления задуманных человеком изменений в некоторых субстанциях внешнего видимого мира. Человек инициирует эти технологические процессы, а в ряде случаев предварительно создает необходимую техническую базу для их осуществления, поддерживает их опосредованное энергетическое обеспечение (обеспечивая поступление тепловой, электрической или других видов энергии), а также варьирует параметры осуществляемого технологического процесса. Поэтому не предполагается непосредственного воздействия человека на неодушевленную субстанцию на всем протяжении осуществляющегося процесса, т. е. между одушевленным лицом и изменяемой неодушевленной субстанцией *не возникает стойкой пространственной смежности, контакта*. При этом изменения некоторого неодушевленного предмета, являющегося предметом воздействия со стороны одушевленного лица, всецело определяются некоторыми неантропогенными внешними факторами (некоторым смещением тел неживой природы, некоторым стечением обстоятельств). Другими словами, для осуществления изменений, соответствующих данной ситуации, существуют необходимые и достаточные условия, всецело состоящие из природных факторов. Произвольная деятельность человека может быть внешним фактором, помогающим сформировать эти необходимые и достаточные условия, но само изменение, как скоро эти условия созданы, происходит самопроизвольно, без участия человека. Денотативные ситуации такого рода складываются, например, во время осуществления процессов горячей обработки пищевых продуктов.¹ Так, например, картофель варится или жарится в резуль-

¹ Необходимо отметить, что количество процессов второго, инициирующего, типа по мере исторического возраста человечества неуклонно возрастает в связи с развитием хозяйственной производственной деятельности. В настоящее время процессы второго типа достаточно разнообразны. Процессы горячего приготовления пищи в качестве примера цепны именно тем, что эти процессы имели место уже у колыбели человечества и представляют собой классический и, по-видимому, наиболее древний пример процессов второго типа.

Аналогичным образом должны быть охарактеризованы процессы изготовления металлов, для осуществления которых строятся плавильные печи, которые дают возможность обеспечить нужный температурный режим. Участие человека, иницииру-

тате того, что он оказывается в определенной среде (водной или масляной) и при определенной достаточно высокой температуре. В эти условия картофель помещает человек, но в самом процессе варки или жарки человек участвует не как исполнитель, а всего лишь как наблюдатель, способный лишь варьировать условия, в которых находится приготовляемый продукт.²

В работах [Гаврилова 2003а; 2003б; 2004а] продемонстрировано, что переходные конструкции, описывающие ОНТС I, являются переходными конструкциями производящего типа (производящими переходными конструкциями), а переходные конструкции, описывающие ОНТС II, являются переходными конструкциями инициирующего типа (инициирующими переходными конструкциями).

Понятие страдательного залога, который абсолютно все исследователи включают в состав залоговых противопоставлений русского глагола, в трех академических грамматиках [АГ 1952; АГ 1970; АГ 1980] вводится путем предъявления весьма немногочисленных примеров противопоставления действительной и страдательной конструкций. При этом глаголы-сказуемые всегда являются переходными глаголами производящего типа, например, *строить* (о доме), *писать* (о портрете), *мыть* (о полах). На базе материала этих немногочисленных примеров строится модель спряжения русского глагола в действительном и страдательном залогах, которая отражена в нижеследующих примерах:

(1) <i>Повар чистит картошку</i>	↔ (1а) <i>Картошка чистится</i>
(2) <i>Повар чистил картошку</i>	↔ (2а) <i>Картошка чистилась</i>
(3) <i>Повар будет чистить картошку</i>	↔ (3а) <i>Картошка будет чиститься</i>

ющего плавку, осуществляется в форме поддерживания посредством использования многочисленного технологического оборудования условий, необходимых и достаточных для осуществления плавления металла.

² В пользу правильности приведенной выше характеристики процессов горячего приготовления пищи свидетельствуют примеры, встретившиеся нам в книге [В. В. Понхибин. *Тайны хорошей кухни*. — М., 2001], посвященной технологии приготовления пищи: «если яйцо сварить, белок будет вкуснее, да и то если мы подловим такой момент, когда яйцо сварится едва-едва мягкое, чем всмятку; [...] мы умеем, наконец, подвергать эти тестяные изделия действию огня и воды — выпекать или отваривать их».

(4) <i>Повар почистит картошку</i>	↔ (4а) <i>Картошка будет почищена</i>
(5) <i>Повар почистил картошку</i>	↔ (5а) <i>Картошка почищена</i>
(6) <i>Повар почистил картошку</i>	↔ (6а) <i>Картошка была почищена</i>

Согласно этой модели предикативные формы возвратных глаголов несовершенного вида являются формами несовершенного вида страдательного залога, а предикативные формы страдательных причастий являются формами совершенного вида страдательного залога русского глагола. При этом делается замечание о возможности в виде исключения *спорадических форм страдательного залога совершенного вида, выражаемых предикативными формами возвратных глаголов совершенного вида.*

Иллюстрируемая примерами (1)–(6а) залоговая модель ни в одной из академических грамматик не верифицируется на материале переходных глаголов инициирующего типа, например, на материале следующих двух групп инициирующих переходных глаголов, обозначающих:

- изменение физического состояния (*замораживать, размораживать, согревать, разжигать, сушить*);
- инициацию процессов (*зажигать, варить, кипятить*).

Заметим, что вышеприведенные инициирующие переходные русские глаголы в качестве парных имеют возвратные глаголы, которые квалифицируются С. Д. Кацнельсоном как типовые разновидности фактивных глаголов [Кацнельсон 1974: 116–117].

Конструкции с фактивными возвратными глаголами коррелируют с переходными инициирующими конструкциями. При этом необходимо отметить, что в русском языке корреляция между конструкциями с подобными фактивными возвратными глаголами и парными переходными глаголами в качестве сказуемых не укладывается в парадигматическую модель, представленную в примерах (1)–(6а), а формирует другую парадигматическую модель, представленную в примерах (7)–(14а):

(7) <i>Повар варит картошку</i>	↔ (7а) <i>Картошка варится</i>
(8) <i>Повар варил картошку</i>	↔ (8а) <i>Картошка варилась</i>
(9) <i>Повар будет варить картошку</i>	↔ (9а) <i>Картошка будет вариться</i>

(10) <i>Повар сварит картошку</i>	↔ (10a) <i>Картошка сварится</i>
(11) <i>Повар сварил картошку</i>	↔ (11a) <i>Картошка сварила</i>
(12) <i>Повар сварит картошку</i>	↔ (12a) <i>Картошка будет сварена</i>
(13) <i>Повар сварил картошку</i>	↔ (13a) <i>Картошка сварена</i>
(14) <i>Повар сварил картошку</i>	↔ (14a) <i>Картошка была сварена</i>

В этих примерах возвратные глаголы совершенного вида представлены уже не как спорадические формы, а как регулярные формы глаголов-сказуемых в объектных конверсивных конструкциях, хотя возможность соотнесения переходных конструкций с глаголами-сказуемыми совершенного вида и конверсивных конструкций с предикативной формой причастия в качестве сказуемого, так же как и в примерах (1)–(6a), имеет место.

Современное развитие техносферы обеспечивает человеку возможность устраниться от непосредственного собственоручного выполнения некоторых ранее специфически ручных процессов, в частности, повар может чистить картошку не вручную, а с помощью специального кухонного агрегата, обеспечивающего чистку картофеля в полностью автоматизированном режиме. Знаменательно, что если попытаться выстроить в парадигматический ряд конструкции, описывающие полностью автоматизированную ипостась чистки картошки, то окажется, что он совпадет с моделью, представленной в примерах (7)–(14a), а не в примерах (1)–(6a):

(15) <i>Повар чистит картошку с помощью кухонного комбайна</i>	↔ (15a) <i>Картошка чистится с помощью кухонного комбайна</i>
(16) <i>Повар чистил картошку с помощью кухонного комбайна</i>	↔ (16a) <i>Картошка чистилась с помощью кухонного комбайна</i>
(17) <i>Повар будет чистить картошку с помощью кухонного комбайна</i>	↔ (17a) <i>Картошка будет чиститься с помощью кухонного комбайна</i>
(18) <i>Повар почистит картошку с помощью кухонного комбайна</i>	↔ (18a) <i>Картошка почистится с помощью кухонного комбайна</i>

- (19) *Повар почистил картошку с помощью кухонного комбайна* ↔ (19а) *Картошка почистилась с помощью кухонного комбайна*
- (20) *Повар почистит картошку с помощью кухонного комбайна* ↔ (20а) *Картошка будет почищена с помощью кухонного комбайна*
- (21) *Повар почистил картошку с помощью кухонного комбайна* ↔ (21а) *Картошка почищена с помощью кухонного комбайна*
- (22) *Повар почистил картошку с помощью кухонного комбайна* ↔ (22а) *Картошка была почищена с помощью кухонного комбайна*

В случае примеров (7)–(14а) и (15)–(22а) стереотипная модель спряжения русского глагола в страдательном залоге нарушается не принципиально, а лишь статистически, ибо, как мы уже говорили, академические грамматики указывают на возможность выражения страдательного залога с помощью возвратного глагола совершенного вида, хотя и оговаривают спорадический характер реализации этой возможности. Для регулярного, а не спорадического употребления возвратных глаголов совершенного вида в конверсивных конструкциях (примеры (7)–(14а) и (15)–(22а)) характерно значение самопроизвольности развертывания в неодушевленной субстанции процесса, обозначенного предикативной формой возвратного глагола совершенного вида. Значение самопроизвольности развертывания процесса свидетельствует о квазипассивном характере этих конструкций.

Терминологическая справка: квазипассивная конструкция (определение). Напомним, что понятие квазипассивной конструкции было введено в работе [Гаврилова 1979] и уточнено в работе [Гаврилова 1986]. В этой работе понятие квазипассивной конструкции распространяется как на конструкции с возвратными глаголами в качестве сказуемых, так и на конструкции с причастиями на *-н/-т* в качестве сказуемых. В данном исследовании мы будем рассматривать понятие «квазипассивная конструкция» только в применении к конструкциям с возвратными глаголами в качестве сказуемых.

Квазипассивная конструкция (КВПК) — это конструкция с возвратным глаголом в качестве сказуемого, для которой существует активная конструкция со сказуемым — переходным глаголом, образованным от той же глагольной основы. В качестве подлежащего в квазипассивной конструкции выступает форма именительного падежа того существительного, которое было прямым дополнением действительной переходной

конструкции. Исходная переходная конструкция и квазипассивная конструкция связаны по смыслу следующим образом: изменение неодушевленного предмета в действительной переходной конструкции предстает в качестве изменения, обусловленного внешним воздействием, а в КВПК то же изменение предмета предстает в качестве самопроизвольно развивающегося в предмете процесса. Такое смысловое соотношение мы наблюдаем между переходными конструкциями (7)–(14), (15)–(22) и непереходными конструкциями (7а)–(14а), (15а)–(22а), которые, как нетрудно видеть, соответствуют определению квазипассивной конструкции.

Рассмотрим следующие примеры:³

(23) <i>Хозяйка моет посуду</i>	$\leftrightarrow$	(→) (23а) <i>Посуда моется</i>
(24) <i>Хозяйка вымыла посуду</i>	$\leftrightarrow$	(→) (24а) <i>*Посуда вымылась</i>
(25) <i>Мама пишет письмо</i>	$\leftrightarrow$	(→) (25а) <i>Письмо пишется</i>
(26) <i>Мама написала письмо</i>	$\leftrightarrow$	(→) (26а) <i>*Письмо написалось</i>
(27) <i>Рабочий плавит олово</i>	$\leftrightarrow$	(←) (27а) <i>Олово плавится</i>
(28) <i>Рабочий расплавил олово</i>	$\leftrightarrow$	(←) (28а) <i>Олово расплавилось</i>
(29) <i>Хозяйка варит картошку</i>	$\leftrightarrow$	(←) (29а) <i>Картошка варится</i>
(30) <i>Хозяйка сварила картошку</i>	$\leftrightarrow$	(←) (30а) <i>Картошка сварились</i>
(31) <i>Мама отбеливает белье</i>	$\leftrightarrow$	(←) (31а) <i>Белье отбеливается</i>
(32) <i>Мама отбелила белье</i>	$\leftrightarrow$	(←) (32а) <i>Белье отбелилось</i>

³ Символ «↔», стоящий между переходной конструкцией и соответствующей непереходной возвратной конструкцией, обозначает факт наличия между ними корреляции без попытки выделить одну из конструкций как первичную. Знаки «→» и «←» обозначают, что один из членов рассматриваемых соответствий признается первичным, а именно, соответственно, конструкция левого или правого столбца аттестуется как первичная конструкция, а другой — производным. Проблему установления первичного или производного характера переходной и возвратной конструкций предложенного образца для производящих и инициирующих переходных конструкций

Соотношение конструкций левого и правого столбца описывается с помощью формулы:

$$(33) \quad N1_{им} \ V \ N2_{вин} \leftrightarrow N2_{им} \ V-ся$$

Назовем эту трансформацию объектной конверсивной трансформацией. В тех случаях, когда эта трансформация применяется к конструкциям с переходными глаголами производящего типа, ее принято называть пассивной трансформацией, а ее результат, объектную конверсивную конструкцию, — пассивной конструкцией. Считается, что пассивные конструкции допускают в качестве сказуемого только возвратные глаголы несовершенного вида, поскольку, например, конструкции (23а), (25а) и (27а) допустимы, в то время как неприемлемы конструкции (24а) и (26а).⁴

Результатом применения той же самой объектной конверсивной трансформации к конструкциям с переходными глаголами инициирующего типа являются объектные конверсивные конструкции квазипассивного типа. Так, квазипассивными являются, например, конструкции (27а)–(32а).

Напомним, что в теории и практике современной русистики термины страдательный залог и пассивный залог, страдательная конструкция и пассивная конструкция употребляются как синонимы. Эта синонимия проявляется, во-первых, в свободном варьировании этих терминов в грамматических описаниях, а, во-вторых, в употреблении обоих прилагательных одновременно, когда одно из них поясняет другое и обосновывается, например, заключается в скобки.

Эта прочно укоренившаяся в русистике синонимия терминов, включаящих в свой состав прилагательные *страдательный* и *пассивный*, например, «страдательная конструкция» и «пассивная конструкция», «страдательный залог» и «пассивный залог» и т. п., мешает проникновению в суть залоговой оппозиции в русском языке. Это утверждение было обосновано в работах [Гаврилова 1990; 2000; 2003б; 2004а; 2004б]. В этих исследованиях приведены рекомендации по разграничению сфер употребления терминов, содержащих в своем составе прилагательные *страдательный* и *пассивный*; а именно, была выдвинута и обоснована гипотеза о суще-

---

ций в данном исследовании мы не будем обсуждать, поэтому символы «→» и «←» заключены в скобки. Эта проблема описывается в [Гаврилова 2004а].

⁴ В журнале «Вопросы языкознания» недавно была открыта дискуссия в пользу признания достаточно регулярного характера этой формы выражения страдательного залога в русском языке [Перцов 2003]. В рамках данного исследования мы не можем входить в детальное обсуждение этого весьма сложного вопроса.

ствовании в русском языке *страдательного залога*, определяемого таким образом, что в объем этого понятия включаются сказуемые как *пассивных конструкций*, так и *квазипассивных конструкций*. В настоящем исследовании мы будем следовать этим рекомендациям и термин «страдательная конструкция» будет употребляться для описания пассивной и квазипассивной конструкций, рассматриваемых как единство.⁵

Итак, формы страдательного залога включают в свой состав:

- формы страдательного залога с пассивным значением, описывающие ОНТС I и характеризующиеся существенными ограничениями на употребление форм возвратных глаголов совершенного вида;
- формы страдательного залога с квазипассивным значением, описывающие ОНТС II и характеризующиеся свободным неограниченным употреблением форм возвратных глаголов совершенного вида.

Иными словами, пассивный или квазипассивный характер значения формы страдательного залога русского возвратного глагола определяется тем, к какому типу переходности, соответственно, производящему или инициирующему, относится переходный глагол-сказуемое в парной действительной конструкции:

- переходность производящего типа обуславливает пассивный характер значения страдательной формы возвратного глагола (ОНТС I);
- переходность инициирующего типа обуславливает квазипассивный характер значения страдательной формы возвратного глагола (ОНТС II).

Смысловые различия между ОНТС I и ОНТС II, проявляющиеся при оформлении содержания этих ситуаций языковыми средствами, лежат, по нашему мнению, в области пересечения категорий переходности и залога. Описание связи категорий переходности и залога в грамматиках современного русского языка сводится, по существу, лишь к констатации того факта, что страдательное значение могут получить только переходные глаголы, которые теряют свою переходность, принимая форму стра-

---

⁵ Употребление прилагательного «страдательный», за которым непосредственно следует заключенное в скобки прилагательное «пассивный» или «квазипассивный», в этом случае интерпретируется не как избыточное упоминание равнозначного названия, а как указание на то, с каким типом страдательности, пассивным или квазипассивным, мы имеем дело в конкретном рассматриваемом случае.

дательного залога. Наши представления о связи категорий переходности и залога обогатились за счет введения в рассмотрение производящего и инициирующего типов переходности, а именно, мы вправе утверждать, что категории залога и переходности русского глагола обуславливают друг друга следующим образом:

1. Существует бинарный дифференциальный признак, по которому русские действительные переходные конструкции могут быть разделены на такие два типа: «производящая (непосредственная) переходность» и «инициирующая (опосредованная) переходность». Этот дифференциальный признак имеет онтологический характер и может быть охарактеризован как «степень участия агента ситуации в процессе воздействия на пациент ситуаций».
2. Инициирующий характер переходного глагола предопределяет квазипассивный характер значения соотносимой формы страдательного залога, а производящий характер переходного глагола — пассивный характер значения соотносимой формы страдательного залога.

Согласно воззрениям В. И. Вернадского, человечество выступает в качестве геологической силы, производящей Вселенную. Как мы уже говорили, выступая в таком качестве, человечество сталкивается с двумя принципиально отличными друг от друга онтологическими ситуациями — ситуацией типа I и ситуацией типа II.

Процессы видоизменения неодушевленной субстанции, обусловленные ОНТС II, имеют двоякую природу:

1. Вовлеченные в эту онтологическую ситуацию неодушевленные субстанции имеют свойство с неизбежностью изменяться в соответствующем ключе, как скоро наличествуют условия, необходимые и достаточные для осуществления изменений. Таким образом, видоизменяющимся субстанциям присуща «спонтанная агентивность».
2. В то же время видоизменения эти сами по себе либо вообще не происходят в природе, либо в планетарном масштабе происходят крайне редко. Это справедливо, например, для процессов плавления металлов. Металлы самопроизвольно плавятся разве что в недрах земного шара или на других планетах и в других галактиках. Человечество долгое время жило в каменном веке, и овладение искусством плавления металлов, первым из которых, по-видимому, была бронза, было крупным открытием, которое коренным образом изменило жизнь

человечества. Все реально происходящие на нашей планете процессы плавления металлов суть явления антропосферные, так как они инициируются и технологически обеспечиваются человеком и без его участия и немыслимы. Поэтому с точки зрения «наивной физики» спонтанная агентивность неодушевленной субстанции, видоизменяемой в онтологических ситуациях типа II, может уйти за кадр и остаться незамеченной.

При осуществлении ОНТС II происходят не «рукотворные», а опосредованные технологически обеспеченные видоизменения неодушевленной субстанции. Такие изменения могут осуществиться лишь благодаря слиянию *иницирующей агентивности* человека, обеспечивающей условия, необходимые и достаточные для осуществления запланированных изменений, и *спонтанной агентивности* неодушевленной субстанции, проявляющейся в этих необходимых и достаточных условиях. Однако обыденное сознание способно отвлечься от сложного состава агентивности в случае этой ситуации и воспринимать ситуацию ‘переплавить металл’ точно так же, как ситуацию ‘сверлить металл’, т. е. воспринимать обе эти ситуации в плоскости перехода между звенями следующей цепочки: *исходный продукт → процесс обработки → результирующий продукт*.

Именно так и обстоит дело в активных конструкциях как английского, так и русского языка, которые и морфологически, и синтаксически полностью единообразны как в тех случаях, когда эти конструкции описывают ОНТС I, так и в тех случаях, когда они описывают ОНТС II.

По-другому обстоит дело с такими синтаксическими конструкциями, в которых ОНТС I и ОНТС II преподносятся так, что словоформа, означающая видоизменяющуюся неодушевленную субстанцию, выступает в качестве подлежащего, т. е. фокус эмпатии сосредоточен на этой неодушевленной субстанции. В случае конструкций с такими подлежащими для выражения содержания ОНТС I и ОНТС II мы будем говорить о конверсивных конструкциях типа I и типа II, соответственно.

Как английский, так и русский язык проводят грань между конверсивными конструкциями типа I и типа II, но при этом в английском и русском языках используются разные языковые средства.

Как было показано выше, в русском языке различие между конверсивными конструкциями типа I и типа II носит размытый характер. Само это разграничение представляет собой скрытую грамматическую категорию, проявляющуюся только при анализе совокупности парадигматически связанных конверсивных конструкций, отличающихся только видовременной характеристикой возвратных глаголов-сказуемых.

В английском языке эта грань между конверсивными конструкциями типа I и типа II очерчена очень четко, а именно, сказуемые английских конверсивных конструкций типа I и типа II получают разное морфологическое оформление. Рассмотрим этот вопрос более подробно. Сопоставим следующие две конструкции:

(34) *The stone moved* ‘Камень двигался’

(35) *John moved the stone* ‘Джон двигал камень’

Глагол *move* в этих примерах допускает непереходное и переходное употребление без каких-либо изменений в своем морфологическом оформлении, т. е. удовлетворяет определению лабильных глаголов [Кибрик 2003: 354; Дешериева 1985: 74].

Относительно соотношения конструкций с переходным и непереходным вариантом лабильного глагола, т. е. конструкций типа (34) и (35), Дж. Лайонз говорит следующее: «переходная конструкция, подобная (35), может рассматриваться как синтаксически выводимая из непереходной конструкции, подобной (34), с помощью эргативной, или каузативной, трансформации. (Термин “эргативный” был образован от греческого глагола, означающего “каузировать”, “приводить к”, “создавать.”)» [Лайонз 1978: 373].

Лабильными являются, например, английские глаголы следующих лексико-грамматических групп: фазовые глаголы, деструктивные глаголы, глаголы изменения физико-химического состояния предмета или субстанции.⁶ По мнению О. Есперсена, переходная и непереходная ипостаси лабильных английских глаголов «употребляются в качестве *понятийного актива* и в качестве *понятийного пассива* [выделено мною — В. Г.], например: *Persia began the war* “Персия начала войну”, *The war began* “Война началась”» [Есперсен 1958: 188–189].

Автор цитированного выше перевода книги Дж. Лайонза на русский в качестве русского эквивалента лабильных английских глаголов приводит не один русский глагол, а два глагола: переходный глагол и парный возвратный глагол. Итак, в английских словарях достаточно регулярным

⁶ Дж. Лайонз приводит следующий список лабильных глаголов: «*change* ‘менять, меняться’, *develop* ‘развивать, развиваться’, *open* ‘открывать, открываться’, *close* ‘закрывать, закрываться’, *start* ‘начинать, начинаться’, *stop* ‘останавливать, останавливаться’, *begin* ‘начинать, начинаться’, *break* ‘разбивать, разбиваться’, *crack* ‘раскалывать, раскалываться’, *split* ‘расщеплять, расщепляться’, *tear* ‘разрывать, разрываться’ и т. д.» [Лайонз 1978: 381].

образом представлены такие вокабулы, в составе которых встречаются морфологически одинаковым образом оформленные переходный и непереходный глаголы, т. е. лабильные. При этом очень часто переходный вариант английского лабильного глагола (понятийный актив по О. Есперсену) требует перевода с помощью русского переходного глагола, а непереходный вариант того же английского лабильного глагола (понятийный пассив по О. Есперсену) требует перевода с помощью русского возвратного глагола.

Для того чтобы понять, почему это происходит, необходимо осознать, каким языковым реалиям в русском языке соответствует трансформация, которую применительно к английскому языковому материалу Дж. Лайонз называет эргативной, или декаузативной, трансформацией. Для этого надо уметь отвечать на вопрос о том, какими языковыми средствами в английском языке описываются ОНТС I и ОНТС II. Проведенное исследование показало, что ОНТС I описываются в английском языке с помощью переходных конструкций, разрешающихся при конверсии в пассивные конструкции, а ОНТС II — с помощью переходных конструкций, разрешающихся при объектной конверсии в декаузативные (эргативные) конструкции.

Следовательно, аналогом эргативной, или декаузативной, трансформации по Дж. Лайонзу на русском материале можно считать объектную конверсивную трансформацию (33) в той ее части, для которой областью отправления служат инициирующие переходные конструкции. В то же время английскую пассивную трансформацию можно интерпретировать как аналог русской объектной конверсивной трансформации (33) в той ее части, для которой областью отправления служат производящие переходные конструкции.

Таким образом, логически суммарный объем английской глагольной лексики, входящей как в сферу действия пассивной, так и эргативной (декаузативной) трансформаций по Дж. Лайонзу, сопоставим по своему семантическому охвату с объемом русской глагольной лексики, входящей в сферу действия трансформации (33).

Для большей наглядности предлагаем рассмотреть в свете универсального исчисления всех возможных залоговых значений, предложенного А. А. Холодовичем и И. А. Мельчуком, с одной стороны, русскую объектную конверсивную трансформацию (33), а, с другой стороны, эргативную (декаузативную) трансформацию по Дж. Лайонзу и пассивную английскую трансформацию. А именно, рассмотрим тот фрагмент исчисления двухактантных диатез, который включает диатезы «актив», «пассив» и «объектный квазипассив» [Мельчук, Холодович 1970; Холодович 1970]:

Актив	
Субъект	Объект
Подлежащее	Дополнение

Пассив	
Субъект	Объект
Дополнение	Подлежащее

Объектный квазипассив	
Субъект	Объект
—	Подлежащее

Прочерк обозначает запрет на выражение субъекта
на поверхностно-синтаксическом уровне.

Мы предлагаем считать, что английская переходная конструкция (36a) описывается с помощью диатезы «актив», английская пассивная конструкция (38a) — с помощью диатезы «пассив», а английская декаузативная конструкция (37a) описывается с помощью диатезы «объектный квазипассив». Ниже приводим сопоставление оформления диатез *актив*, *пассив* и *объектный квазипассив* в английском и русском языке:

Актив:

(36a) *He opens the door* (36p) *Он отрывает дверь*

Объектный квазипассив:

(37a) *The door opens* (37p) *Дверь открывается*

Пассив:

(38a) *The door is specially opened* (38p) *Дверь специально открывается at the daytime*

Диатезы «пассив» и «объектный квазипассив» имеют в английском языке разное морфологическое оформление, а именно: с помощью вспомогательного глагола *to be* и третьей формы смыслового глагола и с помощью форм переходного глагола, соответственно. В то время как в русском языке и диатеза «пассив», и диатеза «объектный квазипассив» оформляется одинаково, а именно с помощью возвратного глагола, с той лишь разницей, что формы возвратных глаголов совершенного вида имеют спорадический характер в случае диатезы «пассив» и регулярный характер в случае диатезы «квазипассив».

Таким образом, для оформления диатезы «объектный квазипассив»:

- в английском языке употребляются те же морфологические формы, что и для оформления диатезы «актив», т. е. формы действительного залога;
- в русском языке употребляются те же морфологические формы, что и для оформления диатезы «пассив», т. е. формы страдательного залога.

Таким образом, в русском морфологически неразличимыми в несовершенном виде оказываются глаголы-сказуемые с пассивным и квазипассивным (декаузативным) значением, а именно, в русском языке мы сталкиваемся с ситуацией, когда одна и та же форма возвратного глагола несовершенного вида способна (в зависимости от контекста) передавать то пассивное, то квазипассивное (декаузативное) значение.

Анализ английского материала показывает, что характерное для русского языка оформление квазипассивности (декаузативности) и пассивности одними и теми же грамматическими средствами в рамках одной категории залога является лишь одним из возможных вариантов языкового оформления этого явления. Так, в английском языке феномены пассивности и квазипассивности (декаузативности) имеют разную грамматическую оболочку: глагол с пассивным значением имеет специальное морфологическое оформление, а глагол с квазипассивным (декаузативным) значением по своей грамматической форме полностью совпадает со своим противоположным — переходным глаголом с инициирующим значением.

Таким образом, в английском языке понятийная категория, соответствующая расщеплению переходности на переходность производящего типа и переходность инициирующего типа, выражается тем, что переходным конструкциям производящего типа противостоит морфологический пассив; в то время как инициирующим переходным конструкциям, являющимся, согласно трактовке О. Есперсена, понятийным активом, противостоят неперходные конструкции, которые О. Есперсен предлагает именовать понятийным пассивом и в которых неперходный глагол по морфологической форме полностью совпадает с переходным глаголом.

Одним из результатов данного исследования можно считать формулировку следующих гипотез и проблем:

1. Носит ли понятийная категория, стоящая за разграничением производящего и инициирующего типов переходности, универсальный характер, и каковы способы выражения этой понятийной категории в конкретных языках?
2. Существует ли содержательная связь между инициирующей переходностью, рассматриваемой как онтологическая категория, и феноменом лабильности глаголов?

На данном этапе предлагаемые нами решения выдвинутых выше вопросов носят дискуссионный характер. Мы надеемся привлечь внимание исследователей, занимающихся описанием глагольной системы конкретных языков, к тому факту, что переходная ипостась большого

пласта лабильных глаголов принадлежит к инициирующему типу переходности. Причиной этого, по нашему мнению, является то, что инициирующие переходные глаголы описывают онтологическую ситуацию типа II. Для такого рода онтологических ситуаций характерно существование у переходных глаголов таких непереходных коррелятов, для которых характерны конструкции с неодушевленным подлежащим, имеющим спонтанную активность, что является хорошей почвой для развития морфологически тождественного оформления переходного и непереходного глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

- АГ 1952 — Грамматика русского языка. Том 1. Фонетика и морфология / Ред. кол. В. В. Виноградов, Е. С. Истрин, С. Г. Бархударов. — М. : Изд. АН ССР, 1952.
- АГ 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Наука, 1970.
- АГ 1980 — Русская грамматика. Том I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Наука, 1980.
- Вежбицка А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XV: Современная зарубежная русистика. — М. : Прогресс, 1985. — С. 303–341.
- Гаврилова В. И. К семантике некоторой разновидности конверсивной конструкции // Научно-техническая информация. — Серия 2. Информационные процессы и системы. — 1979. — № 3. — С. 30–37.
- Гаврилова В. И. Квазипассивные конструкции в русском языке. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1986.
- Гаврилова В. И. Квазипассивная конструкция и система залоговых противопоставлений русского глагола // Язык логики и логика языка. Сборник статей к 60-летию В. А. Успенского / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. — Вопросы кибернетики, 166. — М., 1990. — С. 26–40.
- Гаврилова В. И. Взаимоотношение внутренней формы термина и его грамматического содержания (на примере употребления в русистике терминов страдательный и пассивный залог) // Вопросы общего и частного языкоznания. Сборник научных трудов. Вайсберговские чтения в МПГУ. — М. : МПГУ, 2000. — С. 131–144.
- Гаврилова 2003а — Гаврилова В. И. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного

- порядка вещей // Логический анализ языка. Космос и хаос / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Индрик, 2003. — С. 256–285.
- Гавrilova 2003б — Гавrilova B. I. К вопросу о парадигме русского глагола (на материале глаголов с пассивным и квазипассивным значением) // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). — М. : Изд. МГУ, 2003. — С. 62–64.
- Гавrilova 2004а — Гавrilova B. I. Возвратные глаголы совершенного вида с квазипассивным значением и их место в залоговой системе русского глагола // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. — 2004. — Том 4. — С. 43–76.
- Гавrilova 2004б — Гавrilova B. I. Особенности оппозиции «действительный залог/страдательный залог» в русском языке // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения. Первые чтения памяти Ольги Николаевны Селиверстовой 17 октября 2003 года. М. : Изд. МПГУ, 2004. — С. 46–61.
- Дешериева Т. И. Субъектно-объектные отношения в разноструктурных языках. — М. : Наука, 1985.
- Есперсен О. Философия грамматики. / Пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой; Под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1958.
- Кацнельсон С. Д. О категории субъекта предложения // Универсалии и типологические исследования. — М. : Наука, 1974. — С. 104–124.
- Кибрлик А. Е. Константы и переменные языка. — СПб. : Алетейя, 2003.
- Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер с англ. В. А. Звегинцева. — М. : Прогресс, 1978.
- Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. — 1970. — № 4. — С. 111–124.
- Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. — 2003. — № 4. — С. 43–71.
- Холодович А. А. Залог. 1. Определение. Исчисление // Категория залога. Материалы конференции. — Л. : Наука, 1970. — С. 2–26.

А. Ди Манно / A. Di Manno

ЗАКОН ВАКЕРНАГЕЛЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. ВВЕДЕНИЕ

В 1933 г. на III Международном конгрессе лингвистов Роман Осипович Якобсон представил доклад об условиях соблюдения закона Вакернагеля в славянских языках [Jakobson 1935]. Якобсон утверждал, что в праславянском языке действовал закон Вакернагеля, унаследованный из праиндоевропейского языка. Согласно этому закону, в праславянском языке энклитики, которые делились на изменяемые и неизменяемые, постоянно занимали вторую позицию в предложении, опираясь на предшествующий им элемент и примыкая к нему в отношении просодии.

В этой статье рассматривается позиция несклоняемых энклитик (т. е. же, ли, бо) в старославянском языке, а также предпринимается попытка показать, что закон Вакернагеля является не столько предписываемым законом, сколько эпифеноменом, являющимся результатом механизмов иного рода.

2. ЗАКОН ВАКЕРНАГЕЛЯ

В основополагающей статье [Wackernagel 1892] Якоб Вакернагель, основываясь в первую очередь на материале древнегреческого языка и других древних индоевропейских языков, отметил, что энклитики имели тенденцию (слово *Tendenz* использовано самим Вакернагелем) занимать вторую позицию в предложении.

С тех пор много исследований было посвящено действию закона Вакернагеля не только в языках индоевропейской семьи (древних и современных; библиографию см. в [Nevins et al. 1994; Janse 1994]; обзор вопроса в [Вексина 2008]), но и в языках других семей (см. [Spencer, Luís 2012]).

Зализняк [Зализняк 2008: 24] сформулировал закон Вакернагеля для древнерусского языка следующим образом: «все такие энклитики [относящиеся к сказемому] входят в состав первой тактовой группы клаузы». Если энклитик в клаузе несколько, они стоят непосредственно друг за другом, образуя т. н. «блок энклитик». Такой блок энклитик *в силу закона Вакернагеля* [Зализняк 2008: 25] следует за первым словом клаузы. Зализняк разделяет древнерусские энклитики на сильные (же, ли, бо,ти, бы) и слабые (местоимения в дательном падеже, местоимения в винительном падеже, связки), в зависимости от строгости, с которой они подчиняются закону Вакернагеля. В старославянском этому закону, по всей вероятности, подчинялись только сильные энклитики.

Третьей группой энклитик являются «локальные» энклитики (относящиеся по смыслу кциальному слову, но не к сказемому), располагающиеся непосредственно после слова, к которому они относятся [Зализняк 2008: 25]. В старославянском языке локальными энклитиками являются местоимения в дательном падеже (ми,ти,си) в функции притяжательных местоимений; же при отрицательных местоимениях и наречиях; же с присоединительным значением в случае соединения имен (ср. Мар. Лк 2:16 *и придѣлъ подвигъшѣ сѧ. и обрѣтѣ маринъ же и осифа. и младенецъ лежаштъ въ Ѣслехъ.* = гр. τε) и с отождествительным значением [Зализняк 2008: 29]; см. также [Večerka 1989: 43].

Опираясь на анализ Зализняка [Зализняк 1993; 2008], Циммерлинг [Циммерлинг 2013] отмечает, что в древненовгородском диалекте, в старославянском и древнерусском языках энклитики располагаются по-разному:¹ в древненовгородском диалекте энклитики группируются во второй позиции² (W-система, по терминологии Циммерлинга), а старославянский и древнерусский языки являются W*-системами, в которых частицы подчиняются закону Вакернагеля, связки размещаются в прилагольной позиции, а формы местоименных клитик упорядочиваются либо так же, как частицы, либо так же, как связки³ [Циммелинг 2013: 76; Zimmerling, Kosta 2013: 201–202].

¹ Следует отметить, что, по мнению Зализняка [Зализняк 2008: 84], различие между двумя группами определяется в первую очередь не географией, а степенью близости текстов к разговорному или к книжному стилю.

² В случае если применимо «правило барьера», о котором подробнее см. в [Зализняк 2008: 47–57, 90–116; Zimmerling, Kosta 2013: 196–201].

³ Панчева [Pancheva 2005] считает, что местоименные энклитики в старославянском языке занимают прилагольную позицию; Зализняк [Зализняк 2008: 128], напротив,

Что касается старославянского языка, энклитиками, подчиняющими-
ся закону Вакернагеля, являются же, бо и ли. В частности, Мигдальский
[Migdalski 2018: 1567] считает, что же, бо и ли образуют натуальный класс
(operator clitics), выражающий иллокутивную силу предложения.

3. ЭНКЛИТИКИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В следующем разделе рассматривается поведение энклитик бо, же и ли в старославянском языке. Исследование выполнено на основании текстов, присутствующих в TOROT Treebank [Eckhoff, Berdicevskis 2015], а именно: Мариинское Евангелие, Супрасльская рукопись, Киевские глаголические листки, Житие Константина и Житие Мефодия.

3.1. Бо

В старославянском языке коннектор бо следует за первым словом предложения (1).

- (1) **Ио 3:19** съ есъ сѧдъ приде бо свѣтъ въ миѹ. и възлюбиша Ѹловци паѹе тѣмж неже свѣтъ. бѣша бо ихъ дѣла зѣла.
Αὕτη δέ ἐστιν ἡ κρίσις ὅτι τὸ φῶς ἐλήλυθεν εἰς τὸν κόσμον καὶ ἡγάπησαν οἱ ἀνθρωποι μᾶλλον τὸ σκότος ἢ τὸ φῶς· ἦν γὰρ πονηρὰ αὐτῶν τὰ ἔργα.

Первым словом при этом является фонетическое слово, состоящее из одной или нескольких проклитик и акцентно самостоятельного слова (2). Подробнее см. [Зализняк 2008: 10].

- (2) **Лк 6:44** нѣ отъ труниѣ бо γεшжтъ смокъви. ни отъ кжпинъ гроzда обемлижтъ.
Οὐ γὰρ ἐξ ἀκανθῶν συλλέγουσιν σῦκα· οὐδὲ ἐκ βάτου τρυγῷσιν σταφυλήν.

Хотя в Мариинском Евангелии нет примеров, где бо, в соответствии с греческим оригиналом, следует непосредственно за отрицанием, подобные случаи употребления легко найти в Супральской рукописи (3).⁴

утверждает, что в старославянских текстах слабые энклитики выступают как полно-
ударные слова и могут занимать любое место в предложении.

⁴ См. также [Večerka 1989: 45].

- (3) Супр. 205v.19 нε βο ρεψε
οὐ γάρ εἰπεν

Такая склонность следовать за первым словом предложения становится очевиднее в случаях, когда *бо* разделяет существительное от согласующегося с ним прилагательного (4).

- (4) Мк 14:6 οὐτε ρεψε οστανθε τε εια πο ψυτο ικ τρουγγαλατε. δοβρο βο δέλο σύδελα ο μηνε.
Καλὸν ἔργον εἰργάσατο ἐν ἐμοί.

Особенным случаем является использование *бо* при выделении вставных предложений, которые представляют либо комментарии, либо объяснения автора и по смыслу обычно не связаны с основным содержанием предложения (5).

- (5) Ио 19:31 Ιοδει же понеже параскевьхи εἴ. да не останжтъ никстъ тѣлеса. въ суботж. εἴ βο великихъ день тоя суботы. молиша пилата да прѣвижтъ голѣни ихъ. и възъмжтъ я.
Οἱ οὖν Ἰουδαῖοι ἵνα μὴ μείνῃ ἐπὶ τοῦ σταυροῦ τὰ σώματα ἐν τῷ σαββάτῳ ἐπεὶ Παρασκευὴ ἦν· ἡν γάρ μεγάλη ἡ ἡμέρα ἐκείνου τοῦ σαββάτου· ἡρώτησαν τὸν Πιλάτον ἵνα κατεαγῶσιν αὐτῶν τὰ σκέλη καὶ ἀρθῶσιν.

3.2. Же

В функции коннектора *же* ведет себя как *бо* (6) и используется гораздо чаще. Главной функцией *же* является выделение нового витка в повествовании. Это особенно хорошо заметно в случаях с эллипсисом глагола вроде *A говорит x, B же y, C же z*, где *же* появляется преимущественно во внутренней позиции (7).

- (6) Лк 22:43 αβι же са εμογ ἄντλъ. с ἕβсε ουκρέπλάι и.
"Ωφθη δὲ αὐτῷ ἄγγελος ἀπ' οὐρανοῦ ἐνισχύων αὐτόν.
- (7) Лк 9:7 Слыша же иродъ ψετврътовластецъ. бываштада отъ него въсѣ. и не домышилаше са зане глагль εἴ отъ етеръ. τιко иоданъ въста отъ мрътвыхъ. 9:8 отъ инѣхъ же τιко илиѣ τѣви са. отъ дроугъихъ же τιко πρікъ нѣкъ отъ дреевънихъ въскръссе.

"Ηκουσεν δὲ Ἡρώδης ὁ τετράρχης τὰ γινόμενα ὑπ' αὐτοῦ πάντα· καὶ διηπόρει διὰ τὸ λέγεσθαι ὑπό τινων ὅτι Ἰωάννης ἐγήγερται ἐκ νεκρῶν· 9:8 ὑπό τινων δὲ ὅτι Ἡλίας ἐφάνη· ἀλλων δὲ ὅτι προφήτης εἶς τῶν ἀρχαίων ἀνέστη.

По крайней мере в одном случае перед же стоит элемент, вынесенный влево с местоименной репризой в послеглагольной позиции (8).⁵

- (8) **Мт 13:19** въсѣкъ иже слышитъ словеса царествиѣ. и не разумѣваатъ. приходитъ же непрѣзнь и въсхиттаатъ сѣное въ ѿдци его.
Павтѣсъ ѿкоуонтосъ тѣнъ лόгоянъ тѣсъ василеіасъ калъ мѣтъ суніеントосъ ѿрхетаи ѿ ѿпѹрѹсъ калъ ѿрпакъзєи тѣ ѿспармѣнонъ єнъ тѣ кардіа аутѹ.

В рассмотренном корпусе нет случаев, где бо и же кластеризуются вместе в одной клаузе.

3.3. Ли

В старославянском языке ли выступает в трех функциях:

1. в качестве разделительного союза (являясь в этом случае проклиникой);

⁵ Необходимо различать понятия выноса влево (left detachment), топикализации и фокализации. При фокализации фокальный элемент предложения (например, элемент, к которому задается вопрос) занимает первую позицию предложения; при топикализации не фокальный элемент может занимать первую позицию в предложении (перед фокальным элементом); вынос влево похож на топикализацию, но в этом случае элемент ставится за пределами предложения (это явствует из морфосинтаксических свойств элемента, как в (8) и в iii) с местоименной репризой внутри предложения. Обратимся к примерам на материале современного английского языка:

- i. фокализация: 'that I do not like', 'where are you going?', 'what did you give him?' [Clackson 2007: 167];
- ii. топикализация: 'MOST rap_i, I don't LIKE ∅_i', 'THAT kind_i, I kind of ENJOY ∅_i' [Gregory, Michaelis 2001: 1667];
- iii. вынос влево: 'THE SATURNS_i, you can get AIR bags in them_i', And heavy METAL_i, it_i's NOISY' [Gregory, Michaelis 2001: 1667].

2. вместе с союзом *ѧштє*: несмотря на то, что семантика этого сложного союза⁶ до сих пор не ясна, в этом случае ли стабильно появляется во второй позиции (но см. Житие Мефодия 9:3);⁷
3. как вопросительная частица (будучи, как и в пункте 2, энклитикой).

В функции вопросительной частицы ли следует за словом, к которому задается вопрос, и которое, таким образом, является фокусированным⁸ (см. 9, где подчеркивается разделительный союз ли).

- (9) **Мк 3:4** д̄остоитъ ли въ съботѣ добро творити ли зъло творити. д̄шж съпости ли погубити.
"Ἐξεστίν Θ τοῖς σάββασιν ἀγαθοποιῆσαι ἢ κακοποιῆσαι· ψυχὴν σῶσαι ἢ ἀποκτεῖναι.

Фокусированный элемент может следовать за элементом, топикализованным либо с помощью топикализирующей конструкции (10), либо без нее, как в (11) и (12).

- (10) **Мк 12:26** а о мрътвъиχъ Ѹко въстанѫтъ. нѣстѣ ли уъли въ кънигахъ мосеевахъ. при кѫпинѣ како рече емоу бѣ гла.
Περὶ δὲ τῶν νεκρῶν ὅτι ἐγείρονται· οὐκ Θ ἀνέγνωτε ἐν τῇ βίβλῳ Μωσέως ἐπὶ τοῦ βάτου ὡς εἶπεν αὐτῷ ὁ θεὸς λέγων.
- (11) **Мт 17:24** оѹчителъ вашъ не даетъ ли дидрагма.
'Ο διδάσκαλος ὑμῶν οὐ Θ τελεῖ τὰ δίδραχμα.

⁶ См. [Зализняк 2008: 29]: «сложный союз (старославянский и церковнославянский) аще ли в большинстве случаев ведет себя как единое слово (подобно али, или, нежели, үже ли и др.)».

⁷ Следует отметить, что Мигдальский [Migdałski 2013] приводит только один пример такого типа, чтобы показать, что ли занимает всегда вторую позицию от начала предложения; примеров иного типа нет.

⁸ В редких случаях (Супр. 4×, Мар. 1×) ли непосредственно следует за проклитическими союзами и и а: неясно, имеем ли мы здесь дело уже со сложными союзами или, али. В этом отношении источники не дают однозначного ответа; так, для Мк 15:31 в Зогр., Мар. и Сав. находим інъи съпасе. а ли сеꙗ не можетъ съпости, а Асс. показывает а сеꙗ ли. Также достаточно редки случаи (Супр. 8×, Мар. 4×), когда ли стоит непосредственно после отрицания ни: здесь, вероятно, само отрицание является фокусированным, см. [Večerka 1989: 46].

- (12) **Супр. 4v.17ff.** ἀ χὲς νασθὲς ἐγορὲς γλαγολετὲς νασθὲς κρ̄στιაνοὶ νασтии быти богоу небесъскоуомъ. Не отъ женъ ли роди сѧ.
οὐχὶ καὶ ὁ ὑμέτερος Χριστὸς δὲ λέγετε ὑμεῖς οἱ Χριστιανοὶ εἶναι θεὸν οὐράνιον ἐκ γυναικὸς Θέγεννήθη.

В альтернативных вопросах (типа *Что лучше, X или Y?*) ли следует за первым членом второй части вопроса (13).

- (13) **Мт 21:25** κρ̄щение иоаново отъ каждж бѣ. съ нбсє ли или отъ Глвкъ.
Τὸ βάπτισμα Ἰωάννου πόθεν ἦν· ἐξ οὐρανοῦ Θὴν ἐξ ἀνθρώπων.

В Табл. 1 приводятся все случаи употребления вопросительной частицы ли в изученном корпусе текстов: столбец 2P показывает случаи, в которых ли следует за первым словом предложения и находится во второй позиции; в столбце Alt подсчитаны случаи употребления ли в альтернативных вопросах; в столбце Topic — случаи, где перед ли присутствует топикализованный элемент.

	2P	Alt	Topic
Мар.	133	8	25
Супр.	295	6	31
Житие Константина	3	0	2
Житие Мефодия	1	0	0

Табл. 1. Случаи употребления вопросительной частицы ли

Несмотря на то, что традиционно ли считается сентенциальной энклитикой наравне с коннекторами бо и же, из приведенных примеров следует, что ли скорее ведет себя как фокусирующая частица со сферой действия, распространяющейся на слово перед ним, и, таким образом, является локальной энклитикой. То, что ли часто присутствует во второй позиции, следует считать случайным следствием того, что ли идет за фокусированным элементом, который (если только отсутствует топикализованный элемент) располагается в первой позиции от начала предложения.

4. АНАЛИЗ ДАННЫХ

Разное синтаксическое поведение, разная семантика и разная сфера действия двух коннекторов же и бо и фокусирующей частицы ли делают ма-

ловероятной гипотезу о том, что они образуют натуральный класс, выражающий иллоктивную силу предложения.

Кроме того, было показано, что *бо* и *же* никогда не следуют за топикализованным элементом, в то время как ли обладает этой способностью.

С этой точки зрения особенно интересными являются случаи, где *бо*, *же* и ли появляются в одном предложении. Согласно литературе, они должны образовать блок энклитик, чего однако не происходит в случаях (14) и (15).

- (14) *Лк 14:28* Къто бо отъ васъ хотаи стаъпъ созъдати. не прѣждѣ ли сѣда
раштътетъ діовоъ.

Τίς γὰρ ἐξ ὑμῶν ὁ θέλων πύργον οἰκοδομῆσαι οὐχὶ πρῶτον Φ καθίσας
ψηφίζει τὴν δαπάνην.

- (15) *Мт 22:31* о въскрѣшени же мрътвыхъ. нѣсте ли чъли. рече дааго вамъ бѣгъ
гл҃иждѣмъ.

Περὶ δὲ τῆς ἀναστάσεως τῶν νεκρῶν οὐκ Φ ἀνέγνωτε τὸ ρῆθὲν ὑμῖν ὑπὸ τοῦ
θεοῦ λέγοντος.

Коннекторы выражают *межфразовые* связи и поэтому имеют тенденцию к употреблению в первой позиции в предложении. Если они являются энклитиками, т. е. не обладают способностью занимать позицию после паузы, то они располагаются после первого фонетического слова предложения, независимо от присутствия топикализованных элементов. Фокусирующая частица ли, напротив, следует за словом, являющимся фокусом вопроса: такой фокус обычно занимает первую позицию, за исключением тех случаев, когда перед ним стоит топикализованный элемент.⁹

При наличии топикализованного элемента с большой вероятностью будет иметь место структура типа (16):

- (16) #[X]TOP же/бо [...]TOP [Y]FOC ли ...

В отсутствии этого элемента получается структура типа (17), где ли появляется во второй позиции:

- (17) #[X]FOC ли ...

В древнеиндийском языке тоже были обнаружены различные механизмы, в соответствии с которыми клитики занимали определенную по-

---

⁹ См. [Hale 1987] для подобного анализа древнеиндийского *cid*.

зицию в предложении, см. [Hale 1987]. Например, в ведийском языке, когда перед вопросительным местоимением имеется топикализованный элемент, клитики появляются во внутренней позиции, как в (18):

- (18) RV 6.27.1b *índrah kím asya sakhyé cakāra* [Hale 1987: 42]
 ‘Что сделал Индра в союзе с ним?’ [Елизаренкова 1999, т. 2: 123]

Хейл [Hale 1987; 2008: 118–120], опираясь на данные авестийского языка, предлагает разделить клитики на три класса: 1) *сентенциальные клитики* представляют собой коннекторы и сентенциальные наречия; 2) *эмфатические клитики* фокусируют элемент, с которым они объединяются; 3) *местоименные клитики* — безударные формы местоимений. Клитики этих трех классов располагаются в предложении по-разному: в примере (19) разделительный союз *vā* занимает вторую позицию от начала предложения, а местоимение *nas* (в форме *no*) следует за относительным местоимением:

- (19) RV 2.23.7a *utá vā yó no marcáyād ánāgasaḥ* [Hale 1987: 45]
 ‘или же если кто накинется на нас, безвинных’ [Елизаренкова 1999, т. 1: 261]

Подобные наблюдения представляются верными также для древнегреческого языка. Согласно Голдштейну [Goldstein 2016: 58], элементы в скобках в примере (20) — топикализованные. Сентенциальная энклитика *γάρ* занимает вторую позицию *внутри* топикализованного элемента, в то время как местоименная энклитика *σφι* следует за первым словом после топикализованного элемента:

- (20) Hdt. 1.126.4 [τὴν=μὲν=γὰρ προτέρην ἡμέρην] πάντα=σφι κακὰ ἔχειν. [τὴν= δὲ τότε παρεούσαν] πάντα ἀγαθά.
 ‘ведь вчерашний день принес им только невзгоды, а сегодняшний все было прекрасно’

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из рассмотренных данных становится очевидно, что в старославянском языке необходимо поставить под сомнение саму суть закона Вакернагеля. Явление, изучаемое в последние 130 лет исключительно синтаксическими или фонетическими средствами, как оказалось, лучше поддается анализу, когда наряду с упомянутыми средствами также принимается во

внимание pragматическая организация предложения (или текста). Речь идет, таким образом, не об одном конкретном механизме, который ставит блок энклитик во вторую позицию, но о совокупности механизмов, привязанных к семантике и функциональной нагрузке разных клитик, результатом действия которых оказывается расположение во второй позиции сентенциальных и эмфатических клитик. Эта особенность является следствием самой природы энклитик, которые, будучи безударными, не могут употребляться непосредственно после паузы и, следовательно, занимать начальную позицию в предложении.

Мы считаем, что в будущем подход, учитывающий все эти факторы, поможет прояснить поведение и местоименных клитик, которые в данной статье не рассматривались, а также прольет новый свет вообще на механизмы, определяющие порядок слов в старославянском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Вексина М.* Закон Вакернагеля (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6, Языкоznание. — 2008. — № 3. — С. 35–67.
- Елизаренкова 1999 — Ригведа / Пер. Т. Я. Елизаренковой. — Изд. 2-е, испр. — М. : Наука, 1989–1999.
- Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.) / Под ред. В. Л. Янина и А. А. Зализняка. — М. : Наука, 1993. — С. 191–319.
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. — М. : Языки славянских культур, 2008.
- Циммерлинг А. В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. — М. : Языки славянской культуры, 2013.
- Clackson J. Indo-European Linguistics: An Introduction. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
- Eckhoff H. M., Berdicevskis A. Linguistics vs. digital editions: The Tromsø Old Russian and OCS Treebank // Scripta & e-Scripta. — 2015. — Vol. 14–15. — S. 9–25.
- Goldstein D. Variation versus change: Clausal clitics between Homer and Herodotus // Indo-European Linguistics. — 2016. — Vol. 4. — P. 53–97.
- Gregory M. L., Michaelis L. A. Topicalization and Left Dislocation: A functional opposition revisited // Journal of Pragmatics. — 2001. — Vol. 33. — P. 1665–1706.
- Hale M. R. Notes on Wackernagel's law in the language of the Rigveda // Studies in memory of Warren Cowgill (1929–1985): Papers from the fourth East

- Coast Indo-European Conference, Cornell University, June 6–9, 1985 / Ed. by C. Watkins. — Berlin : de Gruyter, 1987. — P. 38–50.
- Hale M. R. Avestan // The ancient languages of Asia and the Americas / Ed. by R. D. Woodard. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — P. 101–122.
- Jakobson R. Les enclitiques slaves // Atti del III Congresso internazionale dei linguisti : Roma, 19–26 settembre 1933 / a cura di B. Migliorini, V. Pisani. — Firenze : Le Monnier, 1935. — P. 384–390.
- Janse M. Clitics and word order since Wackernagel // Orbis. — 1994. — Vol. 37. — P. 389–410.
- Migdalski K. Diachronic Source of Two Cliticization Patterns in Slavic // Challenging Clitics / Ed. by C. M. Salvesen, H. P. Helland. — Amsterdam : Benjamins, 2013. — P. 135–158.
- Migdalski K. The syntax of Slavic // Handbook of Comparative and Historical Indo-european Linguistics: An International Handbook / Ed. by J. Klein, B. Joseph, M. Fritz, M. Wenthe. — Berlin : De Gruyter, 2018. — P. 1557–1571.
- Nevins et al 1994 — Clitics: A comprehensive bibliography 1892–1991 / ed. by J. A. Nevins, B. D. Joseph, D. Wanner, A. M. Zwicky — Amsterdam : Benjamins, 1994.
- Pancheva R. The rise and fall of second-position clitics // Natural Language and Linguistic Theory. — 2005. — Vol. 23. — P. 103–167.
- Spencer A., Luís A. R. Clitics: An introduction. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Večerka R. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. I. Die Lineare Satzorganisation. — Freiburg : Weiher, 1989.
- Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. — 1892. — Bd. 1. — S. 333–436.
- Zimmerling A., Kosta P. Slavic clitics: A typology // STUF. — 2013. — Vol. 66, № 2. — P. 178–214.

И. С. Добровольский

ОРФОГРАФИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ В СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЯХ: ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ*

§1. В реконструкции графико-орфографических систем славяно-русских рукописей наибольшую трудность представляют те фрагменты этих систем, которые связаны с поведением редуцированных. В палеославистических работах выработано несколько подходов к их описанию. В частности, употребление редуцированных ставится в зависимость от (по отдельности или в различных комбинациях): 1) сильной или слабой позиции; 2) графического контекста или, в некоторых работах, «фонемного окружения»; 3) морфемы, в фонемный состав которой входит редуцированный; 4) принадлежности к начальному, срединному или конечному слогам. В принципе, было бы полезно проверять каждый из указанных подходов в каждом памятнике. Не ставя, однако, себе такой грандиозной задачи, мы предприняли попытку смоделировать метод, в основе которого лежит различение сильных и слабых позиций редуцированных в двусложных фонемосочетаниях.

§2. Укажем некоторые элементы оформления, принятые в работе. Цитирование словарей по умолчанию производится из статьи цитируемого слова. Названия памятников приводятся в том виде, в каком они представлены в той или иной работе, без расшифровок. Для рукописей, изученных *de visu*, указываются место хранения и шифр. Даты даются для всех памятников, кроме старославянских. Графическая передача примеров пре-

---

* Работа написана в 2003 году; соответственно, более поздние публикации в ней не учтены.

дельно упрощена: как правило, передается как есть только ъ; специфические древнерусские буквы используются в случае необходимости.¹

ОБЩЕЕ ПРАВИЛО

§3. Информацию о редуцированных в конкретном памятнике в нормальном случае можно получить, проследив за употреблением букв ъ и ѿ (включая заменяющий их паерок), ё и є из *ѣ и *ъ, ы из *ѣ и и из *ъ, *ъ (о случаях типа въдає, где є на месте *ъ передает [j], см. §5).

Конкретный редуцированный в составе тактовой группы может быть сильным или слабым. Различие сильных и слабых аллофонов осуществляется в соответствии с правилом Гавлика (далее «общее правило»).² Ниже приводятся образцы тактовых групп, подвергаемых действию общего правила (§§4–5). При этом важно помнить, что, во-первых, чешский исследователь установил свою закономерность прежде всего для чешского языка, и только потом она была распространена на все вообще славянские языки; во-вторых, правило Гавлика было сформулировано в строгом соответствии с концепцией младограмматиков (позиционная обусловленность и непреложность звукового изменения; см. [Журавлев 1990]). Между тем, различные отклонения вынуждают сделать ряд поправок к общему правилу на действие дополнительных факторов. Применительно к восточнославянской ситуации необходимо рассмотреть отдельные фонемосочетания (§§6–10) и не этимологические редуцированные (§§11–16).

ОБРАЗЦЫ ТАКТОВЫХ ГРУПП

§4. Для обработки данных о редуцированных удобно различать два класса написаний: класс *СъСъ (с первым сильным редуцированным) и класс *СъCV, где С — одиночная согласная или группа согласных, V — любая гласная, ъ обозначает ‘ъ или ѿ’.

¹ По редакторским соображениям примеры на древнерусском и старославянском набраны старинной кириллицей. Однако это не следует понимать как воспроизведение оригинальных записей. — *Прим. сост.*

² Не лишним будет заметить, что предположения о зависимости позиции редуцированных от места ударения и о влиянии ударения на падение редуцированных в древнерусском опровергнуты, см. [Зализняк 1985: §§2.2, 3.2].

Рассмотрим вначале синхронный срез раннедревнерусского состояния редуцированных, т. е. ту идеальную (не отраженную практически ни в одном памятнике) ситуацию, когда абсолютно все редуцированные обозначаются на письме. К классу *СъСъ относятся следующие образцы тактовых групп (отделенные точкой с запятой): пъсъ, дънь съ, пъпъръцъ ‘перец’; съ мъною, лъжыса, отъустьво; Р.мн. кости, добрыи; достоинъ, здимъ; Р.ед. житииска.

К классу *СъСV относятся тактовые группы типа въпти и все, получающиеся путем приписывания, если это возможно, слога *Съ класса *СъСV к первому слогу класса *СъСъ. Иными словами, гласный полного образования приравнивается к сильному редуцированному. Отсюда следует, что, например, в написании възъмъ последние два слога относятся к классу *СъСъ, а первые два слога — к классу *СъСV. К последнему классу примыкают сочетания *СъV, т. е. с неприкрытым вторым слогом, например: въ очио (см. ниже), въ Афинѣхъ, въистину. Не следует смешивать графическую неприкрытость с фонетической. Так, в примерах съяти, въ єдинъ второй слог прикрытый.

§5. Обратимся теперь к диахронным изменениям, главным из которых является падение редуцированных, ознаменовавшее переход к позднедревнерусской системе. Под **падением редуцированных** понимается двусторонний процесс исчезновения фонем /ъ/ и /ь/, предполагающий утрату слабых аллофонов [ъ] и [ь], с одной стороны, и обусловленное этим заместительное удлинение («прояснение») сильных аллофонов [ъ] и [ь] в [о] и [е], с другой. В данном определении мы опираемся на [Мейе 2000: 89]; ср. также [Петер 1975: 73].

От прояснения редуцированных следует отличать их **вокализацию** — переход [ъ] и [ь] в [о] и [е] в классе *СъСV, а не в классе *СъСъ, т. е. вопреки данному выше определению. Обращение к памятникам XIII–XVII вв. показывает, что у всех словоформ, отражающих вокализацию, существовали также варианты, где редуцированный пал. Из причин вокализации можно назвать следующие:

- 1) сложное скопление согласных, ср. чести, цтя, лєсти, мєсти и чести, тєстя, лєсти, мєсти;
- 2) выравнивание основы внутри парадигмы, ср. сты и соты, а также примеры из п. 1;
- 3) книжное произношение, ср. взгревати, упвание, скровице и возгревати, упование, скровице;
- 4) ассимиляция в сочетании *СъV, ср. изъ обою, безъ оцда, изъоружити, безобразиe, вероятно также въ очио, съ отрокомъ и изо обою, бєзо оцда,

изооружити, бѣзообрази€, вероятно также во ѹчию, со отрокомъ³ (ассимиляция была возможна не только перед ѹ, ср., например: изуутрь, възаалка [см. Шахматов 1915/2002: §337]; о морфемах на -зъ вместо -з см. §13).

С темой падения редуцированных тесно связано **отпадение конечной гласной** (см. о нем прежде всего [Зализняк 1992/2002]). Существовало, по крайней мере, четыре способа отражения на письме этого явления:

- 1) є из *jъ, *ji: мое ‘мой’ (пример А. А. Шахматова, цит. по [Кудрявцев 1997: 105]), въдає, вокує, въ първое ‘в первой’ в берестяных грамотах;
- 2) и из *jъ, *ji: свѣтлени в Прологе кон. XIV в. [РГАДА, ф. 381, № 158];
- 3) ь из *V: оуправише (с є вместо ь), домовъ (примеры для п. 1 и 3 взяты из [Зализняк 1995: §2.28]);
- 4) необозначение *jъ, *ji: В.ед. Тимофѣ, Имп.2.ед. възвѣща, є (вм. єи), мо ‘мой’ [Соболевский 1907: 48]; ср. необозначение начальных *jъ, *ji в §10, замеч.

По-видимому, об отпадении конечной гласной также свидетельствуют вставные редуцированные в сочетании «согласная + сонант или ѡ» типа оғънъ, єсьмъ и т. д. (см. §12). Материал берестяных грамот показывает, что отпадение конечной гласной могло происходить уже в XI в. Неясно, однако, в какой степени отпадение конечного ь в *jъ может свидетельствовать о начавшемся процессе падения редуцированных.

Позднедревнерусское состояние редуцированных отражено в таблице:

	Класс *CъCъ				Класс *CъCV		
Сохранение	тьмъно	добраи	заемъ	житинска	въпити	въ единъ	въ ѹчию
Падение	Стандарт	темно			впити	в единъ	в ѹчию
	Утрата	тымно					
Прояснение	темно	добраи И.ед.	заемъ	житеинска			
Вокализация					вопити	во единъ	во ѹчию

Позднедревнерусское состояние редуцированных

Клетки, для которых соответствующего материала нет (или не может быть), не заполнены. Имеются, правда, следующие весьма сомнительные кандидаты на заполнение лакуны для [ь] > [e] в графе «Вокализация»

³ Последние два случая не вполне показательны, поскольку для них возможно объяснение из п. 3.

в классе *CzCV: 1 ед. гню 'гнию' Новг. Кормч. 1282 г. (см. §9) и острее 'острие' Ев. 1339 г. (примеры из [Соболевский 1907: 47]).

Лакуна для сочетания *jyCz происходит от того, что утрата конечного *z, как правило, не отражается памятниками. Однако, в принципе, эту лакуну можно заполнить, наблюдая за поведением редуцированного, предшествующего сочетанию *jyCz в формах типа житьъскъ. Поскольку данный редуцированный и конечный оба слабые, мы получаем возможность опосредованного наблюдения за орфографическим варьированием рефлексов интересующего нас сочетания.⁴ Таким образом: «Сохранение» — житинскъ; «Стандарт» — *житъескъ, «Утрата» — *житъискъ, «Прояснение» — *житиескъ.

Специально отметим, что встречающиеся с древнейшей эпохи написания и или ь перед йотированной гласной непоказательны для каких-либо выводов о сохранении или падении редуцированных.

ОТДЕЛЬНЫЕ ФОНЕМОСОЧЕТАНИЯ

Сочетание типа *TzrT

§6. Редуцированный — сильный, если в составе рефлекса типа *TzrT он является единственным или первым (в сочетании типа *TzrgT*; о втором редуцированном см. §11). Иными словами, *Tz* равносильно *CV*. (Поправка внесена в соответствии с [Зализняк 1995: §2.12].)

Случай бию

§7. Серьезную трудность представляет собой интерпретация переходов *uj* > *zj*, *ij* > *ъj*, *jь* > *ji* и *ji* > *jь* (точнее, совпадений *uj* с *zj* и т. д.), произошедших в раннедревнерусском (если не еще раньше; подробнее см. [Зализняк 1985: §2.3]). Различаются «случай бию» и «случай мыю, сияти, шию». В данном параграфе и далее опровергается точка зрения, согласно которой в указанных случаях реконструируются исконные *z и *ъ.

В случае бию этимологический *i* во всех отношениях переходит в редуцированный. Таков переход *ij* > *ъj*, констатируемый для презенсов бию (биёши и т. д.), вию, лию, пию.

⁴ О других способах наблюдения за судьбой конечного редуцированного см. [Зализняк 1993: §53].

Предполагаемая основа типа **bij-* неочевидна. Согласно А. Мейе [Мейе 2000: §53], если исходить из **bejø* (или из более раннего **bejom*), «перед *j e*, произносившееся как *je*, получило тембр *i*, что вызвало переход *-ej-* в *-yj-* (*-ij-*)». Далее в §125 сказано: «Если мы находим здесь *i*, — это или церковнославянизм, например, русск. *братия* [...] или развитие по аналогии: так, от бити — настоящее время ст.-слав. *биј* и *быј*». Между тем такая трактовка оставляет необъясненной вокализацию в императиве типа рус. *бей* (при сохранении **i* в укр. *бій*, белор. *bi*).

Необходимо, правда, оговориться, что в берестяных грамотах встречается в презенсе основа *бъ-*, предполагающая развитие по модели **lъjati* — **lēj-e-*, **stъjati (sę)* — **smēj-e-* и т. п. [Зализняк 1995: 565]. Примеры: З ед. *бъє* (с отпадением *-ть*) Бер. гр. 97, *бъєть* 102, *бъють* 248, *бъю* 307. Вероятно, сюда же относятся как результат позднейших выравниваний основы по презенсу причастия *пєющи* Бер. гр. 227 bis (грамота с *€* вместо *ѣ*) (там же: 309), Д.мн. *въющимся* Ист. Трои XVII в. [Слов. XI–XVII вв.] и императив *пїти* (по крайней мере дважды; если только *ѣ* здесь не вместо *€*) Парем. 1348 г. [СДРЯ].⁵ Однако считать такое развитие императива наддиалектным вряд ли возможно.

Если украинский императив подчиняется правилу перехода дифтонгического **ě* в *i*, то в белорусском языке (где **ě* дало *e*) указанное обобщение по презенсу реконструировать нет оснований. Традиционно полагается, что стяжение белорусского императива имеет ту же природу, что и, например, И.ед.м. местоименного склонения, см. [Судник 1990]. Между тем, разные исходы данных форм (*ji* и *jь* соответственно) в случае с предшествующим **ъ* (гипотетическим для императива) обусловливают неодинаковое их развитие, ср. *мый, шый, рый* и *злы, малады, худы*. Возникает вопрос: почему в случае с предшествующим **ъ* рефлексы одинаковы, ср. *bi*, *pi*, *li* и *cini*, *летni*, *горki* ‘горький’? Обращение к старославянским памятникам показывает, что фонемосочетание, подлежащее стяжению (до этого обычно передаваемое на письме как ии), могло восходить к: а) *ijī*, например: *вашихъ* Асс., *мжчиите* Супр.; б) *jь* — *принимъ* Асс., *убица* Мар.; в) *ъjь* — Р.мн. *костии*, *велии* Зогр. (см. [Вайан 1952/2000: §32]), но никогда — к **ъji*. Заметим, что, по крайней мере, у императива от глагола (*у*)бити существовала стяженная форма *уби* Мар., однако она оказывается единственным кандидатом на заполнение лакуны **ъji*.

⁵ Единственный императив *бен* Бер. гр. 290 в коротеньком отрывке без *€* на месте *ѣ* [Зализняк 1995: 488], очевидно, отражает характерную для данного класса словоформ вокализацию.

Из сказанного следует, что белорусский императив типа *bi*, по-видимому, обязан своим стяжением сочетанию *ji*. В других белорусских и восточнославянских императивах с элементом *j* стяжения не происходило.

Замечание. Для целей настоящей работы нет необходимости разбирать детали диалектного фонетического развития данной категории словоформ; важно лишь учитывать сам факт существования рассмотренных различий. Можно лишь предполагать, что в украинском и белорусском языках просто сохранились в части случаев архаичные системы спряжения. Кроме того, вероятно, в украинском языке могла существовать тенденция к сохранению *j* не только в глагольных окончаниях, но и, по крайней мере, в Р.ед.ж. местоименного склонения. В последнем случае этому, возможно, способствовало не-отпадение конечной гласной;ср., например, *такої*, *ласкавої* (где *i* = /jɪ/) и Р.ед. *життя* (рус. *житья*), И.ед.ж. *тепла*. Однако решение этого вопроса выходит за рамки настоящей работы.

Для вокализации в русском императиве можно указать следующие аналогичные случаи: *дякъ*, *дякони* Уст. Студ. 1398; сюда же, вероятно, относятся Кюпреяну там же, Дөөнисия Ипат.; непоказательны Василею, по Дмитреи Дв. XV в. (примеры из [Шахматов 1915/2002: § 405, примеч. 2]). При этом не лишено интереса то, что как в части приведенных примеров, так и в презенсе типа *бию* возможно варьирование и/ь перед буквами йотированных гласных в памятниках разных эпох.

Таким образом, вероятно, что изначальная основа типа **bij-* дала противопоставленные рефлексы в императиве типа рус. *быи* — укр., белор. *бији* и общий презенс типа *быју* для всей восточнославянской области. Приведенный разбор показывает, что случай *бию* не может рассматриваться в ряду обычных редуцированных, а требует особого внимания.

Случай *мью, сияти, шия*

§8. В этих случаях этимологические ы и и ведут себя как сильные редуцированные независимо от позиции. Казалось бы, для глагольных форм реконструкция с **ъj* и *ъj* здесь оправдана тем, что они входят в класс «презентная основа *СъС-* — инфинитивная иначе». Этот класс образован: 1) глаголами с чередованием в презенсе -ър- — в инфинитиве -ръ- типа *мъру* — *мрѣти*, *въргу* — *врѣчи* (см. [Вайан 1952/2000: § 215]); 2) отдельными V-корневыми глаголами, например: им- (из **jьmt-*), -уын-, жым-, жын-, кълын-, пын-,

дъм- (инфинитив дути). Обращение к позднедревнерусским памятникам показывает, что у всех этих основ существовали варианты, где редуцированный пал. Но в словоформах, где падение редуцированного приводило к сложному скоплению согласных, редуцированный сохранялся (или восстанавливался) с последующей вокализацией, например: жеру, деру, жегу (словоформы типа вергу не в счет, см. § 6).

Между тем, во-первых, этимологические *у* и *i*, находящиеся перед *j* в слабой позиции, не падают, во-вторых, редуцированный предшествующего им слога всегда слабый. Имеются, правда, случаи, когда происходит падение (как в рус. *шию*) или сохранение с последующей вокализацией (как в изъгнешь Лавр., гнётъ Лечебн. XVII в.;ср. диал. *gneётъ* [Шахматов 1915/2002: § 405]). Однако, по-видимому, эти случаи были ограничены той или иной частью говоров. Так, например, презенс *шию* дал рус. *шию*, однако сохранил гласную в укр. *шию*, белор. *шию* (еще примеры такого рода см. в [Зализняк 1985: 117]).

§ 9. Для наблюдения за *ү* и *ы* (из *үj* и *ij*) удобно разделить относящиеся сюда словоформы на нижеследующие группы. Информация о словоформах приводится по модели: стандартная церковнославянская форма с ы или и ~ пример из старославянского памятника, пример из церковнославянского памятника (оба примера с ы или ы), пример из русских говоров с [j] вм. [ij] (предваряется пометой «диал[ектное]»). При отсутствии материала соответствующий элемент описания пропускается. Принято сокращение: Ш — [Шахматов 1915/2002: § 406]. Как в выделении групп, так и в списках словоформ мы не претендуем на полноту.

- «Группа мыю»: глаголы с презенсом на -ыю, -ию (кроме случая бию, см. § 7). Примеры: въпию ~ въпьетъ Клоц. [Вайан 1952/2000: 309], въпья Ев. XIII в.; гнию ~ гныющема Новг. I-я (Ш); мыю ~ мъяшеся Пантел. Ев., оумью Служ. Рум. М. 1359 г., диал. мью [Шахматов 1915/2002: § 363, примеч. 2]; почюю ~ почытє Панд. Ант. XI в. [Срезн., статья почити]; шию (см. § 8, конец; примеров из памятников не найдено).
- «Группа сияти»: глаголы с инфинитивом на -ияти (см. [Вайан 1952/2000: § 196]). Примеры: зияти ~ зъяны Арх. леств., диал. зъяя, зяя (Ш); лияти ~ въльѣти (ѣ = /ja/) Зогр. [Вайан 1952/2000: 307], излья Хут. служ., диал. лъяло (Ш); сияти, сияю ~ събѣтъ Клоц. [Старосл. слов., статья сияти], восьявъшю Ев. XIII в., диал. съяютъ; смияти ~ смыяти ся Выголекс. сб., диал. смялись; прияти ~ съпрыяя Ипат. (Ш).
- «Группа шия»: существительные с И.ед. на -ыя, -ия, -ыи, -ии. Примеры: выя ~ В.ед. въю Поуч. Ефр. Сир. XIII в.; змии ~ В.ед.м. змыи Новг. I, л. 78

[ПСРЛ, т. 3: 52]; стрыи ‘дядя по отцу’ ~ Р.ед. стръя, къ стрыю Поуч. Ефр. Сир. XIII в. [Шахматов 1915/2002: §363, примеч. 2]; шия ~ шыи Новг. 1-я, диал. Шъя (река) (Ш). Ср. также рус. швея, диал. гостея, мелея ‘глупость’, печея, прядея, тчея, ткея [Шахматов 1915/2002: §405]. Сюда же можно отнести местоимение чии ~ чью Ипат. (Ш).

Начальное и

§10. Для различения начальных *jь*, *ji* и *i*, также ограниченных определенной частью говоров, церковнославянские памятники, как правило, не дают никаких прямых свидетельств. Однако рефлексы в современных славянских языках позволяют условно считать, что русский церковнославянский в большинстве случаев имеет *i*, например: игла, игра, из, сюда же презенсы идеть, иметь. Конечно, здесь возможно предполагать начальное *ji*, однако «если протезирование начального йота перед согласными в словах игра, игла и под. осуществлялось, то его результаты невозможно отличить от простого гласного [i]» [Кудрявцев 1997: 113]. При этом не вызывает сомнения, что в таких приставочных образованиях, как изидуть, изити, възьмъмы имеем дело с *i* или *ь*. По справедливому замечанию Г. Ланта [Лант 2001: §30.32], если бы здесь был *j*, то *zj давало бы *ž*.

Замечание. Указанная трактовка не может быть, однако, автоматически распространена на все изводы церковнославянского языка; ср., с одной стороны, утрату начального редуцированного в украинском изводе, например, 1 ед. мамъ Поликарп. Ев. 1307 г. [Шахматов 1915/2002: §359] и, с другой стороны, его прояснение в старославянских памятниках, например, причастие ёмъ (из *jьтъ) [Лант 2001: §15.83]. В украинском изводе церковнославянского примеры, разумеется, не ограничиваются только указанными глаголами, ср. также: столкova, звeсти, з нас ‘из нас’ Измар. XV в., съ покрыты ‘с лицемерами’, гѣмону (из игемону) Пут. Ев. [Шахматов 1915/2002: §359].

НЕЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ РЕДУЦИРОВАННЫЕ

Вставные редуцированные

§11. В определении позиций учитывается наличие вставного редуцированного — гласного, разбивающего группы согласных, однако его отсут-

ствие не учитывается. Примеры: *օғնь*, *молитъвъ*, *седьмь*, *ѓуптъ*, *псалъмъ*, *клятьвъное*, *прѣжъде*, *օրъганъ*.

Вставная гласная учитывается также в сочетаниях типа *TѣrѣT* (из *TѣrT), где она «ведет себя в общем так же, как обычные редуцированные» [Зализняк 1995: 50]. Целесообразно, однако, рассматривать этот случай наряду с другими сочетаниями типа *TѣrT.

Таким образом, в примере *вълхъвъ* Чуд. сб. XIV в. [Соболевский 1907: 53] (ср. там же *волховъ*) для определения позиции показательны все редуцированные.

§12. Подробный разбор вставных (или «неорганических») редуцированных содержится в работе [Марков 1964]. Важно отметить следующее. Обычно предполагается, что вставной редуцированный разбивает группы согласных после падения редуцированных (см. хотя бы [Шахматов 1915/2002: §411; Соболевский 1907: 53]). Весьма характерно следующее рассуждение: «В сущности, единственным действенным критерием является графический облик внутрисловных сочетаний, восходящих к *-СѣC-, *-СъC (со слабым редуцированным), и сочетаний, восходящих к *-CC-. Если два типа сочетаний систематически смешиваются на письме (например, встречаются записи типа *възми* и/или *Переяславълѣ*), мы имеем дело с позднедревнерусской системой» [Зализняк 1984: 45]. Однако приведенные выше примеры в последней группе, а также все примеры из Изб. 1073 г. свидетельствуют о том, что вставной редуцированный мог появляться до падения редуцированных. Причем, как замечает В. М. Марков [Марков 2001: 16], «иногда этот ер выступает с не меньшей последовательностью, чем соответствующая буква исконного глухого» в одном и том же буквосочетании.

Более того, в сочетании «согласная + сонант» вставной редуцированный зафиксирован в Новгородском кодексе перв. четв. XI в. в написаниях *вѣтъръ*, *օғнъ*, *жизънъ*, *любъзънъ* и т. п. при том, что «группы словоформ, где ъ на письме иногда отсутствует, — в основном те же, которые хорошо известны по другим памятникам XI века. Это прежде всего *кто*, *что*, основы *мног-*, *княз-*, *вс-*, *дн-*, *створ-*» [Зализняк, Янин 2001: 9].

Морфемы на *-z

§13. Особую проблему составляют тактовые группы с *безъ*, *възъ*, *изъ*, *ժазъ*, *թозъ*, а также *օբъ* и *օտъ*. За буквой ՚ в данном параграфе и в следующем в на-

писаниях, взятых не из памятников, стоит ‘ъ или ь’.⁶ Рассмотрим вначале предлоги и приставки на *-z (*orz — только приставка).

Наряду с написаниями, соответствующими этимологии, в старославянских, церковнославянских, а также древнерусских памятниках встречаются, например, следующие:⁷ *bez — предлоги бѣзъ Супр., бѣзъ Ас., бѣзо Зогр., бѣзъвѣмѣньъ Супр., бѣзъ трудовъ Изб. 1073 г. (с. 421), бѣсъ пѣтровъ Тип. устав XI–XII вв. (с. 427), бѣзъобразъе Мин. 1097 (с. 429), *vz — вѣзъяривъ Супр., вѣзълюбилъ Остр. Ев. 1056–57 гг. (с. 418); *iz — изъѣнишиимъ Евх., изъумѣвъши ся, изъходити, исъшедъ Супр., предлоги изъ Супр., изъ Мар. изо Зогр., изъ власти, изъ олтаря Тип. устав XI–XII вв. (с. 427), исъходящихъ Арх. Ев. 1092 г. (с. 426), изъучивъся Мин. 1095 г. (с. 428), изъ єдна ‘из язывы’ Вопр. Кир. (по Тр. сп.); *orz — разъярив ся Сбор. Рум. XV в., въ розъѣздѣ ‘в отлучке’ Новг. I 1367 г. по Арх. сп., розъѣхалъ єсми ‘разделил, размежевал’ Отводн. 1483–1502 г., разъѣхаша Переясл. л. 1196 г., розъѣжден Д.ед.ж. ‘относящейся к межеванию’ Раздельная 1520 г., розъѣдуть Дог. гр. Вас. Дм. 1389 г. и нек. др.

Как видно из примеров, употребление зъ в морфемах не ограничено ни книжным или некнижным памятником, ни ранне- или позднедревнерусской эпохой. Из последней диахотомии следует, что зъ после з не может интерпретироваться как обычный вставной редуцированный (§11). В то же время против исконности этого зъ свидетельствуют, во-первых, различные ассимиляции и аккомодации на морфемном шве (например: вѣ үина, вѣзыскати, вѣшумѣти, вѣспаръ, иж нѣго, и црѣва, раздрѣшити и др.), во-вторых, параллели в латышском и литовском языках без конечной гласной.

По-видимому, очень рано морфемы на *-z испытывают аналогическое воздействие морфем с исходом на редуцированный, прежде всего въ, къ, съ. Механизм влияния написаний типа съконыати на написания типа исконъати разбирается в [Марков 1964: 47]. Не пытаясь оценить правдоподобность этой гипотезы, отметим некоторые частности, существенные для нашего изложения.

Надо полагать, что легче всего зъ возникал в приставках перед корнем с начальным *j*, выступая в функции современных разделительных твердого и мягкого знаков.⁸ На это указывают уже старославянские примеры

⁶ Вопроса о выборе между зъ и ь мы здесь не касаемся.

⁷ Примеры из старославянских памятников приводятся по [Старосл. слов.], из древнерусских — по [Срезн.], из церковнославянских — по [Дурново 1924–27/2000]. При цитировании последнего в скобках указывается только страница.

⁸ Разумеется, зъ и ь становятся маркерами твердости и мягкости только в позднедревнерусский период. В ранних памятниках они являются в лучшем случае графическими дублетами.

възъярити сѧ (также възыа-) и изъяснити ‘прояснить’ (ссылки на памятники см. выше).

В церковнославянских и древнерусских графических системах вставка такого ъ оказывается закономерным явлением. Действительно, в рукописях, переписанных или написанных без оглядки на старославянские орфографические нормы, буквы а и ю передают сочетания /'a/ (после согласной) и /ja/ (после гласной). В старославянском находим иное соответствие: ю (наряду с глаголическим ъ) могло передавать как /'a/ (после согласной) так и /ja/ (в начале слога и после з в морфемах на *z). Омография ю (после согласной) = /ja/ или /'a/, с которой встречался древнерусский книжник в старославянских рукописях, создавала для него очевидные неудобства. Чтобы буква ю полностью вписалась в церковнославянские и древнерусские графические системы, необходимо было «скорректировать» позиционные условия ее употребления, а именно: заменить позицию «после согласной» на позицию «после гласной». В качестве гласной был использован ъ.

Постепенно круг корней, принимавших приставки на -зъ, расширялся. В частности, начальное изъя- (как в изъяснити) могло влиять на изѧ- (как в изати). В данном случае, однако, орфографическая замена сопровождалась фонетической. Возможно, о переходе [iz'a] > [izja] (или [iz'ja]) свидетельствует пример изъятовати ([Срезн., статья изъятовати]; к сожалению, в цитате после зъ напечатано малоинформативное я). Благодаря этому переходу, мы имеем в современном русском написания и соответствующие произношения слов изъять, разъять⁹ (но взять остается верным этимологией).

Аналогичным образом ъ появлялся в корнях с начальным ъ (реально речь идет о корнях ‘есть’ и ‘ехать’). Ближайшим к разобранному случаю с /ja/ является случай нейтрализации фонем /é/ и /e/ после /j/, когда сочетание /jé/ может записываться через є или ё (см. [Успенский 2002: 167; Зализняк 1995: 23]). Пока, однако, сюда можно отнести только пример изъѣша Новг. I л. 1213 г. [Срезн., статья изъѣхати].

Гораздо более распространены случаи без нейтрализации (по крайней мере, на графическом уровне); см. выше примеры для морфемы *org и последний пример для *iz. Особенно показательны здесь написания с и вместо ъ, где вставной ъ обеспечивал различение, к примеру, [izji-] и [iz'i-] (в дальнейшем [izy-]) в таких словоформах, как изъѣша Новг. I л. 1417 г. [Срезн., статья изъѣхати] и, допустим, изити.

⁹ Вероятно, это реликты второго южнославянского влияния, когда ю (как, впрочем, иногда и в старославянском) могло передавать /ja/.

Замечание. На вопрос о том, является ли ъ после з в морфемах на *-з чисто орфографическим явлением или же наряду с этим имеет фонетическое значение, нельзя ответить однозначно. Отсутствие перехода з (перед j) > ж (см. § 10) показывает, что вставка ъ могла иметь праславянский возраст. Однако многочисленные написания без ъ (особенно в ранних памятниках) делают эту гипотезу достаточно уязвимой. См. также конец параграфа.

В отличие от корней на ю- вставной ъ перед корнями на ё- является факультативным. Причина в следующем. Буква ё несла в древнерусском двойную нагрузку и могла обозначать как /ê/, так и /jê/, причем /jê/ не только после гласной, но и после согласной буквы. (Как известно, жизнь ё пытались облегчить писцы Изборников 1073-го и 1076 г., введя букву ѹ «ять йотированный».) Отсюда встречаются такие написания, как из ѿдати, из ѿденина ‘?’, на из ѿдь ‘на съедение’ [Срезн.], которые удовлетворяли одних писцов и шли вразрез с орфографическими установками других, усвоивших правило «перед [j] должна быть гласная буква». Эти написания, однако, находятся в меньшинстве: по данным [Срезн.], из 14 тактовых групп в 10 всегда пишется -зъё-, в 3 — -зъё-, в 1 наблюдаются колебания -зъё- ~ -зъё-.

Далее, ъ после з мог возникать аналогичным путем. Так, в примерах типа из ѿучити и възълюбити мы имеем дело с распространением модели «приставка на зъ- + корень с начальной йотированной гласной» на корни с начальной нейотированной гласной и согласной. В данных случаях ъ ведет себя в общем так же, как обычный редуцированный, а именно: 1) вокализуется перед ѿ или ассимилируется перед остальными гласными (см. § 5); 2) падает в слабой позиции и проясняется в сильной (приводим материал для прояснения по [Срезн.]): възо дву копу, възоити, възоврѣти ‘вскипеть’, из ѿвну ‘снаружи’, из ѿ всея земли, из ѿдрати,¹⁰ из ѿ лба, из ѿ Пскова, из ѿспати ся, из ѿимати ‘схватить’, из ѿити ‘пройти’, из ѿрчение ‘изречение’, разорвать ся, разоимати ‘разобрать’, разоити ся, разопысати ‘расписать, определить (например, кому куда идти)’, по разоучту ‘по расчету’. Единственное встретившееся отклонение: възъїжжии (вокализация перед j). Об аномальном прояснении в възъиду ‘взойду’ в берестяной грамоте см. [Зализняк 1995: 54].

Вставка ъ после з и, соответственно, прояснение зъ перед слогом со слабым редуцированным в ѿ могли не происходить в условиях, благоприятных для ассимиляции (ср. выше). Так, на месте предполагаемых *безъ съмыти, *безъ зълобы, *безъ чьсти, *безъ Пльсковицъ находим б€ съмыти, б€

¹⁰ Если первое оу в З мн. изоудроуть Р. Прав. (по Ак. сп.) XV в. — отражение дистантной регressiveвой ассимиляции (как в совр. рус. н[оу]купать), то ъ после з в некоторый период передавал [ъ].

зълобы, веџ үьсти, веє Пльсковиць (ср., однако, изо Пскова, изоспати ся, розопьсати, по розоути¹¹).

Возможно, впрочем, более универсальное объяснение (нуждающееся в дополнительной проверке): переход з > зъ и затем прояснение в зо в морфемах на *-z были ограничены той или иной частью говоров. Сопоставление таких поздних вариантов, как изоити и изыти показывает, что в древнерусском развитие пошло в основном по пути сохранения начальной фонемы у корня, для чего и потребовалася вставной ъ после приставки; в старославянском и церковнославянском эта фонема преимущественно была утрачена (прежде всего речь идет о j). Как ни парадоксально, именно древнерусский, а не старославянский и церковнославянский противодействует ассимиляции и аккомодации на морфемном шве.

Таким образом, в раннедревнерусском можно выделить, в отвлечении от различных частностей, следующие три модели оформления исхода морфем на *-z. Нижеследующие примеры приводятся в морфонологической записи (т. е. на первом плане здесь стоит их фонемная сущность, а не графический облик). Принято сокращение: п.-др.-р. — позднедревнерусский.

- Модель «зъ + йотированная гласная»: изъяснити (п.-др.-р. из/ја/снити), изъѣхати (п.-др.-р. из/јё/хати).
- Модель «зъ + нейотированная гласная»: изъучити (наряду с изуу-, п.-др.-р. изу-, где у принадлежит корню), изъострити (наряду с изоо-, п.-др.-р. изо-, где о принадлежит корню).
- Модель «зъ + согласная»: изърѣзати (п.-др.-р. из-), изъдѣрати (п.-др.-р. изодрати).

Морфемы *ob и *ot

§14. В приставках и предлогах *ob и *ot история происхождения конечного редуцированного несколько иная. Дело в том, что уже в старославянском (если не раньше) для *ob и *ot действовали следующие правила выпадения согласных: об (не перед гласной, л, н, ъ) > о и от (перед с, ш, х, к) > о. Примеры: *ob — омакати Ас., омыєши ма Син. [Старосл. слов.], одържаша мя СкБГ XII в., остоять 'осаждают' Лавр. 1036 г. [СДРЯ]; *ot — отжпаіжтъ Мар. Ев.,

¹¹ Случаи, где прояснения не происходило даже в условиях неосуществления ассимиляции, ограничены книжными памятниками и книжным влиянием, ср., например, безъуство в Минее XV в. [Срезн.].

ошьдъши Зогр. Ев. [Вайан 1952/2000: 85], оходити Ряз. Кормч. 1284 г., окупить 'выкупят' Гр. 1327 г. [СДРЯ]. Нейтрализация в о вела в ряде случаев не только к затемнению внутренней формы слова (как в окрыти), но и к омонимии (как в остupiti 'отступить' и 'обступить'¹²). Разграничение *ob и *ot произошло путем восстановления изначальных /ob/ и /ot/, но с конечными редуцированными, не допускавшими ассилияции [Вайан 1952/2000: § 42; Лант 2001: § 3.3121], например: овъдръжа Ас., отъхождаша Зогр. и т. д.

В дальнейшем *ob и *ot разделили судьбу предлогов и приставок на *-z, ср. рус. обо всем, обобразь, обогнать, ото рта, оторжаветь, отогнуть.

Специально отметим неинформативность лигатуры ѿ для оценки состояния редуцированных в морфеме *ot (ср., на наш взгляд необоснованную, нормализацию словарной статьи в [СДРЯ, т. 6: 7]: «написание приставки с ѿ трактуется как отъ-»).

ОБОВЩЕНИЕ ПО ПРЕЗЕНСУ

§15. Единственный или первый редуцированный не учитывается при определении сильных и слабых аллофонов в инфинитивных основах мърѣ-, -тьрѣ-, -стърѣ-, жърѣ- 'devoro', например: умърѣти Остр. Ев. 1056–57 гг., отъре Арх. Ев. 1092 г., распострѣти Тип. устав XI–XII вв. [Дурново 1924–27/2000: 435]. Сюда относятся также некоторые отдельные случаи, например: отвѣрци (т. е. отвѣри, где є вместо ё [из *ъ]¹³), Р.ед. үвьта 'цвета' в Прологе втор. пол. XIII в. (РГАДА, ф. 381, № 156).

АНАЛОГИЧЕСКИЕ БЕГЛЫЕ

§16. Не учитываются при определении сильных и слабых аллофонов редуцированные аналогического происхождения, возникающие в косвенных падежах на месте *o и *e. Сюда относятся, например, следующие словоформы: камень, грѣбень, лѣдъ, ровъ, вероятно, также лѣвъ (ср. лѣву [Сав. кн., 726], лѣва в Прологе 1356 г. [устное сообщение И. В. Бегунц]; ср. также сохранение основы укр. лев- по всей парадигме в имени нарицательном; в антропониме, правда, возможно варьирование Льва — Лева, Льву — Леву и т. д.).

¹² Не следует смешивать этот случай со случаем обити 'обойти', 'обвить', 'обить', поскольку здесь произошло упрощение *bv > b, *bb > b.

¹³ О написании с ТѣрT в соответствии с *ТъrT см. [Зализняк 1995: 54].

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность А. В. Кейдану и И. С. Пекуновой за высказанные замечания, которые позволили улучшить статью.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайан 1952/2000 — *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. Москва : УРСС, 2000 [репринт изд. М., 1952].
- Van-Veik Н. История старославянского языка. М. : Издательство иностранной литературы, 1957.
- Дурново 1924–27/2000 — *Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнословенски филолог. — 1924. — Књ. IV. С. 72–94. — 1925–1926. — Књ. V. С. 93–117. — 1926–1927. — Књ. VI. С. 11–64 / Цит. по изд.: Избранные работы по истории русского языка. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 391–494.
- Журавлев В. К. Гавлика закон (правило) // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — С. 91.
- Зализняк А. А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период / Вопросы русского языкознания. — Вып. 5. — М. : Изд. МГУ, 1984. — С. 36–153.
- Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской / Отв. ред. В. Н. Топоров. — М. : Наука, 1985.
- Зализняк 1992/2002 — Зализняк А. А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Le mot, les mots, les bons mots. Hommage à Igor Mel'čuk à l'occasion de son soixantième anniversaire / Éd. par A. P. Clas et al. — Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal, 1992. — Цит. по изд. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — С. 550–558.
- Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. — М. : Наука, 1993. — С. 191–343.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — М. : Языки русской культуры, 1995.
- Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. — 2001. — № 5. — С. 3–25.

- Кудрявцев Ю. С. Еще о напряженных редуцированных гласных // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. — № I. — Тарту, 1997. — С. 105–114.*
- Лант 2001 — Lunt H. G. Old Church Slavonic grammar. — Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2001.*
- Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. — Казань : Изд. Казанского университета, 1964.*
- Марков В. М. Замечания о причинах падения редуцированных в славянских языках // Избранные работы по русскому языку / Под ред. Г. А. Николаева. — Казань : ДАС, 2001. — С. 7–20.*
- Мейе А. Общеславянский язык. — М. : Прогресс, 2000.*
- Петер М. Историческая грамматика русского языка. Ч. 1. Введение и фонетика. — Budapest : Tankönyvkiadó, 1975.*
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 3. — СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1841.*
- Сав. кн. — Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Часть I. Рукопись. Текст. Комментарии. Исследование / Изд. подг. О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. — М. : Индрик, 1999. — Цитируется по изданию с указанием листов (старого счета) и строк.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). — М., 1988–.
- Слов. XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1975–.
- Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. — М. : Университетская типография, 1907.*
- Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1912.
- Старосл. слов. — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. — М. : Русский язык, 1994.
- Судник М. Р. Белорусский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — С. 71.*
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). — М. : Аспект Пресс, 2002.*
- Шахматов 1915/2002 — Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. — М. : Индрик, 2002. — Репринт изд. Петроград : Тип. Имп. Акад. наук, 1915.

Л. Л. Иомдин

НИ ПРИ ЧЕМ: ОБ ОДНОЙ МИКРОСИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ С ОТРИЦАНИЕМ*

В последнее десятилетие автор развивает микросинтаксический подход к описанию конструкций со слабой семантической композициональностью (см., например, [Иомдин 2019а, б] с дальнейшей библиографией). Основная часть таких конструкций — это неоднословные лексические единицы, которые обнаруживают, помимо семантической специфики, нестандартное синтаксическое поведение и неожиданную сочетаемость, часто не вычислимые из свойств отдельных слов, образующих такие единицы. Такая некомпозициональность единиц проявляется буквально на каждом шагу и порой оказывается достаточно сложной для интерпретации и адекватного лингвистического описания.

В данной небольшой работе мы хотим рассмотреть одну такую единицу — конструкцию *ни при чём*, выступающую в предложениях типа

- (1) Я тут был совершенно ни при чём.

Эта конструкция, как мало какая другая, знаменита орфографическими спорами о том, как правильно ее писать — через *ни* или через *не*. Этот спор начался еще в XIX веке и нашел воплощение в классическом справочнике Я. К. Грота *Русское правописание*, которое впервые вышло в 1885 г. и впоследствии переиздавалось свыше 20 раз, вплоть до 1917 г. В самых первых изданиях указывалось, что конструкцию следует писать через *не*: *не при чём*, и даже объяснялось, что «*ни при чём* требовало бы конструкции с вто-

---

* Автор признателен Российскому фонду фундаментальных исследований, при поддержке которого (грант № 19-07-00842) выполнена настоящая работа.

рым отрицанием при глаголе» [Грот 1885: 130], в то время как в последующих изданиях устанавливалась норма *ни при чём* со следующим обоснованием: «Необходимо также иметь в виду случай, когда местоимение *ничто* разделяется предлогом на свои составные части и когда следовательно отрицание *не было бы* неуместно, напр. в выражениях: *он ушел ни с чем, он остался ни при чём*» [Грот 1888: 97].

Надо сказать, что неопределенность в написании этой конструкции сохранялась и в XX веке, а де-факто продолжается и до сих пор. Так, в словаре Д. Н. Ушакова (1935–1940) в примерах неоднократно приводится написание *не при чем* (в частности, в статье *наскочить*, ср. «*Что ты на меня наскочил? Я тут не при чем*» и в статье *что*, ср. «*Не при чем остаться — см. остаться в 4 знач.*». Вероятнее всего, последнее нормативное указание на *ни при чем*, не оспоренное последующими нормативными изданиями, было приведено в *Справочнике по правописанию* Д. Э. Розенталя (1967). Однако в реальном языковом материале написание *не при чём* присутствует достаточно массово. Так, в основном корпусе НКРЯ (который в целом содержит достаточно качественные с точки зрения редподготовки тексты) на момент доступа 30.11.2020 г. зафиксировано 348 вхождений варианта *не при чём* (с учетом замены *чём* на *чем*).¹ Это, конечно, меньше, чем число вхождений нормативного варианта написания *ни при чём* (их 2680), но все-таки заметный процент (11,5%).

Нам представляется, что данная орфографическая неопределенность не случайна, а имеет четкую семантическую основу.

Хорошо известно, что конструкции *ни + предлог + что/кто* являются, во всяком случае, на синхронном уровне, результатом взаимодействия отрицательных местоимений *ничто/никто* с предлогами: *ни с кем ← с никем*, *ни о чём ← о ничём* и т. д. Сами же эти отрицательные местоимения содержат в своей семантической структуре квантор всеобщности: выражение

(2) никто не пришел

означает ‘все не пришли’, а выражение

(3) ничто не мешает

---

¹ Строго говоря, можно было бы подозревать, что часть таких вхождений представляет собой конструкцию с отрицательным словом *не* (в контекстах типа *присутствовать было не при чем*), однако автор вручную просмотрел все вхождения цепочек *не при чём* в основном корпусе НКРЯ и не обнаружил ни одного такого контекста.

означает ‘всё не мешает’, ‘все объекты не мешают’. Можно считать, что *никто и ничего* являются полными синонимами *все* и *всё*, соответственно, только первые обладают стопроцентной отрицательной полярностью и не могут употребляться в ситуации отсутствия отрицания при предикатном слове, заполняющем одну из валентностей этих местоимений² (разумеется, если такое предикатное слово в тексте вообще присутствует, а не опущено, например, в результате эллипсиса). Проще говоря, отрицательная частица *не* при глаголе в выражениях (2) и (3) является обязательной.

Точно так же ведут себя и сочетания отрицательного местоимения с «разрывающим» его предлогом:

(4) Он не говорил ни с кем

означает то же, что *Он не говорил со всеми*,³ а

(5) Я не рассказал ни о чём

означает то же, что *Я не рассказал обо всём*, и отрицание при предикатном слове, заполняющем валентность отрицательного местоимения в (4) и (5), тоже является обязательным.

Вернемся теперь к конструкции (1) и убедимся, что в ней требование об обязательном присутствии отрицания при предикатном слове *был* не соблюдается.

Тем самым становится очевидным, что поведение выражения *ни при чём* в конструкциях типа (1) обусловливается другими закономерностями, чем поведение выражений *ни с кем* и *ни о чём* в (4) и (5), — в частности, оно утрачивает отрицательную полярность. Чем же объясняется такое положение вещей?

По нашему мнению, дело обстоит следующим образом. Выражение *ни при чём* (как и некоторые другие выражения подобного типа, о которых речь пойдет впереди) приобретает особое значение, весьма близкое к значению прилагательного *непричастный*⁴ и к выражению *не при делах*, фор-

² О валентной структуре кванторных слов и нетривиальном взаимодействии разных валентностей таких слов см., в частности, [Богуславский 1996; 2004] и [Boguslavsky 2003; Богуславский, Иомдин 2010].

³ Разумеется, мы отвлекаемся здесь от понимания этих предложений как содержащих смещённое отрицание.

⁴ Заметим в качестве курьеза, что в просторечном дискурсе у единицы *ни при чём* встречается как бы воспринятое у этого прилагательного управление на предлог *к*,

мируя отдельную микросинтаксическую единицу. Эта единица далеко отстоит от сочетания отрицательного местоимения *ничто* с предлогом *при*, которое тоже существует, хотя и встречается весьма редко — в контекстах типа

- (6) Я никогда не присутствовал ни при чём подобном.
- (7) Князь тут не состоит ни при чём, не только в связях; и даже никогда и не состоял, если уж говорить всю правду-истину. [Ф. М. Достоевский. *Идиот*]

Семантически микросинтаксическая единица *ни при чём* отличается от сочетаний отрицательного местоимения с разрывающим предлогом тем, что *не передает идеи перебора опций*, каковая имеет место в предложениях типа (6–7) и вообще, на наш взгляд, входит в смысл частицы *ни* в самых разных контекстах. Так, в (6), как нам представляется, подразумевается некоторое множество событий или ситуаций, при которых я мог бы присутствовать, но не присутствовал, а в (7) отрицается существование некоторого перечисляемого множества ситуаций, в которых обвиняли князя. Если использовать терминологию валентностей кванторных слов, то это множество представляет собой валентность объемлющего множества.

Микросинтаксическая же единица *ни при чём* не содержит указания на какое-либо множество событий, а отсылает к единственному событию, причастность к которому со стороны некоторого субъекта отрицается. Тем самым валентность объемлющего множества для этой единицы оказывается нерелевантной, а сама единица утрачивает статус кванторной.

Яркая синтаксическая особенность этой микросинтаксической единицы состоит в том, что она способна выступать только в роли *предиката*, присоединяющегося к связочному глаголу (реальному или нулевому). Возможно сказать *Он ни при чём*, *Он был [остался, оказался, казался]* *ни при чём*, но невозможно употребить эту единицу в непредикативной позиции (*обвинили непричастного сотрудника*, но не **обвинили ни при чём сотрудника*) или при несвязочном глаголе (невозможно **Он пришел ни при*

который вводит валентность объекта этой единицы; ср. «И греки, и “византийская церковь” ни при чём к вопросу патриаршества Иова»; «Арендатор вообще ни при чём к плате за жилье» (примеры из корпуса *Aranea Russica*). В нейтральных же текстах эта валентность регулярно заполняется местоименными наречиями *тут*, как в (1), и *здесь*.

чём и даже **Он является ни при чём* — глагол являться, близкий к связочному по значению, лишен синтаксических свойств связки).

Другая синтаксическая особенность единицы *ни при чём* уже отмечалась выше: это отсутствие отрицания *не* у глагола, при котором эта единица выступает в роли предикатива. Более того, вставка отрицания в таком случае привела бы к полной неграмматичности конструкций типа (1):

(1') *Я тут не был совершенно ни при чём.

Следует, впрочем, оговориться, что общее отрицание высказываний типа (1) с помощью частицы *не*, в отличие от автоматического, незначащего отрицания, подобного присутствующему в примерах (4) и (5), вполне допустимо. Фраза (1') оказывается тем самым неграмматичной лишь относительно смысла ‘Я был непричастен’, но вполне уместной при передаче смысла ‘Я не был непричастен’. Такие высказывания в речевой практике хоть изредка, но все же встречаются; ср.

(8) Утратив религиозную веру, вы не остались ни при чем, и, найдя, что гражданские верования человеку заменяют христианство, вы их приняли и хорошо сделали [...]. [А. И. Герцен. *Былое и думы*]

Выскажем осторожное предположение, что появление такого микросинтаксического элемента, как *ни при чём* с особым значением, стало возможным благодаря слабой востребованности в языке «рутинного» сочетания местоимения *ничто* с предлогом *при*, обусловленной, с одной стороны, малым количеством слов, управляющих этим предлогом, а с другой стороны, диффузностью местоимения *что*, из-за которой оно с трудом способно отразить идею совокупности отчетливо разных предметов, необходимой для формирования валентности объемлющего множества для кванторного слова. Обратим внимание на то, как трудно подобрать продолжение для элегантного выражения *что из*: *Что из этого? Что из перечисленного?* Даже словосочетания *что из предметов* или *что из новостей* звучат весьма искусственно. А слабо используемые выражения, вследствие тенденции языка к экономии, нередко развиваются новые значения. Тот же факт, что это новое значение оказалось близким к значению непричастности, представляется достаточно случайным (хотя, возможно, оно и унаследовало от словосочетания-источника часть значения предлога *при*).

Теперь мы можем объяснить и неприятие значительной частью вполне грамотных носителей русского языка орфографической нормы, требующей писать *ни при чем* через *ни*: они не видят в этом сочетании централь-

ной для *ни* семантики перебора вариантов, зато видят в нем обычное отрицание, такое же, как в *непричастный* и в *не при делах* и резонно полагают, что оно должно передаваться через *не*. Это кажется тем более закономерным, что *ни при чём* естественно противопоставлять другой единице — *при чём*, которая отличается от *ни при чём* ровно на отрицание, а в остальном ведет себя очень похоже. Подробно обсуждать соотношение этих двух единиц мы сейчас не будем, чтобы не слишком отвлекаться от темы. Заметим лишь, что обе единицы обладают свойством градуируемости, достаточно легко присоединяя некоторые степенные наречия, которые, в свою очередь, могут сопровождаться отрицанием:

- (9) Бродский тут не очень при чем, потому что название — контаминированная цитата из одного моего стихотворения. [Линор Горалик]
- (10) Ведь Бакст — такой же «неверующий» еврей, как и неверующий христианин? Причем тут религия? Оказывается, не совсем ни при чем. [З. Н. Гиппиус. Умная душа]
- (11) А при чем тут Новый год? Да нисколько ни при чем. В театре решили, что есть снег, лед, пингвины, холодно, Арктика. [Форум на портале www.theatreadliberum.com]
- (12) Впрочем, на поверку почти все оказывается правдой и даже лучше — Маркес тут отнюдь ни при чем. [Форум на портале www.livelib.ru]

Орфографическое решение с *ни* в примерах (11) и (12), как и в примере (15) ниже, представляется особенно сомнительным: слова типа *нисколько*, *отнюдь*, *ничуть*, *вовсе* — классические интенсификаторы отрицания и при частице *ни* выглядят достаточно нелепо.

Добавим, впрочем, что орфографическая норма далеко не всегда следит за семантикой и допускает значительную степень произвола со стороны авторов нормативных справочников. На примере рассмотренного материала это хорошо видно: помимо уже отмеченных вариантов, в реальной письменной практике встречаются, и не столь редко, еще и варианты со слитным написанием двух последних частей конструкции — *не причём* (47 вхождений в основной корпус НКРЯ) и *ни причём* (17 вхождений). Вариантов слитного написания всех трех элементов конструкции, правда, в основном корпусе НКРЯ нет, но зато в других корпусах они вполне заметны (так, в корпусе *Aranea* обнаруживается 742 вхождения *непричём*

с $i_{pm}=0,04$). Однако, на наш взгляд, никакие орфографические варианты не вызывают таких протестов (пусть мысленных), как требование писать *ни при чём*, а не *не при чём*.

Завершая это исследование, отметим, что список микросинтаксических единиц, которые можно считать производными по отношению к сочетанию местоимения *ничто* и разрывающего это местоимение предлога и которые не сводятся к взаимодействию предлога с *ничто*, не исчерпывается выражением *ни при чём*. Приведем несколько примеров.

К классу этих единиц, во-первых, относится выражение *ни к чему*, обозначающее отсутствие обоснованной цели, ср.

- (13) На танцах однорукий гармонист был ни к чему, поэтому взрослые парни Митьку оттуда прогнали. [А. Геласимов]
- (14) Смотрим и видим, что вышла ошибка | И мы — ни к чему! [А. Галич. *Ошибка*]
- (15) Пять часов за рацией — это отнюдь ни к чему. [А. и Б. Стругацкие. *Страна багровых туч*]

Синтаксическое поведение микросинтаксической единицы *ни к чему* весьма близко к поведению единицы *ни при чём*: обе они выступают как предикативы при связке. Однако, в отличие от *ни при чём*, единица *ни к чему* допускает и безличное употребление с инфинитивным подлежащим:

- (16) Но очки было заводить ни к чему, глаза у меня были здоровые, и ясность их ещё не была омрачена житейским опытом. [М. А. Булгаков. *Записки юного врача*]

Во-вторых, это сравнительно новое разговорное выражение *ни о чём* в значении 'бессодержательный, неважный, малозначительный', которое в последнее время активно используется, чтобы дать чему-нибудь плохой отзыв:

- (17) Сегодняшняя тренировка ни о чём.
- (18) План спасения экономики РФ — не иначе как фикция. То, что Мишустин анонсировал как спасение и восстановление российской экономики после коронавируса и оценил все это в какие-то пять триллионов рублей, — это ни о чём. [<https://regnum.ru/news/economy/3022164.html>]

- (19) Сам поселок, в котором располагается отель — ни о чем, после захода солнца делать абсолютно нечего. [Форум на портале tours.tutu.ru]

Далее, к микросинтаксическим единицам такого типа можно отнести наречные речения типа *ни за что 1* и *ни за что ни про что* в значении ‘незаслуженно, безвинно’;ср.:

- (20) Сплошное ощущение, что все сидят ни за что. [А. И. Солженицын. *Архипелаг ГУЛАГ*]
- (21) Лицо его горело, точно ему ни за что ни про что публично надавали пощечин. [В. Щукшин. *Обида*]

Эти единицы, как и рассмотренные выше, не допускают отрицания при предикате, к которому относятся, хотя в отличие от *ни при чем* могут характеризовать любой предикат, а не только связочный.

Напротив, микросинтаксическая единица *ни за что 2* и близкая к ней по смыслу *ни за что на свете* ‘каков бы ни был соблазн’ требует отрицания при вершинном предикате:

- (22) В реку, в море умчавшую сломанный лед, | Знаю, тотчас войдет лососина, | И когда лососина из моря войдет, | Я реки ни за что не покину. [И. Северянин]
- (23) Спокойны будьте, дети, | Разделим мы беду — | И ни за что на свете | Я с места не сойду. [З. Н. Гиппиус]

Очевидно, что этот класс микросинтаксических единиц — как, впрочем, и любой другой — требует внимательного сравнительного изучения и скрупулезного описания. Автор предполагает в ближайшее время продолжить это исследование.

ЛИТЕРАТУРА

- Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Богуславский И. М. Целое – часть – признак // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой /

- Отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — С. 44–53.
- Богуславский И. М., Иомдин Л. Л.* О валентных свойствах одного широкого класса существительных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). — Вып. 9 (16). — М.: РГГУ, 2010. — С. 47–54.
- Гром Я. К.* Русское правописание. — Второе изд. — Санкт-Петербург, 1885.
- Гром Я. К.* Русское правописание. — Седьмое изд. — Санкт-Петербург, 1888.
- Иомдин 2019а — *Иомдин Л. Л.* В копилку микросинтаксических неожиданностей: две русские антонимичные синтаксические фраземы с компаративами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г.). — Вып. 18 (25). — М. : РГГУ, 2019. — С. 262–275.
- Иомдин 2019б — *Иомдин Л. Л.* Русские микросинтаксические элементы, мотивированные словом *вид*: корпусное исследование семантики // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2019» (Санкт-Петербург, 24–28 июня 2019 г.). — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019. — С. 189–201.
- Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. Для работников печати. — М. : Книга, 1967.
- Boguslavsky I.* On the Passive and Discontinuous Valency Slots // Proceedings of the 1st International Conference on Meaning–Text Theory. — Paris : Ecole Normale Supérieure, 2003. — P. 129–138.

И. Б. Иткин

ВЗЫСКУЯ ИСТИНЫ: ОПЫТ О ГЛАГОЛЕ ВЗЫСКАТЬ*

В отличие от других авторов этого сборника, я чувствую внутреннюю потребность как-то «оправдаться» свое в нем участие. Действительно, я никогда не был соавтором Анны Константиновны Поливановой, не вправе назвать себя ни ее другом, ни ее учеником (даже ее знаменитый курс старославянского я не слушал) — разве что учился в РГГУ на одном курсе с ее сыном Колей. Таким «оправданием» для меня служит история нашего знакомства с Анной Константиновной, состоявшегося почти 30 лет назад.

Осенью 1990 года, будучи второкурсником, я уже несколько лет занимался русской морфонологией. По многочисленным ссылкам я, конечно же, знал, что Анна Константиновна Поливанова — автор статьи с совершенно завораживающим, «ультраструктуралистским» названием *Исчисление правильных морфологических структур русского языка*, а главное — кандидатской диссертации «Морфонология русского субстантивного основообразования». Найти статью особого труда не составляло, но как быть с диссертацией? Выход обнаружился сам собой: 31 октября 1990 года исключительно кстати состоялось празднование 30-летия ОСиПЛа. Разумеется, Анна Константиновна там была. Уже не помню, кто меня ей представил (возможно, Александр Николаевич Барулин или Света Бурлак), но, так или иначе, теперь мы были знакомы. Набравшись нахальства, я рассказал Анне Константиновне о своих занятиях и попросил разрешения взять почитать ее диссертацию. Просьба юного, самоуверенного и на-

---

* Автор выражает Е. Р. Добрушиной, С. И. Переверзевой и В. А. Плунгяну искреннюю благодарность за ценные замечания и комментарии к тексту статьи.

верняка до того дня совершенно неизвестного Анне Константиновне студента была встречена благосклонно. Всего через несколько дней, 6 ноября, я был приглашен к ней домой (как сейчас помню табличку с надписью «РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ВСЕХ», висевшую, кажется, у нее в кабинете), где и получил «в бессрочное пользование» желанный экземпляр — надеюсь, все-таки не последний у автора. О том, какую огромную роль диссертация Анны Константиновны сыграла в работе над моей собственной кандидатской диссертацией и написанной на ее основе монографией «Русская морфонология», нечего и говорить (иногда указанием на эту роль служили ссылки типа «согласно [Поливанова 1976]...»), а иногда, что ничуть не менее важно, — ссылки типа «вопреки [Поливанова 1976]...»). Благополучно пережив все переезды, машинопись в твердой темно-синей обложке, по невыносимо огорчительной несправедливости сама так и не ставшая книгой, и поныне стоит у меня в шкафу среди «самых нужных и часто просматриваемых книг».

Что касается избранной темы, то с ее обоснованием, как представляется, все вполне очевидно: взыскательность — качество, в высшей степени присущее Анне Константиновне Поливановой и как педагогу, и как ученому, и как человеку.

* * *

Лексикографическая традиция не дает оснований подозревать за глаголом *взыскать* какие бы то ни было необычные свойства — по крайней мере, на первый взгляд. В высшей степени показательным представляется отражение этого глагола в *Словаре трудностей русского языка* [Еськова 2014], написанном таким выдающимся знатоком русской морфологии, как Н. А. Еськова: лексема *взыскать* в этом словаре отсутствует.

Толковые словари выделяют у глагола *взыскать* два значения — переходное и непереходное. Например, в [Ожегов 1983] соответствующие толкования и примеры к ним выглядят так:

1. *что с кого*. Заставить уплатить (офиц.). *В. налог*. 2. *с кого за что*. Подвергнуть наказанию, привлечь к ответственности кого-н. *Строго в. с кого-н.*

В обоих этих значениях от *взыскать* образуется совершенно регулярный и ничем не примечательный вторичный имперфектив — *взыскивать*. Далее мы будем обозначать эти значения глагола *взыскать* как *взыскать₁* и *взыскать₂*; в статье они специально не рассматриваются.

Такое лексикографическое представление глагола *взыскать* очевидным образом неполно, поскольку никак не учитывает, например, следующие случаи его употребления¹:

- (1) [Ч]истым, раскаявшимся сердцем **взыскал** Игорь Святославич Бога Истинного. [Александр Ужанков. *Слово о гордыне и покаянии* // «Наука и религия», 2007]
- (2) Как и многие из нас, он [Распутин] **взыскал** истины, ходил по сибирским монастырям, пытался понять бурлившее в нем силы. [Интернет]
- (3) О если б высшей ты любви **взыскал**! | Пой лишь о ней: сокровище найдешь. [Дж. Герберт. *Иордан (II)*, пер. Д. В. Щедровицкого] [Интернет].
- (4) Тяжело вам оттого, что души ваши проснулись и **взыскали** счастья и справедливости. [Интернет]
- (5) Впрочем, картина мира по «гамбургскому счету» не так уж сильно интересует сегодня и тех, кто должен **взыскать** истины уж хотя бы в силу избранной профессии. [Интернет]
- (6) Борис Петрович, отраженный в стекле, заслонял от Бориса Петровича, уставившегося на стекло, запечатленную за стеклом, грубо говоря, истину, которую, мягко говоря, добросовестно **взыскал** Борис Петрович, прия в Эрмитаж. [Сергей Носов. *Грачи улетели*, 2005]

Разумеется, глагол *взыскать* в этих и аналогичных контекстах имеет отчетливо книжную окраску — однако ничуть не более книжную, чем сотни других лексем, представленных во всех словарях. Примеры, подобные приведенным выше, безусловно понятны любому достаточно образованному носителю русского языка. Ср. также следующий изящный фрагмент, в котором глагол употреблен метафорически:

---

¹ Здесь и далее примеры, оформленные по образцу примера (1), взяты из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Примеры, найденные нами в Интернете, снабжены пометой «[Интернет]».

- (7) Зрелище было впечатляющим. Оно **взыскало** камеры и вспышки.
[М. Варденга. *Завтра на траве* // «Домовой», 2002.05.04]

Значение глагола *взыскать* в примерах типа (1)–(7) можно передать как ‘страстно захочеть, испытать стремление найти’. Конечно, такое толкование очень приблизительно, но для наших целей его можно считать достаточным. Далее мы будем обозначать это значение глагола *взыскать* как *взыскать₃*.

В силу своей семантики в будущем времени глагол *взыскать₃* употребляется редко и почти исключительно в текстах церковной тематики, ср., например:

- (8) Прийти же к такой вере может, в свою очередь, лишь тот, кто искренне **взыщет** истины, серьезно задумается над смыслом своей жизни. [Интернет]

Едва ли не в еще большей степени это относится к императиву:

- (9) Бога ради истинного, **взыщи** истины. Крови ради Христовой, **взыщи** истины! Своего ради спасения, **взыщи** истины! [Д. С. Мережковский. *Петр и Алексей*, 1905]²

Ясно, однако, что никаких морфологических ограничений на образование соответствующих форм у глагола *взыскать₃* нет.

Во многих современных словарях имеется лексема, явно связанная по смыслу с *взыскать₃*, — прилагательное *взыскивущий*. Это прилагательное есть, в частности, в *Грамматическом словаре русского языка* А. А. Зализняка [Зализняк 2003], а также в словаре, известном как *Словарь Ожегова — Шведовой*, где соответствующая словарная статья имеет следующий вид.³

взыскующий, -ая, -ее (устар. высок.). Ищущий, жаждущий познаний. *В. ум.*

- **Взыскивущие града** (стар.) жаждущие познания, ищущие истины по еван-

² Заметим, что форма *взыщи* вполне могла бы быть употреблена в функции сослагательного наклонения в предложениях вроде следующего: *Взыщи он истины, а не славы, стал бы величайшим из великих.* Реальных примеров такого типа нам, однако, пока обнаружить не удалось.

³ Цит. по электронной версии: [<https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-3218.htm>].

гельскому сказанию о тех, кто ищет для себя Божественного храма, небесного Иерусалима.

Такое описание, включающее *взыскиующий* в один ряд, в частности, с прилагательными *испытующий* и *связующий*, представляется не только опять-таки неполным, но и существенно неточным.

Во-первых, неверна помета «устар.»: по данным НКРЯ, в текстах XVIII–XIX вв. не обнаруживается буквально ни одного надежного примера адъективного употребления слова *взыскиующий* (данный факт показателен даже с учетом очень небольшого числа вхождений этого слова в текстах соответствующего периода), тогда как в XX–XXI вв. такие употребления встречаются, хотя и не очень часто, ср.:

- (10) Иначе сказать, вера во всей полноте своего догматического содержания должна стать живым началом и средоточием жизни. И это содержание веры каждый должен не столько запомнить, сколько именно усвоить, — **взыскиющей** мыслью и всецелой душой. [Георгий Флоровский. *Пути русского богословия*, 1936]
- (11) Л. С. Бессмертный [...] февральскую революцию принял, как нечаянную радость, как редкий дар судьбы **взыскиющему** поколению. [Дон Аминадо. *Поезд на третьем пути*, 1954]
- (12) Все это тщательно перемеливалось [sic! — И. И.] в жерновах его **взыскиющей** мысли, принимая новые, порой неожиданные формы. [Владимир Дегоев. *Мирянин* // «Дружба народов», 1999.04.15]
- (13) Федулов откашлялся, обвел присутствующих своим строгим, **взыскиющим** взглядом. [Федор Абрамов. *Братья и сестры*, 1958]
- (14) Оказывается, я принял за маленькую театральную труппу компанию проституток, которые выстроились пред **взыскиющим** оком богатого клиента, занимающегося отбором. [Сергей Есин. *Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина*, 2008]

Во-вторых, примеры (10)–(12) и (13)–(14), как кажется, реализуют разные значения прилагательного *взыскиующий*. Это нашло отражение в *Викисловаре* [<https://ru.wiktionary.org/wiki/взыскиющий>]:

1. **книжн.** ищащий чего-либо, надеющийся на что-либо, стремящийся к какому-либо идеалу ◆ Русский мессианизм опирается прежде всего на русское странничество, скитальчество и искание, на русскую мятежность и неутолимость духа, на Россию пророческую, на русских — града своего не имеющих, града грядущего **взыскующих**. Н. А. Бердяев, «Душа России», 1915 г. (цитата из Национального корпуса русского языка, см. Список литературы) ◆ Среди трудящейся молодежи бывают сердца, **взыскующие** подвига. Н. К. Рерих, «Листы дневника», 1945 г. (цитата из Национального корпуса русского языка, см. Список литературы).
2. **устар. книжн.** требовательный, строгий ◆ **взыскующий** человек.

(В качестве иллюстрации ко второму значению натянутое и неестественное сочетание *взыскующий человек* представляется целесообразным заменить на *взыскующий взгляд*, *взыскующее око* или т. п., ср. примеры (13)–(14), к которым не составляет труда добавить ряд других подобных.)

В-третьих, в значительном большинстве своих употреблений *взыскующий*, в отличие от того же *испытующий* (ср. ??*испытующий собеседника взгляд*), представляет собой не прилагательное, а несомненное причастие. В этом качестве оно выступает и в действительно достаточно частотном библейском фразеологизме *взыскующие града*, и во множестве других примеров, включая приведенный в *Викисловаре* пример из Н. К. Рериха или следующие фрагменты:

- (15) [К]ак мог Достоевский в одной любви и любовном умилении растворить свою грехами изборожденную и греха **взыскующую** душу? [Ю. И. Айхенвальд. *Достоевский*, 1913]
- (16) Был это все тот же Коля Коломыя, настойчиво **взыскующий** правды, и слушать его было обидно. [Л. Р. Кабо. *Повесть о Борисе Беклевове*, 1962]
- (17) Гениальный ваятель извлек из сердцевины камня дивную голову трепетной и ласковой молодой женщины и подарил ее венкам, подарил ее нам, своим далеким потомкам, так же как и он, **взыскующим** нетленной красоты. [К. Г. Паустовский. *Ильинский омут*, 1964]
- (18) Взыскующий ответа да предложит его! [А. Яковлев. *Омут памяти*, 2001]

- (19) А жанровая обертка, повторюсь, — это единственный способ втюхать правду современному обывателю, *взыскиющему комфорта*. [Д. Бавильский, И. Манцов. *У каждого ума свой телескоп*, 2010]

Несомненно, именно с учетом данного обстоятельства в словаре С. И. Ожегова принято парадоксальное решение: форма *взыскиующий* (с пометой «(устар.)») включена в состав словарной статьи *взыскать* [Ожегов 1983]! Если с семантической точки зрения такое решение можно обосновать, добавив в эту статью *взыскать₃*, то с морфологической оно выглядит абсолютно невозможным: глагол СВ не может иметь причастия настоящего времени. Мы вернемся к рассмотрению этого вопроса в конце работы.

Самое же главное заключается в том, что от основы *взыску-* свободно образуются и все другие «положенные» формы — настоящее время, деепричастие, страдательное причастие и даже императив. Все эти формы, как кажется, не отражены вообще ни в каких словарях, т. е. с лексикографической точки зрения просто «не существуют», что, разумеется, не делает их менее реальными — ср., например:

- (20) И что есть такого в жизни, что *взыскиует* поэзии всякий раз, когда последняя вновь обнаруживает свою невозможность? [О. В. Аронсон. *Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия*, 2007]
- (21) Да, мы в поте лица своего *взыскиуем* хлеб свой, но насколько же он слаще пожалованного куска! [Б. Васильев. *Дом, который построил Дед*, 1990–2000]
- (22) Меня занимает не конкретная оценка, но критерий. Он же содержание, которого *взыскиуют* формалисты, как и все прочие. [Л. Я. Гинзбург. *Записные книжки. Воспоминания. Эссе*, 1920–1943]
- (23) Минула та эпоха, когда все члены христианской общины шли одним и тем же трудным, тернистым путем, окрыленные надеждой, *взыскивая спасения*. [А. Волков. *В кольцах лабиринта* // «Знание — сила», 2005]
- (24) [Н]аписал все **взыскиуемые** Угловым и Прямковым письма, после чего принялся торопить Григория со сдачей курсовой работы... [А. Макушинский. *Город в долине*, 2012]

- (25) Я многое понял насчет **взыскиемого** нами идеала. [Интернет]
- (26) Счастья искавший — **взыскай** иного, | хватит пустых рацей, |
Вот — тетиву отпускает слово, | бьющее точно в цель. [Интернет]
- (27) Всё, друзья мои, благородно, прекрасно, любите красоту, **взыскайте** града, а только вот — с любовью к ближнему как? [Ю. Трифонов. *Предварительные итоги*, 1970]

Морфологически все такие формы соответствуют инфинитиву **взысковать*. Такой глагол (очень редкий) действительно существовал,ср. в Супрасльской рукописи имперфект *възисковаше* [Цейтлин, Вечерка, Благова 1999: 138]; кроме того, собственно инфинитив *взысковати* встретился в церковнославянском переводе *Предисловия о молитве преподобного Нила Постника*. Однако в современном русском и, по-видимому, даже «современном русско-церковнославянском» языке формы, образованные от основы *взыскова-* (типа **взысковал*, **взыскавший* и т. д.), полностью отсутствуют: так, в НКРЯ мы не смогли найти ни одного примера их употребления.

Как известно, несколько глаголов на *-ывать* имеют в настоящем времени вариантические формы на *-у-* по модели *указывать — указует, обязывать — обязуется* и т. д. (ср., например, [Грамматика-80, т. I: 650]). Очевидно, по такой же модели должны описываться редкие и полностью устаревшие формы на *-у-*, семантически соотносительные с *взыскивать₂*, ср., например:

- (28) О, не факиром показался он мне в ту минуту, но беспощадно **взыскиющим** учителем гимназии. [И. Г. Эренбург. *Портреты современных поэтов*, 1922]

Однако для рассматриваемых нами форм такое решение исключено: подобно ряду других глаголов с приставкой *вз-* ~ *воз-*, в значении которых имеется явный индоативный компонент — *взлекать, возжелать, возмечтать, возликовать, взбеситься, вздориться* и др., — *взыскать₃* не образует вторичного имперфектива.

Как явствует из всего вышесказанного, гипотетический недостаточный глагол **взысковать* имеет те и только те формы, которых не имеет и не может иметь глагол *взыскать₃*. Управление этих глаголов идентично и при этом нетривиально: оба они требуют родительного падежа, но встре-

чаются и примеры с винительным, ср. (6), (21),⁴ что отличает их как от *взыскать*₁, так и от *взыскать*₂.

Таким образом, анализ материала недвусмысленно подталкивает к удивительному выводу: формы *взыскать*, *взыскал*, *взыщет* и т. д. и формы *взыскиует*, *взыскиющий*, *взыскиемый* и т. д. **составляют единую парадигму** (а значит, включение С. И. Ожеговым формы *взыскиующий* в статью *взыскать* следует считать полностью оправданным, хотя и непоследовательным). Иными словами, глагол *взыскать*₃ имеет синтетические формы всех трех времен, причем эти формы (в отличие от форм глагола *быть*) различаются по виду: прошедшее и будущее относится к СВ, настоящее — к НСВ. Некоторым аналогом для *взыскать*₃ могут в этом смысле служить отдельные «полуторавидовые» глаголы (*образовать* и др.), у которых формы прошедшего времени и инфинитива также однозначно понимаются как СВ и при этом имеются синтетические формы настоящего (НСВ) и будущего (СВ) времени [Ожегов 1983; Зализняк 2003]. Важнейшее различие между глаголами типа *образовать* и глаголом *взыскать*₃ состоит в том, что у таких глаголов формы настоящего и будущего времени омонимичны (*Сколько зерен образуют* [наст. вр.] *кучу?* vs. *Если жевуны и мигуны образуют* [буд. вр.] *коалицию, победа на выборах им обеспечена*), а у *взыскать*₃ — различаются за счет принадлежности основ к разным классам спряжения, что делает этот глагол полностью уникальным.

Многим специалистам по русской аспектологии только что предложенное решение, скорее всего, покажется слишком радикальным. Для нас это обстоятельство не имеет принципиального значения: мы глубоко убеждены в том, что в лингвистике любые теоретические интерпретации так или иначе вторичны, в то время как языковые факты, на которых они

⁴ «На всем протяжении истории русского языка, начиная с раннего древнерусского периода и до наших дней, сфера употребления беспредложного РП в глагольно-именных словосочетаниях постоянно сужается» ([Майер 1997: 89] со ссылкой на [Крысько 1994; 1997]). В качестве одного из проявлений этой тенденции, характерного для последних десятилетий, мы можем указать стремительное распространение вин. п. при глаголе *заслуживать*. Соответственно, трактовка примеров типа (6) и (21) как «пока еще ошибок» или «уже допустимых вариантов» зависит от установок исследователя. Автору этих строк, воспринимающему себя как умеренного туриста, психологически ближе первая точка зрения. В случае ее принятия глагол **взысковать* оказывается в одном ряду с такими глаголами, как *достигать* и *избегать*, также управляющими род. п., т. е. непереходными, и при этом имеющими страдательное причастие наст. вр. [Зализняк 2003].

основаны, заслуживают самого пристального внимания и максимально непредвзятого подхода.

ЛИТЕРАТУРА

- Грамматика-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Наука, 1980.
- Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. — М. : Языки славянской культуры, 2014.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. — Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : Русские словари, 2003.
- Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. — М. : Логос, 1994.
- Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. — М. : Индрик, 1997.
- Майер И. Русское глагольное управление XVII в.: проблема своего и чужого (На материале «Вестей-Курантов») // Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 87–101.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. — Изд. 14-е. — М. : Русский язык, 1983.
- Поливанова А. К. Морфонология русского субстантивного основообразования. — Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1976.
- Цейтлин, Вечерка, Благова 1999 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. — Изд. 2-е, стереотипное. — М. : Русский язык, 1999.

А. В. Кейдан / A. Keidan

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

— НЕ ПОНИМАЮ!

Есть ученые — к ним, несомненно, принадлежит и Анна Константиновна Поливанова, — которые искренне не понимают собеседника, если он изъясняется не на «их языке», причем, язык этот предполагает ясность и мысли, и ее изложения, исключает всяческую недоговоренность, имплицитность и то, что АКП называет «мутью». Работающий тут «принцип непонимания»¹ имеет своим антиподом совершенно чуждый АКП «принцип доверия» или «снисхождения» (*principle of charity*), как его назвал философ Д. Дэвидсон: в соответствии с этим принципом слушающий — допустим, это учитель — призван извлекать максимум осмысленности из высказывания собеседника — например, ученика — даже если оно выражено коряво, невнятно или противоречиво. Отсутствие такого рода «доверия» может восприниматься как дидактическая сухость и отсутствие так называемой «эмпатии» — что ж ты, злой учитель, не пожалеешь умного, но неопрятного на язык студента! В действительности же подоплека тут полностью противоположная: учитель настолько уважает мнение учащегося, что отказывается додумывать за него его собственную мысль и подводит его к тому, чтобы, произведя небольшое умственное усилие, собеседник самостоятельно сформулировал эту мысль в разборчивой форме.

АКП и сама любит, и других призывает — работать на ниве поиска этой самой разборчивости научного (и не только) текста. Ведь без разборчиво-

¹ В этой связи нельзя не упомянуть В. А. Успенского, превозносившего оценку «не понимаю», видя в ней маркировку продуктивной мыслительной деятельности, а отнюдь не оценку интеллектуальных сил собеседников. См. об этом в юбилейной статье о В. А. Успенском [Поливанова, Семенов 1990].

сти языка нету и разборчивости мысли. Настоящая статья есть попытка достичь хоть какой-то разборчивости в одном вопросе, который если и дебатировался предыдущими исследователями, то как раз в нелюбимом АКП «мутном» стиле. Вопрос этот — из области сравнительного языкознания. А стимулом взяться именно за него послужило одно безапелляционное высказывание, произнесенное АКП во время обсуждения проблем и методов компаративистики. Привожу его по памяти, но с сохранением экспрессии:

Не понимаю, чем вы, компаративисты, так обеспокоены, ведь все предельно просто: берешь фонологии двух, или более, языков и ищешь регулярные соответствия между ними. Конечно, нужно, чтобы для каждого была написана хорошая сегментная грамматика.

Действительно, чем же мы так обеспокоены? Нижеследующее повествование есть попытка дать, среди прочего, ответ и на этот вопрос.

0. ВВЕДЕНИЕ

Сравнительная грамматика индоевропейских языков, наравне, быть может, лишь с семитской, общепризнанно считается образцовой в компаративистике, в том смысле, что она обладает высокой эмпирической достоверностью. На это существуют известные внешние, т. е. не собственно лингвистические, причины, как то: продолжительность письменной традиции, фонологичность письма, жанровая разнообразность имеющихся текстов, наличие относительно хороших синхронных и исторических грамматик, проработанность этимологических словарей.

Основная гипотеза, выдвигаемая в настоящей работе, состоит в утверждении, что успех индоевропейской сравнительной грамматики имеет и другие, причем чисто лингвистические, причины, а именно, что определенные типологические свойства грамматик индоевропейских языков повышают эмпирическую достоверность соответствующей *сравнительной конструкции*. Забегая вперед скажем, что искомой грамматической особенностью объявляется принадлежность большинства индоевропейских языков к *флективно-парадигматическому* (далее — FP) языковому типу. Таким образом полностью основная гипотеза Г₁ звучит так:

Г₁ Индоевропейская сравнительная конструкция показывает высокую эмпирическую достоверность в силу флективности языков-участников.

Разумеется, речь идет в основном о древних индоевропейских языках, а не, скажем, о таких языках, как хинди (и других ново-индоарийских), которые тяготеют к агглютинативности, или таких, как английский, ставший почти полностью изолирующим. Понятно, что различие между флексивно-парадигматическими и агглютинативными (далее — Agl) языками трудно провести четко. Впрочем, для понимания утверждений настоящей статьи читателю достаточно и тех неформальных представлений о типологическом различии флексивно-парадигматических и агглютинативных языков, которые можно почерпнуть из учебной литературы.

Изложение статьи строится следующим образом. В §1 вводятся вспомогательные понятия и определения, в §2 — формулируются два вспомогательных утверждения, в §3 — рассматриваются обоснования и результаты эмпирических проверок вспомогательных утверждений и основной гипотезы, §4 содержит краткое обсуждение результатов.

Все расчеты произведены по [Старлинг] и, соответственно, отражают объективные эмпирические факты лишь постольку, поскольку они представлены в этой базе данных.² Кроме того, и выбор арифметических параметров, привлеченных к рассмотрению в настоящей работе, был вынужденно ограничен теми возможностями, которые обеспечены поисковым движком [Старлинг].

Некоторые языковые примеры взяты из других словарей, в том числе [de Vaan 2008; Pokorny 1957–1969; Holthausen 1934; ЭССЯ; Фасмер 1964–1973].

1. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

У всякой сравнительной конструкции есть 1) языки-участники, 2) базовое сегментное соответствие и 3) таблица корней-когнатов.

Рассмотрим «игрушечную» сравнительную конструкцию K_{SL} для славянских языков, ограниченную следующими языками-участниками: болгарский, словацкий, польский, украинский, белорусский и русский, для каждого из которых выделен фрагмент сегментного инвентаря и фрагмент словаря лексем.

---

² Заметим, что данные по языкам и их семьям представлены в этом ресурсе неравномерно. Так, база индоевропейских этимологий основана на словаре Покорного [Pokorny 1957–1969], но при этом показывает определенный количественный «перекос» в сторону германских и балтийских языков, по той простой причине, что соответствующие этимологические словари были также добавлены в базу, в то время, как другие словари, например, латинский или греческий, добавлены не были.

1.1. Базовое сегментное соответствие

Табл. 1 показывает базовое сегментное соответствие, отвечающее данной конструкции.

Прасл.	Болг.	Словац.	Пол.	Укр.	Бел.	Рус.
* <i>a</i>	<i>a</i>	ă/ā	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
* <i>ě</i>	<i>e/a</i>	ě/ie	<i>e/a</i>	<i>i</i>	<i>e</i>	<i>e</i>
* <i>i</i>	<i>i</i>	ǐ/ī	<i>i</i>	<i>y</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
* <i>y</i>			<i>y/i/e</i>			
* <i>u</i>	<i>u</i>	ū/ū	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>
* <i>ø</i>	ȝ		<i>e/ø</i>			
* <i>ɛ</i>	<i>e</i>	ă/ia		<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>

Табл. 1. Базовое соответствие для некоторых гласных славянских языков

Столбцы отвечают языкам-участникам. Строки интерпретируются как разные фонемы «праязыка» для данного набора языков-участников. Языки-участники сравнительной конструкции трактуются как «языки-наследники» праязыка, в рассматриваемом примере — праславянского. В таблице базового соответствия для полной сравнительной конструкции в каждом столбце встречаются как минимум один раз все фонемы соответствующего языка; здесь — лишь часть вокализма.

Сегменты разных языков, расположенные в одной строке, называют *коррелятами* друг друга и *рефлексами* соответствующего сегмента «праязыка».

В каком-то языке некоторому сегменту «праязыка» могут отвечать разные рефлексы (ср. например, рефлексы *ě в болгарском, словацком и польском) — в таких случаях говорят о *вилках* в базовом сегментном соответствии.³

В каком-то языке каким-то двум сегментам «праязыка» может отвечать один рефлекс — в таких случаях говорят о *склейках*; при этом, для любых двух строк, т. е. двух фонем «праязыка», найдется хотя бы один язык, в котором эти фонемы покажут два разных рефлекса. Так, в рассматриваемом примере болгарский, словацкий, украинский, белорусский и русский по-

³ В общем случае вилки *сегментно-разрешимы*, то есть, существует правило, опирающееся на сегментный контекст, позволяющее выбрать один и только один образ для данного сегмента в каждом конкретном его вхождении; так, для прасл. *ě польский показывает рефлекс *a* перед твердыми *t, d, n, s, z, t̪, r* (ср. *las* ‘лес’), и *e* — в остальных случаях (ср. *lešny* ‘лесной’).

казывают склейку рефлексов для праславянских **i* и **y*, и лишь в польском в соответствующих строках наблюдаются два разных рефлекса.

Базовое соответствие задает множество частных межъязыковых соответствий: польско-русское, болгарско-украинское и т. п. В каждом частном сегментном соответствии возникают свои вилки и склейки, так, при переходе от польского к украинскому имеем склейку $(y/i) \rightarrow y$, при переходе от украинского к польскому — вилку: $i \rightarrow (e, a)$.

Предполагается, что все межъязыковые соответствия (в том числе соответствие вида «праязык $\rightarrow$ язык-наследник» или «язык-наследник $\rightarrow$ праязык») удовлетворяют *принципу примитивной представимости*.⁴ Последний требует, чтобы образ цепочки совпадал с цепочкой образов: $f(ab\dots c)=f(a)f(b)\dots f(c)$. Выполнение принципа примитивной представимости обеспечивает осмысленность понятия *сегментных образов* и *пробобразов* для цепочек сегментов, то есть для формативов⁵ и слов. Так, мы говорим, что словац. *srat'* и польск. *śrać* — сегментные образы друг друга, поскольку $f(srat')=f(c)f(p)f(a)f(t')=f(śrać)$.

1.2. Таблица корневых когнатов

Таблица корневых когнатов для K_{SL} показана в Табл. 2 (стр. 184). Первый столбец указывает номера строк и полустрок, второй — условное значение, приписанное данной строке (см. ниже, §1.3); прочие столбцы распределены по языкам-участникам.

В клетках верхних полустрок (номера без штриха) выписаны корни-когнаты, отвечающие языку столбца и условному значению строки. В клетках нижних полустрок — слова, содержащие данный корень, выбранные как лучшие его представители. Такие слова называются *поставщиками* корней-когнатов.

Два корня сопоставляемых языков, расположенные в одной и той же строке таблицы, называются *корневыми когнатами*⁶ друг друга.

⁴ Здесь примитивы — это сегменты. Ср. принцип композициональности Фреге и, в более общем смысле, условие гомоморфизма.

⁵ Термином *форматив* называются объекты той же сортности, что и те, которые принято называть «морфемами», но не совпадают с последними; фактически, форматив — это сегментная оболочка морфемы. Так, цепочка *eу* в *пал.eу*, *жил.eу* и *брат.eу* — это разные морфемы, но один и тот же форматив.

⁶ Поскольку некорневые когнаты в настоящей статье не рассматриваются, эпитет «корневые» может опускаться.

Значение	Болг.	Словац.	Польск.	Укр.	Бел.	Рус.
1 ‘брюхо’	—	<i>bruch</i>	<i>brzuch</i>	<i>брух</i>	<i>брух</i>	<i>брюх</i>
1' ‘год’	—	<i>bruch=o</i>	<i>brzuch=Ø</i>	<i>брух=o</i>	<i>брух=a</i>	<i>брюх=o</i>
2 ‘город’	<i>год</i>	<i>hod</i>	<i>god</i>	<i>гід</i>	<i>год</i>	<i>год</i>
2'	<i>год=Ø</i>	<i>hod=Ø</i> ‘пир’	<i>god=y</i> ‘свадьба’	<i>гід=Ø</i>	<i>год=Ø</i>	<i>год=Ø</i>
3 ‘город’	<i>град</i>	<i>hrad</i>	<i>gród</i>	<i>город</i>	<i>город</i>	<i>город</i>
3'	<i>град=Ø</i>	<i>hrad=Ø</i> ‘замок’	<i>gród=Ø</i> ‘крепость’	<i>город=Ø</i>	<i>город=Ø</i>	<i>город=Ø</i>
4 ‘набивать’	—	<i>ср</i>	<i>ср</i>	—	—	—
4'	—	<i>ср.a=t'</i>	<i>ср.a=c</i>	—	—	—
5 ‘пупок’	<i>nyp</i>	<i>pyp</i>	<i>pęp</i>	<i>nyp</i>	<i>nyp</i>	<i>nyp</i>
5'	<i>nyp=Ø</i>	<i>pyp.ok=Ø</i>	<i>pęp=Ø</i> ‘втулка’	<i>nyp=Ø</i>	<i>nyp=Ø</i>	<i>nyp=Ø</i>

Табл. 2. Фрагмент таблицы когнатов для славянских языков

Если корневые формативы R и H — когнаты друг друга в данной сравнительной конструкции K_0 , то:

- I. корневые формативы R и H принадлежат разным языкам-участникам K_0 ; положим для ясности — R из языка A и H из языка B ;
- II. корневые формативы R и H — сегментные образы друг друга по базовому сегментному соответствию конструкции K_0 ;
- III. для корневых формативов R и H нашлись лексемы L/R в языке A и L/H в языке B , такие что L/R в языке A и L/H в языке B — переводные эквиваленты друг друга или признаются имеющими «соотносительные значения» (см. ниже §1.3). Соответствующие лексемы и работают *поставщиками* когнатов R и H (каждая в своем языке).

Строка таблицы когнатов называется *полной*, если все клетки ее верхней полустроки заполнены, в противном случае — строка называется *неполной*. В Табл. 2 строки 2, 3 и 5 — полные, а строки 1 и 4 — неполные.

Столбцы также могут быть полностью укомплектованы или иметь пустые клетки. В Табл. 2 полностью укомплектованы столбцы «польск.» и «словац.», остальные показывают пустые клетки.

1.3. О «значении корней»

У корневых формативов нет собственного значения. При этом, принципы построения таблицы когнатов предполагают, что когнаты, размещенные внутри одной строки, не только являются сегментными образами друг друга, но и показывают некоторое семантическое сходство, так назы-

ваемую семантическую соотнесенность. При сравнении двух корней, R из языка A и H из языка B , семантическая информация черпается из их лексем-поставщиков. В простейшем случае поставщиками могут оказаться бессуффиксальные и беспрефиксальные лексемы, являющиеся переводными эквивалентами друг друга, например ст.-сл. $дом=\mathcal{Z}$, лат. $dom=us$, греч. $\delta\deltaμ=ος$, санскр. $dam=as$, все — со значением ‘дом’. Не так просто обстоят дела в случае, если в каком-то из языков-участников для одного из корней любой из возможных поставщиков — суффиксальный и /или префиксальный. Однако и в этом случае может оказаться, что значения сопоставляемых поставщиков столь же сходны, как и в первом случае, ср. русск. $pуп=\emptyset$ ‘пупок’ и словац. $pup.ok=\emptyset$ ‘пупок’. Может также случиться, что признание семантической соотносительности двух наблюдаемых корней, R из языка A и H из языка B , опирается на значительно более расплывчатое представление о принадлежности лексем-поставщиков к общему семантическому полю, ср. русск. $pуп=\emptyset$ ‘пупок’ и польск. $ręp=\emptyset$ ‘втулка’.

1.4. Арифметические характеристики таблицы когнатов

Рассматриваемые в настоящей статье арифметические характеристики таблиц когнатов представлены в Табл. 3.

Название	Обозначение	Содержание
Индекс объединения когнатов	$υCogn$	Общее число строк в таблице когнатов
Индекс пересечения когнатов	$пCogn$	Число полных строк в таблице когнатов
Индекс представленности языка	$Repr^{\downarrow}$	Число полных клеток в столбце таблицы когнатов
Индекс представленности корня	$Repr^{\leftrightarrow}$	Число полных клеток в строке таблицы когнатов

Табл. 3. Арифметические характеристики таблицы когнатов

Рассмотрим отношения между этими величинами, а также несколько типовых ситуаций.

В идеальной таблице когнатов все клетки заполнены. В такой таблице индексы пересечения и объединения, а также индексы представленности для каждого языка-участника попарно совпадают; также для каждой строки индекс представленности корня равен числу языков-участников. Идеальная таблица обычно не рассматривается.

В оптимальной, при этом реально встречающейся, таблице когнатов индексы представленности и для языков-участников, и для корней пока-

зывают лишь небольшие перепады.⁷ В такой таблице индекс пересечения будет заведомо ниже индекса объединения, а последний — будет либо равен наибольшему индексу представленности среди языков-участников, либо превосходить его. Так, для таблицы когнатов, представленной Табл. 2 (стр. 184), индекс объединения равен 5, индекс пересечения — 3; индексы представленности языков распределены так: «болгарский» — 3, «словацкий» и «польский» — 5, «украинский», «белорусский» и «русский» — 4; индексы представленности корней таковы: ‘город’, ‘год’ и ‘пуп’ — 5, ‘брюхо’ — 4, ‘набивать’ — 2.

В нормальных таблицах, наблюдаемых чаще всего в практике, и индекс представленности языков, и индекс представленности корней показывают значительные перепады. Например, если брать таблицу когнатов для всех индоевропейских языков, занесенных в базу данных [Старлинг], то, при том, что индекс объединения для них равен 3178, индекс пересечения крайне низкий — 8 корней.⁸ Объяснение такому низкому $\cap Cogn(IE)$ в том, что среди индоевропейских немало так называемых *Restsprache*, т. е. «остаточных» языков с весьма низкими значениями $Repr\ddagger$. Остаточные языки представлены отрывочными, плохо сохранившимися, однотипными текстами, отражающими очень ограниченный словарь лексем. Среди индоевропейских это — фригийский, лигурийский, мессапский, македонский и мн. др. Естественно, участие таких языков в сравнительной конструкции ведет к резкому снижению индекса пересечения, вплоть до полного его обнуления.

В общем случае, по мере добавления языков-участников в исследуемую группу, индекс объединения может разве что расти, а индекс пересечения может разве что снижаться. Эффект снижения $\cap Cogn$ при увеличении числа языков-участников можно наблюдать на приведенном ниже графике (Рис. 1, стр. 187). Он построен следующим образом. Из индоевропейской (верхняя кривая) и уральской (нижняя кривая) языковых семей были выделены по 10 языков-участников с наибольшим $Repr\ddagger$; а именно, в порядке убывания $Repr\ddagger$: германский, греческий, балтийский, латинский, славянский, санскрит, кельтский, авестийский, армянский, тохарский (для индоевропейской);⁹ финский, коми, хантыйский, саамский,

⁷ Такова, например, таблица когнатов для славянских языков.

⁸ Восемь корней с максимальным $Repr\leftrightarrow$, т. е. представленных во всех индоевропейских языках, зарегистрированных в базе [Старлинг], заслуживают того, чтобы быть перечисленными: ‘дверь/двор’, ‘есть’, ‘знать’, ‘имя’, ‘кто/что’, ‘стать’, ‘ты’, ‘три’.

⁹ Строго говоря, многие из перечисленные наименования относятся не столько к отдельным языкам, сколько к группам (германская группа, славянская группа и т. д.). Однако именно такими наименованиями пользуются авторы [Старлинг]. На деле,

эстонский, мансийский, венгерский, удмуртский, мордовский, марийский (для уральской). Из них были составлены наборы с возрастающим числом языков-участников (от 2 до 10, отмечены на горизонтальной оси) таким образом, чтобы каждый следующий добавляемый язык имел меньший Repr $\ddagger$, чем все уже вошедшие в набор. Для каждого полученного таким образом набора подсчитывались индексы пересечения (значения отмечены по вертикальной оси).¹⁰

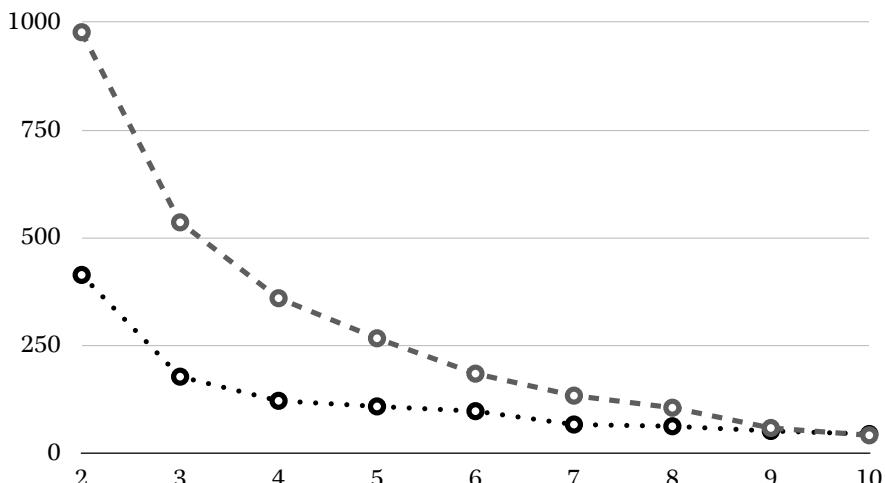

Рис. 1

1.5. Композициональность vs. идиоматичность словообразования

Словообразование в широком смысле (или словообразование) включает в себя две подсистемы: *словосложение* — образование так называемых «сложных слов» или *композитов*, и собственно *словообразование* — образование новых слов посредством аффиксации. Во многих языках (и во всех из рассматриваемых ниже) присутствуют обе подсистемы, ср. примеры в Табл. 4 (стр. 188).

представителем каждой группы в большинстве случаев выступает наиболее древний ее член (для славянских — старославянский, для кельтских — древнеирландский и т. д.). Таким образом, фактически мы все равно имеем дело со списком языков, а не групп.

¹⁰ Отметим, что полученные кривые могут быть квалифицированы как приближающиеся к экспоненциально убывающим.

Язык	Словосложение	Словообразование
Венгерский	<i>kávé.ház</i> ‘кафе’ < <i>kávé</i> ‘кофе’ + <i>ház</i> ‘дом’ <i>adó.mentes</i> ‘безналоговый’ < <i>adó</i> ‘налог’ + <i>mentes</i> ‘свободный’ <i>jég.hideg</i> ‘ледяной’ < <i>jég</i> ‘лед’ + <i>hideg</i> ‘холодный’	<i>temet.és</i> ‘похороны’ < <i>temet</i> ‘хоронить’ <i>alázatos.ság</i> ‘смижение’ < <i>alázatos</i> ‘смиренный’ <i>árt.atlan</i> ‘безвредный’ < <i>árt</i> ‘вредить’
Финский	<i>englannin.torvi</i> ‘английский рожок’ < <i>englannin</i> ‘английский’ + <i>torvi</i> ‘рог’ <i>adessiivi.sija</i> ‘адессивный падеж’ < <i>adessiivi</i> ‘адессивный’ + <i>sija</i> ‘место’ <i>eristys.nauha</i> ‘изолента’ < <i>eristys</i> ‘изоляция’ + <i>nauha</i> ‘лента’	<i>aasia.lainen</i> ‘азиатский’ < <i>Aasia</i> ‘Азия’ <i>huole.llinen</i> ‘аккуратный’ < <i>huoli</i> ‘забота’ <i>el.ellä</i> ‘проживать’ < <i>el</i> ‘жить’
Готский	<i>nahta.mats</i> ‘вечерняя трапеза’ < <i>nahts</i> ‘ночь’ + <i>mats</i> ‘еда’ <i>filu.waurdján</i> ‘много говорить’ < <i>filu</i> ‘много’ + <i>waurdján</i> ‘говорить’ <i>mikil.þuhts</i> ‘высокомерный’ < <i>mikils</i> ‘большой’ + <i>þuhtus</i> ‘сознание’ <i>hrainja.hairts</i> ‘чистосердечный’ < <i>hrainjis</i> ‘чистый’ + <i>hairto</i> ‘сердце’	<i>fra.wairpan</i> ‘выбрасывать наружу’ < <i>wairpan</i> ‘выбрасывать’ <i>andbaht.i</i> ‘служба’ < <i>andbahts</i> ‘слуга’ <i>wipra.gaggan</i> ‘идти навстречу’ < <i>gaggan</i> ‘идти’ <i>gait.ein</i> ‘козленок’ < <i>gaits</i> ‘козел’
Немецкий	<i>Zeitungs.anzeige</i> ‘реклама в газете’ < <i>Zeitung</i> ‘газета’ + <i>Anzeige</i> ‘рекламное объявление’ <i>Fahr.stil</i> ‘стиль вождения’ < <i>Fahr</i> ‘вождение’ + <i>Stil</i> ‘стиль’ <i>sitzen.bleiben</i> ‘остаться на второй год’ < <i>sitzen</i> ‘сидеть’ + <i>bleiben</i> ‘оставаться’	<i>ver.standen</i> ‘понимать’ < <i>standen</i> ‘стоять’ <i>zweifel.haft</i> ‘сомнительный’ < <i>Zweifel</i> ‘сомнение’ <i>Ge.danke</i> ‘мысль’ < <i>denken</i> ‘думать’

Табл. 4. Словосложение и словообразование

Обычно смысловые связи между компонентами композита и самим композитом (иначе говоря — между целым и его составляющими) достаточно прозрачны. Ср. *Fahr.stil* ‘стиль вождения’, *nahta.mats* ‘вечерняя трапеза’, *englannin.torvi* ‘английский рожок’ и др. примеры из Табл. 4. Однако и среди композитов возможны неожиданные смысловые модификации, ср. в том же немецком *sitzen.bleiben* ‘остаться на второй год’ (при буквальном прочтении «оставаться сидеть»).

В случае собственно словообразования смысловые связи обычно не столь прозрачны. Ср. следующие немецкие слова, образованные посредством приставки *ver*, и при этом не показывающие почти никакой смысловой связи с соответствующим бесприставочным (да и друг с другом не име-

ющие никакого общего смыслового элемента): *ver.stehen* ‘понимать’ < *stehen* ‘стоять’, *ver.legen* ‘застенчивый’ < *legen* ‘класть’, *ver.geben.s* ‘напрасно’ < *geben* ‘давать’. С другой стороны, конечно, в системе суффиксального или префиксального словообразования могут быть примеры и с совершенно прозрачными смысловыми отношениями, ср. нем. суффикс *heit*, стандартно образующий имена качеств от качественных прилагательных: *Leicht.heit* ‘легкость’ < *leicht* ‘легкий’, *Schön.heit* ‘красота’ < *schön* ‘красивый’, *Neu.heit* ‘новизна’ < *neu* ‘новый’.

Будем говорить, что словообразование *композиционально*, если значение целого складывается из значения составляющих, и что оно *идиоматично* — в противном случае.¹¹

Так, например, английские производные *health.care* ‘здравоохранение’ или *hand.made* ‘сделанный руками’ показывают полную композициональность, а *mid.wife* ‘акушерка’ (букв. «средняя жена»), *green.mail* ‘корпоративный шантаж’ (букв. «зеленая почта») или *jack.pot* ‘главная премия лотереи’ (букв. «горшок карточного валета») — полную идиоматичность.

Оценивать данное слово-композит по параметру «композициональность (Cmp) / идиоматичность (Idm)» следует не по бинарной шкале «слово А — композиционально и не идиоматично», а слово В — «идиоматично и не композиционально», а по градуальной шкале, один конец которой соответствует 100% композициональности, другой конец — 100% идиоматичности, и при этом возможны любые промежуточные значения.

Табл. 5 (стр. 190) показывает оценки по шкале Cmp/Idm для ряда английских слов.¹²

¹¹ Разумеется, смыслы (значения, означаемые) не складываются в том элементарном смысле, в каком складываются отрезки прямой или натуральные числа. Речь идет о некотором, быть может не совсем тривиальном, выводе целого из составляющих компонент. Так, например, санскритские грамматисты выделяли несколько типов композитов по схемам «сложения смыслов», например: *tatpuruṣa* (значение целого строится как зависимость одной компоненты от другой, ср. русск. *рукопожатие*, т. е. ‘пожатие руки’), *dvanḍva* (значение целого — это равноправное сочетание компонент, ср. русск. *северо-запад*, т. е. ‘и север, и запад’), *bahuvrihi* (значение целого строится по одной из других формул, но при этом работает эпитетом для какого-то внешнего референта, прямо не упоминаемого в самом композите, ср. русск. *розовощекий*) и мн. др.

¹² Организовать технику подсчета процентов композициональности/идиоматичности можно по-разному. Здесь оценки приведены «на глазок», просто чтобы показать, как в принципе работают эти оценки.

Слово	Cmp	Idm
<i>daytime</i> ‘дневное время’	100%	0%
<i>grandmother</i> ‘бабушка’	70%	30%
<i>greenhouse</i> ‘теплица’	50%	50%
<i>lighthouse</i> ‘маяк’	30%	70%
<i>ladybird</i> ‘божья коровка’	0%	100%

Табл. 5. Шкала композициональности/идиоматичности в английском: примеры

Заметим, что в новых языках нетрудно найти примеры композитов, в которых значение целого выводится из значений составляющих не по жестким правилам, а в значительной степени «по догадке». Ср., например, *sitzen.bleiben* ‘остаться на второй год’ в немецком, также среди английских слов, приведенных в Табл. 5.

И все же можно сказать, что в подсистеме композитов большинство слов показывает высокий процент композициональности.¹³

В подсистеме собственно словообразовательной преобладает идиоматичность. Разберем это поподробнее на примерах из русского языка, подобранных таким образом, чтобы русскоязычному читателю были очевидны разнообразные семантические модификации.

При рассмотрении словообразования используются следующие термины. Во-первых, говорят о словообразовательной паре слов «исходное — производное», где исходное вовсе не обязано быть свободным от аффиксов, но производное — содержит все формативы исходного слова и еще какие-то дополнительные аффиксы. Так, например, имеем такие пары «исходное — производное»: *стакан — стаканчик, изба — избенка, писать — писатель, звонить — звонарь, гулять — разгуляться, писать — написать* и т. п. Некоторые словообразовательные пары входят в один класс, представляя определенный словообразовательный тип. Например, глагольные пары *сыпать — насыпать, резать — нарезать, рубить — нарубить* представляют один словообразовательный тип. В замысле всем парам из одного словообразовательного типа отвечает одна и та же схема производного имени,¹⁴ например для словообразовательного типа «глагол с пре-

¹³ При беглом рассмотрении композитов, которое встречаем в различных грамматиках конкретных языков, вопрос о том, какого sorta сегментные цепочки являются участниками композиций — слова, корни или основы, — обычно остается не уясненным. Отмечая этот факт как досадную небрежность, в настоящей статье поступаем «как все»: ясность в рассматриваемых здесь вопросах от указанной небрежности не падает.

¹⁴ Термин В. Я. Дорошевского, ср. [Ревзина 1969: 41].

фиксом *на*» схема производного имени могла бы выглядеть примерно так: «лицо X на.Z-ил Y ≈ лицо X создал значительный объем предметов (вещества и т. д.) Y, действуя так, как это указано глаголом Z».

Указанная схема производного имени неплохо описывает значения таких производных, как например: *насыпать* (кто-то насыпал полную миску орехов), *нарезать* (кто-то нарезал огурцы), *нарубить* (кто-то нарубил дров). Однако весьма значительное число глаголов с приставкой *на* не ложится в прокрустово ложе приведенной схемы производного имени, ср. *наиграл* (мелодию), *намазал* (масло на хлеб), *наехал* (на кучу гравия), *нашел* (ключи) и т. п. Можно, конечно, подбирать новые и новые схемы производного имени, но число необходимых схем будет приближаться к числу обслуживаемых производных. Такие глаголы как *написать*, *наиграть*, *наехать* имеют весьма высокую идиоматичность, но при этом не нулевую композициональность.

Идиоматичность (или наоборот композициональность) суффиксально-префиксальной подсистемы оценивается усредненно по степени идиоматичности (или напротив композициональности) всех участников этой подсистемы.

Представляется, что суффиксально-префиксальная подсистема в языках, сходных с русским (шире — с «традиционными» индоевропейскими), организована на принципе «не помнишь? — попробуй догадаться, но гарантию, что угадаешь верно, — не даем». То есть, показывает довольно заметный крен в сторону идиоматичности. В большинстве случаев производное слово уже закрепилось в языке за каким-то определенным значением (референтом). Так, иностранцу надо определять по словарю — а носитель языка просто знает с детства, — что, например, русское слово *звонарь* относится вовсе не ко всякому звонящему, а именно к человеку, который профессионально звонит в церковные колокола.

Крайнее проявление идиоматичности наблюдается в так называемых «аффиксах-джокерах», ср. русск. суффикс *ок/ек* в таких словах, как: *пипет.к=a, лорнет.к=a, карет.к=a* (элемент пишущей машинки), *читал.к=a* (раньше — чтица, женщина, читающая церковные тексты в домах и обучающая грамоте детей, в новое время — читальный зал, в новейшее — устройство для чтения электронных книг), *чеш.к=i* (тапочки, первоначально производимые в Чехословакии), *стирал.к=a* (стиральная машина), *поливал.к=a* (поливальная машина) и мн. др.¹⁵

---

¹⁵ В арабском такую же функцию исполняет суффикс *at*.

Наоборот, собственно словообразовательные суффиксально-префиксальные подсистемы в финно-угорских языках показывают высокую композициональность, ср. финск. суффикс *minen*, регулярно употребляющийся для формирования отглагольных существительных: *aloitta.minen* ‘начинание’ < *aloitta* ‘начинать’, *eto.minen* ‘тошнота’ < *etoa* ‘тошнить’, *asetta.minen* ‘установка’ < *asettaa* ‘устанавливать’.

2. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ

2.1. Переформулировка основной гипотезы Г₁

В исходной формулировке Г₁ фигурирует понятие эмпирическая достоверность данной сравнительной конструкции. Примем без формального обоснования, что эмпирическая достоверность тем выше, чем выше индекс пересечения когнатов, т. е. число «общих корней» в наборе языков, для которых строится сравнительная конструкция. Таким образом, получаем гипотезу Г₂:

Г₂ Индоевропейская сравнительная конструкция показывает высокий индекс пересечения когнатов в силу флексивности языков-участников.

Новая формулировка, как кажется, вполне убедительно моделирует поведение компаративиста. Понятно, что, в принципе, чем больше таблица заполнена корнями-когнатами (т. е., чем большему числу корней сопоставлены этимологии), тем больше радуется исследователь. Вопрос в том, каким параметром лучше всего оценивать эту «заполненность». Не всякая «заполненность» таблицы свидетельствует о ее содержательной «питательности». Так, таблица с большим числом слабо заполненных строк, быть может суммарно и даст большое количество корней, но, скорее всего, не будет признана удачным свидетельством эмпирической достоверности. А вот число корней, общих для всех, или хотя бы большинства, языков-участников, это уже более убедительный показатель эмпирической достоверности соответствующей сравнительной конструкции: в таблице когнатов многое должно быть не просто строк, а полных строк.¹⁶

¹⁶ Заметим, что включение в расчет малопредставленных языков точно не приводит к повышению числа общих корней, но зато рискует резко его занизить. По этой

2.2. Вспомогательные тезисы и вывод

Рассмотрим два тезиса.

Тезис А («флективность — идиоматичность»).

Т_А Флективно-парадигматические языки располагают более идиоматичным словообразованием, чем агглютинативные, располагающие более композициональным словообразованием.

Тезис Б («идиоматичность — количество когнатов»).

Т_Б При прочих равных набор языков с идиоматичным словообразованием показывает больший индекс пересечения когнатов, чем набор с композициональным словообразованием.

Предъявим заранее доказательную схему настоящей статьи, то есть, покажем, как из рассматриваемых вспомогательных утверждений выводится гипотеза Г₁.

Для начала заметим, что из справедливости (или правдоподобности) Т_А и Т_Б следует очевидным образом справедливость (или правдоподобность) следующего вывода Т_В.

Вывод В («флективность — количество когнатов»)

Т_В При прочих равных набор флективных языков показывает больший индекс пересечения, чем аналогичный набор агглютинативных.

Поскольку индоевропейские языки в основном относятся к числу флективно-парадигматических, очевидно, что вывод Т_В доказывает справедливость Г₂. Если вспомнить принятное выше соглашение о том, что эмпирическая достоверность сравнительной конструкции определяется именно индексом пересечения (т. е. числом «общих корней», см. §2.1), то оказывается доказанной и Г₁.

Этот логический вывод работает только при условии, что и Т_А, и Т_Б — истинны (или правдоподобны). Рассмотрим обоснование их истинности (правдоподобности).

причине и в компаративистике вообще, и в настоящей работе, все «малые» языки просто игнорируются, а число общих корней рассчитывается для наиболее «крупных» языков.

3. ОБОСНОВАНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ТЕЗИСОВ

3.1. T_A («флективность — идиоматичность»)

Для любого языка L :

если [L — флективно-парадигматичен],
то [L — имеет идиоматичное словообразование].

Заметим, что свойство языка «быть флективным» по существу градуально: одни языки более флективны, другие — менее. Так, например, латинский более флективен, чем румынский, а румынский более флективен, чем французский; готский более флективен, чем немецкий, а немецкий более флективен, чем шведский, и т. п. Также и другие свойства, о которых идет речь в рассматриваемом тезисе.

Не уточняя того, как следует измерять «степень флективности», «степень агглютинативности», «степень идиоматичности словообразования» и «степень композициональности словообразования», сформулируем рассматриваемый тезис в таком несколько вольном виде:

T_A' Чем флективнее язык, тем идиоматичнее его словообразование; соответственно, чем агглютинативнее язык, тем композициональнее его словообразование.

Перейдем к рассмотрению аналитического обоснования (§ 3.1.1) и эмпирической верификации (§ 3.1.2) данного тезиса.

3.1.1. Аналитическое обоснование T_A («флективность — идиоматичность»)

Рассмотрим три свойства, отличающих флективно-парадигматические языки от агглютинативных.

1. «Четкость швов». В Agl-языках границы между формативами обычно четки. Напротив, в FP-языках границы между формативами часто затемнены или совсем не видны; говорят о *фузионности* флективных языков.

Несомненно, что данное свойство — градуально, и лишь условно можно говорить о «преимущественной четкости» (см. в Табл. 6, стр. 198, строка 1, метка «→1») и «преимущественной фузионности» (см. в Табл. 6, стр. 198, строка 1, метка «→0»).

Оставим за скобками вопрос формального определения «затемненности» vs. «четкости» шва и ограничимся лишь крайними примерами.

Максимальная «затемненность» наблюдается, например, в тех случаях, где правила обработки швов заменяют два стыкующихся сегмента на какой-то третий (ср. греч. φυλάσσω, ст.-сл. решти в примерах ниже). Наоборот, если пристыковке не происходит никаких сегментных преобразований, то это — идеально «четкий» шов (см. примеры из старояпонского ниже).

Четкостью швов отличаются агглютинативные языки.¹⁷ Полное отсутствие фузионности характерно для старояпонского, причем в этом он отличается от современного японского, где налицо некоторые признаки фузионности. Так, в приведенных ниже примерах из современного японского швы между глагольной базой и показателем герундия обрабатываются специальными правилами преобразования, в то время как в древних их коррелятах какие бы то ни было преобразования просто отсутствуют [см. Frellesvig 2010: 193]; здесь и далее полужирным шрифтом выделяются результаты стыка формативов, с последующей сегментной обработкой или без таковой.

- ст.-яп. *shin.u+te* → *shin.i.te* ‘умирая’, то же в совр. яп. *shinde*;
- ст.-яп. *ok.u+te* → *ok.i.te* ‘ставя’, то же в совр. яп. *oite*;
- ст.-яп. *asob.u+te* → *asob.i.te* ‘играя’, то же в совр. яп. *asonde*.

В венгерском межформативные швы по большей части не подлежат никакой сегментной обработке; случаи нетривиальнойстыковки формативов наблюдаются лишь в словоизменении [см. Rounds 2001: 29; 213–214].

- четкие швы в словообразовании: *kér+vény* → *kérvény* ‘вопросник’, *kiad+vány* → *kiadvány* ‘публикация’; ср. затемнение в *jön+vény* → *jövevény* ‘новичок’, *erdő+ész* → *erdész* ‘лесник’;
- четкие швы в формах 1PlPrs: *ad+juk* → *adjuk* ‘даем’, *kér+jük* → *kérjük* ‘спрашиваем’; ср. затемнение в *olvas+juk* → *olvassuk* ‘читаем’, *főz+jük* → *főzzük* ‘смотрим’.

Наоборот, высокая степень фузионности присуща флексивно-парадигматическим языкам, что хорошо иллюстрируют классические примеры из FP-языков индоевропейской семьи.

---

¹⁷ Заметим, что аллоформия по правилам сингармонизма гласных, часто встречающаяся в агглютинативных языках, обычно никак не влияет на четкость/затемненность межформативных швов.

- Греческий презентный показатель *jo* разными способами, но неизменно глубоко «сливается» с конечным сегментом корня, например: φυλάκ+*jo* → φυλάσσω ‘охраняю’; κόπ+*jo* → κόπτω ‘режу’; βαν+*jo* → βαίνω ‘иду’.
- Латинский префикс *ad* «сливается» с начальной согласной корня вплоть до полной ассимиляции: *ad+curro* → *accurro* ‘спешу на помощь’; *ad+genero* → *aggenero* ‘порождаю’, *ad+laboro* → *allaboro* ‘тружусь с усилием’ и т. п.
- В старославянском наблюдаются многочисленные примеры упрощения кластеров на стыке формативов: врѣт+ма → врѣма; рѣк+т.и → рѣши и мн. др.

2. «Функциональная 1-однозначность». В Agl-языках на каждый форматив приходится один «функционал»,¹⁸ и на каждый «функционал» один форматив. Напротив, в FP-языках формативы часто имеют одновременно несколько «функционалов» (это называется *кумулятивностью*: так, в совр. русск. окончание *ого* является показателем и рода (*mn*), и падежа (*Gen*), и числа (*Sg*), и грамматического класса (*adj*)), и при этом на многие «функционалы» приходится более одной сегментной цепочки (так, в совр. русск. словоизменении флексии 3PlPrs — *ут/ют*, *ат/ят*; в словообразовании «уменьшительность» — суффиксы: *ик*, *чик*, *ек/ок*, *ец*, ср. *дом.ик*, *блин.чик*, *угол.ек*, *угол.ок*, *брат.ец* и др.). Также о функциональной неоднозначности свидетельствует наличие *нулевых* формативов (ср. в русск. нулевая флексия NSg =Ø: *стол=Ø*, *дед=Ø* и под.) и *пустых* формативов (ср. в русск. *ик в ящ.ик*, *с в с.делал* и под.).

Разумеется, свойство «Функциональная 1-однозначность» — градуально, и лишь условно можно говорить о преимущественной «однозначности» (см. в Табл. 6, стр. 198, строка 2, метка «→1») или преимущественной «неоднозначности» (см. в Табл. 6, стр. 198, строка 2, метка «→0»). Реальные языки могут показывать случаи неоднозначности при общей ориен-

¹⁸ Здесь «функционалом» названа просто *внутренняя сторона* форматива, или, как говорят, его «означаемое»; слово «функционал» вместо указанных выше традиционных терминов употреблено во избежание возможных нежелательных коннотаций; отметим, что «функционалом» некоторого форматива может быть, например, указание на определенный словоизменительный класс, или на необходимость какого-то специального сегментного преобразования (таково «бессегментное переходное смягчение» в старославянском, см. [Поливанова 2013: §864]). У каких-то формативов «функционал» может быть и пустым (таков русский суффикс *ик* в словах *нож.ик*, *ящ.ик*, *зонт.ик* и др., см. об этом [Поливанова 2008: 22, сн. 20]).

тированности на 1-однозначность. Так, например, в агглютинативном водском есть нарушения принципа функциональной 1-однозначности, в т. ч.:

- пустые формативы, ср. *hämtö.läjn* ‘паук’, при том, что *hämtö* отмечено лишь в *hämtö.värkko* ‘паутина’, а суффикс *läjn/lajn* обычно присутствует в обозначениях членов некоторых групп (*virolaajn* ‘эстонец’ < *viro* ‘Эстония’), см. [Маркус, Рожанский 2011: 209];
- нулевые окончания, например NomSg и GenSg (ср. *ma=Ø* ‘овца’, *tara=Ø* ‘огород’), см. [Маркус, Рожанский 2011: 88].

3. «Синтагматическая свобода vs. связанность». В Agl-языках аффиксы обычно свободно сочетаются с основами, тогда как во FP-языках часто случается, что формативы, эквивалентные по функционалу, разнятся по типу основ, к которым они могут присоединяться, причем выбор правильного форматива не определяется сегментно (так, например, в славянских, латыни, греческом, санскрите, готском и мн. др. различаются *типы склонения и типы спряжения*). Иначе говоря, появление того или иного форматива обусловлено не только его функционалом, но и внешними факторами (тип основы).

Свойство «синтагматическая свобода vs. связанность» также допускает некоторую градуальность. Однако в данном случае ситуации «преимущественной свободы» (см. в Табл. 6, стр. 198, строка 3, метка «→1») и «преимущественной связанности» (см. в Табл. 6, стр. 198, строка 2, метка «→0») гораздо реальнее, чем для двух предыдущих свойств. Действительно, лишь изредка в агглютинативных языках можно отыскать хоть какие-то примеры связанности, например, что-то подобное типам спряжения/склонения, столь распространенным в FP-языках.

Так, в агглютинативном венгерском различаются спряжения «простых» и «*ik*-овых» глаголов: эти два типа спряжения показывают разные окончания, причем выбор одного из двух сегментно-неразрешим и определяется словарно (что свидетельствует о «связанности»). Например: *él=ek* ‘живу’, *él=Ø* ‘живет’ ~ *lak=om* ‘проживаю’, *lak=ik* ‘проживает’¹⁹

Сказанное выше резюмировано в Табл. 6 (стр. 198).

---

¹⁹ Как правило, та аллоформия, что реально наблюдается в Agl-языках, всегда сегментно-разрешима, то есть не нуждается в специальной словарной регистрации.

Параметр	Оценка	
	FP-языки	Agl-языки
«Четкость швов»	→0	→1
«Функциональная 1-однозначность»	→0	→1
«Синтагматическая свобода»	→0	→1

Табл. 6. FP- vs. Agl-языки

Совокупность отметок «→0» (читается: «близко к 0») по этим трем параметрам как раз и составляет то качество FP-языков, которое препятствует композициональности их словообразования, либо, что то же самое, способствует его идиоматичности. Напротив, совокупность отметок «→1» (читается: «близко к 1») для Agl-языков составляет то их качество, которое способствует композициональности их словообразования.

В самом деле, если словообразовательный аффикс может в каких-то случаях значить много разного, а в других может и вовсе «не значить ничего», то как определить схему производного имени и как вычислить значение производного? А если функционал форматива константен, то и схема производного имени — константна и, в общем случае, не представляет труда вычислить значение производного.

3.1.2. Эмпирическая достоверность тезиса T_A («флективность — идиоматичность»)

Приведем подборку примеров идиоматичности во флективно-парадигматических языках и композициональности в агглютинативных.

Для начала рассмотрим идиоматичность словообразования в старославянском и готском, в языках, представляющих флективно-парадигматический тип. Табл. 7 (стр. 199) показывает производные от двух старославянских корней. Замечательно, что, во-первых, значение производных может не выглядеть сложносоставленным, в то время как их сегментные оболочки очевидным образом расчленяются на формативы (корни, префиксы и суффиксы); во-вторых, однокоренные производные могут относиться к семантическим полям, подчас совершенно не связанным друг с другом (ср. такие пары как ‘волк’ и ‘облако’, ‘время’ и ‘ворота’).

В примерах из готского (Табл. 8, стр. 199) рассматриваются два глагольных префикса с целью показать, что префиксальные глаголы, образуемые с их помощью, полностью идиоматичны: нету никакого константного семантического элемента, который был бы сопряжен с каждым конкретным префиксом. В частности, значения простого и производного глагола могут

Корень (все аллоформы)	Производные лексемы
врдт/врдшт/врѣт/врѣт	врѣма (врѣт.ма) ‘время’ взъ.врдшт.ение ‘возвращение’ врѣт.ѣти ‘вертеть’ врдтъ ‘ворота’
влак/влакъ/влык/влыу/влѣк	извлѣшти (извлѣк.ти) ‘извлечь’ облакъ (об.влак.ъ) ‘облако’ облачнити (об.влак.ити) ‘одеть’ влькъ ‘волк’ вльчнцъ ‘волчец (вид сорняка)’

Табл. 7. Идиоматичность словообразования в старославянском; по [Поливанова 2013]

Префикс	Основной глагол	Префиксальный глагол
fair	<i>aihan</i> ‘иметь’	<i>fair.aihan</i> ‘участвовать’
	<i>greipan</i> ‘хватать’	<i>fair.greipan</i> ‘хватать’
	<i>waurkjan</i> ‘работать’	<i>fair.waurkjan</i> ‘зарабатывать’
dis	<i>sitan</i> ‘сидеть’	<i>dis.sitan</i> ‘схватить’
	<i>haban</i> ‘иметь’	<i>dis.haban</i> ‘сжимать’
	<i>sigqan</i> ‘погружаться’	<i>dis.sigqan</i> ‘садиться’ (о солнце)

Табл. 8. Идиоматичность префиксации в готском; по [Bucsko 2011]

не различаются вовсе (ср. пару *greipan* ~ *fairgreipan*), либо оказываются семантически не сопоставимыми (ср. пару *sitan* ~ *dissitan*).

Рассмотрим теперь словообразование в финском и венгерском языках, считающихся типичными представителями агглютинативных.

В финском языке словообразование посредством добавления к основе одного или нескольких суффиксов весьма распространено. Суффиксы отличаются большой продуктивностью, могут выстраиваться в длинные цепочки, причем даже с повторами, особенно если это глагольные суффиксы (такие как показатель каузатива, показатель фреквентива, и др.). При этом, сегментная оболочка суффикса если и меняется, то только в следствие сингармонизма и консонантной градации (т. е. сегментно-разрешимых чередований), но не из-за словарных ограничений в сочетаемости аффиксов с основами.

Композициональность суффиксации может быть проиллюстрирована примером в Табл. 9 (стр. 200) — набор производных финских лексем, показывающих явно композициональную семантику по сравнению с исходной основой, причем один и тот же суффикс привносит константный semanticский элемент в значение производного.

Суффикс	Основа	Производное
<i>sto</i>	<i>kirja</i> 'книга'	<i>kirjasto</i> 'библиотека'
	<i>laiva</i> 'корабль'	<i>laivasto</i> 'флот'
	<i>rii</i> 'дерево'	<i>puisto</i> 'парк'
<i>llinen</i>	<i>kirja</i> 'книга'	<i>kirjallinen</i> 'книжный'
	<i>yö</i> 'ночь'	<i>yöllinen</i> 'ночной'
	<i>hetki</i> 'мгновение'	<i>hetkellinen</i> 'мгновенный'
<i>la</i>	<i>Kaleva</i> , имя	<i>Kalevala</i> 'страна Калевы'
	<i>ravinto</i> 'питание'	<i>ravintola</i> 'ресторан'
	<i>kana</i> 'курица'	<i>kanala</i> 'курятник'

Табл. 9. Композициональность словообразования в финском; по [Karlsson 2018]

Приведем также несколько примеров на композициональность из венгерского. Табл. 10 показывает серию производных, образованных путем добавления двух суффиксов, по отдельности или последовательно, причем у каждого из них налицо константная схема производного имени (суффикс *-ász/-ész* оформляет *nomina agentis*, а суффикс *-at/-et* — имя результата действия).

Корень	Производное на <i>-ász/-ész</i>	Производное на <i>-at/-et</i>
<i>épít</i> 'здание'	<i>épít.ész</i> 'зодчий'	<i>épít.ész.et</i> 'зодчество'
<i>mű</i> 'произведение'	<i>műv.ész</i> 'художник'	<i>műv.ész.et</i> 'художество'
<i>szobor</i> 'статуя'	<i>szobr.ász</i> 'скульптор'	<i>szobr.ász.at</i> 'скульптура'
<i>nyelv</i> 'язык'	<i>nyelv.ész</i> 'лингвист'	<i>nyelv.ész.et</i> 'лингвистика'
<i>felel</i> 'отвечать'		<i>felel.et</i> 'ответ'
<i>él</i> 'жить'		<i>él.et</i> 'жизнь'

Табл. 10. Композициональность словообразования в венгерском; по [Rounds 2001]

Нетрудно найти и другие примеры, показывающие идиоматичность словообразования во флексивных языках и композициональность в агглютинативных. Таким образом, можно заключить, что эмпирические данные подтверждают рассматриваемый Тезис Т_А («флексивность — идиоматичность»).

3.2. Т_Б («идиоматичность — количество когнатов»)

Пусть $\Lambda = \{L_1, L_2, L_3, \dots, L_k\}$ — набор языков-участников сравнительной конструкции К_Λ, тогда:

если [любой L_i из Λ имеет высокоидиоматичное словообразование],

то [сравнительная конструкция K_L имеет высокий индекс пересечения когнатов].

Как уже было сказано, признак «идиоматичность vs. композициональность» образуют не бинарную, а градуальную шкалу. Не уточняя того, как следует измерять значения этого признака для каждого конкретного производного слова, примем на веру, что для каждого из языков-участников какой-то сравнительной конструкции можно определить «средний показатель» идиоматичности/композициональности его производных лексем. Тем самым, мы можем сформулировать рассматриваемый тезис в таком несколько вольном виде:

T_B' Чем идиоматичнее словообразование языков-участников, тем выше будет значение индекса пересечения; и соответственно, чем композициональнее словообразование языков-участников, тем ниже значение их индекса пересечения.

Перейдем к рассмотрению аналитического обоснования (§3.2.1) и эмпирической верификации (§3.2.2) данного тезиса.

3.2.1. Аналитическое обоснование T_B («идиоматичность — количество когнатов»)

Корни, находящиеся в одной строке таблицы когнатов, имеют попарно сходную семантику или, как говорят, семантически соотносительны. В этом смысле можно говорить о межъязыковой, инвариантной семантике корня, технически — о семантике строки. Напомним, что говорить о семантике корня даже и внутри одного языка можно лишь условно: она определяется через значения лексем-поставщиков (см. §1.3).

В таблице когнатов столбцы отвечают языкам-участникам, а строки — корням. В клетках таблицы размещается либо сегментная запись соответствующего корня в соответствующем языке, либо клетка остается незаполненной; число непустых клеток в столбце показывает представленность соответствующего языка в данной таблице когнатов, а число непустых клеток в строке — представленность данного корня.

Каждой клетке таблицы когнатов отвечает одна из трех ситуаций.

Ситуация 1. В соответствующем языке-участнике есть корень, являющийся сегментным аналогом остальных корней данной строки; все (или значительное большинство) лексем соответствующего гнезда имеют подходящую для своей строки семантику. Ср. такой набор лексем-поставщи-

ков, как: санскр. *dvā*, греч. δύω, лат. *duō*, ст.-сл. дѣва, гот. *twai*, арм. *erkow*, лит. *dù*, тох. *wu*, хет. *dā* — все эти лексемы имеют значение ‘два’, и большинство их производных также относятся к тому же семантическому полю; так, для ст.-сл. имеем: дѣвакъ, дѣвон, дѣвница; для лат.: *dubius* ‘двойственный’, *bis* ‘два раза’; для гот.: *twisstass* ‘двойственность’, *tweihns* ‘двойной’ и т. д.

Ситуация 2. В соответствующем языке-участнике есть корень, являющийся сегментным аналогом остальных корней данной строки; лишь незначительное число лексем соответствующего гнезда имеют подходящую для данной строки семантику.

В качестве примера рассмотрим такую строчку таблицы когнатов:

Язык-участник	Санскр.	Авест.	Греч.	Лат.	Хет.	Немецк.	Валл.
Сегментная запись корня	<i>pat</i>	<i>pat</i>	πέτ	<i>pet</i>	<i>pat</i>	<i>fed</i>	<i>hed</i>
Лексема-поставщик	<i>pátati</i> ‘летит’	<i>pataiti</i> ‘летит’	πέτομαι ‘лечу’	см. ниже	<i>pattar</i> ‘крыло’	<i>Feder</i> ‘перо’	<i>hedant</i> ‘летят’

Табл. 11. Лексемы-поставщики для одного индоевропейского корня

Латинскому корню *pet/pt* отвечает значительное по числу лексем гнездо (см. по словарю [de Vaan 2008]):

- I. *renna* (из *pet.na*) ‘перо’, *prae.pes* ‘летящий вперед’;
- II. *pet.ere* ‘просить’, *pet.itio* ‘прощение’, *pet.ulans* ‘дерзкий’ и мн. др.;
- III. *pro.pt.ervus* ‘насильный’, *im.pet.us* ‘натиск’.

Легко видеть, что лишь одна часть лексем-поставщиков соотносительна семантически с рассматриваемой строкой, а именно группа I, в то время как две другие группы (II и III) к этой строке совсем не подходят.

Ситуация 3. В соответствующем языке-участнике нет корня, являющегося сегментным аналогом остальных корней данной строки. Эту ситуацию можно наблюдать на примере индоевропейского корня *abel ‘яблоко’, лексемы-поставщики для которого имеются в германских (англ. *apple* и т. д.), славянских (яблоко, яблоня и мн. др.), балтийских (лит. *obuolas* ‘яблоко’), кельтских (др.-ирл. *ibull* ‘яблоко’ и др.) и в санскрите (*abalás* ‘вид плодоносного дерева’), но отсутствуют для греческого, иранских, анатолийских, тохарских.²⁰

²⁰ Возможный латинский когнат представлен лишь топонимом *Abellae*,ср. у Вергилия: *et quos maliferae despectant moenia Abellae* ‘Те, на кого с высоты плодоносные смотрят

Ситуации 1 отвечает подходящее заполнение рассматриваемой клетки, представленность корня в таблице прирастает за счет привлечения соответствующего языка, и это происходит одинаково как в языках с идиоматичным словообразованием, так и в языках с композициональным словообразованием.

Ситуации 3 отвечает пустая клетка, представленность корня не прирастает за счет привлечения соответствующего языка, и это происходит одинаково как в языках с идиоматичным словообразованием, так и в языках с композициональным словообразованием.

А вот с ситуацией 2 не так просто. В языках с композициональным словообразованием эта ситуация невозможна, в то время как в языках идиоматичных такая ситуация — обыденна. Дело в том, что в случае композиционального словообразования не представляется возможным «разбегание» семантики однокоренных слов: внутри данного гнезда все лексемы имеют попарно соотносительную семантику, обеспечивающую всем членам гнезда равную возможность работать поставщиками когнатов: либо все лексемы гнезда могут быть поставщиками, показывая отвечающую данной строке семантику, либо ни одна лексема из гнезда не может работать поставщиком.

В языках с идиоматичным словообразованием отход ряда членов гнезда от «искованной» семантики не означает еще потерю всего корня: остаются другие члены гнезда, которые могут работать поставщиками когната; ср. выше пример из лат.: хотя группы II и III утеряли подходящую исконную семантику, группа I — *renna* (из *pet.na*) ‘перо’ сохраняет подходящую семантику и может работать поставщиком когнатов.

Иными словами, и в языках с идиоматическим словообразованием, и в языках с композициональным словообразованием с течением времени некоторые слова «вымываются» и исчезают вовсе из словаря, что и приводит, в конечном счете, к появлению пустых клеток в таблицах когнатов. Однако, различен механизм этого «вымывания». В языках с идиоматическим словообразованием каждая лексема из гнезда однокоренных слов имеет, так сказать, «собственную судьбу»: она меняет свое значение или просто исчезает из словаря совершенно независимо от остальных лексем данного гнезда. Напротив, в языках с композициональным словообразованием лексемы с общим корнем имеют, так сказать, «общую судьбу»: они меняют свое значение или исчезают всей «когортой». Именно поэтому ситуация 3 в языках с композициональным словообразованием просто не-

---

Абеллы’ (Энеида VII.740), причем *maliferae* ‘плодоносные’ буквально переводится как ‘богатые яблоками’, ср. [Фасмер 1964–1973, т. 4: 539].

возможна, такие языки теряют свои корни бесследно. Иначе говоря, там где в языках с идиоматичным словообразованием происходит лишь потеря слова, в языках с композициональным происходит потеря всего корня.

3.2.2. Эмпирическая верификация тезиса T_B («идиоматичность — количество когнаторов»)

Рассмотрим еще раз следующие два утверждения:

- чем выше идиоматичность языков-участников некоторой сравнительной конструкции, тем выше у этой конструкции индекс пересечения когнаторов (T_B) и
- чем выше флексивность языков-участников некоторой сравнительной конструкции, тем выше у этой конструкции индекс пересечения когнаторов (Γ_2).

Поскольку все рассматриваемые FP-языки имеют высокую идиоматичность словообразования, а все агглютинативные — высокую композициональность словообразования (это тезис T_A , его аналитическая и эмпирическая достоверность была продемонстрирована в § 3.1), поскольку проверка эмпирической достоверности тезиса T_B и гипотезы Γ_2 , а следовательно и Γ_1 , состоит в демонстрации одних и тех же фактов.

Рассмотрим эти факты, а именно: убедимся, что индекс пересечения когнаторов для агглютинативных языков ниже, чем для флексивно-парадигматических. Для соблюдения условия «при прочих равных», построим таблицы, равные и по индексу объединения, и по числу языков-участников.

Языки агглютинативного строя

Представителями агглютинативного строя выступают уральские языки. База данных [Старлинг] для уральской семьи включает данные 15 языков-участников, с индексом объединения 2805. В Табл. 12 (стр. 205) они перечислены в порядке убывания индекса представленности $Repr^t$.

Для эмпирической проверки рассмотрим семерку языков с наивысшим индексом представленности, а именно: финский, коми, хантыйский, саамский, эстонский, мансийский, венгерский. Заметим, что, по факту, эти семь языков относятся к финно-угорской группе внутри уральской семьи, т. е. к компактной группе языков с относительно длительной письменной культурой, хорошими грамматическими описаниями и этимологическими словарями.

По данным [Старлинг] индекс пересечения для этих семи финно-угорских языков равен 67, а для первых трех из них (финский, коми, хантый-

ский) — 178. Если же брать три финно-угорских языка с наиболее развитой письменной традицией и, следовательно, наиболее разработанными грамматическими описаниями и этимологией, а именно: финский, венгерский и эстонский, то индекс пересечения доходит до 245.

№	Язык-участник	Индекс представленности
1	финский	927
2	коми	831
3	хантыйский	803
4	саамский	764
5	эстонский	750
6	мансийский	742
7	венгерский	721
8	удмуртский	718

№	Язык-участник	Индекс представленности
9	мордовский	663
10	марийский	647
11	ненецкий	405
12	селькупский	357
13	энцецкий	262
14	камский	259
15	нганасанский	247

Табл. 12. Рейтинг по Repr $\downarrow$ среди уральских языков

Языки флексивно-парадигматического строя

В качестве представителей флексивно-парадигматического строя рассмотрим германские языки. Это компактная группа, положение которой внутри индоевропейской семьи схоже с положением финно-угорской внутри уральской. База [Старлинг] включает данные 21 германского языка; индекс объединения 1991. Они перечислены в порядке убывания индекса представленности в Табл. 13.

№	Язык-участник	Индекс представленности
1	древнеанглийский	1430
2	средневерхненемецкий	1376
3	древнеисландский	1372
4	древневерхненемецкий	1363
5	немецкий	1251
6	норвежский	1166
7	средненижненемецкий	1163
8	голландский	1161
9	среднеголландский	1144
10	шведский	1089
11	древнесаксонский	941

№	Язык-участник	Индекс представленности
12	английский	912
13	датский	856
14	готский	689
15	древнефризский	666
16	древнешведский	356
17	древнефранкский	263
18	древнедатский	248
19	нижненемецкий	166
20	восточнофризский	119
21	среднеанглийский	117

Табл. 13. Рейтинг по Repr $\downarrow$ среди германских языков

Если брать первые семь языков из германского списка, индекс пересечения равен 610; для первых трех из них — 883. Однако, сравнение семерки наиболее представленных германских языков с семеркой таких же уральских неправомерно, поскольку не исполняет условия «при прочих равных». Действительно, индекс объединения (≥ 1430) для семи германских заметно выше, чем индекс объединения для семи уральских (≥ 927).²¹ Поэтому целесообразно брать для сравнения такой сегмент рейтинга по представленности германских языков, чтобы эти семь значений были максимально близки к индексам представленности первых семи уральских. Таким сегментом является семерка {8–14}, т. е. голландский, среднеголландский, шведский, древнесаксонский, английский, датский, готский. Для этой семерки индекс пересечения составляет 315; для первых трех языков из этого набора — 764.

Если взять тройку германских языков с рейтингом представленности, максимально приближенным к рейтингу первых трех уральских, а именно {11–13}, т. е. древнесаксонский, английский, датский, то получаем следующие индексы пересечения: для германской тройки — 440, для первых трех уральских, как уже указывалось выше, — 178.

Табл. 14 (стр. 207) резюмирует результаты подсчетов. Каждая строка соответствует одному из замеров, проиллюстрированных выше. В первом столбце задаются условия замера, по следующей схеме:

{германские} vs. {уральские} / {лучшие уральские}

При этом, языки перечисляются по рейтингу индекса представленности $Repr\ddagger$ в соответствующих списках. Косая черта используется для параллельного сравнивания двух наборов уральских с одним набором германских.

Как мы видим, при любом замере германские языки неизменно показывают большее значение индекса пересечения, чем уральские, конкретнее: финно-угорские, даже в случае, когда из финно-угорских специально выбраны три «лучших» языка (подчеркнутое значение в строках 3–5 Табл. 14). Это позволяет нам сделать вывод, что эмпирическая проверка подтверждает нашу гипотезу.

---

²¹ К сожалению, индекс объединения для произвольной группы языков (а не для всех языков семьи) не может быть подсчитан точно при помощи тех средств, которые предоставляет [Старлинг]. По этой причине мы берем лишь приблизительное значение объединения, которое, как было сказано выше, должно равняться, или превосходить, наибольший индекс представленности среди языков-участников.

№	Сравниваемые наборы	Германские	Финно-угорские
1	{1–7} vs. {1–7}	610	67
2	{8–14} vs. {1–7}	315	
3	{1–3} vs. {1–3}/{1,5,7}	883	178/245
4	{8–10} vs. {1–3}/{1,5,7}	764	
5	{11–13} vs. {1–3}/{1,5,7}	440	

Табл. 14. Индексы пересечения когнатов
для некоторых наборов германских и финно-угорских языков

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статья показывает, что индоевропейские языки допускают построение сравнительной конструкции большей, сравнительно с другими группами языков, эмпирической достоверности — то есть большего индекса пересечения когнатов — не в силу внешних причин, но, главным образом, в силу особенностей грамматических, а именно по причине флексивности основных языков-участников, поскольку флексивные языки показывают идиоматичность при словообразовании, что приводит к сохранению большего количества корней.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор признателен И. Пекуновой, Ф. Рожанскому, К. Д'Антонио, Л. Куликову и К. Фехер за помощь в подборе материала и ценные советы по содержанию статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. — Том II. Грамматический очерк и библиография. — СПб. : Нестор-История, 2011.*
- Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. — 1960. — № 4. — С. 73–80.*
- Поливанова А. К. Общее и русское языкознание. Избранные работы. — М. : РГГУ, 2008.*
- Поливанова А. К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2013.*

- Поливанова А. К.* Логические основы грамматики. От фонологии до семантики. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
- Поливанова А. К., Семенов А. Л. Я* — не математик // Язык логики и логика языка. Сборник статей к 60-летию В. А. Успенского / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. — Вопросы кибернетики, 166. — С. 195–196.
- Ревзина О. Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. — М. : Изд. московского университета, 1969.
- Старлинг — *Starostin S. et al.* The Tower of Babel. An etymological database project. — Moscow, 1998–2013. — URL: <http://starling.rinet.ru>.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — В 4 т. — М. : Прогресс, 1964–1973.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. — М. : Наука, 1974–.
- Bucsko J. M.* Preverbs and idiomatization in Gothic / Berkeley insights in linguistics and semiotics. — Vol. 77. — New York : Lang, 2011.
- de Vaan M.* Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. — Leiden ; Boston : Brill, 2008.
- Frellesvig B.* A History of the Japanese Language. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Holthausen F.* Gotisches etymologisches Wörterbuch: mit Einschluss der Eigennamen und der gotischen Lehnwörter im Romanischen. — Heidelberg : Winter, 1934.
- Karlsson F.* Finnish. A Comprehensive Grammar. — London ; New York : Routledge, 2018.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — 2 Bd. — Tübingen ; Bern ; Munich : A. Francke, 1957–1969.
- Rounds C.* Hungarian. An Essential Grammar. — London ; New York : Routledge, 2001.

Л. Е. Коган / L. Kogan

ЭТЮДЫ ПО ЭБЛАИТСКОЙ ГРАММАТИКЕ*

В 2012 году итальянская исследовательница Амалия Катаньоти опубликовала краткую грамматику эблайтского языка [Catagnoti 2012] — малоисследованного и трудного для осмысления восточносемитского идиома, бытовавшего в древнем городе-государстве Эбла (северо-запад Сирии, середина III тыс. до н. э.). Грамматика Катаньоти, обобщившая многолетние изыскания автора в сотрудничестве с выдающимся семитологом Пелио Фрондзароли, внесла значительный вклад в наше понимание эблайтского языка и текстов. В то же время, уже в силу своей краткости, работа Катаньоти оставляет более чем обширное пространство для дальнейших исследований в этой захватывающей области древневосточной науки, изучающей первые когда-либо созданные связные тексты на семитском языке. В рамках настоящей статьи обосновываются и развиваются четыре новых для эблайтологии идеи, впервые сформулированные в обобщающем описании эблайтского языка, созданном при участии Манфреда Креберника для энциклопедического издания *A History of Akkadian* [Kogan, Krebernik 2021].

---

* Статья написана в рамках проекта описания грамматики и лексики эблайтского языка, поддержанного РФФИ (№ 20-012-00577). Привлекаемые в качестве аргументов авторские интерпретации других явлений эблайтской грамматики приводятся в виде сжатых указаний, их подробное изложение можно найти в [Kogan, Krebernik 2021, в печати]. Имена собственные в переводах кодируются как NG (географическое название, *nomen geographicum*), ND (имя бога, *nomen dei*), NP (личное имя, *nomen personae*).

1. /nuḥnū/ ‘мы’

Формуляр эблайтской царской канцелярии характеризуется обилием глагольных и местоименных форм 1 лица множественного и двойственного числа: именно таким образом обычно говорят о себе царь Эблы и деливший с ним власть «первый министр» или «визирь». Эта особенность делает эблайтские тексты ценнейшим источником данных о местоимениях 1 лица на ранних стадиях истории (восточно)семитских языков: в несколько более поздних саргоновских (староаккадских) текстах из Месопотамии такие формы до сих пор не отмечены.

В подобном контексте тем более удивительно, что вплоть до настоящего времени исследователями не была отождествлена самостоятельная номинативная форма личного местоимения 1 лица, соответствующая прасемитскому *niḥnū [Коган 2009: 67]. На наш взгляд, такая форма стоит за написанием *nu-u₉-nu*, засвидетельствованном в следующих четырех отрывках.

- *wa a-ba-ti-mu^{ki} wa má-ne^{ki} ig-du-ra^{ki} si-in URU^{ki}-sÙ ŠÀ ib-la^{ki} nu-u₉-nu-ma GIŠ.GIŠ SIG₄ ni-ig-da-sa-áš wa ni-da-za-an* ‘И в NG₁ и в NG₂ [принадлежащем] NG₃ мы приобрели хворост для [изготовления] кирпичей для его города, [находящегося] на территории NG₄, и взвесили его’ (ARET XIII 9 rev. VI 5–19)¹
- *wa nap-da-ra-ar nu-u₉-nu* ‘И мы распространили(сь)?’ (ARET XIII 9 rev. V 14–16)²
- *an-da DU₁₁.GA bu₁₄-šu NINDA ŠU MU.TAK₄ wa GABA.RU nu-u₉-nu ù-ma si-in zàr-bad^{ki} ù-ma bù-šu* ‘Ты отдай приказ NP выделить хлеб, а мы отдадим цену или в NG, или [самому] NP’ (ARET XVI 3 obv. V 1 – rev. I 4)³

¹ Фрондароли переводит строки 8–14 как ‘in direzione della sua città nel territorio di Ebla noi avevamo posto il campo’ [Fronzaroli 2003: 100], интерпретируя *nu-u₉-nu* как претерит от корня */nw ‘располагаться лагерем’ [Fronzaroli 2003: 112]. Предлагаемая им морфологическая реконструкция («[nuḥunnū] per /niḥannaw/») с трудом представима, в то время как перевод не подходит по контексту (едва ли можно расположиться лагерем по направлению к городу).

² Данный фрагмент не имеет очевидной связи с предыдущим текстом, поэтому предложить для него убедительную интерпретацию невозможно. Перевод Фрондароли ‘e porremo il campo separatamente’ [Fronzaroli 2003: 100] представляется гадательным.

³ По ряду причин невозможно согласиться с интерпретацией этого пассажа у Катаньоти и Фрондароли (‘tu ordina che Būtu consegni il cibo e rinviatemi una copia (della tavoletta), sia verso Ṣarbat sia (verso) Būtu’ [Catagnoti, Fronzaroli 2010: 35]), в рам-

- ... GÁL.TAK₄ *nu-u₉-nu si-la-su wa ...* (ARET XVI 14 rev. II' I'-4')⁴

На наш взгляд, предложенная выше интерпретация *nu-u₉-nu* как /nuḥnū/ ‘мы’ является наиболее экономным способом описания этой последовательности в эблайтских текстах.

- В двух из четырех примерах *nu-u₉-nu* прямо ассоциировано с глагольными формами 1 л. мн. ч. (*ni-ig-da-sa-áš wa ni-da-za-an; nap-da-ra-ar*), в еще одном случае значительное количество таких форм присутствует в ближайшем контексте, из чего видно, что автор документа говорит о себе именно в первом лице множественного числа.
- Отпадает необходимость интерпретировать одну и ту же редкую последовательность знаков как относящуюся к разным глагольным корням (*ḥnw и *nḥw), что представляется *a priori* маловероятным (нелегко себе представить, чтобы разные примеры на столь специфическую последовательность в ограниченном текстовом корпусе имели совершенно разную лексическую и морфологическую природу). То же справедливо в отношении многих других фонологических, морфологических и смысловых затруднений, с которыми сталкиваются приведенные выше переводы Катаньоти и Фрондзароли.
- Предложенная интерпретация безупречна с орографической точки зрения: знак U₉ является регулярным экспонентом значения /ḥu/ в Эбле [Conti 1990: 59], в то время как последовательности CV₁-CV₁ обычны для передачи закрытых слогов CV₁C [Krebernik 1982: 222–226].⁵

ках которой *nu-u₉-nu* трактуется как императив интенсивной породы от корня *nḥw ‘направлять’ с местоименным суффиксом 1 л. ед. ч.: (1) -nu является аккузативным суффиксом множественного, а не единственного числа; (2) контекст требует не аккузатива, а датива (*‘поплите мне/нам’), при этом конструкция с *accusativus duplex* [Catagnoli 2012: 80] здесь невозможна, поскольку, вопреки Катаньоти, глагол ‘посылать’ (*rinviare*) не относится к семантической группе, описываемой ею как «i verbi che indicano il portare via e il pretendere»; (3) императив множественного числа на -ā является недоказанной и маловероятной гипотезой, которой противоречат несколько надежно засвидетельствованных в корпусе форм на -ā месопотамского типа.

⁴ Пассаж сохранился плохо, убедительной интерпретации для него предложить не удается (перевод ‘[quando la strada] sarà aperta, rinviate mi il suo invio’ в [Catagnoli, Fronzaroli 2010: 104–105] гадательный).

⁵ Как справедливо отмечает М.-В. Тониетти, эта орографическая особенность объединяет эблайтское письмо с многими другими ранними силлабариями, в которых

Вокализм *u* (вместо этимологического *i*) должен объясняться влиянием *-ū* во втором слоге (**niħpū > niħpū*).⁶

2. КОСВЕННЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА МУЖСКОГО РОДА /-ay/

Как справедливо отмечается в недавней работе Б. Каувенберга [Kouwenberg 2015: 126–127], реконструкция прасемитского показателя множественного числа мужского рода в косвенном падеже остается спорной. На первый взгляд, центральносемитское **-īm/*-īn* не оставляет иной возможности, кроме **-ī*, однако аккадская картина лишь на поверхностном уровне соотносится с такой реконструкцией: вавилонское *-ī* может восходить не только к **-ī*, но и к **-ay*, при этом ассирийский и саргоновский диалекты имеют *-ē*, которое по регулярным соответствиям может восходить только к **-ay*. Такую же реконструкцию предполагают еврейские и арамейские формы на *-ē* в сопряженном состоянии.⁷

Эблaitские данные имеют большое значение для решения данной проблемы: поскольку дифтонгическое сочетание **ay* в Эбле обычно не стягивается [Krebernik 1983: 23; Conti 1990: 35], древний показатель **-ay* должен сохраняться здесь в своем первозданном виде. Таким образом, эблaitский язык оказывается единственным семитским идиомом, где гипотетический прасемитский показатель **-ay* мог бы наблюдаваться невооруженным глазом. Как кажется, в нашем распоряжении имеется ряд примеров, свидетельствующих в пользу такого представления.

2.1. *ne-sa-a /niš-ay/ ‘люди’*

В грамматике Катаньоти эта форма интерпретируется как дуалис [Catagnoti 2012: 217], однако и Фрондзароли, и сама Катаньоти неодно-

---

также отсутствуют (или слабо развиты) особые способы передачи закрытых слогов [Tonietti 2011–2012].

⁶ Именно такую вокалическую аккомодацию предлагает Фрондзароли в рамках принятой им глагольной интерпретации рассматриваемых форм [Fronzaroli 2003: 110–111].

⁷ О реконструкции **-ay* как показателя косвенного падежа множественного числа мужского рода см. [Hasselbach 2007], со ссылками на (немногочисленные) более ранние работы.

кратно отмечали, что релевантные пассажи не содержат каких-либо указаний на двойственность [Fronzaroli 1993: 45; 2003: 20; Catagnoti 2012: 111].

- й.GIŠ giš*i-du-um* IGI DINGIR.DINGIR.DINGIR Ù IGI *ne-sa-a* ‘Масло растения идум, то, чем снабжают богов и то, чем снабжают людей’ (ARET XI 1 rev. VIII 6–9)⁸
- *me-li-ga-A ma-a-ki ba-a a-na-za-ab ne-sa-a ba-a a a-za-ab* ‘Дайте мне совет — должен ли я ждать людей или мне не стоит ждать?’ (ARET XIII 1 obv. X 15 – XI 4)
- *a-[ni] ne-sa-a* NU [DU₁₁] *a-ga-a* EN *a-ni ne-sa-a* NU DU₁₁ BAD AN BAD *ba-lu-tum* (ARET XIII 1 rev. I 6–15)⁹

2.2. *ba-na(-a) /pan-ay/* ‘лицо’

В наиболее известном примере употребления последовательности *ba-na(-a)* она применяется к лицам верховной божественной четы эблайтского пантеона (Кура и Барама) и, на первый взгляд, может интерпретироваться как дуалис [Fronzaroli 1996: 126].

- *a-ti-ma zÀ.ME sa-ba-da-su-ma ba-na-a* ^d*ku-ra wa* ^d*ba-ra-ma* NU PAD.TÚG zÀ.ME U₄ *sa-ba-da-su-ma wa* PAD.TÚG *ba-na-a* ^d*ku-ra wa* ^d*ba-ra-ma* ‘Пока они исполняют их ритуалы, они не закрывают лица ND₁ и ND₂; закончив их ритуалы, они закрывают лица ND₁ и ND₂’ (ARET XI 3 rev. IV 15 – V 15)

⁸ ||NA.SE₁₁ NA.SE₁₁ (ARET XI 2 rev. VII 17). Обращает на себя внимание первое в истории употребление сочетания «боги и люди» как меризма в смысле «все одушевленные существа». Эта фигура получила широкое распространение в позднейшей западно-семитской литературе, ср., например, Судьи 9:9 (*hä-ḥôdaltî ?ät-dišnî ?ăšär bî yâkabbâdû ?ălôhîm wa-?ănâšîm* ‘Оставил ли я мое масло, которое **люди и бог(и)** прославляют во мне?’) и другие примеры в этом тексте («Притча о том, как деревья выбирали себе царя»), а также пассаж из угаритского мифа о Ваале (*?ahdy d ymlk l ?ilm d'ymr'u ?ilm w nšm* ‘Один лишь я смогу править над богами, кормить **богов и людей**’, KTU 1.4 VII 49–51).

⁹ Дать осмысленный перевод этого фрагмента затруднительно, ср. ‘il cambiamento della gente non hai ordinato: la negligenza del re per il cambiamento della gente non ha ordinato il Signore del cielo, il Signore della signoria’ у Фрондзароли [Fronzaroli 2003: 8, 21]. Тем не менее, интерпретация *ne-sa-a* как /niš-ay/ ‘люди’ едва ли может подвергаться сомнению.

Такая интерпретация, однако, не может быть применена к другому пасажу, где форма *ba-na-sa* засвидетельствована без какой-либо связи с двойственностью.

- *wa-a PAD MA.LIK.TUM ba-na-sa* [šu]-sa ‘Она покрывает царице лицо ее и руки ее’ (ARET XI 1 rev. IX 8–12)¹⁰

Есть все основания полагать, что, подобно аккадскому *pan-ī* и еврейскому *pān-īt*, эблайтский термин для лица функционировал как *pluralis tantum* (/pan-ī/ в номинативе и /pan-ay/ в косвенном падеже) и использовался вне зависимости от числа обладателя.¹¹

2.3. *ù-ra-a* /?urr-ay/ ‘свет’

- *in ù-ra-a* GI₆.AN ‘в свете ночи’ (ARET XIII 16/17 obv. V 4–6/3–5)¹²

По мнению Катаньоти [Catagnoti 2012: 92] и Фрондзароли [Fronzaroli 2003: 186], окончание /-ay/ в этой форме является адвербальным показателем, однако эта интерпретация — которую в принципе едва ли возможно подтвердить или опровергнуть — противоречит тому, что структурно очень близкое словосочетание в именительном падеже засвидетельствовано в эблайтском лексическом списке:

- GI₆.SÁ = *ù-ru₁₂ mu-si-im* /?urrū mūšim/ (VE 817, [Conti 1990: 196])¹³

---

¹⁰ ||SAG (ARET XI 2 rev. VIII 13).

¹¹ Формы номинатива, по всей видимости, стоят за написаниями *ba-na-ì* (ARET XI 1 rev. XVII 24) и IG₁.MES = *ba-nu-ù* (VE 708), см. [Archi 1988; Pasquali 2010]. Предложить для них убедительную реконструкцию, а также соотнести их с обсуждаемыми выше формами косвенного падежа пока не удается (особые трудности для объяснения представляют употребление знака Ù, который не используется обычно ни для /yu/, ни для /wu/).

¹² Трудно сказать с уверенностью, что именно имеется в виду под «светом ночи», однако скорее всего речь идет о рассвете (*la mattina presto* у Фрондзароли), когда предписывается выполнять пищевые жертвоприношения изображениям божеств-ангуббу, покровительствовавших военным действиям.

¹³ Употребление как *pluralis tantum* лексем, обозначающих части суток, хорошо известно в аккадском языке,ср. *liliātum* ‘вечер’, *mušiātum* ‘ночь’.

2.4. *i-da /yid-ay/* ‘плата’

- 8 MI [M]A.NA 「KÙ:[BABBAR] LÚ È URU.BAR *i-da NA.SE₁₁ NA.SE₁₁* ī.NA.SUM-SÙ ‘800 мин серебра, которые деревня потратила в качестве платы людям, были отданы им’ (ARET XVI 8 obv. I 5 – II 5)

Поскольку в аккадском слово *id-ū* ‘плата (заработка или арендная)’ регулярно используется как *pluralis tantum* (CAD I 16), представляется более чем естественным интерпретировать таким же образом эблайтскую форму: номинатив */yid-ū/*, косвенный падеж */yid-ay/*.

3. ЭБЛАИТСКИЙ *BAHUVRĪHI*

В семитских языках индоевропейским сложным прилагательным типа *bahuvrīhi* (черноголовый, красноклювый и т. д.) функционально соответствуют генитивные конструкции, в которых роль вершинного имени (*pomen regens*) выполняет прилагательное, описывающее качество, а зависимого (*pomen rectum*) — обозначение обладаемого: евр. *?iš uərē-tō?ar* ‘человек, прекрасный видом’.

В аккадском языке такие словосочетания характеризуются особым оформлением: по неустановленной до сих пор причине вершинное имя маркируется показателем *-at*, внешне тождественным аккузативу с мимацией. В ассириологической традиции аккадский аналог *bahuvrīhi* обычно называют *damkam-īnīm* ‘(человек,) прекрасный глазом’ [von Soden 1960; Reiner 1984; Wasserman 2003: 45–60].

В то время как саргоновские (староаккадские) тексты не содержат примеров употребления *damkam-īnīm*, довольно значительный свод примеров, несомненно связанных с этой конструкцией, мы находим в эблайтском лексическом списке (*Vocabolario di Ebla*, VE).

EME.LÁ = *ba-ti-mu-um li-sa-nu* /padimum lišānu/ ‘запинающийся языком’ (VE 180, [Conti 1990: 94])

EME.LÁ = *a-a-gú-um li-sa-nu* /^faLagum lišānu/ ‘заикающийся языком’ (VE 180, [Conti 1990: 94])

KIRI_{4.DÙ} = *ša-gi-lum a-bù*, *ša-gi-lu-um a-bù* /daķiRum ?appu/ ‘с заданным носом’ (VE 212, [Krebernik 1983: 9–10; Conti 1990: 97])

ZÚ.GUL = *ha-zí-lum si-nu* /ħasiRum šinna/ ‘со сломанным зубом’ (VE 227, [Conti 1990: 102])

Á.ÚR = *ga-za-rúm bù-tum /kaṣarum būdum/* ‘узкоплечий’ (VE 544, [Krebernik 1983: 36; Conti 1990: 153])

ŠÀ.ḤUL.GIG = *ba-rí-um da-du /bari²um dādu/* ‘дурной любовью’ (VE 591, [Krebernik 1983: 22; Conti 1990: 165])¹⁴

GÈŠTUG.GÈŠTUG = *ha_x(HAL)-zu-um /ḥassum/* 2 GÈŠTUG ‘умный обоими ушами’ (VE 1253, [Krebernik 1983: 42; Catagnoti 2012: 201])¹⁵

При очевидном сходстве с аккадской конструкцией *dam̄kat-īnīm* эблайтские примеры демонстрируют важные отличия от нее. С одной стороны, *pomen rectum* во всех случаях оформлен не генитивом, а номинативом /-и(m)/, что, по всей видимости, свидетельствует о вторичной лексикализации всего комплекса.¹⁶ С другой стороны, *pomen regens* маркируется здесь не аккузативом с мимнацией, а номинативом с мимнацией, в свете чего можно предположить, что позднейшая аккадская конструкция с аккузативом является диахронически второй.¹⁷

Анализ эблайтской конструкции (которую, по аналогии с месопотамской, можно назвать *dam̄kut-īti(m)*) заставляет вновь обратиться к вопросу о природе мимнации при *pomen rectum*. Как кажется, авторы ранее опубликованных трудов по этому вопросу (прежде всего, В. фон Зоден) не были знакомы с гипотезой Е. Куриловича (позднее развитой А. Долгопольским, а также автором настоящей заметки), согласно которой мимнация представляет собой древний постпозитивный определенный артикль [Kuryłowicz 1950; Dolgopolsky 1991; Kogan, Markina 2006; 2012]. Если это предположение верно, употребление мимнации в *dam̄kat-īnīm* находит интересную параллель в употреблении определенного артиклия в арабском *bahuvrīhi*. Как известно, сопряженное сочетание типа *baytu r-ražuli* ‘дом человека’ считается в арабском (и в других центральносибирских языках) грамматически определенным, однако структурно тождественный *bahuvrīhi* (*žamīlu*

¹⁴ Смысл, стоящий за этим загадочным выражением, установить не удается.

¹⁵ В месопотамской традиции ухо считалось вместилищем мудрости, а соответствующие анатомические термины (*iznu, hasīsu*) нередко употреблялись в значении ‘мудрость, знание’.

¹⁶ Изредка такого рода примеры отмечаются за пределами Эблы, ср. имя собственное *nātrat-šērūm* ‘Светлый-Зарей’ в старовавилонском Мари [Wasserman 2003: 54–55]. Лексикализация посредством номинатива делает эти словосочетания типологически более близкими к индоевропейскому *bahuvrīhi*, чем «классический» семитский тип со вторым членом в генитиве [ср. Wasserman 2003: 59–60].

¹⁷ К сожалению, природу этой странной инновации мы объяснить не в состоянии, и эблайтские данные не помогают прояснить картину.

l-wažhi ‘красивый лицом’) таковы не считаются: арабские грамматики называют его «неподлинным примыканием» (*uneigentliche Annexion*). Словосочетания этого типа участвуют в двух «неправильных» с точки зрения обычных синтаксических норм комбинациях: *ražulun žamīlu l-wažhi* ‘a man with a beautiful face’ и *?ar-ražulu l-žamīlu l-wažhi* ‘the man with a beautiful face’. В первом случае неопределенная вершина сочетается с формально определенным прилагательным; во втором случае прилагательное оказывается дважды определенным. В рамках гипотезы об артиклеобразной природе мимации словосочетание типа /kašarum būdum/ оказывается полным формальным аналогом арабской конструкции *?al-žamīlu l-wažhi* с точки зрения распределения показателей определенности.

4. НЕМАРКИРОВАННЫЙ ПРЕДИКАТ ПРИДАТОЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одной из характерных особенностей аккадского языка является обязательное маркирование глагольного предиката придаточного предложения маркером субъюнктива (субординатива), обычным алломорфом которого является *-i* [Kouwenberg 2010: 220–232]. В грамматике Катаньоти субъюнктив рутинным образом описывается как одна из категорий эблайтского глагола, однако уже крайняя малочисленность примеров, приводимых в [Catagnoli 2012: 137], заставляет усомниться в том, что речь идет об обычном, регулярно используемом показателе.

- *na-ti-lu ti-na-da-ú sa-ti* ^dTU *ti-?à-ba-ni* ‘Плакальщики начинают плач, посвященный ND, (которая) разгневана’ (ARET XI 1 rev. V 6–10)¹⁸
- *ap su-ni-ma da-gi-mu wa LÚ.KAR É.É-SÙ wa mi-ne-ma a-i-mu-du* DAM.GÀR *bù-šu-ti* (ARET XVI 9 obv. III 9 – IV 8)¹⁹

¹⁸ Вопреки [Fronzaroli 1993: 42] и [Catagnoli 2012: 137], глагольная форма *ti-?à-ba-ni* зависит не от относительного местоимения *sa-ti*. Если она в самом деле представляет собой субъюнктив, то речь должна идти о состоящем из одного слова бессоюзном относительном предложении, относящемся к имени богини.

¹⁹ Этот плохо понятый отрывок Катаньоти и Фрондароли переводят как ‘e poi, dato che essi si sono piegati (all'accordo), al commerciante per le loro case e al mercante di qualsiasi cosa della quale egli davvero scarseggi quanto a disponibilità’ [Catagnoli, Fronzaroli 2010: 72]. Интерпретация последовательности *a-i-mu-du* как /la-yimutu/ ‘egli davvero scarseggia’ [Catagnoli, Fronzaroli 2010: 215] крайне маловероятна уже потому, что предикат придаточного предложения не может быть оформлен ассеверативным *la* [Kouwenberg 2017: 640].

- *ap ?à-du^{ki} [u₉]-ba₄-ùl-ù* (ARET XVI 15 obv. I 4'-6')²⁰
- INIM.DI INIM.DI É *su-[?a₅]-ti ?a₅-su* (ARET XVI 17 obv. I 5-7)²¹

Напротив, имеется целый свод примеров, в которых показатель субъюнктива ожидался бы по нормам месопотамского аккадского, однако в действительности отсутствует.

- *mi-in* [U₄ *n*] *u-ti-ì sa-ba-a-tim mi-in* [*a-h*] É-[*rí*] *s[a-ba-a]-ti-im* SAG EN Ù SAG MA.LIK.TUM *ma-zì-à* ‘Когда мы заканчиваем ритуалы, после (всех оставшихся) ритуалов, голова царя и голова царицы должны быть вымыты’ (ARET XI 1 rev. XVIII 15-27)²²
- *ba-a áš-du* IGI.IGI *i-si wa-a si-in a-bí* DINGIR.DINGIR.DINGIR DU ‘И после того, как он принесет провизию, иди к «Отцу Богов» (ARET XIII 1 obv. IX 2-10)
- *a-ti ti-sa-a-a* SIKIL É *si-[n]a-ti* [NU] ŠU MU.TAK₄ ‘Пока не спросишь (меня), не назначай чистой (жертвы) для «Дома Снов» (ARET III 1 rev. IV 2-6)
- *áš-du-ma bù-lu-wa-da-su-nu dib-ti-sa-ag wa dib-da-ru₁₂ si-in* URU^{ki} ‘Когда их урожай окажется скучным, пусть ... к Городу’ (ARET XIII 9 obv. IX 8-14)

В свете этих примеров представляется уместным предположить, что изоглосса *u*-субъюнктива не захватывала эблайтский ареал.

В эблайтском также не употреблялись *n*-субъюнктивы после долгих гласных, в отличие от ассирийского и саргоновского диалектов. Имеется по крайней мере один достоверный пример, в котором такая форма могла бы встретиться, но в действительности отсутствует.

- 1 TÚG.NI.NI DUMU.MÍ *za-ni-tum in* U₄ *u₉-zú ig-rí-iš-ḥa-lab_x du-da-ù* ‘Одна ткань для «дочери проститутки» в день, когда они будут выполнять гадание для NP’ (ARET XV/1 38 rev. III 19 – IV 4)²³

²⁰ Контекст поврежден, субъюнктив крайне маловероятен.

²¹ Интерпретация ?a₅-su как /?assū/ ‘io portai’ [Catagnoli 2012: 215] гадательна.

²² Ср. проницательное замечание Фрондзароли: «Contrariamente alla norma della sintassi accadica per le proposizioni temporali la forma verbale è all'indicativo» [Fronzaroli 1993: 52].

²³ Интерпретация по [Pasquali 2009; 2013: 44 и 2015]. К сожалению, автор не высказывает своего мнения о том, кто стоит за обозначением «дочь проститутки». Буквальное понимание в данном контексте едва ли возможно, поэтому, скорее всего, речь идет о какой-то представительнице младшего культового персонала.

Известно, что отсутствие маркирования предиката придаточного предложения было характерно для ранних текстов типа *šakkanakki* из Мари [Colonna d'Istria 2009]. Имея ввиду географическую близость между Мари и Эблой, мы можем предположить, что речь идет об ареальном феномене, распространенном среди восточносемитских языков Сирии в противоположность «классическим» месопотамским диалектам. Если эта гипотеза верна, она могла бы свидетельствовать в пользу того, что распространение изоглоссы субъюнктива в месопотамском аккадском до известной степени обусловлено шумерским субстратным влиянием (вопреки критике Каувенберга в [Kouwenberg 2010: 230]).

ЛИТЕРАТУРА

- Коган Л. Е.* Семитские языки // Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. — М. : РАН. Институт языкоизучения, 2009. — С. 15–112.
- Archi A.* Minima Eblaitica 6: igi-dub = *ba-nu-ù* 'lame, feuille pour le visage, visage' // Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires. — 1988. — № 77. — P. 53–54.
- Catagnoti A.* La grammatica della lingua di Ebla. — Quaderni di Semitistica, 29. — Firenze : Università di Firenze, 2012.
- Catagnoti A., Fronzaroli P.* Testi di cancelleria: il re e i funzionari. — ARET XVI. — Roma : Università di Roma “La Sapienza”, 2010.
- Colonna d'Istria L.* Evolution des traditions culturelles dans la vallée du Moyen Euphrate de la fin du Bronze Ancien au début du Bronze Moyen. — Неопубликованная диссертация. Университет Лионна, 2009.
- Conti G.* Il sillabario della quarta fonte della lista lessicale bilingue eblaita. — Quaderni di Semitistica, 17. — Firenze : Università di Firenze, 1990.
- Dolgopolsky A.* Two Problems of Semitic Historical Linguistics // Semitic Studies in Honor of Wolf Leslau on the Occasion of His Eighty-fifth Birthday. — Wiesbaden : Harrassowitz, 1991. — P. 328–339.
- Fronzaroli P.* Testi rituali della regalità (Archivio L. 2769). — ARET XI. — Roma : Università di Roma “La Sapienza”, 1993.
- Fronzaroli P.* Notes sur la syntaxe éblaïte // Amurru. — 1996. — Vol. 1. — P. 125–134.
- Fronzaroli P.* Testi di cancelleria: i rapporti con le città (Archivio L. 2769). — ARET XIII. — Roma : Università di Roma “La Sapienza”, 2003.
- Hasselbach R.* External Plural Markers in Semitic: a New Assessment // Studies in Semitic and Afroasiatic Linguistics Presented to Gene Gragg. — Chicago : The Oriental Institute, 2007. — P. 123–138.

- Kogan L., Krebernik M.* Eblaite // A History of Akkadian / Ed. by J.-P. Vita. — Leiden : Brill, 2021 [в печати].
- Kogan L., Markina E.* Review of: R. Hasselbach / Sargonic Akkadian. — Wiesbaden: Harrassowitz, 2005 // Babel und Bibel. — 2006. — Vol. 3. — P. 555–588.
- Kogan L., Markina E.* Marginalia Sargonica (I) // Babel und Bibel. — 2012. — Vol. 6. — P. 479–485.
- Kouwenberg N. J. C.* The Akkadian Verb and Its Semitic Background. — Winona Lake : Eisenbrauns, 2010.
- Kouwenberg N. J. C.* Review of: R. Hasselbach / Case in Semitic: Roles, Relations, and Reconstruction. — Oxford : Oxford Scholarship, 2013 // Orientalia. — 2015. — Vol. 84. — P. 123–129.
- Kouwenberg N. J. C.* A Grammar of Old Assyrian. — Leiden : Brill, 2017.
- Krebernik M.* Zu Syllabar und Orthographie der lexikalischen Texte aus Ebla. Teil 1 // Zeitschrift für Assyriologie. — 1982. — Bd. 72. — S. 178–236.
- Krebernik M.* Zu Syllabar und Orthographie der lexikalischen Texte aus Ebla. Teil 2 (Glossar) // Zeitschrift für Assyriologie. — 1983. — Bd. 73. — S. 1–47.
- Kuryłowicz J.* La mimation et l'article en arabe // Archiv Orientální. — 1950. — Vol. 18. — S. 323–328.
- Pasquali J.* Hullum a Ebla e Mari // Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires. — 1995. — № 59. — P. 52–53.
- Pasquali J.* La graphie *u₉-zu*, *u₉-zú* et l'exercice de la nécromancie dans la documentation éblaïte // Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires. — 2009. — № 62. — P. 77–80.
- Pasquali J.* "Masque funéraire": une nouvelle acception du terme éblaïte *ba-na-ù?* // Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires. — 2010. — № 60. — P. 69–70.
- Pasquali J.* Symbolique de mort et de renaissance dans les cultes et les rites éblaïtes: *̣ga-na-na*, les ancêtres et la royauté // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. — 2013. — Vol. 107. — P. 43–70.
- Pasquali J.* Éblaïte *za-ni-tum* 'prostituée' // Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires. — 2015. — Vol. 60, № 3. — P. 95–98.
- Reiner E.* Damqam-īnim Revisited // Studia Orientalia Fennica. — 1984. — Vol. 55. — P. 175–182.
- Soden W. von.* Status Rectus-Formen vor dem Genitiv im Akkadischen und die sogenannte uneigentliche Annexion im Arabischen // Journal of Near Eastern Studies. — 1960. — Vol. 19. — P. 163–171.
- Tonietti M. V.* Aspetti del sillabario eblaita: la resa grafica della sillaba chiusa ed il valore *id_x(NI)* // Quaderni del Dipartimento di Linguistica. Università degli studi di Firenze. — 2011–2012. — Vol. 21. — P. 67–84.
- Wasserman N.* Style and Form in Old Babylonian Literary Texts. — Leiden : Brill, 2003.

О. Ф. Кривнова, К. А. Патрикеева

МЕТОДЫ ДЕЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ, ИХ ТЕСТИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ*

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются методы делексикализации речевого сообщения и дается экспериментальная оценка их применения и эффективности. Обычно под делексикализацией понимается процедура такой обработки речевого сообщения/сигнала, в результате которой затрудняется или становится совсем невозможным распознавание словесного (лексического) состава речевого сообщения и, соответственно, его понимание. Однако требуется, чтобы при этом сохранилось исходное/естественное просодическое оформление сообщения. Мы надеемся, что наше исследование будет интересно Анне Константиновне, которая в душе является, по нашему мнению, великим экспериментатором и в науке, и в жизни...

Необходимость в делексикализации речевого сообщения возникает в задачах, где необходимо оценить роль и вес разной лингвистической информации в восприятии и понимании звучащей речи. В прикладных целях делексикализация используется для защиты речевой информации от несанкционированного доступа. В настоящее время эта процедура осуществляется, как правило, компьютерными методами.

Цель данного исследования заключалась в тестировании различных методов делексикализации и сравнении их эффективности. Существует довольно много способов делексикализации речевого сообщения — от чисто технических до лингвистических, но мы рассмотрим лишь некоторые из них, выделив наиболее доступные в техническом и экспериментальном плане. А именно будут рассмотрены следующие методы: зашумление

---

* Представленное в статье исследование было выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-012-00534 А.

речевого сигнала, замена согласных/гласных звуков паузами той же длительности и фильтрация спектра.

В качестве материала для исследования были выбраны тестовые фразы для оценки качества и разборчивости речи (ГОСТ 16600–72), выровненные по фонетическим и синтаксическим признакам, играющим важную роль в распознавании речи.

В настоящее время нет единого мнения по поводу эффективности каждого из указанных выше методов делексикализации, и задачей данного исследования является получение сравнительной оценки их эффективности. Эти данные могут учитываться при выборе метода делексикализации для различных целей, например, для прикладных задач разного рода.

Конечной целью данного исследования является определение фонетических признаков сообщения, наиболее и наименее устойчивых к различным его преобразованиям.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечалось выше, делексикализация речевого сообщения предполагает, прежде всего, удаление сегментной фонетической информации из речевых сигналов с целью сделать их неразборчивыми при сохранении просодических характеристик. Как известно, восприятие и понимание речевого сообщения имеет комплексный многоуровневый характер: оно зависит как от его лексического состава, так и от грамматической и фонетической структуры, включая просодию.

Делексикализация представляет собой такой способ обработки речевого сообщения, который используется обычно в экспериментальных целях для затруднения распознавания лексического состава фразы при сохранении просодии. К сожалению, теоретической базы по методам делексикализации и их применению на данный момент практически не существует. Основной сферой применения делексикализованных сообщений являются исследования, посвященные теоретической и перцептивной фонетике, а также, с относительно недавнего времени, когнитивные исследования и исследования в области нейролингвистики.

Так, в работе [Sanderman 1996] исследуется чувствительность испытуемых к различиям в силе просодических границ (PBS) в тексте и определяются просодические признаки, которые используются при этом как перцептивные ключи. Чтобы нивелировать фактор имплицитного знания синтаксиса и семантики, оценка глубины границ производилась не только для нормальной речи, но и для делексикализованной. В [Lehiste, Wang

1977] использовался метод спектральной инверсии (знак каждого нечетного спектрального отсчета был инвертирован). В [Schaffer 1984] использовалась полосовая фильтрация спектра — все частоты ниже 70 Гц и выше 200 были отфильтрованы. В исследовании [Kreiman 1982] была применена комбинация указанных выше методов. Для целей эксперимента, проведенного в последней работе, эти методы были сочтены непригодными, поскольку обнаружилось, что искажение качества речи было слишком велико и просодические признаки также оказывались недоступными для восприятия. В результате было решено использовать метод, который требует больше времени для подготовки материала, но в меньшей степени деформирует сигнал и его просодию. Сначала был произведен LPC-спектральный анализ на тестовых предложениях, который определил 8 первых спектральных пиков. Далее им были приданы фиксированные частотные значения = 500, 1500, 2500 ... 7500 Гц с соответствующей шириной 50, 150, 250 ... 750 Гц. В результате все гласные в сообщении получили шва-образную окраску, а согласные также стали неузнаваемыми.¹ В статье [Vainio et al. 2009] описан метод делексикализации на основе схемы глоттального параметрического синтеза речи. Система использует обратный отфильтрованный голосовой сигнал и полюсное моделирование голосового тракта. Поясним, что глоттальная обратная фильтрация — это процедура, в результате которой речевой сигнал разлагается на голосовой сигнал источника и фильтровую функцию речевого тракта. Посредством этого разложения особенности естественного исходного голосового сигнала могут быть смоделированы при синтезе и ресинтезе речевого сообщения. Данный метод дает возможность сохранить или трансформировать все просодические особенности речи. Функциональность метода была проверена в эксперименте по просодическому оформлению сообщения, направленном на получение данных о значимости слова для системы синтеза речи. Эксперимент подтвердил полезность метода и полученные ранее данные о том, что определенные лексические факторы влияют на восприятие просодической информации.

Последний из описанных методов делексикализации можно назвать наиболее эффективным, однако обработка экспериментальных материалов представляется достаточно трудоемкой, поскольку на конечном этапе используется синтез/ресурсинтез речевого сообщения.

---

¹ В нашей работе данный метод не будет протестирован из-за своей сложности, которая является оправданной далеко не для всех целей. Напротив, метод фильтрации спектра, упомянутый автором и не принятый им из-за недостаточной эффективности, будет исследован нами в различных режимах, см. ниже.

Для полноты обзора остановимся кратко на методах, которые были применены в современных работах по нейролингвистике и нейробиологии. В [Meyer et al. 2004] описывается исследование, посвященное анализу уровня мозговой активности при прослушивании речевых сообщений в различных режимах. В проведенном авторами эксперименте испытуемые прослушивали нормальные, не обработанные никаким образом предложения, а также их модифицированные версии, в которых либо отсутствовали динамические изменения основного тона (т. н. **уплощенная/монотонная речь** — flattened), либо сигналы состояли исключительно из тонального контура (**искаженная речь** — degraded). Испытуемые должны были внимательно выслушать предложения и выполнить определенное задание. В результате эксперимента выяснилось, что различные модификации речевых сообщений вызывают разные показатели активности мозга. Для нашей работы важно рассмотреть методику обработки речевых сообщений в данном эксперименте.

Речевые сообщения, представляющие собой уплощенную/монотонную речь, были получены с помощью специальной процедуры повторного синтеза речи (ресурсинтеза) с целью вызвать модификацию просодии предложения. Все нормальные предложения были обработаны путем ресинтеза. Тональные модификации основаны на алгоритме, позволяющем перенастроить контур ЧОТ. Ресинтез речи осуществлялся при среднем значении F0 голоса говорящих, то есть при 200 Гц, применяя простую линейную функцию между началом и смещением для каждого предложения. Эта процедура удаляет исходные тональные акценты в сообщении; кроме того, были удалены интегральные тональные изменения, в результате чего было получено монотонно звучащее предложение. За исключением контура ЧОТ, описанная процедура ресинтеза сохраняет в речевом сигнале как слоговую, так и быстро меняющуюся внутрислоговую информацию (например, огибающую амплитуды и длительность). Результирующий сигнал не содержит каких-либо динамических изменений ЧОТ, т. е. не имеет пиков и впадин, и таким образом сглаживается глобально. С другой стороны, получившийся речевой сигнал сохраняет всю информацию, необходимую для анализа и восприятия фонем, распознавания лексики, синтаксической и семантической обработки.

Для получения речевого сигнала, в котором отсутствует лексическая и синтаксическая информация (искаженная речь), обычные предложения подвергались в рамках описанного выше эксперимента т. н. процедуре PURR-фильтрации. Речевые стимулы после применения PURR содержат только просодические параметры, такие как ЧОТ, длительность, огибающая амплитуды, а также вторая и третья гармоники ЧОТ. С лингвистиче-

ской точки зрения эти просодические характеристики являются наиболее важными для распознавания речи.

Все фразы озвучивались специально обученным диктором-женщиной в звукоизолированной комнате и оцифровывались с частотой дискретизации 41,1 кГц / 16 бит. Как уплощенная, так и искаженная речь были получены из нормальных предложений. Чтобы обеспечить достаточную и равную громкость модифицированных предложений, они были подвергнуты амплитудной нормализации. Средняя длительность звучания экспериментальных сообщений в естественных речевых условиях была $3,61 \pm 0,23$ с, в сглаженном тоне — $3,85 \pm 0,28$ с, а в делексикализованном искаженном варианте — $3,81 \pm 0,28$ с.

В нашем исследовании выбор методов делексикализации для тестирования был основан в первую очередь на критерии простоты их применения, исключающей необходимость ресинтеза контрольных сообщений. Поскольку сравнение существующих методов делексикализации, даже наиболее доступных, до сих пор не проводилось, было решено выбрать наиболее простые из них. Более сложные методы могут быть проанализированы в дальнейших исследованиях.

2. МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках настоящей работы был проведен эксперимент, цель которого состояла в том, чтобы эмпирически оценить эффективность различных методов делексикализации. В контролльном, перцептивном, эксперименте проверялась интегральная разборчивость фраз из тестовой выборки в шести тестовых режимах: два режима полосовой фильтрации спектра, зашумление белым (равномерночастотным) и розовым (низкочастотным) шумом, замена гласных или согласных на паузы той же длительности. Ниже дается краткая характеристика указанных методов делексикализации.

2.1. Полосовая фильтрация спектра

Полосовая фильтрация спектра обеспечивает повышение или понижение уровня спектральных составляющих звукового сигнала в выбранных частотных полосах без внесения новых составляющих в спектр. Среди фильтров, используемых для частотной модификации сообщения, можно выделить несколько групп в зависимости от того, какие частоты фильтром пропускаются или подавляются.

В настоящей работе был использован полосовой пропускающий фильтр, частотные характеристики которого приведены на Рис. 1.

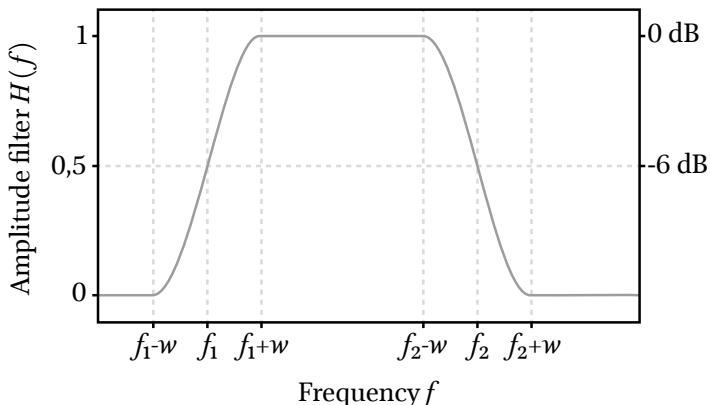

Рис. 1. Частотные характеристики полосового фильтра в тестовом эксперименте (по оси X частота, по оси Y амплитуда)

2.2. Метод зашумления

В случае, когда источником помехи является некоторый дополнительный сигнал, не относящийся к целевому речевому сигналу, в частности, шум, причиной затруднения восприятия речи является так называемый эффект маскировки. Он заключается в изменении слуховой чувствительности к маскируемому сигналу под воздействием маскирующего [Алдошина 2000].

В нашем исследовании использовалась маскировка речевого сообщения монотонным шумом. В целях делексикализации сообщения были протестированы следующие виды шума:

- **белый шум**, т. е. стационарный шум, спектральные составляющие которого равномерно распределены по всему диапазону частот;
- **розовый шум**, т. е. шум, равномерно убывающий по логарифмической шкале частот.

Существуют также и другие виды шума, однако их применение в нашей работе нецелесообразно, поскольку маскировка низких частот, характерная для выбранных видов шума, для распознавания речи важнее, чем высоких.

2.3. Замена звуков на акустические паузы той же длительности

В данной работе производилась замена гласных или согласных звуков в тестовом речевом сообщении.

Нами было сформулировано несколько предположений относительно того, как должны различаться результаты метода делексикализации с заменой звуков разных классов. Гласные содержат информацию о ритмическом типе слова — количество слогов и месте ударения в нем, и замена согласных на паузы может привести к сохранению распознавания просодических характеристик слова при низкой общей разборчивости. Согласные, напротив, содержат больше информации о лексическом составе речевого сообщения, поскольку именно согласные имеют наибольший вес при распознавании слова. Также нужно заметить, что в связи с коартикуляцией и другими фонетическими процессами каждый звук содержит информацию об окружающих его сегментах, и различия между двумя режимами замены звуков на паузы могут сгладиться. Данные предположения были проверены в ходе эксперимента, см. ниже.

3. МАТЕРИАЛ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Критерии выбора контрольных тестовых фраз

Для тестирования и сравнения различных методов делексикализации необходимо было подобрать фразы таким образом, чтобы они исходно как можно меньше различались по значимым для восприятия речи признакам. Вопрос о том, как различные методы делексикализации работают на сообщениях с разной исходной степенью помехоустойчивости, очень важен и представляет собой перспективное направление для дальнейших исследований, однако в нашей работе основной акцент делается на тестировании самих методов делексикализации на одном и том же контролльном материале, поэтому тестовые речевые сообщения были выровнены по всем основным факторам, влияющим на разборчивость слов. А именно, учитывались следующие факторы:

- максимальный показатель слогового контраста;
- частотность слогов и слов, входящих в тестовые фразы;
- длина и ритмический тип слов, входящих в тестовые фразы;
- интонация фраз;
- основные синтаксические признаки предложений: количество слов, порядок слов, залог.

3.1. Максимальный интегральный показатель слогового контраста

В качестве экспериментальных фраз были выбраны сообщения, которые характеризуются одинаковой суммарной помехоустойчивостью слов, причем предпочтение отдавалось слогам с максимальной или близкой к этому помехоустойчивостью. В качестве акустической характеристики слова рассматривались не только собственные признаки входящих в него фонем, но также и признак слова как целого, который заключается в степени фонетического сходства/различия входящих в него сегментов, т. е. слоговой контраст [Бондарко 1977]. Важность признака «слоговой контраст» и его составляющих была показана в экспериментальном исследовании по оценке распознавания слогов в шуме [Штерн 1992].

При выборе тестовых фраз были использованы экспериментальные слоговые таблицы, полученные в работе [Крейчи, Кривнова, Тихонова 2017]. Предпочтение отдавалось фразам, в которых большинство слогов имеют высокую или среднюю степень помехоустойчивости, см. Табл. 1 и 2.

ба	му	на	ч'е	л'а	па	ш'a	та	ре	й'e
ле	ва	ло	га	ше	ве	ха	ч'o	лы	ры
ра	л'i	ш'e	ну	ла	ше	са	й'o	це	ч'u
й'y	мы	ру	ш'o	ч'i	ву	цы	ро	су	ны
мо	вы	го	ша	но	ме	лу	хo	ш'i	ма
не	с'i	со	ш'y	ши	й'a	ка	л'o	л'y	ко

Табл. 1. Слоги с высокой степенью помехоустойчивости

в'e	жу	м'a	по	де	н'o	р'i	в'a	се	за
д'i	p'o	ке	бу	p'y	жа	да	н'a	п'i	гы
фу	c'y	то	пу	цо	г'a	шу	ты	цу	p'a
зы	шо	в'o	сы	д'e	c'o	жы	ца	б'e	c'e
до	н'y	т'e	ду	фа	m'o	в'i	д'y	н'i	г'e
же	p'e	гу	жо	й'i	бы	ку	м'e	м'i	ч'a
с'a	б'i	кы	н'e	ту	з'e	т'i	ге	д'o	зу
з'i	к'i	п'e	м'y						

Табл. 2. Слоги со средней степенью помехоустойчивости

Фразы, содержащие слоги с низкой помехоустойчивостью, не использовались в нашем эксперименте, однако рассмотрение таких речевых сообщений — важный предмет для дальнейших исследований.

3.2. Частотность слогов и слов, входящих в тестовые фразы

Из перцептивных исследований известно, что в условиях недостаточной акустической информации для распознавания сообщения слушающий принимает решение в пользу наиболее частотного варианта из возможных.

В связи с этим тестовые фразы были подобраны таким образом, чтобы в них входили наиболее частотные слоги русского языка, а лексический состав был легко узнаваемым и не относился к специализированной лексике. Фразы брались из сбалансированных фонетических таблиц (ГОСТ 16600–72), которые содержат в себе слова из разряда нейтральной лексики (фразы с включением лексики команд авиационной тематики для нашего эксперимента не выбирались).

3.3. Длина и ритмический тип слов, входящих в тестовые фразы

Ритмический тип слова (количество слогов и место ударения) является одной из наиболее важных для восприятия просодических характеристик речи. Данные о частотности ритмических типов в русском языке были взяты из работы [Бондарко, Зиндер, Штерн 1977]. Согласно этим данным, наиболее частотными в русском языке являются двусложные слова с ударением на первом слоге и трехсложные слова с ударением на втором слоге. С учетом этого тестовые фразы выравнивались по частотности ритмических типов входивших в них слов.

3.4. Синтаксические и интонационные признаки тестовых фраз

Основными синтаксическими факторами, влияющими на помехоустойчивость речевых сообщений, являются следующие:

- интонация;
- распространенность и синтаксическая сложность;
- количество и порядок слов;
- залог.

К сожалению, в настоящей работе выравниванию тестовых фраз по указанным синтаксическим признакам не былоделено достаточного внимания, однако в дальнейших исследованиях необходимо более детально

производить выравнивание тестовых фраз по указанным синтаксическим параметрам.

Для тестового эксперимента выбирались фразы с нейтральной повествовательной интонацией, содержащие три фонетических слова, преимущественно в активном залоге с прямым порядком слов.

Приведем в качестве примера тестовые фразы, которые были выбраны в результате учета всех описанных выше факторов (всего таких фраз было 16):

1. <i>Синицы зимуют в Эстонии.</i> 2. <i>Ученница разбила колено.</i> 3. <i>Здания находились в центре.</i> 4. <i>Сначала сдают математику.</i> 5. <i>Секунда прошла незаметно.</i>	6. <i>Полет оказался нелегким.</i> 7. <i>Приехал снабженец завода.</i> 8. <i>Машина стояла в гараже.</i> 9. <i>Билеты оказались старыми.</i> 10. <i>Студенты слушали лекцию.</i>

4. ДИЗАЙН ЭКСПЕРИМЕНТА

С использованием тестовых фраз, отобранных из ГОСТ 16600–72, был проведен перцептивный тест на лексическую разборчивость и сохранность просодических характеристик, цель которого заключалась в оценке эффективности выбранных методов делексикализации речевого сообщения. Фразы были прочитаны диктором-женщиной с четким произношением в соответствии с современной литературной нормой. Фразы читались списком с межфразовыми паузами. Запись велась на компьютер в условиях близких к студийным в цифровом формате 16 бит, 22.250 Гц. Каждая контрольная фраза была затем обработана одним из описанных ранее методов делексикализации. В ходе перцептивного эксперимента испытуемым необходимо было прослушать тестовые фразы в указанной экспериментатором последовательности. В качестве испытуемых были приглашены 15 студентов от 19 до 24 лет, 10 женского пола и 5 мужского пола. Родным языком для всех испытуемых является русский, все они являются носителями стандартного московского произношения, ни один не жаловался на нарушения слуха. Каждому испытуемому предлагался для прослушивания один из 15 экспериментальных комплектов. Задача испытуемого заключалась в том, чтобы записать в протокол следующую информацию о прослушанном речевом сообщении: интонация (нейтральная, вопросительная или восклицательная), количество слов, количество слогов, номера ударных слогов. Также испытуемому предлагалось записать прослушанную фразу в русской орфографии. В случае затруднения

в анкете выбирался вариант «Затрудняюсь ответить». Перед прослушиванием тестового материала предлагалось прослушать тренировочный фрагмент в форме немодифицированного речевого сообщения. Тренировочный материал можно было прослушивать неограниченное количество раз. На нем устанавливалась громкость сигнала, которая была, по мнению испытуемого, наиболее удобной для него.

Протокол ответов представлял собой Google-форму, состоящую из 27 разделов. В первом разделе сообщались данные об испытуемом: пол, возраст, образование. Во втором разделе участнику эксперимента предлагалось прослушать немодифицированное речевое сообщение для установки громкости сигнала, а также для определения способности испытуемого к адекватному восприятию звучащей речи. В последующих разделах содержались анкеты для 12 фраз, каждую из которых необходимо было прослушать два раза. Испытуемый должен был самостоятельно прослушать предоставленные аудиофайлы в удаленном доступе и записать ответы в соответствующие поля анкеты.

4.1. Обработка экспериментальных фраз в целях их делексикализации

В настоящей работе использовались следующие методы обработки речевых сообщений:

- фильтрация спектра в диапазоне 0–300 Гц и 300–500 Гц;
- наложение белого или розового шума;
- замена согласных/гласных звуков на паузы той же длительности.

4.1.1. Полосовая фильтрация спектра в двух указанных диапазонах была произведена в программе Praat. Для каждой из тестовых фраз были получены речевые сообщения, отфильтрованные по одной из двух полос частот: 0–300 Гц и 300–500 Гц.² На Рис. 2а–в (стр. 237) представлены осциллограммы и динамические спектrogramмы речевых сообщений до и после фильтрации.

---

² Аудиозаписи, полученные в результате пропуска более высоких частот были исключены из экспериментальной выборки, поскольку еще на этапе подготовки экспериментальных фраз стало понятно, что данный тип фильтрации не привносит значительных изменений в звучание речевого сообщения.

4.1.2. Для зашумления тестовых фраз к аудиозаписям была применена процедура наложения шума в звуковом редакторе Adobe Audition CS6. Использовался широкополосный белый и розовый шум. Соотношение сигнал/шум +0 дБ в обоих случаях. На Рис. За–в (стр. 238) представлены осциллограммы и динамические спектрограммы речевых сообщений до и после зашумления.

4.1.3. Замена согласных/гласных звуков на паузы была произведена в звуковом редакторе Adobe Audition CS6. На Рис. 4а–в (стр. 239) представлены осциллограммы и динамические спектрограммы речевых сообщений до и после замены звуков на паузы той же длительности.

5. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ДЕЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ

5.1. Критерии оценки эффективности методов и отдельных режимов делексикализации

При оценке результатов делексикализации учитывалась **разборчивость** тестовых фраз, а также **сохранение** их просодических характеристик. Разборчивость фраз определялась в процентах как отношение количества правильно принятых фраз, а также отдельных слов и фонем к количеству исходных. Величина разборчивости, полученная при измерениях, округлялась до целого числа. Под сохранением просодических свойств фразы подразумевается процент правильно указанных просодических характеристик относительно исходных в тестовой фразе: количество слогов, номера ударных слогов, интонация. Кроме того, для каждого метода и режима было подсчитано количество правильно распознанных, помехоустойчивых фонем (в %).

В Табл. 3 и 4 (стр. 234) представлены результаты для каждого из методов и отдельных режимов делексикализации. Табл. 3 содержит средние оценки по двум прослушиваниям с учетом различных режимов, а Табл. 4 — средние оценки для каждого из трех методов делексикализации. В обеих таблицах содержится информация о проценте разборчивости фраз, а также о проценте правильно указанных просодических характеристик.

Методы и режимы делексикализации	Интонация	Кол-во слов	Кол-во слогов	Номера ударных слогов	Запись в орфографии — распознавание фонем
Фильтрация спектра 300–500 Гц	94	97	43	37	19
Фильтрация спектра 0–300 Гц	80	77	30	17	01
Розовый шум	77	76	24	25	17
Белый шум	90	79	42	40	43
Замена согласных на паузы	80	87	25	22	17
Замена гласных на паузы	95	97	33	40	43

Табл. 3. Средние оценки делексикализации тестовых фраз по двум прослушиваниям с учетом отдельных режимов (в % правильных ответов относительно исходных)

Методы и режимы делексикализации	Интонация	Кол-во слов	Кол-во слогов	Номера ударных слогов	Запись в орфографии — распознавание фонем
Фильтрация спектра	87	87	37	27	10
Зашумление	83	77	33	33	30
Замена звуков на паузы	88	92	29	31	30

Табл. 4. Средние оценки разных методов делексикализации тестовых фраз по двум прослушиваниям (в % правильных ответов относительно исходных)

5.2. Обсуждение результатов исследования и выводы

Поскольку целью делексикализации является нарушение восприятия лексического состава фразы при сохранении просодических признаков, предполагается, что для наиболее успешных методов делексикализации должна быть характерна низкая степень разборчивости словесного состава фразы и достаточно высокая точность восприятия просодических характеристик. Сравнение использованных методов и режимов показало, что лучше всего с задачей делексикализации справляется фильтрация спектра с пропуском низких частот (0–300 Гц): этот режим наиболее сильно препятствует правильному распознаванию лексического состава фразы, сохраняя при этом все значимые просодические характеристики. Наименее удачными методами для делексикализации можно считать на-

ложение белого шума, не изменяющее структуру сообщения, и замену гласных звуков на паузы, оставляющую наибольшее количество значимой информации о лексическом составе фразы. Эти методы максимально сохраняют лексический состав фразы, что негативно влияет на результат делексикализации.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель данного исследования заключалась в тестировании различных методов делексикализации речевых сообщений и сравнении их эффективности. Результаты проведенного нами тестирования показали, что в целом все выбранные методы и режимы делексикализации удовлетворяют необходимым требованиям: распознавание слов значительно нарушается при относительной сохранности просодических характеристик — ритмического типа слов (количество слогов и номера ударных слогов) и количества слов во фразе. При этом наиболее эффективным оказался метод фильтрации спектра с пропуском низких частот (0–300 Гц). А наименее эффективными — наложение белого шума и замена гласных звуков на паузы. Однако по результатам проведенного эксперимента была также выявлена значительная степень внутренней неоднородности тестовых фраз по степени помехоустойчивости входящих в них элементов. В нашей работе не было уделено достаточного внимания выравниванию фраз по лексико-синтаксическим критериям, и в дальнейшем необходимо продолжить исследование в этом направлении. Тогда можно будет более аккуратно составить список тестовых фраз и обеспечить их большую внутреннюю лингвистическую однородность.

Отметим также несколько направлений, в которых можно было бы продолжать данное исследование. Прежде всего, это уже упомянутое усовершенствование критериев определения интегральной помехоустойчивости фраз и составление на их основе новых списков тестовых фраз, выполненных с точки зрения синтаксиса и лексического состава. Тестовый материал можно также расширить, например, псевдофразами, состоящими из не связанных друг с другом слов/псевдослов русского языка. Это позволит оценить значимость синтаксиса и лексикона в восприятии речи и проверить предположение о том, что делексикализованные псевдофразы будут менее разборчивыми при сохранении просодических признаков. Кроме того, можно обратить особое внимание на наименее помехоустойчивые с точки зрения выбранных нами критериев фразы и провести эксперимент с использованием такого материала.

Еще одним направлением для дальнейших исследований можно считать применение и сравнение эффективности других методов делексикализации, более сложных с технической точки зрения, например, методов с использованием ресинтеза речи и псевдословами.

ЛИТЕРАТУРА

- Алдошина И. А. Основы психоакустики. — М. : Оборонгиз, 2000.
- Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. — М. : Прогресс, 1977.
- Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р., Штерн А. С. Некоторые статистические характеристики русской речи // Слух и речь в норме и патологии. — Вып. 2. — Л.: ЛВЦ ВОГ, 1977. — С. 3–16.
- Крейчи С. А., Кривнова О. Ф., Тихонова Е. А. Помехоустойчивость слоговых таблиц при восприятии речи в шуме // Speech Technology. — 2017. — Vol. 1–2. — P. 25–36.
- Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности. — СПб. : Изд. Санкт-Петербургского университета, 1992.
- Kreiman J. Perception of sentence and paragraph boundaries in natural conversation // Journal of Phonetics. — 1982. — Vol. 10. — P. 163–175.
- Lehiste I., Wang W. Perception of sentence and paragraph boundaries with and without semantic information // Phonologica 1976. Akten der dritten Internationalen Phonologie-Tagung, Wien, 1.–4. 09 1976 / Ed. by W. U. Dressler and O. E. Pfeiffer. — Innsbruck : Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1977. — S. 277–283.
- Meyer M. et al. Brain activity varies with modulation of dynamic pitch variance in sentence melody // Brain and Language. — 2004. — Vol. 89. — P. 277–289.
- Sanderman A. Prosodic Phrasing: production, perception, acceptability and comprehension. — Eindhoven : Technische Universiteit Eindhoven, 1996.
- Schaffer D. The role of intonation as a cue to topic management in conversation // Journal of Phonetics. — 1984. — Vol. 12 (4). — P. 327–344.
- Vainio M. et al. New method for delexicalization and its application to prosodic tagging for text-to-speech synthesis // Interspeech 2009. Proceedings of the 10th Annual Conference of the International Speech Communication Association, Brighton, UK, 6–10 Sept 2009. — P. 1703–1706.

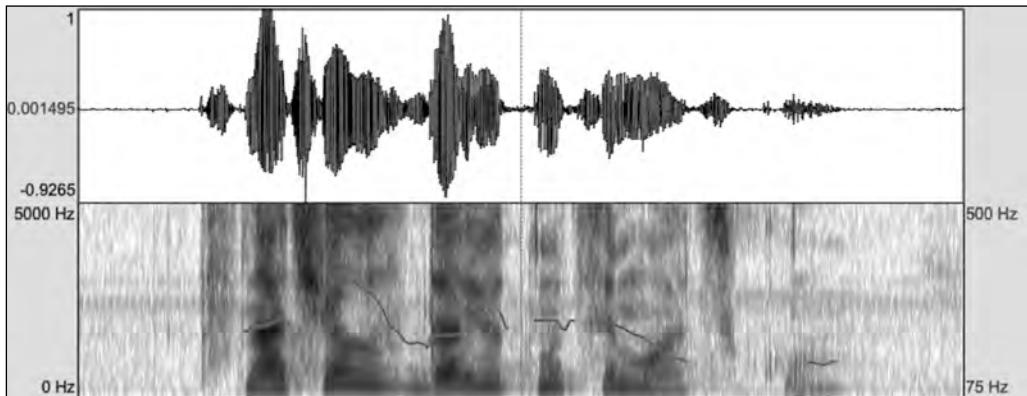

Рис. 2а. Тестовая фраза *Сначала сдают математику*
до фильтрации с наложенным тональным контуром

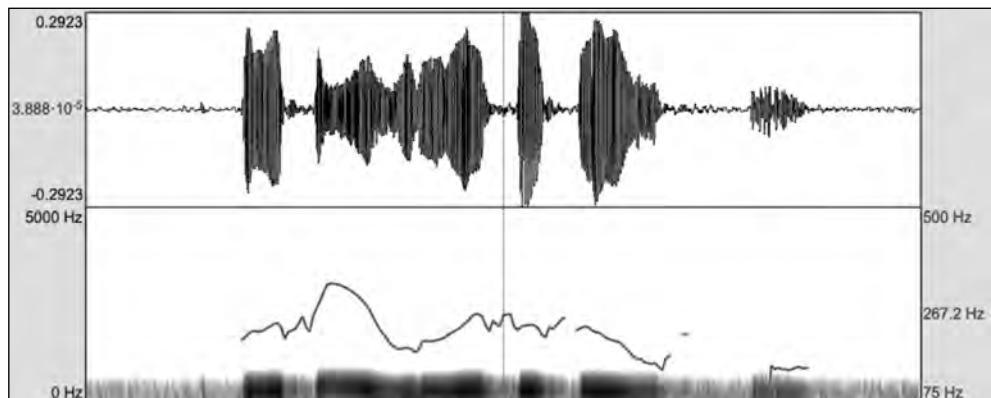

Рис. 2б. Та же фраза после фильтрации спектра в диапазоне 0–300 Гц

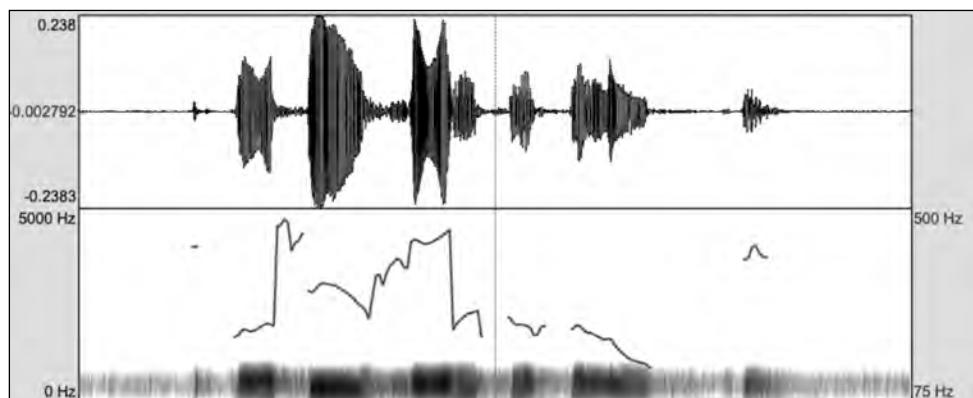

Рис. 2в. Та же фраза после фильтрации спектра в диапазоне 300–500 Гц

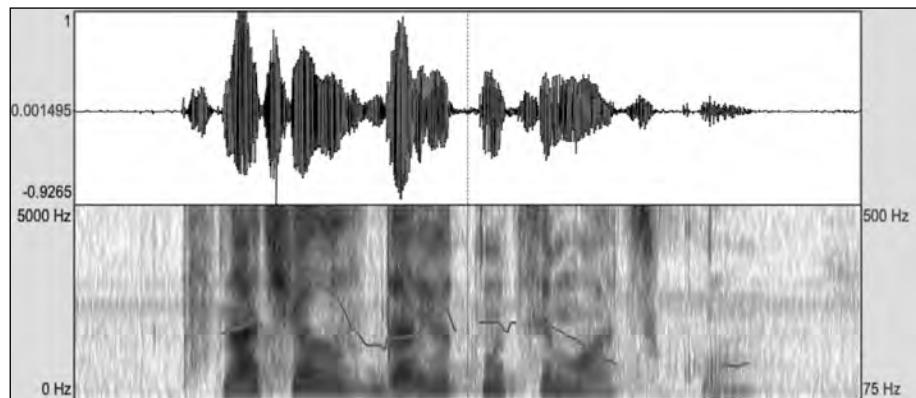

Рис. За. Та же фраза до зашумления
с наложенным тональным контуром

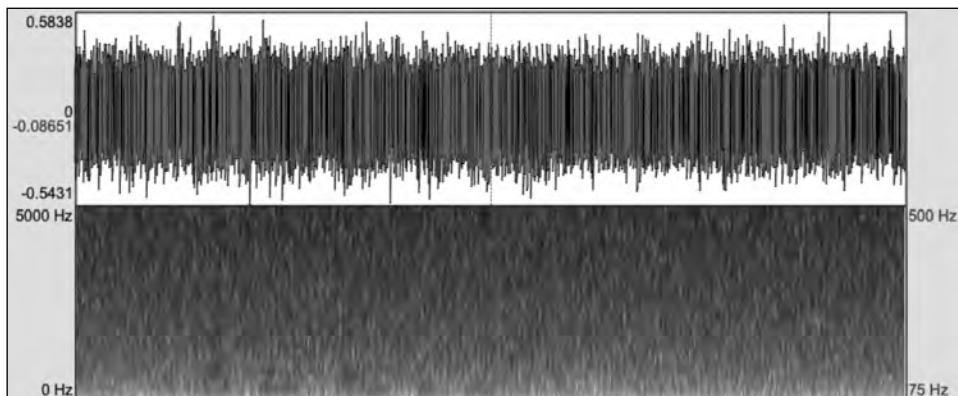

Рис. 3б. Та же фраза с наложением белого шума

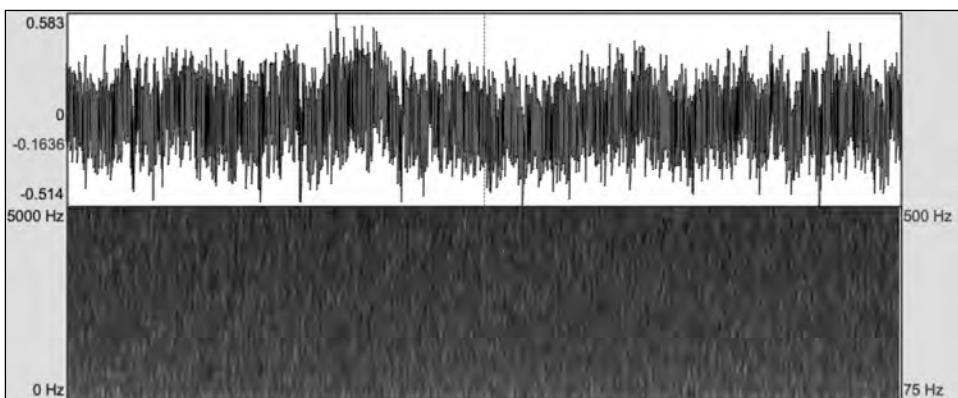

Рис. 3в. Та же фраза с наложением розового шума

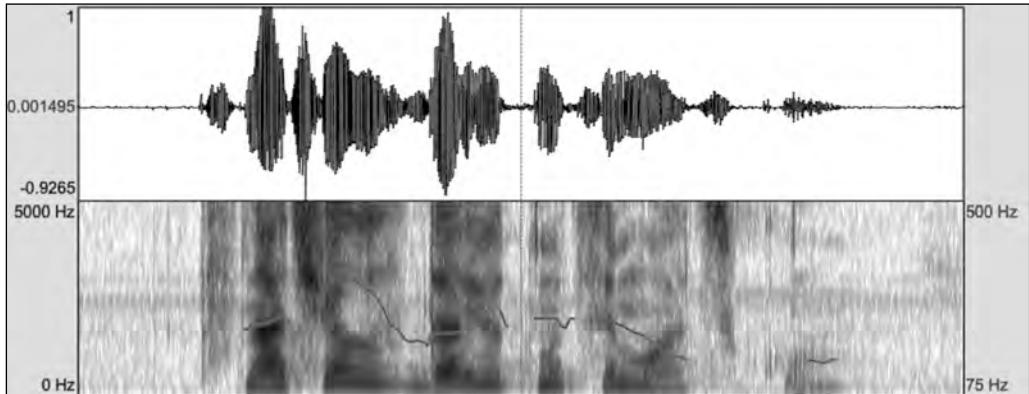

Рис. 4а. Фраза *Сначала сдают математику* без изменения звукового состава фразы с наложенным тональным контуром

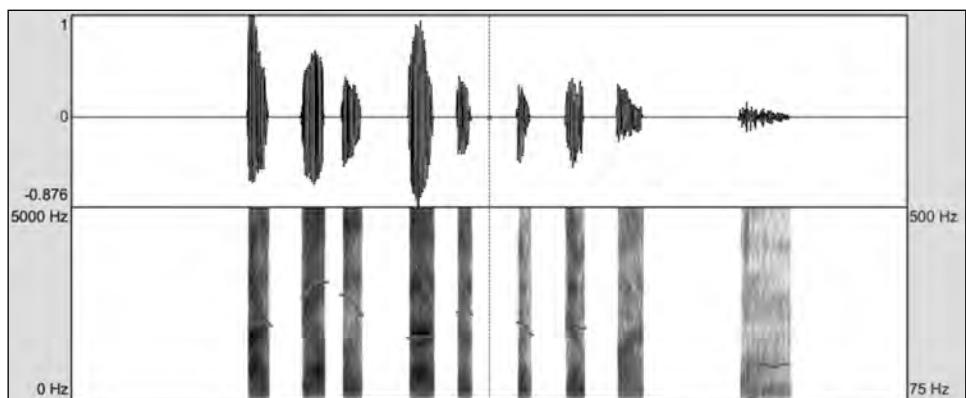

Рис. 4б. Та же фраза с заменой согласных звуков на паузы

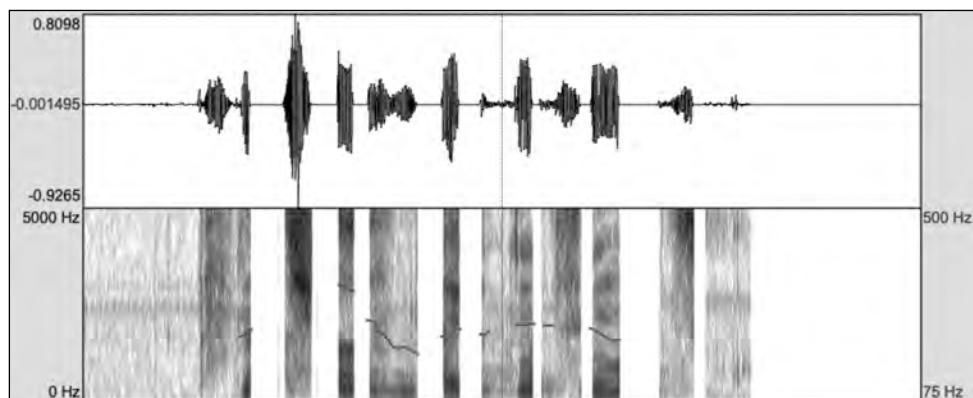

Рис. 4в. Та же фраза с заменой гласных звуков на паузы

Л. И. Куликов / L. Kulikov

ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ, АСИММЕТРИЯ И НЕИЗОМОРФИЗМ В ГРАММАТИКЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Основы ставшей ныне уже классической концепции грамматической категории были разработаны в ряде работ конца 50-х – 60-х гг., в числе которых следует в первую очередь назвать книгу А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение». Эти работы открыли целое направление, которое можно условно назвать (Московской) школой грамматической семантики. Согласно одному из исходных положений этой теории, все недефектные лексемы, принадлежащие к классу, на котором определена данная категория, ведут себя одинаково относительно совокупности граммем, образующих эту категорию.

---

* Значительная часть данной статьи была предложена в качестве доклада на конференции по теории грамматики, проводившейся Санкт-Петербургским институтом лингвистических исследований в сентябре 1993 г. Пользуюсь случаем поблагодарить участников дискуссии по докладу, а также всех, кто обсуждал с автором данную работу и сделал ряд ценных замечаний, в первую очередь, И. А. Муравьеву, В. А. Плунгяна и Н. Р. Сумбатову. Хочу также поблагодарить участников конференции *Lexical plurals* (Гент, 2015), где обсуждались некоторые положения этой статьи. Наконец, хочу выразить признательность А. Кейдану за ряд ценных замечаний и поправок, сделанных в процессе редактирования данной статьи.

Я счел нецелесообразным вносить существенные изменения в текст статьи, написанной для Анны Константиновны Поливановой в 1994 г., добавив лишь несколько библиографических примечаний и ссылок на вышедшие за последние два десятилетия работы. Замечу лишь, что многие положения статьи — в частности, утверждение о неизученности асимметричного поведения числа и ряда других категорий — представляются столь же актуальными, как и более 25 лет назад; см. примеч. 9.

К настоящему времени, однако, идея «равноправия» лексем оказалась серьезно поколеблена. Внимание к языковому материалу, не укладывавшемуся в рамки классической теории, — числовому оформлению русских существительных — было привлечено И. А. Мельчуком (см., напр., [Мельчук 1985]), однако первой работой, специально посвященной этому вопросу, явилась статья А. К. Поливановой [Поливанова 1983], основные идеи которой и послужили отправным пунктом настоящей работы. В данной статье мы попытались, с одной стороны, уточнить некоторые положения статьи А. К. Поливановой, с другой — выйти за рамки проблематики числа и применить этот подход, представляющийся нам чрезвычайно многообещающим, к некоторым другим категориям, указав на наиболее интересные направления исследований.

2. ЧИСЛОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПОНЯТИЕ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ

Как показала А. К. Поливанова, числовое оформление существительных, даже принадлежащих к одному семантическому классу (в работе рассматривается класс названий овощей), может необъяснимым на первый взгляд образом различаться в одном и том же контексте без каких-либо различий в значении. Это происходит в так называемых неарифметических контекстах, то есть таких, которые предполагают отсутствие в семантическом представлении информации о числе ('один' ~ 'много'), мотивирующей выбор между граммемами единственного и множественного числа; ср., например, контексты дорожает/дорожают; Я люблю ___. Несмотря на то, что показатели числа в этом случае не несут никакой семантической нагрузки, одни существительные в этих контекстах могут оформляться только показателем множественного числа (*огурец, помидор, кабачок*), другие — только показателем единственного числа (*репа, свекла*). Ср. пары примеров (1a) и (1b), (2a) и (2b).

- (1) a. *Огурцы/кабачки/... дорожают.*
b. **Огурец дорожает.*
- (2) a. *Репа дорожает.*
b. **Репы дорожают.*

Такого рода факты позволили А. К. Поливановой разбить анализируемое множество существительных на **Sg-ориентированные** (*репа, свекла*

и т. д.) и Pl-ориентированные (*огурец*, *кабачок* и т. д.) и перестроить правила выбора числового оформления для неарифметических контекстов:¹ Pl-ориентированные существительные приобретают показатель множественного числа, Sg-ориентированные — единственного.

Сама идея ориентированности представляется исключительно важной и продуктивной, поскольку позволяет адекватно описать целый ряд явлений, до сих пор остававшихся где-то на периферии грамматики; однако реализация этой идеи требует некоторых уточнений. Проблема заключается в том, что все многообразие чрезвычайно сложного поведения существительных в неарифметических контекстах довольно трудно свести к одной бинарной оппозиции (Sg-ориентированные vs. Pl-ориентированные лексемы). Это разбиение в том виде, в каком оно предложено А. К. Попливановой, сопряжено с рядом проблем, возникающих при перестройке соответствующего раздела грамматического описания. Если лексемы типа *репа* действительно несут на себе «печать» единственного числа, образуя множественное число крайне неохотно, то есть сближаясь до какой-то степени с существительными *singularia tantum*, то лексемы типа *кабачок* как будто бы ведут себя в этом отношении гораздо более «симметрично», не «дискриминируя» единственное число, так что заподозрить их в Pl-ориентированности довольно трудно. Нетрудно подобрать неарифметический контекст, в котором они будут допускать обе формы — и единственного, и множественного числа, ср.:

- (3) *Кабачок/Кабачки довольно быстро растет/растут в теплице.*

При подстановке в этот контекст других существительных выясняется, что типов числового поведения (иначе говоря, типов ориентированности), по-видимому, более двух. Так, *огурец* и *помидор* как будто отдают предпочтение множественному числу (хотя запрет на употребление единственного числа кажется не таким строгим, как в примере (1)):

- (4) *Огурцы/?Огурец довольно быстро растут/растет в теплице.*

Лексема *репа*, как и следовало ожидать, допускает только форму единственного числа. Наконец, существительные *арбуз* и *дыня* ведут себя в этом

¹ В арифметических контекстах числовое оформление осуществляется в соответствии с классической теорией, то есть в зависимости от наличия в семантическом представлении значения ‘один’/‘много’ при соответствующем узле семантического графа.

контексте примерно так же, как *кабачок*, образуя, по-видимому, с этим существительным особый класс с точки зрения ориентированности, отличный и от класса *огурцов*, и от класса *репы*,ср. (5)–(6).

(5) *Арбуз/Арбузы довольно быстро растет/растут в теплице.*

- (6) a. *Арбузы дорожают.*
b. **Арбуз дорожает.*

Одна и та же лексема может, таким образом, оформляться по-разному в разных неарифметических контекстах (ср. (5) и (6)), что, очевидно, свидетельствует о неоднородности множества неарифметических контекстов. В частности, множественное число существительных в примерах (1a) и (6) объясняется, по-видимому, не столько типом лексемы, сколько типом контекста.

Приведенные выше факты позволяют предположить, что концепция, изложенная в работе А. К. Поливановой, нуждается в следующих уточнениях:

1. Классификация существительных по ориентированности носит более сложный характер, во всяком случае, не является бинарной оппозицией.
2. Классификация существительных должна быть дополнена классификацией неарифметических контекстов по типу ориентированности; так, контексты типа *дорожает/дорожают* (ср. примеры (1) и (6)) следует признать Pl-ориентированными. По-видимому, только в неориентированных (нейтральных) неарифметических контекстах можно наблюдать «без помех» тип ориентированности лексемы.

Даже те немногие примеры, которые были рассмотрены выше, свидетельствуют о том, что обе классификации носят не бинарный, а в общем случае, п-арный характер. Возможно, в конечном счете, — как это сплошь и рядом бывает при повышении «точности» лингвистического описания, — от дискретной классификации мы будем вынуждены перейти к непрерывной шкале. Один из полюсов шкалы соответствует Sg-ориентированным существительным (контекстам), другой — Pl-ориентированным; где-то посередине находятся существительные и, соответственно, контексты, которые можно назвать нейтральными (то есть неориентированными) относительно числового поведения. Нейтраль-

ные лексемы в нейтральных неарифметических контекстах допускают произвольное числовое оформление, ср. примеры (12)–(14) ниже; в прочих же случаях выбор граммемы числа более или менее жестко фиксирован. Особенно сложными являются случаи, когда ориентации лексемы и контекста различаются и, следовательно, одна из них должна «одержать верх». Правила числового оформления должны, таким образом, формулироваться в терминах взаимодействия двух шкал, что, конечно, придает им исключительно сложный и громоздкий характер. Можно, однако, несколько упростить общую схему и оперировать, скажем, только тремя типами ориентированности: Sg-, Pl- и нейтральным. Конечно, в этом случае придется поступиться различием между более или менее ориентированными лексемами / контекстами, но зато правила примут гораздо более обозримый характер. В качестве примера можно продемонстрировать, как такое правило будет работать для названий животных и растений.

Из-за недостатка места мы вынуждены опустить процедуру выделения классов, тем более что характер этой процедуры нам еще не вполне ясен и требует отдельного исследования. Вероятнее всего, такая процедура должна начинаться с подстановки различных существительных в как можно более нейтральный неарифметический контекст. В качестве примеров контекстов взяты следующие.

Sg-ориентированные:

В северных лесах — исчезающее животное / вид / ...
— *нелегко найти / перехитрить / поймать / ...*²

Нейтральные:

— *постепенно исчезает / исчезают из наших лесов / рек / ...*
— *появился / появились в Европе в прошлом веке*

Pl-ориентированные:

— *дорожает / дорожают*
Я люблю —

Правило числового оформления может быть изображено в виде таблицы (см. Схему 1, стр. 245) с двумя входами, соответствующими типу ориентированности лексемы и контекста (в скобках указаны номера приводимых ниже примеров).

² Второй контекст, кажется, ближе к нейтральным; вообще, найти чистый пример Sg-ориентированного контекста оказалось довольно трудной задачей.

		ЛЕКСЕМЫ		
		Sg-ориентир.	Нейтральные	Pl-ориентир.
КОНТЕКСТЫ	Sg-ориентир.	Sg (7)	Sg (8)	Pl (Sg?) (9)
	Нейтральные	Sg (10)	Sg/Pl (11)–(14)	Pl (15)
	Pl-ориентир.	Sg (2), (16), (17)	Pl (6), (18)	Pl (19)
		рябина	медведь, ландыш подберезовик	гриб
			щука	

Схема 1. Примерный характер правил выбора числа в зависимости от типа ориентированности лексемы и типа ориентированности контекста

- (7) *В северных лесах рябина — исчезающий вид.*
- (8) *В северных лесах медведь — исчезающее животное.*
- (9) *В северных лесах муравьи/[?]муравей — исчезающий вид.*
- (10) *Рябина постепенно исчезает из наших лесов.*
- (11) *Щука/[?]Щуки постепенно исчезает/исчезают из наших рек.*
- (12) *Ландыш/Ландыши постепенно исчезает/исчезают из наших лесов.*
- (13) *Медведь/Медведи постепенно исчезает/исчезают из наших лесов.³*
- (14) а. *Подберезовики постепенно исчезают из наших лесов.*
б. *Подберезовик постепенно исчезает из наших лесов.*
- (15) *Грибы постепенно исчезают из наших лесов.*
- (16) *Я люблю рябину.*

³ Мы предполагаем, что различающиеся числом существительного варианты фраз (11–14) синонимичны. Вероятно, некоторые носители русского языка считут, что эти варианты различаются какими-то семантическими нюансами — но, по-видимому, этими различиями можно пренебречь; во всяком случае, эти оттенки значения, даже если удастся их описать, сильно варьируют по идиолектам.

- (17) *Шука дорожает.*

(18) *Ландыши дорожают.*

(19) *Грибы дорожают.*

Следует сразу оговориться, что здесь мы, судя по всему, вторгаемся в весьма деликатную область идиолектных (индивидуальных) различий, которая с большим трудом поддается описанию. Некоторые из приведенных выше примеров, где одна из форм помечена знаком вопроса (ср. (9), (11)), наверняка будут по-разному оценены с точки зрения приемлемости разными носителями русского языка (не случайно поэтому разбиение множества фигурирующих в примерах существительных — они перечислены под таблицей — на классы ориентированности вызывает некоторые трудности). Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, для более адекватного описания этих правил придется проводить опрос нескольких информантов, чтобы получить хоть какое-то представление об усредненной картине; и, с другой стороны, о том, что совершенно обойтись без упоминания шкалы ориентированности, вероятно, не удастся.

На Схеме 2 изображено, как могла бы выглядеть (подчеркнем: для одного из идиолектов!) такая шкала, позволяющая судить об основных тенденциях и предпочтениях в наиболее спорных случаях.

Схема 2. Шкала ориентированности лексем по числу

То, что щука располагается на этой шкале «левее» медведя, ясно, как нам кажется, из сравнения примеров (11) и (13); на большую близость подберезовика к Pl-полюсу как будто указывает большая стилистическая «гладкость» (14а) и т. д.

В заключение этого раздела следует подчеркнуть, что мы намеренно не касаемся вопроса о мотивированности классификаций лексем и контекстов. Проблема эта слишком сложна, чтобы рассматриваться мимоходом; отметим, однако, что на тип лексемы влияет целый ряд семан-

тических параметров (см., например, [Wierzbicka 1988: 503–506]), таких как размер (ср. *арбуз* vs. *огурец*: первое существительное явно тяготеет к Sg-ориентации); место в картине мира, в частности, в иерархической классификации (ср. *гриб* vs. *подберезовик*); смещению в сторону Sg-ориентации, похоже, может способствовать отсутствие производного существительного со значением ‘мясо данного животного’, ср. лексемы *щука* и *окунь*, более Sg-ориентированные, чем *медведь*, к которому есть производное *медвежатина*, и т. п.

3. АСИММЕТРИЯ АРТИКЛЕВОГО ОФОРМЛЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Естественно предположить, что асимметрией, подобной той, что была описана в предыдущем разделе, может характеризоваться не только категория числа, но и другие *семантические* (несинтаксические) грамматические категории. В системе существительного такой категорией является артикль, или определенность/неопределенность, и можно предположить, что артиклевое оформление некоторых существительных (в артиклевом языке) является ориентированным. Естественно ожидать, что колебания в выборе артикля будут отмечены в таких контекстах (назовем их нейтрализующими), которые предполагают отсутствие у артикля обычной семантической нагрузки (‘известный адресату сообщения’, ‘упоминавшийся ранее’ vs. ‘неизвестный, не упоминавшийся ранее’). Можно предположить, что нейтрализация противопоставления по определенности/неопределенности будет происходить в контексте родового употребления существительных (*generic use*). Действительно, именно для таких контекстов характерны колебания в выборе артикля (обычно между определенным и нулевым артиклем). Кроме того, сходная ситуация возникает, когда существительное обозначает уникальный (по крайней мере, для «мира» говорящего и адресата речи) объект. Мы ограничимся несколькими примерами (I–VII) асимметричного артиклевого поведения в таких контекстах.

I. В английском языке существительные *man* в значении ‘человек’ и *woman* в контекстах родового употребления (ср. (20)) употребляются с нулевым артиклем ($\emptyset$ -ориентированность), *man* в значении ‘мужчина’ (ср. (21)), названия животных — с определенным артиклем (Def-ориентированность):

- (20) *And the Lord God formed man of the dust of the ground.*

(21) *Credulity is the man's weakness but the child's strength.*⁴

II. Некоторые существительные, обозначающие социальные группы и институты, употребляются с *the* (*aristocracy, clergy, people*), другие — без артикля (*christendom* в значении ‘христиане, христианский мир’, *humankind, society*). В последнюю группу входит большинство названий религиозных институтов, однако, например, *papacy* ‘папство’, употребляющееся с определенным артиклем, попадает в первый класс [Poutsma 1914: 590–593].

III. Определенный артикль часто используется с названиями некоторых болезней (*bronchitis, fever, rheumatism*, сложные слова со вторым компонентом *-ache*), однако большинство названий болезней употребляются без артикля (*cholera, diphteria, neuralgia*) [Poutsma 1914: 600–601].

IV. Названия искусств, литературных жанров, как правило, не имеют артикля в родовом употреблении — за исключением слова *drama*, употребляющегося с *the* (очевидно, Def-ориентированная лексема) [Jespersen 1949: 500–501].

V. В контекстах типа *John goes to __* [название учебного заведения] ‘Джон ходит в __’ (в смысле ‘Джон учится в __’) *school* и *college* употребляются без артикля, *university* — с определенным артиклем (в британском варианте английского его употребление факультативно, в американском — обязательно), ср. пример (22).

(22) *John goes to school/college/(the) university.*⁵

По-видимому, в группе названий учебных заведений лексема *university* оказывается Def-ориентированной.

VI. Во французском языке асимметрия артиклевого поведения наблюдается в группе географических названий. В силу уникальности обозначаемых объектов (островов, стран и т. д.) артикль при этих существительных не должен нести никакой семантической нагрузки; тем не менее, не все они ведут себя одинаково. В грамматиках упоминается, например, правило, согласно которому названия малых островов мужского рода употребляются без артикля (*Malte, Madagascar* и т. д.), названия прочих остров-

⁴ Пример из [Jespersen 1949: 493–497].

⁵ Пример из [Leech, Svartvik 1983: 186]; ср. также [Jespersen 1949: 535].

вов — с артиклем (*la Sardaigne, l'Islande*); однако при предлоге *en* названия больших островов женского рода употребляются без артикля: *en Sardaigne* ‘на Сардинии’ и т. п., см. [Grevisse 1969: 264–265]. Таким образом, существительные *Sardaigne, Islande* и т. д. являются Def-ориентированными (но не «Def-tantum», так как в каких-то случаях они могут употребляться и без артикля).

vii. По-видимому, можно говорить и об ориентированности нейтрализующих контекстов: одни допускают и определенный, и неопределенный артикль (то есть являются нейтральными, ср. (23)), другие — только определенный (Def-ориентированные, ср. (24)), третьи — только неопределенный (Ind-ориентированные, ср. (25)).

- (23) *Le / Un castor construit les barrages.*

‘Бобр строит плотины’

- (24) *Le / ?Un madrigal est populaire.*

‘Мадригал популярен’

- (25) *Un / *L'enfant ne met pas ses coudes à table.*

‘Ребенок не кладет локти на стол’ (в деонтическом значении: ‘Ребенок не должен класть локти на стол’)⁶

4. ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ, АСИММЕТРИЯ И (НЕ)ИЗОМОРФИЗМ

До сих пор мы употребляли термин «асимметрия» без строгого определения, описывая им различные случаи «аномального» поведения лексем, не укладывающиеся в рамки классической («симметричной») теории грамматики. Необходимо, однако, дать хотя бы неформальные пояснения к употреблению этого термина.

Сильно упрощая реальную картину, принципиальное устройство семантической грамматической категории (типа числа в русском языке)

⁶ Примеры из работы [Kleiber 1990: 19, 22, 131]. К интерпретации такого рода различий между контекстами см. [Platteau 1980]. Примечательно, что все три контекста допускают употребление существительного во множественном числе с определенным артиклем *les*; здесь, по-видимому, сложным образом взаимодействуют две асимметрии, числовая и артиклевая.

в рамках классической теории грамматической семантики можно представить в виде Схемы 3 (ПС = план содержания, ПВ = план выражения⁷).

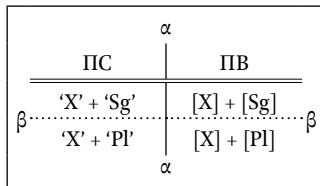

Схема 3. Принципиальное устройство
грамматической категории числа

О «симметричности» этой картинки (относительно оси α – α) можно, по-видимому, говорить (вопреки строгим геометрическим определениям симметрии), руководствуясь наивным (интуитивным) представлением о том, что ПВ должен быть «похож» на ПС и наоборот. Будем в дальнейшем называть это понимание термина *симметрия симметрией* в смысле α (α -симметрия).

Кроме того, на совсем уже неформальном уровне, совершенно игнорируя все строгие определения, можно было бы говорить, что единственное и множественное число (или, точнее, формы единственного и множественного числа) ведут себя «симметрично», подразумевая, что показатели единственного и множественного числа [Sg] и [Pl] как бы являются образами друг друга относительно оси β – β ; в дальнейшем будем говорить о симметрии в смысле β (β -симметрия).

На самом деле употребление термина *симметрия* даже в смысле α не вполне корректно. Правильнее было бы говорить об *изоморфизме* ПС и ПВ, но и этот термин уместен не во всех случаях; кроме того, этим понятием хуже оперирует лингвистическая интуиция, на которой основываются многие из построений настоящей работы.

Схема 3, конечно, является упрощенной: выше шла речь о случаях, когда информация о числе ('один'/'много') в ПС при узле, соответствующем данной лексеме, отсутствует, то есть Схема 3 должна быть дополнена третьей строкой: 'X' без указания на число в ПС. Из соображений α -симметрии (точнее, α -изоморфизма), в ПВ следовало бы ожидать просто [X], без показателя числа, но, поскольку число является грамматической категорией,

⁷ Чтобы не вдаваться в детали, мы намеренно используем здесь нестрогие термины «план содержания» и «план выражения» вместо более точных, но, в то же время, требующих более строгих определений терминов «семантическое представление», «морфологическое представление» и т. п.

мы вынуждены употребить одну из числовых форм. Полученная картинка была бы хоть в какой-то степени (β -)симметричной, если бы говорящий мог произвольно выбирать между формами единственного и множественного числа, см. Схему 4.

ПС	α	ПВ
'X' + 'Sg'		[X] + [Sg]
$\beta \cdots \cdots$ 'X' $\cdots \cdots$		[X] + [Sg] / [Pl] $\cdots \cdots \beta$
'X' + 'Pl'	α	[X] + [Pl]

Схема 4. Принципиальное устройство грамматической категории числа
(с учетом неарифметических контекстов)

В этом случае можно было бы по-прежнему говорить, что единственное и множественное число ведут себя «симметрично». В реальности, однако, как мы успели убедиться, даже эта «квазисимметрия» соблюдается не так уж часто: обычно можно выбрать только одну из форм, причем одни лексемы допускают форму единственного числа, другие — множественного, то есть являются ориентированными, см. Схему 5.

ПС	α	ПВ
		Sg-ориентир. Pl-ориентир.
'X' + 'Sg'		[X] + [Sg]
$\beta \cdots \cdots$ 'X' $\cdots \cdots$		[X] + [Sg] $\cdots \cdots$ [X] + [Pl] $\cdots \cdots \beta$
'X' + 'Pl'	α	[X] + [Pl]

Схема 5. Принципиальное устройство грамматической категории числа (с учетом неарифметических контекстов и классификации лексем по ориентированности)

Последняя схема заведомо асимметрична и неизоморфна.

Сделав эти краткие неформальные пояснения к понятиям (а)симметрии и изоморфизма, я попытаюсь отыскать сходные явления за пределами грамматической семантики — в области словообразования.

5. НЕИЗОМОРФИЗМ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ: КАУЗАТИВ

Каузативным называется глагол, толкование которого содержит значение ‘каузировать’, ‘делать так, чтобы’ (CAUS). В соответствии с представле-

ниями об изоморфизме ПС и ПВ следовало бы ожидать, что эта категория будет устроена так, как показано на Схеме 6.

ПС	α	ПВ
'X'		[X]
'X' + 'CAUS'	α	[X] + [CAUS]

Схема 6. Принципиальное устройство
словообразовательной категории: каузатив

Таким образом, значению 'CAUS' должно соответствовать наличие каузативного показателя в ПВ. Такая ситуация действительно засвидетельствована в целом ряде языков (ср. тип I на Схеме 7). Хорошо известно, однако, что морфологически маркированным может быть и некаузативный член оппозиции (языки с морфологическим антикаузативом типа русского, ср. *ломать* ~ *ломаться* — тип II), и даже оба члена оппозиции (тип III); каузатив и антикаузатив могут вообще не различаться в ПВ (языки с лабильными глаголами, ср. англ. *open* 'открываться'/'открывать' — тип IV) или образовывать супплетивную пару (ср. *гореть* ~ *жечь* — тип V). Мы, таким образом, снова сталкиваемся с неизоморфизмом ПС и ПВ, ср. Схему 7 ([AC] = показатель антикаузатива).

ПС	ПВ				
	I	II	III	IV	V
'X'	[X]	[Y]+[AC]	[X ₀]+[AC]	[X]	[X]
'X' + 'CAUS'	[X]+[CAUS]	[Y]	[X ₀]+[CAUS]	[X]	[Y]

Схема 7. Типы языков с точки зрения
ориентированности по переходности

Более того, в одном и том же языке могут сосуществовать различные типы каузативной оппозиции, как например, в венгерском, ср.: *buk* 'падать' — *buk-tat* 'валить, опрокидывать' (тип I), *kever-ed* 'смешиваться' — *kever* 'смешивать' (тип II), *der-ül* 'быть ясным, проясняться' — *der-ít* 'делать ясным, прояснить' (тип III), см. [Недялков 1969; 1970; Дэйё и др. 1969; Недялков, Сильницкий 1969: 117–122].

В последнем случае можно говорить, что одни глаголы характеризуются некаузативной (антикаузативной) ориентацией, так как у них морфологически маркированным является каузатив; другие — каузативной: у них маркирован антикаузатив, а каузатив является (как бы) более ней-

тральным, исходным членом оппозиции; треты не ориентированы относительно данной категории: оба члена пары маркированы или не различаются (лабильные глаголы).

Распределение глаголов по этим классам, представляющее собой важную характеристику глагольного словаря, долгое время оставалось почти не описанным в лингвистической литературе. Исключение составляли пионерские работы В. П. Недялкова [Недялков 1969; 1970], где фактически впервые была сформулирована проблема ориентированности глаголов относительно категории каузатива; более подробно она рассматривается в статье [Haspelmath 1993]. Лишь в последние десятилетия появился целый ряд работ, посвященных типологии ориентированности, среди которых в первую очередь следует упомянуть классическую статью [Nichols et al. 2004], развивающую идеи В. П. Недялкова и М. Хаспельмата, где на большом языковом материале анализируются типы ориентированности языков относительно категории каузатива (оппозиция каузатив/антикаузатив) и исследуются сопутствующие этой классификации параметры. Работа [Nichols et al. 2004] открыла одно из наиболее активно разрабатываемых направлений исследования типологии глагольных категорий — типологию ориентированности в области оппозиций по переходности (транзитивности) и каузативности.⁸

6. МЕСТО АСИММЕТРИИ И НЕИЗОМОРФИЗМА В ГРАММАТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

К сожалению, «нерегулярности» числового, артикльевого и пр. поведения лексем, подобные описанным выше, как правило, стыдливо замалчиваются большинством грамматик или описываются как нечто перифрийное, относящееся не к языковой системе, а к речи, *usage*, что сильно усложняет поиск упоминаний о такого рода фактах в грамматических описаниях. Еще труднее бывает найти упоминание о такой асимметрии в специальных работах по числу, артиклю и т. п., как это ни парадоксально на первый взгляд.⁹ Парадокс этот, вероятно, объясняется тем, что иссле-

⁸ Среди наиболее важных работ последних лет, разрабатывающих идеи Nichols et al. 2004, следует упомянуть, напр., van Gelderen 2011; Luraghi 2012; Creissels, Diagne 2013; Grünthal, Nichols 2016.

⁹ Так, классическая монография Г. Корбетта [Corbett 2000] — превосходное и чрезвычайно подробное монографическое описание категории числа, — хотя и содержит упоминание (на с. 80) проблем, связанных с описанием нестандартного числового

дователи отдельных (грамматических) категорий стремятся сформулировать общие правила для всех лексем, принадлежащих к данному классу или, по крайней мере, свести различия в оформлении лексем в одном и том же контексте к особенностям семантики этих лексем, то есть опять-таки сформулировать общие правила, оперирующие признаками типа ‘счетный’/‘несчетный’, ‘универсальный’/‘неуниверсальный’ и т. д. Мы, разумеется, вовсе не утверждаем, что деление лексем на Sg- и Pl-ориентированные, Def-, Ind- и Ø-ориентированные, исходно каузативные и исходно антикаузативные и т. п. совершенно не мотивировано их семантикой, — это противоречило бы здравому смыслу. Мы лишь хотим обратить внимание на то принципиально новое, даже революционное, что содержится в подходе, предложенном А. К. Поливановой, — угол зрения, под которым рассматриваются грамматические категории. Новизна этого подхода заключается в том, что **отвергается идея «равноправия» всех лексем одного и того же класса относительно данной категории** и ориентированность лексем из аномалии, периферийного отклонения от нормы, каковым ее считают традиционные грамматики, превращается в факт языковой системы.

Несколько лучше обстоит дело с описанием ориентированности в словообразовании; см. выше о работах М. Хаспельмата, Дж. Николс и др., посвященных типологиях ориентированности по переходности, развивающих идеи пионерских работ В. П. Недялкова.

поведения существительных, и ссылается на ряд работ, посвященных этому вопросу (помимо статьи [Поливанова 1983] следует также назвать работу [Jarvis 1986]), даже не упоминает понятие числовой ориентированности лексем (как представляется, одно из центральных для описания категории числа) и, по-видимому, рассматривает соответствующие языковые факты не более чем «interesting detail» (там же). См. мою рецензию на книгу Корбетта [Kulikov 2004: 127].

Дополнение 2020 г. Исключение составляет монография [Ляшевская 2004], автор которой очевидным образом гораздо более близок к традициям Московской школы грамматической семантики. Из недавних работ, посвященных числу, см. также [Рахилина, Казеннова 2018]. Следует также упомянуть, что в недавней подробной статье о классе *Pluralia tantum* Корбетт уделяет больше внимания явлению числовой ориентированности и также приходит к выводу о недискретности деления субстантивных лексем на исчисляемые и неисчисляемые [Corbett 2019: 70–71]: «These [PL-oriented — ЛК] nouns are on the border of number differentiability, showing that this count-mass border can be gradient».

7. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АСИММЕТРИИ И ОРИЕНТИРОВАННОСТИ

Данная работа принадлежит жанру «к постановке проблемы» и никоим образом не претендует на сколько-нибудь подробное описание асимметрии. В заключение мы укажем те направления исследования, которые представляются нам наиболее интересными и перспективными при изучении асимметрии, неизоморфизма и ориентированности в грамматике и словообразовании.

7.1. Классификация категорий с точки зрения асимметрии

По-видимому, грамматические категории могут существенно различаться по степени асимметричности. Так, число в русском языке (и, по-видимому, в других славянских языках) устроено, вероятно, более асимметрично, чем, скажем, категория времени. В то же время, асимметрия категории времени была, похоже, несравненно более высокой в древних индоевропейских языках типа ведийского санскрита, где существовал целый ряд глаголов, от которых образовывался только (или преимущественно) презенс или только/преимущественно аорист. Степень асимметричности категории представляется исключительно интересным и совершенно неисследованным параметром грамматического и типологического описания.

7.2. Классификация лексем с точки зрения ориентации

Как уже говорилось выше, тип ориентации лексемы является ее словарной характеристикой и, в общем случае, непредсказуем. Существуют, однако, различной силы тенденции и закономерности, позволяющие с той или иной вероятностью предсказать тип ориентации лексемы на основе различных семантических параметров. Ориентация по числу может зависеть от таких параметров, как размер, место в иерархической классификации, уникальность (последний параметр важен и для артикльевой ориентации); ориентация по времени — от типа предиката (действие/состояние, предельный/непредельный и т. п.). Интересные результаты получены в работе [Недялков 1969], где исследовались четыре каузативные пары: ‘смеяться’ ~ ‘смешить’, ‘кипеть’ ~ ‘кипятить’, ‘гореть’ ~ ‘жечь’, ‘ломаться’ ~ ‘ломать’. На материале выборки в 60 языков были сформулированы некоторые не-

тривиальные тенденции: вероятность того, что каузативная оппозиция в данном языке принадлежит к типу I (см. §5), то есть маркированным членом оппозиции является каузатив, наиболее высока для первых пар в этом списке, в то время как морфологически маркированный антикаузатив и супплетивный тип чаще всего встречаются в парах, завершающих список. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что характер ориентированности зависит от степени агентивности подлежащего [Недялков 1969: 111]; см. также выше о работах по типологии ориентированности по переходности.

7.3. Классификация языков с точки зрения характера немотивированной ориентированности лексем

Классификация языков с точки зрения характера немотивированной ориентированности лексем относительно данной (грамматической) категории также представляет значительный интерес. Так, языки существенно различаются с точки зрения преобладания различных типов каузативных оппозиций: в монгольском и индонезийском преобладают оппозиции типа I (маркирован каузатив), в русском встречаются главным образом пары типа II (маркирован антикаузатив), для английского характерен тип IV (лабильные глаголы); см. выше о работах по типологии ориентированности по переходности.

Представляется, что исследование асимметрии и ориентированности как в словоизменении, так и в словообразовании может принести целый ряд нетривиальных результатов и при грамматическом описании отдельного языка, и при типологическом исследовании различных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Дэжё и др. 1969 — Дэжё Л., Мокань А. А., Храковский В. С. Каузативы, антикаузативы и связанные с ними синтаксические конструкции в венгерском языке // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Под ред. А. А. Холодовича. — Л. : Наука, 1969. — С. 115–130.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М. : Наука, 1967.
- Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. — Wiener Slawistischer Almanach ; Sonderband 16. — Wien : Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1985.

- Недялков В. П.* Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Языковые универсалии и лингвистическая типология / Под ред. И. Ф. Вардуля. — М. : Наука, 1969. — С. 106–114.
- Недялков В. П.* О связи смысловых и формальных оппозиций (к вопросу об универсалиях) // Actes du Xe congrès international des linguistes / Éd. par A. Graur. — Bucarest : Editions de l'Académie de la RSR, 1970. — Р. 593–597.
- Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.* Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Под ред. А. А. Холодовича. — Л. : Наука, 1969. — С. 20–50.
- Поливанова А. К.* Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981. — М. : Наука, 1983. — С. 130–145.
- Рахилина Е. В., Казакенова А. К.* Заметки о русском числе // Russian Journal of Linguistics. — 2018. — Vol. 22, № 3. — P. 605–627.
- Corbett G. G. Number.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
- Corbett G. G. Pluralia tantum nouns and the theory of features: a typology of nouns with non-canonical number properties* // Morphology. — 2019. — Vol. 29. — P. 51–108.
- Creissels D., Diagne A. M.* Transitivity in Bakel Soninke. Mandenkan // Bulletin semestriel d'études linguistiques mandé. — 2013. — Vol. 50. — P. 5–38.
- Gelderen E. van.* Valency changes in the history of English // Journal of Historical Linguistics. — 2011. — Vol. 1, № 1. — P. 106–143.
- Grevisse M.* Le bon usage: grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui. — 9e éd. — Gembloux : Duculot, 1969.
- Grünthal R., Nichols J.* Transitivizing-detransitivizing typology and language family history // Lingua Posnaniensis. — 2016. — Vol. 58, № 2. — P. 11–31.
- Haspelmath M.* More on the typology of inchoative/causative verb alternations // Causatives and transitivity / Ed. by B. Comrie, M. Polinsky. — Amsterdam : Benjamins, 1993. — P. 87–120.
- Jarvis D. K.* Some problems with noun number choice // Slavic and East European Journal. — 1986. — Vol. 30, № 2. — P. 262–270.
- Jespersen O.* A modern English grammar on historical principles. Pt. VII. Syntax. — Copenhagen : Munksgaard, 1949.
- Kleiber G.* L'article *LE* générique. La généricté sur le mode massif. — Genève : Droz, 1990.
- Kulikov L.* Review of: G. G. Corbett / Number. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000 // Southwest Journal of Linguistics. — 2004. — Vol. 23, № 1. — P. 124–129.

- Leech G., Svartvik J.* A communicative grammar of English. — Moscow : Prosveshcheniye, 1983.
- Luraghi S.* Basic valency orientation and the middle voice in Hittite // Studies in Language. — 2012. — Vol. 36, № 1. — P. 1–32.
- Nichols et al. 2004 — *Nichols J., Peterson D. A., Barnes J.* Transitivizing and de-transitivizing languages // Linguistic Typology. — 2004. — Vol. 8, № 2. — P. 149–211.
- Platteau F.* Definite and indefinite generics // The semantics of determiners / Ed. by J. van der Auwera. — London : Croom Helm, 1980. — P. 112–123.
- Poutsma H.* A grammar of late modern English. Pt II. The parts of speech. Section I, A. Nouns, adjectives and articles. — Groningen : Noordhoff, 1914.
- Wierzbicka A.* The semantics of grammar. — Amsterdam : Benjamins, 1988.

СТАТЬЯ КАК СТАТЬЯ: ПИСАТЬ ТАК ПИСАТЬ! О СИНТАКСИЧЕСКИХ ИДИОМАХ

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Насколько мне известно, понятие синтаксической фраземы как подкласса фразем было формально введено в [Mel'čuk 1987: 645]; синтаксические фраземы противопоставлены лексемным и морфемным фраземам. Вот примеры выражений, которые обычно называют синтаксическими фраземами: (1).¹

- (1) а. [Стыдно_х] мне стало, *хоть вон беги* ⟨хоть в погреб прячься;
хоть прощенья проси; ...⟩;
схема: [X,_х] *хоть L(_х)пов, 2ед.*²

---

¹ Рассматриваемые фраземы выделены полужирным шрифтом. В квадратные скобки заключаются актанты рассматриваемых фразем. L — свободная лексемная переменная, являющаяся компонентом фраземы. L_x — связанная лексемная переменная, заполняемая дубликатом актанта X; она также является компонентом фраземы. X, Y, Z — маркеры актантных позиций, контролируемых фраземой; эти позиции не являются её компонентами.

² «L(_х)пов, 2ед» обозначает глагольную группу, вершина которой — глагол во 2-ом лице ед. числа повелительного наклонения, а лексемный состав этой группы может быть любым, лишь бы он семантически соответствовал контексту; группа L(_х)пов, 2ед представляет собой своеобразное выражение лексической функции Magn от актанта X. Заметим, что в русском языке имеется серия нормальных лексемных идиом с *хоть*: *хоть убей(me)*, *хоть плачь*, *хоть из пушек стреляй*, *хоть кол [Y-у] на голове тешис* и т. п.; их, разумеется, следует отличать от рассматриваемой здесь синтаксической идиомы.

- b. [Мальчики_X] — это мальчики_{L_X} ([Война_X] — это война_{L_X};
[Математика_X] — это математика_{L_X}; ...);
схема: [X_{(N)ном}] — это быть L_{X_{(N)ном}}.
- c. [Он_X] [у меня_Z] [будет валяться_Y на диване]_!;
схема: [X_{(N)ном}] [у Z_{(N)ген}] [Y_{(V)буд}]_!

- NB**
1. В качестве примеров в (1) сознательно подобраны выражения очень разной природы — с целью продемонстрировать структурное разнообразие синтаксических фразем.
  2. В (1c) ничто не выделено полужирным шрифтом, поскольку выражение интересующей нас фраземы является синтактико-просодическим (= несегментным).

Подобные выражения неоднократно описывались (например [Шмелёв 1960; Шведова 1960: 269–279; 1970: 558, 563 и сл.; 1980: 85, 385 и сл.; Wierzbicka 1987; Кайгородова 1999; Лим 2001; Иомдин 2010; Копотов, Стексова 2016; Добровольский и др. 2019]) под разными названиями: «конструкции», «связанные конструкции», «фразеосхемы», «синтаксические фразеологизмы».³ Однако в известных мне исследованиях «синтаксические фраземы» понимаются слишком широко и расплывчато — а именно, как любые — как правило, многословные — выражения, имеющие какие-либо синтаксические особенности. Так, «грамматика конструкций» (например [Goldberg 1995; Goldberg, Jackendoff 2004; Рахилина 2010]) рассматривает как конструкции не только фраземы, но и словосочетания, манифестирующие управление синтаксическими актантами, т. е. словосочетания типа L₁ → L₂, где лексема L₂ является актантом лексемы L₁. В результате смешиваются очень разные языковые явления, что, в свою очередь, приводит к некорректным и/или неестественным описаниям. Данная статья ставит своей целью исправить этот недостаток, а именно — предложить и проиллюстрировать строгое определение понятия синтаксической фраземы.

- NB** Построение интересующего меня определения оказалось задачей более сложной, чем я мог сначала предположить. Я неоднократно менял и уточнял это определение; в предыдущих публикациях несколько раз предлагались ошибочные классификации анализируемых выражений.

---

³ В связи с ограничениями объёма я не рассматриваю иностранную литературу вопроса; исключение сделано только для [Wierzbicka 1987].

Последующее изложение ведётся в рамках подхода Смысл↔Текст. У читателя предполагается достаточное знакомство с соответствующими понятиями и формализмами.

2. ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ: ТИПОВЫЕ ПРИМЕРЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕМ (= ИДИОМ)

Рассмотрим три русские фразы (переменные X, Y, Z в нижнем индексе обозначают семантические актанты интересующих нас выражений):

- (2) a. *Ты_X у него_Z погуляешь_Y по ночам!* [угроза]
‘Я сигнализирую: если ты будешь гулять по ночам, то он тебя сурово накажет’.
- b. *Как же, погуляешь_Y ты_X у него_Z по ночам!* [саркастическое отрицание]
‘Я сигнализирую: невозможно, что он допустит, чтобы ты гулял(а) по ночам’.
- c. *Не сомневайся, у него_Z ты_X-таки погуляешь_Y по ночам!* [заверение]
‘Я сигнализирую: несомненно, что он сделает так, чтобы ты гулял(а) по ночам’.

Все эти фразы — сигналативы [Mel'čuk 2001: 242 и сл., 354 и сл.]. Они не выражают утверждения о каких-либо фактах (утверждения, которые можно отрицать и по поводу которых можно задавать вопрос об их истинности), а сигнализируют некоторое ментальное состояние Говорящего (‘Я сигнализирую’), точнее — представляют его речевой акт: в (2a) это угроза, долженствующая предотвратить действие ‘ты гуляешь по ночам’; в (2b) выражается саркастическое отрицание возможности этого действия; а в (2c) мы видим заверение в его осуществлении.⁴ Все три фразы в (2) состоят из тех же самых лексем, связанных теми же самыми синтаксическими отношениями; они различаются только просодией. Иначе говоря, смыслы, дифференцирующие эти фразы, выражаются исключительно просодически, причём просодия целого жёстко связана с определённым предикатным смыслом ‘ $\sigma_{2a/2b/2c}$ ’ каждой фразы. Лексемы, снабжённые индексами X, Y, Z

⁴ Сигналативный характер этих фраз проявляется, в частности, в том, что они — взятые с данной просодией! — не могут быть подчинены глаголу посредством союза что.

во фразах (2), выражают семантические актанты смысла ' $\sigma_{2a/2b/2c}$ ', а сам этот смысл передается системой синтаксических связей и линейно-просодической организацией фразы — т. е. несегментно. Тем самым, фразы (2) содержат языковые знаки особого типа. Возникает естественный вопрос:

|| Как формально описать экзотические знаки, выступающие во фразах (2)?

Вот что можно предложить для интересующего нас знака во фразе (2a):

- Означаемое этого знака вполне обычное — такое же, как у большинства языковых знаков: некоторое семантическое представление [СемП].⁵
- Означающее же этого знака совсем неординарное: на поверхностном (= морфологическом) уровне это цепочка... но чего? Не лексем, а лексемных переменных X, Y и Z, представляющих актанты смысла ' $\sigma_{2A/2B/2C}$ ' (плюс служебная лексема — предлог у, маркирующий актант Z); все эти элементы связаны определёнными поверхностно-синтаксическими [ПСинт-]отношениями и снабжены определённой просодией. Такое означающее удобно представить в виде ПСинт-представления, что я и делаю ниже.
- Синтаксика этого знака проста: это полная фраза.

Назовём рассматриваемый знак каким-либо условным именем, например, «ЕСЛИ, ТО.НАКАЖУТ»; под этим именем он заносится в словарь и выступает в глубинно-синтаксической структуре. Имя «ЕСЛИ, ТО.НАКАЖУТ» есть не что иное, как фиктивная лексема, см. раздел 5; фиктивные лексемы фигурируют в словаре наряду с обычными лексемами: и как заглавные слова словарных статей, и во всевозможных ссылках внутри словарных статей.

На Рис. 1 (стр. 263) приводится достаточно формальное описание знака «ЕСЛИ, ТО.НАКАЖУТ» («(|)» означает факультативную паузу, стрелки показывают (очень приблизительно) движение тона, а символ «'» — особого рода ударение на Y-e).

А к какому классу языковых знаков следует отнести знак «ЕСЛИ, ТО.НАКАЖУТ»? Решение зависит от его означающего, так как означаемые у всех классов языковых знаков устроены одинаково. Означающее же данного знака сложное: это синтаксическая структура — дерево, состоящее

⁵ Означаемое языкового знака может быть, помимо смысла, коммуникативным маркером или указанием на синтаксическую/морфологическую операцию.

ОЗНАЧАЕМОЕ	ОЗНАЧАЮЩЕЕ	СИНТАКТИКА
<p>Семантическое представление</p> <p>1)-2) Семантическая + семантико-коммуникативная структуры:</p> <p>‘сигнализировать’</p>	<p>Поверхностно-синтаксическое представление</p> <p>1)-2) IIСинг-+ IIСинг-коммуникативная структуры:</p> <p>‘сигнализировать’</p>	<p>Полная фраза</p> <p>3) Риторическая структура:</p> <p>разговорный</p>

Рис. 1. «Если, то.Накажут»

из трёх элементарных синтаксических деревьев и снабжённое определённой просодической структурой; при этом смысл целого (= означаемое знака) не составлен регулярным образом из означаемых его компонентов. В самом деле, смысл знака «ЕСЛИ, ТО.НАКАЖУТ», представленный в семантической структуре на Рис. 1 (стр. 263), распределить по трём ПСинт-деревьям с лексически незаполненными узлами, невозможно. Тем самым, знак «ЕСЛИ, ТО.НАКАЖУТ» — некомпозиционный, т. е. это идиома. А поскольку его означающее — синтаксическая структура, снабженная определённой просодией, то это — синтаксическая идиома. Фразы (2b) и (2c) содержат, соответственно, две другие синтаксические идиомы.

Знаки типа «ЕСЛИ, ТО.НАКАЖУТ» — не единственная разновидность синтаксических идиом. Вот ещё два их подкласса: примеры (3) и (4).

- (3) a. *На первый взгляд это [дерево_X] как дерево.*
‘На первый взгляд это **обыкновенное** [дерево]’.
- b. *«[Ехать_X] так ехать», как сказал попугай, когда кошка вытащила его из клетки.*
‘Если приходится [ехать], то надо ехать **как следует**’, как сказал попугай, когда кошка вытащила его из клетки’.
- c. *А мужчина [молчит_X] и молчит.*
‘А мужчина **продолжает молчать**’.

Выражение *как дерево* в (За) представляется в виде языкового знака следующим образом (как уже указывалось, $L_{X(N)}$ — это переменная, отсылающая к семантическому актанту $X(N)$ — он же синтаксический хозяин — данной идиомы; в уголки ‘...’ заключается идиома):

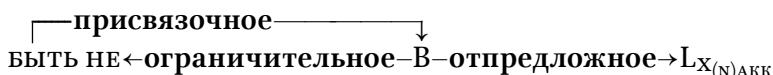
$$[X(N)] \text{ 'КАК } L_{X(N)} = \langle \text{'обыкновенный } [X]; \text{ КАК-отсюзное} \rightarrow L_{X(N)}; \Sigma = \langle \text{и迪ома, соузная группа} \rangle \rangle$$

Означающее идиомы ‘КАК $L_{X(N)}$ ’ — также ПСинт-структура, которая включает служебную (= структурную) лексему — союз **КАК** и лексемную переменную $L_{X(N)}$. Аналогично устроены выражения ‘ТАК $L_{X(v)инф}$ ’ в (3b) и ‘и $L_{X(v)несов, число, лицо, род}$ ’ в (3c): все они суть синтаксические идиомы. Их возможные имена (= фиктивные лексемы): «ОБЫКНОВЕННЫЙ», «ЕСЛИ, ТО.КАК.СЛЕДУЕТ» и «ПРОДОЛЖАТЬ».

NB Актант X, разумеется, является обязательным во всех синтаксических идиомах со связанной лексемной переменной, отсылающей к X-у; без него идиома употреблена быть не может.

- (4) а. [Нам_Y] [обед_X] *не в обед_L*, коль хозяюшки нет.
     ‘[Обед] не может [нас] радовать, коль хозяюшки нет’.
     б. *Всем пиром_L* [пир_X]! ‘Наилучший [пир]’.
     в. {Я прошёлся ещё раз по коду программы} [строчках] *за строкой_L*.
     ‘Я прошёлся ещё раз по коду программы, проходя [строчки] одна за другой’.

Означающее представленного в (4а) знака достаточно экзотическое:

Это опять-таки синтаксическая структура, содержащая три служебные лексемы — быть, не, в — и связанную лексемную переменную L_{X_(N)} (заполняемую дубликатом актанта X_(N)). Тем самым, знак, который удобно назвать «быть.НЕ.В.L_{X_(N)}», — это синтаксическая идиома.

3. ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Теперь я могу перейти к определениям [см. Мельчук 2012].

Определение 1: несвободное сочетание знаков

Сочетание языковых знаков называется несвободным, если и только если хотя бы один из знаков не может быть выбран Говорящим исключительно 1) в соответствии с его означаемым и прочими релевантными свойствами 2) по общим правилам данного языка 3) независимо от всех остальных знаков, составляющих это сочетание.

Пример

Оказать помощь — несвободное словосочетание: глагол ОКАЗАТЬ выбирается Говорящим в зависимости от существительного ПОМОЩЬ, ср. обратить/*оказать внимание, нанести/*оказать оскорблениe и т. д.

Определение 2: ФРАЗЕМА

Фразема — это сложный языковой знак, представляющий собой несвободное сочетание не менее двух языковых знаков.

Наиболее известный и изученный подкласс фразем — это лексемные фраземы (подробнее см. [Mel'čuk 2012 и 2015]).

Определение 3: ЛЕКСЕМНАЯ ФРАЗЕМА

Лексемная фразема — это фразема, состоящая из двух или более конкретных лексем, т. е. фразеологизованное словосочетание.

Точнее говоря, на ПСинт-уровне лексемная фразема — это некоторое ПСинт-представление, в которое входят:

- ПСинт-структура, которая имеет не менее двух узлов и все узлы которой заполнены конкретными лексемами (актантные узлы, контролируемые фраземой, не считаются);
- ПСинт-коммуникативная структура;
- ПСинт-анафорическая структура;
- ПСинт-просодическая структура.

NB Лексема, находящаяся в составе фраземы, в ряде случаев утрачивает или изменяет своё означаемое и, возможно, часть синтаксики (даже её означающее может быть модифицировано). Другими словами, она перестаёт быть лексемой в точном смысле слова, и её можно было бы назвать лексемоидом.

Примеры

Лексемные фраземы распределены по четырём основным классам.

Лексемные идиомы

‘ДО ФИГА’ ‘очень много’

‘КОТ НАПЛАКАЛ’ ‘очень мало’

‘ПОРОЧНЫЙ КРУГ’ ‘логическая ошибка’

‘БЫЛА НЕ БЫЛА!’ ‘я готов рискнуть’

‘НУ И’ I [X]! ‘Какой [X]!’ (*Ну и борщ!*)

‘НУ И’ II [X(вопр)]? ‘Отвечай [X]?’ (*Ну и где Иван?*)

[X] ‘ДАТЬ ПО ШАПКЕ’ [Y-у] ‘[X] уволить [Y-а] с работы’

[X-у] ‘БЫТЬ НЕ’ [до Y-а] ‘[X] не может думать об [Y-е]’

Лексемные коллокации (полужирным шрифтом показана лексема-коллокат)

проливной дождь	вести машину	страх охватил
заклятый враг	взойти на вершину	мечта сбылась
чёрный кофе	отара овец	мечта умерла
крепко спать	пелена тумана	река впадает [в Y]
нанести визит	на Кавказе	
обратить внимание	в Альпах	

Лексемные клише

Который час?	С Новым годом!	«Осторожно,
Как Вас зовут?	Иначе говоря,...	окрашено»
Я не ошибусь, если...	Бог троицу любит.	Я вас слушаю! [по телефону]
Насколько я могу	Вы не скажете, где...?	
судить,...	Курсив мой.	

Номинемы

Александр Пушкин	Мыс Доброй Надежды
Михаил Булгаков	Ледовое побоище
Капустин Яр	Варфоломеевская ночь

Номинемы мало интересны для лингвистики (их место — в энциклопедическом словаре), и в дальнейшем я от них отвлекаюсь.

Определение 4: МОРФЕМНАЯ ФРАЗЕМА, см. [Мельчук 1964; 2001: 447 и сл.; Mel'čuk 1997: 393 и сл.; Čermák 2007; Beck, Mel'čuk 2011].

Морфемная, или морфологическая, фразема — это фразема, состоящая из морфем, находящихся внутри одной словоформы. Иначе говоря, это либо фразеологизованная производная или сложная основа, либо фразеологизованный сложный аффикс, либо фразеологизованная комбинация основы с аффиксом.

NB Аналогично лексеме в составе фраземы, морфема, входящая в морфологическую фразему, в ряде случаев утрачивает или изменяет своё означаемое; её синтаксика и её означающее тоже могут подвергаться модификации, т. е. она перестаёт быть морфемой в точном смысле слова; её можно было бы называть морфемоидом.

Примеры

Среди морфемных фразем различаются три основных класса — те же, что и среди лексемных фразем (см. [Мельчук 2001: 453–460]).

Морфемные идиомы

Основы : ВЗО+РВ+(*a-tь*), ЗА+ГЛАВ+И(*-e*), МОЛНИ+Е+НОС+(*н-ыЙ*), ЦЕЛ+ИК+ОМ;

Аффиксы : баск. -REN ‘генитив’, -TZAT ‘экватив’, а -RENTZAT ‘бенефактив’; нем. GE- продуктивно с глаголом вообще не употребляется, -т является показателем Зед, а GE...-т — это циркумфикс страдательного причастия прошедшего времени (*ge+frag+t* ‘спрошенный’).

Морфемные коллокации (полужирным шрифтом показана морфа-коллокат)

ТУЛ+ЯК vs. МОСКВ+ИЧ vs. ПЕТЕРБУРЖ+ЕЦ vs. ПАРИЖ+АНИН

КОН+E+ВОД+(*ств-o*) vs. *ЛОШАД+E+ВОД+(*ств-o*)

Морфемные клише

ПОМОЩ+НИК ~ *ПОМОГ+АТЕЛЬ; РАЗБОР+К(А) ‘демонтаж’ ~ *РАЗБИР+АНИ(Е)

△ Следует заметить, что большинство слов языка (точнее, большинство его лексемных основ) суть морфемные фраземы. Все они хранятся в памяти целиком; они не строятся Говорящим в процессе говорения, а воспроизводятся как готовые единицы. Подобные морфемные фраземы-основы не играют серьёзной роли в формальных моделях языка. Однако морфемные фраземы-аффиксы представляют в этом плане значительный интерес [Beck, Mel'čuk 2011].

Синтаксическая фразема должна определяться сходным образом — как подкласс фразем, т. е. как фразема, состоящая из минимальных синтаксических единиц. Минимальная синтаксическая единица есть минимальная ПСинт-структура вида $\Xi\rightarrow r \rightarrow \Psi$, где Ξ и Ψ суть лексемные узлы, а r — некоторое ПСинтО.

Определение 5: синтаксическая фразема (= синтаксическая идиома), см. [Mel'čuk 1987].

|| Синтаксическая фразема — это ПСинт-структура, состоящая по крайней мере из двух минимальных ПСинт-структур, при-

чём в результирующей структуре конкретными лексемами заполнено менее двух узлов или имеется лексемная переменная. Иначе говоря, это фразеологизованная ПСинт-структура. (Как и в лексемной фраземе, актантные узлы не считаются.)

Напомню, что у лексемной фраземы конкретными лексемами заполнено не менее двух узлов (и нет лексемных переменных), так что противопоставление здесь очевидно.

В настоящий момент из синтаксических фразем мне известны только синтаксические идиомы; я не знаю, существуют ли синтаксические коллокации или синтаксические клише. Поэтому впредь я буду говорить лишь о синтаксических идиомах.

NB В синтаксических идиомах встречаются обычно служебные (= структурные, грамматические) лексемы, т. е. лексемы закрытых лексико-синтаксических классов.

Примеры

Синтаксические идиомы бывают двух структурных типов.

- **Синтаксические идиомы без лексемной переменной L (= содержащие менее двух конкретных лексем):**
  - Идиомы, совсем не содержащие конкретных лексем, как, например, '[Петяx] [у нас₂] [будет гулять по ночам]?' Все лексемы в этой фразе — актанты идиомы; смысл идиомы (угроза) выражается только просодией, «налагаемой» на актанты.
  - Идиомы, содержащие одну конкретную лексему, как, например, 'Чтобы [Петяx] [гулял_у по ночам]?' Петя и гулять по ночам суть актанты идиомы, тогда как лексема чтобы входит в её состав, хотя и не вносит ничего в её смысл (саркастическое отрицание). Этот смысл также выражается только просодией.
- **Синтаксические идиомы с лексемной переменной L, которая является либо свободной, как в примерах (1a), либо связанной — она заполняется дубликатом актанта идиомы: [Мальчики_x] 'есть мальчики_{L_x}'.** Синтаксические идиомы этого последнего типа образуются редупликацией одного из актантов идиомы; они самые многочисленные из известных мне синтаксических идиом (во всяком случае, в русском языке).

4. РАЗЛИЧАТЬ И НЕ СМЕШИВАТЬ!

В соответствии с марксистско-ленинской заповедью строго отличать моголя от Гоголя, Гоголя от Гегеля и т. д.⁶ я отмечу, от чего именно следует отличать синтаксические идиомы.

Синтаксические идиомы надо не смешивать:

Во-первых, со словосочетаниями, которые описываются семантически нагруженным ПСинтО. Например, в русской приблизительно-квантитативной конструкции типа *человек пятнадцать* выступает приблизительно-квантитативное ПСинтО:

пятнадцать←приблиз-квант–ЧЕЛОВЕК_{МН}

Это ПСинтО, в отличие от квантитативного ПСинтО в конструкции *пятнадцать человек* несёт смысл ≈ ‘Товорящий не уверен в называемом числе’; данный смысл предлагается фиксировать с помощью фиктивной лексемы «ПРИМЕРНО».⁷ Тем самым, глубинно-синтаксическая структура словосочетания *человек пятнадцать* такова:

«ПРИМЕРНО»←ATTR–ПЯТНАДЦАТЬ←ATTR–ЧЕЛОВЕК_{МН}

Словосочетания типа [Он] *дурак дураком*, [Это просто] *вода водой* и т. п. описываются усиленно-удвоительным ПСинтО и фиктивной лексемой «настоящий»:

«НАСТОЯЩИЙ»←ATTR–ДУРАК_{ЕД} ⇔ ДУРАК_{ЕД}–УСИЛ-УДВОИТ→ДУРАК_{ЕД}⁸

Во-вторых, со словосочетаниями, состоящими из обычной лексемной фраземы (а именно, идиомы) или даже просто лексемы — и её актантов. Так, во фразе *У Ивана руки чешутся взяться за кисть* выступает вполне

⁶ Завершение манты: ...Гегеля от Бебеля, Бебеля от Бабеля, Бабеля от кабеля, а кабеля от кобеля.

⁷ Фиктивная лексема может формально совпадать с лексемой, действительно существующей в языке. «Настоящая» русская лексема ПРИМЕРНО имеет другой смысл ('приблизительно') и может присоединяться к приблизительно-квантитативной конструкции: *человек примерно пятнадцать*.

⁸ Заметим, что в русском языке имеется целое семейство удвоительных (= редупликативных) ПСинтО: для описания таких словосочетаний, как *красный-красный, красным красно, Кто, кто?, кто-кто, читать читал* и т. п.

заурядная лексемная идиома [у X-*a*] 'руки чешутся' [Y-ать] с двумя соответствующими актантами. Аналогичным образом, Y в 'ну [Y-*a*] к чёрту!' — это актант данной идиомы (вполне лексемной), а не её переменная лексемная часть (как иногда говорят). Во фразе *Долой этих исламофашистов!* словосочетание *этих исламофашистов* выражает актант лексемы *долой* [Y-*a*]; здесь вообще нет никакой идиомы; эта же ситуация имеет место во фразе *Хрен вам!* (ХРЕН [Y-*y*]).

В-третьих, с **обычными лексемными фраземами** (идиомами) или даже просто **лексемами**, которые обладают уникальными синтаксическими особенностями. Хороший пример — это идиомная вокабула 'ВСЁ РАВНО', детально описанная в [Иомдин 2010: 156–162]; она содержит три самых обычных лексемных идиомы.⁹

5. ФИКТИВНЫЕ ЛЕКСЕМЫ

Определение 6: фиктивная лексема, см. [Mel'čuk 2013: 37–41; 2018].

Фиктивная лексема — это условное имя, вводимое исследователем для обозначения языкового знака, означаемое которого подобно означаемым лексических единиц языка, а означающее несегментно (т. е. выражено не цепочкой фонем, а порядком слов, просодией или операцией).

Фиктивные лексемы необходимы, прежде всего, для того, чтобы представлять в ГСинт-структуре языковые явления следующих трёх типов.

⁹ В соответствии с [Иомдин 2010], 'ВСЁ РАВНО'¹ ≈ 'независимо ни от чего', 'ВСЁ РАВНО'² ≈ 'безразлично для Y-*a*', 'ВСЁ РАВНО'³ ≈ 'равносильно Y-*y*'. Все три идиомы имеют одинаковые ПСинт-структуры:

'ВСЁ-ограничительное-РАВНО' (*Не всё ли тебе равно?*).

Их синтаксические особенности:

'ВСЁ РАВНО'¹ является сентенциальным наречием и не может иметь никаких синтаксических зависимых.

'ВСЁ РАВНО'² всегда выступает в качестве именной части сказуемого и управляет подлежащим придаточным с что или подлежащим косвенным вопросом.

'ВСЁ РАВНО'³ тоже выступает в качестве именной части сказуемого и управляет дополнительным придаточным с что или как если бы.

- 1) Семантически нагруженные (=полнозначные) поверхностно-сintаксические отношения. Таковы, например, четыре следующие фиктивные лексемы:

«ПРИМЕРНО» для приблизительно-квантитативного ПСинтО:
килограмм—приблиз-квант→двацать.

«ЕСЛИ.БЫ» для ирреально-подлежащного ПСинтО:

Заметь←ирреально-подлежащее—Иван эту трещину, ...

«ПРЕДСТОЯТЬ» для дебитивно-подлежащего ПСинтО:

Сейчас Ивану←дебитивно-подлежащее—ходить.

«ЧТО.КАСАЕТСЯ» для фокализующе-удвоительного ПСинтО:

фокализ-удвоит

Прочесть роман я не прочла, а только перелистала.

- 2) Семантические различия, для выражения которых одних ГСинт-отношений недостаточно. Так обстоит дело с **субъектно-копредикативным** и **объектно-копредикативным** ПСинтО, которые оба соответствуют ГСинтО ATTR, но несут два разных смысла, поскольку соотносятся с разными элементами предложения. Для передачи данного различия в ГСинт-структуре вводится фиктивная лексема «быть»:

Машу Иван встретил—**субъектно-копредикативное**→молодым, при
ГСинтС

ВСТРЕТИТЬ—ATTR→«быть»—I→ИВАН
└ II→МОЛОДОЙ

vs.

Машу Иван встретил—**объектно-копредикативное**→молодой, при
ГСинтС

ВСТРЕТИТЬ—ATTR→«быть»—I→МАША
└ II→МОЛОДОЙ

- 3) Синтаксические идиомы. Так, синтаксическую идиому $[X_{(N)}]$ «это быть $L_{X_{(N)}}$ » (Войнах — это война; Зимах — это зима; Праздникх — это праздник) можно обозначить фиктивной лексемой «ОБЛАДАТЬ.СВОЙСТВОМ», которая занимает в ГСинт-структуре один узел:

«ОБЛАДАТЬ.СВОЙСТВОМ»—I→ВОЙНА_{ЕД} ↔

ЭТО←подлежащее—быть_{наст}—присвязочное→ВОЙНА_{ЕД}
война_{ЕД-X}↔пролептическое—

Фиктивная лексема «ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ» идентифицирует синтаксическую идиому [X] 'хоть $L_{(v)пов, 2ед}$: Мы были так голодны_х, (что) 'хоть подошли жуи!'

Кроме того, фиктивные лексемы представляют соответствующие языковые единицы в словаре.

6. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ СПИСОК СИНТАКСИЧЕСКИХ ИДИОМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Поскольку синтаксические идиомы обычно включают лексемы закрытых лексических классов (служебные слова) или вообще состоят только из синтаксических отношений, они не могут быть очень многочисленны. Тем не менее, теоретически они достаточно интересны, так что стоит привести здесь те, которые мне известны.

- NB**
1. Данный список заведомо не полон; см. более подробный перечень русских гипотетических синтаксических идиом в [Копотев 2008: 124–126].
  2. Существенные коммуникативные и синтаксические особенности пригодимых идиом (например, сигналативный характер некоторых из них и т. д.) не указываются.

1. «БЫВАЮТ.РАЗНЫЕ» : 'ЕСТЬ [X_(N)мн, ном] и $L_{X_{(N)мн, ном}}$ '
(*Да, но есть поэты и поэты!*)
2. «БЫТЬ.НЕ.В. $L_{X_{(N)}}$ » : [Y_(N)дат] '(и) [X_(N)ном] быть НЕ в $L_{X_{(N)акк}}$ '
(*Нам и отдых не в отдых.*)
3. «ВСЁ» : '(всё) [X_{(ADJ/ADV)СРАВН}] и $L_{X_{(ADJ/ADV)СРАВН}}$ '
(*Время мчится всё быстрее и быстрее.*)
4. «ВСЮДУ.ОДНИ» : [X_(N)ед, ном] 'на $L_{X_{(N)предл}}$ СИДИТ и $L_{X_{(N)инстр}}$ ПОГОНЯЕТ'
(*А у них жулик на жулике сидит и жуликом погоняет.*)
5. «НЕ.ГОДИТЬСЯ» : 'КАКОЙ [из X_(N) Y_(N)ном]!' (Какие из них солдаты!)
6. «ЕСЛИ, ТО.КАК.СЛЕДУЕТ» : [X_{(v)инф}] 'ТАК $L_{X_{(v)инф}}$!' (Веселиться так веселиться!)

7. «ЕСЛИ, ТО.НАКАЖУТ» : ' [X_(N) Y Z_(N) Y_(v)_{БУД}]! ' (У нас *Masha* погуляет по ночам!)
8. «ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ» : ' ВОТ [X_{(N)НОМ}] ТАК L_{X_(N)}! ' (Вот вино так вино!)¹⁰
9. «ЗАСТАВЯТ» : ' [X_{(N)НОМ} Y Z_(N) Y_(v)_{БУД}]! ' (У нас *Masha* выучит французский!)
10. «НАИЛУЧШИЙ» : ' ВСЕМ L_{X_{(N)МН, ДАТ}} [X_{(N)НОМ}]! (Всем борщам борщ!)
11. «НЕ.ПОЗВОЛЯТ» : ' [X_{(N)НОМ} Y Z_(N) Y_(v)_{БУД}]! ' (У нас *Masha* погуляет по ночам!)
12. «НЕ.СОВСЕМ» : [X_{(N)НОМ}] ' НЕ L_{X_{(N)НОМ}} [A Y] (*Mordoboy* не мордобой, а просто спор.)
13. «НИ.ЗА.ЧТО» : ' ЧТОБЫ [X_{(N)НОМ} Y_(v)_{ПРОШ}]?! ' (Чтобы *Ivan* согласился?!?)
14. «НИЧЕГО.ОСОБЕННОГО» : ' ну, [X] и L_X! (Ну, вышел и вышел. | Ну, гость и гость. | Ну, в среду и в среду.)
15. «ОБЛАДАТЬ.СВОЙСТВОМ» : [X_{(N)НОМ}] ' ЭТО БЫТЬ L_{X_{(N)НОМ}}! (Ну, мужчина — это мужчина.), см. [Вилинбахова, Копотов 2017].
16. «ОБЫКНОВЕННЫЙ» : [X_{(N)НОМ}] ' (быть) КАК L_{X_{(N)НОМ}}! (Комната была как комната. | Это была комната как комната.)
17. «ОДИН.ДРУГОЙ₁» : [X_{(N)ЕД, АКК}] ' ЗА L_{X_{(N)ЕД, ИНСТР}}! (Они обыскивали комнату за комнатой.)¹¹

¹⁰ В *Вот так вино!* выступает лексемная идиома 'вот так [X]!'.

¹¹ Аналогичные конструкции в английском языке (*page by page, page after page, page upon page* и т. д.) подробно рассматриваются в [Jackendoff 2008].

18. «ОДИН.ДРУГОЙ₂» : [Y, X_(N)ед, ном] 'ЗА L_{X_(N)ед, инстр}'
(Они обыскивали_Y дом, комнаты за комнатой.)
19. «ОТВЛЕЧЁМСЯ» : [X_(N)ном] 'L_{X_(N)ед, инстр}', А [Y(в)]
(Водка водкой, а работать надо!)
20. «ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ» : [X₁] 'ЧТО) ХОТЬ L_{(в)пов, 2ед}' (*Иван так худ_{X₁},*
(что) хоть строение скелета изучай.)
21. «ПРОДОЛЖАТЬ» : [X_(v)несов, число, лицо, род] 'И
L_{X_(v)несов, число, лицо, род}' (*Он пел и пел.*)
22. «ПРОЯВЛЯТЬ.СВОЙСТВА» : [X_(N)ном] 'БЫТЬ L_{X_(N)ном}' (*Ну, мужчина есть мужчина.*), см. [Вилинбахова, Копотов 2017].
23. «Я.СОГЛАСЕН» : [X] 'ТАК L_X' (*Пива так пива. | Ждать так ждать. | По-хорошему так по-хорошему.*)¹²

В этом списке представлены оба структурные типа синтаксических идиом:

- Синтаксические идиомы, не содержащие лексемной переменной, т. е. содержащие менее двух конкретных лексем (№№ 5, 7, 9, 11 и 13); в них смысл выражается исключительно просодией.
- Синтаксические идиомы, содержащие лексемную переменную (все остальные); они образуются операцией редупликации одного из актантов идиомы.

---

¹² Данная идиома употребляется только в диалоге — как реакция на предыдущее высказывание собеседника. Актант X должен формально (= фонемно) совпадать с той словоформой, с референтом которой соглашается Говорящий. — Детальное описание синтаксических идиом №№ 6, 8 и 23 можно найти в [Коропотов 2005] и [Копотов, Файнвейц 2007].

БЛАГОДАРНОСТИ

Первый вариант данной статьи был, как всегда, прочитан Л. Иорданской; благодаря её критике мне удалось существенно улучшить изложение. Последующий вариант читал и обсуждал со мной М. Копотев, чьи соображения и конструктивные указания привели к ряду дополнительных исправлений и уточнений; наконец, свою лепту внесли А. Кейдан, Я. Мильчевич и Т. Янко. Примите здесь выражение моей самой сердечной благодарности!

ЛИТЕРАТУРА

- Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М. : Языки русской культуры, 1997.*
- Вилинбахова Е. Л., Копотев М. В. «Х есть Х» значит «Х это Х»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкоznания. — 2017. — № 3. — С. 110–124.*
- Добровольский и др. 2019 — Добровольский Д. О., Копотев М. В., Пёппель Л. Группа конструкций *ну* и *Х*: семантика, прагматика, сочетаемость // Scando-Slavica. — 2019. — Т. 65, вып. 1. — С. 5–25.*
- Йомдин Л. Л. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря / Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Йомдин, В. З. Санников. — М. : Языки славянских культур, 2010. — С. 141–190.*
- Кайгородова И. Н. Проблемы синтаксической идиоматики. На материале русского языка. — Дисс. ... докт. филол. наук. — Волгоград, 1999.*
- Копотев М. В. Принципы синтаксической идиоматизации. — Helsinki : Helsinki University Press, 2008.*
- Копотев М. В., Стексова Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. — М. : Языки славянской культуры, 2016.*
- Копотев М. В., Файнвейц А. В. Изучать так изучать: синхрония и диахрония // Научно-техническая информация, серия 2. Информационные процессы и системы. — 2007. — № 9. — С. 29–37.*
- Лим Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. На материале синтаксических фразеологизмов с общим значением оценки. — Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2001.*
- Мельчук И. А. Обобщение понятия фразеологизма (морфологические «фразеологизмы») // Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкоznания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова» /*

- Под ред. Л. И. Ройзензона. — Самарканд : Самаркандский Государственный университет, 1964. — Т. I. — С. 89–90.
- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Том IV. Часть пятая: Морфологические знаки. — Москва, Вена : Языки славянской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, 2001.
- Мельчук И. А.* Местоименные выражения с именем чертыхательным типа [Она уехала] чёрт знает куда и им подобные в русском языке // Русский язык в научном освещении. — 2012. — Т. 24, № 2. — С. 5–22.
- Рахилина 2010 — Лингвистика конструкций / Под ред. Е. В. Рахилиной. — М. : Азбуковник, 2010.
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М. : АН СССР, 1960.
- Шведова 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Наука, 1970.
- Шведова 1980 — Русская грамматика. Том II. Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Наука, 1980.
- Шмелёв Д. Н.* О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкоznания. — 1960. — № 5. — С. 47–60.
- Beck D., Mel'čuk I.* Morphological Phrasemes and Totonacan Verbal Morphology // Linguistics. — 2011. — Vol. 49, № 1. — С. 175–228.
- Čermák F.* Idioms and Morphology // Phraseology. An International Handbook of Contemporary Research / Ed. by H. Burger et al. — Berlin ; New York : W. de Gruyter, 2007 — P. 20–26.
- Goldberg A.* A Construction Grammar Approach to Argument Structure. — Chicago ; London : The Chicago University Press, 1995.
- Goldberg A., Jackendoff R.* The English Resultative as a Family of Constructions // Language. — 2004. — Vol. 80, № 3. — P. 532–568.
- Jackendoff R.* Construction After Construction and its Theoretical Challenges // Language. — 2008. — Vol. 84, № 1. — P. 8–28.
- Kopotov M.* ГУЛЯТЬ ТАК ГУЛЯТЬ: between grammar and dictionary // East West Encounter. Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory / Ed. by J. Apresjan, L. Iomdin. — Moscow : SCL Publishing House, 2005. — P. 225–236.
- Mel'čuk I.* Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne. Essai de description formelle // Revue des études slaves. — 1987. — Vol. 59, № 3. — P. 631–648.
- Mel'čuk I.* Cours de morphologie générale (théorique et descriptive). Vol. 1. — Montréal ; Paris : Les Presses de l'Université de Montréal, CNRS, 1997.
- Mel'čuk I.* Communicative Organization in Natural Language. The Semantic-Communicative Structure of Sentences. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2001.

- Mel'čuk I.* Phraseology in the Language, in the Dictionary, and in the Computer // Yearbook of Phraseology. — 2012. — Vol. 3. — P. 31–56.
- Mel'čuk I.* Semantics: From Meaning to Text. Vol. 2. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2013.
- Mel'čuk I.* Clichés, an Understudied Subclass of Phrasemes // Yearbook of Phraseology. — 2015. — Vol. 6. — P. 55–86.
- Mel'čuk I.* “Wordlets”: One of Zholkovsky’s Major Contributions to the Notion of Deep-Syntactic Structure // A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky / Ed. by D. Ioffe et al. — Boston : Academic Studies Press, 2018. — P. 350–360.
- Wierzbicka A.* Boys Will Be Boys: ‘Radical Semantics’ vs. ‘Radical Pragmatics’ // Language. — 1987. — Vol. 63, №1. — P. 95–114.

Е. В. Муравенко

РУССКИЕ ПРОИЗВОДНЫЕ ПРЕДЛОГИ: ПРЕПОЗИЦИЯ, ПОСТПОЗИЦИЯ, ЦИРКУМПОЗИЦИЯ

Посвящается Анне Константиновне Поливановой, моему университетскому преподавателю, рецензенту диплома и коллеге, человеку, без которого трудно представить себе ОСиПЛ времен становления, — с самыми добрыми чувствами и пожеланиями воплощения всех творческих замыслов

ВВЕДЕНИЕ

Научные интересы Анны Константиновны Поливановой весьма широки, но важное место в ее работах занимает морфология и описание грамматических классов слов (см., напр., [Поливанова 2008]). Уделяя внимание прежде всего полнозначным, изменяемым словам, А. К. Поливанова обращается также и к описанию служебных слов (см. [Поливанова 2008: 172–174; Крейдлин, Поливанова 1987]). В этой статье и я хочу затронуть некоторые аспекты одного класса служебных слов.

Объектом настоящей работы являются служебные слова, которые традиционно называются производными предлогами, и возможность их различных позиций в тексте по отношению к зависимому слову, например: *наперекор судьбе* — *судьбе наперекор*, *вслед другу* — *другу вслед*, *спустя неделю* — *неделю спустя*, *исходя из сказанного* — *из сказанного исходя*, *рядом с лесом* — *с лесом рядом*, *далеко от дома* — *от дома далеко* и т. п.

Они, как и полагается предлогам, управляют именем в каком-либо падеже: *исходя из* и *далеко от* — родительным, *наперекор* и *вслед* — дательным, *спустя* — винительным, *рядом с* — творительным. Многие из этих слов могут употребляться и без зависимого имени, тогда они традиционно считаются наречиями: *Мы работаем в центре*, *я живу совсем*

рядом, а мой коллега далеко. Такое разграничение производных предлогов и наречий принято практически во всех словарях, грамматиках и учебниках. Однако, как отмечают многие исследователи, в случае употребления таких наречий валентность все равно сохраняется, просто не заполняется в явном виде актантом, а выражается контекстно или даже конситуативно. Тем самым логично относить подобные слова к одной части речи. Но к какой? Е. В. Урысон склонна все производные предлоги, омонимичные наречиям, в том числе первые части составных предлогов типа *рядом с, далеко от*, относить к наречиям [Урысон 2017]. С ее точки зрения, наречия, как и предлоги, могут иметь возможность управлять именем. При этом, на мой взгляд, размыается граница между предлогом и наречием. Другой подход — относить такие слова в обоих употреблениях (как с явно, так и с контекстно выраженным актантом) к предлогам. Этот подход представлен в исследованиях Всееволодовой (см., например, [Всеволодова и др. 2018]), он близок и мне [Муравенко 2011: 245].

Итак, рассматриваемые мною производные слова я не считаю наречиями. Но в полной ли мере их можно назвать предлогами, раз они вовсе не обязательно ставятся перед управляемым именем? В русском языке, как и в других индоевропейских языках, принято выделять предлоги. В академических грамматиках и курсах современного русского языка указаний на относительное расположение предлога и именной группы вообще нет, но по приводимым примерам ясно, что расположение предлога перед именной группой считается само собой разумеющимся. Понятие же послелога принято использовать для тюркских, финно-угорских, иберийско-кавказских и ряда других языков (см., например, [ЛЭС 1990: 389]). Случай постпозитивного использования предлога в русском языке упоминаются лишь в отдельных изданиях, где приводятся один-два примера типа *дружбы ради, рассудку вопреки* (см. об этих изданиях подробно в [Крылов, Муравенко 2007] и [Галактионова 2007], см. также [Isachenko 1975: 577], где упоминается послелог *тому назад* и два предлога-послелога *ради* и *спустя*, и последние работы о предлогах М. В. Всееволодовой, руководителя межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис»).

В последние годы, правда, начали появляться специальные исследования, в которых анализируется постпозитивное употребление предлогов (см. историю функционирования показателя (*тому*) *назад* в составе обстоятельств времени в работе [Сай 2010]).

Между тем в русском языке нередко встречается постпозитивное и циркумпозитивное употребление тех служебных слов, которые в грам-

матиках и словарях называются предлогами. Традиционный термин «предлог» вполне закономерен и понятен: деление на части речи сложилось несколько веков назад. Что касается современного языка, содержащиеся в грамматиках и учебниках определения и понятия о предлогах вполне годятся (за редким исключением) для первообразных предлогов. Для производных же предлогов, которые активно начали образовываться лишь 200–300 лет назад, характерна возможность постпозитивного и циркумпозитивного употребления. Этот активный процесс продолжается и сейчас. И новые слова уже с трудом влезают в старую терминологическую одежду.

В лингвистической литературе термин «предлог» используется в двух смыслах: 1) в узком — для обозначения препонируемых служебных слов; 2) в широком — для обозначения рассматриваемого класса служебных слов независимо от позиции. На отсутствие подходящего гиперонима для терминов «предлог» (в узком смысле, то есть как класс препонируемых служебных слов) и «послелог» указывал в 1990-е гг. М. Хаспельмат, предложивший для заполнения этой терминологической лакуны термин «adposition» и его русский эквивалент «прилог». Чтобы избежать неоднозначности термина «предлог», я в данной работе воспользуюсь термином «адпозит», а термин «предлог» буду использовать в узком смысле.

ТИПЫ АДПОЗИТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Адпозиты, допускающие как препозитивное, так и постпозитивное употребление

Эти адпозиты можно разбить на две подгруппы в зависимости от производящей основы.

§1.1. В первую подгруппу попадают так называемые простые отыменные предлоги (в традиционной терминологии наречные), например: *вопреки рассудку — рассудку вопреки, наперекор судьбе — судьбе наперекор, назло бюрократам — бюрократам назло, вслед ему — ему вслед, навстречу друзьям — друзьям навстречу, наперерез автомобилю — автомобилю наперерез*.

История формирования направительных предлогов-послелогов *навстречу, наперерез, наперехват, наперекрест* подробно рассмотрена в статье [Муравенко 2011], поэтому здесь их разбирать не буду, а остановлюсь на других приведенных адпозитах:

*вопреки, наперекор, назло, вслед.*¹

Для этих адпозитов характерны следующие общие свойства и процессы формирования.

1. Все они, кроме более древнего *вопреки*, формируются в XVIII в. в результате переосмысления сочетаний первообразного предлога *на* или *с* формой вин. падежа существительных *перекор*, *зло* и *след*.
2. В первой стадии формирования адпозитов *наперекор, назло, вслед* наблюдаются колебания слитного и раздельного написания, что связано как с незавершившимся процессом формирования, так и с неустойчивостью орфографической нормы в XVIII–XIX вв.
3. В XVIII–XIX вв. для всех адпозитов этой группы основным является управление дательным падежом, но встречается и управление родительным, которое идет от существительного, входящего в состав адпозита (отсутствует управление родительным только у адпозита *назло*). Постепенно дательный окончательно вытесняет родительный.
Возможно абсолютное употребление, в этих случаях эти предлоги в грамматиках и словарях обычно трактуются как наречия, хотя логичнее было бы их считать адпозитами с контекстно или ситуативно заполненными валентностями.
4. Все эти адпозиты могут употребляться не только как предлоги, но и как послелоги, причем доля случаев постпозитивного употребления неуклонно растет.

Вопреки

Это наиболее древний предлог из перечисленных выше. Он был образован по той же схеме, что и остальные предлоги группы, т. е. в результате слияния предлога с именем существительным в вин. падеже, но еще в старославянском языке и заимствован из старославянского в древнерусский. Так что 300 лет назад этот предлог уже существовал в том же виде, что и сейчас, и раздельное написание в русском языке никогда не встречалось. Что же поменялось за триста лет? Менялось управление этого предлога. Раньше предлог мог управлять как дательным, так и родительным падежом. В XVIII в. родительный встречался лишь в три раза

---

¹ Адпозит *вслед за* будет рассмотрен ниже.

реже, чем дательный; постепенно управление родительным сходит на нет (см. таблицу).

Употребление предлога *вопреки* с род. падежом (доля от общего числа употреблений):

XVIII в.	1-я половина XIX в.	2-я половина XIX в.	1-я половина XX в.	2-я половина XX в.
25%	10%	5%	1%	—

Приведу примеры XVIII в. с разным управлением:

- Если союз между отцом и сыном не на нежных чувствованиях сердца основан, то он, конечно, нетверд; и будет нетверд **вопреки всех законоположений**. [А. Н. Радищев, 1779–1790]
- Рассказывают много удивительных случаев, в которых темное чувство истины спасало невинных **вопреки всем вероятностям**. [Н. М. Карамзин, 1793]*

Вариативность в управлении наблюдалась и в XIX в. Любопытно, что разное употребление может встречаться у одного и того же автора в одном и том же произведении. Вот примеры из *Истории Пугачева* А. С. Пушкина (1833):

- Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и **вопреки его воле**; [...] вы же поступали часто без ведома моего и даже **вопреки моей воли**.

Что особенно важно для заявленной темы статьи, адпозит *вопреки* может употребляться как в препозиции к именной группе, так и в постпозиции. Постепенно доля постпозитивного употребления растет. Интересно, что соотношение препозитивного и постпозитивного употребления в прозе и поэтической речи существенно различается: если в прозе постпозитивное употребление составляет лишь 1–2% от общего числа употреблений, то в стихах постпозитивное употребление встречается чуть ли не в два раза чаще препозитивного! Из существительных с послелогом *вопреки* чаще всего употребляется *рассудок*: *рассудку вопреки*. Это выражение использовал А. С. Грибоедов в *Горе от ума* (1824):

---

* Здесь и далее в книге, примеры из НКРЯ даются в том написании, в котором они представлены в корпусе — прим. ред.

- Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем, | Рассудку вопреки,
наперекор стихиям; | Движенья связаны, и не краса лицу; | Смешные,
бритые, седые подбородки! | Как платья, волосы, так и умы
коротки!..

С тех пор оно воспринимается как устойчивое, а многие даже заключают его в кавычки, считая цитатой. Но это выражение использовалось в русской поэзии и до Грибоедова, например:

- Фортуна жалует **рассудку вопреки**, | Чтоб были счастливей разумных дураки. [И. А. Крылов, 1789]
- **Рассудку вопреки** | Умно доказывал, что точно дураки | И те, что книги сочиняют, | И те, что их читают. [Н. А. Львов, 1796]
- **Рассудку вопреки** и вечности в обиду, | А умницам на смех | Построил, да его забвен не будет грех, | Из пыли пирамиду. [Н. А. Львов, 1774–1803]

Вообще же с послелогом *вопреки* используются самые разные существительные: *судьбе, призванью, пылкой страсти, проклятьям, усилиям, мненьям, представленьям, призванью, природе, смыслу, порядку, нравам, законам, душе, предсказаньям, молве, препградам, ошибкам, неудачам* *вопреки*. Используются и местоимения, но не так часто, как с другими послелогами.

А вот современные поэтические примеры с послелогом *вопреки*:

- Все ждала и верила, | Сердцу вопреки... [Г. М. Поженян, 1959]
- И роза, вместо смерти неизбежной, | Здорова — здравомыслью вопреки. [Б. А. Ахмадулина, 1985]
- Но советам благим вопреки, | Тотчас он забывал о совете... [А. П. Межиров, 1995]
- Живут ли так, как их она учила, | Неискренней эпохе вопреки? [А. М. Городницкий, 2001]

Наперекор

Первые употребления с этим адпозитом встречаются в НКРЯ с конца XVIII в.:

- Лишь бы удалось мне увезти любезную Жанету, и мы с нею докажем, **наперекор всему свету**, что и во французских модных лавках есть предобродетельные женщины... [И. А. Крылов, 1792]

В XVIII в. возможно как слитное, так и раздельное написание. Раздельное написание встречается вплоть до середины XIX в.:

- Петро, **на перекоръ собственному сердцу**, бросилъ его послѣ странной сказки, разсказанной ему Череванихою. [П. А. Кулиш, 1846–1857]

С середины XIX в. адпозит *наперекор* пишется только слитно.

Управление родительным падежом отмечается до конца первой трети XIX в.:

- Зависимость от семейства, другая от службы, третья от цели в жизни, которую себе назначил, и может статься **наперекор судьбы**. [А. С. Грибоедов, 1826]
- Мало вам и этого романтизма, очеркните же на переднем плане, в облаке дыма, неясный, но ужасный призрак судьбы, с неумолимою усмешкой на лице, с протянутою, с разверстою жадно рукой, чтобы схватить ринутое из жерла ядро и устремить его в цель **наперекор всех расчетов человека**. [А. А. Бестужев-Марлинский, 1834]

Употребление адпозита *наперекор* в постпозиции (прежде всего с местоимениями) встречается в НКРЯ с конца XVIII в.:

- Но если б вздумало правление уставом | Глупцов принудить быть всегда в рассудке здравом, | То, верно б, я и весь ослиный их собор | Совсем сошли с ума, **ему наперекор**. [В. В. Капнист, 1779–1783]

В прозаическом корпусе первый пример с послелогом *наперекор* более позднего времени:

- Не говори вперед, что я люблю всё делать **всем наперекор**. [А. С. Грибоедов, 1817]

Постепенно постпозитивное употребление становится все более распространенным, в прозаических текстах чаще с местоимениями:

- А уж про то, как она **матери наперекор** все делает, и говорить нечего. [Л. А. Чарская, 1912]
- Даже тогда, когда все существо противилось, поступал **ему наперекор**. [А. И. Батюто, 1942]
- Но **будущему воспоминанию наперекор**, кондитерские прельщали его вовсе не снедью, — не слоеным пирожком на горьком масле, и даже не пышкой с вишневым вареньем; журналами, господа, журналами, вот чем! [В. В. Набоков, 1935–1937]

В поэтических текстах послелог *наперекор* встречается чаще, чем в прозаических, но все же не так часто, как *вопреки*. Если послелог *вопреки* в стихах встречается почти в два раза чаще, чем предлог, то послелог *наперекор* в стихах встречается в полтора раза реже, чем соответствующий предлог (хотя и это очень много). В стихах послелог управляет существительными не реже, чем местоимениями.

- Трамвай созвонен с телегой, | **Прохожим наперекор** [...] [В. Я. Брюсов, 1922]
- Я разыщу, себе **наперекор**, | Своих отцов, и братьев, и сестер. [Н. А. Заболоцкий, 1933]
- Стремительной душе **наперекор** | Идет медлительное тело [...] [Б. Б. Божнев, 1948]

Назло

Этот адпозит, как и *наперекор*, появляется лишь в конце XVIII в. как в слитном, так и в раздельном написании, но только в качестве предлога:

- Я им обрадовался и смел **назло врагам моим** искренно улыбнуться. [И. М. Долгоруков, 1788–1822]
- Так вот **на зло тебе** я за Аксена-та выйду, а Малашке не бывать за тобою. [П. А. Плавильщиков, 1790]

Управляет этот адпозит только дательным падежом. В XIX в. появляются постпозитивные употребления и составляют примерно 20% от всех употреблений адпозита. В XX–XXI вв. доля постпозитивных употреблений повышается до 30–35%.

- А я вот возьму и явлюсь другу **назло!** [М. П. Арцыбашев, 1912]
- Все, что он делал, он делал, казалось мне, нарочно **и мне назло.** [В. В. Вересаев, 1925–1935]
- Пойду завтра всем **приметам назло** в парикмахерскую [...] [М. П. Шишkin, 2004]

Эти статистические данные касаются прозаических текстов. Как и два рассмотренных выше адпозита (*вопреки и наперекор*), адпозит **назло** в роли послелога чаще встречается в поэзии. Здесь доля постпозитивного употребления по отношению к общему числу составляет 70%. Вот несколько примеров:

- Пой, гармоника, **вьюге назло** [...] [А. А. Сурков, 1941]
- Жди меня, и я вернусь | **Всем смертям назло.** [К. М. Симонов, 1941]
- Чёрное платье | тоже вымокло, **солнцу назло.** | Нелегко. [Б. Ш. Кенжеев, 2001–2003]

Вслед

Этот адпозит существенно отличается по значению от трех предыдущих, близких в смысловом отношении. Но в грамматическом плане он имеет с ними много сходства.

На первой стадии формирования возможно и слитное, и раздельное написание, управление родительным встречается даже чаще, чем дательным:

- [...] наши пошли в след неприятеля. [А. М. Макаров (ред.), 1698–1721]
- Таковою ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. [А. Н. Радищев, 1779–1790]
- Он описывает нам, что народ по отъезде нашем кричал вслед нам. [Д. И. Фонвизин, 1784–1785]

Раздельное написание встречается до середины XIX в., а управление род. падежом до конца XIX в.:

- «Ровно ангел господень с даром небесным прошел», — так подумалось Петру Степановичу, когда глядел он вслед уходившей красавицы. [П. И. Мельников-Печерский, 1875–1881]

Адпозит *вслед* (кому) употребляется в основном с глаголами речи и шире, с глаголами звучания: *кричать* (*крикнуть*), *сказать*, *произнести*, *шептать*, *свистеть* и под., с глаголами смотрения: *смотреть*, *глядеть*, а также с глаголами *поворнуть*(ся), *махать*, *бросать*, *швырять* и под. Глаголы же движения обычно употребляются с адпозитом *вслед за* (кем).

Постпозитивное употребление постепенно возрастает и к середине XIX в. становится столь же частым, как и препозитивное, а затем начинает преобладать. В текстах XX в. постпозитивных употреблений почти в два раза больше, чем препозитивных. В поэтических текстах постпозитивные употребления тоже преобладают. Так что можно смело утверждать, что адпозит *вслед* (кому) — скорее послелог в русском языке, чем предлог.

Приведу несколько примеров послелога *вслед*:

- Неужель ты уходишь, Надежда? | Я стою, я смотрю тебе **вслед**. [М. А. Светлов, 1950–1959]
- Я гляжу **ей вслед**: | Ничего в ней нет [...] [Л. И. Ошанин, 1962]
- Словно девочки-сестры | из непрожитых лет, | выбегая на остров, | машут **мальчику вслед**. [И. А. Бродский, 1962]
- В итоге невольно оглядываешься через плечо | **самому себе вслед**, как иной прохожий [...] [И. А. Бродский, 1977]

- Завидовал летящим птицам и камням, | И даже ветру вслед смотрел с тяжелым сердцем [...] [Б. Ш. Кенжеев, 1980–1988]
- Я свистнул собаке вслед и посмеялся над своими страхами. [Р. Б. Ахмедов, 2011]
- Дзюба, правда, подумав, крикнул девушке вслед: — И еще сладкий какой-нибудь, ладно? [Александра Маринина, 2013]

§1.2. Вторая группа — простые отглагольные, точнее отдеепричастные, предлоги: *спустя, отступя, благодаря, включая, исключая, начиная* (чем), *кончая* (чем) и др.: *спустя неделю — неделю спустя, отступя два сантиметра — два сантиметра отступя, благодаря тебе — тебе благодаря, включая примечание — примечание включая*.

Самый известный послелог из этой группы — *спустя*. Все ведь прекрасно помнят название романа Александра Дюма *Двадцать лет спустя*. Действительно, этот адпозит крайне распространен как в функции предлога, так и в функции послелога.

Не буду в этой статье подробно останавливаться на истории формирования этой серии адпозитов, приведу лишь несколько примеров из НКРЯ с адпозитами в функции предлогов и послелогов:

- Благодаря хорошему зелью, | закружимся в облаках каруселью. [И. А. Бродский, 1967] — В душе сиянье и полет, | Весне благодаря. [Игорь Северянин, 1936]
- Спустя час они подходили к зелёным воротам. [С. Д. Довлатов, 1965] — Час спустя в магазин явился нарядный иностранец с огромными, подозрительно рыжими усами. [С. Д. Довлатов, 1983]
- Я пришёл в дом на набережной спустя три года, в сентябре сорок первого. [Ю. В. Трифонов, 1976] — Отец его женился три года спустя после смерти жены на ее кузине, тоже Филатовой. [А. И. Цветаева, 1976]
- Дом стоял отступя несколько саженей и имел особую колоннаду в виде согбенных, неподвижно трудящихся гигантов. [А. П. Платонов, 1929] — Немного отступя от дороги стоял большой дом, за домом виднелся парк. [Ю. П. Казаков, 1973]

2. Чистые послелоги

Чистых послелогов в русском языке пока крайне мало. К ним прежде всего относится слово *назад* во временном значении: *два года назад*. Вариант *тому назад*, что ярко демонстрируют примеры из НКРЯ, постепенно устаревает, хотя еще полвека назад был предпочтительным. В XIX в. сочетания *тому назад* и *назад тому* были распространены как в качестве предлога, так и в качестве послелога, приведу по примеру на каждый случай:

- Ордынов познакомился с Ярославом Ильичом **тому назад ровно год** совершенно случайным образом, почти на улице. [Ф. М. Достоевский, 1847]
- **Назад тому лет пять** я проезжал чрез город Миргород. [Н. В. Гоголь, 1835–1841]
- **Два часа тому назад** я видел эту самую розу на ее груди. [И. С. Тургенев, 1878–1882]
- А Петр-то Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактиршика-с, трактирщика Власа: у него жена **три недели назад тому** родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содер-жать трактир. [Н. В. Гоголь, 1836]

Употребление адпозита *назад* в чистом виде (без *тому*) начинает встречаться уже в начале XIX в., но только в постпозиции:

- **Три года назад** были две сестры воспитываемы в городском пансионе. [В. Т. Нарежный, 1814]

Постепенно такое употребление вытесняет все остальные возможности. Развитие постпозитивного употребления слова *назад* во временном значении подробно и точно описано в статье С. С. Сая [Сай 2010]. Сай, в частности, пишет, что со временем компонент *тому* в сочетании с *назад* становится избыточным и постепенно утрачивается. Интересно в связи с этим отметить, что в украинском и белорусском языках на месте русского послелога *назад* используется послелог *тому/таму: два роки тому, два гады таму.*

Кроме того, к послелогам следует отнести *напролет*:

- Вечера напролет можно было слушать его полярные и охотничьи рассказы. [Л. К. Чуковская, 1980–1994]

3. Адпозиты, допускающие как препозитивное, так и циркумпозитивное употребление

Циркумпозиты — это адпозиты, составные части которых располагаются с обеих сторон от зависимого имени. Они характерны для некоторых языков, в частности для немецкого [см. Муравенко 2010]. Циркумпозитивное употребление находит отражение в грамматиках и словарях немецкого языка, см., напр. [Duden 1998: 385, 388, 397, 399; Kürschner 2008: 150; Weinrich 2003: 614], а также в работах сравнительного характера [Isačenko 1975: 577]. В немецком их можно разделить на несколько структурных типов. Упомяну лишь один продуктивный тип, аналогично которому устроены и циркумпозиты в русском языке: циркумпозиты этого типа образуются из сочетания предлога и ставящегося после имени наречия, напр.: *Er kam aus dem Haus heraus* ‘Он пришел из дома’. В качестве циркумпозитов в русском языке могут употребляться составные производные адпозиты, второй частью которых является первообразный предлог. Как и адпозиты первой группы, их можно разделить на две подгруппы в зависимости от первой составной части.

§ 3.1. Адпозиты с именной первой составной частью весьма продуктивны в русском языке: *наравне с веком* — *с веком наравне*, *вровень с тобой* — *с тобой вровень*, *рядом со мной* — *со мной рядом*, *вместе с женой* — *с женой вместе*, *заодно с ними* — *с ними заодно*, *недалеко от нас* — *от нас недалеко*, *вплотную к забору* — *к забору вплотную*, *вслед за соседом* — *за соседом вслед* и т. п.

Подобное расположение частей адпозита указывается и в книге [Всеволодова и др. 2018, кн. 1: 236], и в работе [Урысон 2017: 45], однако, поскольку Е. В. Урысон считает постпозицию предлога нехарактерной для русского языка, для нее такое расположение частей единицы служит аргументом в пользу того, что это наречия. Возможно и дистантное расположение частей таких составных адпозитов, например: 1) *Я рядом живу с институтом*; 2) *Я с институтом живу рядом*. Дистантное расположение также отмечается в работах [Всеволодова и др. 2018, кн. 1: 237] и [Урысон 2017: 45]. В данной работе я не касаюсь этих случаев, а сосредоточиваю внимание только на соотносительном расположении адпозита и зависи-

мого имени. Таким образом, в первом примере представлен предлог, а во втором циркумпозит.

§3.2. Разновидностью адпозитов, допускающих циркумпозицию, являются отдеепричастные адпозиты: *судя по его виду — по его виду судя, невзирая на помехи — на помехи невзирая, исходя из правила — из правила исходя* и т. п.

Циркумпозитивное употребление адпозитов — весьма продуктивное явление в современном русском языке и заслуживает отдельного рассмотрения. В этой статье ограничусь лишь несколькими примерами из НКРЯ с одними и теми же адпозитами в разных позициях.

- Я **наравне с другими** | Хочу тебе служить [...] [О. Э. Мандельштам, 1920] — Я люблю сюжет старинный, где **с другими наравне** | я не первый год играю роль, доставшуюся мне. [Ю. Д. Левитанский, 1970]
- Василий налил себе почти **вровень с краями**, а ей с четверть стакана [...] [П. Л. Проскурин, 1983] — Михаил налил водки в стакан **с краями вровень**, залпом выпил. [Ф. А. Абрамов, 1973–1978]
- Ветер подхватил платье Любки, и она, придерживая его руками, побежала **вслед за машиной** впереди офицеров [...] [А. А. Фадеев, 1943–1951] — [...] Маринка побежала **за машиной вслед**, на бегу кутаясь в платок. [В. С. Маканин, 1970–1990]
- **Судя по фамилии**, в ней была какая-то доля польской крови. [А. Д. Сахаров, 1983–1989] — **По фамилии судя**, он — чех [...] [Л. А. Юзефович, 2001]
- [...] во многих берестяных грамотах [...] встречаются странные написания — не с теми буквами, которых мы ожидали бы, **исходя из перевода**. [А. А. Зализняк, 1998] — Вот **из этого постулата исходя**, и разбирайтесь сами, ни на йоту не сомневаясь в искренности вавшего покорного слуги. [Б. Л. Васильев, 1998]
- Настойчивость проявляется в неослабности энергии в течение длительного периода, **невзирая на трудности и препятствия**. [С. Л. Рубинштейн, 1940] — Ляля же [...] стеснялась [...] пасхальных

праздников, которые, **на бедность невзирая**, мать ееправляла со старинной обильностью [...] [И. Л. Муравьева, 1991]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью задуманной работы является показать формирование и развитие русских адпозитов, которые могут выступать не только в привычной для русского языка препозиции, но и в постпозиции, и в циркумпозиции. Это большая работа, и данная предварительная публикация — лишь шаг на пути к осуществлению задуманного. Разные части статьи проработаны пока с различной степенью подробности, не все статистические данные собраны и еще не сведены, как предполагается сделать, в общую таблицу. Однако хочется надеяться, что и на этом этапе работа найдет заинтересованного читателя. А за замечания, вопросы, предложения и комментарии любого рода я буду весьма признательна.

ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

ЛИТЕРАТУРА

- Всеволодова и др. 2018 — *Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления*. — Кн. 1 и 2. — М. : УРСС, 2018.
- Галактионова И. В.* Предлог: препозиция и постпозиция // Русский язык: Исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. — М., 2007. — С. 272–273.
- Крейдлин Г. Е., Поливанова А. К.* О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопросы языкоznания. — 1987. — № 1. — С. 106–120.
- Крылов С. А., Муравенко Е. В.* Послелоги в русском языке // Русский язык: Исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. — М., 2007. — С. 278–279.

- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1990.
- Муравенко 2010 — *Муравенко Е. В. Предлоги в русском и немецком языках: препозиция, постпозиция, циркумпозиция // МАПРЯЛ-2010: теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике / Отв. ред. Г. Гочев. — Велико-Тырново : ИВИС, 2011. — С. 158–161.*
- Муравенко Е. В. Формирование направительных предлогов-послелогов *навстречу, наперерез, наперехват, наперекрест* в русском языке // Вопросы культуры речи / Отв. ред. А. Д. Шмелев. — Вып. 10. — М. : ACT, 2011. — С. 244–251.
- Поливанова А. К. Формальная парадигматика и классы слов в русском языке // Общее и русское языкознание. Избранные работы. — М. : РГГУ, 2008. — С. 154–175.
- Сай С. С. Динамика развития обстоятельств времени со значением предшествования на интервал в русском языке // Труды ИЛИ РАН. — Том VI, ч. 2. — СПб., 2010. — С. 131–183.
- Урысон Е. В. Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов // Вопросы языкознания. — 2017. — № 5. — С. 36–55.
- Duden 1998 — Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Bd. 4. — 6., neu bearb. Aufl. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 1998.
- Isačenko A. V. Die russische Sprache der Gegenwart. Formenlehre. — 3. Aufl. — München : Hueber, 1975.
- Kürschner W. Grammatisches Kompendium: Systematisches Verzeichnis grammatischer Grundbegriffe. — 6., aktualisierte Aufl. — Tübingen : Francke, 2008.
- Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. — 2., revidierte Aufl. — Hildesheim ; Zürich ; New York : Olms, 2003.

И. С. Пекунова

О ДВУХВАРИАНТНОСТИ СКЛОНЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Само понятие *двуихвариантность* внесено в русский лингвистический обиход легкой рукой Анны Константиновны Поливановой — как и разные другие «крылатые» лингвистические слова и идеи, как, например, *абстрактная грамматика*, или *свободная парадигма*, или противопоставление *эталонного и девиантного* (и т. д. — достаточно полистать страницы этого сборника).

Но ведь легкая рука на то и легкая, что легко отпускает, бросает на ветер, вложенные в нее семена ли, таланты, или другие монеты. Так что важно тут совсем не авторство, тем более, не первенство; добный обычай завещать авторские права самым великим своим учителям (закон — Моисею, премудрость — Соломону) Анне Константиновне тоже хорошо знаком.

А важна отвага, способность к риску, причем, обоюдному. Рискованно ведь и то, и другое — и разбрасывать «свое», и собирать «чужое», чтобы монеты — пустить в оборот, а семена — закопать в землю. (Обратное неверно!)

Кажется, что готовность Анны Константиновны Поливановой к обоим этим рискам с годами только растет, а потому неудивительно, что эта сугубая отвага, будучи, по слову поэта, корнем красоты, неизбежно вдохновляет и притягивает все новых учеников, и поэтов, и друзей.

Дорогая Анна Константиновна! Хорошайте и еще! Многая и отважная лета!

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе рассматривается специфический для славянских языков морфонологический механизм двухвариантности. Это явление, как

этимологически, в целом, вполне прозрачное, не привлекает пристального внимания в традиционных славистических исследованиях. В синхронном плане на его роль в словоизменительной системе старославянского обратили внимание прежде всего Н. С. Трубецкой и Г. Лант, однако функционирование механизма двухвариантности в живых славянских языках и соответствующая типологическая проблематика фактически не изучены. Цель статьи – хотя бы отчасти восполнить эту лакуну.

Ниже вводятся основные понятия и определения, позволяющие описать в компактном и сопоставимом виде системы словоизменительной двухвариантности конкретных языков; в качестве иллюстраций приведены некоторые наиболее ясные и яркие особенности из обследованных мной литературных славянских языков и из имеющихся данных по древненовгородскому диалекту. В Приложении даны образцы по возможности полного описания систем словоизменительной двухвариантности в словенском (одна из самых простых) и верхнелужицком (достаточно сложная система двухвариантности).

В связи с приводимыми иллюстрациями (но без полного эмпирического обоснования) в статье сформулированы некоторые типологически значимые универсалии: о связи «новой» (неэтимологической) двухвариантности с наличием в языке корреляции согласных по палатализации; о существовании «новой» и «старой» двухвариантности; о характере разбиения согласных по разным типам двухвариантности и т. п.

РАЗДЕЛ 1

§1.0. Известно, что одна из наиболее ярких черт славянского склонения — это последовательное различение вариантов именных окончаний при разных исходах основ. Обычно говорят о «твёрдых» и «мягких» основах и, соответственно, о парных — «твёрдых» и «мягких» — окончаниях. Таким образом ведущим здесь предполагается своеобразный механизм согласования: «мягким» основам — «мягкие» окончания, а «твёрдым» основам — окончания «твёрдые». Постольку поскольку в славянском словоизменении основы в норме С-конечны, а окончания V-начальны, речь могла бы идти о согласовании по признакам твердости/мягкости согласных и ряда (задний/передний) гласных. Ср., например, для русского языка [Виноградов 1952: 77], [Зализняк 2003: 26]; для чешского — [Широкова 1990: 79], [Лешка 1973: 738]; для польского — [Тихомирова 1988: 71]; для сербохорватского — [Толстой 1958: 1111, сл.]; для словенского — [Мечковская 1991: 38].

§1.1. Между тем конкретное содержание оппозиции «твёрдые/мягкие» для основ в разных языках оказывается различным; более того, далеко не всегда оно напрямую скоррелировано с одноименной фонетико-фонологической оппозицией согласных. Ср., например: «Существительные с основами, заканчивающимися на твёрдые заднеязычные *k*, *g*, *ch*, в зависимости от родовой принадлежности слова, примыкают либо к твёрдой, либо к мягкой разновидности» [Тихомирова 1988: 72]. Ср. также: «Особенно “не везет” йоту, который — парадоксальным образом — являясь фонетически “воплощённой мягкостью” [...], морфонологически оказывается твёрдым!» [Еськова 1971: 172].

§1.2. То же верно и в отношении различия «твёрдые/мягкие» для вариантов окончаний: далеко не всегда оно сводится к противопоставлению «мягкого» варианта окончания с начальным передним гласным «твёрдому» варианту с начальным непередним.

Так, в словенском имеем ISgmн -*om* в твёрдой разновидности и -*em* в мягкой разновидности, то же окончание в DPlmn: -*om* / -*em*; так же GPlm -*ov* / -*ev*, DIDumн -*oma* / -*eta*, например ISg *grehom* и *možem*.

В чешском имеем LPlf твёрдая разновидность — -*ách*, мягкая разновидность — -*ích*, а в IPlf твёрдая разновидность — -*ami*, мягкая разновидность — -*emi*, например: LPl *ženáč*, *nůšich* и IPl *ženami*, *nůšemi*.

Однако, например, в польском в LSgmн в окончании твёрдой разновидности представлен передний -*e*, а в окончании мягкой разновидности — задний -*i*, например: *nos* — *nosie* и *noż* — *nożi*. В словацком в GSgf -*i* (орфографически -*y*) — окончание твёрдой разновидности, -*e* — окончание мягкой разновидности, а в LDSgf наоборот: -*e* — твёрдая, -*i* — мягкая разновидность, например: *žena* — GSg *ženy*, DSg *žene* и *baňa* — GSg *bane*, DSg *bani*.

§1.3. Как известно, для праславянского предполагается различие в склонении так называемых *o*-основ и *jo*-основ, также *a*-основ и *ja*-основ.

При этом гласная маркирует род именной основы (женский — гласная *a*, мужской или средний — гласная *o*). Соответственно, *a*-основы и *o*-основы могут рассматриваться как единый словоизменительный тип с дополнительным распределением тематических показателей по роду. Выбор же между *o*- и *jo*-, также *a*- и *ja*-склонением оказывается собственно парадигматическим, то есть определяемым словарной характеристикой склоняемого слова, что показывают такие примеры, как *zim-a и *zem-ja или *sel-o и *pol-je.¹

¹ Подобным образом устроена система склонения современного литовского языка — ср. типы склонения *výras*, *výro* (NSgm -*as*, GSgm -*o*) и *brólis*, *brólio* (NSgm -*is/ys*,

§1.4. Ввиду характерного для истории славянских языков устраниния сочетаний вида CjV, оппозиция сочетаний CV~CjV, образующаяся на морфологическом шве, может иметь результатом своего развития, вообще говоря, либо оппозицию, манифестируемую одними гласными: (1) CVx~CV'x (где x — быть может пустая последовательность сегментов, завершающая флексию), либо оппозицию, манифестируемую одними согласными: (2) CVx~C'Vx, либо, наконец, оппозицию, манифестируемую как гласными, так и согласными: (3) CVx~C'V'x.

В самом деле, учитывая фонетическую реализацию рассматриваемых оппозиций, понятно, что речь идет о трех способах интерпретации звуковой цепочки вида [tjä]: как t^j+a , как $t+a^j$ или как t^j+a^j .

§1.5. Оценим три варианта развития с парадигматической точки зрения:

	Исходное состояние	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Вид оппозиции на морф. шве	C.Vx~C.jVx	C.Vx~C.V'x	C.Vx~C'Vx	C.Vx~C'V'x
Характер распределения флексионных показателей	Флексионные показатели распределены собственно парадигматически: разные показатели при сходных основах	Флексионные показатели тождественны	Флексионные показатели дополнительно распределены по сегментному исходу основы ²	
Парадигматические типы	Два разных парадигматических типа		Единый парадигматический тип	

Таким образом, при первом варианте речь идет лишь о собственно сегментных изменениях флексионных показателей, не влияющих на число и состав парадигматических типов: *j* «поглощен» гласным окончания —

GSgm -io): их окончания во всех формах, кроме NSg, ASg, LSg, либо совпадают, либо различаются лишь на начальное *i*. Показательно при этом, что одна и та же основа в литовском может принимать окончания обоих типов, причем тип *brólis* часто представляет собой специфическое словообразовательное средство. Ср.: *bałsas* ‘голос’ — *bałsis* ‘гласный звук’, *dūkas* ‘злоба, бешенство’ — *dūkis* (то же), ср. также *béržas* ‘береза’ — *pabéržis* ‘гриб волнушка’ и др.

² Заметим, что при оценке третьего варианта развития предполагается, что сегменты типа C' ранее (в исходном состоянии) не были представлены в исходах основ — в противном случае нельзя говорить о посегментном дополнительном распределении, поскольку при старых основах с исходом на C' в этом случае сохраняется парадигматическое распределение флексионных показателей.

соответственно, окончания различны, а бывшие йотированные и нейотированные основы сами по себе неразличимы.

При втором варианте — сегментные изменения приводят к совпадению ранее различных наборов окончаний и, соответственно, к «склеиванию» парадигматических типов: *j* здесь «поглощен» согласным основы, а гласные окончаний тождественны у бывших йотированных и нейотированных основ.

В первом случае число типов склонения не сокращается, поскольку распределение их по-прежнему собственно парадигматическое. Во втором случае вместо двух (йотированного и нейотированного) типов формируется один набор окончаний, присоединяемый к основам с различными исходами (фактически увеличивается число согласных фонем, представленных в исходе основы — см. сноска 2).

При третьем варианте развития происходит нетривиальная морфологическая перестройка: пары флексий вида $Vx/V'x$ оказываются дополнительно распределенными по сегментному исходу основы; а именно: Vx — после С' и Vx — после С. Здесь имеет место сокращение числа словоизменительных типов, но не за счет совпадения флексионных показателей, как при втором варианте, а за счет приписывания основам нового парадигматически релевантного качества: характер сегментного исхода основы определяет, какие флексии могут к ней присоединяться. Перестройка эта приводит к установлению специфического морфологического механизма, называемого далее двухвариантностью.

§1.6. Двухвариантность в словоизменении имеет место, если:³

- 1) Некоторые пары грамматически одноименных флексий различаются только начальной гласной и, соответственно, имеют вид $Vx/V'x$, где оппозиция $V \sim V'$ есть регулярное (представленное в значительном числе морфем) соотношение гласных.
- 2) Пары грамматически одноименных флексий вида $Vx/V'x$ дополнительно распределены по предшествующей согласной, то есть согласной, заканчивающей основу. Таким образом, все согласные разбиваются на два класса: при основах с исходом на согласные класса С' выступают флексии вида Vx , а при основах с исходом на согласные

---

³ Мы рассмотрим случай С-конечных основ и V-начальных флексий как отвечающий славянской морфологической структуре, расширение понятия двухвариантности на другие ситуации большого труда не представляет, однако для целей настоящей заметки не нужно.

класса C^{II} — флексии вида $V'x$. Классы согласных C^{I} и C^{II} получают специальные названия: **морфонологически твердые** и **морфонологически мягкие**.

- 3) При этом: (а) оппозиция $V \sim V'$ сопряжена с оппозицией гласных по ряду; и (б) оппозиция $C^{\text{I}} \sim C^{\text{II}}$ сопряжена с оппозицией согласных по твердости/мягкости.

Для противопоставления классов C^{I} и C^{II} условие сопряженности с противопоставлением согласных по твердости/мягкости предполагает, что если в исходе основ имеются пары согласных, коррелятивных по твердости/мягкости (например, /p/ и /p'/, /d/ и /d'/), то члены таких коррелятивных пар всегда попадают в разные классы по оппозиции $C^{\text{I}} \sim C^{\text{II}}$ (например, /p/ попадает в класс C^{I} , а /p'/ — в класс C^{II}), причем все одноименные члены коррелятивных пар попадают в один класс по оппозиции $C^{\text{I}} \sim C^{\text{II}}$ (например, твердые /p/ и /d/ попадают в класс C^{I} , класс морфонологически твердых, а мягкие /p'/ и /d'/ — в класс C^{II} , класс морфонологически мягких). Следует подчеркнуть, что как в класс морфонологически твердых, так и в класс морфонологически мягких могут входить и согласные, непарные по твердости/мягкости; более того, такие непарные согласные обязательно будут представлены хотя бы в одном из классов, поскольку корреляция по твердости/мягкости (по крайней мере ни в одном из славянских языков) не охватывает всех согласных.

Так же, с соответствующими изменениями, формулируется и условие сопряженности оппозиции $V \sim V'$ в анлауте флексий с оппозицией гласных по ряду. Отметим особо, что среди двухвариантных флексий (то есть флексий вида $Vx/V'x$) могут присутствовать и такие, в которых соотношение гласных V/V' формируется гласными, не составляющими коррелятивной пары по признаку ряда.⁴

Замечание. Свойство, представленное в п. 3, занимает несколько особое положение. Во-первых, для проверки соблюдения условий сопряженности

⁴ Так, например, в старославянском имеем двухвариантные флексии *o/e*, *оть/еть*, *ого/его* и т. п. — с соотношением гласных *o/e*, составляющих коррелятивную пару вида «задний ряд/передний ряд», также коррелятивное соотношение представлено в парах двухвариантных флексий *y/i*, *yjimъ/ijimъ*, *yjimi/ijimi*. Напротив, в двухвариантных флексиях *u/ɛ*, *ujɛ/ɛjɛ* представлено соотношение гласных *u/ɛ*, не коррелятивных по ряду (соответствующие коррелятивные пары: *u~i* и *q~ɛ*), однако не нарушающее условия сопряженности. Также обстоит дело с соотношением гласных *ě/i* во флексиях *ě/i*, *ěxъ/ixъ*, *ěti/imи* и т. п., где фонема *ě* лежит вне корреляции по ряду.

необходимо обращение к фонологическому анализу, который, как известно, именно в части корреляции согласных по твердости/мягкости, а гласных по ряду для славянских языков далеко не тривиален. Во-вторых, для большинства славянских языков в рамках такого анализа соответствующие фонологические оппозиции устанавливаются взаимоисключительно: либо на согласных, либо на гласных. В этом смысле, возможно, особое место занимает старославянский (см., в частности, [Трубецкой 2004: 249]).

Целесообразно оказывается выделять так сказать **каноническую двухвариантность**, включающую все вышенназванные свойства (в том числе и условия сопряженности), и неканоническую — где какие-либо из свойств нарушаются.

§1.7. Таким образом развитие «раннепраславянской» системы по третьему типу (см. §1.5) приводит к ситуации канонической двухвариантности склонения в «позднепраславянской» системе. Каноническая двухвариантность представлена и в старославянском.⁵

Для каждого из новых славянских языков встают следующие два вопроса: с одной стороны, вопрос о судьбе старой (позднепраславянской) двухвариантности, и, с другой стороны, вопрос о синхронных характеристиках двухвариантности, если она есть в данном языке.

§1.8. Цель настоящей заметки — показать, что двухвариантность целесообразно рассматривать как специфический морфологический механизм, подлежащий независимому изучению, с одной стороны, в плане диахроническом, а с другой стороны, в плане синхронно-типологическом.

Выполнение намеченной программы с надлежащей скрупулезностью и полнотой, требующее прежде всего тщательной разработки соответствующих разделов синхронной грамматики привлекаемых к сравнению

⁵ Заметим, что в старославянском (как и в «позднепраславянском») не все окончания двухвариантных типов склонения двухвариантны: так NPlm в субстантивном типе имеет моновариантную флексию *-i* при любых основах. Формально можно говорить о том, что для одних флексий имеет место развитие по второму типу, а для других — по третьему типу (в смысле §1.5). При этом двухвариантность представлена здесь не только в именном, но и в глагольном словоизменении (так, например, в ImvPl твердый вариант окончания *-ěte*, мягкий вариант *-ite* —ср. то же соотношение вариантов, например, в LPlmn *-ěxъ/-ixъ*) и в словообразовании (ср. *gor.estъ* и *skor.ostъ* или *suj.eta* и *kras.ota*) — правила распределения вариантов и соотношения начальных гласных те же, что для именных окончаний.

языков, дело будущего. Однако первоначальные наблюдения, демонстрирующие само содержание проблемы, удается сформулировать, пусть несколько конспективно и приближенно, заранее. Некоторые из этих формулировок, по необходимости без обоснования, приводятся во второй части.

РАЗДЕЛ 2

§2.1. Старые и новые двухвариантные флексии. Под старыми двухвариантными флексиями в том или ином славянском языке понимаются такие двухвариантные окончания, которые представляют собой результат стандартного фонетического развития определенной позднепраславянской (в смысле §1.7) двухвариантной флексии. Таковы, например, в сербохорватском флексии LSgmn *-om/-em* (< *-оть/-еть); в польском флексии LDSgf *-e/-i* (< *-ě/-i) и NAPlf *-i/-e* (< *-у/-ě).

Заметим, что в ряде случаев там, где в соответствии со стандартным фонетическим развитием ожидалось бы двухвариантное окончание, в результате морфологической перестройки обобщается окончание моновариантное, ср. в сербохорватском LDSgf *-ě/-i → -i и NAPlf *-у/-ě → -e (в обоих окончаниях обобщен мягкий вариант); в русском LSgmn и LDSgf *-ě/-i → -e (обобщен твердый вариант⁶).

Напротив, в некоторых языках появляются новые, этимологически не обусловленные, двухвариантные флексии. Таковы, например: в польском флексии LSgmn *-e/-i* (на месте двухвариантной флексии LSgmn *-ě/-i), где твердый вариант получен путем стандартного развития из одноименного варианта поздне-prasл. окончания, а мягкий вариант представляет результат заимствования окончания из другого типа склонения, а именно, склонения так называемых праславянских *u*-основ; в словацком флексии GPlnf *-Ø/-i* (на месте флексии GPlmnf *-ѧ/-ь), где также заимствован мягкий вариант — из склонения так называемых *i*-основ; в русском флексии GPlm *-ov/-ej*, где заимствованы оба варианта — твердый из склонения *u*-основ, а мягкий из склонения *i*-основ. Заметим, что во всех этих случаях двухвариантность уже не может считаться канонической (поскольку для новых двухвариантных флексий нарушается условие 1 §1.6).

Развитие новых двухвариантных флексий оказывается напрямую скоррелированным с развитием в языке фонологической корреляции согласных по твердости/мягкости. Так, новых двухвариантных флексий нет в сербохорватском и словенском — языках, не развивших корреляции

---

⁶ Кроме слов с основой на *-ij-*.

палатализации.⁷ И обратно, новые двухвариантные флексии возникают в языках с развитой корреляцией палатализации — таковы, например, русский, украинский, польский, словацкий.⁸

§2.2. Разрушение системы двухвариантности может выражаться не только в потере этимологической двухвариантности тех или иных флексий, но и в потере лежащего в основе самого механизма двухвариантности принципа дополнительного распределения вариантов окончаний.

Тривиальным образом это происходит в том случае, когда рефлексы двух этимологически различавшихся по двухвариантности согласных (морфонологически твердого и морфонологически мягкого) совпадают, а различие этимологических вариантов окончаний при соответствующих основах сохраняется. Такая именно ситуация имеет место в чешском, где основы на *-l* и *-z* в двухвариантном типе склонения ведут себя в отношении системы двухвариантности аномально — то есть, соответствующие согласные расцениваются то как морфонологически твердые, то как морфонологически мягкие, в соответствии с этимологией. Ср., например, в мужском роде: *vul* — LPl *volech* и *učitel* — LPl *učitelích*, так же *vuz* и *vítěz*, в женском роде: *střela* — GSg *střely* и *vůle* — GSg *vůle*, где двухвариантно и окончание NSg, и т. п.⁹

Возможны, однако, и более сложные перераспределения этимологических вариантов. Так, в сербохорватском, в отношении единственного представленного здесь типа двухвариантности (во флексиях с начальным *o/e*), морфонологически мягкими являются все основы на дентопалатальные (*c, č, ž, š, n', l', č, d'* — все эти согласные представляют рефлексы поздне-прасл. морфонологически мягких), а также часть основ на *r*; а именно — основы

⁷ В сербохорватском, однако, положение несколько сложнее, поскольку пары /n/~/n'/, /l/~/l'/, а также /t/~/č/, /d/~/đ/ можно считать формирующими корреляцию по твердости/мягкости; ср. ниже §2.2 и §2.4.

⁸ В словацком имеется даже одно трехвариантное окончание: LSgmn *-e/-u/-i*, в котором к «старой» двухвариантности вида *-e/-i* (< *-ě/-i) добавляется особый вариант *-u* для основ на заднеязычные. Еще одна уникальная черта словацкого языка — развитие двухвариантности в этимологически моновариантном типе склонения (*i-основы f): в GSg и NAPl здесь внедрено окончание *-i/-e* со «старой» двухвариантностью (< *-y/-ę), коррелирующее, однако, с новым (неэтимологическим) разбиением согласных исходов основы (см. ниже §2.4, а также [Pauliny 1968; Лифанов 1999]).

⁹ Так же обстоит дело с основами на *-r* в словацком, но там наблюдается явное стремление к ликвидации этой аномальной ситуации (так, в мужском роде этимологическая мягкость фактически релевантна только для основ с суффиксом *ár/iar*).

на этимологически мягкое *r* (ср. *море* и *перо*). Таким образом, для основ на *r* в сербохорватском ситуация та же, что для основ на *l* и *z* в чешском.

Эта этимологически прозрачная картина, однако, по крайней мере в одной точке нарушается. А именно — в окончании ISgm принцип этимологической двухвариантности в распределении вариантов отчасти заменяется, а отчасти дополняется следующим любопытным принципом «расподеления гласных»:

Исход основы	Последняя гласная основы		
	<i>o</i>	<i>e</i>	иначе
<i>r</i> (этимол. мягк.) <i>c, č, ž, š</i>	-ем (ножем, коњем)	-ом (јежом, кељом)	-ем или -ом (певачем/певачом)
			-ем (змајем)
иначе	-ом		

Таким образом, собственно двухвариантность в этом окончании все же присутствует (для основ, последняя гласная которых отлична от *o* и *e*), однако разбиение согласных — иное, чем при прочих двухвариантных флексиях.

§2.3. Новые двухвариантные флексии. Полного обновления состава двухвариантных флексий ни в одном из новых славянских языков, по-видимому, не происходит. Наряду с новыми двухвариантными флексиями сохраняются, как правило, и старые. Несколько особое положение занимает в этом смысле русский язык, где старая двухвариантность сводится, вообще говоря, к чисто орфографической (ср. GSgf *стрелы/земли* или ISgmn *сном, отцом, ножом/конём* при ударном окончании и *дедом/перцем, мужем, воплем* при безударном), а на фонологическом уровне представлена только двухвариантность новая — в единственном фонологически двухвариантном окончании GPlm *-ov/-ej* (ср. *снов, отцов, краёв, страхов, старцев, слушаев/ножей, коней, ключей, ливней, матчей, родичей*).¹⁰ Однако, в склонении местоимений сохраняется старое окончание с «сильной» или морфонологически неустранимой¹¹

¹⁰ Под ударением двухвариантно, вообще говоря, и окончание GPlfn *-Ø/-ej*, однако здесь имеется ряд нарушений.

¹¹ То есть, такой, которая не может быть сведена к моновариантности на морфонологическом уровне с последующим контекстным выбором вариантов при переходе к фонологическому представлению. Так, например, в старославянском двухвариантность вида *-ѣ/-и* и вида *-ы/-ѧ* — морфонологически неустранима, а двухвариантность вида *-ъ/-ь* или *-ы/-и*, или *-ø/-e* — морфонологически устранима в силу извест-

двуихвариантностью вида *o/e* — это окончание GLDISgf-*oj/-ej* (ср. *этой, самой, иной/сей, моей, чьей*).¹²

§2.4. Новые разбиения согласных по двухвариантности. Из приведенных выше примеров видно, что разбиения согласных, отвечающие в русском новой и старой двухвариантности, различны, хотя оба они со-пряжены (в смысле §1.6) с фонологической корреляцией согласных по твердости/мягкости. Для новой двухвариантной флексии GPlm разбиение некоррелятивных согласных противопоставляет основы на шипящие -č, -ž, -š, -ş (принимающие мягкий вариант окончания) основам на заднеязычные, -с и -j (принимающим твердый вариант). Как справедливо отмечает Н. А. Еськова [Еськова 1971], такое распределение необъяснимо ни фонетически, ни этимологически.¹³

ных ограничений сочетаемости (см. подробнее [Поливанова 2013: 36–39, 52, 63–66, 508–517]). Подобным образом при рассмотрении графических записей речь может идти и о фонологически устранимой двухвариантности (ср. -*a/-я* или -*ы/-и* в современном русском). Для краткости вместо «фонологически устранимая» часто говорится «орфографическая», а вместо «морфонологически устранимая» — просто «устранимая» или «слабая».

¹² Как известно, в части русских говоров эта старая двухвариантность устранена, также, как и в одноименном окончании адъективного склонения и в субстантивном окончании ISgf, ср. *стерней*, *душой*, *струёй*; *большой*, *чужой*. См., например, [Кузнецова 1953: 139; ДАРЯ II: 77].

¹³ Для старой двухвариантной флексии местоименного склонения разбиение основ, по существу, неизвестно — слов с флексионным ударением и исходом основы на шипящие, заднеязычные и /с/, склоняющихся по местоименному типу, просто нет. Известно только, что основы с исходом на коррелятивно твердые согласные принимают окончание -*ой*, основы с исходом на коррелятивно мягкие и /j/ — окончание -*ей*. При этом, каково бы ни было распределение при прочих основах, данный случай двухвариантности отличается от представленного окончанием GPlm субстантивного склонения уже отнесением основ на /j/ к мягкому варианту. Типологические наблюдения свидетельствуют, что с одной стороны, при старой двухвариантности вероятно действие этимологического принципа в разбиении некоррелятивных по твердости/мягкости согласных, а с другой стороны, маловероятно сосуществование в языке двух противоречивых принципов разбиения согласных по «сильной» (морфонологически неустранимой) двухвариантности, если один из этих принципов не является этимологическим. Приведенные соображения, а также тот факт, что генетически тождественная рассматриваемой сильной двухвариантности слабая (орфографическая) двухвариантность вида безуд. *o/e* следует в русском языке эти-

Более широкое исследование вопроса о том, каковы в современных славянских языках разбиения согласных, отвечающие новой двухвариантности, показывает, что разбиения эти с одной стороны, всегда оказываются сопряженными с корреляцией по твердости/мягкости (развитие которой отмечается, как уже указывалось, во всех языках, имеющих новые двухвариантные флексии), а с другой стороны, в зоне некоррелятивных согласных такие разбиения, как правило, сопряжены не с этимологическим (наследники поздне-prasл. морфонологически твердых *vs.* наследники поздне-prasл. морфонологически мягких), а с тем или иным синхронно-морфонологическим разбиением. Это разбиение может быть тривиальным — все некоррелятивные по твердости/мягкости согласные попадают в один класс в отношении морфонологической твердости/мягкости, — или нетривиальным. К тривиальному случаю приближается (с учетом разговорных новаций), при определенном фонологическом решении, ситуация в современном польском: здесь по новой двухвариантной флексии LSgmn *-e/-i* все некоррелятивные согласные относятся к мягкому варианту, а по новой двухвариантной флексии GPlm *-uv/-i* — к твердому. Ср., LSgm *ptak*—*ptaku*, *kupiec*—*kupsci*, *miecz*—*mieczu*, *kraj*—*kraju* как *koń*—*koniu* при *gawron*—*gawronie*; но GPlm *ptaków*, *kupców*, *mieczów*, *krajów* как *gawron*—*gawronów* при *koń*—*koni*.

Нетривиальное разбиение представлено в русском, где оно оказывается сопряженным с классами согласных, выделяемыми по сочетаемости с *j*. Так, в русском сочетания *kj*, *gj*, *xj*, *cj*, *jj* запрещены — и соответствующий класс согласных относится к морфонологически твердым, а сочетания *čj*, *žj*, *šj*, *sj* нормальны (ср. чья, мужья, шью, вещью) — и соответствующий класс согласных (шипящие) относится к морфонологически мягким.¹⁴

§2.5. Особого рода иллюстрацией к понятиям «старых» и «новых» двухвариантных флексий и их связи с корреляцией по твердости/мягкости может служить материал так называемого раннедревненовгородского диалекта (по изданию [Зализняк 2004]).

мологическому принципу разбиения некоррелятивных согласных, позволяют предположить, что «потенциальное» разбиение некоррелятивных согласных по местоименной двухвариантности *-ой/-ей* — также этимологическое.

¹⁴ Детальный разбор вопроса о новых разбиениях по двухвариантности выходит за рамки настоящих заметок. Отметим только, что новые разбиения представлены также в украинском, верхнелужицком и словацком, причем в последнем случае новым основанием разбиения служит, по-видимому, фонологическая корреляция согласных по глухости/звонкости!

Основная ценность этого примера в том, что хотя условность понимания отношений между раннедревненовгородской системой и системой позднепраславянской как отношений между системой-наследником и системой-прототипом очевидна, сама процедура установления как синхронных, так и этимологических характеристик двухвариантности в древненовгородской системе корректна и продуктивна.

В несколько идеализированном виде (устранены все стандартные древнерусские варианты окончаний) основной двухвариантный набор окончаний в раннедревненовгородском выглядит так:

		m	n	f
Sg	N	ε/ь	ɔ/ɛ	ѧ/ѧ
	A	ъ/ь		օյ/Ю
	G	ѧ/ѧ		
	L	՚		՚
	D	օյ/Ю		
	I	զմъ/՚մъ		օю/էյօ
Pl	N	и, ՚	ѧ/ѧ	՚
	A	՚		՚
	G	զ/ь		
	L	՚չ՚		՚չ՚/՚չ՚
	D	օմ՚/՞մ՚		՞մ՚/՞մ՚
	I	զ/ի		՞մի/՞մի
Du	NA	ѧ/ѧ		՚
	GL	օյ/Ю		
	DI	օմա/՞մա		՞մա/՞մա

Легко видеть, что флексии, начинающиеся на ՚, моновариантны — этимологическая двухвариантность вида *ě/i (LSgmN, LDSgf, LPlmn) и вида *-y/-ѣ (GSgf, NAPlf, APlm) здесь устранена. С другой стороны, флексия NSgm -e/-ь представляет «новую» (и притом морфонологически «сильную») двухвариантность, этимологически, как известно, пока необъяснимую.

Вопрос о разбиении согласных на морфонологически твердые и морфонологически мягкие связан с рядом сложностей, главным образом, из-за неясности, какое именно окончание NSgm — -e или -ь принимают основы с исходом на этимологические *с и *dz (см. [Зализняк 2004, §3.8]). Для состояния, характеризующегося, с одной стороны, неперестроенным по сравнению с поздне-prasл. консонантизмом (до развития корреляции твердости/мягкости), а с другой стороны, наличием цоканья, принцип дополнительного распределения вариантов окончания NSgm может быть со-

блюден только при условии, что основы на **c* принимают мягкий вариант окончания — -ь (так же, как основы на **č*), а основы на **dz* — твердый вариант окончания — -е (так же, как основы на **z*). Имеющийся материал слишком ограничен, но в целом не противоречит возможности именно такого описания для раннедревненовгородской системы:

	Основы на <i>*c</i>	Основы на <i>*dz</i>
NSgm -ь	климъец[ь] (417), офромъець (161), акове[ць] (521), филипець (137), бориць (463 2×), <новгородеуь (ГВНП 71)> ¹⁵	кназь (794), <къ[н]аз[ь]> (724), <кназь (332 ^a)>, <кназь (852)>
надежных примеров	6	1
NSgm -е	нездильце (Хрест. 35), <колбинець (389)>, <коупцѣ (ПР ст. 1 Комисс.)>	кназе (ГВНП 60 4×), knesze (Фенне, 251)
надежных примеров	1	5

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже приведены образцы анализа систем двухвариантности в конкретных славянских языках.

(1) Словенский¹⁶

A. Консонантизм:

Место обр.	Лабиальные		Дентальные		Альвеопалатальные				Постпалат.	
					1		2			
Способ обр.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.
Взрывные	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>c</i>		<i>č</i>		<i>k</i>	<i>g</i>
Фрикативные	<i>f</i>	<i>v</i>	<i>s</i>	<i>z</i>			<i>š</i>	<i>ž</i>	<i>x</i>	
Носовые	<i>m</i>		<i>n</i>							
Аппроксиманты	[w]		<i>бок.</i>	<i>дрож.</i>	<i>j</i>					
			<i>l</i>	<i>r</i>						

Примечание: [w] — фонетический вариант реализации фонем /v/ и /l/.

¹⁵ В угловые скобки взяты примеры, представляющиеся по каким-либо причинам не вполне надежными, в круглых скобках указаны источники — подробнее см. [Зализняк 2004, §3.8] и соответствующие тексты.

¹⁶ См. подробнее: [ЯМ 2005: 198–233; Мечковская 1991; de Bray 1980a: 309–399].

В. Вокализм:

		Ряд		Передний		Средний		Задний	
Подъем		дол.	кр.	дол.	кр.	дол.	кр.		
Верхний		<i>ī</i>	<i>i</i>			<i>ū</i>	<i>u</i>		
Средний	закр.	<i>ɛ</i>				<i>ø</i>			
	откр.	<i>ē</i>	<i>e</i>	<i>ə</i>		<i>ō</i>	<i>o</i>		
Нижний				<i>ā</i>	<i>a</i>				

С. Двухвариантность в словоизменении.

Основной двухвариантный набор окончаний:¹⁷

		m	n	f
Sg	N	<i>∅</i>	<i>o/e</i>	<i>a</i>
	A			<i>o</i>
	G	<i>a</i>		<i>e</i>
	L		<i>u</i>	<i>i</i>
	D			
	I	<i>om/em</i>		<i>o</i>
Pl	N	<i>i</i>	<i>a</i>	<i>e</i>
	A			
	G	<i>ov/ev</i>	<i>∅</i>	
	L	<i>ix</i>		<i>ax</i>
	D	<i>om/em</i>		<i>am</i>
	I	<i>i</i>		<i>ami</i>
Du	NA	<i>a</i>	<i>i</i>	
	DI	<i>oma/ema</i>		<i>ama</i>

Примечания. (1) Окончания приводятся в упрощенной фонологической записи, без указания характеристик гласных по долготе и открытости/закрытости. С одной стороны, для задания словоизменительных типов это несущественно, так как ни одна пара окончаний не противопоставлена только по этим признакам. С другой стороны, в безударном положении противопоставления гласных по долготе и открытости/закрытости нейтрализуются, соответственно, для некоторых флексионных гласных постулирование их полной фонологической характеристики оказывается чисто условным. (2) Формы G и L Du в словенском языке морфологически всегда тождественны соответствующим формам Pl.

¹⁷ Нестандартные окончания не учитываются.

D. Основные характеристики двухвариантности и разбиение согласных сегментов.

Старая двухвариантность вида *-o/-e* представлена в окончаниях *NASgn*, *ISgmn*, *GPlm*, *DPlmn*, *DIDum* основного двухвариантного типа склонения, а также — в окончании *NASgn -o/-e* адъективного типа склонения (ср. *nov.o* к *nov* ‘новый’ / *rdeč.e* к *rdeč* ‘красный’). Эта двухвариантность — неустранимая (сильная): ср., в частности, моновариантные окончания *ASgf* и *ISgf (-o)*. Никакой другой двухвариантности (в том числе и орфографической) в словенском нет.¹⁸

Морфонологически мягкие согласные (то есть, принимающие вариант двухвариантных окончаний с начальным *e*) — все альвеопалатальные (то есть, /c/, /č/, /š/, /ž/, /j/). Все они также и этимологически мягкие (наследники поздне-prasл. морфонологически мягких). Заметим, что никаких синхронных морфонологических правил, выделяющих эту группу согласных, обнаружить не удается.

Комментарии

- 1) Словенский язык — по-видимому, единственный, помимо старославянского, славянский язык, в котором представлена, так сказать, собственно-этимологическая двухвариантность. То есть такая система двухвариантности, при которой, во-первых, все двухвариантные окончания представляют старую двухвариантность и, во-вторых, все морфонологически мягкие согласные являются и этимологически мягкими.
- 2) Помимо представленной двухвариантности вида *-o/-e*, можно было бы ожидать сохранения старой двухвариантности вида *-e/-i < *-ě/-i* и вида *-i/-e < *-y/-ě*. Фактически, однако, здесь всюду обобщен мягкий вариант (так же, как в сербохорватском, см. выше § 2.1). Исключение составляют формы уникальных (стоящих вне типов склонения) местоимений *ta* ‘тот’ и *ves* ‘весь’, в которых представлены этимологически твердые варианты окончаний старого местоименного склонения (*e < *ě*): *ISgmn tem*, *vsem*, *GLPlDu teh*, *vseh*, *DIDu tema*, *vsema*, *IPl temi*, *vsemi*.

Также мягкие варианты этимологически двухвариантных флексий обобщены в наборе адъективного типа склонения (кроме *NASgn*), ср. *GSgmn nov.ega*, *rdeč.ega*; *LSgmn nov.em*, *rdeč.em*; *DSgmn nov.eti*, *rdeč.eti* (с флексиями старого местоименного типа) и т. д.

¹⁸ См. также Комментарий 2 ниже.

(2) Верхнелужицкий¹⁹А. Консонантизм:²⁰

Место обр.		Лабиальные		Дентальные		Альвеопалатальные				Постпалат.	
						1		2			
Способ обр.		гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.
Взрывные	тв.	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>c</i>	[<i>ʒ</i>]	<i>č</i>	<i>ž</i>	<i>k</i>	(<i>g</i>)
	мяг.	<i>p'</i>	<i>b'</i>								
Фрикативные		(<i>f</i>)	(<i>v</i>)	<i>s</i>	<i>z</i>	[<i>č</i>]		<i>š</i>	<i>ž</i>	<i>x</i>	<i>h</i>
Носовые	тв.	<i>m</i>		<i>n</i>							
	мяг.	<i>m'</i>		<i>n'</i>							
Аппроксиманты	тв.	<i>w</i>		<i>r</i>		<i>l</i>		<i>j</i>			
	мяг.	<i>w'</i>		<i>r'</i>							

Примечания. (1) В круглых скобках приведены фонемы, представленные только в новых заимствованиях. (2) В квадратных скобках — сегменты, соответствующие на морфонологическом уровне сочетанию фонем ($[ʒ]=d+z$, $[č]=t+š$). (3) Фонемы *r* и *r'* могут фонетически реализовываться как увулярные. (4) Фонема *w* соответствует двум морфонологическим (и графическим) сегментам: *w* и *l*.

В. Вокализм:

Ряд		Передний	Средний	Задний
Верхний		<i>i</i>		<i>u</i>
Средний	закр.	<i>ě</i>		<i>ó</i>
	откр.	<i>e</i>		<i>o</i>
Нижний			<i>a</i>	

¹⁹ См. подробнее: [ЯМ 2005: 309–347; Трофимович 1989; Ермакова 1973; Wowčerk 1955].

²⁰ Допустимо альтернативное фонологическое описание, при котором в системе согласных фонем отсутствует корреляция твердости/мягкости (поскольку перед согласными и перед паузой противопоставление С~С' нейтрализуется). На результаты анализа словоизменительной двухвариантности выбор фонологического описания не влияет.

С. Двухвариантность в словоизменении.

В системе именного словоизменения имеется лишь один субстантивный тип (двувариантный), окончания которого приводятся в таблице Луж. 1. Следы моновариантного субстантивного типа склонения обнаруживаются у части существительных женского рода в виде нестандартного окончания *NASg -Ø* (часто лишь в качестве варианта при стандартном *NSg -a*, *ASg -u*). В адъективном типе склонения представлена только орфографическая двухвариантность вида *y/i* (см. табл. Луж. 2 на стр. 313). В местоименном склонении старая двухвариантность вида *o/e* сведена к дублетности форм при этимологически твердых основах (ср. *samoho/sameho*); соответствующие адъективные окончания — только с *-e* (*dobreho*).

Основной двухвариантный набор окончаний (в фонологическом представлении):²¹

		m	n	f		
Sg	N	<i>Ø</i>	<i>o</i>	<i>a</i>		
	A			<i>u</i>		
	G	<i>a</i>		<i>i/ě</i>		
	L	<i>ě/u</i>		<i>ě/i</i>		
	D	<i>ej</i>	<i>u</i>			
	I	<i>om</i>		<i>u</i>		
Pl	N	<i>i/ě</i>	<i>a</i>	<i>i/ě</i>		
	A					
	G	<i>ow</i>				
	L	<i>ax</i>				
	D	<i>am</i>				
Du	I	<i>ami/emi</i>				
	NA	<i>aj/ej</i>	<i>ě/i</i>			
	G	<i>ow</i>				
	LDI	<i>omaj'</i>				

Таблица Луж. 1

Примечание. Твердый вариант окончаний *LSgmn*, *LDSgf*, *NADunf -ě* сопровождается чередованием согласного исхода основы.

Д. Основные характеристики двухвариантности (ДВ) и морфонологическое разбиение согласных сегментов представлены в таблице Луж. 2.

²¹ Нестандартные окончания, а также моновариантное лично-мужское окончание *NPlm -ojo* не учитываются.

Согласные			1		2	3	4			
ДВ		C (корр.тв.)	t, d, t'	k, x, h	c, s, z	č, ž, š, šč, l, j	C' (корр.мяг.)			
стар.	орфогр.	y/i	твёрд.		мягк.	твёрд.	мягк.			
нов.	слабая	a/e	твёрд.			мягк.				
стар.		i/ě				мягк.				
нов.	сильная	ě/i	твёрд.			мягк.				
		ě/u	твёрд.		мягк.					

Таблица Луж. 2

Примеры:²²

- GSgf (*i/ě* + орф. *y/i*): žony (žona), ryby (ryba), topaty (łopata), nohi (noha), swěcy (swěca), kozy (koza), kołbasy (kołbasa) ~ duše (duša), tuže (tuža), tžé (tža), šklé (škla), čaple (čapla), šije (šija), ideje (ideja), kuchnje (kuchnja), tubje (łubja);
- LDSgf (ě/i + орф. *y/i*): žonje (žona), rybje (ryba), topaće (łopata), brodže (broda), noze (noha), rěce (rěka) ~ swěcy (swěca), kozy (koza), kołbasy (kołbasa), duši (duša), tuži (tuža), tži (tža), škli (škla), čapli (čapla), šiji (šija), ideji (ideja), kuchni (kuchnja), tubi (łubja);
- LSgmn (*ě/u*): synje (syn), dubje (dub), dymje (dym), darje (dar), hněwje (hněw), sudže (sud), lisče (list), jile (jil) ~ boku (bok), dołhu (dołh), wuchu (wuch), kwasu (kwas), mjasu (mjaso), plecu (pleco), železū (żelezō), kluču (kluč), łožu (łožo), słodžu (słodżo), jeju (jejo), polu (polo), kopju (kopjo), čerwju (čerw), morju (morjo);
- NADum (*aj/ej*): synaj (syn), dubaj (dub), bobraj (bobr), hadaj (had), bykaj (byk), duchaj (duch), karasaj (karas), zajacaj (zajac), pjenjezaj (pjenjez) ~ kałaczej (kałac), jeršej (jerš), mjedwiedżej (mjedwiedż), zmiej (zmij), hołbjej (hołb), čerwjej (čerw), zwonarjej (zwonar).

E. Морфонологические правила, сопряженные с разбиением согласных по двухвариантности.

(I) Сочетаемость согласных с гласной /ě/:

V \ C	C (корр.тв.)	t, d, t'	c, s, z	k, x, h	č, ž, š, šč, l, j	C' (корр.мяг.)
ě	—	—	—	+	+	+
				kěrchow, chěža, hěta	čěski, džěd, šěry, tžé, lěs, jěscé	pěc, běda, wěk, měch, rěpa, němy

²² Здесь и далее словоформы даны в орфографической записи.

(II) Правила чередования согласных в форме NPlm лично-мужск. адъективного типа склонения (-C + -i):

C (корр.тв.)	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>t̪</i>	<i>k</i>	<i>h</i>	<i>x</i>	Прочие —
C' (корр.мяг.)	<i>č</i>	<i>ž</i>	<i>l</i>	<i>c</i>	<i>z</i>	<i>š</i>	без изменения

Совмещение классификаций (I) и (II) дает те же четыре класса согласных, что и разбиение по словоизменительной двухвариантности:

II	I	недопустимые перед /ě/	допустимые перед /ě/
чередующиеся	1	<i>t, d, t̪, C</i> (корр.тв.)	<i>k, h, x</i>
нечередующиеся	3	<i>c, s, z</i>	<i>č, ž, š, ž, l, j, C'</i> (корр.мяг.)

Комментарии

- 1) Допустимы варианты парадигм, сводящие разбиение по новой двухвариантности в LSgmn к тривиальному: основы на коррелятивно-твердые согласные принимают окончание *-ě*, все прочие — окончание *-i* (см. [Ермакова 1973: 46–47 и след.]).
- 2) Факультативно двухвариантные показатели можно постулировать также в форме Voc (только Sgm) с окончанием *-ě/-o* (новая сильная двухвариантность с распределением согласных, как в LSgmn, то есть класс 1 ~ классы 2–4). Ср. *Filipje, susodže ~ mužo, mnicho, Hanso*, при допустимых *susodo, Filipo* и т. п. См. подробнее, например [Ермакова 1973: 44–48, 68]. По-видимому, так же можно трактовать формы от адъективных наречий на *-ě/-o*, ср. *prawje* (к *prawy*), *lubje, mudrje, zymnje ~ nisko, dołho, horco* ‘горячо’, *htubšo, lěnjo, džiwjo* (к *džiwi* ‘дикий’), при допустимой дублетности как типа *zymnje/zymno*, так и типа *htuboko/htuboce* от основ на задненёбные. См. подробнее [Ермакова 1973: 185–186, Трофимович 1989: 41, Трофимович 1974: 486].

- 3) Легко видеть, что описанное выше своеобразное устройство системы словоизменительной двухвариантности в верхнелужицком обязано своим происхождением главным образом тому обстоятельству, что в истории верхнелужицкого языка имел место переход гласного /ě/ (из *ě) в /y/ после /c/, /z/, /s/ (частично также после /r/, что однако никогда не имеет места при флексионном /ě/). Таким образом, попадание этой группы согласных в класс морфонологически мягких или морфонологически твердых по двухвариантности вида *ě/i* или *i/ě* этимологически обусловлено, однако

трактовка их как морфонологически мягких по новой двухвариантности *-ě/-i* (а также при образовании наречий и вокатива, см. выше) представляет собой уже собственно системное решение внутри верхнелужицкого языка, обеспечивающее сохранение в этом языке принципа двухвариантности основ и флексий, тогда как этимологически последовательное развитие привело бы к установлению (по крайней мере для формы LSgmn) «трехвариантности» (ср. в этой связи положение в словацком языке, см. сноска 8).

4) Как видно из таблицы Луж. 1 на стр. 312, старая двухвариантность вида *-o/-e* в субстантивном склонении упразднена с обобщением этимологически твердого варианта (*-o*). Парадоксальное исключение составляет окончание DSgm *-ej* (< *evi),²³ исторически заимствованное из склонения праславянских *u*-основ, изначально моновариантного, но при экспансии в другие типы склонения развивающего так называемую «вторичную двухвариантность» (см., например, [Поливанова 2013: § 91, § 390]). При этом, как уже отмечалось выше, в соответствующих адъективных окончаниях обобщен этимологически мягкий вариант окончаний с начальным *-e* (*dobreho, dobremu*).

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В.* Современный русский язык. Морфология. М., 1952.
- ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Карты. — Выпуск II. Морфология. — М. : Наука, 1989.
- Ермакова М. И.* Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология. — М. : Наука, 1973.
- Еськова Н. А.* О морфологических и морфонологических соотношениях между флексиями родительного падежа множественного числа существительных в современном русском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. — М. : Наука, 1971. — С. 170–177.
- Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Русские словари, 2003.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. — 2-е изд. переработ. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М. : Изд. МГУ, 1953.

²³ Относительно характера фонетического развития см. [de Bray 1980b: 362].

- Лешка О. Грамматический очерк чешского языка // Чешско-русский словарь. М. : Советская энциклопедия ; Прага : Государственное педагогическое издательство, 1973. — Т. II. — С. 731–861.
- Лифанов К. В. Морфология словацкого языка. — М. : Изд. МГУ, 1999.
- Мечковская Н. Б. Словенский язык. — Минск : Университетское, 1991.
- Поливанова А. К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2013.
- Тихомирова Т. С. Курс польского языка. — М. : Высшая школа, 1988.
- Толстой Н. И. Краткий очерк грамматики сербско-хорватского языка // Сербско-хорватско-русский словарь. — М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. — С. 1103–1168.
- Трофимович К. К. Верхнелужицко-русский словарь. — М. : Русский язык ; Бауцен : Домовина, 1974.
- Трофимович К. К. Серболужицкий язык: Учебн. пособие для ун-тов. — Минск : Университетское, 1989.
- Трубецкой 2004 — Письма и заметки Н. С. Трубецкого / Подгот. к изд. Р. Якобсона и др. ; пер. предисл., примеч. и указ. В. А. Плунгяна и др. ; вступ. ст. В. Н. Топорова. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Широкова 1990 — А. Г. Широкова, В. Ф. Васильева, А. Едличка. Чешский язык. — М. : Изд. МГУ, 1990.
- ЯМ 2005 — Языки мира: Славянские языки / Ред. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. — М. : Academia, 2005.
- de Bray 1980a — R. G. A. de Bray. Guide to the South Slavonic Languages. (Guide to the Slavonic Languages, Third Edition, Revised And Expanded, Part 1). — Columbus, Ohio : Slavica, 1980.
- de Bray 1980b — R. G. A. de Bray. Guide to the West Slavonic Languages. (Guide to the Slavonic Languages, Third Edition, Revised And Expanded, Part 2). — Columbus, Ohio : Slavica, 1980.
- Pauliny 1968 — E. Pauliny, J. Ružička, J. Štolc. Slovenská Gramatika. — 5 vyd. — Bratislava : Slovenské pedagogické nakladatel'stvo, 1968.
- Wowčerk P. Kurzgefasste obersorbische Grammatik. Phonetik und Morphologie. — 3 Aufl. — Berlin : Volk und Wissen, 1955.

М. Р. Пентус

О ПРЕПОДАВАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ БУДУЩИМ ЛИНГВИСТАМ

Анне Константиновне Поливановой, сумевшей мягко подтолкнуть меня к размышлению и диалогу на эту тему

Традиционно университетские курсы математики для лингвистов включают в себя ряд разделов математической логики. Студенты знакомятся с понятиями из теории множеств (такими, как соответствие, операция, отношение, разбиение, мощность), из логики высказываний, логики предикатов, неклассической логики (например, модальной, временной, интенциональной логики), из теории алгоритмов (такими, как разрешимость, полуразрешимость, сложность), из лямбда-исчисления и т. д.

В вводном курсе математики обычно много понятий и мало теорем. Обычно это законы де Моргана, теорема о совершенной дизъюнктивной нормальной форме, конкретные свойства кванторов в логике предикатов, теорема о сопряженности отношений эквивалентности и разбиений на классы, теорема Черча–Поста о разрешимости полуразрешимого множества с полуразрешимым дополнением и др.

Цели знакомства идеального молодого лингвиста с математическими понятиями и теоремами могут быть разные: хочется понимать доклады других лингвистов на научных конференциях; хочется быть готовым к использованию математического формализма в своих статьях при необходимости; хочется узнать интересные и красивые факты из математики; хочется знать то, что положено знать каждому культурному человеку, и т. д.

По поводу последней из перечисленных здесь целей В. А. Успенский писал: «Итак, мы отстаиваем два тезиса. Первый, что математика — вне зависимости от ее практического использования — принадлежит духовной

культуре. Второй, что отдельные фрагменты математики входят в общеобразовательную часть этой культуры» [Успенский 2012: 51].

Перечислим несколько фактов математической логики, которые могут претендовать на включение в джентльменский набор культурной грамотности: равенство по количеству бесконечной совокупности и некоторой ее собственной части, существование алгоритмически неразрешимых массивных задач (в качестве примера может служить проблема соответствий Поста), независимость континуум-гипотезы от аксиом теории множеств, теорема Геделя о неполноте (гласящая, что, «какие бы способы доказывания ни установить, всегда найдется истинное, но не доказуемое утверждение — причем даже среди утверждений о таких, казалось бы, простых объектах, как натуральные числа» [Успенский 2012: 3]).

Одна из целей обучения математике — освоить стиль математического мышления. Эту мысль очень ярко выразил В. А. Успенский: «[...] образование состоит не только в расширении круга знаний. Не в меньшей степени оно состоит в расширении навыков мышления. Математик и гуманитарий обладают различными стилями мышления, и ознакомление с иным стилем обогащает и того, и другого. Скажем, изучение широко распространенного в математике аксиоматического метода, при котором в рассуждениях дозволяется использовать только ту информацию, которая явно записана в аксиомах, прививает привычку к строгому мышлению. А знакомство со свойствами бесконечных множеств развивает воображение. Потребуются ли когда-нибудь, скажем, историку аксиоматический метод или бесконечные множества? Более чем сомнительно. Но вот строгость мышления и воображение не помешают и ему» [Успенский 2012: 10].

Студент-гуманитарий должен научиться понимать математические определения, формулировки теорем, проникнуться тем, что такое математическое доказательство. «Главная цель обучения гуманитариев математике — психологическая. Эта цель состоит не столько в сообщении знаний и даже не столько в обучении методу, сколько в изменении — нет, не в изменении, а в расширении психологии обучающегося, в привитии ему строгой дисциплины мышления (слово “дисциплина” понимается здесь, разумеется, не в значении ‘учебный предмет’, а в смысле приверженности к порядку и способности следовать этому порядку). Как сказал Ломоносов, “математику уже за то любить стоит, что она ум в порядок приводит”» [Успенский 2012: 28].

Однако трудно определить, что значит, что студент понял какую-то теорему или определение. На мехмате МГУ на экзаменах при разговоре о конкретной теореме экзаменатор может спросить, что будет, если в теореме одно из условий отбросить или ослабить. Обычно при этом теорема ста-

новится неверной, и студент должен доказать это, например предъявив контрпример (пример, доказывающий ложность новой формулировки). Следует ли требовать такого же уровня понимания от студентов-нематематиков? Здесь мнения лингвистов сильно разнятся. Один из возможных ответов — студент-лингвист должен выучить одну-две теоремы на таком же уровне понимания, как на математических факультетах, а в остальном материале можно сложные или громоздкие доказательства опустить. Ведь уже на уровне определений и формулировок (даже без доказательств) студенты учатся пользоваться языком математики осмысленно. В. А. Успенский часто подчеркивал, как важно хотя бы понимать математические утверждения. В [Успенский 2012: 28] он писал: «Помимо дисциплины мышления я бы назвал еще три важнейших умения, выработке которых должны способствовать математические занятия. Перечисляю их в порядке возрастания важности: первое — это умение отличать истину от лжи [...]; второе — это умение отличать смысл от бессмыслицы; третье — это умение отличать понятное от непонятного».

Наряду с пониманием теорем в математических курсах можно стремиться к овладению «техническим мастерством», т. е. конкретными приемами решения типовых математических задач. В математической логике это, например, умение проверять тавтологичность или выполнимость формул логики высказываний (обычно с помощью таблиц истинности), выяснить, является ли одна формула логики предикатов следствием другой формулы, упрощать выражения с множествами (с помощью диаграмм Эйлера–Венна). Снова возникает вопрос, сколько различных типов задач следует серьезно проработать со студентами-лингвистами в университете, чтобы позже выпускники университета могли самостоятельно разобраться в математических задачах других типов, если потребуется.

По возможности хотелось бы развивать математическое мышление на примере тех понятий, которые значительной части лингвистов позже пригодятся. Например, конечные автоматы полезны для фонологии, контексто-свободные грамматики — для синтаксиса, кванторы и лямбда-абстракция — для формальной семантики.

Кроме того, ряд понятий математической логики нужны для освоения других математических дисциплин. Понятие мощности множества необходимо, чтобы понять простое доказательство существования формального языка, не порождаемого никакой порождающей грамматикой: языков континuum, а грамматик только счетное число (с точностью до изоморфизма). Знание определения истинности для формул с кванторами помогает в курсе по теории формальных языков правильно использовать

лемму о разрастании при доказательстве того, что данный язык не является контекстно-свободным.

Приведем для примера три текстовые задачи на логику предикатов.

Задача 1

Школьному классу полагается экскурсия, если в классе все мальчики родились в невисокосном году, а все девочки — в високосном. Полагается ли экскурсия классу, где учатся только девочки и все они родились в високосном году?

Задача 2

Следует ли из четырех аксиом «все матросы — люди», «ни один матрос не является циником», «каждый человек либо альтруист, либо эгоист», «все эгоисты — циники», что все матросы — альтруисты?

Задача 3

Для любых куздр x и y по определению x гиперуважает куздру y , если x уважает хотя бы одну куздру, уважающую куздру y . Для любых куздр x и y по определению x квазиуважает куздру y , если x уважает всех куздр, которых уважает y . Равносильны ли суждения «каждая куздра уважает всех гиперуважаемых ею куздр» и «каждая куздра квазиуважает всех уважаемых ею куздр»?

При кратком изложении основ математики необходимо детально продумать порядок изложения, чтобы избежать впечатления о замкнутом круге в определениях. Например, в учебниках для студентов-математиков при введении понятий функциональности, тотальности, инъективности и сюръективности соответствия используются формулы логики предикатов с кванторами, а в другом разделе математической логики при определении истинности формулы логики предикатов используется понятие функции, т. е. тотального функционального соответствия. Чтобы разорвать этот замкнутый круг, нужно какое-то понятие сначала объяснить на словах, без формул (но позже, когда пройден нужный материал, следует дать формальное определение того же понятия, чтобы студенты освоили

формальный язык математики и были в состоянии понимать формальные определения других аналогичных понятий). Например, в книгах [Гладкий 1998], [Keenan, Moss 2017] и [Partee, ter Meulen, Wall 1990], ориентированных на студентов-лингвистов, понятие функции определяется словесно, без математических кванторов, а в книге [Шиханович 2005] на с. 128 словами определяется понятие функционального графика, а понятие функции вводится на с. 185 уже после раздела «Кванторы» и дублируется формулами логики первого порядка.

В курсах математической логики порядок изложения отчасти зависит от взглядов преподавателя или автора учебника на всю область логики. Например, во втором издании учебника Дж. Д. Макколи [McCawley 1993] материал разбит на 15 глав и упорядочен так: предмет логики, синтаксис логики предикатов, синтаксис логики высказываний, семантика логики высказываний, теория множеств, семантика логики предикатов, дополнительные темы в логике предикатов, сорта и типы, речевые акты и импликатура, пресуппозиции, модальная логика, приложения возможных миров, многозначная и нечеткая логики, интенсиональная логика и грамматика Монтея, условные предложения. В учебнике Б. Парти, А. тер Мелен и Р. Уолла [Partee, ter Meulen, Wall 1990] темы, относящиеся к математической логике, даны в следующем порядке: основные понятия теории множеств, соответствия и функции, свойства отношений, мощность, основные понятия логики и формальных систем, логика высказываний, логика предикатов, аксиоматизация и теория моделей, лямбда-исчисление, обобщенные кванторы, интенсиональная логика, машины Тьюринга.

Мы видим, что уже устоялся некоторый стандартный набор центральных тем, включаемых в курсы математической логики для лингвистов. Однако на вопрос, как лучше проводить семинары и экзамены, рационального ответа пока нет.

ЛИТЕРАТУРА

- Гладкий А. В. Математическая логика. — М. : РГГУ, 1998.
- Успенский В. А. Апология математики. — М. : Амфора, 2012.
- Успенский В. А. Математическое и гуманитарное: преодоление барьера. — Изд. 2-е. — М. : МЦНМО, 2012.
- Шиханович Ю. А. Введение в математику. — М. : Научный мир, 2005.
- Keenan E. L., Moss L. S. Mathematical Structures in Language. — Stanford, CA : Center for the Study of Language and Information, 2017.

McCawley J. D. Everything that Linguists have Always Wanted to Know about Logic But Were Ashamed to Ask. — 2nd ed. — Chicago : The University of Chicago Press, 1993.

Partee B. H., ter Meulen A., Wall R. E. Mathematical Methods in Linguistics. — Dordrecht : Kluwer Academic, 1990.

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина

А ЧТО?

Когда-то мы тоже учились у Анны Константиновны — много лет назад, и теперь интересно вспоминать, как это было. Бессспорно, что многим общим научным принципам, которые потом стали определять нашу лингвистическую жизнь, мы обязаны ей. Между тем, Анна Константиновна, как и всякая яркая личность, соткана из разных противоречий.

С одной стороны, как ученый своего времени, она стремилась к эффективным определениям лингвистических понятий. Образцом такого подхода тогда считались Бурбаки, создавшие математическую аксиоматику. И тем самым во главу угла ставилась задача формализации лингвистических понятий, которая способствовала бы превращению лингвистики в систему строгих правил, не знающих исключений и оперирующих точно определенными единицами. Это был для нас чрезвычайно интересный опыт, который сопровождался подробным и бескомпромиссным критическим анализом важнейших теоретических статей того времени. (Результат всегда был один: все статьи оказывались очень плохо написаны — с точки зрения образцов аксиоматики.)

С другой стороны, нам прививался совершенно другой опыт и правила другой теоретической парадигмы, предполагавшей пристальное внимание к деталям и любовь к тончайшим нюансам живого текста. Любой текст мог и должен был идти в дело и обогащать лингвистическую теорию. Каким-то образом в мире Анны Константиновны «всесильный бог деталей» сосуществовал с идеальными формальными структурами — от всех деталей, как правило, безупречно свободными.

Особенно привлекательными для нас стали задания на анализ во всех отношениях нестандартных текстов, которые Анна Константиновна при-

носила нам в качестве материала для разбора — одни украшали собой многоязычные югославские коробки с детским питанием (тогда бывшие весьма экзотическим предметом), другие служили рекламными проспектами новых средств для уничтожения вредных насекомых — написанные на русском языке китайскими производителями (один из таких текстов разобран в статье [Поливанова 1997])... И в этой ипостаси Анна Константиновна являлась нам не строгим формалистом, а совершенным корпусным лингвистом, хотя о корпусах тогда еще не было речи («у нас его еще не знали девы», как писал поэт).

Сюжет нашей небольшой заметки как раз связан с корпусным исследованием на материале, в общем, тоже не вполне стандартных с современной точки зрения текстов XIX века. Мы изучаем дистанцию между нормой того времени и сегодняшней и ищем правила, которые действовали тогда, а потом по разным причинам исчезли из языковой системы (см. подробнее, например, [Plungian, Rakhilina 2018]). Исходный текст — вполне хрестоматийный: это *Герой нашего времени* М. Ю. Лермонтова. А вот языковая единица, которую мы рассмотрим в этой заметке, — совсем не тривиальная. Это так называемая *дискурсивная формула* — фиксированное идиоматическое выражение, короткая неоднословная реплика в ответ на чужое высказывание или вопрос (типа *Да ну? Как это? Еще чего!* и под.; подробнее о них см. [Gerasimenco et al. 2019]).

Например, *Еще чего!* — это либо очень эмоциональная отрицательная реакция на предположение, либо категорический (возмущенный) отказ в ответ на просьбу/императив со стороны собеседника. Ср. (1)–(2):

- (1) — Но вы — выйдите, посмотрите, в каком он состоянии. — Еще чего! Буду я ходить больных собирать! Я не санитарка! [А. И. Солженицын. *Правая кисть*, 1960]
- (2) Я говорю: отец Алексей, благословите бросить всю эту чрезвычайно душевредную тягомотину и заняться спасением души. «Еще чего!» — сказал отец Алексей, вот именно этими самыми словами. [М. А. Журинская. *Без московской ругани*, 2011]

Как высокочастотные единицы, дискурсивные формулы должны быть очень динамичными и быстро сменять одна другую. Этот процесс понятен, если устаревает какое-то слово в составе формулы — но проблема в том, что во многих случаях формулы состоят из неполнозначных единиц, которые некомпозиционально (и, казалось бы, раз и навсегда) сложены

в некоторую структуру со строго фиксированной семантикой и жесткими условиями употребления. Может ли эта структура распасться или измениться? Рассмотрим один пример из *Фаталиста*.

- (3) — Вы счастливы в игре, — сказал я Вуличу... — В первый раз от роду, — отвечал он, самодовольно улыбаясь, — это лучше банка и штосса. — Зато немножко опаснее. — *А что?* вы начали верить предопределению? — Верю; только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...

В данном случае формула *А что?* — это вопрос Вулича к рассказчику, вынуждающий его поделиться впечатлениями от только что увиденного. Рассказчик, как мы помним, только что проиграл Вуличу пари: они спорили, может ли человек сам распоряжаться своей жизнью или для всех нас есть некое предопределение.

В таком контексте мы теперь спросили бы: *Ну что?* (= ‘Ну что? убедился, что человек сам не решает, когда ему умереть? Поверил ты в предопределение?’). Ср. у Довлатова:

- (4) Вид его как будто говорил: «*Ну что?* Доигрался?! Теперь уж выкручивайся самостоятельно. А ведь я предупреждал тебя, дурака...». [С. Довлатов. *Чемодан*, 1986]

Действительно, изолированная реплика *А что?* в современном русском используется в одном из двух случаев: или как вопрос-оправдание или как вопрос-подозрение.

Вопрос-оправдание возникает в ответ на недоумение собеседника по поводу поступка говорящего или направленную на него критику (≈ ‘А что (тут) такого? А почему бы нет?’). Ср.:

- (5) Есенин тоже кому-то не нравится. — Смелое уподобление. — *А что?!* Ну вот играю я Есенина, зал сходит с ума, а какая-нибудь пара, тройка зрителей возмущается [...]. [«Известия», 2001.09.24]

Вопрос-подозрение возникает в ответ на внешне обычный информационный вопрос, который кажется говорящему содержащим какой-то подвох, каким-то образом задевающим его интересы (≈ ‘А почему ты спрашиваешь? Разве что-то не так?’). Ср.:

- (6) — Скажите, вы, случайно, не из Москвы? — Нет. — И не знали моей бабушки? — Нет, а что? [Коллекция анекдотов 1970–2000]

Оба эти класса употреблений были свойственны формуле *A что?* еще в XVIII–XIX веке, ср. вопрос-оправдание в (7) и вопрос-подозрение в (8):

- (7) Дюфиза [...] Я выдумала, чтобы вместо рукавиц на руки надевать чулки. Деламида. (Дюфизе). *A что?* (= ‘А почему бы нет?’) ежели б это выдумали в Париже, так, я чаю, это бы было недурно. [А. П. Сумароков. *Скора у мужа с женой*, 1750]
- (8) Яичница. Скажите, пожалуйста, невеста дура, что ли? Кочкирев. *A что?* (= ‘почему вы вдруг это спросили?’) случилось разве что? Яичница. Да непонятные поступки: выбежала, стала кричать: «Прибывает, прибывает!». [Н. В. Гоголь. *Женитьба*, 1833–1842]

Между тем, ни одно из этих значений не подходит к нашему контексту разговора Булича с рассказчиком. К нему, как мы уже отметили, хорошо подходит семантика другого дискурсивного маркера — *Ну что?* — который запрашивает у собеседника оценку ситуации: *Что ты на это скажешь? Ну как тебе?*

Заметим, что при этом оценка имеется в виду вполне определенная, очень положительная, для которой характерны два типа контекстов. В первом случае говорящий просто предлагает собеседнику восхититься и похвалить его по какому-то только что случившемуся, так сказать, наблюдаемому, поводу: *Ну что? Не молодец ли я?* Во втором он предлагает признать правоту его, а не говорящего, предсказания, которое, как ему кажется, сбылось: *Ну что? И кто из нас был прав?*

В начале XIX века в таких контекстах вместо ожидаемого нами *Ну что?* используется *A что?* — и не только у Лермонтова, ср. с одной стороны, (9)–(10), а с другой — (11).

Ожидание высокой оценки:

- (9) А что? каково я хватил его рогатиною? Небось — не промахнулся. [М. Н. Загоскин. *Рославлев, или русские в 1812 году*, 1830]
- (10) — Отведай! — говорю я. Он отvedал. — А что? — говорю я. — Чорт знает что: ни мыло, ни сало! [Г. Ф. Квитка-Основьяненко. *Пан Халявский*, 1839]

Предложение признать правоту говорящего:

- (11) [...] дочь говорит: «**А что?** а что, маменька? Видите, что Добчинский!» Мать отвечает: «Ну да, Добчинский, теперь я вижу [...].» [В. Г. Белинский. «Горе от ума», 1839]

Легко видеть, что в лермонтовском диалоге Вулича с рассказчиком (3) *A что?* принадлежит именно последнему типу: *A что?* вы начали верить предопределению? — это как раз требование Вулича признать его правоту в состоявшемся споре (Вулич уверен, что произошедшие события подтвердили его, Вулича, правоту и должны были изменить точку зрения рассказчика).

Таким образом, изменения в составе и значении дискурсивных формул вполне возможны. В данном случае мы наблюдаем замену единицы *A что?* в значении «запроса позитивной оценки» на единицу *Ну что?* В принципе, причины такого изменения можно видеть в природе данного значения. Оно включает элемент понуждения адресата (к некоторой реакции), а именно этот семантический элемент передается в русском языке частицей *ну* (ср. [Разлогова 2004] и др.). «Специализация» частицы *ну* в этом значении, по нашим данным, как раз интенсивно происходит в XIX – первой половине XX в.; при этом частица *ну* в этом значении активно присоединяется и к другим дискурсивным показателям (ср. *ну давай*, *ну еще чего* и т. п.) и даже, как мы видели, внедряется в «чужие» дискурсивные формулы, вытесняя из них другие элементы. У семантически нейтрального *a* в точности такого значения не было (это скорее фразовый коннектор, порождавший многочисленные контекстные эффекты, ср. разбор этих механизмов в [Зализняк, Микаэлян 2018] с анализом предшествующей литературы). И падение его употребительности по сравнению с древнерусским периодом как раз и было связано с тем, что в ряде специфических контекстов его вытесняли конкуренты, значение которых более точно соответствовало именно данным контекстам.¹

Если это так, то изменения в составе и значении дискурсивных формул демонстрируют, что даже идиоматичные (некомпозициональные)

¹ Хорошо заметно, что такая замена *a* на *ну* возможна далеко не у всякой дискурсивной формулы, содержащей начальное *a*, а лишь у такой, где значение *a* попадает в нужную область. Так, в составе *a то* эта замена невозможна (*ну то), поскольку эта единица функционирует как противопоставительный или соединительный коннектор, что вполне соответствует основному спектру употреблений, сохранившемуся у русского *a* сегодня.

единицы в своей эволюции могут испытывать влияние композициональных структур. Несмотря на то, что все компоненты в составе дискурсивных формул по определению идиоматичны, их семантическая мотивированность может увеличиваться за счет замены одних компонентов на другие, более подходящие с точки зрения их вклада в общую семантику конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л.* Русское *a*: опыт интегрального описания // Russian Linguistics. — 2018. — Vol. 42, № 3. — P. 321–344.
- Поливанова А. К.* Языковые аномалии: условие корректируемости // *Studia linguarum*. — М. : РГГУ, 1997. — С. 213–251.
- Разлогова Е. Э.* Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов. — М. : МГУ, 2004.
- Gerasimenco et al 2019 — *Gerasimenco E., Puzhaeva S., Zakharova E., Rakhilina E.* Defining discourse formulae: computational approach // Proceedings of 3rd Workshop “Computational linguistics and language science”. — 2019. — Vol. 4. — P. 61–69.
- Plungian V., Rakhilina E.* ‘I say...’: Some aspects of 19th-century Russian syntax // Russian Linguistics. — 2018. — Vol. 42, № 2. — P. 123–136.

Б. А. Равдин

К. СИМОНОВ, «К. СИМОНОВ» И К.С. В ПОДНЕМЕЦКОЙ ПЕЧАТИ 1943–1944 ГГ.

14 января 1942 г., через полгода после начала военных действий между СССР и Германией, в «Правде», на 3-й полосе, было опубликовано известное стихотворение К. Симонова «Жди меня...».¹

В январе 1943 г. в Берлине под эгидой Отдела восточной пропаганды Вермахта приступили к одновременному выпуску двух газет: «Доброволец» и «Заря». Одно издание было рассчитано на разного рода воинские формирования из советских военнопленных на службе Германии, другое — на многомиллионную армию военнопленных Красной армии, потенциальных солдат и офицеров замышлявшейся РОА, так наз. Русской освободительной армии под командованием генерал-лейтенанта А. А. Власова. Газеты эти пересекались многими материалами, редакция — объединенная.

В январе 1943 г. стихотворение К. Симонова было repубликовано в «Заре», в слегка покореженном виде — грамматического и пунктуационного характера. Грамматика коснулась двух строк: «Писем не придет» было исправлено на «Письма не придут»; соответственно: «Всем, кто вместе ждет» было заменено на «Всем, кто вместе ждут».² Пунктуационных вмешательств разного рода (отсутствие точки или запятой, точка вместо запятой, запятая вместо точки, тире вместо двоеточия) — под десять единиц. Стropheика «Правды» (три строфы по 12 строк) была сохранена.

К сожалению, у нас нет никаких сведений о том, как стихотворение Симонова оказалось в «Заре». Считается, что первые 33 номера этой газеты

¹ См. по теме [Чудакова 2002].

² Заря. 1943. № 8. 31 янв. С. 3.

практически были свободны от немецкой цензуры.³ Так что — небезызвестный М. Зыков, исполнявший обязанности главного редактора «Зари» и «Добровольца», самостоятельно принял решение о Симонове?⁴ И даже сохранил свое положение после публикации стихотворения. Чем оправдывался он в прямой, не комментированной в соответствующем ключе, перепечатке материала из «жидомасонской» «Правды»? Разве что тем, что мог обратить внимание кураторов на то, как популярна лирическая немецкая песенка «Лили Марлен» у английских солдат, противостоящих Роммелю в Африке.⁵ Вот, мол, и «Жди меня...». В ответ ему могли сурово напомнить, что Симонов является не только автором относительно безобидного стихотворения о солдате, который заклинает свою возлюбленную верить в его возвращение (а значит, и в победу?), но и автором еще одного заклинания — от лета 1942 г. — стихотворения «Убей его!» («Если дорог тебе твой дом...»).⁶

Фрагмент страницы газеты «Заря» со стихотворением К. Симонова

При просмотре значительной части оккупационной периодики (из числа более 400 наименований подобного рода) близких по времени пере-

³ См. воспоминания одного из сотрудников «Зари» и «Добровольца» М. Самыгина [Самыгин 2017: 95].

⁴ О М. Зыкове см. указ. выше воспоминания М. Самыгина [Самыгин 2017: 65–70] и прим. 74 (с. 65–66) к этим воспоминаниям.

⁵ См. по теме: [Ичин, Йованович 2000; Равдин 2014].

⁶ Первая публикация стихотворения «Убей его!» // Красная звезда. 1942. 18 июля.

печаток симоновского стихотворения (январь–май того же года) нами не обнаружено.⁷

Разве что из оккупированного Смоленска пришел «ответ» — с ожидаемой агитационной подкладкой, сочинение некоего Р. Пухова от лица «той», к которой было обращено «Жди меня...»:

Жду

*Расцвела надеждой грусть
Обрести потерю,
Слышиу я твое «вернусь»,
Слышиу — значит, верю.*

*Жду тебя я, очень жду,
Встречу мысль голубит.
Если ты сказал «приду», —
Значит, так и будет.*

*Может все случиться тут:
Рана кость изгложет,
Ты вернешься стар и худ
Иль калекой, может.*

*Пусть седых волос копна,
Под глазами просинь,
Пусть обидит нас весна,
Будет нашей осень.*

*Чтобы только не опять
Иго коммунистов,
Чтоб с России цепи снять
Палачей-чекистов.*

⁷ Было ли «Жди меня...» запараллелено с «Добровольцем» — за неразысканностью соответствующих номеров этой газеты от конца января 1943 г., сведений у нас нет. Но помимо «Добровольца», выходившего в Берлине, на начало 1943 г. существовал еще его одноименный собрат, издававшийся, как указано было в «паспорте» газеты, «во Пскове» и многими материалами повторявший берлинское издание. В псковский вариант «Добровольца» Симонова не заверстали, полагаем, что и в берлинский извод газеты его не ввели.

*Жду тебя и буду ждать...
А моя заслуга —
В дом не стану зазывать
Никакого друга.⁸*

Судя по косвенным данным, спустя полгода после появления «Жди меня...» в «Заре» пропагандистскими инстанциями Вермахта было дано «добро» на повсеместное распространение симоновского заклинания. Иначе трудно объяснить летне-осенние 1943 г. републикации «Жди меня...» в печати, преимущественно подведомственной Вермахт-пропаганде:

1. Голос правды. [Львов?] 1943. № 11. 16 июня. С. 3.
2. Новый путь. Рига. 1943. № 15. [Первая половина августа.] С. 16.
3. За Родину. Дно. 1943. № 192. 22 авг. С. 2.
4. Доброволец. Псков. 1943. № 30. 28 авг. С. 3.
5. Правда. [Таллинн.] 1943. № 36. 9 сент. С. 3.
6. Боец РОА. [На ноябрь 1943 г. — Франция.] 1943. № 23. 24 нояб. С. 2.

Все републикации по тексту восходили к «Заре», только дновской газете по технической надобности потребовалось опустить вылезавшее за рамку какое-нибудь четверостишие (пожертвовали строфой: «Жди... пора»). В большинстве случаев путем пунктуации редакции стремились усилить эмоциональную нагрузку стиха: в оригинале — одно многоточие, в «Заре» — два, а, к примеру, в «Новом пути» — запряженная цугом шестерка таких многозначительных знаков, плюс редакторский восклик на вершине последней строки.

И опять набегают вопросы.

Зачем понадобился второй, массированный, этап пропаганды симоновского стихотворения?

Знал ли К. Симонов о жизни своего стихотворения в поднемецкой печати? Не мог не ведать! Должны были об этом знать и в военно-журналистских кругах, а, главное, в ГУППКА (Главное управление политической пропаганды Красной армии), и в СВПП (Совет военно-политической пропаганды).

⁸ Новый путь. Смоленск. 1943. № 31. 18 апр. С. 3. Здесь и ниже пунктуация цитируемых текстов, в основном, приведена к современным нормам.

За перепечатками симоновского стихотворения в поднемецкой печати следовали подражания. Приведем обнаруженные образцы. Начало перевевам было положено той же берлинской «Зарей»:

Петр Каспий

Не верь...

*Не верь, жена, что я убит
В лесу чужом зимою,
Что под черемухой зарыт
Товарищей семьею.*

*Что надо мной теперь цветет
Красавица лесная.
Не верь, жена, печаль пройдет,
Как дымка исчезая.*

*И я с товарищами шел,
Дыханье смерти чуя,
В снегу глубоком вместо сел,
Как будто зверь ночуя.*

*Не верь, жена. Я не убит,
Хотя в огонь бросался,
Семья товарищей лежит,
А я в живых остался.*

*К тебе приду, меня ты жди
И не грусти напрасно.
Ведь все, что будет впереди,
Чудесно и прекрасно.*

*Не верь, жена... Весна идет,
Она дает мне силу,
Она цветами уберет
Моих друзей могилу.⁹*

⁹ Заря. 1943. № 59. 28 июля. С. 3. Еще одно подражание: «Жди меня, моя подруга, | Не тоскуй, не плачь, | Пожелай в молитве другу | Боевых удач. || Жди, с любовью вспо-

Тремя неделями ранее за той же подписью и в «Добровольце» было опубликовано тематически близкое стихотворение — «Любимой», на другой ритмической основе. Приведем последние строчки этого агитстиха:

*Ты жди меня на том же месте,
И если отуманит грусть,
Представь, как снова будем вместе,
И верь, что я к тебе вернусь.¹⁰*

Об авторе этих строчек сведения минимальны. Петр Каспий, полагаем, псевдоним; в 1943–1944 гг. он время от времени появлялся в «Заре» и «Добровольце». Ранние (весна 1943 г.) поэтические и прозаические опыты П. Каспия представлены в газете «Речь» (Орел).

Взаимоотношения «Зари» и «Добровольца» с оригиналом не прекращались и в дальнейшем. Так, в «Заре» возник аллоним «К. Симонов». В стихотворении за этой подписью находим и строчки подлинного Симонова. Протагонистом выступает женский персонаж:

К. Симонов [аллоним]

Жду тебя

*Жду тебя, и ты придешь.
Долго очень жду.
Знаю, ты меня найдешь,
Я тебя найду.*

*Жду, когда из черных туч
Дождь потоком льет;*

миная, | Сидя у окна, | И твоя любовь, родная, | Сохранит меня. || Под огнем, в свинцовой сети, | В схватке боевой | Ярче солнца в сердце светит | Милый образ твой. || Сонный берег лижет море | Пенною волной | И всю ночь стоит в дозоре | Наравне со мной. || Хоть в горах чужого края | Я с врагом дерусь, | Все равно я защищаю | Мать родную — Русь. || Крепко верю я в победу, | Долг неся святой. | Жди меня, и я приеду | В город наш родной». Павел Булан. «Жди меня», с эпиграфом «Русские добровольцы — гроза балканских бандитов. (Из газет) // Речь. Бобруйск. 1944. № 49. 17 июня. С. 4.

¹⁰ Доброволец. Берлин. 1943. № 26. 7 июля. С. 3; то же: Доброволец. Псков. 1943. № 29. 21 авг. С. 4.

*Жду, когда жжет солнца луч,
Буря снег метет.*

*Жду, когда из дальних мест
Писем не придет,¹¹
Жду, когда ждать надоест
Всем, кто вместе ждет.*

*Пусть друзья объявят мне
Страшный приговор,
Все равно, я на столе
Ставлю твой прибор.*

*Все равно, ложася спать,
Долго ночи жду.
Две подушки на кровать
Как всегда кладу.*

*И в ребенке нахожу
Я твои черты.
Станет трудно мне, спрошу,
Что бы сделал ты?*

*И с плечей начнет спадать
Тяжестей гора.
Разве может кто сказать:
«Позабыть пора?!»*

*Не понять, не ждавши, им,
Что среди огня
Ожиданием своим
Я спасу тебя.*

*Жду тебя, и ты придешь.
Долго очень жду.
Знаю, ты меня найдешь,
Я тебя — найду.¹²*

¹¹ Ср. выше эту же строчку в публикации «Зари» подлинного К. Симонова.

¹² Заря. 1944. № 17. 27 февр. С. 4. То же, под тем же именем: На страже родины. Бобруйск.

Кто в «Заре» скрывался за аллонимом «К. Симонов» — сведений у нас опять-таки нет. Но позднее, в публикации «Добровольца»,¹³ этот же текст (по редакционной спешности/небрежности?) был подписан инициалами «И. Д.», полагаем, подлинными. Понятно, что «И. Д.» и «К. Симонов» — одно лицо. Не исключено, что и Петр Каспий находится с ними двумя в родственных отношениях.

А в соседнем «Добровольце» возник крипто-аллоним «К. С.». В газете за этой подписью, но опять-таки в слегка покореженном виде, было напечатано еще одно симоновское стихотворение, довоенное «Всю жизнь любил он рисовать войну...».¹⁴

Всю жизнь любил он рисовать войну.
Беззвездной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблем пошел ко дну,
Не дописав последнюю картину.

Всю жизнь печься люди шли к нему,
Всю жизнь он смерть преспедовал жестоко,
И умер — сам себе привив чуму,
Последний опыт кончив раньше срока.

Всю жизнь любил он пробовать сердца,
Начав еще мальчишкою с «Ньюпора»,
Он в сорок лет разбился, до конца
Не испытав последнего мотря.

Никак не можем мы мириться с тем,
Что люди умирают не в постели,

Что погибают вдруг, не дописав поэм,
Не допечив, не допетев до цели.

Как будто есть последние депа,
Как будто можно, кончив все заботы,
В своей семье сидеть вокруг стола
И отдыхать под старость от работы.

Нет, мне не жаль всех тех, кому свинец,
Огонь, вода, чумные карантины
Вписали неожиданный конец
В их опыты, полеты и картины.

Мне жаль того живого мертвеца,
Который, без волнений и терзаний,
Еще при жизни дожил до конца
Своих, гроша не стоящих, дерзаний.

К. С.

Фрагмент страницы псковского издания газеты «Доброволец»
со стихотворением К. Симонова

Откуда такое внимание к Симонову — в коллаборационистской печати уникальное явление в отношении здравствовавших советских поэтов (за исключением А. Ахматовой)?

Полагаем, что во всех публикациях «Зари» и «Добровольца» за подписями К. Симонов, «К. Симонов», «К. С.» — перед нами попытка Вермахт-пропаганды дискредитировать на советской территории автора сти-

1944. № 25. 16 июня. С. 3; За Родину. Фельдпост 17007 [В подчинении Отдела пропаганды группы армий «Nord»]. 1944. № 49. 1 марта. С. 2.

¹³ Берлин. 1944. № 22. 15 марта. С. 3.

¹⁴ См. Доброволец. Берлин. 1944. № 51. 25 июня. С. 3; Доброволец. Псков. 1944. № 28. 9 июля. С. 3.

хов «Убей его!» — т. с. операция «Rache / Месть» за развернутую формулу проклятья в адрес немецкого солдата:

...чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоем дому чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его — пусть будет вдовой.
Пусть исплачется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.

Ну, если не дискредитировать, то, по меньшей мере, досадить создателю этого заговора, этой зловещей прокламации.

Дело за документами с той или этой стороны, подтверждающими нашу версию.

ЛИТЕРАТУРА

- Ичин К., Йованович М. «Лили Марлен» Х. Лейпа и «Жди меня» К. Симонова: опыт сближения с первого взгляда несближаемого // Wiener Slawistischer Almanach. — 2000. — № 45. — С. 135–149.
- Равдин Б. Первые шаги *Лили Марлен* на русском языке // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сборник статей в честь профессора Халины Вашкелевич / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. — Краков : Scriptum, 2014. — С. 375–386.
- Самыгин М. Русское освободительное движение // История отечественной коллaborации. Материалы и исследования / Вступ. статья, публ. и прим. И. Петрова и А. Мартынова. — М. : Старая Басманская, 2017. — С. 25–123.
- Чудакова М. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. — 2002. — № 58. — С. 223–259.

Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус / F. Rozhanskiy, E. Markus

О НОРМЕ В БЕСПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ВОДСКОГО И ИЖОРСКОГО)*

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данный текст посвящен языковой норме. Следует сразу оговориться, что норма относится к числу наиболее неприятных для исследователя объектов. Во-первых, норма очень многообразна в своих проявлениях. Во-вторых, она не только затрагивает все уровни языка, но и оказывается связанный с экстралингвистическими факторами. В-третьих, представления о норме существуют в том или ином виде практически у всех людей, что выводит это понятие из сферы лингвистики в область общественного дискурса, тем самым делая его субъективным, оценочным и провоцирующим к непрофессиональным спекуляциям разного рода.

Эта специфика в большой степени определила жанр данного текста, который, не претендуя на какую-либо строгость, представляет собой что-то типа эссе или даже «заметок натуралиста», то есть служит, скорее, материалом для размышления, но ни в коей мере не содержит последовательного и исчерпывающего анализа темы.

Основной вопрос, которому посвящен данный текст, формулируется следующим образом. В языках с письменной традицией понятие нормы неразрывно связано с унификацией языка, созданием нормативных ресурсов (прежде всего, словарей, грамматик и справочников) и системой образования. А что происходит в языках, у которых нет письменной традиции и соответственно, нет кодифицированной нормы, создаваемой интеллектуальной элитой? Существует ли у носителей таких языков представление о норме, а если да, то на чем оно основывается?

---

* Представленное в статье исследование было выполнено при финансовой поддержке Тартуского университета, грант № PHVEE18904.

В качестве материала используются наблюдения авторов, сделанные в процессе работы с носителями малых прибалтийско-финских языков: водского и ижорского.

2. ДАННЫЕ

Водский и ижорский — это прибалтийско-финские языки, последние носители которых проживают в западной части Ингерманландии (Кингисеппский район Ленинградской области). Водский всегда был бесписьменным языком, хотя в последние пару десятилетий был издан ряд материалов для изучающих языки. Ижорская письменность и школьное преподавание существовали в 1930-х годах (заметим, что в ижорские школы также ходили и водские дети), однако к началу 1938 года преподавание на ижорском было полностью прекращено, а учителя репрессированы. Таким образом, наиболее точно было бы назвать ижорский «экс-младописьменным языком». Водский язык относится к южной ветви прибалтийско-финских языков и является близким родственником эстонского. Ижорский язык относится к северной ветви прибалтийско-финских языков и является близким родственником финского и карельского, однако из двух сохранившихся ижорских диалектов — сойкинского и нижнелужского — последний, по сути, представляет собой специфический конвергентный идиом для межэтнического общения, возникший на базе ижорского и водского и местами подвергшийся влиянию ингерманландского финского и эстонского.¹

У всех носителей языка, с которыми нам доводилось работать, произошла смена основного языка общения с водского или ижорского на русский (хотя некоторые начали учить русский только в школе). Русский является языком, на котором они читают и пишут. То есть, будучи носителями бесписьменных языков, современные представители води и ижоры являются при этом людьми с достаточным уровнем грамотности.²

¹ О нижнелужском ижорском см. [Рожанский, Маркус 2013]. Следует подчеркнуть, что вариативность в этом ареале крайне велика, ср., например, некоторые изоглоссы, представленные в [Лаанест 1966: 148]: они демонстрируют, насколько специфичным оказывается говор каждой отдельно взятой деревни. Сойкинский же ижорский можно считать относительно гомогенным диалектом.

² В этом смысле ситуация в Ингерманландии принципиально отличается от ситуации в ряде стран, где грамотные люди составляют менее половины населения, — представление о языковой норме у проживающих там людей, скорее всего, совсем другое.

Материалом для написания данной статьи являются наблюдения, сделанные в процессе базовой лингвистической работы по документации и описанию языка (работа ведется с 2001 года), а также некоторое количество интервью, в которых с носителями ижорского обсуждались их представления о норме и чистоте языка. Мы провели девять таких интервью: пять с носителями сойкинского диалекта и четыре с носителями нижнелужского диалекта.

Носители языка, с которыми мы работали, — это, как правило, женщины (реже — мужчины) пожилого возраста, родившиеся в 1920–1930-х (реже в 1940-х) годах.

3. АНАЛИЗ

Поскольку современные носители водского и ижорского посещали русскую школу и затем жили в основном в русскоязычной культуре, то логично рассматривать их представления о норме в сравнении с аналогичными представлениями русских людей. Очевидно, что понимание нормы различается у лингвистов/филологов и людей, профессионально не связанных с исследованием языка. Среди носителей водского и ижорского профессиональных лингвистов/филологов нет, поэтому мы не будем уделять внимания терминологическим и теоретическим аспектам понятия «норма». В данном исследовании любой мотивированный выбор одного из двух или нескольких существующих в языке вариантов будет считаться имеющим отношение к норме. Для русского языка мы исходим из довольно огрубленной, но соответствующей нашей задаче картины, представленной в следующих утверждениях.

1. Среди носителей русского языка есть группа образованных людей, которых можно считать носителями литературного русского языка. Из этой группы происходят авторы грамматик и словарей (в том числе нормативных), которые кодифицируют языковую норму.
2. В работах, посвященных понятию нормы, принято различать два разных типа нормы. Например, в [Ицкович 1968: 4] они определяются следующим образом: «Во-первых, нормой называют общепринятое, укрепившееся в языке употребление. Во-вторых, нормой называют употребление, рекомендованное грамматикой, словарем, справочником, подкрепленное авторитетом известного писателя, поэта и т. д.» Норму в первом понимании также называют внутрен-

ней (*internal*), а во втором — внешней (*external*) [Backus, Spotti 2012]. Для русского языка существует норма обоих типов.

3. Наиболее заметными, понятными и, тем самым, обсуждаемыми различиями между языком тех, кто следует литературной норме, и языком прочих людей становятся, во-первых, просторечные и диалектные признаки,³ наблюдаемые на разных языковых уровнях: фонетическом (например, ударение в «зво́нит» или фрикативное «г» вместо взрывного), грамматическом («с Москвы», «ложут»), лексическом («влазить», «булка хлеба»),⁴ и, во-вторых, иноязычные заимствования.
4. В обществе существует представление о том, что речь бывает «правильная» и «неправильная». При этом соблюдение нормы связано с регистром речи и жанром: так, школьник, пишущий на уроке сочинение, будет соблюдать норму совсем иначе, чем общаясь со своими товарищами на следующей за этим уроком перемене.

В рассматриваемых нами малых прибалтийско-финских языках очевидным образом нет кодифицированной нормы, что позволяет выдвинуть гипотезу об отсутствии внешней нормы и всех связанных с ней проблем. За неимением сложившейся группы образованных людей со своим социолектом не может существовать и просторечия, однако диалектные различия существуют. Заимствование слов осуществляется как из русского, так и из контактирующих родственных языков. Приведем те наблюдения, которые были нами сделаны.

Наблюдение 1. О «правильном» языке

Среди девяти интервьюируемых носителей ижорского языка только двое ответили положительно на вопрос, существует ли где-то «правильный» или «чистый» ижорский язык. Остальные ответившие отмечали, что в каждой деревне свой язык, а какой лучше — неизвестно. Одна носи-

³ Мы намеренно не проводим границы между просторечными формами и диалектизмами. Во-первых, для данного исследования это различие несущественно, во-вторых, данная граница смазана: в языках с развитой литературной традицией носители диалектов часто оказываются и носителями просторечия.

⁴ Мы не останавливаемся на вопросах, связанных с правописанием: для сопоставления русского и малых прибалтийско-финских языков они не релевантны, так как последние являются бесписьменными.

тельница (д. Глинки, 1924 г. р.), прожившая большую часть своей жизни в Эстонии, связала правильность языка с близостью к «большому» языку:⁵

С Гарколово и до Слободок говорят по-фински больше, а со Слободок и до Усть-Луги говорят иначе.⁶ Понять можно. Это... они относятся к Эстонии туда, и они больше туда склоняются. А где правильно? Нам правильно по-фински, а им правильно по-эстонски. Так что везде правильно, вот так.

Что же касается тех двух ижорок, которые признали существование правильного языка (одна сочла, что наиболее «чистый» ижорский язык представлен в северных говорах сойкинского ижорского, а другая назвала наиболее правильным язык своей и окрестных деревень⁷), то именно их можно считать наиболее образованными среди опрошенных носителей. Одна из них работала всю жизнь в местном сельсовете, другая провела основную часть жизни в Эстонии, работая на мануфактурах (в том числе на руководящих должностях).⁸

Наблюдение 2. О диалектных различиях и норме с точки зрения различных уровней языка

Как уже было сказано выше, просторечие не может существовать в социально гомогенном обществе. Диалектные же различия не связаны на-

⁵ Здесь и далее, приводя цитаты из интервью, мы стараемся передать их максимально точно и не правим разговорную речь.

⁶ «С Гарколово и до Слободок» — это большая часть Сойкинского полуострова, где находятся ижорские деревни носителей сойкинского говора, «со Слободок и до Усть-Луги» — это ареал проживания современной води, соседствовавшей с нижнелужской ижорой.

⁷ «Мы считали, что у нас здесь самый правильный. Почему-то так считали. Все говорили, что ижорский язык вот здесь в Сойкино и Пахомовка вот здесь самый правильный. Так говорили. Ну, не знаю. Каждый считает себя правильнее. Ну, трудно сказать. Я не могу оспаривать совершенно. Но так говорили. Так говорили, что у нас более правильно говорят» — ижорка, д. Пахомовка, 1932 г. р.

⁸ Ср. со следующим утверждением: «Крестьянину, не бывшему в школе и избежавшему влияний школы, даже и в голову не может прийти, что речь его может быть “правильна” или “неправильна”. Он говорит, как птица поет. Совсем другое дело человек, прикоснувшийся хоть на миг к изучению литературного наречия» [Пешковский 1959: 54].

прямую со структурой социума и существуют в рассматриваемых языках. Сразу следует подчеркнуть, что наличие диалектных⁹ различий осознается, по-видимому, всеми носителями водского и ижорского языков: в нижнелужском ареале степень вариативности ижорского очень высока, и в водских деревнях проживало ижорское население, а в сойкинском ареале люди знают, что в районе Усть-Луги говорят несколько по-другому.

В сознании носителей рассматриваемых языков диалектные различия часто оказываются связанными с нормой. Вот, например, ответ одной носительницы сойкинского ижорского (д. Слободка, 1937 г. р.) на вопрос, где, по ее мнению, самый правильный ижорский язык:

Я не знаю. Некоторые на «с», очень много говорят на «с». Вот эта Слободская деревня... [...] Я ведь не с этой деревни, конечно, я вообще-то с Красногорки. У нас там как бы на букву больше «ш»: *tiä noižen šüütää*.¹⁰ А вот они говорили *tiä noižen süütää*.¹¹ И вот на «с» букву очень много. А мы говорили на «ш». Но я с Красногорки конечно. [...] А потом в Югантове. Все равно югантовские говорили больше на «ш». И мы так на «ш» и говорили. А вот эти деревни, эти же две было Слободки большие, уйма народу, они все на букву «с». Но нас тоже дразнили, что мы на «ш», а мы их дразнили, что они на «с». Ну, в конце концов, привыкли, конечно, уже. Я так и говорила с ними все на «ш», а они на «с».

Такого рода фонетические различия осознаются людьми лучше всего и становятся общепризнанными «маркерами». Так, например, «ш» как признак сойкинского диалекта при вопросе на тему «правильного» ижорского языка упомянули трое из пяти опрошенных сойкинцев. Менее очевидные фонетические различия обычно остаются незамеченными. Несколько

⁹ В данном случае мы имеем в виду диалектные различия в самом широком смысле слова. То есть сюда относятся и различия между говорами или группами говоров, и различия между диалектами ижорского языка, и различия между водским и ижорским языками. Так, например, по нашим наблюдениям, у сойкинских ижор нет устоявшегося представления, что в нижнелужском ареале существуют два разных языка, один из которых является диалектом их собственного языка, а другой относится вообще к другой ветви прибалтийско-финских языков. Скорее, ситуация воспринимается как «у нас на Сойкинском говорят одним образом, а у них около Усть-Луги по-другому».

¹⁰ ‘Я буду есть’ по-ижорски.

¹¹ Имитируя речь «переходных» южных говоров сойкинского диалекта, носительница заменяет š на s в слове *šüütää* ‘есть’, но забывает заменить ž на z в слове *noižen* ‘буду’.

реже, чем на фонетику, обращают внимание на лексические различия. Грамматические же различия обычно вообще не отмечаются, если разговор не касается непосредственно анализа речи. Так, при расшифровке текстов, записанных от другого носителя, разбирающий нередко комментирует грамматические формы или конструкции, например: «Она сказала это неправильно! Она должна была сказать *hiiü tekkuid*,¹² а не *hiiü tehtii*. Это неправильно!» В данном примере носительница обращает внимание на употребление имперсональной (т. е. безличной) формы глагола в личной конструкции. Использование имперсональной формы вместо личной в предложении с субъектом (вероятно, под влиянием русского,ср. бессубъектное и субъектное предложения с одинаковыми глагольными формами: *Когда делают плохо, приходится исправлять* и *Они всегда делают плохо*) наблюдается во многих прибалтийско-финских языках, в частности, повсеместно в водском и регулярно в нижнелужском ижорском.¹³ В сойкинском же ижорском замена встречается редко и свойственна лишь некоторым языковым диалектам. В данном случае сложно определить, возникла эта конструкция в речи носителя под влиянием южных сойкинских говоров, демонстрирующих некоторые общие черты с нижнелужским ижорским, или она появилась непосредственно по аналогии с русским. Таким образом, интерес к грамматике с точки зрения языковой нормы оказывается минимальным. Что касается более высоких языковых уровней (дискурс, прагматика), то тут у нас нет достаточного количества наблюдений, чтобы можно было делать какие-либо достоверные утверждения. Все же приведем имеющийся у нас пример, где в виде шутки обыгрывается понятие «правильности». Разговор ведется с носительницей нижнелужского ижорского (д. Большое Куземкино, 1927 г. р.), Н — носительница, Л — лингвист.

Н: А первый класс я кончила по-ижорски. Помню, еще папа тогда был живой. У меня папу забрали в тридцать седьмом и расстреляли. Сталин тогда. Вот. Так папа все это не любил. Он все кричал: «Нина, неправильно читаешь!» Я читала «*Lari tuli rantaa, laril ono merta. Maroi otti larin merran*».¹⁴ Он: «Ты не правильно читаешь!» Я говорю: «Папа, правильно, правильно!»

Л: А почему неправильно?

¹² ‘Они делали’ по-ижорски.

¹³ Мы имеем в виду варианты языка, сохранившиеся к XXI веку.

¹⁴ Этот текст содержится в букваре ижорского языка [Duubof, Lensu, Junus 1932: 19] и полностью выглядит так: *Lari tuli rantaa | laril ono merta | merel oli tormi. | Maroi otti larin merran* ‘Ларион пошел на берег, у Лариона есть корзина, на море был штурм. Мария взяла корзину Лариона’.

Н: Но, он любил шутить. Он такой был у нас, веселый.

Л: Но он что-то имел в виду?

Н: Он мне кричит оттуда: «*Maroi sittu larin mertaa!*»¹⁵ А я говорю «Не, папа, не *sittu*, а *otti, otti*». Такое вот стихотворение, такое вот *Lari tuli rantaa*.

Наблюдение 3. Об отношении к заимствованиям

В отличие от диалектных различий, где попытка задать норму упирается в вопрос: «А какой диалект следует считать более правильным и почему?», противопоставление своих vs. заимствованных слов привативно. С точки зрения нормы, иноязычные заимствования в рассматриваемых языках однозначно являются наиболее «чувствительной» областью. При этом на первый план выходят именно лексические заимствования, а на контактное влияние в фонетике и грамматике обращается существенно меньше внимания.

Повышенное (и нередко болезненное) внимание к иноязычной лексике, на первый взгляд, кажется привычным и носителям крупных языков. Однако для носителей малых языков страх растворения своего языка в более крупном соседе имеет больше причин. Например, в водском языке количество русских заимствований составляет порядка 20%.¹⁶ Поэтому представление о «своих» и «чужих» словах существует и становится объектом языковых рефлексий для большинства носителей языка.

При этом мнение о том, что является «своим словом», а что «заимствованием» часто оказывается субъективным. Приведем эпизод из беседы о языке между одним из авторов статьи и носительницей сойкинского ижорского (д. Вистино, 1936 г. р.), Л — лингвист, Н — носительница языка.

Л: Ведь сложно поддержать разговор про что-то современное, если нет, например, [в речи] русских слов.

Н: Ну, это конечно.

Л: Про телевизор понятно, что ...

Н: ... не скажешь по-ижорски.

Л: Не скажешь, а про это говорить ведь тоже как-то нужно.

¹⁵ Наиболее точным переводом этого ижорского предложения будет ‘Мария насрала в корзину Лариона’.

¹⁶ Эта приблизительная прикидка сделана на основе анализа лексики в словаре [Tsvetkov 1995], написанном в 1920-х годах. К началу XXI века процент заимствований из русского языка мог только увеличиться.

Н: Так и скажешь тогда *tämä jääš'ikkä näyttää*.¹⁷

Л: *Jääš'ikkä* ведь тоже русское слово.

Н: «Ящик» тоже русское слово. Интересно, как же «ящик» по-ижорски?

Как видно из этого диалога, носительница языка в первый момент просто избегает заимствования *televizara* ‘телевизор’, заменяя его на более привычное слово. При этом она вполне способна осознать, что второе слово тоже оказывается заимствованием. Таким образом, тут мы, скорее, сталкиваемся не столько с избеганием заимствований как таковых, сколько с попыткой сохранить консервативные черты в языке. Говоря другими словами: старое лучше, чем новое. При этом оценка того, насколько заимствование старое, тоже субъективна и, следовательно, не всегда точна. Например, водская носительница 1928 года рождения при попытке выяснить у нее, как будет слово «пенсия» сказала: «Раньше-то и пенсий-то не было. Я не знаю, как раньше и пенсию называли. Ее раньше не было». Однако в словаре [Tsvetkov 1995: 221], написанном еще в 1920-х годах, слово *pensi ~ penzi* ‘пенсия’ уже приводится.

Чувствительность носителя к заимствованиям может быть разной и зависеть от различных факторов: от индивидуальной склонности к контролю над чистотой речи, от типа заимствованных слов (так, например, обильно заимствуемые «мелкие» слова типа союзов и частиц, как правило, не раздражают туриста) или от речевого жанра (см. Наблюдение 4).

На заимствования из родственных языков внимание обращают значительно реже, чем на русские заимствования. В сойкинском ижорском нет явных заимствований из водского, а отдельные финские слова, вошедшие в ижорскую речь (например, *leeri* ‘лагерь’ < фин. *leiri*) обычно не привлекают особого внимания. Нижнелужский ижорский, являясь конвергентным языком, вообще не позволяет четко определить, что для него может считаться заимствованием. Таким образом, проблема проникновения «чужих» слов из родственного языка возникает только у води. Пример контроля над такого рода заимствованием содержится в [Маркус, Рожанский 2017: 103]. Носительница водского забывает водское слово для ‘спрятать’, сообщает, что не знает, как это можно сказать по-водски, и приводит глагол *rejttemä*, квалифицируя его как ижорский (в словарях этот глагол не отмечается,¹⁸ однако носители водского, с которыми мы работали, часто его использовали. Это позволяет нам считать его заимствованием). При

¹⁷ ‘Этот ящик показывает’ по-ижорски.

¹⁸ В [Tsvetkov 1995: 220] он отсутствует вообще, но приводится выражение с однокоренной именной формой *peittö rapemä* ‘прятать [досл.: в укрытие класть]’. В [Grünberg

разборе текста эта носительница вспомнила водское выражение *rakko rapəta* ‘прятать [досл.: в укрытие класть]’.

Наблюдение 4. О норме и речевых жанрах

Стремление к соблюдению нормы четко коррелирует с типом речевого акта. Сам этот факт является тривиальным, поскольку он хорошо известен в языках с литературной традицией. В последних наиболее яркие различия традиционно отмечались между письменной и устной речью (см., например, [Havránek 1964: 414–415]). В бесписьменных же языках письменная речь отсутствует как таковая и все различия можно наблюдать лишь в разных жанрах устной речи.

Среди трех основных жанров,¹⁹ с которыми нам приходилось иметь дело (разговором, рассказом и элицитацией), иерархия от менее к более пурристическим жанрам выстраивается следующим образом:

Разговор (диалог) → Рассказ (монолог) → Элицитация

В диалоге, наиболее «демократичном» жанре, контроль говорящего над своей речью минимален, что ведет не только к неограниченному использованию заимствований, но и к переключению кодов. Вот пример из диалога носительниц водского языка (Н1 и Н2), приведенного в [Маркус, Рожанский 2017: 81]:

Н1: *tū-mä e-n tē a tšelete-nibut' tē-n*
продавать-SUP NEG-1SG идти а кто-нибудь.ALL идти.PRS-1SG
na d'en' razd'en'ja de siz sā-b podarojta
на день рождения и тогда мочь.PRS-3SG дарить.INF

‘Продавать не пойду, а к кому-нибудь пойду на день рождения, и тогда можно подарить’.

2013: 894] данный глагол отмечается лишь как встретившийся в одной книге начала века (с материалом другого водского диалекта) и в смешанном ижорско-водском идиоме деревни Куровицы.

¹⁹ Мы позволяем себе вольную трактовку понятия «жанр», надеясь, что читатель нас простит.

H2: *prav'il'ne harašo*

правильно хорошо
'Правильно. Хорошо'.

Монологический рассказ оказывается более контролируемым жанром. В нем нередко встречаются попытки избегать русских вкраплений и заимствований.

ni a tāttə el-i mejla sitä püsü-kä
ну а отец быть-IMPF.3SG 1PL.ADALL ТОТ.PART ружье.GEN-COM

tšäj mettsä mū amri-tqe-z
ходит.IMPF.3SG лес.PART по стрелять-SUP-INESS

ni kak jutəl-lə ohotn'ikə štol'i vot tak
ну как говорить-INF охотник что ли вот так

'А отец наш был этим... с ружьем ходил по лесу стрелять, ну, как сказать, охотник что ли, вот так'.

В этом примере из [Маркус, Рожанский 2017: 171–172] носительнице водского языка при рассказе не удается подобрать «свое» водское слово со значением 'охотник'.²⁰ Поэтому оно сразу оказывается окруженным дискурсивными маркерами (*ni kak jutəl-lə* и *štol'i*), показывающими неуверенность рассказчика в правильности выбранного слова.

При элицитации, где коммуникативная функция текста практически полностью редуцирована, а носитель языка выступает как переводчик, контроль за соблюдением нормы становится наиболее сильным. Некоторые носители даже предпочитают сказать, что они не знают, как будет соответствующее слово на их языке, чем признавать, что это слово заимствовано. Показательным является пример, где та же носительница водского в рассказе сказала 'А отец наш служил в армии' [Маркус, Рожанский 2017: 167], используя и переключение кодов и заимствование (русская форма

²⁰ Из четырех слов со значением 'охотник', отмеченных в [Grünberg 2013], у *püssümeez* '[досл.] ружье-мужчина' нет пометы, что оно встречалось в той деревне, где живет данная носительница, *jahtimeez* (заимствованное слово 'охота' + 'мужчина') отмечено только в прилегающей деревне, а *jeegari* 'охотник, егерь', судя по всему, вышло из употребления. Единственным словом, которое было зафиксировано в нашем материале, остается *ohotnikkə* — очевидное русское заимствование.

глагола *sližel* сочетается с заимствованным из русского словом *armi* ‘армия’, оформленным водским падежным показателем).

a tāttə mejla sližel armi-z
а отец 1PL.ADALL служил армия-INNESS
'А отец наш служил в армии'.

При элицитации перевод того же предложения ‘А отец наш служил в армии’ с русского на водский был сделан не дословно, но с использованием только водских лексем и форм.

a tāttə mejla el-i setamehe-n
а отец 1PL.ADALL быть-IMPF.3SG солдат-ESS
'А отец наш был солдатом'.

Перечисленные случаи можно рассматривать как пример большего или меньшего контроля за нормой. Однако бывает, что жанр определяет и выбор варианта грамматической формы, что уже вряд ли может быть связано со степенью контроля над чистотой языка. Так, например, в пе-соцко-лужицком говоре водского языка существует два варианта формы иллатива единственного числа: один (полный) с показателем *se/se*, другой (краткий) — без него,ср. *riittasę ~ riitta* ‘в поленнице’. В образцах речи, приведенных в [Маркус, Рожанский 2017] мы наблюдаем однозначное доминирование краткого варианта: из 68 форм иллатива, встретившихся в речи носителей этого говора, лишь две формы оказались полными, а все остальные были краткими. Однако при элицитации те же самые носители языка довольно часто используют полную форму, иногда даже однозначно предпочтая ее краткой. На вопрос «А почему Вы выбираете эту форму, а не ту?» они отвечали, что полная форма «лучше звучит».

Наблюдение 5. О внешней норме

Очевидно, что внешняя норма, отмеченная в нормативных грамматиках и словарях и признаваемая носителями языка, у бесписьменных языков отсутствует.²¹

²¹ Теоретически, конечно, можно представить себе ситуацию, когда какой-то авторитетный человек пристально следит за своими соплеменниками и требует от них соблюдения определенного стандарта, но нам такие случаи неизвестны.

Поскольку общение носителей на ижорском языке последние десятилетия становилось все более эпизодическим, а к настоящему времени и во все исчезло, язык начинает забываться, а языковая компетенция носителей снижается. В такой ситуации некоторые носители не в состоянии уверенно ответить на вопрос о правомерности той или иной конструкции и начинают апеллировать к старшему поколению: «Я помню, что моя мама говорила вот так». Появление такой сущности, как «сохранившийся в памяти язык предков», которым носитель уже не владеет, фактически становится своего рода виртуальной внешней нормой. Так же как неуверенный в какой-то форме, слове или конструкции русский человек заглядывает в словарь, также носитель ижорского пытается заглянуть в свою память, чтобы вспомнить, как говорил авторитетный источник.

При этом потребность во внешней норме возникает не только при выборе между существующими произносительными, грамматическими или лексическими вариантами. Вот, например, одна из типичных ситуаций, неоднократно наблюдавшаяся нами при работе с носителями языка. Лингвист, услышав неизвестное ему слово и сомневаясь в долготе гласного, спрашивает носителя: «А как бы Вы в этом слове записали этот звук, двумя буквами или одной?» На что носитель отвечает: «Так кто же знает, мы же писать не учились». Подчеркнем, что это касается и тех ситуаций, когда какое-либо варьирование отсутствует, то есть вопрос касается только фонологической записи, а не выбора из двух существующих вариантов. При этом носители языка осознают, что у них в языке есть краткие и долгие гласные, и при переспросе («ну, а все-таки, если бы Вы решили сами написать, то как?») они вполне в состоянии таким образом различить краткий и долгий гласные. Тем самым, внешняя норма воспринимается как «узаконивание» фонологического представления слов.

4. ОБОВЩЕНИЯ

Наши наблюдения не оставляют сомнений, что у носителей малых прибалтийско-финских языков существует представление о норме. У более образованных носителей языка потребность в норме возрастает, а толерантность по отношению к существованию в языке различных вариантов снижается. Гипотеза о том, что отсутствие письменности в принципе исключает существование внешней нормы и связанных с ней проблем, не совсем подтверждается: носители водского и ижорского испытывают потребность во внешней норме и пытаются использовать в таком качестве речь своих предков в том виде, в каком она сохранилась в их памяти.

Наличие диалектных различий четко осознается, но ярко выраженное предпочтения какого-либо диалекта как более правильного и, соответственно, нормативного не существует. В целом жители нижнелужского ареала с его многоязычием и высокой степенью вариативности менее склонны к пуранизму, чем сойкинская ижора, проживающая в относительно гомогенном с лингвистической точки зрения ареале.

Вопрос, который остался за пределами данной статьи и который, несомненно, требует отдельного исследования, касается роли нормы в сохранении малых языков. Хотя у носителей языков существует потребность в норме, сопутствующее норме усиление языкового пуранизма негативно оказывается на передаче языка следующим поколениям: начинающие изучать язык могут подвергаться насмешкам и остроклизму из-за недостаточной чистоты языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ADALL	адессив-аллатив	NEG	отрицательный глагол
ALL	аллатив	PART	паритив
COM	комитатив	PL	множественное число
ESS	эссив	PRS	настоящее время
GEN	генитив	SG	единственное число
IMPF	прошедшее время	SUP	супин
INESS	инессив	1	первое лицо
INF	инфinitив	3	третье лицо

ЛИТЕРАТУРА

- Ицкович В. А. Языковая норма. — М. : Просвещение, 1968.
- Лаанест А. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. — Таллин : Академия наук Эстонской ССР, 1966.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. — 2-е изд., исп. и доп. — СПб : Нестор-История, 2017.
- Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. — М. : Учпедгиз, 1959. — С. 50–62.
- Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б. О статусе нижнелужского диалекта ижорского языка среди родственных идиомов // Лингвистический беспредел – 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. — М. : Издательство Московского университета, 2013. — С. 219–232.

- Backus A., Spotti M.* Normativity and change: introduction to the Special issue on Agency and power in multilingual discourse // *Sociolinguistic Studies*. — 2012. — Vol. 6, № 2. — P. 185–208.
- Duubof V. S., Lensu J. J., Junus V.* Ensikirja ja lukukirja. Inkeroisia oppikoteja vart. — Leningrad : Valtion Kustannusliike Kirja, 1932.
- Grünberg 2013 — Vadja keele sõnaraamat / Toim. S. Grünberg S. — Tallinn : Eesti Keele Sihtasutus, 2013.
- Havránek B.* Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur // *A Prague School Reader in Linguistics* / Ed. by J. Vachek. — Bloomington : Indiana University Press, 1964. — P. 413–420.
- Tsvetkov D.* Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto / Toim. J. Laakso. — Lexica societatis Fennno-Ugricæ, XXV. — Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskus, 1995.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ЕЕ СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ

В статье 2001 года [Поливанова 2001/2008: 154–175] Анна Поливанова различает три объекта (в грамматическом описании языка): абстрактную грамматику *G*, факты данного естественного языка *D* и их интерпретацию *I*. Допустим, что мы строим грамматический словарь данного языка, т. е. список слов (точнее, лексем; еще точнее — базовых, либо словарных форм лексем). Тогда, на самом деле, у нас должно быть общее понятие о его грамматическом строе и кроме того — множество эмпирических данных, которые мы объясняем (интерпретируем).

Наиболее объективной и наглядной частью описания являются лингвистические данные. Несомненно, язык, т. е. языковая система, существует в какой-то общей (коллективной) психике. Ведь люди общаются, используя сложную систему оппозиций (противопоставлений), выступающих в сигналах, которые они формируют. Однако эмпирические объекты лингвистического описания — это не только эти оппозиции.

Как правильно отмечает Поливанова, факты языка можно — с некоторыми оговорками — отождествлять с «социально признанной письменностью». Конечно, письменность — это явление вторичное по отношению к устной речи. Предположение, что она создана без лингвистической рефлексии, преждевременно — ведь она состоит из дискретных единиц — «экземпляров» или вхождений каких-то типов (абстрактных знаков, существующих в сознании пользующихся языком). На более поздних этапах развития письменности тексты становятся организованными, они — не только простые последовательности атомарных знаков: к ним добавлена сегментация, а это уже начало грамматической интерпретации.

На самом деле, что касается выбора эмпирической базы, почти все словари, грамматические и другие, ссылаются на письменные тексты. И не только словари: насколько нам известно, лингвисты в своих работах, как правило, используют письменную форму языковых единиц. И не только лингвисты: все грамотные люди, думая о явлениях языка, ссылаются на нее. Почему? Потому что письменная форма фиксирована в пространстве, тогда как устная речь мгновенна, существует только во времени. Итак, система языка существует также во вторичном, письменном виде — в нем выступают оппозиции, построенные по образцу первичных, существующих в устной речи. Эта система развивается в тесной связи с первичной — в сознании всех грамотных носителей языка. Ее используют технически в компьютерных приложениях и даже в программах анализа речи: результатом анализа отрезка звучащей речи в данном языке, как правило, бывает орфографически правильный текст. Такого результата ожидают пользователи (например, слепые). Итак, именно система письменного языка подлежит описаниям в грамматиках и словарях.

С выбором материала связаны определенные трудности, так как в идеале он должен быть представлен в виде корпуса текстов. Гораздо легче такой корпус создать для мертвого языка, например, старославянского.

Приступая к работе, автор грамматики должен иметь в своем распоряжении не только данные, но и общую картину — план или схему — описания. Одним словом, абстрактная и не до конца определенная система языка должна в его сознании конкретизироваться — не полностью, без подробностей, но в общем виде. Известно, что первые описания языков, ранее не поддававших описанию и кодификации, строились по образцу грамматик других языков. Позже автор новой грамматики данного языка может пользоваться более ранними описаниями, а также грамматиками других известных ему языков (и личным знанием этих языков). На этой базе он строит — как это называет Поливанова — абстрактную грамматику G. «В лингвистической практике абстрактная грамматика редко задается явно, а в тех, сравнительно немногочисленных сочинениях (преимущественно новейшего времени), где все же есть явные формулировки, они все имеют, как правило, форму определений, но не собственно предложений (аксиом или теорем). [...] Абстрактная грамматика не содержит никаких конкретных единиц (термов) из конкретного естественного языка» [Поливанова 2001/2008: 155].

Тем не менее, она построена для описания конкретного естественного языка и содержит объекты, абстрагированные из данных, отвечающих множествам каких-то конкретных единиц.¹ И естественным путем на ос-

---

¹ Их отношение к реально существующим текстам мы обсудим позже.

нове абстрактной грамматики G строится грамматика отдельного языка, в первую очередь — языка, на фоне которого была придумана абстрактная грамматика G . Хотя возможно, что лингвист, составляя грамматику данного языка, использует абстрактную грамматику другого языка, сделанную кем-то другим.

Далее в статье Поливанова сравнивает «две конкретных абстрактных грамматики» G_0 и G_2 . Грамматика G_0 извлечена из классических грамматик флексивных языков, а грамматика G_2 построена ею лично [Поливанова 2001/2008: 158]. Более того, можно считать, что грамматика G_0 — это восстановленная автором статьи теоретическая модель абстрактной грамматики, воплощенной в книге *Русское именное словоизменение* Андрея Зализняка [Зализняк 1967, далее — РИС]. Опыт восстановления этой модели вполне оправдан.²

Эта книга вскоре после выхода стала образцом анализа грамматической структуры языка и ее последовательного описания, а несколько лет спустя — теоретической основой обширного грамматического словаря русского языка [Зализняк 1977, далее — ГСРЯ], показывающего переход от абстрактного словника лексем (точнее, базовых форм лексем) к конкретным словам-сегментам (словоформам), которые выступают в текстах. И включает он около 100000 словарных единиц.

А грамматика G_2 создана самой Поливановой. Зачем? Тем более, что ее главная часть не включена в статью (которая стала бы слишком громоздкой). Хотя Поливанова теоретик, мне не кажется, что она провела бы такую работу только для эстетического удовольствия. И действительно, целью Анюты было описание грамматического строя другого языка, достаточно близкого современному русскому (абстрактную грамматику G_0 которой она восстанавливала), а именно — старославянского языка. Через пять лет она выпустила грамматику этого языка. И построила ее именно по образцу РИС и ГСРЯ: [Поливанова 2013].

Материал старославянского языка хорошо подходит для такой цели, хотя главным образом его используют в диахронной лингвистике при из-

² Ср.: «В настоящей книге автор исходит из вполне определенного представления о том, какова парадигма каждого из 55000 русских имен, образующих исходный материал (т. е. каковы встречающиеся в данной парадигме грамматические значения и каковы отвечающие им словоформы). С точки зрения автора, это представление в некотором точно не определяемом смысле соответствует реальным фактам русского языка. Несколько упрощая истинное положение вещей, можно сказать, что единственная обязательная задача этой книги — строго изложить это представление, а любые другие задачи носят лишь попутный и факультативный характер» [РИС: 13–14].

учении развития славянских языков. Автор, точно следуя методу Зализняка, избрал другой подход — чисто синхронное описание. Его было несложно применить к материалу, который ограничен, но достаточно богат, чтобы из него извлечь структуру. Конечно, это дифференцированный материал. И автор решил построить некий конструкт — извлечь из памятников общий эталонный старославянский язык. Это не противоречит лингвистической практике. Многие исследователи, составляя грамматику данного языка, по сути конструируют систему, которую сами создали на основании текстов. Также, как отмечает Поливанова, некоторые слависты пытаются представить структуру старославянского языка синхронно: «Рассмотрение эталонного языка — настолько естественный прием описания, что в большинстве грамматик он даже не оговаривается, а вводится неявно, как нечто само собой разумеющееся. В грамматике Лант 1974 отличие эталона от данных непосредственных наблюдений объявлено; эталонный старославянский Г. Лант называет *стандартным старославянским*» [Поливанова 2013: XVII]. Структуру языка лингвист, конечно, не выдумывает самостоятельно — как правило, описание системы мертвого языка основано не только на текстах, но и на предыдущих описаниях. Рецензент книги Поливановой пишет: «Объективно модель А. К. Поливановой можно, пожалуй, назвать громоздкой [...] На наш взгляд, однако, это главное достоинство работы — по сути, она является подробной и тщательной формализацией именно традиционных представлений об устройстве старославянского языка» [Козлов 2015: 143].

Итак, описание старославянского языка, представленное Поливановой, сделано согласно принципам РИС и ГСРЯ. Это была работа большая, но вполне выполнимая. Поскольку корпус текстов старославянского языка можно считать замкнутым, грамматист способен держать его в памяти, более того, этот корпус может быть хорошо известен также читателю или пользователю пособия, благодаря чему тот чувствует структуру настолько, чтобы — при необходимости — строить тексты, и во всяком случае способен представить ее теоретически. Исходя из своей компетенции, он решает, что соответствует модели (принадлежит языку, т. е. абстрактной грамматике G_2), а какие текстовые явления должны считаться отступлениями от нее. Однако, все это можно легко сделать: материал фиксирован, а построенная модель — постоянна.

С совершенно другой ситуацией столкнулся автор ГСРЯ, словаря языка живого и очень богатого, словаря, который — по меньшей мере, декларативно — предназначен для всех. Конечно, представленный в грамматике или в словаре язык — это своего рода идеальное явление (эталон). Описание — это его модель. Ориентация *Грамматического словаря* Зализняка

на современную русскую литературную норму (как пишет автор в предисловии к 4-му изданию) — это интерпретация этой модели, вполне оправданная, предназначенная для самого широкого круга пользователей (уже первое издание словаря вышло тиражом 100 000 экземпляров), которые хотят знать, как хорошо писать (и говорить!) по-русски. Одновременно, благодаря системе строгой и компактной характеристики включенных в него лексем, он может быть источником алгоритмов синтеза (а после небольшой доработки — и анализа) всех принадлежащих им словоформ.

До 1977 года Зализняк проанализировал материал огромного масштаба, который во время выпуска — надо подчеркнуть — был доступен только в традиционном бумажном виде. На основании этого он создал абстрактную грамматику, описывающую систему современного стандартного русского языка (в тогдашних условиях он был вынужден также всю работу выполнить вручную, на бумаге). Он также провел четкую границу между явлениями, допускаемыми абстрактной грамматикой и не допускаемыми ею.

Словарь остался практически в таком же виде до настоящего времени. Зализняк отказался от каких-либо изменений, — как мне кажется, не только по техническим причинам. Конечно, в работе такого масштаба, как ГСРЯ, не удалось избежать ошибок. На бумаге они могут быть исправлены только в последующем издании, которое не так просто подготовить. Тут возникает проблема, что следовало бы улучшить. Ведь дело не только в опечатках, либо других ошибках, попавших в словарь случайным образом.

Впрочем, возможно, что отсутствие конкретной формы является результатом сознательного решения. Это касается не только частных вопросов. Приведу яркий пример.

Когда я первый раз приехал в Россию в 1978 году, я был удивлен, слыша в повседневных разговорах образованных людей звательные формы, преимущественно — от имен. Согласно моей скучной информации о русском языке, они были возможны только в обращениях к Богу — моя русская бабушка иногда вздыхала «Бóже» или «Гóсподи». А в 1978 году (и позже) Андрей Анатольевич постоянно обращался к своей жене «Лен» (а не «Лéна» или «Елéна Вíкторовна»).

Сейчас, в 2020 году, в русской Википедии мы читаем:

В то же время, иногда под «современным звательным падежом» (или «новозвательным») понимаются словоформы с нулевым окончанием существительных первого склонения, как «Миш», «Лен», «Тань», «Марин», «Танюш», «Ванюш», «бабуль», «мам», «пап» и т. п., то есть совпадающие по форме со склонением множественного числа родительного падежа. Статус данной

формы слова пока остается предметом споров ученых: часть склоняется к выделению подобной формы в отдельную грамматическую категорию, часть же выступает против.

С сегодняшней точки зрения, не разделяемой лишь экстремальными пуристами, звательная форма входит в «современную русскую литературную норму». Можно спорить, падеж это или нет, однако не подлежит сомнению, что она входит в оппозицию с другими формами, противопоставлена им. Вполне возможно включить звательные формы в грамматическое описание русского языка (и в абстрактную грамматику).

Зализняк так не сделал. Когда он работал над первой версией словаря, звательные формы, быть может, еще не полностью установились; он мог сомневаться, сохранятся ли они в течение нескольких десятилетий. Итак, в его модели они отсутствуют. Отсутствуют они и в абстрактной грамматике G_0 , являющейся базой РИС, а косвенно — также ГСРЯ. Нет их и во второй версии ГСРЯ [Зализняк 2003]. Я думаю, что это было правильное решение. Абстрактная грамматика — это плод многолетней работы и большого опыта. Она построена как готовый продукт и может быть базой для модели языка, но эта модель синхронна. А система языка подвижна.

Для того чтобы — исходя из абстрактной грамматики G_0 — построить грамматику конкретного языка, необходимо обладать данными. Конечно, лучший их источник — тексты. Однако, для РИС и ГСРЯ источником данных послужили не тексты, а словари и грамматические описания (можно сказать, что данные вторично созданы исследователем на основе собственной компетентности); это выступающие в текстах словоформы-сегменты с добавленным знаком ударения (и с буквой ё) — акцентуированная орфографическая запись. Она «отличается от прочих видов письменной записи прежде всего тем, что она общепринята. [...] Она же (обычно в своем акцентуированном варианте) применяется и в подавляющем большинстве существующих описаний русского языка, в частности во всех словарях» [РИС: 9]. Этого чисто практического обоснования даже не стоило повторять в предисловии к ГСРЯ: пользователи словаря просто получают информацию о том, как читать словоформы (это очень полезно также для меня лично, так как мой языковой опыт с письменным русским гораздо шире, чем с устным).

Абстрактная грамматика, использованная в ГСРЯ (вместе с интерпретацией данных) — это модель. И она построена синхронно. Мало того, автор в последующих изданиях оставил в прежнем виде не только каркас словаря, но также решения по конкретным вопросам. А язык жив, он развивается. Я пытался поговорить с автором, побеседовать с ним о том, что

можно делать с его словарем в электронной версии (которая, конечно, существует). Мне показалось, что Андрею Анатольевичу это было совсем неинтересно, так же, как неинтересно было (бы) что-то исправлять либо добавлять. Ведь модель составлена как неизменное явление.

Грамматический словарь русского языка был эталонной работой также и для меня. О том, чтобы такого рода словарь составить для польского языка, я подумал сразу, увидев его впервые [см. Saloni 1979]. И мне, как потенциальному автору, приходилось принимать решения по подобным вопросам.

О грамматическом строе польского языка я думал и раньше, систематически изучая структурную лингвистику по учебникам и книгам, в значительной степени русским (в первую очередь — РИС), и объясняя школьникам традиционную польскую грамматику. Я конструировал, как сказала бы Поливанова, абстрактную грамматику.

Иногда я предлагал нетрадиционные решения (я опубликовал их чуть позже — [Saloni 1988]). Такие решения всегда опасны. Например, я предложил ввести в словоизменительные категории польского языка категорию депрециативности (она была затем систематически включена в SGJP). Она в польском языке нова: начала формироваться в XIX веке (Мицкевич). На мой взгляд, в современном польском языке эта категория занимает уже постоянное место. Она охватывает все существительные (и слова им подчиненные) лично-мужского рода, для которых в именительном падеже множественного числа возможны две формы, например:

- (1) *Na zebranie przyszli jacyś profesorowie* (lekarze).
- Na zebranie przyszły jakieś profesory* (lekarze).

Однако не все были согласны со мной. Первым выразил несогласие Андрей Богуславский [Bogusławski 2007], для которого депрециативные формы типа *profesory* маргинальны, вторичны (как для Поливановой в катив в старославянском языке), выступают только в шутках и не стоят того, чтобы включать их в парадигму. По мнению Богуславского, они образуются от немногих существительных (они и на самом деле редки в текстах), «*te lekarze, te kaprale* только доктринер может считать реальной возможностью» («*te lekarze, te kaprale jest czymś, co tylko doktryner uzna za realną możliwość*»). На самом деле здесь происходит морфологическая нейтрализация; оппозиция представлена только синтаксически (обычно говорят *ci lekarze, ci kaprale*). В настоящее время в мою пользу могу привести данные — в Национальном корпусе польского языка [<http://nkjp.pl>] я нашел *kaprale* в синтаксически депрециативном контексте (...niektóre ge-

nerały i kaprale lubią sobie postrzelać...) — 1 вхождение на 59. Мало того, заглавие полемической статьи Богушевского — *Przyjacioły jak sokoły. Rzecz o tym, jak Polacy bawią się fleksją* —казалось мне неудачным, потому что для *przyjacieli* депрециативная форма должна быть омонимична с обычной *przyjaciele*; в то время как *przyjacioły* — это древний творительный падеж. И тут меня ждал приятный сюрприз: в Национальном корпусе польского языка слово *przyjacioły* выступило 42 раза, в том числе 17 раз как творительный, а 25 — как другие падежи (например, именительный: *Udowodniły to moje przyjacioły*). Я знал, что модель (или абстрактная грамматика), которую я строю, не единственная и что возможно построение других; но все-таки я стремился быть относительно близок к языковым фактам. Кажется, что в этом случае мне повезло.

Конкретные решения в словаре — это отдельный вопрос. Однако стремление к регулярности — это несомненно признак моей модели (моей абстрактной грамматики).

Язык живет, меняется и развивается — часто вопреки регулярности и закономерности. Нередко бывает, что языковой узус (норма) противодействует парадигматическому порядку. Люди чувствуют аналогии, но не всегда там, где их видит теоретик-лингвист. Такие явления заметны и в морфонологии. Бывают переходы от одной парадигмы к другой, охватывающие только часть форм лексемы — и она гибридизируется, изменяется частично по одной схеме, частично — по другой. Отношение данных к абстрактной грамматике зависит от нашей интерпретации. В таких случаях обе парадигмы есть в модели, однако склонение или спряжение лексемы не соответствует ни одной, ни другой. С точки зрения абстрактной грамматики такие ситуации нежелательны. Зная об их существовании, мы не вводили такие гибриды в словарь, а искали какой-то промежуточный выход. Среди предложенных нами решений встречаются комментарии, иное разделение лексем, введение дефектных парадигм.

Все это — теоретические проблемы. У нас были и разные практические трудности. В период социально-экономических преобразований в Польше было невозможно приступить к проекту, реализация которого требовала примерно 10 лет. Я не мог начать такую работу как по общим, так и по личным причинам. Однако работа над отдельными фрагментами задуманного проекта позволила мне заметно продвинуться вперед.

Уже в 1977 году, когда был напечатан ГСРЯ, было известно, что словари можно составлять с помощью компьютеров; несколько лет спустя их даже печатали с компьютера. Я сразу знал, что я хочу делать именно так, хотя тогда я мог использовать компьютер только в подготовительной работе, главным образом при сортировке материала (благодаря этому работа

стала проще и быстрее). Согласно модели Поливановой я работал над данными, одновременно вырабатывая абстрактную грамматику, отвечающую моим соображениям о современном польском языке и его описании.

К систематической работе над словарем я приступил гораздо позже — уже в XXI веке. Уговорили меня мои коллеги и сотрудники. Мы поняли, что следует создавать словарь с обязательным применением компьютерных технологий и издавать исключительно в электронном виде. Таковы современные требования. (Преимущества этой формы публикации я представил в выступлении на юбилее А. А. Зализняка — см. [Saloni 2015].) Главное то, что такой словарь имеет гибкую форму — в противовес жесткой (на бумаге). Пользователю это дает возможность гораздо быстрее найти словарную статью; а автору и редактору — возможность вносить в текст изменения (исправления) и дополнения практически на любом этапе работы (в зависимости от ее организации).

Нам это было понятно с самого начала нашей работы. Мы знали, что будем улучшать словарь в течение длительного времени, пока на это хватит сил, пока на это будет способен кто-либо из нашего коллектива. Благодаря этому SGJP является источником морфологической информации для других работ, в первую очередь — для Большого словаря польского языка (WSJP), разрабатываемого в настоящее время в Институте польского языка Польской академии наук. И именно от пользователя этого словаря мы получили важное замечание, указывающее на существенную ошибку (она перешла из SGJP) в слове *Rzeczpospolita*. Это сращение двух слов (калька латинского *Res Publica*), написанных вместе, но изменяющихся самостоятельно, выступающее в официальном названии польского государства. Для этого слова нужно было ввести индивидуальный образец склонения, который в электронном словаре показан в виде готовой таблицы. В результате ошибки на ранней стадии работы над проектом, форма винительного падежа была указана неправильно (*Rzecząpospolitą* вместо *Rzeczpospolitą*). И в течение 15 лет этого никто не заметил! Конечно, ошибка была немедленно исправлена. Теперь пользователи обоих словарей видят правильную парадигму. Такая очевидная поправка могла быть внесена и в бумажную версию, однако пользователи получили бы ее только с новым изданием (если оно было бы напечатано).

Гибкость электронной формы текста имеет и другие важные следствия: его внутреннее содержание не фиксировано. Его можно менять: что-то вычеркивать, что-то добавлять (например, новые слова, которые только входят в язык, искомые нетерпеливыми исследователями современных текстов). Кажется, что это очень полезно. Но это также и опасно. Мы стараемся моделировать живой язык, не зная, как он будет развиваться. Это свойство

электронной формы поставило авторов SGJP в совершенно иную ситуацию, отличную от той, которая указана моделью Поливановой и принятая Зализняком. Приведем пример.

В польском языке уже давно существует практическая проблема референции конкретных имен существительных к лицам женского пола — при отсутствии четко сформированного существительного женского рода для этой цели традиционно использовалось существительное мужского рода. Сегодня женщины не принимают этого способа обращения, они хотят, чтобы их называли особыми словами, например, женщина должна быть не *inżynier*, а *inżynierka*. Мы видели эту проблему с первого издания SGJP, но не решились ввести такие новые существительные женского рода в большом количестве. Мы давали женские названия, если они были устойчивыми. Как следствие, существительного *inżynierka* в SGJP нет по сей день, хотя мы можем легко найти современные вхождения в корпусе, пусть и довольно редкие. Неизвестно, что войдет в язык.

Однако было исключение, касающееся модернизации словарника. К SGJP было выдвинуто требование (подобно ГСРЯ), что этот словарь должен включать в себя собственные имена (в предыдущих изданиях они были введены только выборочно). Итак, 2–3 года тому назад, опираясь на официальные списки, мы включили в словарь названия населенных пунктов (городов, сел, поселков) и фамилии (достаточно часто употребимые), причем последние — отдельно в версии для мужчин и для женщин. В результате объем словаря увеличился на 100 000 единиц. Дополнения оказались столь значительны, что стоит описать их во Введении. Тем не менее, актуальная версия словаря в Интернете обозначена, как раньше, «третье издание» — 2015 года — и она содержит Введение ко второму изданию, 2012 года!

Теперь мои коллеги работают над тем, чтобы SGJP давал информацию о частотности отдельных единиц, в первую очередь — лексем. Мы думали об этом давным-давно, но к реализации смогли приступить намного позже, когда большой корпус данных стал доступен в электронном виде. Я не могу активно участвовать в этой работе, но с интересом слежу за ее результатами. Можно предположить, что скоро будет выпущен следующий релиз SGJP: пятый, если считать только существенно различающиеся версии.

SGJP, конечно, словарь богатый, достаточно точный и удобный в пользовании, и в значительной степени отражает лексическое богатство современного польского языка. При этом он непоследователен в решениях, содержит ошибки и неточности, заметные внимательному читателю. И у него нет канонической версии.

То, что SGJP начинает жить своей собственной жизнью, и что мое влияние на нее ограничено, я осознал давно. Я увидел это очень четко, когда

мы решили сменить программную платформу словаря, ранее распространявшегося на CD, и опубликовали его онлайн.³ Тогда я придумал сравнение, которым сразу же поделился с коллегами: я нахожусь в ситуации ученика чародея.⁴ Но волшебник (чародей) не мог и не может прийти мне на помощь, ибо его просто нет. Словарь продолжает развиваться, независимо от меня, потому что таковы законы жизни. И я желаю ему успеха.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М. : Наука, 1967.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. — М. : Русский язык, 1977.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. — Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : Русские словари, 2003.
- Козлов А. А. — Рец. на кн. [Поливанова 2013] // Вопросы языкоznания. — 2015. — № 2. — С. 136–144.
- Поливанова А. К. Формальная парадигматика и классы слов в русском языке // Nie bez znaczenia... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmunowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15 000 dni pracy naukowej / Red. W. Gruszczynski. — Białystok : Wydawnictwa Uniwersytetu w Białymstoku, 2001. — S. 211–228. — Цитируется по: А. К. Поливанова / Общее и русское языкоznание. Избранные работы. — М. : РГГУ, 2008. — С. 154–175.
- Поливанова А. К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2013.

³ Это заметно и по сей день. В актуальное, третье, издание SGJP включена вступительная статья ко второму изданию *Теоретические основы «Польского грамматического словаря»* (*Podstawy teoretyczne „Słownika gramatycznego języka polskiego”*). Я не стал писать введения к третьему изданию, не согласившись с некоторыми изменениями, которые были внесены при переходе на эту версию — либо автоматически при переносе словаря на новую платформу, либо сознательно. К сожалению, эти изменения исказили построение всей абстрактной грамматики.

⁴ Ученик чародея — персонаж, известный в культурной традиции. Молодые люди связывают его в первую очередь с фильмом «The Sorcerer’s Apprentice» (2010 год) режиссера Джона Тёртлтауба с Николасом Кейджем в главной роли. Я человек из другой эпохи. Мне вспоминаются знакомая еще со школьных времен баллада Гёте *Der Zauberlehrling*, а кроме того симфоническое скерцо Поля Дюка — и неожиданное соло контрафагота, начало неконтролируемой игры объектов.

- Bogusławski A.* Przyjacioły jak sokoły. Rzecz o tym, jak Polacy bawią się flesją // Preteksty – Teksty – Konteksty. Festschrift Prof. Józef Rurawski / Ed. M. Barański, Z. Trzaskowski. — Kielce : Akademia Świętokrzyska, 2007. — S. 281–290.
- Saloni Z.* Reц. на кн.: А. А. Зализняк / Грамматический словарь русского языка. — М. : Советская энциклопедия, 1974 // International Review of Slavic Linguistics. — 1979. — Vol. 4, № 1–2. — P. 241–250.
- Saloni Z.* O tzw. formach nieosobowych [rzeczowników] męskoosobowych we współczesnej polszczyźnie // Biuletyn PTJ. — 1988. — Z. 41. — S. 155–166.
- Saloni 2015 — Выступление на юбилее Андрея Анатольевича Зализняка 29.IV.2015 — URL: <http://inслав.ru/zalizniak80/>.
- Saloni Z., Woliński M., Wołosz R., Gruszczyński W., Skowrońska D.* Słownik gramatyczny języka polskiego. — II wyd. CD [+ буклет (введение)] — Warszawa, 2012.
- SGJP — *Saloni Z., Woliński M., Wołosz R., Gruszczyński W., Skowrońska D.* Słownik gramatyczny języka polskiego. — III wyd. online. — Warszawa, 2015. — URL: <http://sgjp.pl/>.
- WSJP — Wielki słownik języka polskiego / Red. P. Żmigrodzki. — Warszawa : Instytut Języka Polskiego PAN. — URL: <http://www.wsjp.pl/>.

С. Г. Татевосов

ЗАМЕТКИ О РУССКОМ ВИДЕ: ЧЕТЫРЕ КОНСПЕКТА

ПОСВЯЩЕНИЕ

Сравнительно немногие люди отдают себе отчет в том, откуда взялись мысли, которые они думают, и почему такие, а не другие. Иметь такой отчет под рукой — большое счастье. Среди счастливцев, с которыми я знаком, существенную часть составляют те, которые, не сговариваясь, называют один и тот же источник: общение с Анной Константиновной. Сам я не исключение. Критически важный опыт возникновения мыслей (а именно: мыслей о лингвистике), сопровождавшийся к тому же мощнейшим вбросом дофамина во все системы организма, был у меня в 1986 году, когда Анна Константиновна, не работавшая на объединенной кафедре общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания, тем не менее зашла прочитать студентам первого курса две или три лекции. Заметки, которые начинаются ниже, впрочем, связаны с двумя другими элементами опыта (ничуть не менее дофаминогенными). Первый — статья «К вопросу о так называемых чисто-видовых приставках» [Поливанова 1975], второй — семинар «Грамматика одного текста» весной 2018 года на ОТИПЛе, на котором вовсе не заходила речь о русском виде, зато обсуждались намного более важные вопросы: как избежать соблазна принять одно за другое и как понять, что мы понимаем. Я заканчиваю вступление и перехожу собственно к заметкам.

Многая лета, дорогая Анна Константиновна!

1. ПОЛИВАНОВА 1975

В [Поливанова 1975] формулируются два вопроса, на которые должна отвечать любая теория, описывающая видовую систему русского языка:

1. В каком случае ту или иную приставочно-видовую пару необходимо признать показывающей «чистовидовой эффект»?
2. Какова семантическая механика «чистовидового эффекта»? В частности, показывает ли приставка в составе таких пар какое-нибудь одно из своих обычных значений или все приставки среди своих значений имеют некое особое «пустое», или «чистовидовое», значение, и в таком случае, почему разные глаголы показывают «чистовидовые эффекты» с разными приставками?

Цель этих заметок очень скромна. Я не буду пытаться дать на эти вопросы прямые ответы. Вместо этого я попытаюсь переосмыслить сами вопросы так, чтобы стало возможным избавиться от некоторых иллюзий, связанных с традиционными представлениями о русской «видовой морфологии» и видовой системе в целом.

Чтобы добиться этого, необходима, во-первых, теория деривации видового значения (разделы 2 и 5), во-вторых, синтаксическая теория префиксации (раздел 3), в-третьих, теория событийной структуры глагольного значения (раздел 4) и, наконец, семантическая теория префиксации (раздел 6). Чтобы изложить все это подробно, нужны сотни страниц, поэтому последующий текст выполнен в жанре конспекта.

2. КОНСПЕКТ ТЕОРИИ ДЕРИВАЦИИ ВИДОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Существующие теории славянского вида исходят из предположения, что та или другая видовая граммема возникает у глагола в словаре и дальше либо остается с ним навсегда, либо, если тот претерпевает деривационные процессы — префиксацию и вторичную имперфективацию, — заменяется другой граммемой. Глагол *читать* — несовершенного вида (НСВ), *прочитать* — совершенного вида (СВ), *прочитывать* — опять НСВ. Непроизводные глаголы начинают жизнь либо с граммемой НСВ (*читать*), либо с граммемой СВ (*дать*). Есть еще так называемые двувидовые глаголы; для простоты будем предполагать в них омонимию.

Видовая охарактеризованность любого глагола — свойство, отличающее славянские языки от многих других. При обсуждении английского языка бесполезно спрашивать, какого вида глагол *read* ‘читать’. Это глагол никакого вида. Видовое значение появляется только при развертывании предложения, когда глагол соединяется со словоизменительной морфологией, образующей формы прогрессива, перфекта, так называемого прошлого прошедшего и т. п.

Каковы причины считать, что русский язык устроен не так же, как английский? Единственная причина — **видовая инвариантность**. Любое предложение с *прочитать* содержит граммему СВ, а с *читать* и *прочитывать* — НСВ. Следовательно, как учит нас традиция, граммема НСВ возникает благодаря *читать* и *прочитывать*, а граммему СВ приносит с собой *прочитать*.

В этом рассуждении есть логический изъян: видовая специфицированность глагола *прочитать* — достаточное, но не необходимое условие видового единобразия предложений с этим глаголом.

Если *прочитать* — глагол СВ, любое предложение с этим глаголом — это действительно с неизбежностью предложение СВ. При таком взгляде на вещи структура перфективных и имперфективных предложений выглядит так, как показано в (1):¹

- (1) a. [... [... [... [VP ... PFV-*прочита-*- [...]]]]]
где VP — глагольная группа, а PFV — видовой оператор, или «семантика совершенного вида», какова бы она ни была.
b. [... [... [VP ... IPFV-*чита-*/прочитыва- [...]]]]]

Будучи достаточным для объяснения видовой инвариантности, (1), однако, не является необходимым. Можно вообразить другой сценарий. Глаголы *читать*, *прочитать*, *прочитывать* — глаголы никакого вида, как и их германские, романские, тюркские и австронезийские аналоги. Видовая семантика возникает выше в структуре — предположительно, там же, где и в языках, не обзаведшихся системой славянского типа. Однако высокорасположенному видовому оператору не безразличны свойства глагола и глагольной группы; именно это отличает «языки славянского типа» от остальных. Если глагольная группа наделена некоторым свойством, назовем его «свойством σ », выбор перфективного оператора PFV становится обязательным. Если же глагольная группа имеет другое свойство — «свойство ϕ » — неизбежен выбор имперфективного оператора IPFV. (Мы выносим за скобки вопрос о конкретном содержании PFV и IPFV, о сводимости «частных видовых значений» к «инвариантам» и т. д. Структура рассуждения не зависит от решения этих вопросов.) Такая система показана в (2).

- (2) a. [... [... PFV [... [VP[σ] ... *прочита-*- [...]]]]]
b. [... [... IPFV [... [VP[ϕ] ... *чита-*/прочитыва- [...]]]]]]

¹ Здесь предложения понимаются как иерархическая структура составляющих.

И (1), и (2) предсказывают, что любое предложение с глаголом *прочитать* перфективно, однако (2), в отличие от (1), отрицает реальность глаголов совершенного и несовершенного вида. На месте видовых граммем появляются пока не эксплицированные свойства σ и ϕ , и предполагается, что первое привязано к PFV, а второе — к IPFV.

В пользу (2) есть серьезные эмпирические аргументы, изложить которые в этом конспекте невозможно, и я вынужден отослать читателя к [Tatevosov 2020a], где они представлены максимально подробно. Далее я буду предполагать, что (2) — верный взгляд на устройство русской аспектуальной системы и что традиционная славянская аспектология, (1), больше века находится в пленау заблуждений.

Эмпирический успех (2), разумеется, критически зависит от того, насколько возможно наделить «свойство σ » и «свойство ϕ » осмысленным содержанием. В этом месте конспект теории деривации видового значения приходится прервать, поскольку для продолжения не хватает двух ингредиентов.

Первый — синтаксическая теория префиксации, предполагающая, что префиксальная система состоит из двух асимметричных компонентов. Конспект этой теорииложен в разделе 3. Второй — теория структуры глагольного значения, или, иначе, теория событийной структуры глагола; раздел 4.

3. КОНСПЕКТ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРЕФИКСАЦИИ

За последние 30 лет в системе знаний о префиксации возникла и получила эмпирическое подтверждение важнейшая идея о том, что русские префиксы распадаются на два больших класса — внутренние, или лексические, и внешние, или супралексические.

К последним относятся, в частности, инцептивный *за-* (*запеть*), терминативный *от-* (*отмучиться*), комплетивный *до-* (*дозаписать*), делимитативный *по-* (*подежурить*), пердуративный *про-* (*прождать*), репетитивный *пере-* (*перезаписать*), аттенуативные *при-* и *под-* (*призадуматься* и *подустать*), дистрибутивные *пере-* и *по-* (*перестрелять*, *побросать* (*камни в воду*)), кумулятивный *на-* (*надарить* (*кучу подарков*)). Говорить о членстве префикса в одном из классов осмысленно лишь применительно к определенному значению. Например, *на-* в кумулятивном значении (*наварить варенья*, *набрать грибов*, *настроить домов* и т. п.) — супралексический префикс. В любых других употреблениях (например, в *написать*) — это лексический префикс. Все префиксы имеют лексиче-

ские употребления. Есть, однако, префиксы, лишенные супралексических вариантов. Это, в частности, *в-/во-, вз-/взо-, воз-/возо-, вы-, над-/надо-, низ-/низо-, о-, об-/обо-, пред-/предо-, с-/со-* и *у-* (приводятся в соответствии с [АГ-80]).

Первым исследователем, обосновавшим противопоставление для русского языка, была, по-видимому, О. В. Бабко-Малая [Babko-Malaya 1999], которая описала несколько существенных различий между двумя классами.

Характерная семантическая особенность супралексических префиксов — композициональность. Их значение регулярно воспроизводится в произвольном лексическом контексте и мало зависит от него. Лексические префиксы обнаруживают склонность к слиянию со значением основы в трудноразложимое целое.

Вторая характеристика — взаимодействие с актантной структурой. При супралексической префиксации состав и семантические роли актантов не меняются; лексические префиксы могут производить с моделью управления разнообразные манипуляции.

Однако наиболее важное различие двух классов связано с их позицией в глагольной основе. Соответствующее обобщение представлено в (3):

(3) Обобщение о позиции

Если в основе имеются и лексический префикс, и супралексический, первый располагается ближе к корню, а второй — на левой периферии основы.

Другое важное обобщение описывает количественное ограничение:

(4) Обобщение о единственности

В составе основы допускается не более одного лексического префикса. Количество супралексических префиксов не ограничено.

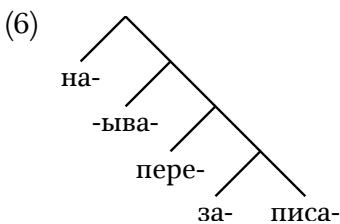
(3)–(4) подкрепляются наблюдениями над множественной префиксацией. Вот пример с тройной префиксацией, в котором исходной точкой деривации выступает основа *писа-*:

(5) А этот Денуово за 1 час игры мне *на-пере-за-пис-ыва-л* больше гига не пойми чего. [<http://forum.bioware.ru>]

В (5) имеется три префикса, но лишь один лексический — *за-*, который присоединяется непосредственно к основе *писа-*. Кумулятивный

на- и репетитивный *пере-*, располагающиеся поверх него, — супралексические префиксы. Контрпримеров для (3) и (4), по-видимому, не обнаруживается.

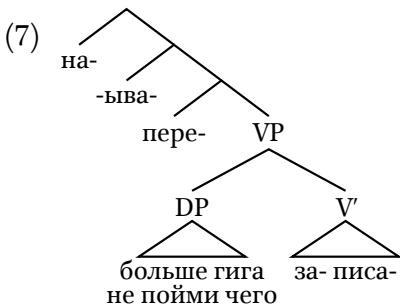
Как объясняются обобщения (3) и (4)? В этом месте становятся существенными соображения о иерархической структуре глагола и проецируемой им глагольной группы. Схема (6), показывает, например, структуру глагола *наперезаписывать* из (5).

Схема, игнорируя линейный порядок аффиксов, отражает обобщения о том, как части глагола соединяются в целое. Сначала основа *писа-* и префикс *за-* образуют основу *записа-*, затем к ней присоединяется *пере-* и получается *перезаписа-*; затем происходит вторичная имперфективация посредством *-ыва-*, дающая *перезаписыва-*, и наконец последним возникает префикс *на-*.

Важное направление современных исследований морфосинтаксиса опирается на идею о том, что иерархические структуры типа (6), которые традиционно рассматриваются в рамках автономного морфологического уровня грамматики, представляют собой составную часть структур синтаксических составляющих. Иными словами, в грамматике одни и те же правила, принципы и ограничения отвечают как за построение предложений из слов, так и за построение слов из морфем. К сожалению, здесь нет возможности обсуждать теоретические предпосылки и следствия такого взгляда на вещи. В контексте текущего обсуждения существенно то, что этот подход позволяет сформулировать достаточно простое и интуитивно удовлетворительное объяснение обобщений (3) и (4).

Во-первых, лексические и супралексические префиксы различаются структурной позицией: первые присоединяются внутри глагольной группы, а вторые — за ее пределами. Для (5), опуская детали, мы получаем структуру в (7), стр. 372.

В (7) все супралексические префиксы, а также показатель *-ыва-* расположены за пределами группы лексического глагола VP, которая создается соединением основы *за-писа-* и прямого дополнения *больше гига не пойми чего*.

Структура (7) верно предсказывает обобщение (3). Будучи элементом глагольной группы, любой лексический префикс с неизбежностью оказывается линейно ближе к корню, чем любой супралексический, расположенный за ее пределами. Получает объяснение и меньшая семантическая композициональность лексических префиксов. Более короткая структурная дистанция между аффиксом и лексической категорией, в данном случае глаголом, создает благоприятные условия для их идиоматического взаимодействия.

Для объяснения обобщения (4) требуется, однако, дополнительное доказательство. Позиции супралексических префиксов в структуре независимы. Присоединение одного такого префикса не исключает использования другого. Если это так, то единственность лексического префикса должна вытекать из того, что все они реализуют один и тот же элемент структуры.

В литературе этот элемент обычно отождествляется с дескрипцией результирующего состояния, возникающего при осуществлении события, описываемого глагольным корнем. Например, *на-* в *написать* вводит в рассмотрение результирующее состояние, которое приобретает объект, создаваемый в процессе писания; *с-* в *списать* (*предложение с доски*) — состояние объекта, копируемого в процессе писания, *под-* в *подписать* — объекта, у которого появляется необходимый завершающий элемент («подпись») и т. д. Если любой процесс, происходящий с индивидом, завершается наступлением ровно одного результирующего состояния этого индивида, это объясняет, почему лексический префикс может быть только один.

В последующих конспектах обсуждаются исключительно лексические, в том числе «чистовидовые» префиксы. За дополнительными подробностями о супралексических префиксах читатель может обратиться, например, к [Татевосов 2013] и цитируемой там литературе.

Тезис о том, что роль лексического префикса — создавать дескрипцию результирующего состояния, нуждается, разумеется, в эмпирическом подтверждении. Этому посвящен следующий конспект — конспект теории событийной структуры.

4. КОНСПЕКТ ТЕОРИИ СОБЫТИЙНОЙ СТРУКТУРЫ

Событийная структура глагола и глагольной группы — это информация о количестве, дескриптивных свойствах и участниках подситуаций, из которых складывается описываемая ситуация, а также об отношениях между этими подситуациями. Появление событийной структуры как основного компонента описания семантики предиката опирается на более или менее очевидную идею **семантической декомпозиции**, отражающую представление о многокомпонентном устройстве ситуации. Первопроходцем в этой области следует, по-видимому, признать Д. Даути [Dowty 1979], предложившего для глаголов класса **свершений** (*accomplishments*) типа *break* 'ломать' в английском языке семантическое представление в (8):

$$(8) \quad [[\text{DO} (\alpha_1, [\pi_m (\alpha_1, \dots, \alpha_m)])] \text{ CAUSE } [\text{BECOME} [\rho_n (\beta_1, \dots, \beta_n)]]]$$

Как видно из (8), глаголы-свершения, как их анализирует Д. Даути, представляют собой комбинацию двух пропозиций, связанных каузативным оператором CAUSE. Это $[\text{DO} (\alpha_1, [\pi_m (\alpha_1, \dots, \alpha_m)])]$ и $[\text{BECOME} [\rho_n (\beta_1, \dots, \beta_n)]]$, в которых представлены соответственно предикаты π и ρ .

Первая пропозиция сообщает, что один из участников ситуации (α_1) осуществляет (DO) определенную **деятельность**, которая описывается предикатом π и в которой задействуется сам α_1 и, возможно, другие участники $\alpha_2, \dots, \alpha_m$. Вторая пропозиция соответствует возникающему в результате деятельности **результатирующему состоянию** участников $\beta_1, \dots, \beta_n$ (в частном случае — единственного пациентивного участника), которое описывается предикатом ρ . Глаголы-свершения, таким образом, двухкомпонентны.

Свершения — один из нескольких возможных классов предикатов. Кроме них Д. Даути выделяет и класс **деятельностей** (*activities*), анализ которого показан в (9):

$$(9) \quad \text{DO} (\alpha_1, [\pi_n (\alpha_1, \dots, \alpha_n)])$$

(9) идентично первой пропозиции из (8) и содержит единственный предикатный компонент — (n-местный) предикат π , первый аргумент кото-

рого, как и в (8), — это агент α_1 . В отличие от свершений, деятельности не предполагают результирующего состояния, в которое переходит пациентный актант.

После Д. Даути возникла огромная литература по предикатной декомпозиции,² обсуждать которую в этом конспекте нет ни малейшей возможности [см. Татевосов 2015], однако две ключевые для дальнейших рассуждений идеи присутствуют уже в (8)–(9). Во-первых, внутренняя структура глагольного значения бывает более сложной и менее сложной (у Д. Даути — двухкомпонентной и однокомпонентной). Во-вторых, более сложные структуры отличаются от менее сложных наличием результирующего состояния.

Основная гипотеза, высказанная в конце предыдущего конспекта, состоит в том, что именно так (на результирующее состояние) различаются глаголы типа *читать* и их дериваты с лексическими префиксами типа *прочитать* или *вычитать* и что появление результирующего состояния — это вклад в интерпретацию лексического префикса.

Из этого немедленно вытекает целый ряд предсказаний о семантическом поведении глаголов типа *читать* и *прочитать*, которые описываются следующим рассуждением. Если целое событие действительно раскладывается на подсобытия, мы должны найти способ увидеть их отдельно друг от друга — с помощью семантических операторов, сфера действия которых распространяется на одни подсобытия, но не на другие. В комбинации с двухкомпонентными предикатами, такими, как *прочитать*, эти операторы будут иметь иной состав интерпретаций, чем с предикатами типа *читать*, которые на компоненты не членятся.

Среди интересующих нас семантических операторов в литературе обсуждаются отрицание, а также наречия ‘почти’ и ‘опять’. Последние примечательны тем, что могут получать сферу действия внутри событийной структуры предиката, в частности, включать в нее одни подсобытия, но исключать другие. Если лексически префигированные глаголы специфицируют достигнутое внутренним аргументом результирующее состояние, можно ожидать, что это состояние будет доступно для модификации независимо от событийного компонента. Присоединяясь к непрефигированным глаголам, у которых нет результирующего состояния, ‘почти’ и ‘опять’ должны иметь на одну интерпретацию меньше. Это иллюстрируется в (10)–(11), стр. 375.

---

² На российской почве, в частности, появилось оригинальное направление описания глагольного значения: теория структуры толкований в базе данных «Лексикограф», разрабатываемой Е. В. Падучевой и ее учениками и коллегами.

- (10) а. *почти/опять* [деятельность результирующее состояние]
       б. деятельность [*почти/опять* [результирующее состояние]]
- (11)   *почти/опять* [деятельность]

Более того, если верно, что любые лексические префиксы вводят в семантическое представление результирующее состояние, следует ожидать, что лексически префиксированные глаголы типа *написать* и *подписать* или *прочитать* и *вычитать* обнаруживают более или менее одинаковые событийно-структурные отличия от непроизводных глаголов типа *писать* и *читать*.

В традиционной терминосистеме *на-* в *написать* обычно описывается как образцовый чистовидовой префикс, поскольку *написать* образует видовую пару с *писать*. *Про-* в *прочитать*, однако, часто рассматривается вне этой рубрики, поскольку *прочитать*, как считается, образует видовую пару с *прочитывать*, а не с *читать*. Надо иметь в виду, однако, что семантическое соотношение *читать* и *прочитать* неотличимо от соотношения *писать* и *написать*. Если бы русский язык потерял глагол *прочитывать*, *прочитать* сделался бы таким же «чистовидовым» коррелятом для *читать*, как *написать* для *писать*. Далее я буду использовать описательный, хотя и теоретически бессмысленный термин «чистовидовой» для обоих случаев, противопоставляя им «нечистовидовые» приставочные образования типа *подписать* и *вычитать*.

В оставшейся части этого конспекта различия между непроизводными глаголами и глаголами с лексическим префиксом показаны на примере «чистовидовых» префиксов. Эмпирические обобщения об их событийной структуре распространяются, насколько можно судить, и на другие лексические префиксы.

Рассмотрим *почти*. С интуитивной точки зрения, *почти* сообщает, что происходящее в актуальном мире не является событием из экстенсионала предиката, обозначаемого глагольной группой, но при этом мир, в котором пропозиция «X VP» истинна, во всех релевантных аспектах максимально близок актуальному. Сравним (12a) и (12b):

- (12) а. — Володя, долго еще будешь возиться? Тебя просяли написать товарищам два вежливых абзаца.
          — Сейчас-сейчас. Уже **почти написал**. Еще две минуты.
       б. — Такое безобразие: мусор из Смольного неделю не вывозят.
          — И не говорите. Да я уже **почти написал** об этом письмо Феликсу, но потом раздумал: он все силы тратит на борьбу с контрреволюцией, ему не до мусора.

Интерпретация в (12a) (предпочтительная в нулевом контексте) предполагает, что деятельность агенса имела место, и в сферу действия *почти* входит только кульминация события с последующим результирующим состоянием: в (12a) сообщается, что кульминация максимально близка. Это случай из (10b). *Почти написал* допускает и другую интерпретацию, которую мы видим в (12b): в этом случае агенс максимально близок к тому, чтобы осуществить всю ситуацию целиком, от начала до завершения, но затем меняет намерения. В сферу действия *почти* в (12b) входят все компоненты ситуации, не исключая и деятельность, как в (10a).

Чтобы увидеть, каков диапазон интерпретаций *почти* в комбинации с имперфективными глаголами, необходимо принять некоторые меры предосторожности. А именно: их не следует рассматривать в актуально-длительном значении, которое для выявления событийной структуры непригодно. Результирующее состояние наступает в минимальной конечной части подсобытия деятельности, но в актуально-длительной интерпретации в рассмотрение вводятся неконечные части. Поэтому даже если состояние присутствует в событийной структуре, информация о нем в содержание сообщения не включается. Соответственно, однозначность актуально-длительного предложения с *почти* малоинформативна:

- (13) Володя давно собирался послать письмо товарищам в Женеву. Он пришел домой, сел за стол, достал ручку и бумагу и уже *почти писал*, когда раздался звонок в дверь...

(13) имеет единственную интерпретацию, параллельную (12b): текущий мир близок к тому, чтобы в нем осуществилось написание письма к товарищам, но ничего не происходит. Однако так может быть не только потому, что *писать* нет результирующего состояния, но и потому что, хотя оно есть, в актуально-длительном значении оно вытеснено за пределы текущего мира.

Следовательно, чтобы проверить наши предсказания, актуально-длительная интерпретация не подходит. В нашем распоряжении, однако, есть так называемые «контексты Маслова» (хабитуальный и нарративный), которые такого затруднения не создают, поскольку описываемая ситуация вводится в рассмотрение целиком, как если бы глагол был перфективным.

- (14) Володя давно собирался послать письмо товарищам в Женеву. И вот сегодня вечером он наконец приходит домой, садится за стол, достает ручку и бумагу и уже *почти пишет*, но тут раздается звонок в дверь...

(14) отчетливо показывает, что в отличие от *написать* в (12a–b), *писать* в комбинации с *почти* однозначно: его единственная возможная сфера действия — когда в нее входит вся ситуация писания. Несмотря на то, что агенс в (14) сделал все необходимые приготовления, писания в актуальном мире не происходит; *почти писал письмо* невозможно, если написана хотя бы строчка. Гипотеза о том, что *писать* отличается от *написать* более простой — однокомпонентной — событийной структурой, объясняет эти факты принципиальным образом. Там, где есть два подсобытия, *почти* может вовлекать в свою сферу действия одно из них независимо от другого. Там, где подсобытие всего одно, только оно и может попадать в сферу действия *почти*.

Следующее обобщение касается вторичного имперфектива. Для его изучения, разумеется, не годятся *писать* и *написать*, зато идеально подходят «аспектуальные тройки» с двумя имперфективными глаголами — как *читать*, *прочитать* и *прочитывать*. Общая линия рассуждений выстраивается следующим образом. Префигированные основы отличаются от простых на результирующее подсобытие. Единожды возникнув, оно остается в событийной структуре навсегда: вторичная имперфективация, в чем бы ни состояло ее семантическое содержание, не может уничтожить этот компонент значения, привязанный к префиксусу. Если это так, вторичные имперфективы отличаются от первичных большей событийной сложностью, и мы должны обнаружить это с помощью тех же самых методов: ‘*почти*’, ‘*опять*’, отрицания и т. д. Мы ожидаем, что по этому параметру вторичные имперфективы более напоминают перфективные глаголы, у которых также есть результирующее состояние, чем первичные имперфективы. По-видимому, это действительно так:

- (15)
  - a. Прихожу домой, пью кофе, сажусь за стол, уже *почти читаю* передовицу в «Правде», но тут раздается звонок в дверь...
  - b. Прихожу домой, пью кофе, сажусь за стол, уже *почти прочитываю* передовицу в «Правде», но тут раздается звонок в дверь...

(15a), по-видимому, однозначно: оно сообщает, что агенс максимально близок к тому, чтобы начать чтение, но в актуальном мире этого так и не происходит. *Почти* имеет только широкую сферу действия. Иначе интерпретируется (15b): в наиболее естественном понимании оно означает, что чтение было начато, но не закончено, и *почти* относится только к переходу передовицы в результирующее состояние, — то есть имеет узкую сферу действия. Как мы видели выше, необходимое условие узкой сферы действия — двухкомпонентное устройство дескрипции, где деятельность

отделена от результирующего состояния.³ Таким образом, (15a–b) показывает важнейшее различие между первичными и вторичными имперфективами: последние, как и приставочные перфективы, содержат в себе результирующее состояние, а первые не содержат.

На языке событийной семантики структуру непроизводного глагола и глагола с лексическим префиксом можно представить так, как показано в (16)–(17):⁴

$$(16) \quad \|\text{чита-}\| = \lambda y. \lambda x. \lambda e. [\text{чита}'(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \text{patient}(y)(e)]$$

$$(17) \quad \|\text{прочита-}\| = \lambda y. \lambda x. \lambda s. \lambda e. [\text{чита}'(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \text{patient}(y)(e) \wedge \text{про}'(s) \wedge \text{arg}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$$

В соответствии с (16), глагол *читать* обозначает трехместное отношение между двумя индивидами, агентом и пациентом, и событиями чтения. Префиксированная основа содержит все это в качестве одного из компонентов. Кроме того, в ее семантику входит второй компонент, привносимый префиксом: результирующее состояние и его участник, идентичный пациенту деятельности. Третий компонент — каузальное отношение между деятельностью и состоянием.

После насыщения позиций для именных аргументов соответствующими именными группами в одном случае образуется событийный предикат, характеристическая функция множества событий, а в другом — отношение между событиями и состояниями:

$$(18) \quad \|\text{Володя чита- книгу}\| = \lambda e. [\text{чита}'(e) \wedge \text{agent}(\text{Володя}')(e) \wedge \text{patient}(\text{книга}')(e)]$$

³ Широкая сфера действия *почти* в (15b)дается с большим трудом, но также возможна. Ее вероятность можно увеличить, манипулируя контекстом, например, выбрав в качестве прямого дополнения именную группу, обозначающую короткий текст: ... и уже почти прочитывает оставленную Надей на столе записку, ...

⁴ (16)–(17) используют экстенсиональное λ -исчисление с базовыми логическими типами *e* (индивидуы), *v* (события, или ситуации), *i* (интервалы), *t* (истинностные значения). Функциональные типы задаются рекурсивно. Для индивидов, событий и интервалов задана операция суммы $\oplus$ — функция из $U_A \times U_A$ в U_A , $A \in \{E, V, T\}$, обладающая свойствами идемпотентности, коммутативности и ассоциативности, а также ряд производных отношений (части и целого, $\leq$, пересечения, $\otimes$ и т. п.); полное определение см., например, в [Krifka 1998].

- (19) $\| \text{Володя прочит- книгу} \| = \lambda s. \lambda e. [\text{чита'}(e) \wedge \text{agent}(\text{Володя}')(e) \wedge \text{patient}(\text{книга}')(e) \wedge \text{про'}(s) \wedge \text{arg}(\text{книга}')(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$

(19), в частности, — это отношение между событиями e и состояниями s такое, что s — это результирующее состояние книги, вызванное процессом ее чтения e , который производит Володя. Можно предполагать, что такой же тип денотата, как (19), имеют непроизводные перфективы типа *датъ* или *решить*.

Эти наблюдения и обобщения можно распространить и на глаголы с нечистовидовыми лексическими префиксами (и вторичные имперфективы от них) — *выписыв-ать*, *списыв-ать*, *записыв-ать*, *исписыв-ать* и т. д. Результирующее состояние есть у любых лексических префиксов. Различия между чисто- и нечистовидовыми префиксами объясняются не наличием/отсутствием результирующего состояния, а характером семантического взаимодействия префикса и основы. Некоторые соображения о том, как выглядит диапазон возможностей в этой области, высказываются в разделе 6. А сейчас мы можем вернуться к конспекту теории деривации видового значения и завершить его.

5. КОНСПЕКТ ТЕОРИИ ДЕРИВАЦИИ ВИДОВОГО ЗНАЧЕНИЯ (ОКОНЧАНИЕ)

Мы остановились на том, что аспектуальная структура предложения в русском языке устроена так, как показано в (20).

- (20) a. [... [... PFV [... [VP_[σ] ... *прочита-* [...]]]]]
                   [
                   ]
     b. [... [... IPFV [... [VP_[φ] ... *чита-/прочитыва-* [...]]]]]
                   [
                   ]

Если глагольная группа характеризуется свойством $σ$, в предложении обязателен перфективный оператор PFV. Свойство $φ$ обеспечивает выбор IPFV. Результаты разделов 3 и 4 дают возможность наполнить эти свойства положительным содержанием.

Начнем с глаголов типа *читать* и *прочитать*, непроизводного имперфектива и приставочного перфектива. Как мы уже видели, их различие определяется результирующим состоянием, которое есть только у последнего. Это дает возможность отождествить $σ$ и $φ$ с событийной структурой:

- (21) σ — событийная структура с результирующим состоянием
 φ — событийная структура без результирующего состояния

Семантические представления (18)–(19) в конце предыдущего раздела делают (21) полностью эксплицитным. Из языка, в котором вид задан лексически, русский превращается в язык, где вид считывается с событийной структуры.

Следующий шаг — сформулировать семантику для PFV и IPFV, отвечающую дезидератуму в (20): глаголы типа *читать* с неизбежностью оказываются элементом имперфективного предложения, а типа *прочитать* — перфективного.

Идею этой семантики сформулировал В. Кляйн [Klein 1995]; (22)–(23) представляют собой ее адаптацию к событийно-семантическому описанию:

$$(22) \quad \|PFV\| = \lambda R_{\langle v, \langle v, t \rangle} \cdot \lambda t. \exists e \exists s [t \otimes \tau(e) \wedge t \otimes \tau(s) \wedge R(s)(e)]$$

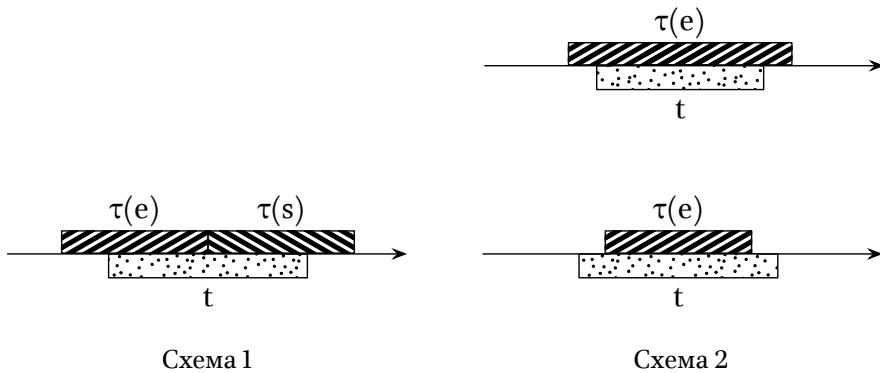
где τ — функция временного следа, которая сопоставляет ситуации временной интервал, в течение которого та имеет место, а $\otimes$ — отношение пересечения.

$$(23) \quad \|IPFV\| = \lambda P_{\langle v, t \rangle} \cdot \lambda t. \exists e [t \otimes \tau(e) \wedge P(e)]$$

(22) применяется к отношению между событиями и состояниями (логический тип $\langle v, \langle v, t \rangle \rangle$) и создает множество интервалов, которые пересекаются и с теми и с другими. (23) соединяется с событийным предикатом (логический тип $\langle v, t \rangle$) и дает множество интервалов, имеющих общую часть со временем события из его экстенсионала.

Перфектив в (22) вводит в рассмотрение конечный сегмент деятельности и начальный сегмент результирующего состояния, а также точку кульминации, отделяющую одно от другого; одна из возможностей показана на Схеме 1 (стр. 381). Имперфектив в (23) имеет максимально недоспецифицированную семантику, сообщая, что время ассерции имеет общую часть со временем ситуации. Две основные возможности такого пересечения показаны на Схеме 2 (стр. 381): время ассерции вкладывается во время ситуации или содержит его в себе в качестве подинтервала. Это позволяет в первом приближении описать соответственно актуально-длительное и общефактическое значения.

Требование перфектива в (22) способны удовлетворить только глагольные группы, обозначающие отношения, как (19), то есть глагольные группы, содержащие префиксальный глагол типа *прочитать* (или непро-

изводный перфектив тиа *решить*). Напротив, для имперфектива в (23) подходящий логический тип, тип событийного предиката, имеют непроизводные глаголы типа *читать* в (18).

Именно таким способом достигается желаемое соответствие между *читать* и имперфективной семантикой, а также между *прочитать* и перфективной семантикой.

Впрочем, как было отмечено выше, любые другие предположения о семантическом содержании двух граммем будут совместимы с представленной системой: для нее существенно лишь то, что граммемы нуждаются в глагольных группах разного типа — с результирующим состоянием и без. В том, что глаголы типа *читать* и *прочитать* создают именно такие группы, мы убедились в разделе 4 независимым образом.

В эту систему пока не встроен вторичный имперфектив, но уже более или менее ясно, как это сделать. Гипотеза состоит в том, что вторичный имперфектив применяется к отношению между индивидами и событиями типа (19) и превращает его в производный одноместный событийный предикат. Для этого достаточно, чтобы показатель вторичного имперфектива связывал стативную переменную, пробегающую по результирующим состояниям:

(24) $\|-ыва-\| = \lambda R_{\langle y, \langle y, t \rangle \rangle}. \lambda e. \exists s [R(s)(e) \wedge \dots]$

Отточие в (24) показывает, что семантика *-ыва-*, возможно, не ограничивается связыванием стативной переменной, однако дополнительные компоненты этой семантики для описываемой системы не существенны. Применяясь к отношению между индивидами и событиями в (19), *-ыва-* создает событийный предикат в (25) (логический тип $\langle v, t \rangle$, как и у непроизводного имперфектива). У этого событийного предиката есть единственная возможность — поступить в распоряжение IPFV в (23). Это объясняет импер-

фективность предложений, где последним шагом деривации глагола оказывается присоединение показателя *-ыва-*.

- (25) $\|-ыва\text{-}[\text{Володя прочита- книгу}]\| = \lambda e. \exists s [\text{чита'}(e) \wedge \text{agent}(\text{Володя}') (e) \wedge \text{patient}(\text{книга}')(e) \wedge \text{про'}(s) \wedge \text{arg}(\text{книга}')(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$

Таковы общие контуры теории деривации видового значения. При таком взгляде на вещи особенность славянской системы не в том, что вид задан лексически, а в том, что видовая интерпретация сцеплена с событийной структурой. Структура с семантически активным (т. е. λ -связанным) результирующим состоянием желает явиться в перфективных предложениях, без него — в имперфективных предложениях. Важное следствие: «видовая морфология» в русском языке не выражает грамматический вид. Префиксы, показатель вторичного имперфектива и т. д. — модификаторы событийной структуры. Собственно видовые операторы фонологически пусты (или, возможно, они представляют собой части механизма, называемого «дефолтная видовая интерпретация» в духе [Bohnemeyer, Swift 2004]).

Конспект охватывает ядро видовой системы. За его пределами остаются все структуры с внешними префиксами, в том числе важнейший элемент видовой архитектуры русского языка — делимитатив. Распространение сказанного выше на эти случаи — задача решаемая, хотя и отнюдь не только механическая. Некоторые соображения по поводу делимитатива высказываются, в частности, в [Tatevosov 2020b], однако сколько-нибудь подробное изложение этого сюжета приходится отложить до следующей оказии.

В следующем конспекте изложены некоторые наблюдения о последнем существенном компоненте системы: механизмах взаимодействия лексического префикса и основы.

6. КОНСПЕКТ ОПИСАНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПРЕФИКСАЦИИ

Один из основных результатов разделов 3–4 — обобщение, согласно которому лексические префиксы вводят в семантическое представление результирующее состояние, возникающее по завершении процесса, который описывается глагольной основой. Завершающий конспект посвящен взаимодействию этих двух элементов. В отличие от предыдущих, он не предлагает теории, а лишь некоторые наброски к ней, задающие направление описательных усилий. Его содержание в очень значительной степени опи-

рается на результаты исследования, изложенного в превосходной, но, к сожалению, не прочитанной в России и не оцененной диссертации Е. Е. Романовой [Romanova 2006].

Первое предположение: в качестве элементов, описывающих (результатирующее) состояние, префиксы содержат также информацию о носителях (одном или более) этого состояния. Иными словами, как и глагольная основа, префиксы имеют собственную актантную структуру. При соединении префикса с основой две актантные структуры должны взаимодействовать. Как осуществляется это взаимодействие?

Здесь возникает довольно разветвленный, но обозримый диапазон возможностей, укладывающийся в следующую таксономию:

- (26) 1. Основа в составе комбинации с префиксом обозначает ситуацию с теми же дескриптивными свойствами, что и вне этой комбинации.
  - 1.1. Префикс обозначает результатирующее состояние с одним (сintактически реализованным) актантом.
    - 1.1.1. Актант префикса идентичен внутреннему аргументу основы.
    - 1.1.1.1. С результатирующим состоянием из экстенсионала префикса совместимо любое событие из экстенсионала основы.
    - 1.1.1.2. С результатирующим состоянием из экстенсионала префикса совместимо собственное подмножество событий из экстенсионала основы.
    - 1.1.2. Актант префикса не совпадает ни с одним из актантов основы.
      - 1.1.2.1. У основы есть внутренний аргумент, который получает экзистенциальную интерпретацию и синтаксически не реализуется. Актант префикса становится прямым дополнением.
      - 1.1.2.2. У основы нет внутреннего аргумента. Актант префикса становится прямым дополнением.
    - 1.1.3. Актант префикса идентичен внешнему аргументу основы.
  - 1.2. Префикс обозначает результатирующее состояние с двумя (сintактически реализованными) актантами.
- [...]
- 2. Основа в комбинации с префиксом не обозначает ситуации с теми же дескриптивными свойствами, что и вне этой комбинации.

В этой таксономии среди комбинаций основы и лексического префикса сначала выделяются два макрокласса, соответствующие случаям, когда

основа имеет регулярную интерпретацию, и случаям, когда это не так. В первый макрокласс, в частности, входят *написать*, *выписать*, *подписать*, *исписать* и т. д. Основа *писа-* в составе таких глаголов по необходимости обозначает процессы писания. Если верно, что x *написал*/*выписал*/*подписал*/*исписал* y , верно и то, что x нечто писал (хотя и не обязательно y). При помощи этой эвристики во второй макрокласс можно отправить случаи типа *открыть* или *описать*. Если x *открыл* y , неверно, что x *крыл* что бы то ни было. Если x *описал* y , в общем случае неверно, что x *писал*. Далее в составе второго макрокласса можно выделять частные случаи. Например, экстенсионалы предикатов *кры'* как элемента семантики глагола *открыть* и *кры'* в *крыть*, очевидно, не пересекаются. Для *описать* и *писать* экстенсионалы двух *писа'* скорее соотносятся как подмножество и объемлющее множество: чтобы описать что-либо, возможно, но не необходимо писать. Оставим семантически некомпозициональный второй макрокласс в стороне и сосредоточимся на первом.

В первом макроклasse есть два основных класса 1.1 и 1.2, различающиеся поверхностью актантной структурой префикса. В первый попадают случаи, когда у префикса имеется единственный актант, во второй — префиксы с двумя актантами.

Рассмотрим класс 1.1: актант префикса идентичен внутреннему аргументу основы. Чистовидовые префиксы типа *на-* в *написать* (*письмо*) — представители именно этого класса. *Письмо* — носитель результирующего состояния ‘быть написанным’, которое возникает в результате писания. Оно же представляет собой актант основы *писа-*. Идентичность актантов префикса и основы устанавливается, например, с помощью такой эвристики: если верно, что x *написал* y , верно и то, что x *писал* y .

Вот набросок простейшей системы, которая унифицирует актантные структуры основы и префикса и дает актантную структуру префиксального глагола (в семантическом представлении основы показан только внутренний аргумент, см. [Kratzer 1996]):

$$(27) \quad \begin{array}{ccc} \text{писа-} & & \text{на-} \\ \lambda x. \lambda e. \text{писа'}(e) \wedge \text{patient}(x)(e) & & \lambda y. \lambda s. \text{на'}(s) \wedge \text{arg}(y)(s) \\ \hline & \downarrow & \\ \lambda x. \lambda s. \lambda e [\text{писа'}(e) \wedge \text{patient}(x)(e) \wedge \text{на'}(s) \wedge \text{arg}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)] & & \text{CAUSC} \end{array}$$

(28) Каузальная композиция

Если R — отношение между индивидами и событиями, а и S — между индивидами и состояниями, то

$$\text{CausC}([R S]) = \lambda x. \lambda s. \lambda e. R(x)(e) \wedge S(x)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)$$

Содержание правила каузальной композиции сводится к соединению деятельности и состояния каузальным отношением и отождествлению их участников.⁵

Каузальная композиция создает актантную структуру глагола из актантных структур основы и префикса. Я предполагаю, что она работает одинаково для любых основ класса 1.1.1. Один подкласс этого класса — основы с чистовидовыми префиксами 1.1.1.1, как *написать* или *прочитать*. Другой — основы с нечистовидовыми префиксами, такими, например, как *зачитать* (*обращение*). В этом месте мы вплотную подходим ко второму вопросу, сформулированному А. К. Поливановой и процитированному в начале этих заметок. Применительно к *зачитать* этот вопрос звучит так: чем *зачитать* отличается от *прочитать*?

Ответ, намечаемый А. К. Поливановой, заключается в том, что в чистовидовом случае толкование приставки полностью содержится в толковании глагола и как бы поглощается им. Ответ, который подсказывает логика излагаемой в этих заметках системы, звучит похоже.

В состояние, описываемое предикатом *за'* 'быть зачитанным', ведет не любое событие из экстенсионала предиката *чита'*, а только довольно ограниченное подмножество: это события чтения вслух, скорее всего обращенного к аудитории. События чтения про себя состояние 'быть зачитанным' каузировать не могут. Состояние 'быть прочитанным', с другой стороны, не накладывает на событийный предикат подобных ограничений: любое событие из экстенсионала *чита'* способно привести объект в состояние *про'* 'быть прочитанным'. Чем существеннее сужается экстенсионал событийного предиката, тем более отчетливо ощущается «семантическое прирощение», вызываемое внутренней префиксацией.

Этими же соображениями объясняется то, что один и тот же глагол с разными объектами может иметь разные «чистовидовые» префиксальные корреляты. Непроизводный *копать*, например, описывает события, которые происходят, с одной стороны, с создаваемым объектом (*копать яму*), а с другой — с объектом, подвергающимся поверхностному воздействию (*копать землю*). Их «чистовидовые» корреляты различны: *выкопать* и *вскопать*. В каждом случае из исходного экстенсионала предиката *копа'* отбирается собственное подмножество событий: одни каузируют для создаваемого объекта состояние *вы'* 'быть выкопанным', другие ведут объект поверхностного воздействия в состояние *вс'* 'быть вскопанным'.

---

⁵ Возможная альтернатива [Kratzer 2005] — понимать CausC не как принцип композиции, а как денотат невидимой деривационной морфемы.

Во многих случаях разные дескрипции результирующего состояния совместимы с полным или почти полным экстенсионалом событийного предиката. Таковы, например, *зажарить*, *изжарить* и *поджарить*. Требуются очень серьезные лексикографические усилия, чтобы определить, в какой ситуации картошка может быть изжарена, не будучи зажаренной или поджаренной. Процессы жарки, которые ведут в эти состояния, как кажется, различаются мало или не различаются вовсе, а вопрос, какой из приставочных вариантов показывает «чистовидовой эффект», становится умозрительным.

Таким образом, членство приставочного глагола в чистовидовом классе 1.1.1.1 и нечистовидовом классе 1.1.1.2 определяется тем, насколько результирующее состояние совместимо со всеми событиями из экстенсионала непроизводного предиката.

Кратко охарактеризуем остальные классы таксономии. В 1.1.2 собраны случаи, когда актант префикса не идентичен ни одному из актантов основы. Первая возможность в этом ряду, 1.1.2.1: у основы есть внутренний аргумент, но актант префикса (= носитель результирующего состояния) отличен от него. Пример такой возможности — *наесть пузо*. Основа *ед-* имеет валентность на актант, уничтожаемый в процессе поедания. Актант *пузо* в *наесть пузо*, однако, не уничтожается, а создается (в результате множественных актов поглощения пищи, для которых продолжительное время). Результирующее состояние в этом случае — это ‘существовать, присутствовать, иметься’, и *пузо* — его носитель.

Общий принцип, описывающий взаимодействие актантных структур префикса и основы, который, насколько можно судить, не имеет контрпримеров, показан в (29):

- (29) Если внутренний аргумент основы и аргумент префикса различаются, первый получает экзистенциальную интерпретацию, а второй синтаксически реализуется в качестве дополнения.

Семантическая деривация в (27) для *наесть пузо* не подходит, поскольку исходит из неверного для класса 1.1.2 предположения, что пациент деятельности идентичен актанту состояния. Такая деривация создала бы отношение (30):

$$(30) \quad \begin{array}{c} \text{ед-} \\ \lambda x. \lambda e. \text{ед}'(e) \wedge \text{patient}(x)(e) \end{array} \qquad \begin{array}{c} \text{на-} \\ \lambda y. \lambda s. \text{на}'(s) \wedge \text{arg}(y)(s) \end{array} \quad \frac{}{\lambda x. \lambda s. \lambda e [\text{ед}'(e) \wedge \text{patient}(x)(e) \wedge \text{на}'(s) \wedge \text{arg}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]} \quad \text{CAUSC}$$

Индивидный элемент этого отношения x выступает пациентом поедания и в результате приобретает состояние на' 'существовать, иметься, наличествовать'. В нашем мире это невозможно, и экстенсионал отношения в (30) пуст.

(31) предлагает усовершенствованный вариант для этого случая.

(3l) ед-	$\lambda x. \lambda e. \text{ед}'(e) \wedge \text{patient}(x)(e)$	на-	$\lambda y. \lambda s. \text{на}'(s) \wedge \text{arg}(y)(s)$
	$\downarrow$		
	$\lambda e. \exists x [\text{ед}'(e) \wedge \text{patient}(x)(e)]$		$\exists_x$
	$\downarrow$		CAUSC'
		$\lambda y. \lambda s. \lambda e. \exists x [\text{ед}'(e) \wedge \text{patient}(x)(e) \wedge \text{на}'(s) \wedge \text{arg}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$	

В (32) действует правило экзистенциального закрытия ($\exists_x$), а правило каузальной композиции модифицируется.

- (32) a. Экзистенциальное закрытие ($\exists_x$):
 $\exists_x (\lambda x. \lambda e. R(x)(e)) = \lambda e. \exists x R(x)(e)$

b. Каузальная композиция, второй вариант (CausC'):
Если P — предикат над событиями, а Q — отношение между
индивидуами и состояниями, то
 $CausC'([P\ Q]) = \lambda x. \lambda s. \lambda e. P(e) \wedge Q(x)(s) \wedge cause(s)(e)$

Правило $\exists_x$ в (32a) связывает квантором существования индивидный аргумент отношения между индивидами и событиями. Можно предположить, что оно имеет коээрсионный характер и задействуется исключительно для разрешения семантических конфликтов, предотвращая появление выражений с пустым экстенсионалом. $CausC'$ в (32b) соединяет описание событий и отношение между индивидами и состояниями через каузальное отношение. В результате глагол *наесть* обозначает, как и требуется, такое отношение между индивидами, состояниями и событиями, что индивид приобретает на' 'существовать, иметься, наличествовать' в результате событий, в которых что-то поедается.

К этому же случаю сводится взаимодействие непереходных неэргативных глаголов с лексическими префиксами, как в *работать* — *заработать* (*приличную сумму*). Единственное отличие от предыдущего случая состоит в том, что *заработать* не имеет пациентивного аргумента и поэтому не нуждается в его экзистенциальном закрытии.

(33) работа-	за-		
λe. <i>работа'</i> (e)	λy.λs. <i>за'</i> (s) ∧ arg(y)(s)		
	↓	CAUSC'	

$$\lambda x. \lambda s. \lambda e. \exists y [\text{работа}'(e) \wedge \text{за}'(s) \wedge \text{arg}(x)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$$

Актант префикса становится внутренним аргументом *заработать*, а префиксация имеет транзитивизирующий эффект.

Последний случай в первом макроклассе, 1.1.3, возникает тогда, когда в результирующее состояние, задаваемое префиксом, вступает не пациентивный, а агентивный актант основы. Все такие глаголы, по-видимому, относятся к так называемому префиксально-постфиксальному типу (т. е. рассматриваются как продукт словообразования с использованием «циркумфикса»/«конфикс», содержащего «возвратный показатель» -ся). *Добегаться, обрыдаться* и т. д. — в новое состояние у этих глаголов входит тот, кто бегает и рыдает. Деривация и семантика этих глаголов — огромный сюжет, пока мало представленный в формальной литературе по русскому глаголу, и я даже не буду пытаться осветить его в этом конспекте. Некоторые соображения о таких глаголах, совместимые с намеченной выше системой, можно найти в [Татевосов, Киселева 2019].

У префиксальных глаголов с двухвалентным префиксом (класс 1.2) воспроизводятся более или менее те же возможности, что и с одновалентным. Второй аргумент, как правило, представлен предложной группой и синтаксически реализуется как сирконстант — *выписать цитаты из книги, списать предложение с доски* и т. д. Важный случай, который есть только у двухвалентных префиксов и невозможен у одновалентных — *исписать четверть стихами* и аналогичные, где в качестве дополнения проецируется не внешний, а внутренний аргумент префикса, а сам префикс, согласно Е. Е. Романовой, проявляет свойства, характерные для конфигураций с пассивом. Обсуждать дальнейшие подробности в пределах конспекта, к сожалению, невозможно, поэтому содержание класса 1.2 в (26) не раскрывается.

Таковы в общих чертах контуры системы русской лексической префиксации.

За пределами этого наброска остается, однако, важный сюжет: как определяются дескриптивные свойства результирующего состояния, то есть экстенсионал предикатов типа *на'*, *про'*, *вы'* и других, обсуждавшихся выше. Все сказанное в этом разделе целенаправленно выстроено так, как будто эти свойства заранее известны. Однако на деле соответствующая информация должна, по-видимому, описываться отдельной теорией.

На данный момент можно уверенно констатировать, что такой теории нет, хотя набор альтернатив, ограничивающих ее возможное содержание,

более или менее ясен. При известном огрублении он сводится к двум крайним возможностям и значительному количеству промежуточных.

Первая возможность: дескриптивные свойства состояния, описываемые префиксом в комбинации с основой, конкретны и индивидуальны для каждой комбинации. Префикс в таком случае можно понимать как функцию, которая определена на множестве основ, и каждой основе она ставит в соответствие определенное состояние. Значение *на'* от основы *писа-* — это состояние 'быть написанным', а от основы *ед-* — 'существовать, наливаться'. Каждая комбинация в таком случае идиоматична, а «частных значений» у префикса, строго говоря, оказывается ровно столько, сколько имеется основ, с которыми он может соединяться. (Семантическую систему в (27)–(33) в таком случае надо изменить, позабывши о том, чтобы префикс применялся к основе как функция к аргументу.)

Вторая возможность: значения префиксов более абстрактны и сводятся либо к единственному инвариантну, либо к системе из небольшого числа более или менее соотносимых значений. В имеющихся описаниях префиксальной семантики такие значения, как правило, формируются в пространственных терминах. Префикс *на-*, например, можно понимать как этикетку для обобщенной пространственной конфигурации из фигуры и фона (если пользоваться понятиями когнитивной семантики), где фигура располагается на поверхности фона. Фигура, как правило, имеет синтаксическую реализацию, а фон может оставаться имплицитным и не иметь никаких поверхностных проявлений. (При таком понимании всю таксономию в (26) надо переформулировать, поскольку любой префикс оказывается не менее, чем двухвалентным.) Префикс *на-* в *написал письмо* и *наел пузо* будет анализироваться одинаково: *письмо* и *пузо* приобретают одно и то же состояние 'на поверхности некоторого объекта' (в одном случае, например, 'на бумаге', а во втором — 'на теле'). Насколько убедительны могут быть построения такого рода для всех префиксов и всех основ, проверить трудно, однако имеющиеся на сегодня наработки (характерный пример — [Janda et al. 2012]) пока не дают поводов для серьезного оптимизма.

Четвертый конспект закончен, и я перехожу к заключительной части этих заметок.

7. СУММА НАБЛЮДЕНИЙ

Основная идея этих заметок — отказ от двух догматов, утвердившихся в славянской аспектологии за ее долгую историю:

(34) **Догмат о лексическом виде**

Видовая граммема приписана глаголу словарно.

(35) **Догмат о видовой морфологии**

Префиксы «перфектифируют» глаголы, у которых на предыдущей стадии деривации представлена граммема НСВ, а вторичный имперфектив, соответственно, имперфектифирует глаголы с граммемой СВ.

Отказ от двух этих догматов ведет к существенному переосмыслению архитектуры видовой системы.

Во-первых, видовая граммема оказывается расположена на определенной дистанции от глагола и глагольной группы, а ее выбор определяется событийной структурой глагольной группы.

Во-вторых, префиксы распадаются на два значительных класса — супралексические (они почти не обсуждались в этих заметках) и лексические. Лексические префиксы вводят в семантическое представление результирующее состояние описываемой ситуации, создавая, в теоретико-модельных терминах, отношение между событиями и состояниями.

В-третьих, «вторичные имперфективы» в этой системе, как и префиксальные глаголы, содержат результирующее состояние, однако, как и не-производные глаголы, обозначают событийный предикат, а не отношение между событиями и состояниями.

В-четвертых, тем самым, никакая видовая семантика не имеет морфологического носителя. Так называемая аспектуальная морфология типа префиксов или вторичного имперфектива производит манипуляции с событийной структурой. Такие манипуляции имеют последствия для аспектуальной интерпретации, но ни префиксы, ни показатель вторичного имперфектива не выражают вид непосредственно.

В-пятых, по характеру взаимодействия с основой лексические префиксы распадаются на классы, членство в которых определяется несколькими параметрами, в частности, количеством актантов у префикса, тождеством актантов префикса и основы и рядом других. Чистовидовые префиксы — лишь один из классов этой таксономии, в который попадают те глаголы, у которых любое событие из экстенсионала исходной основы способно вызвать описываемое префиксом результирующее состояние.

ЛИТЕРАТУРА

- АГ-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Наука, 1980.
- Поливанова А. К.* К вопросу о так называемых чистовидовых приставках // Вопросы информационной теории и практики. — 1975. — Вып. 27. — М. : ВИНТИИ, 1975. — С. 52–63.
- Татевосов С. Г.* Множественная префиксация и ее следствия // Вопросы языкознания. — 2013. — № 3. — С. 42–89.
- Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике. — М. : Языки славянской культуры, 2015.
- Татевосов С. Г., Киселева К. Л.* Идентификация событий в префиксально-постфиксальном словообразовании // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2019. — № 1. — С. 7–35.
- Babko-Malaya O.* Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure and Case. — Ph.D. dissertation, Rutgers University, 1999.
- Bohnemeyer J., Swift M.* Event Realization and Default Aspect // Linguistics and Philosophy. — 2004. — Vol. 27. — P. 263–296.
- Dowty D. R.* Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ. — Dordrecht : Reidel, 1979.
- Janda et al. 2012 — *Janda L., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nesson T., Sokolova S.* Russian ‘purely aspectual’ prefixes: Not so ‘empty’ after all? // Scando-Slavica. — 2012. — Vol. 58, № 2. — P. 231–291.
- Klein W.* Time in Language. — London : Routledge, 1994.
- Klein W.* A time-relational analysis of Russian aspect // Language. — 1995. — Vol. 71. — P. 669–695.
- Kratzer A.* Severing the External Argument from its Verb // Phrase Structure and the Lexicon / Ed. by Rooryck J., Zaring L. — Dordrecht : Springer, 1996. — P. 109–137.
- Kratzer A.* Building resultatives // Event arguments in syntax, semantics, and discourse / Ed. by Maienborn C., Wöllstein-Leisten A. — Tübingen : Niemeyer, 2005. — P. 177–212.
- Krifka M.* The Origins of Telicity // Events and Grammar / Ed. by Rothstein S. — Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1998. — P. 197–235.
- Romanova E.* Constructing Perfectivity in Russian. — Ph.D. dissertation, University of Tromsø, 2006.
- Tatevosov S.* On the aspectual architecture of Russian. — Ms. — Lomonosov Moscow State University, 2020a.
- Tatevosov S.* On the temporal structure of non-culminating accomplishments // To appear in Linguistics. — 2020b.

Р. Д. Тименчик / R. Timenchik

ОБ ОДНОМ МЕМЕ АХМАТОВОЙ

Ахматову в ее быту окружало облако мемов, которое ныне разрослось за счет приписываемых ей острот, афоризмов, парадоксов в стиле Пеппи Длинныйчулок, сооруженных совсем другими людьми.¹ Иногда она повторяла чужие бонмо, вовсе, как представляется, не претендую на авторство. Например:

«Давайте условимся раз навсегда: поэт — это человек, у которого ничего нельзя отнять и которому ничего нельзя дать»; «Оксфордцы вздумали выдвинуть меня на нобелевскую премию [...]. Я ответила: Поэт — это человек, которому ничего нельзя дать и у которого ничего нельзя отнять». [Чуковская 1997, т. 3: 35; 243]

«Поэту ничего нельзя дать, и у поэта ничего нельзя отнять. Уж у меня так отнимали!.. Всем государством. И ничего не отняли». Кажется, кто-то эту «формулу» Ахматовой уже приводил, но такое не грех и повторить. [Глен 1991: 630]

Между тем, очевидно, что формула эта звучала не раз в других устах. Не вдаваясь сейчас в глубоко уводящие розыски, укажем на дискуссию двух знакомых Ахматовой советских поэтов:

Иногда в наших прогулках принимал участие Иосиф Уткин.

— Поэт — это тот, кому ничего не надо и у кого ничего нельзя отнять, — сказал однажды Уткин.

---

¹ См. например [Шульман 2009], не говоря уже о желтой прессе.

— Нет, — мягко возразил Светлов. — Поэт — это тот, кому нужно все и который сам хочет все отдать! Плохой человек не может быть хорошим поэтом. [Либединская 1973: 207]

Ахматова сегодня выступает циклизатором безымянного острословия, чем-то вроде Д. Б. Шоу или Х. Насреддина. Это облако явно сгущалось во время ее пребывания в московском доме Ардовых, попадая в атмосферу цитатного и паремиологического пересмешничества. Одной из единиц тамошнего речевого обихода была, например, кличка, происхождение и историческая семантика которой ускользала от людей, не принадлежавших к старомосковскому театральному сообществу. Наталия Ильина вспоминала:

Ардов обращался с Анной Андреевной бесцеремонно, называя ее «мама» (с грузинским акцентом) и «мадам Цигельперчик» (с еврейским акцентом). [Ильина 1985: 281]

Лидия Чуковская фиксировала:

Меня очень смешат шутки Ардова, которые Анна Андреевна выносит с благосклонной полуулыбкой. Он постоянно «снижает» величавость Ахматовой, называя ее то «м-ме Цигельперчик», то «жиличка», то «командироввшая из Ленинграда».

[...] За чаем шуточки Ардова: «madame Цигельперчик». [Чуковская 1997, т. 2: 83; 215]

Соль цитаты — в статусе жилички как приезжей знаменитости, ожиданием которой живет квартира на Ордынке. Она восходит к мхатовскому фольклору, к истории, как основатель кабаре «Летучая мышь» Никита Федорович Балиев (Мкртич Асвадурович Балян) разыграл одного из основателей МХТ Александра Леонидовича Вишневского (Вишневецкого):

— Ах, Саша! — говорит Балиев, — вот ты мечтаешь о богатстве, а знаешь, что Цигель-Перчик приехал и рассказывает, что у них в Дании...

— Какой Цигель-Перчик, постой, ничего не понимаю?..

— Как какой, да знаменитый датский актер и режиссер, который приехал из Копенгагена. Его привез с собой переводчик Ганзен, а рекомендовала его императрица Мария Федоровна.

— Ты что-то, брат, того, врешь, Никишка... — подозрительно, уже с беспокойством говорит Вишневский.

— Господа, он не верит, что Цигель-Перчик приехал, остановился в Метрополе, около него уже наши норвежцы Балтрушайтис и Поляков, смотри, брат, он, говорят, замечательно играет по-скандинавски «Дядю Ваню». Немирович от тебя скрывает все это.

В Художественном театре царила в дирекции строгая конспирация, и всегда можно было ожидать всяких экспериментов, исканий и вследствие этого подвохов, как впоследствии и было с Крегом, о котором уже тогда много говорилось... Поэтому не надо удивляться тому, что Вишневский уже поверил в существование какого-то Цигель-Перчика и ревниво негодовал.

— Нет, господа, я вас спрашиваю! — кричал он на всю улицу, — на кой черт нам нужен Цигель-Перчик, меня не спрашивают, можем ли мы по нашим финансам оплачивать Цигель-Перчиков. Я дрожу над нашими деньгами, а «Старик» (так за глаза называли К. С. Станиславского), или Колодкин (в об щежитии название В. И. Немировича-Данченко по ассоциации с известной московской торговлей церковной утварью Немирова-Колодкина) приглашает из Шклова или Бердичева Цигель-Перчика.

— Да не из Шклова, а из Амстердама! — поправляет Балиев, забыв про Ко-пенгаген.

— Что ты мне говоришь: Цигель-Перчик не может быть из Амстердама.

— Нет, может. Он правнук Уриэль-Акосты.

Нам навстречу попадается кто-то из московских репортеров.

На его вопрос, что новенького в театре, Балиев с возмущением показывает на Вишневского.

— Да вот не верит, что приезжает Цигель-Перчик.

Репортер весь надрывается и дрожит от волнения и любопытства.

— Простите, как правильно писать Цигель-Перчик?

— С апострофом! — не стесняется Балиев.

Огромная убедительность Балиева и вся его талантливая импровизация была на другой день на страницах московской печати, причем газеты даже поместили портрет матери Цигель-Перчика, почтенной голландской старушки.

Появилось вскоре и интервью с Вишневским о Цигель-Перчике. Вишневский уже как-то с ним познакомился и подружился.

Так творились легенды скучающим тогда Балиевым, томящимся без дела и мучимым выходными ролями в Художественном театре.²

² [Ракитин 1940]; в какой мере юдофобский оттенок присутствовал в насмешке армянина Балиева над выходцем из еврейства Вишневским сегодняшней ретроспективной психолингвистической экспертизой не установить.

Ахматова отвечала этому цитатному конкурсу своим набором мемов, восходящих к ее молодости, вроде «“идеал грез” и “с визгом” (т. е. с радостью, с восторгом — в ответ на какое-нибудь пустяковое, но приятное предложение)» [Глен 1991: 636], где первое восходит к марке духов фирмы Брокар (*Idéal rêvé*). Сюда же входили и «автомемы»:

«милые улики» (о плавающих на поверхности каких-нибудь домашних вещах перед приходом гостя); [...] легкое и веселое обращение со стихами она распространяла и на собственные: переодевшись в ожидании гостей, выносила из своей комнаты затрапезное кимоно и совала его в руки кому-нибудь из домашних со словами: «Ah, милые улики, куда мне прятать вас?».³

Также в доме Ардовых ценился и *strassenhumor*. Иосиф Бродский свидетельствует:

Люди, мало с ней знакомые, привыкли думать об Ахматовой как о царственной dame, которая говорила на языке Смольного института. В то время как Ахматова обожала все эти, как говорится, «выражансы»: «vas tut ne stojlo», «маразм крепчал». [Волков 2012: 362]

Оскорбительная хамская реплика, где генитивом отнята агентивность субъекта, превращенного в объект восприятия (см. [Падучева 2013: 16–17]), несколько не вязалась с «величественным» обликом Ахматовой и вынуждала домысливать былички о происхождении мема в ее речи, например:

Она потяжелела, стала еще величественнее, ходила с гордо поднятой головой, но очень медленно. Ходьба через лесок в продуктовые магазины утомляла ее, а длинные очереди унижали, приводили в отчаяние. Однажды жена поэта Александра Гитовича Сильва уступила свою очередь Ахматовой, а сама ушла в промтоварный ларек. Через некоторое время одна из зазевавшихся зимогорок, увидев впереди величественную, почти царственную фигуру, не без робости заметила:

— Вас здесь не стояло.

³ [Глен 1991: 636]; [Найман 1989: 196]; из стихотворения 1913 г. «...И на ступеньки встретить»: «Ah! кто-то взял на память | Мой белый башмачок | И дал мне три гвоздики, | Не подымая глаз. | О милые улики, | Куда мне спрятать вас?».

За Анну Андреевну заступились дачницы и оставили в очереди. Сама она, конечно, не удостоила ответом зимогорку, но забавную фразу «Вас здесь не стояло» запомнила и часто вспоминала.⁴

Этот агрессивный трехстопный хорей на нашем веку оказался приписан к Ахматовой.

В этой связи уместно напомнить показательную дискуссию с поучительным финалом, развернувшуюся в прошлом десятилетии на интернет-сайте Abbyy Lingvo. Вот (в сокращении) показательная дискуссия:⁵

ВАС ТУТ НЕ СТОЯЛО!!!

slony 21 сентября 2007 9:11

Кто-нибудь знает, откуда эта прекрасная фраза?

Obserwator 22 сентября 2007 11:50

В Словаре совр. цитат в рубрике АННА АХМАТОВА:⁶

Вас здесь не стояло!

«Что с вас взять? Ведь вас здесь не стояло!» Эту «пародию на реплику, нередко доносящуюся из очереди», Н. Ильина услышала от Ахматовой в 1956 г. («Анна Ахматова, какой я ее видела», 1991). Имелось в виду, что Ильина не жила в России в худшие времена сталинского террора.

В другом контексте — в отзыве Ахматовой о статье «Анна Ахматова» в «Краткой литературной энциклопедии»: «Все как будто точно, и годы, и названия, и даже без браны, — и все сплошное уничтожение и уничижение. «Вас здесь не стояло». Не было у меня славы, не переводились мои стихи на все языки мира, ничего» (Л. Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой», запись 23 окт. 1960).⁷

⁴ [Капица 1988: 136]; употребление этой фразы у Ахматовой впервые зафиксировано за три года до того, как она получила дачу в Комарове.

⁵ [<https://forum.lingvolve.com/thread/187456/>].

⁶ Речь идет о словаре, составленном Константином Душенко. См. нашу оценку этого издания: [Тименчик 1998: 400–402].

⁷ В использованном издании есть еще запись слов Ахматовой от 3 октября 1953 г.: «Со мною обращаются как с падалью — или, пожалуй, еще хуже — вы слышали, как в очередях говорят: “вас здесь не стояло”!» [Чуковская 1997, т. 2: 73].

Александр Баранов 22 сентября 2007 12:23

Странно, очевидно ведь, что не Анна Андреевна изобрела это выражение. Неужели автор словаря цитат полагает, что оно стало известно благодаря ей?

Его использовали и за 100 лет до Ахматовой:

ДЕРОШЕ. Ах, полно спорить, господа!

Как низко нравственность упала...

Вот вы, ведь вы уже в годах...

РАПЕ. А вас вообще здесь не стояло!!!

Obserwator 22 сентября 2007 12:50

Как фраза — конечно, раньше («пародия на реплику»). Как цитата (авторское выражение в определенных контекстах) — Ахматова. Случай довольно обычный.

Александр Баранов 22 сентября 2007 12:57

Его употребляют люди, никак не связывая с Ахматовой, в том числе и вне связи с очередью. Это, безусловно, фразеологизм, я считаю только странным его связь именно с Ахматовой.

Obserwator 22 сентября 2007 01:02

«Поехали!» тоже употребляют люди, не связывая с Гагариным.

Александр Баранов 22 сентября 2007 11:48

Но ведь Ахматова, произнеся эту фразу, не улетела в космос! Я скорее готов связать «Доверяй, но проверяй» с Рейганом (особенно «Доверяй, но проверяй»).⁸ Нам просто стало известно (со слов Ильиной), что А. А. использовала эту фразу в своей речи. Возможно, это удивило Ильину, она сочла это необычным, может быть в силу того, что в её среде русский язык использовался не так, как в СССР. Но это не повод для того, чтобы нечто, высказанное Ахматовой, вносить в сборники цитат. Я слышал разные варианты сабжа задолго до того, как узнал о существовании Ахматовой. Думаю, что большинство из произносивших её тоже не знали, что есть такой поэт. Я вырос в рабочем районе.

Obserwator 22 сентября 2007 12:36

Тем не менее эта фраза функционирует также и как цитата, напр.: Москвичи возмутились и вспомнили выражение Ахматовой «Вас здесь не сто-

⁸ На титул передатчика этой русской поговорки президенту США претендуют разные люди. Из моего разговора с американским славистом Морисом Фридбергом (1929–2014) в 2003 году вытекало, что таковым был, как будто, он.

яло». (*Сайт Администрации Сергиево-Посадского муниципального района*). Не могу подтвердить статистически, но по моим наблюдениям, дежурной фразой газетного языка она стала лишь в годы «перестройки», и именно как ахматовская цитата.

Вообще, не так уж редко выражение существует и как анонимный оборот, и (в более узком употреблении) как цитата, напр. «Не верю!» и «Не верю!» Станиславского; «Маг и волшебник» (а также «Сорвалось!»): 1. старый ходячий оборот; 2. цитата из Сухово-Кобылина; «Умный любит учиться, (а) дурак учить»: 1. Пословица из словаря Даля; 2. цитата из Чехова.

À propos (не без зависти): как вам удается так здорово находить примеры из старых текстов? (Тем более, что поиск по ключевым словам в данном случае едва ли возможен).

Александр Баранов 23 сентября 2007 09:41

Секрета нет, думаю, что и Вы так же примерно ищете. Я сначала проверяю фразу в Нацкорпусе. Потом в Гугле, на сайтах-библиотеках:

"vas tut ne stояло" site:rvb.ru
"vas tut ne стояло" site:feb-web.ru
"vas tut ne стояло" site:lib.ru

Последний запрос просматривает не только библиотеку Мошкова, но и zhurnal.lib.ru, militera.lib.ru, az.lib.ru (подраздел классики библиотеки Мошкова). Если ссылок слишком много, то можно смотреть, скажем, только site:az.lib.ru.

Просматриваю также сайт исторических источников vostlit.info.

Кроме того, проверяю на указанных сайтах близкие по смыслу выражения, в данном случае — «vas здесь не стояло» и, на всякий случай, «vas * не стояло». И, бывает, что попадаются, как в случае с Каратыгиным.

В. Беликов 24 сентября 2007 11:04

Сценарий очевиден. Каратыгинский водевиль за десятки лет просмотрели многие, фразу запомнили, сколь часто она повторялась до приобретения очевидными статуса национального обычая — не знаю. А наши соотечественники как встали в очередь в Германскую войну, так и стояли вплоть до реформ 1992. В отличие от Грибоедова, Каратыгина все это время не только в школе не проходили, но и ставить перестали.

Кто принес в очередь эту реплику — неизвестно, может неграмотный мужик (внук того, у кого ее подслушал Каратыгин), а может как раз Корней Иваныч с Анной Андревной (если вдруг они водевиля не видели, то уж отнести к незнавшим Каратыгина все их окружение было бы несколько кощунственно), а народ научился в очереди от чуковских и ахматовых. Второй вари-

ант мне кажется более вероятным. Кстати, Л. Чуковская всего лишь указывает на факт употребления выражения в метафорическом контексте.

В. Беликов 24 сентября 2007 01:43

Относительно «vas тут не стояло» приятно знать про Каратыгина, но те, кто сейчас так говорит, об этом не знают, знания долей процента несущественны. Другое дело — определенный разряд артистов; если вдруг имеется такой тип артистической среды, где про Каратыгина знают несколько процентов, то для описания языковых особенностей этой среды каратыгинское происхождение фразы будет важно. Но факт существования такого социума должен быть подтвержден чем-то. Не думаю, что «водевильные артисты» образуют некую социальную общность. Если бы «ахматовофилы» представляли собой что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее толкиенутых, тогда факт использования ею этой фразы был бы существен при описании их языка. Разумеется, есть мелкие группы, в пределах которых считается, что Ахматова эту фразу придумала (семьи, классы, где учительница пять раз повторила эту идею, и т. п.). Для их внутригрупповых коммуникативных систем это существенно. Но и только. Объединить такие группы в некое единство, боюсь, нельзя.

Obserwator 24 сентября 2007 03:30

Это верно с точки зрения паремиолога, для которого все группы «носителей» равнозначны.

А вот по Займовскому (автор первого в России словаря цитат) «крылатое слово», т. е. то, что здесь называется крылатой цитатой, есть «поговорка (пословица) литературно образованного круга». И с этой точки зрения «ахматовофилы» (т. е. те, кто связывает фразу с Ахматовой) отнюдь не маргинальная группа. Мне эта точка зрения ближе — потому что меня интересуют как раз цитаты.

В. Беликов 24 сентября 2007 08:32

Спасибо, очень полезная цитата. Я как раз и сказал, что для образованного круга, к которому принадлежали Ахматова и Л. Чуковская, это не могло не быть цитатой из Каратыгина. Для большинства образованных кругов — современных (они разные, границы проходят в основном по возрасту) — это ни чья фраза, народная.

Под «ахматовофилами» я имел в виду всех, кому всерьез нравится творчество Ахматовой. Это слишком разнородный набор личностей и социальных групп, чтобы рассматривать его как нечто единое. Уверен, что лишь часть из них связывает фразу с Ахматовой. При этом я выразил сомнение в том, что

этую часть можно рассматривать как некое единство, а не разнородный набор групп. Среди поклонников ее творчества наверняка найдутся и такие, кто по каким-то причинам сохранил воспоминание о Каратыгине. Другие, читая упоминавшиеся два мемуарных текста, не вычитывают там ничего особенного: Ахматова метафорически применила к себе ходячую фразу. Употребление пословиц и цитат героями мемуаров или художественных произведений — дело не такое уж редкое. «Каратыгинцев» — единицы, а «нейтральщиков» — большинство. Конечно, и тех, и других можно с позором изгнать из состава подлинных правоверных почитателей Ахматовой. Среди поклонников Толкиена такое вполне возможно. Может, я не знаю главного и где-то устраивают ролевые игры по Поэме без героя?

Obserwator 24 сентября 2007 09:38

«Для образованного круга» очень даже могло не быть и, полагаю, не было — разве что для несколько специалистов; однако и этому свидетельств никаких нет, в отличие от маркировки «не стояло» как ахматовского речения. Причем больше оно никому — как цитата — не приписывается. Не говорю уж о том, что и авторство Каратыгина не более чем гипотеза, хотя и вполне вероятная: возможно, он сам воспользовался ходячей фразой. Тут наши познания (и языковые базы) совершенно недостаточны.

А вот и поучительное завершение дискуссии (следите за датами!):

Obserwator 9 февраля 2009 04:02

Только сейчас, пройдя по ссылке, вижу:

«Литературная обработка — А. В. Клюквин. Оригинал здесь: Государственный Академический Малый Театр». Т. е. это вовсе не текст 1841 г., а текст спектакля Малого театра 2003 г. Надо будет заглянуть в оригиналный текст (Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII — начала XIX века. Л., 1990, т. 2), но я уверен, что там этого нет, иначе выскоило бы в Гугл-книги, где эта книга размещена.⁹

---

⁹ В тексте всеу помянутого П. А. Каратыгина владелица табачной лавки г-жа Рапе вообще в этой сцене не появляется, и никакой похожей реплики у нее нет, как и во французском оригинале этого переводного водевиля (Emmanuel Théaulon. *Les Merluchons, ou Après deux cents ans: comédie-vaudeville en un acte*). Клюквинскому, вставленному для «оживляжа» анахронизму, впрочем, на сцене Малого театра места не нашлось — см. радиозапись спектакля: Каратыгин П. *Таинственный ящик*. ГАМТ. 2005. Arhivstaroeradio. Выложено 12 мая 2018 г.

Оговорим, что тонкости контекста в истории того первого раза, когда Ильина услышала эту фразу, рассказав о своей статье в просоветской шанхайской газете, трудно поддаются рефериированию для справочного издания:

В «Новую жизнь» я писала, кроме фельетонов, и публицистические статьи. Одна из них называлась так: «В традициях великой русской литературы» — и появилась на страницах газеты в октябре 1946 года. Статьи не сохранилось, к своим произведениям я относилась небрежно, многое утрачено, а жаль... Помнится, я клеймила там упадочную теорию искусства для искусства, призыва в союзники Белинского, Некрасова, Добролюбова и Чернышевского. Впрочем, запомнился мне лишь заголовок статьи, а также дух и направленность этого опуса, написанного с гневом, страстью и непримиримостью неофита.

...Могло ли мне прийти тогда в голову, что ровно через девять лет, а именно в октябре 1955 года, я буду рассказывать об этой статье Анне Ахматовой? Мы сидим с ней на диване, сумерки, заплаканные стекла окна, за ним — полуобнаженные деревья подмосковного сада, на плечах Анны Андреевны вязаный платок. Она спрашивает: «И обо мне там что-нибудь было?» Я стыдливо: «Было. Кажется, я упрекала вас за то, что вы ушли в мирок интимных переживаний...» Она с усмешкой: «Что с вас взять? Ведь вас здесь не стояло!»

Эту пародию на реплику, нередко доносящуюся из очереди, я услыхала тогда из уст Ахматовой впервые. Еще не раз в течение нашего одиннадцатилетнего знакомства она обратится ко мне с этими словами...¹⁰

Как и иные словечки,¹¹ «пародия на реплику» пришла к Ахматовой от Виктора Ардова, который вставил ее в одну из своих юморесок: «Нет, про-

¹⁰ [Ильина 1985: 274]; лет за десять до первой публикации этого эпизода воспоминаний я в первый и последний раз беседовал с Н. Ильиной на дне памяти Ахматовой 5 марта в квартире на Ордынке и спросил ее по поводу записи в автобиографии Ахматовой, хранящейся в ее фонде в Публичке, о статье Ильиной в шанхайской газете 1946 года. «Ну какая у меня могла быть статья в 1946 году», — раздраженно ответила Н. И. Ильина (она же агент МГБ «Полянова») и скоро покинула квартиру; не исключено, что этот кратчайший диалог мог стать спусковым крючком для включения вышецитированного пассажа в воспоминания.

¹¹ См., например, письмо Ахматовой к хозяйке дома Н. А. Ольшевской середины 1950-х годов: «Дорогая моя, нижнее место я получила, когда тронулся поезд. [...] У меня еще в голове “Московская симфония” — Лапа, телефон, радио, маз и т. д.» [Герштейн 1998: 485]; уточнено по автографу; по объяснению Михаила Ардова, Лапа — дворняга, от-

стите, вас тут не стояло».¹² И коллеги его по поприщу смелой советской сатиры считали эту фразу именно «ардовским выражением», см. [Благов 1997: 365].

Другой перл уличного остроумия в устах Ахматовой вспоминал Евгений Рейн:

«Сейчас, сейчас, не отходя от кассы», — говорила она, довольно часто пародируя несусветные советские штампы, которым мы сами редко удивляемся. [Рейн 1989]

Эту репризу сделал особенно популярной одессит-пехотинец (в исполнении Марка Бернеса), осаживающий приставучего артиллериста в фильме «Два бойца» (сценарий Е. Габриловича), снятом по соседству с Ахматовой на Ташкентской киностудии осенью 1943 г.: «...я из тебя, малютка манон, сделаю гурьевскую кашу тут же на месте, не отходя от кассы».¹³

данная потом Никулиным, «маз будет!» — реплика изображавшегося В. Ардовым за карточной игрой «зятя-грузина», см. выше о «мама»; маз — ставка в игре.

¹² Монолог простонародной москвички, попавшей в съемки эпизода историко-революционного фильма о хвостах перед Февральской революцией (тему советской очереди мы бы определили как если не табуированную, то не очень желательную для подсоветской юмористики, симптомом чего можно считать эпатажную «Очередь» В. Г. Сорокина): «И тогда я начинаю пробираться поближе к дверям булочной. Ну, споровка у меня есть... И тем более я не вижу, что меня снимают на картину... Я где с разговором вотрусь, где плечиком поднажму, кого сумочкой пристукну... легонько так, легонько... Кому на ногу наступлю... А пока он баюкает наступленную ногу, шипит, я на его место... И тому, кто теперь очутился передо мной, говорю: «Извиняюсь, это не вы три рубля уронили?» Человек кинулся за этими тремя рублями — а их там сроду не было, — а я на его место!.. И тому, кто теперь передо мной, говорю: «Нет, простите, вас тут не стояло! Тут я одна была» [Ардов 1959: 7]. Мотив уроненной трехрублевки, как и многое в ардовской юмористике, восходит к «Золотому теленку»: «Решительно вздохнув, Бендер втиснулся в толпу. — Пардон, — говорил он, — еще пардон! Простите, мадам, это не вы потеряли на углу талон на повидло? Скорей бегите, он еще там лежит. Пропустите экспертов, вы, мужчины! Пусти, тебе говорят, лишенец!».

¹³ В литературном первоисточнике фильма — рассказе 1942 г. «Мои земляки» боец с говорящей фамилией «Дзюбин» (это настоящая фамилия поэта Багрицкого) в этом месте говорил: «...так я из тебя сделаю беф-строганов. На месте. Не отходя от кассы» [Славин 1947: 167].

ЛИТЕРАТУРА

- Ардов В.* Кинозвезда // Крокодил. — 1959. — № 9. — С. 7.
- Благов Ю.* На эстраде и около (Из «Мемуаров сатирика») // Вопросы литературы. — 1997. — № 6. — С. 360–366.
- Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. — М. : Эксмо, 2012.
- Герштейн Э. Г.* Мемуары. — СПб. : Инапресс, 1998.
- Глен Н. Н.* Вокруг старых записей // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных. — М. : Советский писатель, 1991. — С. 627–639.
- Ильина Н. И.* Дороги и судьбы. — М. : Советский писатель, 1985.
- Капица П.* Это было так // Нева. — 1988. — № 5. — С. 136–149.
- Либединская Л.* Трудно ли быть молодым? // Ты помнишь, товарищ... Воспоминания о Михаиле Светлове / Сост. Л. Либединская, З. Паперный. — М. : Советский писатель, 1973. — С. 206–226.
- Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой. — М. : Художественная литература, 1989.
- Падучева Е. В.* Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // Русский язык в научном освещении. — 2013. — № 2 (26). — С. 9–29.
- Ракитин Ю.* Никита Балиев. Из воспоминаний // Новое русское слово. — 1940. — 3 сентября.
- Рейн Е.* Сотое зеркало: Запоздалые воспоминания // Новое русское слово. — 1989. — 9 июня.
- Славин Л.* Рассказы. М. : Советский писатель, 1947.
- Тименчик Р.* Рец. на кн.: К. В. Душенко / Словарь современных цитат. — М. : Аграф, 1997 // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 33. — С. 400–402.
- Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. — М. : Согласие, 1997.
- Шульман Э.* Говорит Ахматова. Коротышки в литературных кругах // Вопросы литературы. — 2009. — № 4. — С. 496–506.

О. В. Федорова

ЧЕМ ЗАНИМАЕТСЯ «НАСТОЯЩАЯ» ПСИХОЛИНГВИСТИКА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Весной 2019 г. мы на кафедре ТиПЛ издали коллективный учебник «Введение в науку о языке» [Кибрик и др. 2019]. Среди авторов была и я, написав несколько когнитивных глав, в том числе главу о психолингвистике. Услышав об этом, Анна Константиновна посмотрела на меня несколько недоуменно и скептически. Было видно, что психолингвистика для нее — это что-то не особенно стоящее. К сожалению, такое мнение не лишено оснований — современная отечественная психолингвистика, на мой взгляд, довольно сильно себя скомпрометировала. В данной статье я не могу не воспользоваться предоставившейся возможностью ответить на то недоумение Анны Константиновны. В этой небольшой неформальной заметке я постараюсь показать, что «настоящая» психолингвистика — это очень большая и во многом формальная наука, более похожая на естественнонаучную, а не гуманитарную дисциплину.

Сначала я напишу пару слов о себе, а дальше разговор пойдет уже только про психолингвистику. Закончив ОСиПЛ в 1989 г., я поступила в аспирантуру, а через год стала работать на кафедре. Психолингвистом я стала благодаря случайному стечению нескольких обстоятельств. Первое из них — печальное — произошло в 1998 г. В тот год умерла Н. И. Лепская, которая занималась на нашем отделении психолингвистикой и вела соответствующий учебный курс. Сразу после смерти Наталью Ильиничну заменила ее ученица Т. В. Базжина, работавшая тогда в РГГУ, но было понятно, что нужно найти или воспитать нового кафедрального психолингвиста.

Зимой 1999–2000 гг. произошло второе событие. А. Е. Кибрик, наш заведующий и мой научный руководитель, был на конференции в Потсдаме. На этой конференции была Ирина Секерина, выпускница нашего отделения, вскоре

после окончания университета уехавшая в США. В один из дней Ирина повела Александра Евгеньевича в местную психолингвистическую лабораторию, одну из лучших в Европе, где показала ему малоизвестные тогда в Москве установки по регистрации движений глаз и вызванных потенциалов мозга. Александр Евгеньевич остался впечатлен увиденным и захотел организовать что-то подобное в Москве в целом, и на кафедре в частности.

В качестве такого кафедрального психолингвиста Александр Евгеньевич выбрал меня. И я начала буквально с нуля осваивать эту новую для себя науку. В те годы в стране вышло несколько психолингвистических учебников, некоторые из которых смущали меня своей абстрактностью и «гуманитарностью» [Леонтьев 1997; Горелов, Седов 1998; Залевская 1999]. Среди них, однако, выделялся один, автору которого я до сих пор благодарна — учебник Р. М. Фрумкиной [Фрумкина 2000], который приоткрыл для меня мир психолингвистики как науки о том, «что мы делаем, когда говорим и думаем», подробнее см. рецензию в «Русском журнале» под названием «Мысли на вырост» [Федорова 2001].

Вскоре Ирине Секериной удалось получить грант IREX, благодаря которому я провела два месяца в когнитивном центре американского университета Ратгерса. Там состоялось мое первое настоящее погружение в экспериментальную психолингвистику, которая тогда казалась мне совсем не похожей на «традиционную» теоретическую или полевую лингвистику.

С тех пор прошло двадцать лет, на протяжении которых я занимаюсь почти исключительно психолингвистикой. Мне стало привычно рассуждать о психолингвистике в широком и узком смыслах слова. Психолингвистика (далее ПЛ) в широком смысле слова — это междисциплинарная когнитивная наука, исследующая процессы овладения родным и иностранным языками (усвоение языка), порождение и понимание речи (ПЛ в узком смысле слова), а также мозговые механизмы речевой деятельности (нейролингвистика). Если в XIX и XX вв. о ПЛ чаще говорили в широком смысле слова, то в последние несколько десятилетий три ее составные части — усвоение языка, ПЛ в узком смысле слова и нейролингвистика — оформились в виде самостоятельных научных дисциплин со своими собственными методами, исследовательскими стандартами, журналами и конференциями. Дальше речь пойдет в основном о ПЛ в узком смысле слова, т. е. науке о том, как человек порождает и понимает речь.

Поначалу меня больше интересовала классическая генеративная американская ПЛ, т. е. исследования синтаксиса, см. раздел 1. Освоившись, я стала применять психолингвистический подход к менее традиционным областям — дискурсу (раздел 2), бимодальной коммуникации (раздел 3) и даже типологической и полевой лингвистике (раздел 4).

1. АМЕРИКАНСКАЯ ГЕНЕРАТИВНАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА: «РАННЕЕ-ПОЗДНЕЕ ЗАКРЫТИЕ»

В американской ПЛ синтаксический анализ считается ключевым компонентом модели понимания предложения. Важную роль при построении таких моделей играют синтаксически неоднозначные предложения («синтаксическая омонимия» в отечественной традиции, см., напр., [Иорданская 1967]). Синтаксическая неоднозначность возникает из разных источников. Так, английское предложение *Visiting relatives can be boring* может быть понято как в том смысле, что родственники скучны, так и в том смысле, что посещать родственников скучно. Этот тип неоднозначности в англоязычной традиции называется *syntactic category ambiguity*, в отечественной — *разметочная синтаксическая омонимия*. Другой большой класс носит название *attachment ambiguity* (или *стрелочная синтаксическая омонимия*); настоящий раздел будет посвящен одному частному типу стрелочной омонимии, а именно, феномену «раннего-позднего закрытия».

Сложноподчиненные предложения с определительными придаточными, модифицирующими имя существительное, входящее в состав сложной ИГ, напр., *Кто-то застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе*, допускают две интерпретации: придаточное может относиться как к первому существительному ('служанка стояла на балконе', так называемое *раннее закрытие*, р.з.), так и ко второму ('актриса стояла на балконе', *позднее закрытие*, п.з.). Выбор интерпретации может зависеть от разных факторов, таких как длина придаточного или объем рабочей памяти испытуемых.

Более того, со временем выяснилось, что разные языки ведут себя по-разному, см. Табл. 1.

Раннее	Позднее
хорватский, голландский, французский, польский, африкаанс, немецкий, итальянский, испанский, греческий, хинди, японский, корейский, болгарский, русский	английский, норвежский шведский, румынский, баскский, бразильский португальский, арабский, китайский

Табл. 1. Предпочтительность раннего или позднего закрытия по языкам

Первые эксперименты были проведены в 1970-х гг. на материале английского языка. Испытуемых просили прочитать предложение, напр., *Someone shot the servant of the actress that was on the balcony*, а потом выбрать одну из двух возможных интерпретаций. Оказалось, что англоговорящие испытуемые значимо чаще выбирали вариант с поздним прочтением. Од-

нако в 1988 г. была опубликована статья Ф. Куэтоса и Д. Митчелла [Cuetos, Mitchell 1988], которые, проведя параллельные тесты с носителями английского и испанского языков, обнаружили, что в то время как англоговорящие испытуемые чаще выбирали позднее прочтение, испаноговорящие, прочитав эквивалентное предложение *Alguien disparó contra la criada de la actriz que estaba en el balcón*, предпочитали раннее ('*la criada estaba en el balcón*').

Дж. Фодор предположила, что наблюдаемые различия между языками имеют отношение к их просодическим характеристикам, и сформулировала закон анти-гравитации: если присоединяемая составляющая просодически «легкая», то независимо от языка она скорее присоединяется ко второму имени; присоединение же более «тяжелых» составляющих зависит как от соотношения «просодической тяжести» придаточного и ИГ, так и от просодических особенностей языка [Fodor 1998]. Кроме просодической гипотезы Фодор наблюдала также и гипотезу информативности Б. Хемфорта [Hemforth, Konieczny 2002], согласно которой длинные придаточные, являясь более информативными по сравнению с аналогичными короткими, присоединяются к более выделенному из двух имен, т. е. к главному имени.

Для того, чтобы иметь возможность развести эти две гипотезы, мы в работе [Федорова, Янович 2005] ввели третий тип придаточных предложений — разрывные придаточные. Такие придаточные, напр., *В раздевалке девушки заметили тренера гимнаста, который им нравился, хотя совершенно не умел танцевать*, имея такую же длину, как длинные придаточные, содержат дополнительное вложенное предложение. Мы предположили, что в то время как короткие придаточные в русском языке обычно не обособляются паузой, а длинные, наоборот, обособляются, предложения с разрывными придаточными позволяют две теоретически равновероятные возможности: с одной стороны, их можно произнести с паузой после сложной ИГ, но без паузы внутри самого придаточного; с другой стороны, можно не делать паузу на границе перед придаточным, но сделать ее внутри (см. Табл. 2).

Тип придаточного	Тип просодического членения	
короткое	а.	{...N ₁ N ₂ RC _{short} }
длинное	б.	{...N ₁ N ₂ } {RC _{long} }
разрывное 1	в.	{...N ₁ N ₂ } {Clause ₁ Clause ₂ }
разрывное 2	г.	{...N ₁ N ₂ Clause ₁ } {Clause ₂ }

Табл. 2. Схема просодического членения предложений
с разными типами придаточного

Предсказания для этих двух гипотез выглядят следующим образом. Если предположить, что информативность придаточного предложения определяется его длиной, то информативность двух длинных придаточных будет одинаковой. Если же более правдоподобна просодическая гипотеза, то разрывные придаточные будут значимо отличаться и от длинных, и от коротких вариантов, так как возможность просодического членения типа «в» (см. Табл. 2) будет сближать их с длинными и отличать от коротких, а возможность просодического членения типа «г», напротив, сближать с короткими и отличать от длинных. Если просодическая гипотеза верна, то в результате должно получиться, что разрывные придаточные находятся посередине между короткими и длинными, т. е. присоединяются к главному имени чаще, чем короткие, но реже, чем длинные.

В эксперименте приняли участие 63 испытуемых. Помимо 18 экспериментальных предложений (по 6 предложений каждого из трех типов), каждый из трех списков включал 5 тренировочных предложений и 36 отвлекающих. Статистический анализ показал значимый эффект типа придаточного: предложения с длинными придаточными чаще присоединялись к первому имени (69% р.з.), короткие — ко второму (31% р.з.), а распределение разрывных придаточных оказалось случайным (51.3% р.з.). Все попарные сравнения также оказались статистически значимыми. Таким образом, мы подтвердили просодическую гипотезу Фодор на русском материале.

2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

Экспериментальные исследования дискурса — относительно новое направление ПЛ, оформившееся в 1990-ых гг. с выходом книги Г. Кларка «Arenas of language use» [Clark 1992]. В задачу этого направления входит изучение речевого взаимодействия собеседников в процессе коммуникации с помощью экспериментальных методов. Важное место в таких исследованиях отводится исследованиям референции.

В процессе языковой коммуникации в каждый момент времени в рабочей памяти говорящего находится некоторое количество референтов — людей, объектов, локализаций в пространстве. Упоминание говорящим референта и называется референцией. Каждый раз, упоминая референт, говорящий осуществляет референциальный выбор, т. е. выбирает одно из возможных референциальных выражений. Выделяются три класса таких выражений: (i) полные ИГ (*мальчик, Вася*), с одной стороны, и редуцированные референциальные средства — (ii) местоимения (*он, тот*) и (iii) нули, с другой стороны.

Если после интродуктивного упоминания говорящий упоминает данный референт повторно таким образом, что в смысл второго референциального выражения входит отсылка к первому, такое отношение между языковыми единицами называется анафорическим отношением, или анафорой. Выражение, которое адресат отождествляет с расположенной выше ИГ, называется анафорическим выражением. Осуществляя референциальный выбор, говорящий должен обеспечить возможность поддержания референции — гарантировать, что адресат сможет правильно интерпретировать референциальное выражение, т. е. установить кореферентность упоминаемых референтов. Несомненно, самый надежный способ установления кореферентности — постоянное использование полных ИГ. С другой стороны, однако, в процессе коммуникации собеседники обычно бывают ограничены во времени, так что им приходится экономить вербальные усилия. В целях экономии они вынуждены регулярно использовать редуцированные выражения, тем самым рискуя породить референциально неоднозначные высказывания, или референциальный конфликт (РК). Считается, что выбор между полной и редуцированной формами не случаен и зависит от текущего статуса референта в когнитивной системе говорящего, а процесс референциального выбора является многофакторным, подробнее см. [Kibrik 2011].

В этом разделе мы опишем эксперимент, проведенный при помощи метода вызванных потенциалов (ВП) мозга. Метод ВП основан на записи электроэнцефалограммы спонтанной ритмической активности мозга, происходящей с разной частотой. ВП называются биоэлектрические сигналы мозга, которые появляются с постоянными временными интервалами после определенных внешних стимулов. Обычно оцениваются наличие пиков, латентность, длительность и амплитуда пиков. Каждый потенциал представляет собой синусоиду, участки волны разной полярности называются компонентами и обозначаются буквами P(positive) и N(negative). Потенциалы подразделяются на коротколатентные (начинаются через 10 мс после предъявления стимула), средне- (через 100 мс) и длиннолатентные (через 300 мс). В основе метода ВП лежит суммация и усреднение большого количества потенциалов, каждый из которых сам по себе слишком слаб и плохо отличим от случайных ритмов. Основным преимуществом метода ВП является его высокое временное разрешение — частота дискретизации электрического сигнала обычно составляет не менее 250 Гц. Такая высокая временная точность позволяет анализировать изменения в ЭЭГ, сопровождающие восприятие отдельных слов, морфем и даже звуков. Запись ВП осуществляется с помощью электродов, закрепленных в эластичной шапочке на голове испытуемого. Количество электродов варьирует от 32 до 256.

Описанный эксперимент основан на нашей совместной работе с А. Н. Юрченко, аспиранткой нашего отделения, проведенной вместе с коллегами в Институте возрастной физиологии РАО [Юрченко и др. 2016]. Первый аналогичный эксперимент, посвященный анализу понимания референциально неоднозначных ИГ, был проведен на материале нидерландского языка [van Berkum et al. 1999]. В ходе эксперимента испытуемые читали дискурсивные фрагменты, которым предшествовали предложения с одной или двумя подходящими ИГ. Результаты показали, что для ИГ в условиях РК по сравнению с контрольным условием кривая ВП становилась негативной через 300 мс после предъявления стимула. Различия между двумя условиями были статистически значимыми во временном окне 300–600 мс и достигали максимума для ВП, зарегистрированных от фронтальных и центральных отведений. Этот эффект был назван эффектом Nref.

Мы провели аналогичный эксперимент на русском материале, давая испытуемым дискурсивные фрагменты типа *Полковник в одиночестве курил на кухне и пытался осознать, что его внук угодил в тюрьму. Конечно, он сейчас отчаянно нуждался в помощи.* Оказалось, что понимание референциально неоднозначных местоимений по сравнению с контрольным условием также сопровождалось эффектом Nref — диффузным сдвигом ВП с латентностью около 300–400 мс в сторону негативных значений. При этом, в отличие от предшествующих работ, мы не наблюдали эффекта P600 — роста поздней позитивности, который ассоциируется с синтаксической сложностью предложений. Таким образом, наши данные добавили еще один новый язык в копилку типологических референциальных наблюдений.

3. БИМОДАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бимодальная лингвистика — это совсем новое направление исследований, которое изучает реальное многообразие «живого» общения между людьми: слова, интонацию, жестикуляцию, направление взгляда. Термин «бимодальный» опирается на принятное в психологии и нейрофизиологии понимание модальности как принадлежности ощущения или сигнала к определенной сенсорной системе. Мы говорим о бимодальности, так как в основном изучаем две модальности: вокальную (или слуховую, если смотреть со стороны слушающего) и кинетическую (или зрительную), а остальные, напр., обоняние или осязание, остаются за пределами рассмотрения. См., однако, работу [Mondada 2019], в которой также изучается и осязание. В данном разделе мы кратко опишем окуломоторную составляющую

естественной коммуникации, т. е. общение при помощи взглядов. Взгляды включают в себя *саккады* (быстрые перемещения глаз, средняя длительность 30–60 мс) и *фиксации* (относительно короткие остановки длительностью в среднем 200–500 мс, но бывает и в несколько раз длиннее).

В рамках проекта «Язык как он есть» [<https://multidiscourse.ru>], Институт языкоznания РАН был создан корпус «Рассказы и разговоры о грушах», включающий 40 записей длительностью 15 ч. При сборе материала были использованы, в частности, две пары очков-айтрекеров Tobii Glasses II с частотой 50 Гц. Очки-айтрекер — это мобильная система регистрации движений глаз; в очки вмонтированы миниатюрные видеокамеры: одна из них записывает то, на что смотрит испытуемый, а вторая при помощи отраженного света фиксирует изображение глаза.

Для сбора данных была разработана оригинальная методика. В каждой записи принимали участие четыре человека с заранее распределенными ролями. Три участника — Рассказчик (N, в очках-айтрекерах), Комментатор (C) и Пересказчик (R, в очках-айтрекерах) — участвовали в основной части записи, четвертый — Слушатель (L) — присоединялся в конце. Сначала Рассказчик и Комментатор смотрели «Фильм о грушах» У. Чейфа [Chafe ed. 1980] и старались его запомнить. Затем Рассказчик рассказывал сюжет фильма Пересказчику, это был этап рассказа в режиме монолога. Следующий этап разговора происходил в режиме диалога: Комментатор дополнял рассказ Рассказчика, а Пересказчик уточнял у обоих детали. Наконец, на этапе пересказа Пересказчик опять в режиме монолога пересказывал сюжет фильма Слушателю. После этого Слушатель записывал услышанный пересказ. Таким образом, задача каждого состояла в том, чтобы максимально понятно донести до других полученную информацию, минимизировав эффект «испорченного телефона».

Данный раздел опирается на подкорпус, состоящий из семи записей длительностью около 2 ч. 40 мин., см. Табл. 3 (стр. 414). В ходе окуломоторного аннотирования был произведен экспорт данных на видеосцену и с помощью программы Tobii Analyzer извлечены данные о временной развертке фиксаций, на которые потом в ручном режиме была наложена аннотационная схема, подробнее см. [Федорова 2019].

В Табл. 4 (стр. 414) и 5 (стр. 415) приведены данные о распределении зрительного внимания Рассказчика и Пересказчика по этапам. Эти таблицы завораживают, из них можно извлечь большое количество разнообразной информации. Перечислим кратко лишь несколько наблюдений, которые вместе с информацией о других коммуникативных каналах помогают нам лучше понять действие механизмов естественной коммуникации.

- 1) Человек чаще смотрит на собеседника, когда слушает его, чем когда сам говорит.
- 2) Человек смотрит на собеседника более длительными фиксациями, чем на окружение (это хорошо видно по соотношению в таблицах количества фиксаций и соответствующей суммарной длительности).
- 3) Когда человек молчит, его фиксации длиннее.

4. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Психолингвистическая типология — это еще до конца не сформировавшаяся область психолингвистики, которая занимается сравнением и классификацией языков с точки зрения особенностей их усвоения, порождения и понимания речи, а также мозговых механизмов речевой деятельности людей, говорящих на этих языках.

Первые типологические исследования в ПЛ появились около 40 лет назад в области усвоения языка ребенком. В частности, в рамках проекта «The crosslinguistic study of language acquisition» под рук. Д. Слобина было описано более тридцати языков разных языковых семей всех пяти континентов ([Slobin 1985–1997], см. обзор в [Berman 2014]). Другой типологический проект Слобина, осуществленный позже, опирался на материал популярной книжки с картинками «Frog, where are you?». Авторы записывали пересказы детей в возрасте от трех до девяти лет, говорящих на иврите, английском, испанском, турецком и немецком языках, а затем анализировали их с точки зрения видовременных характеристик, связности повествования и т. д. [Berman, Slobin 1994]. Самый известный современный «детский» типологический проект — корпус CHILDES (Child Language Data Exchange System, [<https://childe.talkbank.org/>], рук. Б. Мак-Винни) — представляет собой открытый ресурс аудио- и видеозаписей на арабском, баскском, венгерском, греческом, идише, ирландском, польском, русском, сербском, сесото, тамильском, турецком и хорватском языках с собственной системой транскрипции и программами обработки [MacWhinney 2013–2014].

Типологические исследования в области ПЛ в узком смысле слова в конце XX в. были во многом связаны с именем Э. Бейтс (1947–2003). В частности, в сборнике [MacWhinney, Bates eds. 1989] были собраны исследования, проведенные на английском, валлийском, венгерском, идише, испанском, итальянском, китайском, немецком, нидерландском, сербохорватском, турецком, французском и японском языках.

Проведенные исследования пока сильно разобщены и лишены единой методологии. В некоторых работах язык выступает в качестве независимой переменной (напр., см. цитированную выше работу [Cuetos, Mitchell 1988]), в других сравнивается много языков, но используются разные экспериментальные процедуры, в третьих описывается только один — но не английский — язык. Особый интерес представляют исследования последних лет, проводящиеся под девизом «Laboratory in the field», с привлечением материала «экзотических» языков [Norcliffe et al. 2015].

Мой первый опыт психолингвистической типологии или «полевой психолингвистики» состоялся еще в 2002 г., когда мы вместе с С. Р. Мердановой исследовали систему указательных местоимений хрюкского диалекта агульского языка [Федорова, Мерданова 2002]. Надеюсь, в ближайшее время этот опыт будет расширен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой заметке я кратко описала четыре совсем разные области психолингвистических исследований. Все их объединяет экспериментальная методология. Конечно, ПЛ — это не только эксперимент, но и наблюдение, и моделирование. Но для меня лично ПЛ — это все-таки в первую очередь мир эксперимента, очень разнообразный и охватывающий все разделы традиционной «уровневой» лингвистики — фонетику и фонологию, грамматику, семантику и дискурс. Именно поэтому я так скептически отношусь к современной отечественной ПЛ, занимающейся исключительно «языковым сознанием» (подробнее об этом см. мою статью в «Вопросах языкоznания» [Федорова, в печати]).

В описанных экспериментах были использованы разные методы, от самых простых до достаточно сложных. В первых работах (на «раннее-позднее закрытие» и при исследовании агульского языка) мне был доступен только опросник, так называемый «метод карандаша и бумаги». Позже мы вместе с коллегами с биофака МГУ дополнили эти исследования экспериментами по методу регистрации движений глаз и ВП мозга [Anisimov et al. 2014]. При исследовании дискурса в Институте возрастной физиологии РАО мы с самого начала ориентировались на метод ВП мозга, а в бимодальном проекте в Институте языкоznания РАН — на метод регистрации движений глаз. Конечно, подобные высокоточные современные методы не дают нам прямого доступа к когнитивной системе человека, однако позволяют проводить исследования с естественнонаучной валидностью и надежностью.

№	Общая длительность	Рассказ	Разговор	Пересказ
04	24:36.021	05:22.569 (21.9%)	12:38.039 (51.3%)	06:35.413 (26.8%)
06	23:42.281	02:38.518 (11.1%)	12:09.392 (51.3%)	08:54.371 (37.6%)
16	29:59.528	05:14.780 (17.5%)	18:38.348 (62.1%)	06:06.400 (20.4%)
21	18:27.293	05:33.695 (30.1%)	08:43.785 (47.3%)	04:09.813 (22.6%)
22	18:04.940	03:37.960 (20.1%)	08:48.280 (48.7%)	05:38.700 (31.2%)
23	16:27.522	03:52.400 (23.5%)	07:41.499 (46.5%)	04:53.623 (29.7%)
24	25:47.533	03:39.425 (14.2%)	17:52.676 (69.3%)	04:15.432 (16.5%)
Всего	02:37:05.118	29:59.347	01:26:32.019	40:33.752
Средн.	22:26.445	04:17.049 (19.8%)	12:21.717 (53.8%)	05:47.679 (26.4%)

Табл. 3. Дескриптивная статистика длительности подкорпуса по этапам

Фиксации на		R	C	Окружение (включая L)
Этап	Запись			
Рассказ	04	30.4 / 61.5	0 / 0	69.6 / 38.5
	06	21.7 / 45.8	0 / 0	78.3 / 54.2
	16	21 / 43.2	0 / 0	79 / 56.8
	21	44.7 / 75.3	0 / 0	55.3 / 24.7
	22	11.6 / 20.7	0 / 0	88.4 / 79.3
	23	66.2 / 71.9	0.9 / 0.1	32.9 / 28
	24	50.4 / 80.5	1 / 0.2	48.6 / 19.3
Разговор	04	40.5 / 66.3	9.5 / 6.9	50 / 26.8
	06	24.5 / 52.4	36.4 / 24.5	39.1 / 23.1
	16	34.4 / 65.9	18.5 / 13.7	47.1 / 20.4
	21	39.5 / 77.2	26.6 / 10.5	33.9 / 12.3
	22	21.9 / 33.3	53.9 / 56.3	24.2 / 10.4
	23	11.4 / 20.9	63.5 / 56.9	25.1 / 22.2
	24	64.1 / 74.3	16.9 / 16.4	19 / 9.3
Пересказ	04	84.1 / 94.3	0 / 0	15.9 / 5.7
	06	70.5 / 89	0 / 0	29.5 / 11
	16	87 / 95	0 / 0	13 / 5
	21	80.3 / 94.1	0.4 / 0.3	19.3 / 5.6
	22	94.2 / 98.5	0 / 0	5.8 / 1.5
	23	78.8 / 83	0 / 0	21.2 / 17
	24	94.1 / 98.8	0 / 0	5.9 / 1.2

Табл. 4. Распределение зрительного внимания Рассказчика
(количество фиксаций / суммарная длительность) по этапам, в %

Фиксации на		N	C	Окружение // L
Этап	Запись			
Рассказ	04	97.5 / 98.2	2.5 / 1.8	0 / 0
	06	88.2 / 98	0 / 0	11.8 / 2
	16	81.7 / 95	13.9 / 4	4.4 / 1
	21	92 / 99.3	8 / 0.7	0 / 0
	22	100 / 100	0 / 0	0 / 0
	23	69.5 / 91.5	7.1 / 2.9	23.4 / 5.6
	24	43.6 / 42.4	2.8 / 1.4	53.6 / 56.2
	04	31.5 / 47.4	45.9 / 40.4	22.6 / 12.2
Разговор	06	24.3 / 23.2	56.8 / 66.8	18.9 / 10
	16	62.6 / 61.1	30 / 35.8	7.4 / 3.1
	21	60 / 59.8	26.6 / 33.9	13.4 / 6.3
	22	51.9 / 41.5	47 / 57.9	1.1 / 0.6
	23	33.2 / 44.9	48.2 / 48.3	18.6 / 6.8
	24	19.7 / 22.5	31.4 / 47.5	48.9 / 30
	04	0 / 0	0 / 0	65.3 / 47.4 // 34.7 / 52.6
	06	1.1 / 0.6	0 / 0	72.5 / 53.7 // 26.4 / 45.7
Пересказ	16	20.1 / 31.1	0 / 0	33.1 / 28.4 // 46.8 / 40.5
	21	1.8 / 1.8	0 / 0	63.4 / 50 // 34.8 / 48.2
	22	1.4 / 2	0 / 0	47 / 37.7 // 51.6 / 60.3
	23	4.2 / 5.4	1.4 / 1.3	66.7 / 60.9 // 27.7 / 32.4
	24	0 / 0	0 / 0	66.7 / 57.7 // 33.3 / 42.3

Табл. 5. Распределение зрительного внимания Пересказчика
(количество фиксаций / суммарная длительность) по этапам, в %

ЛИТЕРАТУРА

- Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. — М. : Лабиринт, 1998.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. — М. : РГГУ, 1999.
- Йорданская Л. Н. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // НТИ. — Вып. 5. — 1967. — С. 9–17.
- Кибрик и др 2019 — Введение в науку о языке / Под ред. А. Е. Кибрик и др. — М. : Буки Веди, 2019.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М. : Смысл, 1997.
- Федорова О. В. Мысли на вырост // Русский журнал. Вне рубрик. Сумерки просвещения. — 2001. — URL: http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20011219-pr.html.

- Федорова О. В. О коммуникативной функции взгляда // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — Т. 21. — 2019. — С. 222–241.
- Федорова О. В. Современная отечественная психолингвистика: вчера, сегодня, завтра // Вопросы языкознания. — В печати.
- Федорова О. В., Мерданова С. Р. Дейктическая система хрюкского диалекта агульского языка // Исследования по теории грамматики. Т. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. — М. : Русские словари, 2002. — С. 220–231.
- Федорова О. В., Янович И. С. Разрешение синтаксической многозначности в русском языке: роль длины и структуры придаточного // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2005» (Звенигород, 1–6 июня 2005 г.) / Под ред. И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. — М. : Наука, 2005. — С. 487–490.
- Фрумкина Р. М. Психолингвистика. — М. : Академия, 2000.
- Юрченко и др. 2016 — Юрченко А. Н., Федорова О. В., Курганский А. В., Мачинская Р. И. Связанные с событиями потенциалы мозга при восприятии референциально неоднозначных местоимений в русском языке // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. — Т. 66. — № 5. — 2016. — С. 590–599.
- Anisimov et al. 2014 — Eye movement parameters in reading sentences with syntactic ambiguities in russian / V. N. Anisimov, O. V. Fedorova, A. V. Latanov // Human Physiology. — Vol. 40. — № 5. — 2014. — P. 521–531.
- Berman R. A. Cross-linguistic comparisons in child language research // Journal of Child Language. — Vol. 41. — 2014. — P. 26–37.
- Berman R. A., Slobin D. I. Relating events in narrative: A cross-linguistic developmental study. — Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 1994.
- Chafe ed. 1980 — The pear stories. Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production / Ed. by W. L. Chafe. — Norwood, NJ : Ablex, 1980.
- Clark H. H. Arenas of language use. — Chicago : University of Chicago Press, 1992.
- Cuetos F., Mitchell D. C. Cross-linguistic differences in parsing. Restrictions on the use of the Late Closure strategy in Spanish // Cognition. — Vol. 30. — 1988. — P. 73–105.
- Fodor J. D. Learning to parse? // Journal of Psycholinguistic Research. — Vol. 27. — № 2. — 1998. — P. 285–319.
- Hemforth B., Konieczny L. Where pronouns and relative clauses differ: Information structure and binding preferences // Paper presented at the 15th Annual CUNY Conference on Human Sentence Processing. — New York, 2002.
- Kibrik A. A. Reference in discourse. — Oxford : Oxford University Press, 2011.

- MacWhinney 2013–2014 — The CHILDES project: Tools for analyzing talk. — Electronic edition. — Part 1: The CHAT transcription format. — Part 2: The CLAN program / B. MacWhinney. — Carnegie Mellon University.
- MacWhinney, Bates eds. 1989 — The crosslinguistic study of sentence processing / Ed. by B. MacWhinney, E. Bates. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
- Mondada L.* Contemporary issues in conversation analysis: embodiment and materiality, multimodality and multisensoriality in social interaction // Journal of Pragmatics. — Vol. 145. — 2019. — P. 47–62.
- Norcliffe et al. 2015 — Cross-linguistic psycholinguistics and its critical role in theory development: early beginnings and recent advances / E. Norcliffe, A. C. Harris, T. F. Jaeger // Language, Cognition and Neuroscience. — Vol. 30. — № 9. — 2015. — P. 1009–1032.
- Slobin 1985–1997 — The crosslinguistic study of language acquisition / Ed. by D. I. Slobin — Vols. I–V. — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1985–1997.
- van Berkum et al. 1999 — *van Berkum J. J. A., Brown C. M., Hagoort P.* Early referential context effects in sentence processing: Evidence from event-related brain potentials // Journal of Memory and Language. — Vol. 41. — № 2. — 1999. — P. 147–182.

К. А. Чанкальини / С. А. Ciancaglini

КОСВЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЗВОНЧЕНИЯ ДРЕВНЕИРАНСКОГО *-К- В СРЕДНЕПЕРСИДСКОМ*

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена проблемам исторической фонологии зороастриского варианта среднеперсидского языка. Как известно, зороастриский среднеперсидский, называемый также книжный пехлеви, засвидетельствован документами, записанными крайне неоднозначной и к тому же консервативной системой письма, что видно уже по проблеме, о которой тут пойдет речь, а именно: пехлевийская орфография не различает глухие и звонкие согласные, появившиеся в результате озвончения древнеиранских глухих. С целью показать, что озвончение древнеиранских заднеязычных (велярных) смычных в среднеперсидском произошло позже, чем озвончение других смычных, будут рассмотрены следующие данные: во-первых, новоперсидские рефлексы интересующих нас среднеперсидских форм; во-вторых, данные манихейского среднеперсидского, который ценен тем, что графика, в которой он записывался, близкая арамейскому алфавиту Пальмиры и сирийскому эстрагело, последовательно различает глухие и звонкие согласные, в том числе и те, что происходят от озвончения древнеиранских глухих; в-третьих, данные, полученные из так называемой параллельной традиции, а именно: среднеперсидские заимствования в талмудическом арамейском и в сирийском, а также транскрипция иранских имен в греческих вариантах триязычных сасанидских надписей III века н. э.

---

* The present research is part of the PRIN 2017 project «Ancient languages and writing systems in contact: a touchstone for language change».

Автор глубоко признателен А. Кейдану за помощь в переводе настоящей заметки с итальянского на русский, а также за ряд ценных замечаний по содержанию.

ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ

Древнеиранские смычные согласные **p*, **t*, **k* сохраняются в среднеперсидском как глухие, если они стоят в начальной позиции, редко в конечной позиции, а в середине слова только если они геминированы или являются частью кластера с еще одним взрывным глухим (с небольшим количеством контрпримеров); во всех остальных позициях им соответствуют звонкие согласные. Озвончение это не передается пехлевийским письмом, но выводится из сопоставления с документами на манихейском среднеперсидском, с современным персидским, а также из данных параллельной традиции.

Это объясняет тот факт, что в транскрипции МакКензи [см. CPD 1971] все старые глухие смычные в поствокальной позиции записываются как звонкие, при условии, что это озвончение засвидетельствовано в манихейском среднеперсидском, либо отвечает новоперсидским звонким согласным (для позиции внутри слова) или нулю звука (для позиции в конце слова). Это касается и велярных, которым посвящена данная статья. См. пример в (1).¹

- (1) OP *nātaka-* > MP *nātag* <n'mk> ‘книга, буква’, ManMP *n'mg*, NP *nāta*.

Озвончение глухих смычных засвидетельствовано и в параллельной традиции. Так, в наиболее древних заимствованиях из персидского в арабский, имеющих, скорее всего, среднеперсидское происхождение, заднеязычному смычному регулярно отвечает арабский *ج*. Этот звук является ди-

¹ Курсивом дается запись слова, если разница между фонологией и орфографией несущественна; когда необходимо отличить фонологию от орфографии, последняя дается в одинарных угловых скобках; если же необходимо подчеркнуть, что имеется в виду фонология, используется запись в косых чертах. Напомню, что вертикальная надстрочная черточка в пехлевийском письме — символ конца слова и не соответствует никакой фонологической единице. Названия языков обозначаются общепринятыми английскими сокращениями, а именно: Arab. ‘арабский’, Aram. ‘арамейский’, Arm. ‘армянский’, Av. ‘авестийский’, Heb. ‘иврит’, JBA ‘ававилонский иудейско-арамейский’, LW здесь: ‘персидское заимствование’, ManMP ‘манихейский среднеперсидский’, ManParth. ‘манихейский парфянский’, Mnd. ‘мандейский’, MP ‘среднеперсидский’, NP ‘новоперсидский’, OIr. ‘древнеиранский’, OP ‘древнеперсидский’, Parth. ‘парфянский’, PIE ‘индоевропейский’, Skt. ‘санскрит’, Syr. ‘сирийский’, TalmAram. ‘талмудический арамейский’. Значение символов: ← ‘засвидетельствовано из’, < ‘происходит от’. Русские переводы примеров сделаны по англоязычным изданиям.

алектным рефлексом (египетского ареала) протосемитской фонемы *g (ср. Arab. *ḡāmāl* ‘верблюд’ vs. Heb. *gāmāl* ‘верблюд’); см. пример (2).

- (2) Arab. *nūmīdağ* ‘образец’ ← MP *nīmūdag* ‘показанный’ (ср. NP *nūmūda*).²

В армянском тоже засвидетельствованы поздние иранизмы, имеющие среднеперсидское, а не парфянское происхождение, которые показывают звонкую фонему *g* в конце слова; см. (3).

- (3) Arm. LW *karag* ‘масло’, ср. NP *kara*;
Arm. LW *porag* ‘боракс’, ср. NP *būra* и *būrak*, Syr. LW *bwrk*.

О косвенных данных, засвидетельствованных талмудическим арамейским и сирийским, мы скажем ниже, после того, как рассмотрим те причины, которые заставляют нас думать, что древнеиранские велярные смычные согласные претерпели озвончение позже, чем остальные смычные.

Прежде всего, в отличие от остальных смычных, глухие заднеязычные часто сохраняются и в среднеперсидском, см. такие минимальные пары, как *zardag* ‘желток’ ~ *zardak* ‘дикий шафран’. Сохраняются они и в целом ряде суффиксов, происходящих от ресегментации древнеиранского суффикса *-ka-, таких, как: -*ak*, -*īk*, -*uk*, -*ōk* (см. примеры далее), а также в таких основах, как *nēk* ‘добрый, хороший’, *ēk* ‘один’, *rāk* ‘чистый, священный’. Во всех подобных случаях и манихейский среднеперсидский, и новоперсидский, если соответствующее слово представлено в этих языках, подтверждают глухие заднеязычные; см. (4).

- (4) MP *andak* <ndk> ‘маленький, мало’; ManMP *andak* <ndk, ’ndq> ‘маленький, мало’, NP *andak*;
MP *nazdīk* <nzdyk> ‘близний’; ManMP *nazdīk* <nzdyk> ‘близний, тот, кто рядом, сопровождающий’;
MP *zandīk* <zndyk> ‘еретик, манихеист’; NP *zandīk*;
MP *cābuk* <c’pwk> ‘проводный, ловкий, отличный’; NP *cābuk*;
MP *sabuk* <spwk> ‘легкий, простой’; ManParth. <sbwk>, NP *sabuk*;
MP *tanuk* <tnwk> ‘тонкий, мелкий’; ManMP *tnwk*, NP *tanuk* ‘тонкий, стройный’;
MP *cakōk* ‘жаворонок’;
MP *dēwōk* ‘пиявка’.

² Ср. [Pisowicz 1985: 141; Versteegh 1997: 21].

Для некоторых из этих слов, в частности для *nēk* и *rāk*, по мнению Клингеншмитта [Klingenschmitt 2000: 210 и сл.] и других иранистов, сохранение глухого заднеязычного объясняется выпадением стоявшей перед ним краткой гласной. По этой гипотезе, синкопе (выпадению) подвергалась краткая ударная гласная в предпоследнем слоге в позиции между двумя тождественными согласными, либо между смычной и несмычной согласной. См. примеры в (5).

- (5) MP *nēk* <nywk'> ‘добрый, хороший’, ManMP *nēk* <nyk, nyq>, NP *nēk* <*naičaka < OIr. *naib(a)ka>;
 MP *rāk* <p'k'> ‘чистый, священный’ < OIr. *pavāka (по реконструкции [Klingenschmitt 2000: 213]) *rāk* < *pāhk < *paháki < *pačákəh>.

По поводу того, что среднеперсидское *rāk* должно обязательно восходить к древнеиранскому *pavāka (как его и восстанавливают многие исследователи), чтобы синкопа, описываемая Клингеншмиттом, могла реализоваться, см. [Weber 1997: 613; Skjærvø 2009: 201]. На мой взгляд, однако, гораздо более вероятной представляется реконструкция древнеиранской формы как *pavāka. Такая реконструкция основана на ведийской параллели *pavaká* ‘ясный, яркий’ (эпитет Агни, бога огня, исправляемый из *pavaká* по метрическим соображениям), а также на параллельной манихейской парфянской форме *rawāg* <pw'g>.³ Собственно, и сам Клингеншмитт реконструирует протоформу как *račákəh, хотя такая реконструкция несовместима с его же правилом синкопы краткой гласной в предпоследнем слоге.

Но даже если забыть о конкретной проблеме со словом *rāk*, для многих других случаев сохранения -*k* в конечной позиции гипотеза синкопы Клингеншмитта не дает удовлетворительного объяснения, а альтернативного объяснения нет.

Как уже говорилось выше, многочисленные факты подтверждают правомерность гипотезы о том, что озвончение глухого велярного смычного произошло позже, чем озвончение других древнеиранских смычных.

ДАННЫЕ САСАНИДСКОЙ ЭПИГРАФИКИ НА ГРЕЧЕСКОМ

Многоязычные сасанидские надписи III века н. э. содержали, наряду с парфянской и среднеперсидской, также и греческую версию текста. Греческий этих надписей передает среднеперсидские суффиксы, восходящие

³ См. [Ciancaglini 2015: 299 и сл.]

к древнеиранским суффиксам **-a-ka-* и **-i-ka-*, исключительно как *αχ* и *ιχ*, если они стоят в абсолютном конце слова, в то время как внутри слова наблюдалось варьирование между *χ* (например, *Zaβrīχān* для MP *Zabrigān*, имя собственное; [Huysse 1999: 2.148]) и *γ* (например, *Βανδίγαν* ‘сын Бандага’; [Huysse 1999: 2.178]).

С другой стороны, при передаче среднеперсидских *b* и *d*, из древнеиранских **p* и **t*, написание варьирует между звонкой и глухой графемой в любом контексте, в т. ч. и в конце слова. Так, например, среднеперсидский суффиксоид *bed* < OIr. **pati* передается в греческом четырьмя разными способами, см. (ба–д).

- (6) a. πτ, напр. διβρουπτ для MP *dib̄rbed* ‘начальник писцов’ < OIr. **dip̄rapati*; ἀζαροπτ для MP *hazārbed* ‘тысячник’ < OIr. **hazārapati*;
- б. πτ, напр. σπαπίτου, GSg от MP *spāhbed* ‘генерал, командир’ < OIr. **spādapati*;
- с. πιδ, напр. ἀσπιπίδου, GSg от MP *aspbed* ‘командир кавалерии’ < OIr. **aspapati*;
- д. βιδ, напр. ἀνδαρζαβιδ для MP *handarzbed* ‘советник’ < OIr. **hamdarzapati*.

Беспорядочность, с которой лабиальная и дентальная смычные передаются то глухими, то звонкими греческими графемами, подсказывает, что реальные фонемы были на тот момент уже озвончены, и писцам плохо давалась консервативная пехлевийская орфография, предписывавшая писать глухие графемы. Регулярность же передачи заднеязычных в конечной позиции глухими графемами выглядит как аргумент в пользу предположения, что в III в. н. э. фонема *-k* в этом контексте все еще не подверглась озвончению.

ДАННЫЕ НОВОПЕРСИДСКОГО

Представляется существенным и тот факт, что древнеперсидский велярный, в отличие от других глухих смычных, дает разные рефлексы в новоперсидском. Так, кроме полной утраты велярного в конечной позиции (например, NP *nāta* < MP *nātag* < OP *nātaka-*) и случаев полного его сохранения (например, NP *zardak* ‘сафлор’, *sāk* ‘дань, подношение’, *rāk* ‘чистый’ и др.), засвидетельствовано значительное число других рефлексов. Писович [Pisowicz 1985: 139] насчитывает три рефлекса в позиции между гласными и семь в конечной позиции:

Между гласными

- *g* (e.g. *āgāh* ‘сознательный’ < OP **ākāθa*);
- *y* (e.g. *tayār* ‘корыто’, cp. Arm. LW *takar*);
- *k* (e.g. *čakād* ‘лоб’, cp. Arm. LW *čakāt*);

В конце слова

- $\emptyset$ (e.g. *zarda* ‘желток’ < MP *zardag*);
- *g* (e.g. *sōg* ‘траур, плач’);
- *k* (e.g. *zardak* ‘сафлор’, MP ‘то же’);
- *y* (e.g. *rēy* ‘вражда’ < OP *araika*);⁴
- *x* (e.g. *zanax* ‘подбородок’ < OP **zanaka*);
- *y* (e.g. *jāy* ‘место’ < MP *gyāg*);
- *h* как часть суффикса *āh* (например, *dībāh* ‘парча’ < MP *dēbāg*) или сочетания *āh* на стыке основы на долгую гласную и конечного *h* < **k*, например, *siyāh* ‘черный, темный’ < OIr. **syāwaka*.

В то же время, адъективный суффикс, восходящий к древнеиранскому **aka*, уже в среднеперсидском дает варьирующие исходы, а именно: *g, k, x, h* и $\emptyset$; см. (7).⁵

- (7) *nātag* ‘книга, буква’ < OP *nāmaka*;
nēk ‘добрый, хороший’ < OIr. **naib(a)ka*;
sūrāx <*swl'h*> (и *sūrāg*) ‘дыра, нора’ < OIr. **sūrāka*;
andōh <*ndwh*> (и *andōg*) ‘печаль’ < OIr. **ha(n)dawaka*;
siyā <*syd*> ‘черный, темный’ < OIr. **syāwaka*.

Существование варьирования не только в новоперсидских рефлексах, но уже и в среднеперсидских формах заставляет думать, что озвончение глухих велярных в среднеперсидском не было столь безусловным, как принято считать. Чтобы оценить широту распространения озвончения, а также его последствия для фонологической интерпретации книжного пехлевийского письма, обратимся к данным манихейского среднеперсидского.

⁴ Однако в древнеперсидском это слово следует читать как *arika*, cp. [EWA: I, 128; Schmitt 2014: 136].

⁵ Об этом варьировании в среднеперсидском см. [Ciancaglini 2015].

ДАННЫЕ МАНИХЕЙСКОГО СРЕДНЕПЕРСИДСКОГО

Наиболее распространенная сегодня для среднеперсидского транскрипция МакКензи основана, по сути, на данных манихейского среднеперсидского. МакКензи исходит из предпосылки, что манихейский среднеперсидский полностью совпадает со среднеперсидским III века н. э. При этом манихейское письмо почти полностью лишено многозначности, что делает его как бы «фонетической транскрипцией» среднеперсидского.

Однако против такой оптимистической точки зрения существует ряд возражений, как фонологического, так и орфографического характера. Верно, что манихейский среднеперсидский весьма близок диалектам Фарса (как отмечалось уже в [Tedesco 1921: 249 и сл.]), но тем не менее он не может быть признан полностью тождественным книжному пехлеви. Среди многочисленных отличий манихейского среднеперсидского от книжного пехлеви приведем следующие:

- запрет на начальные кластеры *st*, *sp* (ср., например, MP *stārag* vs. ManMP *istārag*);
- ассимиляционное упрощение кластера *nd* в позиции внутри слова на слоговой границе (ср., например, MP *bandag* vs. ManMP *bannag*);
- более сильная, чем в книжном пехлеви, тенденция к утрате имплозивных согласных в позиции конца слова, что угадывается по частотности графического смешивания абстрактного суффикса и суффикса, образующего прилагательные: *-īh* и *-īg* (ср., например, ManMP *frāydānišnīh* ‘высшее знание’, графически <pr’yd’nyšnyg>); при этом графическая форма первого из этих суффиксов варьирует: кроме стандартного написания <uh>, он также передается через <uu> и <u> (так, например, для ManMP *dōšāratīh* ‘любовь, нежность’ засвидетельствованы все три графических варианта: <dwš’rmyh, dwš’rmyu, dwš’rmy>).

Некоторые из этих различий объясняются тем фактом, что книжный пехлеви превратился со временем в своего рода наддиалектное койне, вобрав в себя целый ряд характеристик, типичных для северо-западной подгруппы иранских языков; другие черты, как, например, развитие *hr-* <*fr-*>, получили объяснение как заимствования из среднемидийского; но многие другие отличительные особенности до сих пор не имеют убедительного объяснения.

Важно и то, что манихейские тексты восходят к периоду длиной в несколько веков, примерно с III по VIII век н. э., причем рукописи, дошедшие

до наших дней, датируются еще более поздним периодом. Было бы странно, если бы за такой продолжительный период времени язык не претерпел никаких изменений. Соответственно, и Хеннинг [Henning 1958: 73 и сл.], и Зундерманн [Sundermann 1989: 143] допускают, что в конце письменной традиции манихейская орфография могла законсервироваться и тем самым приобрести черты исторической орфографии, то есть отражать более ранние фазы развития языка, уже не соответствующие реальной живой речи. В любом случае, манихейская письменность не может считаться стопроцентно надежным источником по фонологии среднеперсидского языка по состоянию на III век н. э.

Так, Дуркин-Майстерернс [Durkin-Meisterernst 2014: 40 и сл.] считает, что в манихейском письме, наряду с четырьмя графемами, попарно-однозначно соответствующими двум парам глухая-звонкая, имеются и такие графемы, а именно эмфатические **⟨q⟩** и **⟨t̄⟩**,⁶ которые используются непоследовательно, для передачи и глухих, и звонких согласных, см. Схему 1.

⟨k⟩	⟨g⟩	⟨q⟩	⟨t⟩	⟨d⟩	⟨t̄⟩
↓	↓	↓	↓	↓	↓
/k/	/g/	/k, g/	/t/	/d/	/t̄, d/

Схема 1. Соответствие буквы→фонемы
в манихейском письме, по [Durkin-Meisterernst 2014]

Наверное, не нужно напоминать, что эмфатические буквы в манихейском письме употреблялись иначе, чем в среднеарамейской письменности, из которой они происходят. Они не передают отсутствующие в среднеперсидском эмфатические согласные (какова бы ни была их реальная фонетическая природа), а употребляются как свободно чередующиеся графические варианты соответствующих неэмфатических графем, в том числе и в контексте конца слова; см. (8).

- (8) **⟨kdg⟩** и **⟨qdg⟩** для ManMP, ManParth. *kadag* ‘дом’, MP *kadag* **⟨ktk’⟩** ‘дом’
 < *kátaka-;
 ManMP **⟨ndq⟩**, MP, NP *andak* ‘маленький’;
 ManMP, ManParth. **⟨t’r⟩** и **⟨t̄’r⟩** ‘темный, темнота’.

⁶ В [Durkin-Meisterernst 2014] манихейско-среднеперсидская графема, соответствующая семитской зубной смычной эмфатической, транслитерируется символом **⟨t̄⟩**; однако, эта же самая графема транслитерируется в [Henning 1958] и [Skjærvø 2009] как **⟨t̄⟩**. В цитатах из [Durkin-Meisterernst 2014] мы сохраняем принятую в этой работе транслитерацию.

Отчасти данное графическое варьирование может иметь чисто орнаментальное объяснение: по мнению Хенningа [Henning 1958: 75], выбор между эмфатическими и неэмфатическими графемами производился таким образом, чтобы как можно более плотно заполнить рукописную строку.

Когда же q соответствует звонкому смычному, это следует считать консервативной орфографической записью. По наблюдению Дуркин-Майстерернста [Durkin-Meisterernst 2014: 40], происходит это почти исключительно в конечной позиции и крайне редко внутри слова, см. (9).

- (9) h'm'q ~ h'm'g для ManMP, ManParth. *hāmāg* ‘весь, целый’;
frystg, prystg ~ prystq для ManMP *frēstag* ‘апостол, ангел’;
bwt̪ ~ bwd для ManParth. *būd*, причастие прош. вр. от *baw* ‘быть, становиться’.

Поскольку манихейское письмо различает звонкие и глухие согласные, Дуркин-Майстерернст [Durkin-Meisterernst 2014: 42] интерпретирует случаи передачи звонких смычных графемами q и t̪ как признак неполного озвончения древнеиранских *k и *t в эпоху становления манихейского письма, что предполагал уже Хенning [Henning 1958: 75].

Впрочем, как будет показано ниже, эти данные могут получить и иную интерпретацию. Пока что я хотела бы особо подчеркнуть тот факт, что манихейский среднеперсидский не может считаться «фонетической транскрипцией» разговорного среднеперсидского III века н. э. Это, как мне кажется, подтверждают и те случаи, когда манихейскому среднеперсидскому (а иногда и манихейскому парфянскому) звонкому *g* в позиции конца слова отвечает глухой смычный в современном персидском. Подобные соответствия, по-видимому, ставили в тупик МакКензи, который в своем словаре [CPD] дает для некоторых слов две разные транскрипции пехлевийских форм; см. (10).

- (10) MP *tārīg*/k *t'lyk* ‘темный’ [CPD: 82]; ManMP *t'ryg*; NP *tārīk*;
MP *paristōg*/k *plstwk* ‘глотать’ [CPD: 65]; ManMP *prstwg*; NP *piristū*,
piristūk, *piristuk*;
MP *nāzuk* *n'cwk* ‘нежный, кроткий; изменчивый’ [CPD: 58];
ManMP, ManParth. *nāzūg* *n'zwg*; NP *nāzuk*;⁷

⁷ Однако в [Cantera 2009: 19, сноска 5] утверждается, что тут перед нами два этимологически разных слова: MP, NP *nāzuk* < *nācúkah / am; ManMP *nāzūg* < n'zwg>, NP *nāzu* < *nācáwakah / am.

- MP *kanīzag* ‹knyc'› ‘девочка’ [CPD: 49]; ManMP *kanīzag* ‹qnuscg, qnuuscg›, ManParth. *kanīzag* ‹qnuscg›; NP *kanīzak*;
 MP *ramag* ‹lmk› ‘стадо’ [CPD: 70]; ManParth. *ramag* ‹rmg›; NP *ramak* и *rama*; Arm. LW *eramak*;
 MP *anāg* ‹n'k› ‘злой, несчастный’ [CPD: 8]; ManMP *anāg* ‹n'g›; NP *nāk* ‘испорченный, грязный’.

Однако манихейские данные не могут считаться доказательством позднего озвончения древнеиранского **k*, потому что графически неустойчивым был не только велярный, но и переднеязычный смычный (для лабиального не существует отдельной эмфатической графемы). Кроме того, эта графическая неустойчивость засвидетельствована и в контекстах, восходящих к древнеиранским кластерам **rk* и **nk*, о которых достоверно известно, что озвончение в них произошло сильно раньше, а именно, как пишет Бэк [Back 1981: 179], уже в конце среднеперсидской эпохи, что подтверждается также и пехлевийскими данными,⁸ см., например, (11).

- (11) ManMP, ManParth. ‹wzrq› ~ ‹wzrg›, но MP *wuzurg* ‹wc(w)lg› ‘большой, великий’.

Таким образом, графическая неустойчивость должна иметь какое-то другое объяснение (кроме чисто орнаментальных). Так, не исключено, что манихейский среднеперсидский представлял собой иную диалектную разновидность среднеперсидского, нежели та, что представлена книжным пехлеви.

Кроме того, в некоторых случаях, причем иногда даже в начале слова, мы находим глухие неэмфатические буквы там, где ожидаются звонкие согласные, см. (12). Дуркин-Майстерернс объясняет эти и другие подобные примеры — которые не так уж и редки — влиянием согдийской орографии.

- (12) ManParth. ‹tybhrg›, основной вариант ‹dybhrg› для *dēbarag* ‘изгнаник’.

В итоге можно сделать вывод: манихейский среднеперсидский не дает однозначных указаний относительно озвончения древнеиранского **k*.

---

⁸ Подробнее об этом см. в [Ciancaglini 2015: 300 и сл.].

ТАЛМУДИЧЕСКИЙ АРАМЕЙСКИЙ И СИРИЙСКИЙ

Наоборот, сведения о хронологии этого озвончения могут быть почерпнуты из двух других параллельных традиций, не использовавшихся до сих пор в этом вопросе, а именно, из данных сирийского и талмудического арамейского языков. Персидские заимствования в этих двух среднеарамейских языках показывают почти без исключений глухой рефлекс древнеиранского *k (в отличие от других смычных, проявляющихся как звонкие); см. пример в (13).

- (13) Syr. *mwrdk* ‘литаргирий, серебряный шлак’ ← MP *murdag* 〈mwltk〉 ‘мертвец’; ManMP, ManParth. *murdag* 〈m wrdg〉 ‘мертвец, труп’;ср. TalmAram. *mwrtk* ‘литаргирий, серебряный шлак’.

Нет сомнений в том, что заимствование из примера (13) пришло в сирийский непосредственно из среднеперсидского, поскольку в талмудическом арамейском, в котором пласт персидских заимствований относится к более древней эпохе (в то время, как в сирийском заимствования из среднеперсидского по большей части датируются начиная лишь с IV века н. э.), данная форма появляется в более древнем варианте, а именно как *mwrtk* ‘литаргирий, серебряный шлак’, т. е. с сохранением глухости и в переднеязычном смычном.

Вот еще несколько примеров:

- (14) Syr. *spydk* ‘свинцовые белила’ ← MP *spēdag* 〈spytk〉 ‘белый’ (ср. Arm. LW *spitak* ‘белый’);
Syr. *prdq* ‘охотничья палатка’ ← MP *pardag* 〈pltk〉 ‘завеса, покров’.

Обычно считается, что и в талмудическом арамейском, и в сирийском, равно как и в манихейском среднеперсидском, графемы 〈k〉 и 〈q〉 свободно варьируют в передаче рефлексовprotoиранского *k. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это утверждение не правомерно.

Среднеарамейские графемы 〈k〉 и 〈q〉 соответствуют разным фонемам, соответственно: глухой заднеязычной смычной и эмфатической согласной, реализуемой как глухая увулярная смычная. Предупреждая возможное возражение о том, что согласные ряда /bgdkpt/ в позиции после гласной во многих арамейских диалектах имеют фрикативный аллофон, можно привести следующий аргумент. С одной стороны, в греческих заимствованиях в сирийском эмфатические согласные передают греческие глухие смычные, а неэмфатические соответствуют греческим придыха-

тельным; исключение из правила составляют лишь губные согласные, для которых не существует графического различия эмфатических и неэмфатических (см. Схему 2).

Греческий	τ	θ	χ	χ	π, φ
	↓	↓	↓	↓	↓
Сирийский	〈t̪〉	〈t̥〉	〈q̪〉	〈k̪〉	〈p̪〉

Схема 2. Передача греческих согласных сирийской графикой

Из этого правила, однако, не следует делать вывод, что когда персидский *g* (из древнеиранского глухого в позиции после гласной) записывается при помощи сирийской графемы 〈q̪〉, это делается лишь с целью показать смычность этого согласного, игнорируя значение признака «глухость/звонкость». На это есть несколько причин.

а) Как в талмудическом арамейском, так и в сирийском иранские звонкие смычные передаются звонкими буквами 〈b, d, g〉 во всех позициях. Если бы 〈q̪〉 использовалось лишь для того, чтобы подчеркнуть нефрикативность персидского *g*, то можно было бы ожидать тот же прием и для переднеязычного *d* (< OIr. *t), однако этот звонкий согласный никогда не передается эмфатической графикой 〈t̪〉 в персидских заимствованиях.

б) Сравнительный анализ всех персидских заимствований в талмудическом арамейском и сирийском, содержащих рефлекс древнеиранского суффикса *ka, показывает, что наиболее древние из них пишутся через 〈k̪〉, следующий пласт имеет 〈q̪〉, а самые новые заимствования показывают 〈g̪〉.⁹

с) Надо также обратить внимание на тот факт, что в сирийском фрикативные аллофоны согласных ряда /bgdkpt/ не являются столь же контекстно-разрешимыми, как в других разновидностях арамейского, особенно в библейском арамейском, а также в иврите. Из-за частой утери так называемого ְָwa *mobile* в сирийском эти аллофоны фонологизировались. Имеются, например, такие минимальные пары:

- (15) *qṭalteh* ‘я его убил’ ~ *qṭalteh* ‘она его убила’;
ḥadūṭā ‘погреб’ ~ *ḥadūṭā* ‘радость’;
rmit ‘ты бросил’ ~ *rmit* ‘я бросил’;
garbā ‘прокаженный’ ~ *garbā* ‘проказа’.¹⁰

⁹ См. [Ciancaglini 2008: 72 и сл.].

¹⁰ Cp. [Daniels 1997: 135 и сл.; Morag 1962: 52].

Следовательно, графическая вариативность «к» и «q» в среднеперсидских заимствованиях должна иметь иное объяснение.

Заметим, что и в талмудическом арамейском, и в сирийском наблюдаются случаи, хотя и очень редкие, где «q» передает иранский глухой заднеязычный смычный даже в начальной позиции, см. примеры в (16).

- (16) Syr. «*khrby*» и «*qhrby*» для MP *kah-rubāy* ‘янтарь’;
TalmAram. «*qpruz*», Syr. «*qpruz*» для MP *kabīz* ‘мера зерна’.

На первый взгляд может показаться, что в этих разновидностях среднеперсидского существует та же свободная вариация эмфатических и простых согласных графем для передачи иранских глухих смычных /k/ и /t/, что наблюдается в манихейской письменности, однако это не так. Распределение этих графем в языке, в фонологии которого задействован признак «эмфатический/неэмфатический», никак не может быть таким же свободным, как в языке, где этот признак не фонологичен. Вот основные различия.

а) Персидские заимствования в арамейском не показывают вариативности для дентальных согласных; иранский /t/ стабильно передается графикой «t», а «t» используется крайне редко, известно не более трех примеров.¹¹

б) Кроме того, в отличие от манихейской письменности, в арамейских персизмах графема «q» не чередуется с «g» при передаче иранского звонкого велярного внутри слова и в конечной позиции после гласного. Иранский /k/ передается всегда через «k» в наиболее древних заимствованиях, как в талмудическом арамейском, так и в сирийском, в более поздних заимствованиях используется в основном «q», а в самом позднем пласте персизмов используется графема «g» для передачи уже озвонченного иранского /g/.

Однако следует подчеркнуть, что, в случае заимствований, содержащих суффикс, восходящий к древнеиранскому *ka, записей с конечным «g» абсолютное меньшинство, причем в основном в талмудическом арамейском, что подтолкнуло Телегди [Telegdi 1935: 192] к мысли, что это даже не заимствования, а случайные цитаты иранских слов. Главное основание для такого вывода — отсутствие в этих словах морфологизации через конечный алеф, маркирующий *status emphaticus*, в то время как в сирийском заим-

¹¹ Это — одно заимствование из манихейского парфянского (TalmAram. *t'g'*, Syr. *tg'* ← MP *tāg* ‘корона’), одно из новоперсидского (TalmAram. *tgr'*, *tyngr'*, Syr. *tngyr'*, сп. NP *tangīra* ‘медный чан, котел’), и одно слово со спорной этимологией, спр. [Ciancaglini 2008: 266; 185].

ствования с конечным *<g>* появляются как с суффиксом определенного состояния, так и без него. Рассмотрим несколько примеров.

(17) **Талмудический арамейский**

TalmAram. *šwstg* ‘ткань, тряпье’ ← MP **šustag*; TalmAram. *pwersyšntg* ‘протокол допроса или расследования’ ← MP *pursišn nāmag*; TalmAram. *'nbg* ‘очищенное вино’ ← MP **anābag*; TalmAram. *glmwhrg* ‘снаряд для пращи или арбалета’ ← MP **gilmuhrag*; TalmAram. *twzyg* ‘веселая толпа, гулянка’ ← MP **tōzīg*.

(18) **Сирийский, запись с *<g>***

Syr. *bwkt ntg* ← MP **buxtnāmag* ‘оправдательный акт’; Syr. *dw̄tswb̄g* ← MP **dōčōbag* ‘двуглавый (шатер)’; Syr. *dšng* ← MP *dašnag* ‘правая рука, кинжал’; Syr. *nbštg* ← MP *nibištag* ‘рукопись, документ’.

(19) **Сирийский, запись с *<g>***

Syr. *'mbg* ← MP *ambag* ‘сбережение’; Syr. *'stbrg* ← MP *stabrag* ‘шелк шанжан’; Syr. *zywg* ← MP **zīwag* ‘ртуть’ (варьирует с *zywg, zywq* и *zybq*’ в том же тексте).

Персидские заимствования в сирийском, пришедшие туда позже, чем в талмудический арамейский (IV–VII в. и II–IV в. н. э., соответственно), показывают больше примеров конечного *g*, хоть их все еще меньшинство. Большая частотность таких примеров отражает еще и тот факт, что сирийский *<g>* передает также и *đ* в персизмах, пришедших в сирийский через посредство арабского, см. пример в (20).

(20) Syr. *kwštyg* (из словаря Бар-Бахлула, сирийского лексикографа X века н. э.) ← арабизированный NP *kustīj* (а не ← MP *kustīg*) ‘пояс зороастрийского священнослужителя’.

Однако наиболее интересным для нас представляется тот факт, что подавляющее большинство среднеперсидских заимствований и в талмудическом арамейском, и в сирийском, не отражают озвончения иранских велярных смычных. Как мне кажется, это весьма веский довод против идеи, что в среднеперсидском, по крайней мере, в III–IV в. н. э., озвончение велярных было уже свершившимся фактом. Формы, содержащие рефлекс древнеиранского суффикса **-ka-*, в подавляющем большинстве случаев записываются с конечным *<q>* и, реже, с *<k>*. Рассмотрим следующие примеры.

- (21) TalmAram. *'sprmq'*, Syr. *'sprmk'*, *'sprmq'* ‘ароматические травы’ ← MP *sprahmag*, ManMP *'sprhmg*, NP *siпaryam*, *siпrayam*;
 TalmAram. *prystq'*, Syr. *prstq'* ‘посланник, посол’ ← MP *frēstag* ‘апостол, ангел’,ср. ManMP *frystg*, *prystg*, *prystq*, NP *firista*;
 TalmAram. *'spydk'*, Syr. *'spydk'*, *spydk'* ‘свинцовые белила’ ← MP *spēdag*, NP *sapēda*, *sapēdāj*, *isfēdāj*;
 TalmAram. *kmk'*, Syr. *kmk'* ‘соус, подливка’ ← MP *kāmag*, NP *kāma*;
 TalmAram. *prwqnq'*, JBA *prwnq'*, Mnd. *parwānqā*, Syr. *prwnq'* ← MP *parwānag*, NP *parvāna* ‘посланник’ и *parvānak* ‘посланник, вестник’;
 TalmAram. *prwrtq'*, Syr. *prwrtq'* ← MP *frawardag* ‘письмо’;
 Syr. *dwlq'* ← MP *dōlag* 〈*dwlk'*〉 ‘ведерко’, NP *dōlča*;
 Syr. *psnyq'* ← MP *pasānīg* ‘придворный’;
 Syr. *prdq'* ← MP *pardag* 〈*pltk'*〉 ‘покрывало, завеса’, NP *parda*;
 Syr. *rwstq'* ← MP *rōstāg* 〈*lw(t)st'k'*〉 ‘провинция, округ’.

Таким образом, в этих заимствованиях обе графемы, 〈к〉 и 〈q〉, передают глухие велярные, а графема 〈g〉 передает соответствующий озвонченный согласный в заимствованиях более позднего периода. Это подтверждает гипотезу о том, что древнеиранские глухие велярные в позиции после гласных озвончались позже других смычных.

Остается объяснить распределение 〈к〉 и 〈q〉. По мнению Шакеда, наличие графемы 〈q〉 в среднеарамейских персизмах, в частности, в словах, содержащих суффиксы, восходящие к древнеиранскому **aka-* и **akāna*, не может считаться автоматическим доказательством ранней датировки заимствования, поскольку и в наиболее древних заимствованиях из арабского, периода поздних Сасанидов, графема *qāf* систематически передавала ту же фонему:

The maintenance of the letter *qōf* in the morpheme *ak(a)*, *akān(a)*, for example, cannot be considered an archaism, since in early Arabic borrowings (probably made toward the end of the Sasanian period) the Arabic letter *qāf* is consistently used for the same function. [Shaked 1987: 259]

Как уже было сказано, считается, что протосемитский **g* дает в арабском звонкий аффрикат *ѓ*, и следовательно в арабском нет ни фонемы /g/, ни соответствующей графемы. С другой стороны, Верстег [Versteegh 1997: 21] утверждает, что графема *qāf* — передававшая наследника протосемитского эмфатического **k*, но в современном арабском отвечающая глухой увулярной (неэмфатической) фонеме /q/ — в раннем классическом арабском обозначала звонкую согласную фонему /g/, см. [Kogan 2011: 54 и сл.].

Однако большинство персизмов в талмудическом арамейском и сирийском значительно древнее арабизмов. Следовательно, мне не представляется возможным видеть в арабизмах модель использования графемы <q> для передачи звонкого смычного.

Для уяснения распределения этих двух графем следует учитывать два факта. Во-первых, персизмы в талмудическом арамейском и в сирийском не относятся к языку высокой культуры. Следовательно, затруднительно видеть в записях с <q> графическую кальку с консервативной книжной пехлевийской орфографии, в которой систематически игнорируется озвончение древнеиранского глухого велярного в позиции после гласного. Кроме общих социолингвистических соображений в пользу гипотезы устного происхождения заимствований (известно, что сирийско-среднеперсидское двуязычие было широко распространено), на это имеются и более конкретные доводы: во всех остальных случаях, когда пехлевийская орфография консервативна или просто неоднозначна по отношению к фонологии, арамейская письменность передает именно произношение (фонологию), а не графику персидских заимствований (например, пехлевийской <l>, передающей /r/, отвечает арамейская <r>, пехлевийской <c> арамейская <z> и т. п.).¹² Арамейская графема <q> несомненно передает глухую фонему, следовательно, скорее всего, она соответствует среднеперсидской велярной фонеме, еще не прошедшей через озвончение.

Во-вторых, следует помнить, что графема <k> при передаче персидских заимствований в талмудическом арамейском и в сирийском обозначает среднеперсидский велярный фрикатив /x/, в случае если заимствование произошло после II в. н. э. (в заимствованиях до этой эпохи для передачи того же самого фрикатива используется графема <ḥ>). Это обстоятельство объясняет и относительную редкость использования <k> для передачи среднеперсидского *k*.

Таким образом, объяснение чередования <k> и <q> при передаче глухого велярного в среднеарамейских персизмах заключается именно в том, что <q> принимает функции <k> после того, как <k> начинает употребляться для записи глухого фрикативного /x/, что происходит не раньше III века н. э.

Однако, на мой взгляд, не стоит совсем исключать возможность того, что наблюдаемое положение вещей отражает и какие-то диалектные различия внутри среднеперсидского, особенно в тех случаях, когда велярный засвидетельствован как глухой даже в современном персидском, но при этом как звонкий в манихейском среднеперсидском, см. пример в (22).

---

¹² Ср. [Ciancaglini 2008: 94].

- (22) MP *parwānag* <plw'nk'> ‘вождь, лидер’; ManMP *parwānag* <prw'ng>; Syr. LW *prwnq* ‘гонец, царский посланник’; NP *parvānak* ‘вестник, посланник’ и *parvāna* ‘знаменосец, предтеча, предвестник’.

Также в случаях, когда сирийскому <g> в позиции конца слова отвечает современный персидский глухой велярный, см. примеры в (23).

- (23) Syr. *gzmzg* ‘плод тамарискового дерева’,ср. NP *gazmāzak* (а также арабизированный NP *kizmāzaj*);
Syr. *drwng* ‘дороникум’ ← MP *drōnag; NP *darūnak*;
Syr. *zrwg* ‘пиявка’ ← MP *zalūg* <zlwk'>; NP *zurūk* (а также *zarū*, *zalū*).

Иначе говоря, не стоит исключать возможность того, что записи с <q> в этих заимствованиях отражают результат иной формы лениции, отличной от озвончения (в таком случае, это была бы вариация по диалектам), или же результат фрикативизации, предшествовавшей озвончению (и тогда это можно считать вариацией по диахронии).

Что касается первой гипотезы, отметим, что Писович исключает возможность диалектного дробления для среднеперсидского III века н. э.:

Dialectal variability [...] took place in the late period of MP following a relatively uniform status of koine of the beginning of Sassanids' reign (3rd c. A.D.). [Pisowicz 1985: 140]

При этом Писович полемизирует с МакКензи, который, по мнению Писовича, фактически допускает диалектное дробление, например, когда предписывает две альтернативные фонологические записи *ag* и *ak* для суффикса <k'>,ср. *zardak* ‘сафлор’ и *zardag* ‘желток’. Интересно, что в подобных случаях МакКензи восстанавливает фонологию среднеперсидского не по манихейским соответствиям, а по новоперсидским рефлексам.

На самом деле, следы старой диалектной вариативности, пусть и в текстах позже III в. н. э., все-таки просматриваются. Именно так могут объясняться некоторые случаи, которые обычно объясняются нерегулярностью пехлевийской орфографии, в частности в записи одного и того же велярного суффикса,ср. (24).

- (24) MP *sūrāg* <swl'k'> и *sūrāx* <swl'h> ‘нора, дыра’.

Такое же объяснение можно дать и для вариативности в записях одного и того же среднеперсидского заимствования в талмудическом арамей-

ском и сирийском. Показателен случай арамейского персизма со значением ‘ягненок’:

- (25) TalmAram., Syr. *brḥ'* ← MP *warrag* <*wlk'* ‘ягненок, баран’, ManMP, ManParth. *warrag* <*wrg*, NP *barra* < OIr. **varnaka*.

Это слово интересно тем, что оно было явно заимствовано из среднеперсидского в очень раннюю эпоху — до IV века н. э. Действительно, оно встречается в такой же форме и в талмудическом арамейском. Графема <ḥ> в среднеарамейском передает глухой фарингальный фрикатив; в среднеперсидских заимствованиях она никогда не используется для передачи велярного смычного, однако чередуется (впрочем, не так уж часто и в основном внутри слова) с графемой <h> для передачи иранского глоттального фрикатива /h/,ср. примеры в (26).

- (26) Syr. *šḥṭrg* (и *šḥṭrg*) ← MP **šāh-tarrag* ‘дымянка’;
Syr. *prphyn'* ← MP **parpahn* ‘портулак’.

(Напомню, что в персизмах, заимствованных в арамейский до II в. н. э., графема <ḥ> передает древнеиранский *x).

ИТОГОВЫЕ ВЫВОДЫ

1. Греческие версии сасанидских надписей, среднеперсидские заимствования в армянском, талмудическом арамейском и сирийском, а также ярко выраженная вариативность новоперсидских соответствий говорят о том, что озвончение древнеиранских велярных смычных произошло сильно позже, чем озвончение остальных смычных, и этот процесс еще не закончился на начальной стадии среднеперсидского.
2. Следы вариативности в рефлексации иранских глухих велярных в среднеперсидском, равно как и в параллельной традиции, по-видимому указывают на существование ранней диалектной раздробленности в среднеперсидском.
3. Чередование графем <k> и <q> в среднеперсидских заимствованиях в талмудическом арамейском и в сирийском не является случайной вариацией, а следует определенным критериям распределения. Критерии эти имеют диахронический характер (<k> используется в наиболее

древнем пласте заимствований, а «*q*» в более поздних заимствованиях, относящихся к эпохе, когда графема «*k*» начинает использоваться для передачи глухого фрикативного *x*), хотя не следует исключать и диалектальный фактор.

ЛИТЕРАТУРА

- Back M.* Die mittelpersische Lautverschiebung: ein Stilwandel // Sprache. — 1981. — Bd. 27. — S. 178–186.
- Cantera A.* On the History of the Middle Persian Nominal Inflection // Exegista monumenta. Festschrift in Honour of N. Sims-Williams / Ed. by W. Sundermann, A. Hintze, F. de Blois. — Wiesbaden : Harrassowitz, 2009. — P. 17–30.
- Ciancaglini C. A.* Iranian Loanwords in Syriac. — Wiesbaden : Reichert, 2008.
- Ciancaglini C. A.* Allomorphic Variability in the Middle Persian Continuants of the Old Iranian Suffix *ka // Studies on Iran and The Caucasus. In Honour of Garnik Asatrian / Ed. by U. Bläsing, V. Arakelova, M. Weinreich. — Leiden : Brill, 2015. — P. 291–308.
- CPD — *MacKenzie D. N.* (1971), A Concise Pahlavi Dictionary, London.
- Daniels P. T.* Classical Syriac Phonology // Phonologies of Asia and Africa (Including the Caucasus) / Ed. by A. S. Kaye. — Winona Lake, Ind. : Eisenbrauns, 1997. — Vol. 1. — P. 127–140.
- Durkin-Meisterernst D.* Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian. — Turnhout : Brepols, 2004.
- Durkin-Meisterernst D.* Grammatik des Westmitteliranischen (Parthisch und Mittelpersisch). — Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2014.
- EWA — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. — Heidelberg : Winter, 1992–2001.
- Henning W. B.* Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. Iranistik. — I Abt., IV Bd. — Leiden : Brill, 1958. — P. 20–130.
- Huyse Ph.* Die dreisprachige Inschrift Šābuhrs I. an der Ka'ba-i Zardušt. — London : SOAS, 1999.
- Klingenschmitt G.* Mittelpersisch // Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen / Hrsg. B. Forssman, R. Plath. — Wiesbaden : Reichert, 2000. — S. 191–229.
- Kogan L.* Proto-Semitic Phonetics and Phonology // The Semitic Languages. An International Handbook / Ed. by S. Weninger et al. — Berlin : DeGruyter, 2011. — P. 54–151.

- Morag Sh.* The Vocalization Systems of Arabic, Hebrew, and Aramaic. — 's-Gravenhage : Mouton, 1962.
- Pisowicz A.* Origins of the New and Middle Persian Phonological Systems. — Cracow : Jagiellonian University, 1985.
- Schmitt R.* Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften. — Wiesbaden : Reichert, 2014.
- Shaked Sh.* Aramaic. iii. Iranian Loanwords in Middle Aramaic // Encyclopaedia Iranica / Ed. by E. Yarshater. — 1987. — Vol. II.3. — P. 259–261.
- Skjærvø P. O.* Middle West Iranian // The Iranian Languages / Ed. by G. L. Windfuhr. — London ; New York : Routledge, 2009. — P. 196–278.
- Sundermann W.* Mittelpersisch // Compendium Linguarum Iranicarum / Hrsg. R. Schmitt. — Wiesbaden : Reichert, 1989. — S. 138–164.
- Tedesco P.* Dialektologie der westiranischen Turfantexte // Monde Oriental. — 1921. — Vol. 15. — P. 184–258.
- Telegdi S.* Essai sur la phonétique des emprunts iraniens en araméen talmudique // Journal Asiatique. — 1935. — Vol. 226. — P. 177–256.
- Versteegh K.* The Arabic Language. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 1997.
- Weber D.* Pahlavi Phonology // Phonologies of Asia and Africa (Including the Caucasus) / Ed. by A. S. Kaye. — Winona Lake, Ind. : Eisenbrauns, 1997. — Vol. 2. — P. 601–636.

Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев

ГЛАГОЛ ЖИТЬ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ: МАТЕРИАЛЫ К «ТОЛКОВО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ СЛОВАРЮ РУССКОГО ЯЗЫКА»

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В семидесятые годы прошлого века получило популярность понятие словообразовательной парадигмы — совокупности производных от одного производящего слова, находящихся на одной и той же ступени деривации.¹ Структура словообразовательных парадигм различается в зависимости от того, к какой части речи относится производящее слово. Так, структура словообразовательных парадигм глагола определенным образом соотносится с набором его валентностей. Кроме того, структура словообразовательной парадигмы определяется тем, в какую лексико-семантическую группу входит производящее слово. Производящие, относящиеся к одной лексико-семантической группе, как правило, имеют сходные, типовые словообразовательные парадигмы, то есть представлены словами с общим деривационным значением² (понятно, что разным лексическим значениям производящего слова могут соответствовать разные словообразовательные парадигмы). Например, словообразовательная парадигма глаголов движения в русском языке включает «производные существительные, прилагательные и глаголы, содержащие следующие “семантические места”: название отвлеченного действия, название производителя действия, название процессуального признака, а также название пространственных и количественно-временных модификаций этого действия» [Земская 1978б: 32]. При этом

¹ См. работы Е. А. Земской [Земская 1978аб; 1982] и др.

² Множество производных слов с общим деривационным значением принято называть словообразовательной категорией.

выснилось, что словообразовательные парадигмы в значительной мере соответствуют наборам лексических функций производящего слова: так, глагольные словообразовательные парадигмы включают в себя такие словообразовательные категории, как деятель, действие, место действия, другие участники действия, начало действия, интенсивность действия и др.

Очевидно, однако, что описания заслуживают не только типовые словообразовательные парадигмы, но и особенности словообразовательных парадигм каждого отдельного производящего слова в конкретном лексическом значении, поскольку, во-первых, единое категориальное значение может выступать в различных вариантах словообразовательного значения, во-вторых, в семантике многих производных слов происходит конкретизация, сужение значения по сравнению со значением производящего слова (так называемые «семантические наращения» значения). Например, отглагольные имена со значением «производитель действия» выступают в четырех вариантах словообразовательного значения, поскольку они называют лиц, находящихся в различных отношениях к производимым ими действиям: в актуальном значении (*податель*), перфектном значении (*победитель*), значении свойства (*мечтатель*) и значении функции (*преподаватель*).³ При этом *взломщиком* называется не всякий человек, который что-то взламывает, — например, тот, кто взламывает дверь своей квартиры из-за того, что забыл ключ, не называется взломщиком — а только тот, кто взламывает что-л. с целью грабежа, а *летчиком* — только тот, кто летит на самолете, управляя им (тот, кто летит на дельтаплане или на самолете в качестве пассажира, не называется летчиком) [Шмелева 1984].

В настоящей статье мы рассмотрим словообразовательную парадигму глагола *жить* и особенности семантики его производных, как они могли бы быть зафиксированы в *Толково-словообразовательном словаре*. Основные принципы построения словарной статьи в *Толково-словообразова-*

³ Здесь приведены примеры лексически закрепленных вариантов словообразовательного значения. Следует иметь в виду, что, как правило, одно и то же производное слово может выступать сразу в нескольких вариантах словообразовательного значения: так, *водителем* может быть назван человек, который ведет транспортное средство в данный момент (*не отвлекайтесь водителя* — актуальное значение), и человек, работающий водителем (обозначение лица по профессии, т. е. значение функции). (Отметим, что производные от ненаправленных глаголов движения могут соотноситься и с направленными: *водитель* в актуальном значении указывает на того, кто ведет транспортное средство.)

тельном словаре были изложены в работе [Шмелева, Шмелев 1987]. Главный из них заключается в том, что толкования всех производных слов должны включать в себя производящее слово в соответствующем значении — это позволяет наглядно представить внутреннюю форму производного слова. Словарь строится по словообразовательным парадигмам; это означает, что основная единица словаря представляет собою производящее слово с его словообразовательной парадигмой, т. е. со всеми своими производными первой ступени, снабженными толкованиями и при необходимости комментариями.⁴ Заметим, что развитие современных электронных технологий позволяет не перегружать статью и ограничиваться в ней ссылками на комментарии, раскрывая их лишь по желанию пользователя.⁵

Выявление словообразовательной парадигмы и построение толкований входящих в нее производных слов в соответствии с указанными принципами во многих случаях помогает уточнить подразделение производящего слова на лексические значения и специфику каждого из значений.

2. ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА ЖИТЬ

Прежде всего необходимо установить, какова структура многозначности глагола *жить*. В *Активном словаре русского языка* она представлена в виде следующего синопсиса [Апресян 2017] (понятно, что пояснения значений, как это всегда бывает в синопсисе, не являются толкованиями в собственном смысле слова):

-
- ⁴ Наличие комментариев в дополнение к толкованию соответствует принципу, сформулированному Ю. Д. Апресяном: «Толкования — лишь одна из перифраз языковой единицы, правда, самая привилегированная», в связи с чем семантические описания языковых единиц могут быть «разделены на дефиниции (толкования в собственном смысле слова) и более свободные дескрипции» [Апресян 1995: 469].
  - ⁵ Здесь следует упомянуть словарь [Ширшов 2004], поскольку он называется сходно — *Толковый словообразовательный словарь*. Основные его отличия от предлагаемого нами словаря заключаются в том, что словарь И. А. Ширшова строится по гнездовому принципу (т. е. основной единицей словаря в нем является не словообразовательная парадигма, а словообразовательное гнездо), толкования производных слов не во всех случаях включают в себя производящее слово (хотя установка на это предполагается) и отсутствуют комментарии.

- 1.1 ‘быть живым’: Жить ему осталось несколько часов.
- 1.2 перен., необходн. ‘существовать’: Память о нем будет жить вечно.
- 2.1 ‘жить в какое-то время’: Он жил в восемнадцатом веке.
- 2.2 ‘живь в каком-то месте’: Летом мы живем на даче.
- 2.3 ‘живь каким-то способом’: Он живет по заповедям.
- 3.1 ‘живя вместе, иметь какие-то отношения’: Он хорошо живет с женой.
- 3.2 разг.-сник. ‘иметь сексуальные отношения’: Он живет с несколькими женщинами одновременно.
- 4.1 ‘поддерживать существование’: Они живут огородом.
- 4.2 ‘быть сосредоточенным на чем-л.’: Она живет мечтами.

Мы видим, что значения сгруппированы по четырем пучкам: (1) ‘быть живым’ плюс метафорическое употребление; (2) ‘живь когда-то, где-то или как-то’; (3) ‘живь с кем-то’ и (4) ‘использовать для поддержания жизни’. Как кажется, для описания словообразовательной парадигмы лучше было бы сгруппировать значения несколько по-иному: значения 2.1, 2.3, 3.1 и 4.1 представляют собою развитие идеи, выраженной в 1.1 и относятся к разным аспектам существования человека (или других живых существ), а значение 4.2 просто метафорически развивает 4.1, тогда как значение 2.2 указывает на то, что некоторое помещение или местность может считаться принадлежностью человека или иного живого существа (при этом не обязательно проводить там большую часть времени).⁶ Соответственно, мы будем различать три группы значений глагола *живь*, а именно — *живь* 1, выражающее некий элементарный смысл ‘быть живым’, *живь* 2 <в Y-e> ‘иметь своей принадлежностью помещение или местность Y’ и *живь* 3 ‘иметь сексуальные отношения с Y-ом’.⁷

Словообразовательная парадигма глагола *живь* представлена именами (существительными и прилагательными) и глаголами. Имена имеют следующие категориальные значения: номинализация действия (‘когда некто живет’), производитель действия (‘кто живет’) и место действия (‘где живет’).

⁶ Здесь уместно вспомнить различие французских глаголов *vivre* и *habiter* или немецких *leben* и *wohnen*.

⁷ Только *живь* 3 может сочетаться с такими словами, как *часто*, *редко*, *иногда* и т. п. Ср. слова генерала Гиндина из повести И. Грековой *На испытаниях*: «Здесь на меня стали всех собак вешать за то, что я будто с Адой живу. Это почти клевета, я с ней очень мало живу, и нужна она мне совсем для другого» (слово *мало* в этом контексте означает ‘редко’).

3. ‘КОГДА НЕКТО ЖИВЕТ’ (S_0)

Жизнь X-a — ‘когда X живет I’ (S_0)

Варианты словообразовательного значения:

‘состояние X-а, который живет I’

‘последовательность событий, заполняющая времяя, в которое живет 1 X’

Как известно, в греческом языке было два слова, приблизительно, хотя и не полностью, соответствующих указанным вариантам значения слова *жизнь* (а также его аналогам во многих европейских языках), а именно — $\zeta\omega\dot{\eta}$ и $\beta\acute{e}\oslash$ ($\zeta\omega\dot{\eta}$ чаще обозначает состояние ‘быть живым’, а $\beta\acute{e}\oslash$ — последовательность событий, заполняющих жизнь). Это различие сохранено в церковнославянском языке, в котором слову $\zeta\omega\dot{\eta}$ чаще соответствуют слова *живот* и *жизнь* (мы не будем вдаваться в обсуждение семантических различий между указанными двумя словами), а слову $\beta\acute{e}\oslash$ чаще соответствует слово *житие*.⁸ Все три слова были заимствованы в современный русский язык. При этом слово *жизнь* стало основным средством номинализации глагола *жить*, слово *житие* стало обозначением агиографического жанра, а слово *живот* используется в рассматриваемом значении только во фразеологических оборотах *не щадя живота своего и не на живот, а на смерть*.

Наряду с этим, в русском языке сохранился аналог церковнославянского слова *житие*, а именно — *житье*. Оно используется преимущественно в качестве описания того, как человек живет (*привольное, счастливое житье*), а также в контексте отрицания: <где-то> *не житье*, <кому-то> *нет житья* и т. п. Могло бы показаться, что это довольно маргинальные конструкции. Но данные параллельных корпусов свидетельствуют, что это не так. Напр., в русско-английском подкорпусе *Национального корпуса русского языка* (далее НКРЯ) слово *житье*, которое время от времени появляется в русских оригиналах, чаще всего переводится посредством его словарного квазиэквивалента *life*; в то же время в англо-русском подкорпусе слово *житье* часто появляется, когда в английском оригинале нет ни слова *life*, ни какого бы то ни было другого непосредственного стимула, например:⁹

⁸ Приводим церковнославянские слова в соответствии с правилами их записи средствами современной гражданской графики (см. [Шмелев 2019]).

⁹ Правда, надо заметить, что почти все русские переводы, в которых встречается слово *житье*, относятся к первой половине прошлого века.

We are a prosperous people, we Wisconsiners, decidedly prosperous. — У нас, в Висконсине, привольное житье. [Теодор Драйзер. *Гений* (ч. 1–2) (М. Волосов, 1930)]

She's been very low, thinking of the happy days that are no more. — Она все грустит, бедняга, что кончилось наше счастливое житье. [Бернард Шоу. *Пигмалион* (Н. Рахманова, П. Мелкова, 1993)]

«Soon's we get set down, they'll go to school,» said Ma. — Вот устроимся где-нибудь на постоянное житье, будут ходить в школу, — сказала мать. [Джон Стейнбек. *Гроздья гнева* (Н. Волжина, 1940)]

Глагол *жить 2* плохо поддается номинализации. Иногда в этом значении используются слова *жизнь* и *житься*:

Иногда эти старухи — домашние работницы, безграмотные няньки, полные религиозных предрассудков, они берут к себе сирот, оставшихся от арестованных отцов и матерей, спасают детей от жизни в приёмниках и детдомах. [Василий Гроссман. *Жизнь и судьба*, ч. 2, 1960]

Тома за время жизни в доме стала твёрдая троечница. [Людмила Улицкая. *Казус Кукоцкого*, 2000]

Кроме того, в качестве номинализации глагола *жить 2* (в несколько иных вариантах словообразовательного значения) используются слово *жительство*, находящееся на второй ступени производности (от *житель*), и слово *проживание*, образованное от глагола *проживать* <где-либо>.

4. ‘КТО ЖИВЕТ’

‘Кто живет 1’

Для выражения смысла ‘кто живет 1’ (в значении актуального признака) используется прилагательное *живой* (часто субстантивируемое). Ср. *живые и мертвые* (о людях); *все живое* (о разнообразных живых существах). В названии повести Бориса Можаева *Живой* (по прозвищу главного героя Федора Кузькина) прозвище превращается в обозначение постоянного признака (метафорическое).

Для обозначения свойства (‘кто способен жить 1’) в контексте отрицания или в полемическом контексте используется слово *жилец* (ср. выражение *не жилец*). В норме это возможно только в позиции предиката (за гранью литературного стандарта находится пример из романа Солженицина).

цына *В круге первом*: «на его лимонном лбу и бескровных губах нежильца на этом свете»). Ср.:

Лицо Гиндина трудно было узнать: до того уменьшились в размерах и значительности все его черты. Лежал другой человек. Что-то даже детское прорезалось в этом лице — взгляд, «Не жилец», — подумал Сиверс. Гиндин с усилием приподнял бледную, очень чистую стариковскую руку и указал на стул в ногах кровати. Сиверс сел. — Что ж это вы, Семён Миронович, не вовремя хвоять задумали? — Виноват, — ответил Гиндин слабым свистящим, но бодрым голосом. «Жилец», — с облегчением подумал Сиверс, а вслух сказал: — Молчите-молчите, вам вредно говорить. [И. Грекова. *На испытаниях*, 1967]

Ср. также окказиональное житель в этом же значении в следующем отрывке из поэмы Твардовского *Василий Теркин* (глава «В бане»):¹⁰

*Тут любой старик любитель,
Сунься только, как ни рьян,
Больше двух минут не житель,
А и житель — не родитель,
Потому не даст семян.*

Наконец, идея ‘кто способен жить 1’ выражается прилагательным живущий ‘кто способен жить 1 или продолжать жить 1 в трудных условиях’.

‘Кто живет 2’

Для выражения смысла ‘кто живет 2 в Y-e’ используются слова *жилец* (*Y-a*) и *житель* (*Y-a*). По А. Б. Пеньковскому они различаются масштабом *Y-a*: при небольшом масштабе используется слово *жилец* (напр., *жильцы квартиры, жильцы дома*), а при большом масштабе — слово *житель* (напр., *жители города, жители страны*) [Пеньковский 2007]. При этом А. Б. Пеньковский отмечает, что в языке первой (а отчасти и второй) половины XIX в.

¹⁰ Обратим внимание на то, что и слово *родитель* использовано в этом отрывке в окказиональном варианте словообразовательного значения. Вообще говоря, *родитель* <*X-a*> представляет собою перфектное имя: ‘кто родил X-a’, тогда как в данном отрывке слово *родитель* употреблено абсолютно (отсутствует валентность ‘кого’) и имеет потенциальное значение: ‘кто может родить’.

столь строгого распределения слов *жилец* и *житель* не было и вполне обычными были сочетания *жилец города*, *жилец страны*.

В *Активном словаре русского языка* у слова *жилец* выделяются два значения: *жилец 1* и *жилец 2* [Левонтина 2017а]: *Жилец A2* ‘Человек, который постоянно живет в помещении или доме A2’: *жильцы дома, жилец из второго подъезда, жилец с третьего этажа, нижние жильцы и Жильцы A3* ‘Человек, который арендует помещение или дом A2 у хозяев A3 этого помещения или дома, чтобы жить там’: *жильцы моей второй квартиры* (редк.), *жильцы бабушки, наши жильцы*. У слова *житель* в том же словаре отмечается одно значение: *Житель A2* ‘Человек, который постоянно живет в населенном пункте, государстве или местности A2’: *жители города, столичные жители* [Левонтина 2017г]. Сочетаемость *жители дома* <квартиры> помечена в *Активном словаре русского языка* как редкая, однако, как кажется, это не совсем так. Сочетание *житель дома* (чаще всего во множественном числе в собирательном смысле: *жители дома*) в современных текстах встречается не так уж редко (по данным основного корпуса НКРЯ ненамного реже, чем сочетание *жилец дома*):

На первом же апелле Штальбе объявил, что в дальнейшем за побег будет расстреляна не только семья, но и все жители дома, где жил убежавший, и каждый третий в бригаде. [Анатолий Рыбаков. *Тяжелый песок*, 1975–1977]

Однажды утром жители дома № 12 проснулись от шума и, увидев столбы пыли, поняли, что начался ремонт. [Ирина Александрова. *Жизнь настройплощадке* // «Адвокат», 1999.01.18]

Эти деревья сажали все жители дома, когда только въехали — хотели, чтобы в окна била зелень. [Маша Трауб. *Замочная скважина*, 2012]

А вот словосочетание *житель квартиры*, по-видимому, действительно, редкое; в основном корпусе НКРЯ есть всего два примера, причем в первом из этих примеров фигурирует *житель дома или квартиры*:

— Человек, житель квартиры или дома, прежде чем начать перепланировку помещения или отдельно стоящего строения, прежде чем начать сооружать какие-то надворные постройки на территории своего приусадебного участка — бани, гаража, сарая — должен в установленном порядке согласовать этот вопрос с нашей службой. [Елена Маслова. *Поделись своими планами с ЖКУ, СЭС и пожарными* // «Встреча» (Дубна), 2003.04.30]

Но только четвертый житель квартиры, домработница Анна Акимовна, сама когда-то еще при царе воспитанная в сиротском доме, одна чувствовала то главное, что было на душе мальчика, — он был сирота! [Константин Симонов. *Случай с Полыниным*, 1969]

‘Кто живет 3’

Сожитель Y-а — устаревающее, ‘человек, который живет 3 с Y-ом’.¹¹ Ср. примеры из НКРЯ:

У Лабинской в это время появился новый сожитель, и вот она каждое утро напевала на кухне, готовя завтрак. [Нина Горланова. *Коммуналии*, 1987–1999]

Домой пришла, так тогдашний сожитель ей фингалов понаставил! [Даниил Корецкий. *Менты не ангелы, но..., 2011*]

5. ‘МЕСТО, ПРИСПОСОБЛЕННОЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ТАМ ЖИТЬ 2’ (жилой)

В *Активном словаре русского языка* [Левонтина 2017б] у слова *жилой* выделяются два значения: *жилой* 1 ‘Такой, в котором живут люди [о зданиях, помещениях, территориях]’ (*жилое помещение*) и *жилой* 2 ‘Предназначенный для того, чтобы там жили люди [о зданиях и помещениях]’ (*жилой дом*). По правде говоря, не очевидно, в чем разница значений словосочетаний *жилое помещение* и *жилой дом* и к какому из выделенных значений относится прилагательное *жилой* в советизме *жилая площадь* (*жилплощадь*¹²)? По-видимому, *жилой* 1 и *жилой* 2 — это не два разных значения слова, а два варианта словообразовательного значения — актуальное (где живут) и потенциальное (где могут жить).

6. ‘МЕСТО, ГДЕ ЖИВЕТ 2 X’

Жилье, жилище: не вполне очевидно, образованы ли слова *жилье* и *жилище* от глагола *живь* или от прилагательного *жилой*, т. е. входят ли они в словообразовательную парадигму глагола *живь* 2. Мы, вслед за «Словообразовательным словарем русского языка» [Тихонов 1985], будем считать, что слова *жилье* и *жилище* находятся на первой ступени деривации, то есть являются членами словообразовательной парадигмы *живь* 2.

¹¹ Изредка встречается и употребление слова *сожитель* в значении ‘человек, который живет 2 с Y-ом’ (напр., *сожители по афонской келье*). Однако в данном значении слово *сожитель* образовано от слова *житель* посредством приставки *со*, подобно слову *соученик*, и потому не входит в словообразовательную парадигму глагола *живь*.

¹² Об этом советизме см. статью [Левонтина 1995: 95–97].

В *Активном словаре русского языка* [Левонтина 2017в] у слова *жилье* выделяются следующие значения:

- 1.1 ‘Совокупность зданий или помещений, принадлежащих лицу А1, которые предназначены для того, чтобы там жили люди А2, или одно из таких зданий или помещений’: *государственное жилье, жилье для очередников, рынок жилья*.
- 1.2 обиходн. ‘Жилое помещение, где человек А1 живет, качество которого невысокое или в данной ситуации не имеет значения’: *это жилье я получил по наследству*.
- 2 ‘Место, где есть дома, в которых живут какие-то люди’: *почувствовал запах жилья*.

У слова *жилище* [Птенцова 2017] отмечено одно значение ‘Сооружение для жилья существа А1 или помещение внутри такого сооружения’: *временное жилище, неприкосновенность жилища*. В *Новом объяснительном словаре синонимов русского языка* в статье *дом 2, жилище, жилье, жилплощадь, резиденция* [Левонтина 2004] дается очень тонкий анализ различий в значении слов *жилье* и *жилище*, который упрощенно можно представить следующим образом:

жилище — это конкретный физический объект, в котором живут, а *жилье* — это некоторое место, где можно жить, предназначенное для жилья.

7. ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Для глаголов, образованных от глагола *живь* при помощи префиксов, ключевым оказывается противопоставление переходных и непереходных глаголов. В зависимости от этого в сферу действия приставки попадает тот, кто *живет*, или какой-то другой участник ситуации.

Далее мы не будем касаться тех глаголов, значение которых композиционально складывается из значения приставки в соответствующем значении и соответствующего значения глагола *живь* (или, что то же самое, значение которых в точности соответствует значению соответствующей словообразовательной модели). Перечислим некоторые из них:

- *Пожить* — стандартный делимитативный глагол: ‘некоторое время жить (во всех значениях)’. Ср.: *он славно пожил* (от *живь 1*); *пожить на даче* (от *живь 2*); *я пожил с ней два месяца* (от *живь 3*).

- *Дожить до Y-а неперех.* (несов. *доживать*) — ‘продолжать жить 1 до наступления некоторого возраста или некоторого события Y: *дожить до ста лет; дожить до революции*.
- *Дожить период времени Y в Z-е* — ‘жить 2 оставшийся период времени Y в Z-е’: *дожить лето на даче*.
- *Прожить время Y* — ‘жить 1 в течение продолжительности времени Y’ (пердуративный способ действия): *он прожил сто лет. Мы прожили вместе сорок четыре года* означает ‘прошло сорок четыре года, и все это время мы жили вместе’.
- *Прожить ресурс Y* — ‘израсходовать ресурс Y на то, чтобы жить 1’: *прожить все деньги*.
- *Прожить период времени Y в Z-е* — ‘жить 2 в Z-е в течение продолжительности времени Y: *он прожил в нашем городе три дня*.
- *Зажиться (на свете)* — ‘жить 1 дольше, чем, по мнению говорящего, следовало бы’; ср. *засидеться (в гостях), засмотреться, зачитаться, зацариться*¹³ и т. д.

Остановимся на тех глаголах, в значении которых есть семантические наращения или какие-то другие особенности значения. Для простоты расположим эти глаголы в алфавитном порядке.

Выжить 1 неперех. (несов. выживать)

X выжил — ‘Х продолжил жить 1 в ситуации, когда можно было думать, что Х перестанет жить 1’.

Выжить 2 перех. (несов. выживать)

X выжил Y-а из Z-а — ‘Х был причиной того, что Y должен был перестать жить 2 в Z-е’.

Зажить 1 неперех.

X зажил <как> — ‘Х начал жить 1 <как>’.

---

¹³ Ср. цитату из *Размышлений над Февральской революцией* Солженицына: «В русском языке есть такое слово *зацариться*. Значит: забыться, царствуя».

Приставка *за* в индоативном значении присоединяется к глаголам, обозначающим гомогенные процессы и состояния, которые не имеют естественного предела и потому могут длиться неопределенное время [Зализняк 2006: 328–335; Зализняк, Шмелев 2002]. Нормально они не имеют имперфективных коррелятов (см. подробнее [Зализняк, Шмелев 2002]).

Зажить 2 неперех. (несов. заживать)

В *Активном словаре русского языка* у глагола *зажить* 2 выделяется следующее значение [Бабаева 2017]: *A1 заживает* ‘В области нарушения целостности кожи или ткани в виде объекта A1, имеющегося на теле или во внутреннем органе существа A2, происходит процесс, ведущий к восстановлению целостности кожи или тканей, в результате которого A1 перестанет существовать’: *рана зажила*.

Обычно глаголы с приставкой *за* в словообразовательном значении ‘посредством действия, названного производящим глаголом, сделать так, что некоторый объект перестал существовать’ оказываются переходными: *зашить, заштопать <дыру>, заклеить, закрасить, замазать, зашпаклевать* и т. д. (по-видимому, сюда же с некоторой натяжкой может быть отнесен и глагол *забыть* ‘посредством бытия сделать так, что объект перестал существовать в памяти’). Необычность глагола *зажить* с приставкой *за* в рассматриваемом значении заключается в том, что он относится к непереходным глаголам. Ожидалась бы переходная конструкция *зажить рану ‘посредством процесса жизни сделать так, что рана перестала существовать’, а реально используется непереходная конструкция *рана зажила*.

Еще один парадокс, связанный с глаголом *зажить* в рассматриваемом значении, заключается в поведении его имперфективного коррелята: в «длительных» конструкциях без отрицания и с отрицанием он обозначает примерно одно и то же (ср. *Рана долго заживала* и *Рана долго не заживала*) [Апресян, Шмелев 2018]. Ср. примеры из НКРЯ, уже приведенные нами в [Апресян, Шмелев 2018: 41–42]:

Много уковов морских ежей. Они есть в Турции, на Кипре, на побережье Хорватии, да практически везде. Их уковы [...] очень болезненны и *долго заживают*. [Александр Мельников. *Поцелуй медузы. Опасности подстерегают наших туристов даже в цивилизованных странах* // «Известия», 2001.08.02]

При добыче кораллов плавать приходилось в кедах, тренировочном костюме и перчатках, потому что от коралловых царапин остаются *долго не заживающие ранки*. [Александр Городницкий. *И жить еще надежде*, 2001]

Очевидно, что в первый пример можно практически без изменения смысла вставить *не* (*Их уколы очень болезненны и долго не заживают*), а во втором, напротив того, элиминировать *не* (*от коралловых царапин остаются долго заживающие ранки*).

***Изжить* перех. (несов. *изживать*)**

X изжил Y — ‘X жил 1, и с течением времени X избавился от свойственного ему ранее плохого Y-а’, напр.: *изжить недостатки*.

В обороте *изжить себя* значение модифицируется: *Х изжил себя* — ‘пока люди жили 1, явление X утратило свое значение’.

***Нажить* перех. (несов. *наживать*)**

X нажил Y — ‘X жил 1, и с течением времени у X-а появился Y’. Глагол *нажить* относится к глаголам кумулятивного способа действия [Зализняк, Шмелев 2000: 114–115]. Типичные сочетания: *нажить капитал; нажить много добра; нажить врагов; нажить неприятности*. Особенno характерны для глагола *нажить* употребления, связанные с накоплением денег, и это конвенционализуется в семантическом наращении у вторичных производных *нажиться и нажива*. Однако в целом сочетаемость здесь довольно широкая, ср. пример сочетания *нажить геморрой* в *Путешествиях Гулливера* Джонатана Свифта (перевод под редакцией А. Франковского):

Например, если я в письме к другу говорю: «Наш брат Том нажил геморрой», искусный дешифровальщик из этих самых букв прочитает фразу, что заговор открыт, надо сопротивляться и т. д. Это и есть анаграмматический метод.¹⁴

¹⁴ В переводе не видно, что в оригинале действительно была анаграмма: «So, for example, if I should say, in a letter to a friend, ‘Our brother Tom has just got the piles,’ a skilful decipherer would discover, that the same letters which compose that sentence, may be analysed into the following words, ‘Resist—, a plot is brought home—The tour.’ And this is the anagrammatic method».

Обжить перех. (несов. обживать)

X обжил Y — ‘Х начал жить 2 в новом месте Y и через какое-то время привык к нему и сделал его удобным’.

Ожить неперех. (несов. оживать)

X ожил — ‘Х начал снова жить 1’.

В статье [Апресян 2002] и в *Новом объяснительном словаре синонимов русского языка* в статье *ожить 1, воскреснуть 1* [Апресян 2004] отмечается, что *ожить* чаще означает не возвращение к жизни после смерти (в этом случае обычно используется глагол *воскреснуть*), а возвращение к жизни из состояния, близкого к смерти, бессознательного состояния, состояния неподвижности. Поскольку важным признаком того, что кто-то ожил, является переход от неподвижности к движению, глагол *ожить* часто используется метафорически по отношению к предметам: оживают фотографии, статуи и пр.

Пережить перех. (несов. переживать)

X пережил Y-а — ‘Х жил 1 одновременно с Y-ом и продолжил жить, когда Y умер’.

Пережить перех. (несов. переживать)

Пережить события Y — ‘Х жил 1 в течение событий Y и продолжил жить, когда эти события закончились’.

Отсюда, по-видимому, и возникло «новое» значение глагола *переживать* уже в непереходном употреблении: *переживать <по некоторому поводу>* ‘беспокоиться, волноваться, мучиться, страдать’. Естественным образом вспоминается отрывок из книги Корнея Чуковского *Живой как жизнь*:

Такой формы не знали ни Толстой, ни Тургенев, ни Чехов. Для них *переживать* всегда было переходным глаголом. А теперь я слышал своими ушами следующий пересказ одного модного фильма о какой-то старинной эпохе:

— Я так переживаю! — сказала графиня.

— Брось переживать! — сказал маркиз.

Поживать неперех.

Данный глагол имеет весьма ограниченную сферу употребления. Он используется почти исключительно в обороте *жить-поживать* (*жить-поживать и добра наживать, жить-поживать и детей приживать*), а также в вопросах *Как (ты) поживаешь? Как он/она поживает? Как (вы) поживаете? Как поживает X? Как они поживают?* Вопросы с первым лицом употребительны только в составе переспросов, напр. в диалоге: *Как поживаешь? — Как я поживаю?...* Значение глагола примерно такое же, как у исходного глагола *жить* I. По формальным показателям глагол *поживать* напоминает глаголы «прерывисто-смягчительного способа действия» (*покуривать, покашливать, погуливать и т. п.*) [Зализняк, Шмелев 2000: 122–123], но никакой «прерывистости» он не предполагает, остается одна «смягчительность».

Прижить перех. (несов. *приживать*)

X прижил Y-а с Z-ом/от Z-а — ‘Х жил З с Z-ом, и по этой причине родился ребенок Y’.

Когда Х — женщина, чаще используется конструкция *прижить от Z-а*; когда Х — мужчина — конструкция *прижить с Z-ом* (хотя это распределение не абсолютно). Ср. примеры из НКРЯ:

Тем временем Екатерина сошлась с врагом рода человеческого, прижила от него сына [...] [Александр Архангельский. *Александр I*, 2000]

[...] он женится на какой-то нищей гувернантке, далеко не красавице, да к тому же с прижитым неизвестно от кого ребенком. [Михаил Шишкин. *Всех ожидает одна ночь*, 1993–2003]

[...] никто не знал, как одна из его женщин назвала прижитого от него ребенка [...] [Юрий Буйда. *Город палачей* // «Знамя», 2003]

Он жил у одной дамы, с которой впоследствии вступил в амурные отношения, прижил с нею детей и жил почти maritalement. [С. Ю. Витте. *Воспоминания*, 1911]

[...] двоих ребят прижил с белошвейкой!.. [И. С. Шмелев. *Лето Господне*, 1927–1944]

[...] он развелся с женой, с которой прижил троих детей [...] [Евгений Попов. *Подлинная история «Зеленых музыкантов»*, 1997]

[...] их общий отец прижил Энрико с любовницей — еврейкой. [Дина Рубина. *Белая голубка Кордовы*, 2008–2009]

Кроме того, весьма частотна «гендерно нейтральная» конструкция *прижиться на стороне*.

Прижиться неперех. (несов. приживаться)

X прижился в Y-е — ‘Х некоторое время жил 2 в Y-е и приспособился к Y-у’.

Следует заметить, что глагол *прижиться* преимущественно используется в производном значении ‘приспособиться к новым жизненным условиям (о растениях и животных)’, напр. *прижиться в новом климате*, а еще чаще — метафорически: *термин прижился, название прижилось, традиция прижилась*.

Разжиться неперех. (несов. разживаться)

X разжился Y-ом — ‘Х начал жить 1, имея Y’.

Внешне этот глагол похож на глаголы эволютивного способа действия, указывающие на результат ‘разрастания’ действия: *расхвораться, расчувствоваться, разволноваться¹⁵, разлениться* [Зализняк, Шмелев 2000: 118]; некоторые из глаголов, образованных по этой модели, подчеркивают идею начала ‘разрастающегося’ процесса (*разрыдаться, рассердиться*). Однако в рассматриваемом глаголе вовсе нет идеи ‘разрастания’. При этом у него появляется облигаторная валентность *<чем>*, которая может элиминироваться под действием отрицания (*не разживешься*), как в следующем примере из *Одного дня Ивана Денисовича*:

Фетюков свою миску из первых взял и ушёл: расчёл, что в бригаде сейчас не разживёшься, а лучше по всей столовой походить — пошакалить, может, кто не доест [...]

Ср. также:

Он клянчил у меня деньги, я жадничал, он злился, оскорблялся, как взрослый, бросался к матери, но у Риты не очень-то разживёшься, и тогда он тайком просил у Нюры, и она давала. [Юрий Трифонов. *Предварительные итоги*, 1970]

¹⁵ При присоединении циркумфикса к возвратному глаголу одно *ся* всегда сокращается.

Сжить перех. (несов. сживать)

*X сжил Y-а с Z-а — ‘Х был причиной того, что Y должен был перестать жить 2 в Z-е’ (почти исключительно в обороте *сжить со света*).*

Ужиться неперех. (несов. уживаться)

X ужился с Y-ом / X и Y ужились (в Z-е) — ‘Х и Y некоторое время вместе жили 2 в небольшом пространстве Z и сохранили или установили неплохие отношения’.

Кроме того, глагол *ужиться* (а особенно его имперфективный коррелят *уживаться*) часто используется метафорически, когда речь идет об абстрактных сущностях:

Безумие уживалось в нём с практицизмом. [Сергей Довлатов. *Чемодан*, 1986]

В некоторых словарях глаголу *ужиться* приписывается еще одно значение, в котором он почти синонимичен глаголу *прижиться*, означающему ‘жить некоторое время в некотором месте и приспособиться к нему’. Однако определенное семантическое различие имеется: *ужиться*, как правило, предполагает, что в этом месте живут какие-то другие люди, с которыми субъект сохраняет или устанавливает хорошие отношения. Иными словами, *X ужился в Z-е* означает ‘Х некоторое время жил 2 в пространстве Z (вместе с другими людьми) и приспособился к Z-у (сохранив или установив с этими людьми неплохие отношения)’. Пример из НКРЯ:

Пока я не стал взрослым, папа боялся, что, если я буду слишком много понимать, то не смогу ужиться в этом мире. [Геннадий Горелик. *Андрей Сахаров. Наука и свобода*, 2004]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы видим, что описание словаобразовательной парадигмы предполагает учет не только типовых словообразовательных парадигм, с которыми соотносится конкретная словообразовательная парадигма, но и типовых словообразовательных моделей, с которыми соотносится каждый отдельный член парадигмы. Если какие-то члены парадигмы

формируются в точном соответствии с типовой словообразовательной моделью (для словообразовательной парадигмы глагола *жить* это производные глаголы *пожить*, *дожить*, *прожить*, *зажиться* во всей совокупности своих значений), то можно ограничиться констатацией этого и не включать в словарную статью описание каждого отдельного члена парадигмы. Однако в общем случае необходимо произвести тщательную проверку, нет ли в рассматриваемом члене парадигмы отклонений от стандарта.

Кроме того, следует учитывать явление «двойной мотивации», или неединственности мотивации (когда производное слово может быть с равным основанием возведено к разным производящим), которую не следует смешивать с неочевидностью или утратой мотивирующих связей.

Так, в словаре [Ширшов 2004] среди непосредственных производных глагола *жить* указан глагол *поживиться* со следующим толкованием: ‘Присвоить или украсть, жить (в 4 знач.) за счет другого’ (4 значение глагола *жить* в этом же словаре толкуется так: ‘Поддерживать свое существование чем-л.’). Указание на глагол *живь* в этом толковании представляется несколько натянутым, а семантическая связь глаголов *жить* и *поживиться* утраченной. Не случайно в словаре [Тихонов 1985] глагол *поживиться* не включен в словообразовательное гнездо глагола *жить*, а представлен как вершина самостоятельного словообразовательного гнезда.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян В. Ю. Начало после конца: глаголы *оживать* и *воскресать* // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — М. : Индрик, 2002. — С. 19–26.
- Апресян В. Ю. Ожить 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. — М. ; Вена : Языки славянской культуры ; Венский славистический альманах, 2004. — С. 702–705.
- Апресян В. Ю. Жить // Активный словарь русского языка. Т. 3. — М. ; СПб : Нестор-История, 2017. — С. 408–410.
- Апресян В. Ю., Шмелев А. Д. Чайник долго (не) закипает, компьютер долго (не) загружается... // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 30 мая – 2 июня 2018 г.). — Вып. 17 (24). — 2018. — С. 39–52.
- Апресян Ю. Д. Избранные труды, т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995.

- Бабаева Е. Э. Заживать // Активный словарь русского языка. Т. 3. — М. ; СПб : Нестор-История, 2017. — С. 523–524.*
- Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. — М. : Языки славянских культур, 2006.*
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. — М. : Языки русской культуры, 2000.*
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — М. : Индрик, 2002. — С. 211–224.*
- Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния (Виноградовские чтения I–VIII). — М. : Наука, 1978а. — С. 71–75.*
- Земская Е. А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Тезисы докладов и краткие сообщения III Республиканской научной конференции. — Ташкент : Укитувчи, 1978б. — С. 29–35.*
- Земская Е. А. Структура именных и глагольных словообразовательных парадигм в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей. — Ташкент : Укитувчи, 1982. — С. 14–17.*
- Левонтина И. Б. Слова-свидетели // Мова тоталітарного суспільства. — Київ : Інститут мовознавства НАНУ, 1995. — С. 93–99.*
- Левонтина И. Б. Дом 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. — М. ; Вена : Языки славянской культуры ; Венский славистический альманах, 2004. — С. 286–288.*
- Левонтина И. Б. Жилец // Активный словарь русского языка. Т. 3. — М. ; СПб : Нестор-История, 2017а. — С. 403.*
- Левонтина И. Б. Жилой // Активный словарь русского языка. Т. 3. — М. ; СПб : Нестор-История, 2017б. — С. 404–405.*
- Левонтина И. Б. Жилье // Активный словарь русского языка. Т. 3. — М. ; СПб : Нестор-История, 2017в. — С. 405.*
- Левонтина И. Б. Житель // Активный словарь русского языка. Т. 3. — М. ; СПб : Нестор-История, 2017г. — С. 407.*
- Пеньковский А. Б. О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней) // Язык как материя смысла. Сборник статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой. — М. : Азбуковник, 2007. — С. 285–304.*
- Птенцова А. Б. Жилище // Активный словарь русского языка. Т. 3. — М. ; СПб : Нестор-История, 2017. — С. 403.*
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. — М. : Русский язык, 1985.*

- Ширшов И. А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка. — М. : АСТ ; Астрель ; Русские словари, 2004.
- Шмелев А. Д.* Передача церковнославянского текста средствами гражданской графики: можно ли получить ее при помощи формальной процедуры? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г.). — Вып. 18 (25). — 2019. — С. 589–599.
- Шмелева Е. Я.* Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ). — Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1984.
- Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Структура словарной статьи в толково-словообразовательном словаре // Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре. Материалы Всеобщей школы-семинара (Дилижан, 5–8 мая, 1986 г.). — Ереван : АН Армянской ССР, 1987. — С. 119–121.

Н. М. Якубова

ГРУЗИНСКИЙ ГЛАГОЛ ГЛАЗАМИ НАЧИНАЮЩЕГО

1. ГЛАГОЛ — САМАЯ СЛОЖНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ

Первое, что узнает человек, решивший познакомиться с грузинским языком, — что в нем самая сложная часть речи — глагол. Это утверждение встречается абсолютно во всех учебниках, самоучителях и грамматиках грузинского языка. Вот, например, как красочно написано об этом в «Грамматике грузинского языка» Б. Т. Руденко:

Из всех грамматических категорий грузинского языка глагол, несомненно, представляет наибольший теоретический интерес для лингвиста и, одновременно, наибольшие трудности для практического изучения.

Гибкость и точность грузинских глагольных форм как средства выражения мысли поистине поразительны: сохранив конкретность соотношения между действующими лицами, представленными в данной глагольной форме, эта форма, вместе с тем, может быть почти всегда поставлена в любом залоге, времени и наклонении и получить значение по желанию непереходного, переходного, а при определенных условиях вдвойне переходного глагола. Особенно ясно эту «ковкость» грузинского глагола можно наблюдать на примерах образования и функциях отыменных глаголов, которые, кстати сказать, широко используются в языке, сообщая ему чрезвычайную точность и лаконичность [Руденко 1940: 84].

В более современных книгах так уже не пишут, но суть остается та же: у грузинского глагола много разных грамматических категорий, в том числе и весьма непривычных для русско- и англоговорящих читателей, огромная парадигма, включающая свыше трехсот (а у некоторых авторов и свыше 1500) словоформ, одна грузинская словоформа может передавать смысл целого предложения.

Недавно в интернете широко цитировался твит посла Великобритании в Грузии Джастина Маккензи-Смита, где грузинская форма *ხეთოთხარება*¹ переводилась ‘by accident, I spent it all — but I did not want to and I am expecting your understanding about it’. «Грузинскими глаголами действительно можно сказать все», — резюмировал посол.²

Конечно, от всей этой красоты и истинно грузинского размаха голова идет кругом, но если начинающий достаточно пытлив, ему хочется хотя бы в общих чертах понять, что к чему. Например, узнать, какие у грузинского глагола есть грамматические категории и как так получается, что грузинское слово *ხეთოთხარება* заключает в себе такой нетривиальный смысл.

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

2.1. Анализ грамматик

Знакомство с доступными мне грамматиками и учебниками грузинского языка поначалу воодушевило: все они согласны в том, что у грузинского глагола нет категории рода. Поскольку этой категории в грузинском вообще нет, то это вполне естественно. Нет разногласий и относительно категорий числа и лица: они есть, у числа два значения, у лица — три. А вот с такими привычными для носителя русского языка категориями, как вид, наклонение и время, дело оказалось гораздо хуже. Тут отечественная традиция несколько отличается от западной, поэтому коротко изложу суть каждой из них в отдельности.

Отечественное языкознание представлено книгой Б. Т. Руденко, уже цитировавшейся выше.³ Автор выделяет 2 вида — совершенный и несовер-

¹ Здесь и далее грузинский текст приводится в латинской транслитерации (в том числе и при цитировании грамматик и словарей), значение большинства символов очевидно; *შ/ჺ* — шипящие, *ც/ჷ* и *წ/ჸ* — аффрикаты, *ყ* — увулярный взрывной, *ხ/ძ* — увулярные фрикативные. Абруптивность и придыхательность обозначаются дополнительными знаками после согласного (*p^c/p^h* и т. п.). Поскольку в грузинской письменности отсутствуют прописные буквы, они не используются и при транслитерации.

² См., например, [<https://www.newsgeorgia.ge/tsitatu-britanskogo-posla-o-gruzinskikh-glagolah-napechatali-na-futbolke>].

³ Существуют и другие, не столь фундаментальные описания грузинской грамматики на русском языке (см., например, Гадилия К., Звиададзе Н. Грузинский язык. Справочник по грамматике. — М. : Живой язык, 2019), написанные в русле той же традиции, что и [Руденко 1940]. В настоящей статье они не рассматриваются.

шенный, и 4 наклонения: 1) изъявительное; 2) сослагательное; 3) условное; 4) повелительное [Руденко 1940: 108–109]. Что касается категории времени, то автор пишет буквально следующее:

Все времена и наклонения в грузинском языке принято делить на три основные группы (или серии): первую, вторую и третью. В основу такого деления положена морфологическая структура этих времен, которая, будучи, в свою очередь, обусловлена соответствующей семантической природой, требует определенной, той или иной, синтаксической конструкции предложения.

1) I группу времен составляют: настоящее, будущее, прошедшее несовершенное, условное и сослагательное настоящее (совершенного и несовершенного вида) [...].

2) II группу (или аористную) составляют: прошедшее совершенное (аорист) и сослагательно-желательное будущее (оптатив), из которых каждое может иметь два вида — совершенный и несовершенный [...].

3) III группу времен образуют: I результативное, II результативное и сослагательное прошедшее [...] [Руденко 1940: 107–108].⁴

Наверное, более искушенный в чтении грамматик человек быстро бы разобрался, что тут к чему, но мне это оказалось не по плечу. Во-первых, мне хотелось, чтобы делению чего бы то ни было на группы предшествовало предъявление множества, подлежащего этому делению. Во-вторых, я не знаю, что такое «условное и сослагательное настоящее» время. И не только это меня смущило. Очевидно, что предлагаемое разделение основывается сразу на нескольких параметрах — морфологическом, семантическом и синтаксическом (автор прямо заявляет об этом), а мне хотелось простого перечня времен. Этого в книге, увы, не нашлось. Пришлось обратиться к англоязычным грамматикам и учебникам, в том числе и написанным грузинскими авторами.

Надо сказать, что при некоторых различиях они все в основном совпадают.⁵ Вот, например, что пишет П. Дж. Хиллери [Hillery 1994: 14]; см. также Табл. 1 (стр. 460) оттуда же.

Each ‘conjugational pattern’ in Georgian represents a unique combination of tense, aspect, mood and ‘status’, and is known as a screeve. This word was coined from the Georgian term *mts'k'rivi* ('row') to avoid using the label ‘tense’ with its

⁴ Примечательно, что повелительное наклонение среди перечисленных категорий не упомянуто. Почему это так, будет понятно из дальнейшего изложения.

⁵ См., например, [Aronson 1990; Hewitt 2005; Makharoblidze 2012].

strong temporal connotations. A screeve consists of the pattern of verb forms for each person and number (cf. Latin *amo*, *amas*, *amat*, etc.). There are eleven screeves in Georgian, grouped into three series (see table below). Series 1 (S1) (the ‘present series’) has two subseries (‘present’ and ‘future’), each with three screeves. Series 2 (S2) (the ‘aorist series’) has two screeves, while Series 3 (S3) (the ‘perfect series’) has three, although the perfect subjunctive is now obsolescent. The status of a Georgian verb may be ‘evidential’ or ‘nonevidential’. All Series 3 screeves are evidential, indicating a certain distancing of the speaker from the statement.

SCREEVE SYSTEM		
SERIES	SCREEVES	
1 ('present')	present subseries	future subseries
	present	future
	imperfect	conditional
2 ('aorist')	present subjunctive	future subjunctive
	aorist optative (second subjunctive)	
3 ('perfect')	perfect (first evidential) pluperfect (second evidential)	
	[perfect subjunctive (third evidential)]	

Табл. 1. Сводная таблица морфологии грузинского глагола по [Hillery 1994: 14]

Несмотря на то что труды Руденко и Хиллери разделяет более полувека и они принадлежат совершенно разным традициям, удивительным образом оказывается, что если перевести текст Руденко на английский язык и представить в виде таблицы, получится почти то же самое. К тому же сильно выбивает из колеи наличие в present series имперфекта.

О грамматических категориях вида и наклонения зарубежные грамматики либо умалчивают, либо говорят уклончиво (см., например, цитату выше, в которой упоминаются вид и наклонение, но без какой бы то ни было конкретики).

Поскольку разобраться в грузинском глаголе при помощи грамматических описаний не удалось, пришлось обратиться к языковому материалу. К счастью, в книге Лиама Кембелла [Campbell] приведены парадигмы 319 грузинских глаголов, в книге Тамар Махароблидзе — 45 глаголов, а в грамматике Руденко имеется §118 «Функции и употребление времен и наклонений», содержащий большое количество примеров с подробным разбором значения тех или иных глагольных форм. Примеры употребления конкретного глагола можно найти в словаре [ТСГЯ 1950–1964], но в наше время эффективнее оказывается поиск в корпусе [НКГЯ] и в интернете в целом.

2.2. Исследование языкового материала

Попытка объединить такие разные задачи, как описание синтаксических свойств глаголов (количество актантов и способы их оформления), анализ формообразования (от каких основ какие формы образуются) и выявление системы грамматических категорий, как мне кажется, сильно затрудняет достижение результата, поэтому необходимо их разграничить. Прежде всего хочется установить систему грамматических категорий, присущих грузинскому глаголу.

2.2.1. Вид

Начну с вида. Не вдаваясь в тонкости строгого определения этого понятия, легко увидеть, что в грузинском языке эта категория есть, причем грузинский вид очень похож на русский. Смыловая разница между формами *xat^havs* и *daxat^havs*, *ašenebs* и *aašenebs*, *ak^hebs* и *šeak^hebs* в точности такая же, как и между их русскими эквивалентами *рисует* и *нарисует*, *строит* и *построит*, *хвалит* и *похвалил*.⁶ Как правило, формы СВ образуются от форм НСВ с помощью разных префиксов. Никакой регулярности в этом нет: нет правила, которое бы определяло, с помощью какого именно префикса будет образована форма СВ у данного глагола. Более того, от одного и того же глагола НСВ может быть образовано несколько приставочных глаголов. Все они будут СВ, но одна из приставок, как утверждают авторы грамматик, влияет только на вид, а остальные добавляют еще какие-нибудь компоненты значения, ср. *k^hlavs* — *mok^hlavs* — *dak^hlavs* ‘убивает — убьет — забьет (скотину)’, *c^hers* — *dac^hers* — *čac^hers* — *gadac^hers* ‘пишет — напишет — впишет — перепишет’. Иными словами, ситуация абсолютно аналогична той, какую мы наблюдаем в русском.⁷

⁶ Ср. [Aronson 1990: 44]: «The difference between the future and present tenses of I. conjugation verbs, as well as that between the remaining screeves of the future and present subseries, is basically aspectual: the future subseries is perfective and the present is imperfective. Cf. Georgian *dac^hers* (დაწერს) and *c^hers* (წერს) with Russian *напишет* и *пишет*».

⁷ Подробный анализ видовой соотнесенности между простым и приставочным глаголами, составляющими видовую пару, и разбор так называемых «чистовидовых приставок» в русском языке содержится в работе А. К. Поливановой «К вопросу о так называемых чистовидовых приставках» [Поливанова 1975/2008]. Не исключено, что и в грузинском семантика «чистовидовых приставок» подчиняется тем же закономерностям, что и в русском.

В силу традиции словоформы СВ и НСВ в грузинском принято объединять в одну лексему. О том, какие это имеет последствия для описания в целом, будет сказано ниже.

2.2.2. Наклонение и время

Что касается категорий наклонения и времени, с ними дело обстоит сложнее, чем с видом. Набор словоформ, составляющих парадигму, известен, однако их интерпретация вызывает определенные трудности, поскольку и значение их, и употребление плохо соотносятся с видо-временными формами как русского, так и западноевропейских языков. Тем не менее не вызывает сомнения наличие в грузинском индикатива, конъюнктива (сослагательного), кондиционалиса (условного) и императива. По-видимому, есть еще и оптатив (или, в терминологии Руденко, сослагательно-желательное наклонение).⁸

Вот несколько примеров, иллюстрирующих употребление видо-временных форм.

2.2.2.1. Индикатив

- (1) *surat^hs vxat^čav* ‘я рисую картину’⁹
- (2) *surat^hs davxat^čav* ‘я нарисую картину’
- (3) *surat^hs vxat^čavdi* ‘я рисовал картину’
- (4) *surat^{hi} vxat^če, vxat^če da davxat^če* ‘я рисовал, рисовал картину и нарисовал’
- (5) *surat^{hi} mixat^čavs* ‘я рисовал картину’
- (6) *surat^{hi} damixat^čavs* ‘я нарисовал картину’
- (7) *surat^{hi} mexat^ča* ‘я рисовал картину’
- (8) *surat^{hi} damexat^ča* ‘я нарисовал картину’

⁸ Вне буквального цитирования далее для унификации я использую латинизированные варианты большинства грамматических терминов.

⁹ Объект грузинского глагола в презенсе, футуруме и имперфекте оформляется дативом (здесь — *surat^h-s*), в остальных временах — номинативом (здесь — *surat^h-i*).

Значение глагола в (1) и (2) в точности передается русским переводом (в (1) глагол НСВ, в (2) — СВ). В этих формах значения наклонения, лица и числа, а также выражающие их аффиксы совпадают. Различаются они только видом — совершенный вид сообщается глаголу префиксом *da-*. Значение глагола в (3) также вполне точно передается русским прошедшим НСВ (имперфектом). Аналогичная форма, образованная от глагола СВ, имеет значение кондиционалиса, о чем см. ниже. Время глагола *vxat’ē* в (4) в описаниях принято называть аористом. Эта форма может быть образована от глаголов обоих видов, хотя форма НСВ менее употребительна. Значение формы СВ совпадает со значением русского глагола (*я*) *нарисовал*. Значение формы НСВ *vxat’ē* отличается от значения формы имперфекта *vxat’avdi* (из примера (3)) тем, что у нее отсутствует компонент «процессуальности». Такое значение прошедшего времени НСВ реализуется, например, в русских предложениях *Я уже видел этот фильм, В детстве я рисовал, а потом бросил*, и под. В примерах (5)–(8) представлено еще два прошедших времени, в (5) и (7) — в НСВ, в (6) и (8) — в СВ. В англоязычной традиции их принято называть *present perfect* и *pluperfect*, Руденко пользуется терминами «I результативное» (результативное настоящее) (5 и 6) и «II результативное» (результативное прошедшее, предпрошедшее, давнопрошедшее) (7 и 8) и соотносит их значения со значениями английских *present perfect* и *past perfect*. Поскольку значение и употребление времен — дело тонкое, приведу несколько примеров.¹⁰

Первое результативное, НСВ:

- (9) *bevri vai-vaglaxi minaxavs čems sicocxleši.* [Чавчавадзе. *sarčobelaze*] — Много горя довелось мне видеть в моей жизни. Much grief have I seen in my life. J’ai vu beaucoup de chagrin dans ma vie.
- (10) «*taš saxli savse qopʰila*, *stʰkʰva bat’onma siamovnebitʰ*. [Чавчавадзе. *k‘acia-adamiani?*] — «Так дом, оказывается, полон», сказал хозяин с удовольствием. «Then the house has been full», said the master with pleasure. «La maison est donc bien fournie», dit le maître avec plaisir.

¹⁰ Если не оговорено иное, примеры и переводы, начиная с (9), взяты из [Руденко 1940]. Оставлены и приводимые Руденко английские и/или французские параллели, так как часто они лучше русского передают семантику глагола. Орфография и пунктуация сохранены.

- (11) *ert^h d̥es ak^h adamians uschovria, utok^hmedia [...] ušenobia, utamatulebia ak^hauroba.* [Ниношвили. *r'art'axi*] — Некогда здесь жил человек, он был занят делом [...] строил, превращал в усадьбу это место.

Первое результативное, СВ:

- (12) *aset^hi k'argi c'ugni jer aravis ar dauc'eria.* — Такой хорошей книги еще никто не написал. No one has yet written so good a book. Personne n'a encore écrit un si bon livre.
- (13) *gaak'et^he es sak^hme?* — Сделал ли ты это дело?
ara, ar gavak'et^he. — Нет, не сделал [намеренно].
ara, jer ar gamik'et^hebia. — Нет, еще не сделал [непреднамеренно].

Второе результативное, НСВ:

- (14) *me mep'ovna, up^hro madli ar ik^hneboda?* [Чавчавадзе. *k'acia-adamiani?!*] — Если бы я нашел, не было бы разве справедливее [досл.: 'большой благодати']? Si je l'avait trouvé, ne serait-ce pas mieux?
- (15) *up^hro gamocdili k'acebisat^hvis unda daevalebina, unda daezaxna, unda et^hk^hva.* [Клдиашвили. *zeimi*] — Более опытным людям должен был бы поручить, должен был бы их позвать, должен был бы им сказать. Il aurait dû charger [досл.: il aurait chargé] des gens plus expérimentés, les appeler [les aurait appelé], leur dire [leur aurait dit].
- (16) *dac'erda, rom masala hk^honoda.* — Il aurait écrit, s'il avait eu des matériaux. Он написал бы, если бы у него был материал.

Второе результативное, СВ:

- (17) *t^hvit^h is p'at'ara sop^heli t^hamarnašeni, romelic mis t^hvalc'in išleboda, t^hvalsacinot^h gazrdiliqo da šeemati'ebina.* [Клдиашвили. Затруднение Камушадзе] — Сама эта деревня Тамарнашени, которая расстилалась перед его глазами, заметно выросла и увеличилась. Ce village même, Tamarnachénie, qui s'étendait sous ses yeux, avait notamment grandi.

- (18) *net'av me momer'ara!* [Чавчавадзе. *k'acia-adamiani?!*] — Если бы только [хотя бы] я украл! Si [seulement] je l'avait volé!
- (19) *t'hurme čem up'ros zmas [...] dis t'anisamosi čaecva da ise c'asuliqo qurznis mosap'aravad.* [Церетели. *čemi t'havgadasavalı*] — Оказывается, мой старший брат **надел** платье сестры и так **пошел** красть виноград. Il s'est trouvé que mon frère ainé [...] s'était revêtu de l'habit de sa sœur et était parti ainsi pour voler le raisin.
- (20) *davbrundebodi, rom damenaxa igi.* — Je serais revenu sur mes pas, si je l'avais vu. Я вернулся бы, если бы увидел его.
- (21) *ert^h terphes sami važi hqavda. undoda gaego — terphed romeli gamodgeboda.* [Цулейскири, Чанишвили 1951: 129] — У одного царя было три сына. Он **хотел** **узнать**, в качестве царя который **сгодился** бы.

Поясняя значения и употребление первого результативного, Руденко [Руденко 1940: 241] пишет следующее.

Это время применяется в следующих случаях:

а) Для выражения действий или состояний, хотя и имевших место в прошлом, но результаты которых, в той или иной связи, налицо к настоящему времени [...].

б) Для выражения действий или состояний, имевших место в прошлом, без указания времени их совершения или с указанием такового в общем, неопределенном смысле, как то: ‘некогда’, ‘когда-то’, ‘недавно’, ‘давно’, ‘за последнее время’ и т. п.; особенно часто оно употребляется с отрицанием без указания времени [...].

в) Этим же временем пользуются для передачи событий, совершившихся некогда, о которых рассказчик как бы говорит: ‘оказывается, случилось то-то и то-то’, или ‘как передают, случилось то-то и то-то’ и т. п. [...].

По-русски характер и точный смысл I результативного времени в некоторых случаях следует передавать сложным сказуемым с глаголом ‘оказывается’ [...]. В других же случаях его следует сопровождать по-русски неопределенным обстоятельством времени, как то: ‘довелось’, ‘пришлось’, ‘случилось мне’ и т. п.

Все сказанное совершенно справедливо, хотя и очевидно, что семантика результативного настоящего времени нуждается в дальнейшем ис-

следовании. Столь же очевидно, что в некоторых случаях формы результативного настоящего содержат некоторый модальный компонент. Тем не менее вряд ли стоит их выделять в какое-либо отдельное наклонение, отличное от индикатива.

Относительно результативного прошедшего времени автор указывает, что оно «имеет тот же нюанс результативности, но не по отношению к настоящему времени, а к прошедшему же [...] В современном грузинском языке II результативное приобрело в значительной степени функцию со-слагательно-условного наклонения настоящего и прошедшего времени, соответствующего в французском языке либо *imparfait de l'indicatif* с союзом *si*, либо *plus-que-parfait* с союзом *si*, либо *subjonctif passé*, либо *conditionnel*, причем в главном предложении всегда будет условное время» [Руденко 1940: 246–247]. Поскольку эти глагольные формы могут употребляться и в индикативе, и в конъюнктиве, проблема их отнесения к тому или иному наклонению может решаться двояко: можно считать, что это формы индикатива, в определенных контекстах выполняющие функцию конъюнктива, а можно и наоборот. Первое решение представляется мне более естественным.¹¹

Система времен для индикатива изображена в Табл. 2.

	НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД	СОВЕРШЕННЫЙ ВИД
Презенс	<i>vxat'av</i> 'я рисую'	—
Футурум	—	<i>davxat'av</i> 'я нарисую'
Имперфект	<i>vxat'avdi</i> 'я рисовал'	—
Аорист	<i>vxat'e</i> 'я рисовал'	<i>davxat'e</i> 'я нарисовал'
Перфект (I результативное)	<i>mixat'avs</i> 'оказывается, я уже рисовал'	<i>damixat'avs</i> 'оказывается, я уже нарисовал'
Плюсквамперфект (II результативное)	<i>texhat'a</i> 'я рисовал [до некото- рого момента в прошлом]'	<i>damexhat'a</i> 'я нарисовал [до не- которого момента в прошлом]'

Табл. 2. Система времен для индикатива

2.2.2.2. Конъюнктив

В конъюнктиве у глаголов НСВ различаются формы презенса и претерита, у глаголов СВ — футурума и претерита:

¹¹ Аналогичная ситуация наблюдается в русском языке: инфинитив, а также некоторые формы индикатива могут выражать повелительность: *Стоять! Пошел вон!* *Поставили ноги на ширину плеч! Пойдем-ка, брат, в другую комнату* и т. д., но это не повод считать их формами императива.

	НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД	СОВЕРШЕННЫЙ ВИД
Презенс	<i>vxat'avde</i> 'если бы я рисовал [в определенный момент или вообще умел бы рисовать]'	—
Футурум	—	<i>davxat'avde</i> 'если бы я нарисовал [в будущем]'
Претерит	<i>mexat'os</i> 'если бы я рисовал [в определенный момент в прошлом]'	<i>damexat'os</i> 'если бы я нарисовал [в определенный момент в прошлом]'

Табл. 3. Система времен для конъюнктива

Формы конъюнктива, во-первых, употребляются для обозначения некоторого нереализовавшегося действия/события/состояния (в контекстах типа *если бы я знал*), во-вторых, «после выражения пожелания и предположения» (в контекстах типа *хоть бы..., думаю, что..., бывает, что..., видно, что... и т. п.*) [Руденко 1940: 243].

Вот несколько примеров употребления конъюнктива.

Презенс, НСВ:

- (22) *mšieri rom v̥k'vdebode, me magas ar vik'adrebdi...* [Чавчавадзе. *k'acia-adamiani?!*] — Если бы я умирал от голода, я бы не посмел этого сделать. Si je mourais de faim, je n'oserais pas ce faire.

- (23) *mgonia, cot'at̥i unda qinavdes.* — Il me semble, qu'il gèle un peu/il doit geler un peu. Думаю, что немножко морозит/должно морозить.

Футурум, СВ:

- (24) *net'av čemi nik'o šin dajdebodes da t̥avis t̥xzulebas dac'erdes.* — Если бы мой Нико посидел дома и написал бы свое сочинение. Si seulement mon Nico était chez soi et écrivait sa composition.

- (25) *vik't'ori rom k'art̥ul sit'qvas k'argad c'armot'hk'hvamdes, elisabedi gaigebda.* — Если бы Виктор хорошо произнес грузинское слово, Елизавета поняла бы [Aronson 1990: 88].

Претерит, НСВ:

- (26) *čamotč'k'nari pirisaxisa, romelze et'qoboda, rom ert^h dros lamazi unda qop^hiliqos.* [Ниношвили. *p'art'axi*] — С увядшим лицом, по которому [досл.: ‘на котором’] было видно, что она когда-то **должна была** [бы] быть красива. Au visage fané, d'après [досл.: sur] lequel même maintenant on pourrait voir [досл.: il semblerait], qu'elle ait dû être jolie auparavant.

Претерит, СВ:

- (27) *xširia xom iset^hi magalit^hi, rom mc'erals didi xnis ganmavlobaši arap^heri ar daec^heros.* — Часты ведь такие случаи, что писатель в течение долгого времени ничего не **писал** [бы]. Il y a donc de nombreux exemples, qu'un écrivain n'ait [n'eût] rien écrit pendant longtemps.
- (28) *ara mgonia rom magist^hana šesanišnavi surath^hi c'inad daexat^hos visme.* — Не думаю, чтобы кто-нибудь прежде **нарисовал** [бы] такую замечательную картину. Je ne pense pas, que quelqu'un ait [eût] dessiné un tableau aussi remarquable.

В грамматиках прошедшее время конъюнктива принято называть **перфектом**, хотя для этого нет никаких оснований: в конъюнктиве нет противопоставления двух прошедших времен, и то единственное прошедшее, которое есть, образуется как от глаголов СВ, так и от глаголов НСВ.

2.2.2.3. Кондиционалис

Это наклонение представлено формами, имеющимися только у глаголов СВ. Эти формы образуются от имперфекта НСВ добавлением префикса СВ: *xat'avda* ‘он рисовал’ (индикатив, имперфект, НСВ) — *da-xat'avda* ‘он **нарисовал бы**’ (кондиционалис).

Глагол в форме кондиционалиса обозначает некоторое действие/событие/состояние, которое могло бы осуществиться вследствие другого возможного действия/события/состояния, но не осуществилось. См. выше пример (25), а также примеры (29)–(34):

- (29) *te ter'ovna, up^hro madli ar ik^hneboda?*¹² [Чавчавадзе. *k'aciamadamiani?!*] — Если бы я нашел, не **было бы** разве справедливее [досл.: ‘большой благодати’]? Si je l'avait trouvé, ne serait-ce pas mieux?

¹² В грузинском глагол ‘быть’ является исключением: несмотря на отсутствие форм СВ, он имеет форму кондиционалиса, образованную бесприставочным способом.

- (30) *dac'erda, rom masala hk^honoda.* — Il aurait écrit, s'il avait eu des matériaux. Он **написал бы**, если бы у него был материал.
- (31) *es mesame k^hali ik^hneboda 70 c'lis.* [Ниношвили. *p'art'axi*] — Cette troisième femme serait agée de soixante-dix ans. Этой третьей женщине **было бы** [в смысле: ‘могло быть’] лет семьдесят.
- (32) *icoda, rom t'qidan coxali ver gamovidoda.* — Il savait, qu'il ne sortirait pas vivant de la forêt. Он знал, что из лесу живым не **выйдет** [досл.: ‘не вышел бы’, соотв. русскому ‘не выйти’].
- (33) *ar megona, ron aset^h mšvenier surat^hs davxat'avdi.* — Je ne croyais pas que je dessinerais/j'aurais dessiné un tableau aussi beau. Я не думал, что **напишу** [досл.: ‘написал бы’] такую прекрасную картину.
- (34) *cecxli ar iqb, t^horem ak^hamdis k'arg sadils dagimzadebdit^h.* — Il n'y avait pas de feu, autrement je vous aurais déjà préparé un bon dîner. Не было огня, а то **бы** я вам уже **приготовил** хороший обед.

2.2.2.4. Императив

Формы императива для всех лиц и чисел омонимичны формам других наклонений — индикатива и оптатива. У императива отсутствует форма 1Sg. Все формы императива представлены в Табл. 4.

Число Лицо	SINGULARIS	PLURALIS
1	—	оптатив: <i>vimgerot^h</i> ‘давайте будем петь’ (HCB), <i>gavak'et^hot^h</i> ‘давайте сделаем’ (CB)
2	аорист индикатива: <i>imđere</i> ‘пой’, ‘ты пел’ (HCB), <i>gaak'et^he</i> ‘сделай’, ‘ты сделал’ (CB)	аорист индикатива: <i>imđeret^h</i> ‘пойте’, ‘вы пели’ (HCB), <i>gaak'et^het^h</i> ‘сделайте’ ‘вы сделали’ (CB)
3	оптатив: <i>imđeros</i> ‘пусть он споет’ (HCB), <i>gaak'et^hos</i> ‘пусть он сделает’ (CB)	оптатив: <i>imđeron</i> ‘пусть они споют’ (HCB), <i>gaak'et^hon</i> ‘пусть они сделают’ (CB)

Табл. 4. Формы императива

Кроме так называемой положительной формы, императив имеет также две отрицательные, с отрицанием *ar* и отрицанием *ni*.

Отрицательные формы с отрицанием *ar* для всех трех лиц омонимичны формам оптатива. Семантически эти формы имеют характер категорического запрета:¹³

- (35) *arasodes ar dascino sxvas, es uc'esobaa.* [Инанишвили. *k'at'a da me*] — Никогда не смейся над другими, это неприлично [досл.: ‘это есть неприличие’].

- (36) *c'vrilmanebis gamo ar ičxubo.* — Не дерись с малышами.

- (37) *ar daart'qa, ar daamciro.* — Не ударь, не унизь.

Формы с отрицанием *ni* для всех лиц используют формы презенса (для НСВ) или футурума (для СВ). Они выражают менее категорический запрет.¹⁴

- (38) *nu gešinia sik'vdilisa, gešinodes sircxvilisa.* — Do not be afraid of death, be afraid of shame.

- (39) *nu ezalebi c'qaldidsa, girčevs moszebno p'honia.* — Don't fight the Great Water, better find its ford.

2.2.2.5. Оптатив

Еще одно наклонение, выделяемое авторами грамматик — это оптатив, или, как его называет Руденко, сослагательно-желательное будущее. Семантически употребление форм этого наклонения не характеризуется таким единством, как употребление форм индикатива или императива.

Приведу цитату, а также несколько примеров из [Руденко 1940]:

Это время служит для выражения состояний или действий, которые должны или могут предположительно совершиться в будущем. Оно употребляется обычно после выражений долженствования, обязательства, возможностей, вероятности, пожелания, необходимости и повеления (в последнем случае оно соответствует русским повелительным выражениям: ‘чтобы...’, ‘пусть...’, ‘да будет...’ как в положительном, так и в отрицательном повелении;

¹³ Примеры (36) и (37) взяты с сайта [<http://phf.org.ge/ka/resources/davicvat-ertmaneti-dzaladobisgan>] (*sak'art'velos sazogadoebrivičandacvis p'hondi* — Public health foundation of Georgia), 30/10/2019.

¹⁴ Примеры (38) и (39) взяты с сайта [<https://sites.google.com/site/geoproverb/1>].

с отрицанием аг оно служит для отрицательных форм повелительного накло-
нения, см. §110) [Руденко 1940: 245].

- (40) *unda gavak‘et^ho.* — Нужно, чтобы я сделал. Il faut que je fasse.
- (41) *vai, t^hu t^hxzuleba vadaze ar dac‘eros!?* — Беда, если он сочинение
в срок не напишет!? Si, par malheur, il n'écrive pas la composition
à temps!?
- (42) *c‘avik‘it^hxo eg c‘erili?* — Прочесть мне это письмо? [в смысле: ‘сле-
дует ли? должен ли? стоит ли?’]. Faut-il, que je lise cette lettre?
- (43) *ut^hxarit^h, mc‘vadi daamzados.* — Скажите ему, чтобы приготовил
шашлык. Dites-lui, qu'il prépare du chachlik.
- (44) *k‘acsta rom mt^heli dže imušaos, es c‘igni rodis ğa unda c‘aik‘it^hxos!?* —
Если человек целый день будет работать, когда же он прочтет эту
книгу?! Si l'homme doit travailler toute la journée, quand faut-il qu'il
lise ce livre?!
- (45) *am vards xels nu axleb: gaišalos!* — Не тронь эту розу: пусть она
распустится! Ne touche pas cette rose: qu'elle s'épanouisse!
- (46) *šeik^hnas k‘omisia šemadgenlobit^h...* [Из правительенного распо-
ряжения]. — Создать [да создастся] комиссию в составе...
- (47) *daeavalos k‘omisias... daamušaos gegma...* [Из правительенного
распоряжения]. — Поручить [да поручится ей] этой комиссии...
разработать [чтобы разработать] план...
- (48) *iqviros, čemi ra sak^hmea!* — Пусть кричит, какое мне дело! Qu'il
crie, cela ne me regarde pas!
- (49) *egeebi ar iqos!* — Таких вещей что бы не было! [досл.: ‘таковских
чтобы не было’]. Qu'il n'y ait pas de choses pareilles!
- (50) *vinc movida, gaumarjos!* — Кто пришел, пусть здравствует!¹⁵

---

¹⁵ Пример мой; традиционное приветствие гостя, пришедшего в дом.

Формы оптатива имеются как у глаголов НСВ, так и у глаголов СВ.

Отдельный вопрос, зачем считать формы оптатива с отрицанием *ar* формами императива, а не оптатива. Поскольку оптатив имеет значение ‘пусть X делает/сделает Р’, отрицание оптатива означает ‘пусть X не делает/не сделает Р’. То обстоятельство, что отрицание при оптативе имеет значение более категоричного запрета, чем отрицание при императиве, ничему не противоречит, ср., например, русское *Не смей опаздывать!* и *Чтобы не смел опаздывать!*, *Не показывайся мне на глаза!* и *Чтобы не показывался мне на глаза!*, которые вполне соответствуют грузинскому императиву и оптативу.

2.2.3. Каузативность

Каузатив в грузинском может быть образован как от некаузативного, так и от каузативного глагола, ср. (полужирным выделены аффиксы каузатива):

gavt^hbi — gavat^hbi — gavat^hbobine

‘я согрелся’ — ‘я его согрел’ — ‘я каузировал его согреть что-то /кого-то’

dneba — adnobs — adnobinebs

‘он тает’ — ‘он его растапливает’ — ‘он каузирует его растапливать что-то’

šeč‘am — šeač‘tev — šeač‘mevineb

‘ты съешь’ — ‘ты его накормишь’ — ‘ты каузируешь его накормить кого-то’

Поскольку каузативные формы образуются регулярным образом, их нередко считают частью парадигмы исходного некаузативного глагола. Тем не менее ничто не мешает иметь их в словаре в качестве отдельного вхождения.

2.2.4. Порода (*version*)

У грузинского глагола есть еще одна грамматическая категория, которую Руденко называет *порода*, замечая, впрочем, что «Породы грузинского языка не аналогичны, напр., породам арабского глагола, где они сообщают глаголу разнообразные значения, тогда как в грузинском языке порода — это соотношение действия к действующим лицам, представленным в данной глагольной форме» [Руденко 1940: 99, примечание]. В англоязычной традиции эта категория называется *version*. Суть ее проще всего пояснить на примерах.

Грузинский глагол является полиперсональным: в глагольной словоформе выражается лицо и число не только субъекта, но и прямого объекта, а также иногда косвенного объекта, бенефациента и даже сирконстанта.

Согласно П. Дж. Хиллери [Hillery 1994: 16], грузинская глагольная словоформа имеет структуру, изображенную в Табл. 5.

позиция	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4	+5	+6	+7
НАПОЛНЕНИЕ ПОЗИЦИИ		префикс показатели лица (субъекта и/или объекта)	предкорневой инфикс (показатель версии) префикс причастия	КОРЕНЬ	суффикс пассива	суффикс основы настоящего будущего времени	показатель каузатива	наращение основы	показатель серии	показатель лица	показатель числа

Табл. 5. Структура грузинского глагола по [Hillery 1994: 16]

Ниже приводятся формы глагола *рисовать*, различающиеся версиями; показатели версий отделены дефисами и выделены полужирным шрифтом.

Нейтральная версия:

v-Ø-xat'av 'я рисую' — *g-Ø-xat'av* 'я рисую тебя'
dav-Ø-xat'e я нарисовал — *dag-Ø-xat'e* 'я нарисовал тебя'

Словоформы этой версии обозначают действие как таковое, в них может быть выражен только прямой объект (при наличии такого).

Субъектная версия:

v-i-xat'av 'я рисую себя/для себя' — *dav-i-xat'e* 'я нарисовал себя/для себя'

Словоформы этой версии обозначают действие, в котором субъект выступает также в роли объекта или бенефациента.

Объектная версия:

g-i-xat^čav ‘я рисую для тебя’ — *v-u-xat^čav* ‘я рисую для него’

В словоформах этой версии выражается бенефациент, отличный от субъекта.

Суперэссивная версия:

g-a-xat^čav ‘я рисую на тебе’ — *v-a-xat^čav* ‘я рисую на нем’

В словоформах этой версии выражается объект, на котором происходит действие. Вот пример употребления формы суперэссивной версии:

- (51) *bat^hu gačumda. t^hamašit^h gaert^ho. minas daort^hk^hlavs da k^čacis t^havs axat^čavs. c'ašlis, isev daort^hk^hlavs da k^čvlav ert^hi da i give t^havs daaxat^čavs.* [Мишвеладзе. Новеллы]¹⁶ — Бату замолчал. Отвлекся игрой. Дышит на стекло и рисует_на_нем голову человека. Сотрет, опять подышит и снова одну и ту же голову на_нем_нарисует.

В наличии версий отчасти кроется ответ на два вопроса, которыми я задалась в начале этого текста: почему в глагольной парадигме так много словоформ и почему один грузинский глагол может передавать смысл целого предложения. В одной только нейтральной версии двухактантный глагол имеет 28 форм (я рисую тебя/его/вас/их, ты рисуешь меня/его/нас/их, он рисует меня/тебя/его/нас/вас/их и все то же самое для множественного числа субъекта). Теперь все это надо умножить на число времен и наклонений, да еще умножить на 2, так как формы НСВ и СВ принято включать в одну парадигму, а еще надо прибавить число словоформ остальных трех версий, полученное таким же образом. Тем самым парадигма глагола, имеющего все эти формы, содержит 852 словоформы. И это при условии, что каузативные дериваты рассматриваются как отдельные лексемы, а между тем не все авторы придерживаются такой точки зрения.

¹⁶ [<http://gnc.gov.ge/gnc/concordance>] (ქართული ენის ეროვნული კორპუსი *The Georgian National Corpus*).

Что касается второго вопроса — как один глагол может передавать значение целого предложения, то ответ на него кроется в той же полиперсональности грузинского глагола и в наличии версий. Так, глагол *dagibrundebi* означает ‘я вернусь к тебе’. Кроме того, грузинский язык располагает большим количеством префиксов, вносящих в семантику глагола дополнительные компоненты.

2.2.5. Залог

Все без исключения авторы выделяют три залога — действительный (*active*), страдательный (*passive*) и средний (*medial, medio-active, medio-passive*). Средний залог выделяется на основании морфологического критерия, ср. [Руденко 1940: 106]: «Что же касается глаголов по значению среднего залога, то они следуют нормам спряжения либо действительного, либо страдательного залога, либо совмещают в своем спряжении характерные особенности первого и второго».

Категория залога не является словоизменительной и в свете обсуждаемых проблем интереса не представляет, поэтому я не буду останавливаться на ней подробно.

Внимательный читатель, наверное, заметил, что я, вопреки традиции, все время говорю о глаголах НСВ и СВ как о разных лексемах. Это не случайная оговорка, и причины для такого словоупотребления станут понятны из следующей части.

3. ПОИСК ГЛАГОЛА В СЛОВАРЕ

Еще одна проблема, с которой сталкивается человек, начинающий изучать грузинский язык, — это поиск слова в словаре. Это связано с двумя обстоятельствами: во-первых, со структурой глагольной словоформы (см. § 2.2.4), во-вторых, с традицией выбора словарной формы.

Поскольку в грузинско-русских словарях (а речь пойдет именно о них) слова расположены в прямом алфавитном порядке, то морфемы, следующие за корнем, при поиске слова не релевантны. Что касается начала (первых трех позиций, предшествующих корню), то количество префиксов может варьировать от 0 до 4 (в –3-й позиции может быть от 0 до 1 элемента, в –2-й от 0 до 2 элементов, в –1-й от 0 до 1 элемента). Человеку, не владеющему языком в совершенстве, а только изучающему его (а именно таким людям чаще всего приходится обращаться к двуязычным словарям), непросто найти корень глагольной словоформы. Корень вычленяется довольно легко, если в распоряжении исследователя имеется хотя бы

несколько словоформ глагольной парадигмы, в тексте же, как правило, попадается лишь одна словоформа, значение которой нужно выяснить.

Традиционно в качестве словарной формы глагола выступает отглагольное имя. Образование отглагольного имени от соответствующего корня не подчиняется никаким правилам, так же как и в русском: *делать — дело/делание, работать — работа/*работание, переработать — переработка/*переработа, перерабатывать — перерабатывание, читать — чтение/?чтение* (чтение вполне встречается, хотя редко) и т. д. Существует некоторое количество продуктивных моделей образования отглагольных имен от соответствующего корня, но есть и непродуктивные, см. [Руденко 1940: 112–115]. Особенno примечателен тот факт, что «[...] формы имени действия могут быть образованы почти для всех основ глаголов [...] и лишь для сравнительно небольшого их числа они неупотребительны, хотя и могут быть искусственно образованы [...].» Таковы, например, формы отглагольных имен для глаголов *плакать, кричать, жаловаться*:

vt'iri ‘я плачу’, отглагольное имя *t'irili* (вместо ожидаемого **t'ireba* или **t'irva*),

vqviri ‘я кричу’, отглагольное имя *qvirili* (вместо ожидаемого **qvireba* или **qvirva*),

včivi ‘я жалуюсь’, отглагольное имя *čivili* (вместо ожидаемого **čiveba*).

Тем не менее, в словаре именно эти «искусственно образованные формы» выступают в качестве словарной формы слова, например:

t'irili — плакать; *t'iris* — плачет; сущ. плач [ГРС 1990: 228].

Кроме того, глаголы, «следующие обычно объектному¹⁷ строю спряжения [...], формально не имеют имени действия, образуемого по одному из выше рассмотренных типов имени действия глаголов, спрягающихся по объектному строю. В качестве имени действия для глаголов объектного строя обычно используются имена существительные, образованные от

¹⁷ «Объектному строю спряжения (см. §§101 и 102) следует сравнительно немногочисленная группа глаголов, выражаяющих преимущественно расположение духа, намерение, чувства, желания, нужду, а также состояние обладания кем-либо или чем-либо» [Руденко 1940: 185].

соответствующего корня; так, напр.: *si-zul-v-il-i* ‘ненависть’, *si-qvar-ul-i* ‘любовь’, *zi-l-i* ‘сон’, *šur-i* ‘зависть’, *ši-mš-il-i* ‘голод’, *c'qur-v-il-i* ‘жажда’, *sur-v-il-i* ‘ желание’ и т. п.» [Руденко 1940: 115].

Возникает вопрос, как по произвольной словоформе, встретившейся в тексте, понять, какое слово искать в словаре. Очевидно, нужно построить отлагольное имя. Для этого прежде всего нужно вычленить корень, что, учитывая структуру словоформы, не всегда просто. Помимо всего прочего, следует помнить, что

последовательность *ga* может быть префиксом, сочетанием показателя второго лица *g* и предкорневой гласной *a* или началом корня. Сравните:

gaadebs ‘он откроет это’; *ga* — префикс,

gaxsovs ‘ты помнишь’; *g-* — показатель 2 лица, *a-* — предкорневая гласная,

galobs ‘он чирикает’; *ga-* — часть корня *-gal-* [Aronson 1990: 463].

Допустим, корень все-таки удалось найти. Дальше нужно попробовать породить отлагольное имя одним из девяти продуктивных способов. Если соответствующее слово в словаре не нашлось, нужно попытаться воспользоваться непродуктивными моделями. Если и это не привело к успеху, следует попробовать образовать отлагольное имя с приставкой (в грузинском имеется 11 простых и 6 составных приставок). Итого в случае особого невезения придется перебрать $9 \times 17 = 153$ варианта (и это без учета непродуктивных моделей).

Обратная процедура — построение по отлагольному имени остальных словоформ — и вовсе невозможна, хотя бы потому, что неизвестно, с помощью какой приставки образуются формы будущего времени.

Для наглядности хочу рассмотреть несколько конкретных примеров. Будем исходить из предположения, что читателю каким-то образом удалось узнать правильное морфемное членение словоформы и найти корень.

1. *davut'ie* [*da-v-u-t'-i-e*]¹⁸

−3	−2	−1	корень
<i>da</i> (показатель СВ)	<i>v</i> (1Sg субъекта), <i>u</i> (3Sg косв. объекта)	∅	<i>-t'</i> -

¹⁸ Как уже говорилось, при поиске слова в словаре релевантны лишь те морфемы, которые предшествуют корню, поэтому здесь и далее морфемы, следующие за корнем, не указываются.

И как по такому корню искать слово в словаре? Применение продуктивных моделей образования отглагольных имен дает 9 вариантов: *t'a*, *t'ama*, *t'oma*, *t'ema*, *t'ava*, *t'eva*, *t'oba*, *t'eba*, *t'ola*. По счастью, один из них есть в беспрефиксном варианте — *t'eva* ‘вмещать; емкость, вместимость’ [ГРС 1990: 237]. *davut'ie* ‘я ему/ей вместил’. Правда, это значение не очень сочетается с контекстом, в котором встретилось слово:

- (52) «*gačumdi, gogo!*» — *davut'ie gačavrebulma*.¹⁹
 «Замолчи, девочка!» — ?вместил ей рассерженный я.

Можно, конечно, считать, что это некоторое жаргонное употребление типа русского *вломил* или *вставил*, но дальнейшие изыскания с привлечением грузинско-английских словарей показали, что это не соответствует действительности.

2. *gaišot^he* [*ga-i-šot^h-e*]

−3	−2	−1	корень
<i>ga</i>	∅ (2Sg субъекта)	<i>i</i>	- <i>šot^h</i> -

Попробуем применить тот же алгоритм. Опять получаем 9 вариантов, но — увы! — ни одного из них в словаре нет! Вообще нет ни одного слова, начинающегося на *šot^h-*. Теперь надо попробовать добавить какой-нибудь префикс из −3-й позиции. Разумно начать с той же самой приставки, которая есть в слове *gaišot^he*; *gašot^hva* есть, означает ‘растянуться, развалиться’. Значит, *gaišot^he* — ‘ты растянулся/развалился’.

3. *t^handat^han* ‘постепенно’ *maxelebs* [*m-a-xel-eb-s*]

−3	−2	−1	корень
∅	∅ (3Sg субъекта), <i>m</i> (1Sg объекта)	<i>a</i>	- <i>xel-</i>

Ни одного из бесприставочных вариантов, построенных по продуктивным моделям, в словаре нет. Зато есть существительное *xeli* ‘рука’. Правда, ни с каким глаголом оно не соотносится. Может быть, это словосочетание все-таки означает ‘он постепенно вручает мне’? Но в тексте нет никакого дополнения, непонятно, что вручает. Попробуем поискать корень

¹⁹ Гоголадзе Т. Чем я лучше отца (на груз. яз.). — Тбилиси : Накадули, 1973.

-xel- с приставкой. Тут надо перебрать девять основных приставок, и если поиск не даст результата, переходить к составным. По счастью, в словаре находится слово *gaxela*. Вот словарная статья полностью [ГРС 1990: 73]:

gaxela: t^hvalis gaxela ‘раскрыть глаза’; *gaaxels t^hvals* ‘раскроет глаза’ (*axels t^hvalebs* ‘раскрывает, открывает глаза’); сущ. ‘раскрытие глаз’.

Но слова *t^hvalebs* ‘глаза_{DAT.PL} в тексте тоже нет! Можно было бы считать, что *maxelesbs* означает ‘он открывает мне глаза’, просто слово ‘глаза’ опущено, но эта форма должна была бы быть *mixels*, с гласной *-i-* в –l-й позиции без инфиксса *-eb-*. Так что и эта версия не проходит.

Надеюсь, примеры вполне убеждают в том, что отлагольное имя в качестве словарной формы глагола крайне неудобно.

К счастью, кроме грузинско-русских словарей есть и грузинско-английские; в самом полном из них [Rayfield 2006], во-первых, глагол НСВ и соответствующий глагол СВ считаются разными лексемами. Во-вторых, глаголы СВ, имеющие разные приставки (и, соответственно, разные значения), тоже имеют отдельные вхождения. В-третьих, в качестве словарной формы выступает 3Sg презенса (/футурума), а в скобках приведены формы 3Sg аориста и перфекта, позволяющие восстановить всю парадигму.²⁰

С помощью словаря Райфилда удается перевести слова *davut^hie* и *maxelesbs*, а также понять, что именно значит слово *šetotexarja*, поразившее посла Великобритании Джастина Маккензи-Смита.

davut^hie [da-v-u-t^h-i-e]

Это форма 1Sg аориста. Форма 3Sg футурума выглядит как *da-u-t^h-ev-s*. Ровно эта форма и находится в словаре:

daut^hevs (*daut^hia, daut^hevia*) 1 will set sth (dogs) on sb; 2 will let one's anger loose on sb, will explode at sb; 3 will attack, grab hold of sb.

Можно посмотреть и бесприставочный вариант:

ut^hevs 1 (*šeut^hia, šeut^hevia*) attacks sb; 2 (*daut^hia, daut^hevia*) scolds sb/sth; 3 (*miut^hia, miut^hevia*) sets sb/sth (dogs etc) on sb/sth; 4 ((*ga*)*ut^hia, (ga)ut^hevia*) gets out of sth: *unda vut^hio ak^haurobas* I've got to clear out of

²⁰ Такой же способ подачи глагола используется в [ТСГЯ] и в словарике учебника [Aronson 1990].

here: *gza mit^{ie}!* ~ Get out of my way!; 5 (*u^{tia}, ut^{evia}*) leaves sb in peace
See (*ga*)*mo*~, *še(mo)*~, *ča(mo)*~, *c'a(mo)*~.

В примере (52) *davut^{ie}*, видимо, следует перевести как ‘набросился я на нее/разозлился я на нее’.

maxelebs [*m-a-xel-eb-s*]

Это форма 3Sg презенса, так что достаточно просто убрать показатель 1Sg объекта *m-*. Вот словарная статья формы *axelebs*:

axelebs (*gaaxela, gauxelebia*) drives sb mad.

Тем самым, *t^handat^han maxelebs* ‘он постепенно сводит меня с ума’.

šemotexarža [*šemo-m-e-xarž-a*]

Начну с того, что в словаре Райфилда есть статья *šemo-*, в которой, кроме традиционно выделяемых пространственных значений, выделяется третье значение этой приставки — обозначение непроизвольного/невольного/незаметного действия.

šemo-~ px marking 1 movement into/inside or up to 1/2p (hither, coming); 2 circular movement round sb/sth; 3 involuntary/unwitting/imperceptible action.

Корень *-xarž-* обозначает трату, *xaržav* ‘он тратит’. В форме *šemo-m-e-xarž-a* имеется показатель 1Sg субъекта *m-*, чтобы получить словарную форму, его надо убрать; глагол стоит в прошедшем времени, надо образовать форму будущего времени — *šemo-e-xarž-eb-a*. Вот словарная статья этого глагола:

šemoexaržeba (*šemoexarža, šemoxaržvia*) 1 sb's sth will be (carelessly/unintentionally) wasted/expended; 2 (efforts etc) will be wasted on sb (1/2p).

Таким образом, *šemotexarža* буквально значит ‘у меня невольно потратилось’; семантика ‘но я этого не хотел’ вытекает из компонента ‘невольно’, а все остальное (‘и теперь жду, что вы с пониманием отнесетесь к этому факту’), хотя и является, на мой взгляд, некоторым художественным преувеличением, — из пассивной формы глагола, ср. русские предложе-

ния Я немного опоздал и Я немного припозднился, Я потратил все деньги и Я подрастратился.

4. ВЫВОДЫ И МЕЧТЫ

Итак, что же могло бы облегчить начинающему знакомство с грузинским языком?

Во-первых, разделение глагольной парадигмы, традиционно объединяющей словоформы НСВ и СВ, на две лексемы. И конечно, отдельными лексемами следует считать разные приставочные дериваты глагола. Это позволяет сделать парадигму менее громоздкой и избавляет от дублетных вариантов (с приставкой и без нее) для конъюнктива и многих форм индикатива (в аористе, перфекте, плюсквамперфекте), как это имеет место, например, в [Makharoblidze 2012].

Во-вторых, более простое изложение грамматики. Выделение форм НСВ и СВ в две разные лексемы позволяет существенно упростить описание системы времен и наклонений. При таком подходе у глагола выделяется пять наклонений (индикатив, конъюнктив, кондиционалис, императив и оптатив). У глаголов НСВ в индикативе различается пять времен (презенс, имперфект, аорист, перфект и плюсквамперфект), а у глаголов СВ — четыре (футурум, аорист, перфект и плюсквамперфект). У глаголов НСВ в конъюнктиве различаются презенс и претерит, у глаголов СВ — футурум и претерит.

Формы с отрицанием *ar* вполне естественно считать оптативом, а не императивом. То, что оптатив с отрицанием имеет значение категорического запрета и семантически сближается с отрицанием императива, ничему не противоречит, семантика оптатива легко допускает такую интерпретацию — ‘да/пусть не сделаешь’ как раз означает запрещение некоторого действия: ‘не смей делать’.

Хочу заметить, что такая система грамматических категорий никак не препятствует введению понятия серий, удобного для описания формообразования и синтаксических свойств глагола, см. Табл. 6 (стр. 482).

В-третьих, принципиально отличная от традиционной организация словаря. Применительно к представлению глагола в словаре преимущества разделения глагола на лексемы СВ и НСВ настолько неоспоримы, что не нуждаются в комментариях. Кроме того, в качестве словарного представления следует использовать словоформу 3Sg презенса/футурума, указывая при ней формы аориста и перфекта индикатива, необходимые для построения полной парадигмы, как это сделано в [Rayfield 2006]. Наличие

грузинско-английского словаря не решает проблемы для русскоязычного читателя, поскольку, во-первых, не все знают английский язык в достаточной для понимания семантических нюансов степени, во-вторых, использование языка-посредника может довольно сильно искажить значение исходного слова.

Серия	Формы
1	Индикатив: презенс/футурум, имперфект
	Конъюнктив: презенс/футурум
	Кондиционалис
2	Индикатив: аорист
	Оптатив
3	Индикатив: перфект, плюсквамперфект
	Конъюнктив: претерит

Табл. 6. Три серии грузинского глагола

В идеале хотелось бы иметь грамматический словарь грузинского глагола, в котором при каждой лексеме имелся бы грамматический индекс, отсылающий к таблицам, позволяющим строить полную ее парадигму. Но на сегодняшний день это, увы, только мечты.²¹

ЛИТЕРАТУРА

- ГРС 1990 — Грузинско-русский словарь / сост. Г. С. Ахвledиани, В. Т. Топуриа. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Тбилиси : Ганатлеба, 1990.
- НКГЯ — Национальный корпус грузинского языка (на груз. яз.). — URL: <http://gnc.gov.ge/gnc/page?page-id=gnc-main-page>.
- Поливанова 1975/2008 — Поливанова А. К. К вопросу о так называемых чистовидовых приставках // Вопросы информационной теории и практики. — 1975. — № 27. — Цитируется по изд.: Поливанова А. К. Общее и русское языкознание. Избранные работы. — М.: РГГУ, 2008. — С. 23–38.
- Руденко Б. Т. Грамматика грузинского языка. — М.–Л. : Изд. АН СССР, 1940.

²¹ Когда работа над статьей практически закончилась, я узнала о книге *Abuladze L., Ludden A. Lehrbuch der georgischen Sprache*. — Hamburg : Helmut Buske Verlag, 2018. К сожалению, в ее размещенном в интернете варианте свободного доступа к разделу о глаголе нет, но, судя по оглавлению, концепция авторов в отношении грамматических категорий глагола близка к моей.

- ТСГЯ — Толковый словарь грузинского языка в 8 томах / Под общ. ред. Арн. Чикобава (на груз. яз.). — Тбилиси : Изд. АН ГССР ; Мециниереба, 1950–1964. — URL: <http://ena.ge/explanatory-online>.
- Цулейскири В. Г., Чанишвили П. Г.* Самоучитель грузинского языка. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Сухуми : Абгиз, 1951.
- Aronson H. I.* Georgian. A Reading Grammar. — Bloomington : Slavica Publishers, 1990.
- Campbell L.* Georgian Verbs Comprehensive / Ed. by R. Shavladze. — URL: https://issuu.com/terrazi/docs/g_rc_ce_filler_geni_kapsaml_.
- Hewitt G.* Georgian. A Learner's Grammar. — Taylor & Francis e-Library, 2005.
- Hillery P. J.* Georgian. The Kartvelian literary language. — Pontypridd : Languages Information Centre, 1994. — URL: <https://web.archive.org/web/20120915092907/http://www.armazi.com/georgian/>.
- Makharoblidze T.* The Georgian Verb. — München : LINCOM, 2012.
- Rayfield Donald et al.* A Comprehensive Georgian-English Dictionary. — London : Garnett Press, 2006.

ЧАСТЬ II
МЕМУАРЫ

А. К. Поливанова за работой
Шарж А. А. Касьян

М. М. Булас, М. А. Кронгауз

ПОПЫТКА ОПРАВДАНИЯ

Так получилось, что мы знаем Анну Константиновну практически всю жизнь. Точнее, всю ту жизнь, которая началась с поступления в университет. Надо сразу сказать, что это была другая жизнь. И самым другим человеком в этой университетской жизни была Анна Константиновна Поливанова. Она приходила в аудиторию, садилась на стол, закуривала папиросу и, болтая ногами, начинала с нами разговаривать. Разговор был самый что ни на есть простой, но в то же время о самом что ни на есть высоком: о жизни, науке и смысле существования.

Возведенное и простое сопрягались в ее речи с помощью метафор, самой мощной среди которых была метафора супа. Она годилась почти для всего и почти всегда. Но ведь действительно: заниматься наукой это как суп варить. Почему? К сожалению, деталей мы сейчас уже не помним, но звучало все это очень убедительно.

Во время беседы мы чувствовали необычайный подъем, потому что говорили о самом главном. О чем? К сожалению, еще одним свойством этих разговоров было то, что их нельзя было повторить. Если кто-то спрашивал, о чем была какая-то из ее лекций, ты понимал, что не можешь ничего толком сформулировать. Она была обо всем и ни о чем.

Проблемы, как правило, возникали с домашними заданиями. Вроде ты все понял и даже что-то записал, но когда пришел домой, то увидел нечто вроде «к следующему разу описать глагольную систему русского языка». Потом оказалось, что никто домашнего задания не сделал. Возникало чувство глубокой лингвистической вины, странным образом сочетавшееся с какой-то особой гордостью: ведь она верила, что ты мог к следующему занятию решить задачу, которую до сих пор никто не решил, а ты

по безалаберности не собрался. Эта идея, возможно, ошибочная, что ты в принципе можешь решить любую задачу, в том числе ту, что лингвистические мудрецы обсуждают веками, стала одной из главных, как теперь принято говорить, компетенций, привитых нам АК на ОСиПЛе.

Уже после старославянского АК не захотела с нами расставаться и объявила какой-то славистический курс, в рамках которого было решено учить чешский язык. А потом, кажется, и другие славянские языки. С чешским все происходило очень увлекательно. Мы закупили детские книжки и большой двухтомный чешско-русский словарь с грамматическим очерком. До сих пор где-то стоит на полках.

И начали читать. Собственно, это был метод Зализняка, хорошо известный нам по его курсам, но с небольшими отличиями, вся прелест которых открылась нам немного позднее. Андрей Анатольевич вел студентов за собой, демонстрируя им сложные и красивые места в тексте, комментируя грамматические изыски и создавая иллюзию овладения материалом и языком в целом. Анна Константиновна за собой не вела, а наоборот, часто отдавала инициативу студентам, и мы вместе барахтались в непонятной грамматике и лексике. Как выяснилось позднее, — об этом нам потом рассказала сама АК, когда мы уже вышли из режима «преподаватель-студенты», — Анна Константиновна не знала чешского языка и учila его вместе с нами, опережая нас примерно на один шаг. То есть она готовилась к занятию, прочитывала кусок текста и переводила его, чтобы затем на занятии еще раз разобрать его вместе с нами, возможно, что-то изменив или улучшив. Чем это было для нее: авантюрией или преподавательским подвигом? А для нас: бессмысленным времяпрепровождением или становлением лингвистического характера?

Чешский язык мы, конечно, не выучили. Но, во-первых, овладели методом самостоятельного лингвистического исследования, а во-вторых, поняли, что чешский язык мы изучить сможем, — если, конечно, по-настоящему захотим.

Иначе говоря, АК создавала у нас ощущение всемогущества, до достижения которого оставалась самая малость — попытаться что-то сделать до конца. Впрочем, это наверняка касалось не всех. Ведь от ощущения нереализованного всемогущества до ощущения полного бессилия всего один шаг.

Надо признать, что разброс студенческих мнений об Анне Константиновне был чрезвычайно велик: одни ее боготворили, а другие откровенно не любили. Первых мы понимаем, но и у последних причины были. При всей кажущейся демократичности АК устанавливала очень жесткую иерархию и студентов, и отношений с ними. На самом деле, она совершенно

не хотела тратить время на тех, кто был ей неинтересен. И не скрывала этого. Ее классический экзамен строился так. Составлялось расписание, в котором на каждую группу студентов отводилось какое-то время. Первые заходы (экзамен, скажем, начинался в час дня) были покороче, студентов было побольше, а оценки были пониже. Дальше студентов становилось поменьше, а время разговора с ними увеличивалось. И только совсем к вечеру приглашались немногие любимые, беседа с которыми вообще не ограничивалась. Бывало, что уходили в час ночи с ощущением сделанного большого дела и причастности к чему-то настоящему. В этом не было справедливости, но была избранность, вхождение в круг своих.

И здесь возникает еще одна важная метафора — походная. Мы уже писали об этом к 80-летию Зализняка («Фактор Зализняка», Троицкий вариант). Метафору похода предложила Анна Константиновна, говоря о новом взгляде на язык и новом подходе к его изучению и намекая, что кого-то из нас могут позвать в этот поход. Разговоры эти были не вполне определены, ноказалось, что сама АК даже и не собирается идти в этот поход, а просто готовит достойных походников, отбирает их и объясняет им, как себя надо вести в пути. Этот метафорический поход, как ни странно, имел и реальные прототипы. Мы учились в университете в конце 70-х и уже студентами ходили в так называемые лингвистические походы — короткие подмосковные вылазки, в которых участвовали десятки человек. Впереди обычно шел кто-то знающий маршрут, а все остальные вытягивались в длиннейшую цепочку, в середине которой возникали стуки людей, окружавших кого-то из великих. Часто это был Игорь Александрович Мельчук. Так что метафора возникла не на пустом месте (как, можно не сомневаться, и метафора супа).

Подготовка к походу, в частности, заключалась и в особой настройке души и разума. Если говорить совсем грубо, то в зачистке мозга. На первых занятиях поразило то, как подвергалось сомнению все, что казалось неизыблемым. В каждой фразе оказывались неточными одно или несколько слов. Бесконечное «скажите точнее» раздражало, требовало постоянного самоконтроля, но в то же время было замечательной тренировкой. Сегодня курсы критического мышления входят в программы лучших университетов мира. Мы получили это от Анны Константиновны тогда, когда у этого еще не было названия. Это было нелегким испытанием, и мы были не лучшими учениками. Чтобы преодолеть его, надо было в какой-то момент отказаться от бесконечного стремления к совершенству.

Вообще на ОСиПЛе нас учили замечательные учёные. Достаточно назвать Андрея Анатольевича Зализняка, Александра Евгеньевича Кибрика, Юрия Ивановича Манина, Владимира Андреевича Успенского... Но та-

кого прямого влияния, как АК, не оказал на нас никто. И она будет первой, чье имя мы не задумываясь назовем в ответ на вопрос об учителях. А вот если задуматься, то кажется, что слово «учитель» не самое точное. Она не столько учила нас, сколько воспитывала. И в научном смысле, и значительно шире. Жаль только, что в русском языке слово «воспитательница» вызывает исключительно детсадовские ассоциации. Но в детском саду важнее всего забота, а мы чувствовали ее искренний интерес к себе и свое ответное желание этот интерес оправдать.

И мы, говоря словами известного героя, хотя бы попытались.

Г. Е. Крейдлин

АННЕ КОНСТАНТИНОВНЕ К ЕЕ ЮБИЛЕЮ. НЕБОЛЬШОЕ ЭССЕ

Вы знаете, почему Анна Константиновна (Анютка) не играет в шахматы? А я знаю. Во-первых, ей претит всякое неравенство, будь то этническое или социальное. Почему белые должны ходить первыми и почему есть фигуры, а есть пешки? Короли и королевы (они же — ферзи) получают свое звание ни за что ни про что. Конечно, в жизни мы встречаем таких королей и королев, даже среди своих учителей, но они действительно Великие и Замечательные люди!

В шахматах все время надо ходить, а Анютка ходить не может, и не потому, что болеет, а потому что все время бегает. Иначе никуда не успеет. В шахматах цейтнот скорее исключение, чем правило, что-то необычное и непривычное, а в жизни Анны Константиновны цейтнот постоянен.

В шахматах то и дело кого-то едят, а Анютка может съесть только что-то, да и то редко, но кого-то...?! Это просто для нее невозможно! В шахматах игровые установки и планы постоянно меняются, а в жизни Анны Константиновны это допустимо лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Жизненная программа и жизненные принципы для нее — вещи гораздо более стабильные, чем шахматные планы.

В шахматной партии нет никакого аналога крепкой дружбы и веры в людей, а мы жизни Анюты без этого представить себе не можем. Она — не тренер и не консультант, она Учитель и помощник, равно белым и черным.

Поэтому, дорогая Анютка, играй лучше в «дочки-матери», это ты умеешь и любишь. И пусть эта твоя игра продолжается как можно дольше!

А. П. Лычагина

ОБ АНЮТОЧКЕ

Во всех латышах есть что-то латышское.

А. К. Поливанова

Поскольку первое падение редуцированных привело меня в полный транс, а уж второе падение я расценила как полное безобразие, то понятно, что про науку я писать не буду. Напишу про нашу студенческую жизнь и про то, как жилось в семействе Поливановых.

Учились мы на Моховой, в том корпусе, где в углах стоят и думают свою тяжкую думу Герцен с Огаревым. Курили на черной лестнице. Дым стоял коромыслом. При нас ввели расписание с укороченным академическим часом и ликвидировали перерыв, т. е. одна лекция занимала 1 час 20 минут. Те, кто жил в общежитии, доезжали с Моховой очень быстро, за каких-то полчаса, поскольку от Моховой до нового университета, а значит и до общежития, ходил автобус-экспресс III, он по пути делал всего две или три остановки.

Наш курс учился в 1962–1967 годах. Вообще все было замечательно. Раздевалка на факультете была, но у нас образовалась привычка сваливать пальто в коридоре или в аудитории, поскольку во время перерыва в коридор факультета высыпало такое количество народу, что до раздевалки ну никак было не добраться. Однажды из такой наваленной кучи у АК украли портфель, в котором была какая-то книга, ее нужно было отдать владельцу. Найти такую оказалось делом нелегким, но выполнимым.

Иногда среди всей этой коридорной суэты пробирались пятеро наших старшекурсников, были они застенчивы и на вид очень умные...

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШИХАНОВИЧ

На вступительных экзаменах ЮА был безжалостен. Поставил так много двоек даже золотым медалистам, что родители этих самых медалистов написали на него телегу замдекана по учебной работе Зозуле, который распорядился отобрать тех абитуриентов, у кого в аттестатах по математике были пятерки и устроить им второй экзамен, но с другим экзаменатором. Человек по фамилии Милославский из приемной комиссии подошел ко мне потом в коридоре и спросил, не хочу ли я снова сдать экзамен. По некоторым причинам я не wollte. Но были и такие, что согласились, они пересдали, и их приняли на наше отделение ОСиПЛ. Я знаю двоих, которых приняли после переэкзаменовки, и они успешно получили дипломы. И выходит, что ЮА не всегда был прав, когда оценивал качество знаний с одного раза. На нашем курсе учился Женя Гаврюшин, который никак не мог сдать математику Шихановичу и посему не получал стипендию. Жил в общежитии, из дома не имел никакой поддержки и выживал при помощи бесплатного киселя и хлеба, опять же бесплатного. При всем этом не переставал думать, как бы ему построить континуальное множество вертикальных асимптот. Однако курс обучения закончил и диплом получил. Правда, был еще один вопрос: верна ли теорема Клини, но на это ответа не знал даже В. А. Успенский.

Юрий Александрович Шиханович нас мучил своей математикой: комбинаторика, матанализ, матлогика, алгебра, предзачеты и зачеты и еще экзамены. Обычно тот, кому выпадала «честь» сдавать предзачет, отправлялся около одиннадцати вечера на Центральный телеграф досдавать предзачет или зачет до положительного решения ЮА в том, что испытуемый понимает, что у него спрашивают. У ЮА всегда был с собой кусочек сахара и он давал тому, кто говорил, что хочет есть.

Каждое занятие ЮА всегда начиналось одним и тем же образом:

— Поднимите руку, кто *сделал* домашнее задание. — Теперь поднимите руку, кто *делал* домашнее задание, но не сделал его. — А теперь поднимите руку те, кто *не делал* домашнее задание.

Анюточка на первый вопрос всегда поднимала руку. Однажды что-то дернуло меня поднять руку на третий вопрос. Немедленно последовал следующий вопрос:

— А почему Вы не делали домашнее задание?
 — Смотрела кино две серии, — ответила я (ну и нахалка!)
 — Выйтите из аудитории.

Я вышла, пошла покурила. В перерыве Юрий Александрович подошел ко мне и сказал:

— Антонина Петровна, я подумал и решил, что не буду удалять из аудитории за такие ответы, но задавать этот вопрос буду.

С ним же была еще одна история, ну в точности по Булгакову про неснятие шапки. Тут же кто-то сказал, что женщины могут и не снимать в помещении головной убор. Здесь все кончилось благополучно. Однажды АК и я не пришли на занятие, что категорически не разрешалось (ежели кто заболевал, обязан был принести справку от врача). Мы же с ней ответили на вопрос о том, почему мы отсутствовали на прошлом занятии, что мы были в ресторане («Националь») — завтракали, официантке стало плохо, и мы не успели рассчитаться.

— Да, — сказал ЮА, — это уважительная причина.

Короче, наврали. Уже много позже, через несколько лет, мы признались, что обманули его. Но к этому времени Юрий Александрович уж помягчал и не осудил нас. Позже оказалось, что он совсем хороший человек, его посадили в тюрьму. Там он работал на заводе, делал на станке какие-то детали, на этом станке отрубил себе палец. Как я понимаю, его посадили за связь с Сахаровым. Кажется, была какая-то амнистия, он написал прошение о помиловании, его выпустили. Про прошение о помиловании я сама его спрашивала.

У ПОЛИВАНОВОЙ ДОМА

В семье у Поливановых всегда было много детей и жили они всегда в больших квартирах. Мама — Маргарита Густавовна Шпет, была вторым ребенком в семье, где было пятеро детей. Философ Густав Шпет был ре-прессыирован в ежовщину и погиб в лагере. Папа — Константин Михайлович Поливанов, из какой семьи происходил, не знаю, но только когда он был молодым, то ходил в кружок молодых поэтов и учился писать стихи. Однажды он прочитал мне некоторое четверостишие, содержащее внутреннюю рифму, но по причине наличия в нем полуприличного слова, я его приводить здесь не буду.

Константин Михайлович был профессором, учил электротехнике студентов Московского Энергетического Института. У него был постоянный

соавтор по книгам А. В. Нетушил. Я произносила название этой пары «Поливанов Не тушил».

По роду своих занятий Константин Михайлович был связан с вычислительной техникой. Тогда только начинались вычислительные машины, никаких персональных компьютеров не было, ЭВМ представляли из себя огромные залы, стены которых были утыканы огромными электрическими лампами; если одна из них перегорала, то все, каюк, эта огромная конструкция не работала, нужно было вкручивать новую лампу. Потом такие машины были заменены на полупроводниковые. Полупроводник это ферритовое колечко, которое заменяло одну лампу и называлось «Bit». Тут я плавно перехожу к термину «Петля Гистерезиса». Я не понимаю до сих пор, что это такое. Константин Михайлович понимал.

У АК (или, как ее зовут дома и друзья, Анюты) был старший брат Миша и сестра Маша. К Маше приходило много друзей — студентов Гнесинского института: пианисты, виолончелисты и даже был один контрабасист. Кстати, виолончелист был взят в нашу советскую армию, зачислен в музкоманду, но играл там на совсем другом инструменте, чуть ли не на барабане, сейчас забыла на каком. В результате, когда пришла пора учиться дальше, оказалось, что он должен очень много заниматься на своей виолончели, чтобы как-то вспомнить, чему же его учили ранее. Кончилось все очень печально, он, как говорят музыканты, «переиграл» руку, и с прежней специальностью было покончено.

Миша, брат, был физиком и занимался дисперсионным анализом. К нему друзья почему-то не приходили. Но он был уже женат и у него было двое детей — видимо, этого хватало для вполне занятой жизни. Потом Миша со всем своим семейством переехал в Протвино, где был ядерный реактор.

Однажды к АК пришла девочка с нашего курса Валя Самарина. Была она очень симпатичная блондинка с голубыми глазами. Глядя на дуршлаг, который был повешен над раковиной, а в нем был насыпан из заварочного чайника спитой чай, она спросила:

— А что это у вас?

Миша очень серьезно ей ответил:

— Да вот чай сушим, а потом снова завариваем.

Мы долго потом смеялись. Я к чему все это пишу про семью? Я хочу сказать, что нашей Анюточке было куда развиваться в этом интеллектуаль-

ном пространстве. Я тоже интеллектуально развивалась. Здесь меня научили читать «Архивредного писателя» (по определению В. И. Ленина) Достоевского, которого в СССР даже не издавали, читать книжки по генетике, печатать фотографии.

Кстати о курении. В этой семье курили все и всегда. Поскольку основное место сбора присутствующих гостей и хозяев было на кухне, то здесь же и курили. Анюта тоже курила. Мама очень ловко стряхивала пепел за спину, в раковину и даже не оборачивалась, чтобы посмотреть, попала или нет. Когда Конст. Мих. получил второй инфаркт, врачи запретили ему курить, и если кто-то из гостей пытался сесть так, чтобы дым сигареты не попал на него, то Конст. Мих. говорил:

— Курите, курите. Мне очень приятно, что дым попадает на меня. — (К гостям всегда обращались на Вы.)

Т. е. и речи не шло о пассивном курении. И вдруг я узнаю, что Анюта уже год как не курит. Что творится — Мать царица! Она родилась с беломорией в зубах, а тут курить бросила и уже год не курит, я в шоке!!!

В доме не было ни радио, ни телевизора. Зато каждый год на Рождество наряжали высоченную елку, готовили на Пасху пасху и красили яйца, вместо карт играли в «Маджонг» — игра, похожая на домино, но только более приятная на ощупь и на взгляд. В карты не играли — Маргарита Густавовна не разрешала, даже и заикаться не следовало.

Кстати, меня научили еще одной замечательной книге *Борьба с безумием*. Автор — Поль де Крюи (Крайф — иногда и так пишут). Прочитав ее, я поняла замечательную вещь, что микроб от грязи дохнет.

Была у Поливановых машина — зелененькая «Победа». Однажды нужно было куда-то ехать. Пошли заводить, смотрим, а колесо спущено, нужно его перебортовывать. Колесо сняли, две монтировки достали. Тогда колеса были с камерами. Засунули монтировки крест-накрест и стали на них прыгать, весу-то у нас двоих было не больше 100 килограммов. Возились около двух часов. Сделали, пошли домой кофе пить. Константин Михайлович нас похвалил, заметив при этом, что однажды, когда ему пришлось бортоваться, а он опаздывал на лекцию к студентам МЭИ, он сделал такую же работу за 20 минут. Ну тут уж все-все очень были довольны.

К данному тексту Смиренная игуменья Антонина Лычагина руку приложила. Февраль года 2020 от рождества Христова.

Р. С. Приходила в гости старшая сестра Маргариты Густавовны Ленора Густавовна (тоже курящая). Я запомнила ее высказывание: «Не важно, ка-

кой институт вы закончили, хоть театральный, важно чтобы образование было хорошим». У нас образование было хорошим, посудите сами, преподаватели: Зализняк А. А., Успенский В. А., Звегинцев В. А., Вентцель А. Д., Жинкин Н. И., Кибрик А. Е., Кузнецова А. И., Кузнецов П. С., Наташ Л. Н., Эрдели Н. Б., и даже наш мучитель Шиханович Ю. А. — он тоже был хорошим преподавателем.

К. М. Поливанов

А. П. Лычагина и К. М. Поливанов за шахматами

Научное издание

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ.
СВОРНИК СТАТЕЙ В ЧЕСТЬ 75-ЛЕТИЯ А. К. ПОЛИВАНОВОЙ
Под ред. А. В. Кейдана

Корректор: И. С. Пекунова
Макет и верстка: А. В. Кейдан

Подписано в печать 25 декабря 2020 г.
Формат 70×100/16. Бумага Anjala Lux-Cream
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг “Радуга”»
Тел.: (495) 161-77-78
<http://www.raduga-print.ru>

